

ТРУДЫ

**Белорусского
государственного
технологического
университета**

*Издается с июля 1993 года
Выходит один раз в год*

Серия V

**ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ**

ВЫПУСК XVII

Учредитель – учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом университета.

Главный редактор научного журнала «Труды БГТУ»
ректор, профессор И. М. Жарский

Редакционная коллегия:

- И. В. Полуян, проф. кафедры истории Беларуси и политологии, д-р ист. наук, проф. (главный редактор серии);
П. А. Водопьянов, зав. кафедрой философии и права, д-р филос. наук, проф. (зам. главного редактора серии);
Н. М. Забавский, проф. БГПУ имени Максима Танка, д-р ист. наук;
Л. Е. Земляков, проф. Академии управления при Президенте Республики Беларусь, д-р полит. наук;
Т. П. Короткая, проф. БГЭУ, д-р филос. наук;
А. Е. Михневич, проф. БГУ, д-р филол. наук;
Н. И. Мищенчук, чл.-кор. БелАО, проф. БрГУ имени А. С. Пушкина, д-р филол. наук;
С. В. Решетников, проф. Академии управления при Президенте Республики Беларусь, д-р полит. наук;
А. В. Посох, зав. кафедрой иностранных языков, канд. филол. наук, доц.;
В. М. Острога, доц. кафедры истории Беларуси и политологии, канд. ист. наук (секретарь)

В выпуск включены статьи, посвященные разным вопросам политологии, философии, истории Беларуси, права, филологии и педагогики.

На его страницах отражены проблемы экологической политики и экологического образования, события Первой мировой и Гражданской войн, развитие национальных отношений и культурного строительства в Советской Белоруссии, а также вопросы историографии, эмиграции и национально-освободительного движения в Западной Беларуси.

В статьях, посвященных проблемам философии и права, рассматриваются вопросы устойчивого развития, глобального эволюционизма, модернизации, национально-культурной самоидентификации, защиты интеллектуальной собственности, правового регулирования государственной молодежной политики и т. д.

Найдут своего читателя и статьи, посвященные разным вопросам языкознания и литературоведения, проблемам воспитания студенческой молодежи.

В материалах сборника отражено авторское видение тех или иных проблем, и уже по этой причине не все из приведенных выводов могут рассматриваться как бесспорные.

Статьи поступили в редакцию 03.04.2009 г.

УДК 502.1(100)

И. В. Полуян, профессор

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Ecological threat is so great and serious that may be compared to dangers of the nuclear war. The main task of the ecological policy is to eliminate this threat. Before modern man faces a variety of global problems, to cope with which he can not. The main objective of environmental policy – to eliminate this threat. This article addresses these global issues.

Введение. Экология (греч. *oikos* – дом, жилище, родина + *logos* – учение) – это наука, одна из биологических дисциплин, изучающая взаимоотношения живых организмов и окружающей среды. Естественно, к этим взаимоотношениям относятся все производные от данного понятия, в том числе и экологическая политика.

Основная часть. Экологическая угроза ныне столь велика, что с полным основанием может быть поставлена рядом с опасностью ядерной войны. В условиях современного глобального финансово-экономического и духовного кризиса ситуация в этой области еще более обострилась и приблизилась к критической отметке. Главным виновником нарастающей экологической опасности является сам человек, прежде всего его во многом нерациональная, неразумная хозяйственная деятельность.

Из примерно 600 млрд. т ежегодно извлекаемых из недр Земли различных пород только 1–2% приобретают форму конечного, потребляемого продукта. Остальные свыше 580 млрд. т уходят в многочисленные горы-отвалы. Разбросанные по всей поверхности земной суши, они только уродуют планету, являются памятниками не цивилизованности, а беспомощности и бесхозяйственности современного человечества.

Однако настоящими монументами всей истории человечества являются современные мусорные свалки, отравляющие окружающую природу. Горы их растут ежедневно, и человечество пока не нашло рациональную технологию их утилизации.

В атмосферу Земли ежегодно выбрасывается 250 млн. т пыли, около 70 млн. м³ газа, примерно 145 млн. т двуокиси серы, 1 млн. т соединений свинца, десятки тысяч тонн фтористых и хлористых соединений. В результате не только загрязняется воздух, но снижается прозрачность атмосферы, создается экран для солнечной радиации.

Одновременно нарастает загрязнение водоемов сточными водами. Ежегодно 160 км³ промышленных стоков загрязняют 4000 км³ речной

и озерной воды в самых населенных регионах. Между тем, пресная вода, которая в первую очередь необходима человеку, составляет лишь 2% гидросферы и распределяется по Земному шару крайне неравномерно. К тому же 3/4 ее сковано могучими ледниками [1]. Отметим также, что человек в течение своей жизни в среднем пропускает через себя примерно 30 т воды.

Сточной ямой планеты стал мировой океан. Со стоков суши в него ежегодно поступает около 14 млн. т нефти, плюс к тому до 90 млн. т нефтепродуктов выпадает из атмосферы. А ведь мировой океан – это не только «большая вода», но и легкие планеты, и огромный завод пищи для людей, и всеохватывающая транспортная артерия, и незаменимый терморегулятор. Но самый страшный вид отбросов – это идущие на свалку человеческие жизни, число которых по мере нарастания не только социального, но и экологического кризиса неуклонно увеличивается.

Большую опасность для жизни на планете таит в себе уничтожение лесов, особенно тропических дождевых, где обитает не менее половины известных науке видов живых организмов, не способных существовать ни в какой иной среде. В то же время в мире ежегодно вырубке подвергаются многие тысячи километров квадратных лесов. В конце Второй мировой войны 40% территории Эфиопии было покрыто лесами, а через 50 лет их осталось менее 1%. Безжалостно уничтожаются дождевые леса Амазонии. А ведь леса наряду с мировым океаном являются легкими планеты. Подсчитано, что один гектар здорового леса поглощает за год около 6 т углекислого газа и выделяет свыше 5 т кислорода, достаточного для обеспечения жизнедеятельности целого поселка [2].

Нельзя забывать, что сам человек представляет собой сложнейшую биохимическую фабрику, в которой протекают тысячи химических реакций. Для его существования требуется немало природных ресурсов, в том числе и кислород.

Ни золото, ни алмазы, ни нефть не спасут нас от экологической катастрофы. Это может сделать только лес – наш преданный и безответный зеленый друг. Он ждет нашей защиты – не словесной, а реальной, практической. Лес рук в защиту окружающей среды не стоит одного посаженного деревца.

Между тем бездумное уничтожение окружающей среды продолжается, несмотря на очевидную опасность нескончаемых усилий вывести Землю из равновесия. Очевидно и то, что сами по себе эти проблемы не решаются. Но подлинные перемены возможны только тогда, когда человек, их желающий, начнет с самого себя. Пока же он к этому не готов, он страдает невосприимчивостью к экологическим проблемам. И наша планета не выздоровеет, пока человек остается больным.

Воздействие человека на природу достигло планетарных масштабов. Все знают об «озоновых дырах», надвигающемся потеплении климата в результате развития парникового эффекта, кислотных дождях, высоких темпах истощения почв, гибели многих видов животного и растительного мира.

Много лет международная Комиссия службы выживания, которую чаще называют Комиссией по редким и исчезающим видам, работала над составлением Красной книги природы. Одновременно она составила «черный список» тех видов животного и растительного мира, что исчезли с лица земли. Начиная с 1600 г. безвозвратно исчезло 63 вида млекопитающих и 94 вида птиц. Существующие виды животных и растений исчезают в наше время в тысячу раз быстрее, чем в какой-либо другой период истории.

Сегодня очевидно, что равновесие биосферных процессов, нарушаемое хозяйственной деятельностью человека, восстанавливается очень медленно, биосфера работает на пределе. На этой основе возникают глубокие негативные сдвиги в физическом состоянии человеческого организма, на него наступают новые болезни.

Таким образом, агрессивное вторжение человека в мир природы приводит к снижению общей сопротивляемости не только природной среды, но и самого человеческого организма, нарушениям экологического равновесия. Особенно широкие масштабы приняло такое вторжение в условиях так называемой индустриальной цивилизации. По некоторым расчетам, за последние 150 лет, на которые приходится наибольший «расцвет» индустрии, природе был нанесен больший урон, чем за всю предыдущую историю человеческого рода (не менее 2 млн. лет). Только за период с 1930-х по 1990-е гг. мировое производство органических химических продуктов, приносящих немалый ущерб окружающей среде, возросло с 1 млн. до 500 млн. т. Ныне оно удваивается практически каждые 7–8 лет.

Сложившуюся ситуацию известный американский государственный деятель и бывший вице-президент США А. Гор именует «пеной бешенства индустриальной цивилизации» [3]. Человечество не должно переходить границы, за которыми нарушается саморегуляция биосферы – таков основной вывод из сложившейся экологической ситуации.

Не случайно на посвященной этой проблематике Конференции ООН в Рио-де-Жанейро (Бразилия), состоявшейся летом 1992 г. на уровне глав государств и правительств, было заявлено: «Так дальше жить нельзя» – применительно не к одной стране, а к миру в целом. Конференция обратилась к государствам мира с призывом сократить загрязнение окружающей среды хотя бы до уровня 1991 г. Удивительно, но факт: лишь делегация США открыто заявила, что ее страна пойти на такой шаг не может, поскольку это потребует дополнительных затрат на очистные сооружения и приведет к сокращению прибыли американских корпораций.

Через 5 лет, в 1997 г. в японском г. Киото состоялась аналогичная международная конференция. В принятом протоколе она вновь призвала государства уменьшить загрязнение среды обитания, и вновь США ответили отказом с той же мотивировкой. Значит прибыль – превыше всего и любой ценой, а после нас – хоть потоп. А ведь на долю США приходится четверть мирового загрязнения окружающей среды, а по газам, формирующим тепловой эффект, даже треть.

Экологическая ситуация и в мире в целом, и в нашей республике является исключительно сложной. Мир стал заложником многих своих научно-технических достижений и нерациональной хозяйственной деятельности. Агрессивное вторжение человека в окружающую среду чревато губительными последствиями для земной цивилизации. Фактически идет война между вооруженным по последнему слову науки и техники человеком и совершенно безоружной природой, – война миров. Вспомним войну миров по Герберту Уэллсу. Там все закончилось, так сказать, на оптимистической ноте. Страшных пришельцев победили. Правда, не люди, а земные микроорганизмы. Помогут ли они человеку сегодня? Думается, нет: ведь человек ведет сейчас войну практически со всей природой, включая и микроорганизмы.

Если дело и дальше пойдет так, то человек познает-таки не библейский, мифический, а подлинный конец света. Правда, в отличие от скоротечной гибели всего живого в случае ядерной войны, в данном случае произойдет медленное угасание биосферы.

Единственный выход из сложившейся ситуации – прекращение этой неразумной самоубийственной войны и поиск оптимального

взаимодействия эко- и биосистем на основе выработки научно обоснованных путей и способов обеспечения такого взаимодействия. Другого просто не дано. В противном случае уже в недалеком будущем наступит всеобщая экологическая катастрофа. Она как Дамоклов меч повисла над человеческой цивилизацией.

Поиск такого решения и составляет главную задачу экологической политики как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом. Такую политику можно определить как целенаправленную деятельность по регулированию и оптимизации взаимоотношений между человеком и природой.

Угроза экологической катастрофы, с одной стороны, дефицит природных ресурсов, тормозящий воспроизводство общественного богатства – с другой, обусловили политизацию экологической проблемы, резко повысили ответственность человека за последствия своей деятельности.

Утилитарное отношение к природе отрицательно сказывается на здоровье людей, их благосостоянии и быте, их физическом и духовном развитии. В результате такого понимания вначале появились «экологические забастовки», а затем и новые политические партии и движения: «зеленых», «альтернативных», «друзей Земли» и т. д.

Экологические катаклизмы не являются неизбежным следствием научно-технического прогресса. Более того, прогресс науки и техники, направленный на решение экологических проблем, способен решить многие из них и сохранить для будущих поколений здоровую и привлекательную природную среду.

Экологический императив (повеление, настоятельное требование) побуждает человечество мыслить и работать по-новому. В плане экологической политики он предполагает в качестве исходной позиции учет достижений современной науки, рассматривающей человека, общество и окружающую среду как единую систему.

Необходимо иметь в виду, что защита человека и человечества от продуктов и результатов их деятельности, т. е. от самого себя, – это проблема не только и не столько экологическая и экономическая, сколько прежде всего политическая. Следовательно, она требует адекватного к себе политического отношения.

Масштабы и сложность глобальных проблем предполагают всестороннее, активное и безусловно эффективное международное сотрудничество в их решении. Национальных усилий здесь

недостаточно, требуются скоординированные усилия мирового сообщества в целом.

Человечество представляет собой совокупность различных стран и народов. У них разные цели и национальные интересы, но общий дом – единственная в своем роде в обозримом космическом пространстве планета Земля. И общая альтернатива – сохранить мирную жизнь на этой планете, обеспечить человечеству путь к благополучию и прогрессу. Оптимизм вселяет уже то обстоятельство, что подавляющее большинство человечества выражает заинтересованность в разумном решении экологических проблем.

С сожалением приходится констатировать, что в современном мире существуют немало противоречий, которые мешают такому решению глобальных проблем. Главная наша беда, аккумулирующая все сказанное на сей счет выше, как представляется, состоит в том, что пока мы не умеем любить свою Землю так, как она любит нас – по-матерински безответно. Не сыны мы и не дочери ее, а батраки наемные, бездумно выполняющие любой приказ (по уничтожению природы), лишь бы деньги платили. Человек страдает опасной противоэкологической болезнью. И Земля, среда нашего обитания, не выздоровеет, пока человек остается больным. Человека нередко величают венцом природы. В определенном смысле это так. Но нельзя не видеть и того, что он (человек) пока остается и ее могильщиком. Каждому из нас следует прочно усвоить простую истину: природа у тебя одна и ты у нее один. Наше спасение – в наших руках [4].

Заключение. Таким образом, перед современным человеком стоит целый ряд глобальных проблем, справиться с которыми он пока не может. В результате ситуация в этой области с каждым годом становится все более сложной. Главной причиной такого положения является, как представляется, то, что человечество, и прежде всего его властные структуры, пока не осознают всей сложности и опасности такой ситуации.

Литература

1. Шпадарук, И. П. Занимательная мозаика / И. П. Шпадарук. – Минск, 1992. – С. 143.
2. Гирусов, Э. В. Экология и экономика природопользования / Э. В. Гирусов, С. Н. Бобылев. – М.: ЮНИТИ Единство, 2002. – 520 с.
3. Гор, Э. Земля на чаше весов / Э. Гор. – М., 1993. – С. 242.
4. Полуян, И. В. Политология: учеб. пособие для техн. вузов / И. В. Полуян. – Минск: БГТУ, 2005. – С. 322.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БССР В 1920–30-Е ГГ.

The article shows the importance of assessing the state of national relations in a country, especially in such a multinational state as Belarus. It analyzes the state policy of solving national problems beginning from October 1917. It also dwells upon the process of improvement of relations between nations, describes positive and negative trends in this direction and outlines transformations in the national policy in the period of socialism and as a result of changes in international relations.

Введение. Среди широкого круга социально-экономических задач, стоящих перед обществом, существенное место занимает совершенствование национальных отношений в стране. Нерешенность политических, социально-экономических проблем может спровоцировать национальные конфликты. Проведение различного рода преобразований без должного учета специфики исторических, экономических, социальных условий, национальных традиций также ведет к дестабилизации положения.

Основная часть. После Октября 1917 г. был взят курс на повышение социального статуса угнетенных в экономическом и культурном плане «нетитульных» народов России, началось национально-государственное строительство на окраинах государства.

В годы гражданской войны и иностранной интервенции на территории Беларуси, которая входила с начала 1919 г. в состав БССР и РСФСР, было провозглашено свободное развитие всех этнических общностей региона. В БССР (ЛитБел ССР) начала создаваться своя законодательная база по регулированию национальных отношений. В Манифесте временного правительства БССР (01.01.1919 г.) отмечалось: «Рабочие, крестьяне и вообще трудящиеся всех национальностей пользуются равными правами и находятся под защитой революционных законов» [1].

В Конституции БССР 1919 г. также декларировалось равноправие всех народов, запрет «каких-либо привилегий или преимуществ... а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств» [2]. Правительство ЛитБел ССР 21 марта 1919 г. приняло специальный декрет «О правах национальностей», где отмечалось, что «все национальности Литовско-Белорусской Республики уравниваются в своих правах... Пять языков – литовский, польский, еврейский, русский и белорусский считаются общегосударственными языками» [3].

Очевидно, что советские органы власти понимали, насколько важной являлась в столь сложный момент (гражданская война и иностранная интервенция) задача регулирования межнациональных отношений в белорусском регионе. Большое влияние на характер этих отношений оказывал социальный фактор, который находил свое реальное выражение в прово-

кациях на религиозной почве. Православные по вероисповеданию и преимущественно малоземельные крестьяне-белорусы негативно относились к богатым латышским и польским крестьянам, представителям еврейской буржуазии, которых рассматривали как иноверцев и на этой основе обвиняли в своих проблемах.

Такой же характер носили и отношения между белорусами, поляками, латышами, евреями и другими народами с одной стороны и представителями «великорусской» этнической общности с другой. Это было связано с дискриминационной политикой царизма по отношению к национальным меньшинствам. X съезд РКП(б) взял курс на фактическое выравнивание положения национальных меньшинств в политической, социально-экономической и культурной жизни.

На реализацию этой цели в Беларуси удачно сработала политика «белорусизации», в рамках которой создавалась система руководства национальными местными (коренными) кадрами, осуществлялось культурное возрождение региона, а также происходило преодоление неравенства между окраинами и центром России в экономическом плане.

Такая политика позволила на тот период предупредить и частично решить возникающие конфликты на этнической почве. Вместе с тем в 1920–30-е гг. были заложены и предпосылки современных этнических недовольств, которые проявились на постсоветском пространстве. Это совпадение структуры властных отношений с национально-административным делением, которое предусматривало иерархию этнических «большинства» и «меньшинства», что привело к отождествлению центральной власти с властью русских, а республиканской власти – с властью титульного народа.

На пути реализации поставленных задач в области национальной политики наряду с осуществлением конкретных шагов по фактическому выравниванию положения этнических общностей в сфере общественно-политической жизни была разработана целая система мероприятий в области духовного развития, направленная на формирование социалистического сознания у представителей национальных меньшинств. Это являлось важнейшим направлением национальной политики советской власти, реализация

которого способствовала воспитанию людей, преданных идеям социализма.

Само собой разумеется, что на службу поставленной задаче была привлечена культура. Образование, общественные науки, система политического просвещения, литература, искусство, театр становятся действенными средствами воспитательного воздействия советской власти на массы людей; определяется тематика для творческой деятельности работников искусства; преподавателям курсов по ликвидации неграмотности вменяется в обязанность преподавание на родном языке коммунистической «политграмоты» местному населению; работа средств массовой информации – печать, радиовещание, кино – ставились под контроль государства.

Для осуществления поставленных широкомасштабных задач, безусловно, требовались квалифицированные, верные идеалам социализма, и, предпочтительно, местные кадры. Эту проблему призваны были решить создающиеся высшие, средние специальные учебные заведения, профессионально-технические училища. В результате сформировалась достаточно большая прослойка высококвалифицированных рабочих, инженеров, других специалистов народного хозяйства, научных сотрудников, которые сыграли важную роль в процессе переустройства республики.

Советско-партийные школы готовили партийных и советских работников, владеющих родным языком, знающих историю, географию, культуру, особенности быта населения и довольно активно работающих на местах. Формирующаяся советская интеллигенция также должна была быть проводником идей партии.

Выравнивание уровней экономического развития предполагало создание промышленности в регионах. Так как первоначально своих местных квалифицированных кадров не хватало, то значительный вклад в этот процесс внесли русские специалисты. Это благоприятно влияло на преодоление недоверия представителей других национальностей к великороссам.

На XII съезде РКП(б) была объявлена борьба с национальным уклоном, но до конца 1920-х гг. главной «опасностью» на национальном фронте являлся «великодержавный шовинизм».

Таким образом, мероприятия советской власти 1920-х гг. можно охарактеризовать как целенаправленную политику, которая должна была обеспечить советизацию местного населения, фактическое выравнивание всех этнических общностей СССР в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни и, в конечном счете, создать предпосылки для «слияния народов в одну общую социалистическую и по форме, и по содержанию культуру с одним общим языком» [4].

Январский 1925 г. Пленум ЦК КП(б)Б отметил особенности национального вопроса в Беларуси, которые заключались в хозяйственной и культурной отсталости, переплетении национальных и социальных противоречий, вызванных очень резким, в сравнении с другими республиками, отделением города от деревни. Низкий удельный вес пролетариата в БССР являлся для большевиков большой проблемой в решении национального вопроса. Это связано с тем, что деревня с ее традиционным укладом довольно сложно воспринимала социальные и национальные предложения партии, а новая идеология лучше приживалась в индустриальном городе. Чтобы ускорить советизацию сельского населения, Пленумом ставилась задача проводить агитационно-пропагандистские кампании на родном языке доминирующей этнической общности.

Сразу после провозглашения основных направлений в области национальных отношений началась работа по разъяснению сущности национальной программы КП(б)Б в среде трудящихся. В рабочих и сельских клубах читались лекции на соответствующие темы, распространялись книги, плакаты, листовки на языках советских народов [5].

Культурно-языковая политика 1920-х гг. прямо и опосредованно могла решить несколько задач. Она должна была обеспечить стабильность многонационального государства. Через достижение фактического равенства всех этнических общностей в общественной жизни предполагалось ликвидировать дискриминацию нерусских народов и тем самым создать предпосылки для формирования пролетарского интернационализма и дружбы народов. Такая политика советской власти в отношении к местному населению должна была продемонстрировать позитивные стороны национальной политики в СССР «капиталистическому зарубежью», которое благодаря этому будет вовлечено в революционное движение. Школы и издания на родном языке должны были распространять капиталистическую идеологию в национальной среде, являться мощным средством советизации народов бывшей Российской империи. Только таким образом, по замыслам Коммунистической партии, можно было достигнуть окончательной цели национальной политики – консолидации и слияния национальных культур в одну общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире.

Основная цель Коммунистической партии в области национальных отношений в 1930-е гг. осталась прежней – советизация местного населения, консолидация народов советского государства в одну этническую общность. В отчетном докладе ЦК XVI съезду партии в 1930 г.

говорилось: «Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире» [6]. Однако средства по достижению поставленной задачи в феврале 1931 г. были сформулированы новые.

Выступая на очередной Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, Сталин заявил: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость» [7].

Формулирование идеи «социалистической Отчизны» позволило сузить пролетарско-всемирные рамки до реальных границ СССР, создать условия для формирования патриотического сознания советского человека, который мог бы защитить свое государство от врага в случае начала войны.

К тому же в октябре 1931 г. Сталин сделал ставку на «русское первенство» в мировом революционном движении. Утверждалось, что русский пролетариат – это авангард международного пролетариата.

При такой постановке вопроса логично выглядит сущность резолюции XVII партийного съезда, где отмечалось, что главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности. А таким уклоном объявлялся шовинизм бывших «угнетенных» наций (белорусский, польский, еврейский и т. д.).

Партийная линия по решению национального вопроса в Беларуси в 1930-е гг. была изложена в резолюции по постановлению ВКП(б) от 2 марта 1933 г. «О проведении национальной политики советской власти в Белоруссии». Основной задачей КП(б)Б в области решения данного вопроса стала «борьба с местным национал-демократизмом и шовинизмом всех мастей». В данном случае белорусизация и работа в среде национальных меньшинств Беларуси в 1930-е гг. проводилась скорее по инерции, чем целенаправленно.

Окончательному закреплению поворота к новым принципам в области национальных отношений содействовал приход Гитлера к власти в Германии. Идея всемирной революции отступает на второй план, а главной задачей становится защита «социалистического Отечества».

Заключение. И тем не менее, анализируя означенный период, можно сказать, что в годы предвоенных пятилеток в ходе борьбы за вы-

полнение народнохозяйственных планов, за решение социальных программ в сознании людей формировались и закреплялись идеи о единстве национальных и интернациональных задач всего советского народа, об интернациональной миссии первого государства рабочих и крестьян, о единстве советского патриотизма и пролетарского интернационализма. И следует отметить, что патриотическое и интернациональное сознание советских людей явилось важным фактором в обеспечении прочности советского государства, его победы в Великой Отечественной войне.

Развитие и укрепление БССР обеспечивалось усилиями, творчеством, энергией представителей всех наций и народностей, проживающих на территории края, при помощи со стороны всех союзных республик.

Национальные отношения отражали существующий на данном этапе исторического развития государства уровень теоретической мысли; качественное состояние политической системы общества; упрощенное представление о неизменно успешном и победоносном пути социалистического строительства; учет сложностей сосуществования государств с различным общественным строем.

Несмотря на все хитросплетения национальной политики, в ней просматривается противопоставление с доминированием «классового над национальным», «интернационального над национальным».

Литература

1. Документы и материалы по истории Белоруссии: в 4 т. / под ред. А. И. Азарова [и др.]. – Минск: Изд-во АН БССР, 1954. – Т. 4. – С. 447.
2. Там же. – С. 457.
3. Пичуков, В. П. Гомельщина многонациональная / В. П. Пичуков, М. И. Старовойтов. – Гомель: Изд-во Гомельского университета, 1999. – С. 72.
4. Сталин, И. В. Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. / И. В. Сталин // Сочинения: в 13 т. / И. В. Сталин. – М.: Госполитиздат, 1949. – Т. 12. – С. 369.
5. Дубянецкі, Э. Міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў 20-я гады XX ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / Э. Дубянецкі; Бел. Дзярж. ун-т. – Мінск, 1995. – С. 6.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК: в 15 т. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 6. – С. 348.
7. Сталин, И. В. О задачах хозяйственников / И. В. Сталин // Сочинения: в 13 т. / И. В. Сталин. – М.: Госполитиздат, 1951. – Т. 13. – С. 39.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ

The article describes different approaches to realization ideas of sustainable development in the system of continual ecological education. Ecological education becomes an integrating factor of education containing: a) provision of deep knowledge of principle of sustainable development of society and nature; b) creation of ecological cognition of the personality. The author develop a system of continual ecological education and up-bringing in the university, in the center of which there is a personality possessing independence in her points of view, actions, building her connection with surroundings on the base of realising its integrity, possessing advanced thinking. In the article the ideas of new quality ecological education of the last 20 years developed by Belarusian scientists are also analysed.

Введение. Одной из сложнейших проблем конца XX в. обозначилась проблема преодоления социально-экологического кризиса. Мир вошел в зону кризисного экологического существования, а человек стал глобальным фактором, определяющим прежде всего масштабы и динамику на земной поверхности изменений. Теперь от того, насколько будут грамотны и обоснованы действия человека, зависит существование на Земле природы, пригодной для жизни

Основная часть. Понимание необходимости решения экологических проблем на самом высоком международном уровне привело к форуму в Рио-де-Жанейро (1992 г.), где была принята концепция устойчивого развития. Переход к устойчивому развитию требует выработки особой «стратегии разума», опирающейся на ценностные ориентиры, более высокие, чем локальные или национальные интересы.

Необходимость выживания человека через устойчивое развитие ставит перед образованием XXI в. задачу довести до сознания людей то, что уже абсолютно ясно объективно, но не принимается основной массой людей: «Наше будущее состоит лишь в том случае, если мы усвоим аксиому: “человек – элемент биосферы и может развиваться только в развивающейся биосфере”». Этот принцип академик Н. Н. Моисеев назвал принципом коэволюции человека и биосферы [1].

Реализация данного принципа предполагает:

1. Утверждение экологической доминанты в системе воспитания и образования. На этом уровне осуществляется возможность для восприятия общественным сознанием экологических императивов, усвоения глубинных принципов экологического взаимодействия.

2. Становление коэволюционной парадигмы в образовательном процессе предполагает значительную силу нравственного примера Учителя; создание стройной системы учительства, определяющей неразрывную связь и передачу опыта поколений.

3. Осуществление процессов саморегуляции, самореализации, подразумевающих, прежде всего, индивидуальный рост личности, ак-

тивный духовный поиск в пограничных областях научного и других форм знания.

Владея экологическим знанием, человек заново открывает окружающий мир, начинает понимать значение многих, раньше казавшихся второстепенными, связей и отношений в природе. Знание экологических закономерностей меняет представление о порядке в земной коре. Человек начинает уяснять, что этот порядок не случаен, он необходим для существования и развития человека, для продолжения человеческого рода.

Осознание того, что люди не просто существуют на Земле ради самих себя, а что они должны выполнить определенную биосферную функцию, составляет главную парадигму экологического мировоззрения [2].

Понятие «парадигма» введено в научный оборот Томасом Куном, который предлагал в качестве концептуального модуля науки брать не отдельную теорию, а совокупность теорий, составляющих некоторое метатеоретическое единство – парадигму, базирующуюся на разнообразных идеях и теоретических разработках в научном сообществе. Смена парадигм в науке означает научную революцию, коренную ломку, переинтерпретацию теоретических и практических достижений. «Под парадигмой, – пишет Т. Кун, – я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблемы и их решение» [3].

Так, экологическое образование в контексте концепции устойчивого развития приобретает статус интегрирующего фактора образования в целом, определяет его стратегическую цель и ведущие направления, к которым мы относим:

- формирование экологического сознания личности, соответствующего установкам концепции устойчивого развития;

- воспитание потребности в экологической деятельности, ответственном отношении к природе;

- утверждение самоценности живой природы.

Каждое из названных направлений имеет как мировоззренческую, так и познавательную

сторону и предполагает выражения в виде конкретных требований к деятельности обучающихся. Имеется в виду определение минимума необходимых экологических знаний, определенных умений и навыков и адекватной оценки результатов обучения.

Как утверждает А. Бергсон [4], тайна устойчивого развития выражена в понятии «жизненный порыв человека к духовному абсолюту». Чтобы быть самим собой, человек должен постоянно превосходить себя; лишь устремляясь к высшим ценностям, общество может поддерживать себя, сохраняя свою устойчивость. Истинный смысл устойчивого развития – это творческая эволюция человечества, направляемая нравственным законом. В такой интерпретации требование устойчивого развития имеет глубокий философский смысл: оно предполагает глубинное преобразование общественного бытия, изменение сознания человека, его образа жизни и поведения. Имеется в виду изобретение новых способов удовлетворения разумных потребностей человека в биосфере Земли [5].

Экологическое образование и воспитание должно опираться на этот всеобщий императив и в соответствии с ним выстраивать ценностную позицию.

Таким образом, в свете концепции устойчивого развития идеалом образовательных систем становится формирование личности, обладающей независимостью в своих мнениях, поступках, строящей свои отношения с окружающей средой на основе понимания ее целостности, обладающей опережающим мышлением.

Важная роль в подготовке такой личности отводится учителю.

Человечество, как считал Н. Н. Моисеев, подошло к порогу, за которым нужны и новая нравственность, и новые знания, новый менталитет, новая система ценностей. Кто их будет создавать? Это учитель, который становится «центральной фигурой истории людей» [1].

Следует отметить, что идеи нового качества образования не только осознаются, но и начинают постепенно внедряться в практику вузов нашей страны. Так, в своих диссертационных исследованиях:

Каропа Г. Н. (1990 г.) исследовал особенности формирования у сельских школьников 6–8-х классов ответственного отношения к природе показал взаимосвязь нравственного и экологического воспитания;

Каленникова Т. Г. (1991 г.) внедрила в работу школ многопредметную модель экологического образования и воспитания, основу которой составляют такие учебные предметы, как биология, химия, география, русская и белорусская литература; определила условия формирования экологического сознания старшеклассников;

Самерсова Н. В. (1997 г.) разработала основы экологического воспитания подростков в учреждениях социокультурной сферы;

Котловским О. А. (1999 г.) разработаны направления радиозэкологического воспитания школьников;

Прокофьева О. О. (1999 г.) исследовала проблему формирования экологической направленности у студентов факультета дошкольного воспитания; разработана специальная технология экологического воспитания студентов в условиях вуза;

Слабин В. К. (2000 г.) создал серию компьютерных программ для экологического воспитания старшеклассников и внедрил их в практику работы школ;

Терещенко Е. В. (2002 г.) определила условия в гуманитарной гимназии для формирования экологической воспитанности подростков;

Чубаро С. В. (2003 г.) исследовала проблему и разработала структурно-функциональную модель формирования эмоционально-ценностного отношения младших подростков к природе;

Старовойтовой И. А. (2007 г.) разработан алгоритм составления экологических программ и учебников.

Обобщение исследований в области экологического образования и воспитания приводит к выводу о необходимости уточнения целей данного научного направления, к которым можно отнести: развитие экологического сознания путем раскрытия принципов организации и функционирования различных экосистем, выявления смысла и значения биосферных функций человека; воспитание потребности в экологической деятельности, ориентированной на сохранение жизненно важных параметров биосферы; формирование экологического мышления в процессе обучения на основе междисциплинарного подхода, соответствующего установкам устойчивого развития; освоение нравственных императивов и ценностных установок по отношению к природе.

Практика показывает, что изменение мировоззрения педагогических работников ведет к перестройке всей их деятельности, в том числе и в области экологического образования и воспитания (от выбора целей до соответствующих педагогических технологий). Так, на протяжении восьми лет идет научная работа в Белорусском государственном педагогическом университете имени М. Танка по формированию у будущих учителей эколого-педагогической направленности. Ведущими показателями экологической направленности будущих учителей выступают:

– убежденность в необходимости сохранения природы как высшей ценности жизни и средства воспитания;

– владение мировоззренческими экологическими идеями и понятиями и их социально-педагогическими аспектами на основе устойчивого развития;

– интерес к природе и ребенку как части природы;

– сформированность субъектного опыта поведения в природе;

– осознание необходимости экологического воспитания.

В ходе исследования определены пути усиления эффективности формирования готовности будущего учителя к осуществлению экологического воспитания школьников:

1) придание учебно-воспитательному процессу эколого-педагогической направленности на основе реализации межпредметных связей;

2) включение в содержание психолого-педагогических дисциплин экологической составляющей (эколого-педагогические идеи интегративного характера, ключевые мировоззренческие понятия, проблемные вопросы и задания эколого-педагогического содержания);

3) реализация специального курса «Экологическое воспитание студентов в условиях устойчивого развития»;

4) экологизация педагогических технологий обучения и воспитания за счет качественного преобразования учебно-познавательной деятельности;

5) последовательное «погружение» студентов в эколого-педагогическую деятельность учителя и классного руководителя во время педагогической практики.

Проведенное исследование показывает, что подготовка студентов к осуществлению экологического воспитания школьников эффективна, если она реализуется в русле экогуманитарной образовательной парадигмы и является системообразующим элементом учебно-воспитательного процесса. Наш эксперимент подтвердил необходимость перехода каждого человека на устойчивый здоровый образ жизни, формирование и непрерывное совершенствование новых качеств личности (ноосферных), которые будут соответствовать новым целям и ценностям социума [6].

На основе данных выводов мы разработали систему экологического образования, которая должна быть реализована в вузе на основе междисциплинарного подхода, куда включили:

1) формирование знаний о целостной организации жизни на планете Земля и пределах ее устойчивости;

2) формирование системы интеллектуальных способностей и практических умений по изучению и оценке экологического состояния

окружающей среды своей местности, ее защите и улучшению;

3) воспитание экологически здоровых потребностей, мотивов, побуждений и привычек поведения, направленных на ведение здорового образа жизни, бережного использования и защиту окружающей среды;

4) развитие эмоциональной сферы – чувственных, эстетических и гигиенических оценок экологического состояния окружающей среды, способность к целевому, причинному и вероятностному анализу, прогнозу и моделированию действий и поступков;

5) формирование экологического сознания, основу которого составляет осмысление антропоцентрического отношения к природе;

6) формирование экологического мировоззрения;

7) всестороннее развитие личности, совершенствование ее новых качеств (ноосферных), познавательных и творческих способностей

Заключение. Экологическое образование должно осуществляться на протяжении всей жизни человека – от формирования положительного эмоционального отношения к природе в раннем детстве и понимания основ научной картины мира в младших классах школы до формирования экологического мировоззрения и осознания необходимости собственного участия в экологической деятельности в юношеском и взрослом периодах жизни.

Литература

1. Моисеев, Н. Н. Время определять национальные цели / Н. Н. Моисеев. – М.: Устойчивый мир, 1997. – С. 172–173.

2. Мамедов, Н. М. Основания экологического образования / Н. М. Мамедов // Философия экологического образования / под общ. ред. И. К. Лисеева. – М.: Прогресс-традиция, 2001. – С. 76.

3. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 2002. – С. 17.

4. Бергсон, А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – Минск: Харвест, 1999. – С. 298.

5. Мантатов, В. В. Экологическое воспитание / В. В. Мантатов, Л. В. Мантатова // Философия экологического образования / под общ. ред. И. К. Лисеева. – М.: Прогресс-традиция, 2001. – С. 99.

6. Борисевич, А. Р. Экологическое воспитание: проблемы, перспективы, технологии: учеб.-метод. пособие / А. Р. Борисевич, Т. Г. Каленникова. – Минск: БГПУ, 2004. – 93 с.

7. Борисевич, А. Р. Экология, учитель, ученик: учеб.-метод. пособие для учителей / А. Р. Борисевич, Т. Г. Каленникова. – Минск: ИВЦ Минфина, 2006. – 175 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

The article reveals possibilities of the course of lectures «Principles of pedagogics and psychology» for creating such moral values as «Nature», «Man», «Health», «Culture», «Motherland». To realize the aim the author makes use of collective forms of cognitive activities: pair and group work, «brain storm», «take a position», role plays and others. The examples of studying some topics during course seminars, where the richest materials of D. S. Lihachov, L. N. Tolstoi, A. S. Chehov are used, are shown. This materials make students think about their own purposefulness, determination, patriotism, will to success.

Введение. По определению ЮНЕСКО, XXI век – «Век Образования». Сама суть формирующего ныне общества основана на знаниях, а образование является главным делом жизни для подавляющего большинства молодежи, которой предстоит учиться на протяжении всей своей активной деятельности, чтобы не отстать от темпов развития цивилизации.

Университеты в новых условиях создают все возможности для подготовки специалистов, которые бы обладали следующими компетенциями:

- а) способность применять знания на практике;
- б) способность к адаптации в новых условиях;
- в) способность к генерации новых идей;
- г) способность к лидерству;
- д) понимание культур и обычаев других стран;
- е) способность работать автономно;
- ж) способность к разработке проектов и их управлению;
- з) способность к инициативе;
- и) воля к успеху;
- к) ответственность за качество.

Основная часть. Наш университет является серьезной школой самореализации личности студента.

Самореализация – это полноценное функционирование личности в обществе, результатом которого является раскрытие всех ее жизненных сил. Самореализация личности в условиях учебно-воспитательного процесса предполагает раскрытие потенциальных возможностей каждого, побуждение его к активному самосовершенствованию в процессе учебной деятельности.

Так, студенты вполне положительно и даже с интересом относятся к изучению темы «Самовоспитание личности», где мы говорим о том, что самовоспитание – это сознательная, систематическая работа личности над собой в целях устранения тех или иных недостатков и формирования положительных свойств, таких как способность к самосовершенствованию, способность к адекватной самооценке, способность к саморегулированию, способность к профессиональной рефлексии и т. д.

Самовоспитание – сложный умственный, нравственный и волевой процесс. Работа личности над собой предполагает высокий уровень гражданской воспитанности, требовательности к себе, наличие идеала и стремление совершенствоваться. В пример студентам мы приводим программу самосовершенствования, которую составили для себя в молодые годы Л. Н. Толстой и А. П. Чехов.

Вот программа Л. Н. Толстого, составленная для реализации на 2 года:

1. Изучить курс юридических наук, необходимый для экзамена в университете.
2. Изучить практическую медицину и часть теоретической.
3. Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский.
4. Изучить сельское хозяйство (теоретический курс и практический).
5. Изучить историю, географию, статистику.
6. Изучить математику в рамках гимназического курса.
7. Написать диссертацию.
8. Достигнуть средней степени совершенствования в музыке и живописи.
9. Получить некоторое познание в естественных науках.
10. Составить сочинение из всех предметов, которые буду изучать.

Стимулом самовоспитания служит высокий уровень самосознания и самопознания.

Самопознание включает в себя умение личности понять свои мысли, чувства, оценить себя, сравнить с другими. Оно занимает ведущее положение в становлении личности. Это необходимая предпосылка и внутренний побудитель работы личности над собой, который формируется под воздействием учебной и общественной деятельности. Тем самым вызывается стремление полнее и глубже познать себя и других людей, стремиться к идеалу, творчески учиться у него.

Для более эффективной организации самовоспитания студента в системе учебно-воспитательного процесса мы используем следующее:

- а) постоянное совершенствование учебного процесса путем внедрения активных методов обучения («займи позицию», «мозговой штурм», парная и групповая работа и т. д.);

б) систематическое включение студентов в разнообразную внеучебную деятельность, постоянное совершенствование методологии ее организации (проведение студенческих конференций, конкурсов рефератов и стенгазет и т. д.).

Так, на семинарском занятии (тема «Культура общения») студентам зачитываются заповеди человечности Дмитрия Сергеевича Лихачева. Эти заповеди носят не только духовно-нравственный, но и общекультурный характер, т. е. имеют прямое отношение к политике, хозяйствованию, социальным отношениям, воспитанию и образованию. Так, в заповеди 6 сказано: «Чти родителей и прародителей своих и все сохраненное ими сохраняй и почитай» [1]. Обсуждая эту заповедь, мы обращаем внимание студентов на то, что с почитания к родителям начинается уважение к своему народу, к своей стране. В каждом из нас присутствует представление о прошлом, неявный образ жизни предков. Попытка забвения, отход от него всегда венчают горе, беду, несчастье. Согласно древним поверьям, путь к процветанию лежит через неразрывную и вечную связь предков и потомков.

Далее студенты готовят мульти-медиа презентацию о своих родителях, дедушках, бабушках (по желанию). Так, Лиза М. подготовила вербальную презентацию о своей маме, охарактеризовала ее как личность с такими качествами, как требовательность к себе, способность к преодолению трудностей, ответственность и целеустремленность. Об этом говорят ее поступки – мама закончила два вуза, учится на высших курсах аудитором. Она является для дочери идеалом для подражания. Сергей Л. подготовил мульти-презентацию о своем прадеде, который прошел всю войну, с военными фотографиями, военными иллюстрациями. Студенты с гордостью представляли своих предков, но желающих выступить было немного.

При изучении темы «Экологическое воспитание» мы обращаем внимание студентов на заповедь 7, которая гласит: «Чти природу как мать свою и помощницу». С колыбели человек постигает свое кровное родство с природой, с родной землей, а вот дорожить тем, что получили в наследство, умеют не многие.

«У природы, – считал Д. Лихачев, – есть своя культура. Хаос вовсе не естественное состояние природы. Напротив, хаос (если только он вообще существует) – состояние, природе противоестественное. В чем выражается культура природы? Прежде всего, она живет обществом, сообществом. Природа по-своему “социальна”. Она может жить рядом с человеком, соседствовать с ним, если тот в свою очередь социален и интеллектуален сам, бережет ее, не наносит ей непоправимого ущерба, не вырубает лесов до конца, не засоряет рек» [3].

На этом же занятии обсуждаем со студентами такие вопросы, как:

а) Должен ли каждый выпускник вуза быть экологически грамотной личностью?

б) Может ли педагог повлиять на экологическую обстановку в мире?

в) Что Вас тревожит больше всего в мире?

Вот некоторые высказывания студентов III курса факультета ИЭФ:

«...Я думаю, что не только выпускник вуза должен быть экологически грамотной личностью, но и каждый человек на Земле. Мы обязаны сохранить природу».

«...Человечество может справиться с экологическими проблемами, но для этого нужно ввести ограничения в разных направлениях и больше средств выделять на охрану природы».

«...Самой главной проблемой на Земле является экологическая проблема. Ведь если мы не сохраним то, что нам дано, – будущего у нас не будет».

«...Больше всего меня тревожат экологические проблемы в мире, войны и отношения между большими государствами».

«...На мой взгляд, педагог может повлиять на экологическую обстановку в мире. Именно педагог учит, как поступать в разных ситуациях, от педагога во многом зависит дальнейшая деятельность человека».

«...Мне понравилось высказывание Д. С. Лихачева о том, что человек должен быть заботлив. Незаботливый или беззаботный человек – скорее всего человек недобрый и не любящий никого, и природу в том числе» [4].

В конце занятия делаем вывод, что целью экологического воспитания является формирование экологического сознания, культуры личности и общества. Становление сознания осуществляется в три этапа:

а) формирование нового знания;

б) превращение нового знания в убеждения мировоззренческого характера;

в) реализация убеждений в регулятор общественной жизнедеятельности личности.

Завершая данное занятие, мы зачитали обращение Д. С. Лихачева к молодежи: «...Мы вступили в век, в котором образование, знания, профессиональные навыки будут играть определяющую роль в судьбе человека. Ибо физический труд возьмут на себя машины, роботы. Даже вычисления будут делаться компьютером, так же как чертеж, расчеты, отчеты, планирование и т. д. Человек будет вносить новые идеи, думать над тем, над чем не сможет думать машина. А для этого все больше нужна будет общая интеллигентность человека, его способность создавать новое и, конечно, нравственная ответственность, которую никак не сможет нести машина» [5].

На занятии по теме «Содержание образования» мы обсудили высказывание Лихачева Д. С.

об интеллигентности: «Для интеллигентности человека огромное значение имеет именно образованность. Чем интеллигентнее человек, тем больше его тяга к образованности. И вот тут обращает на себя внимание одна важная особенность образованности: чем больше знаний у человека, тем легче ему приобретать новые. Новые знания легко “укладываются” в запас старых, запоминаются, находят себе свое место. Способность к приобретению знаний – это тоже интеллигентность.

Интеллигентность создается в возрасте от 3 до 17 лет. Потом из неинтеллигентного человека сделать интеллигентного уже невозможно. Интеллигентность – это не просто образование и сумма знаний – все это может быть и у неинтеллигентного человека. Это – способность к приобретению знаний и к пониманию другого человека и другой культуры» [2].

Обсуждение вызвало огромный интерес у студентов. Каждый высказывал свою позицию, и многие захотели познакомиться с работами Д. С. Лихачева. Несколько человек высказали желание выступить на студенческой конференции о Д. С. Лихачеве.

Обсуждая на семинарском занятии волевые черты характера (тема «Структура личности»), студенты приводили примеры сильных личностей, таких как Суворов А., Чкалов В., Кожедуб И., выделяя их качества: патриотизм, целеустремленность, воля к победе, решительность и подчеркивали, что эти качества формируются у личности. Очень важно, что каждая личность смогла правильно себя оценить.

Самооценка может соответствовать действительному развитию тех или иных сторон личности (быть адекватной), а может быть завышенной или заниженной (т. е. быть неадекватной). Возникает самооценка из анализа результатов деятельности или из сравнения себя с окружающими людьми.

Самооценка может быть устойчивой и неустойчивой.

Устойчивая самооценка повышает уверенность в себе, однако если она неадекватна, то

может приводить человека к конфликтам с окружающими или к конфликтам с самим собой.

С самооценкой связан уровень притязаний (сложность задач, которые ставит перед собой человек). Справляется ли личность со сложными задачами или выбирает попроще – от этого зависит формирование волевых качеств.

Заключение. На одном из занятий студенты составляли программу самовоспитания, куда включили работу по самовоспитанию не только профессиональных умений, но и психических качеств и черт характера.

Мы стараемся, чтобы у студентов на занятиях формировалась потребность в приобретении и присвоении жизненно важных ценностей. В связи с этим мы часто включаем их в дискуссию, где они высказывают свою точку зрения по следующим вопросам:

- а) Ценности – это понятия или убеждения?
- б) Управляют ли ценности выбором или оценкой поведения?
- в) Все обладают одними и теми же ценностями или нет?
- г) На какое место вы ставите знание как ценность в иерархии ценностей?

В заключение следует отметить, что курс «Основы психологии и педагогики» обладает большими потенциальными возможностями для самосовершенствования личности студента и формирования у них ценностных ориентаций.

Литература

1. Лихачев, Д. С. Заповеди человечности / Д. С. Лихачев // *Alma mater: Вестник высшей школы.* – 2006. – № 10. – С. 10.
2. Лихачев, Д. С. Раздумья о России / Д. С. Лихачев. – СПб.: Логос, 2004. – С. 8.
3. Лихачев, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев // *Избр. работы: в 3 т. – Л.: Художественная литература, 1987.* – Т. 2. – С. 431.
4. Лихачев, Д. С. Без доказательств / Д. С. Лихачев. – СПб.: БЛНЦ, 1996. – С. 146.
5. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном: книга для чтения с комментариями на англ. яз. / Д. С. Лихачев. – М.: ГосИРЯ им. А. С. Пушкина. – 112 с.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И ФУНКЦИИ МАССОВЫХ НАСТРОЕНИЙ

The article dwells upon the process of formation and development of mass feelings and spirits, revealing some factors underlying them. The objective factor is the reality itself and the people living here, the subjective factor comprises people's ideas about the reality. Feelings and spirits are classified according to the degree of their mass character, level of emotional colouring and possession of active component. Their main functions are: 1) political-psychological assessment, 2) formation of the subject of political activities, 3) initiation and regulation of mass political behaviour.

In accordance with this there exist three kinds of mass feelings and spirits: 1) signal-assessing, 2) destroying potentially-active societies, 3) initialing and regulating mass political behaviour.

Введение. Один из наиболее сложных вопросов в проблеме массовых настроений и их функционирования в социально-политических процессах – вопрос об их классификации. В принципе ясно, что мало выделить явление, рассмотреть его природу и основные характеристики. Если речь идет о столь многогранном феномене, имеющем разнообразные формы проявления, то желательно выделение тех или иных видов и разновидностей, составление своеобразной «координатной сетки» – матрицы, включающей наиболее значимые виды. Однако именно здесь начинаются максимальные трудности.

Основная часть. Массовые настроения можно классифицировать по многим основаниям. Например, по степени массовости, уровню эмоциональности, наличию действенного компонента и т. д. Попытки такого рода предпринимались в науке. Как уже говорилось, одни исследователи подразделяли «единичные настроения» и «действительно массовые»; другие – «настроения» и «умонастроения»; третьи – «настроения апатии» и «решительных действий». Ясно, что все подобные подразделения имеют право на существование, но понятно и другое: продолжать этот ряд оснований можно долго. Все такие классификации равновозможны, пока несут умозрительный характер. Однако любая из них может увести в сторону от практического смысла проблемы. Таков удел рассмотрения настроений в чисто психологическом контексте.

Не менее длинной предстает череда возможных социологических оснований: здесь и охваченные теми или иными настроениями социальные группы с их многообразными характеристиками, и особенности образа жизни. Возможны, но столь же ограничены и социально-экономические основания типологии настроений, например характер экономических требований и степень их удовлетворенности у тех или иных социально-экономических слоев общества, испытывающих те или иные настроения.

Согласимся с Э. Я. Баталовым, что едва ли можно создать единообразную типологическую модель массовых настроений. Путь их класси-

фикации «пролегал не через попытки создать... единую универсальную модель, а через построение системы моделей, высвечивающих одновременно... под разными ракурсами, воспроизводящих различные... измерения и тем самым удовлетворяющих познавательные (и стоящие за ними практически-политические) потребности общества. Не одномерно-плоскостная, а сферическая, не единая универсальная, а интегральная модель, понимаемая как динамическая система взаимодополняющих друг друга моделей, которые только в своей совокупности способны дать адекватное реальному объекту представление о сложном, постоянно изменяющемся, пульсирующем духовном образовании...» Сказанное снимает проблему типологии массовых настроений «в общем виде», решая ее путем создания конкретных ситуационных типологических моделей в контексте той или иной изучаемой социально-политической ситуации или процесса.

Обычно упоминания о «настроениях» имеют практически-политическое звучание. Среди них преобладают конкретно-исторические приемы классификации настроений, основанные на политической оценке их реальных или желаемых, потенциальных последствий – тех или иных массовых действий. Исходя из этого, выделяются, например, революционные и контрреволюционные, фашистские и антифашистские и другие пары настроений. При наличии определенных практических выгод этот подход тоже нельзя принять как исчерпывающий. В свое время он был порожден дихотомизированным, узкоклассовым способом мышления.

Оно строилось на простой логической цепочке. Во-первых, массовое настроение проявляется в политическом действии. Во-вторых, последнее не бывает нейтральным в отношении политической системы общества. Значит, в-третьих, реальная возможность различать настроения заключена в той роли, которую играют побуждаемые ими действия по отношению к обществу. В наиболее простом случае их оценивает само общество в соответствии с господствующей идеологией, которая, в свою очередь, отражает определенные настроения. Обычно это сводилось к идеологизированной,

нормативно-общественной оценке в рамках соответствующей политической системы. В марксистской методологии этот путь, как правило, сводился к классовой оценке. Идя по нему, было легко строить разнообразные политизированные и идеологизированные типологии массовых настроений в соответствии с тем, соответствует ли побуждаемое ими поведение интересам господствующих сил.

Массовые настроения оцениваются по вызываемым ими политическим действиям. Последние же, в принципе, могут иметь либо позитивное (прогрессивное), либо негативное (реакционное) значение. Вопрос в том, по отношению к чему «позитивное» и к чему «негативное». Возможны, как минимум, три варианта: во-первых, по отношению к собственным интересам субъекта настроений; во-вторых, по отношению к конкретно-историческим интересам данной политической системы; в-третьих, по отношению к общечеловеческим интересам, которые могут видоизменять интересы системы. Еще недавно, например, советское общество противопоставляло свою политическую систему «буржуазной демократии». Сегодня точка зрения изменилась. Тем не менее данная система координат, включающая шесть основных позиций, представляется удобной как для достаточно комплексной оценки одного и того же варианта массовых настроений, так и для создания комплексной типологии настроений в современном мире.

В целом, однако, наиболее продуктивным представляется, не фиксируясь на проблеме содержательных оценок (к сожалению, на практике до сих пор при подразделении политических феноменов доминируют простейшие оценочные классификации, деление на «хорошие» и «плохие» разновидности), рассматривать массовые настроения с функциональной точки зрения. Это означает их подразделение в зависимости от роли, которую они играют в конкретных политических процессах, и функций, которые выполняют. Такой путь позволяет уйти от содержательных оценок, носящих противоречивый характер в сложных процессах, и сосредоточиться на оценках процессуальных, перейти от споров об оценке содержания тех или иных видов настроений к рассмотрению особенностей их функционирования в политических процессах.

При данном подходе использование содержательных типологий не исключается, однако они носят подчиненный характер. Строя функциональную модель влияния массовых настроений на тот или иной процесс, вполне допустимо при желании детализировать настроения по содержанию. В этом случае, однако, всякий раз необходимо оговаривать, с каких политических позиций осуществляется содержательная классификация. Ставя на первое место политико-

психологическую функцию феномена массовых настроений, данный подход учитывает, что содержательно направленность настроений определяется их идеологическим оформлением. Соответственно, оценка зависит от совпадения или расхождения идеологических и политических позиций субъекта настроений, с одной стороны, и субъекта оценки – с другой. Для пропаганды преимущественной является содержательная оценка, для науки – функциональная.

Настроения обладают свойствами двоякого рода. С одной стороны, они являются психическим отражением реальной жизни, с другой же – развиваются по законам массовой психологии, оказывая влияние на реальность, изменяя жизнь. Они лежат в основе идеологии, но в то же время податливы идеологическому воздействию. В реальной политике оценка и выделение видов настроений обычно определяются тем, «за» и «против» кого они направлены. Но одно и то же событие, явление или процесс могут вызывать разную, подчас противоположную настроенческую реакцию – все зависит от информированности людей и от того, кто и куда сумел направить существующую интенсивность, например, массового недовольства, придать ему нужную окраску и воспользоваться им.

В контексте функционального анализа главным вопросом является определение основных функций массовых политических настроений.

Первая функция – сигнальная. Политические настроения дают субъективную оценку степени удовлетворенности существующей общественно-политической системой в целом и предоставляемыми системой возможностями реализации тех или иных притязаний в частности. Сигнализируя о данных вещах, настроения выполняют функцию побуждения к политическому размышлению. На их основе формируется общественное мнение и политическое сознание. Настроения способствуют осознанию, выражению и проявлению массовых притязаний.

Вторая функция – психологическая подготовка и формирование массового субъекта потенциального политического действия. Как указывал Б. Ф. Поршнев, «настроение... само составляет и формирует общность». Механизм понятен: распространяясь среди значительных множеств людей, обладающих сходными притязаниями и возможностями их реализации, настроения сплачивают этих людей, заражая переживанием общих проблем. Эмоциональное чувство общности пробуждает у отдельных индивидов ощущение принадлежности к этой общности. Появляющееся в результате ощущение силы неизбежно сопровождается готовностью реализовать данную силу и свои притязания, проявить себя.

Третья функция – инициирование и последующее регулирование массового политиче-

ского поведения. Достигая определенной стадии развития, настроения неизбежно ведут к необходимости своего разрешения. Образно говоря, они должны во что-то «вылиться», приведя либо к достижению породивших их притязаний, либо к отказу от их достижения на какое-то время. И то, и другое достигается в действии. Настроения стимулируют те или иные сформированные ими общности к политическим действиям. Являясь непосредственной мотивирующей силой, они играют роль своеобразного «спускового крючка», как бы запускающего то или иное политическое действие. Тем самым, они выступают в качестве важного звена в реализации потребностей и интересов людей. Затем настроения регулируют поведение: в зависимости от их интенсивности, стадии развития, уровня выразительности будут наблюдаться спады и подъемы политических действий, будет развиваться политическая динамика.

Массовые политические действия начинаются на волне развития соответствующих настроений. Их пик совпадает с гребнем настроенческой волны. Спад политической активности практически всегда означает ослабление соответствующих настроений или их переход в латентное состояние, связанное с завершением одного «разового» цикла и паузой перед наступлением следующего. Обычно массовые настроения регулируют политическое поведение масс в соответствии с ощущением успешности или неуспешности реализации значимых для масс притязаний. Чем больше разрыв между притязаниями и возможностями их достижения, тем сильнее настроения и активнее поведение. По мере уменьшения разрыва между потребным и реальным настроения успокаиваются, активность снижается.

Подчеркнем самое существенное. Функциональный подход к типологии массовых настроений исходит, во-первых, из их разделения на политические и все остальные (функция побуждения к политическому поведению). Внут-

ри можно выделять «сигнальные» настроения, «оценочные», «формирующие общность», «мотивационно-направляющие», «регулирующие политические действия» (с вариантами «активизирующих», «ослабляющих», «стабилизирующих») и т. д., – в соответствии с основными функциями настроений в целом.

Функции массовых политических настроений достаточно многообразны. Однако главными из них являются три: 1) политико-психологическая оценка; 2) формирование субъекта политических действий; 3) инициирование и регуляция массового политического поведения. Эти функции взаимосвязаны и составляют целостный механизм политического поведения.

В соответствии с этим можно выделить три вида массовых настроений: 1) сигнально-оценочные, лежащие в основе отношения к политической реальности; 2) настроения, формирующие потенциально-действенные общности, лежащие в основе массовых движений; 3) настроения, иницирующие и регулирующие массовое политическое поведение.

Заключение. Таким образом, в политико-психологическом отношении более адекватным представляется иной способ ранжирования, в соответствии с практической политической значимостью и очевидностью проявления настроений. Тогда на первом месте будет функция формирования субъекта потенциальных политических действий и настроения, создающие потенциально-действенные общности (например, массовые движения). На втором месте – функция инициирования и регуляции массового политического поведения и соответствующие настроения (например, приводящие к модификации политической системы). На третьем – функция политико-психологической оценки и сигнально-оценочные настроения, лежащие в основе отношения к политической реальности (например, развития «нового» политического мышления и его распространения в борьбе с мышлением «старым»).

П. И. Александрович, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ

The article dwells upon the problem of forming a motivation sphere of the personality of a modern student. This problem is rather vital. Levels and features of motivation are revealed here too. Some attention is given to moral-psychological contents of motivation and its dynamic characteristics. The article shows stages of formation of professional selfconsciousness and steps of selfperfection including: self-consciousness and making decisions on selfperfection; planning and compiling a program, selfcontrol and selfcorrection or the activity.

At the end of the article some attention is paid to stages of selfcognition: 1) selfcognition in a system of socio-pedagogic relations, 2) selfstudy of the level of competence and adequate selfassessment which serves as the basis for a selfcritical attitude of the specialist to his merits and shortcomings.

Введение. Проблема формирования мотивационной сферы личности современного студента актуальна в психологической науке. Рост личностного подхода вызвал глубокий интерес к мотивационной сфере личности, факторам, условиям и средствам ее формирования в профессиональном становлении. Проблема изучения мотивационной сферы личности студента является наиболее востребованной, так как переоценка значимости многих ценностных ориентиров, переосмысление своего места в обществе, принятие на себя ответственности за результаты жизнедеятельности скрыты в мотивах личности и требуют не только познания, но и управления их формированием. В едином процессе социализации-индивидуализации проявляется неспособность личности интегрироваться в новую социокультурную ситуацию, происходит психологическая деформация личности в отношении к окружающим и к себе – это обостряет проблему мотивации.

Основная часть. Проблемный аспект исследования мотивационной сферы личности состоит в том, что, несмотря на повышение в последнее время интереса среди психологов (А. Г. Асмолов, В. Г. Асеев, К. А. Абульханова-Славская, Е. П. Ильин, В. Г. Леонтьев, А. К. Маркова, В. Д. Шадриков, А. А. Файзулаев и др.), до сих пор вопрос психологической природы данного феномена остается одним из дискуссионных и требует глубокой теоретико-методологической проработки. Потребностно-мотивационная сфера личности была и остается предметом пристального внимания философов, начиная с времен древнегреческой философии и заканчивая современностью (Аристотель, Н. А. Бердяев, Р. Декарт, И. Кант, М. Монтень, Платон, Г. Риккер и др.), эмпирических психологов (К. Бюллер, Э. Торндайк, Э. Шпрангер, З. Фрейд, К. Левин), представителей отечественной психологии (П. К. Анохин, П. П. Блонский, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, К. Н. Корнилов, П. Ф. Каптерев, В. С. Мерлин, Н. И. Пирогов, И. А. Сикорский, А. А. Ухтомский и др.), зарубежных психологов (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс и др.).

Основой изучения мотивационной сферы личности выступают разработки психологических феноменов, присущих различным направлениям личности в условиях деятельности, отношений, взаимодействий эмоциональных переживаний (Л. И. Божович, А. Л. Леонтьев, В. С. Мерлин, В. Г. Асеев, В. И. Ковалев, А. К. Маркова, В. Г. Леонтьев, В. К. Вилюнас и др.). Дефиниция «мотивационная сфера личности» имеет достаточно широкий спектр интерпретаций: это иерархия мотивов на основе их осознания и обобщения в поведении и деятельности (Л. И. Божович и др.), осознание объективных закономерностей, понимание значений смысла для себя (А. Н. Леонтьев и др.). В исследованиях раскрываются значение и содержание мотива (В. С. Мерлин и др.), вид психической регуляции жизнедеятельности, внутренняя, активная самостоятельность, активное-действенное отношение человека к действительности (В. Г. Асеев и др.), важнейшая сторона личности, включающая систему мотивов (мотивацию) в ее определенном построении (иерархии) (В. И. Ковалев и др.).

Изучение этой проблемы сопровождается разрешением ряда противоречий:

– между принятием теории личностного развития как одной из центральных в методологии педагогической психологии и отсутствием адекватной теории мотивационной сферы личности;

– между признанием влияния мотивационной сферы на становление личности и недостаточным вниманием теоретических и практических проблем мотивационной сферы личности в конкретных сферах деятельности;

– между изменяющейся мотивационной сферой личности студента в современных условиях общественного развития, вновь появляющихся мотивов и отсутствием последовательной теории, позволяющей понять истоки этих изменений, их психолого-педагогический характер.

Таким образом, актуальность разработки проблемы поиска психологических факторов,

условий и средств формирования мотивационной сферы личности студента имеет две основные предпосылки: необходимость познания их особенностей, а также методов диагностики и своевременной коррекции, что является с позиции психолого-педагогического подхода значимым и необходимым.

Формированию мотивации способствует искренняя заинтересованность преподавателей в успехе студентов. Первостепенное значение имеет и сознательность в обучении, которую обеспечивают следующие характеристики:

- методологическая осмысленность материала, отбираемого для самостоятельной работы;
- сложность знаний, соответствующая зоне ближайшего развития студентов, т. е. посильность выполнения;
- последовательность подачи материала с учетом логики предмета и психологии усвоения;
- дозировка материала для самостоятельной работы, соответствующая учебным возможностям студентов;
- деятельностная ориентация самостоятельной работы.

При организации самостоятельной познавательной деятельности преподаватель вуза может использовать разнообразные приемы развития мотивации профессионального самосовершенствования:

- обучение студентов методам самостоятельной работы: временные ориентиры выполнения для выработки навыков планирования бюджета времени; сообщение рефлексивных знаний, необходимых для самоанализа и самооценки;
- убедительная демонстрация необходимости овладения предлагаемым учебным материалом для предстоящей учебной и профессиональной деятельности во вводных лекциях, методических указаниях и учебных пособиях;
- проблемное изложение материала, воспроизводящее типичные способы реальных рассуждений, используемых в науке;
- применение операционных формулировок законов и определений с целью установления однозначной связи теории с практикой;
- выдача студентам методических указаний, содержащих подробный алгоритм выполнения работы, разработка комплексных учебных пособий для самостоятельной работы, сочетающих теоретический материал, задачи для решения и методические указания;
- рейтинговый метод контроля и результатов самостоятельной познавательной деятельности;
- творческая, исследовательская деятельность, что обуславливает повышение уровней когнитивной и профессиональной культуры.

Можно утверждать, что активным в профессиональном обучении будет тот студент, который осознает потребность в знаниях, необ-

ходимых в будущей профессиональной деятельности, на этой основе у него формируются мотивы учебной деятельности, развивается умение ставить цели и добиваться их.

Следует отметить ряд признаков мотивации:

1. Нравственно-психологическое содержание мотивации указывает, во имя каких идей, норм, интересов и взглядов студент проявляет интерес к данному профессиональному направлению.

2. Предметная избирательность или направленность мотивации отражает то, что привлекает студента в учебно-трудовой деятельности, в содержании учебного материала, способах действий, видах деятельности.

3. Динамические свойства мотивации, являющиеся формой, способом ее существования и проявления, характеризуются интенсивностью, устойчивостью и действенностью побуждений.

4. Интенсивность мотивации выражается в уровне возбудимости мотивов, в степени преодоления трудностей в учении, труде, приложении волевых усилий.

5. Устойчивость мотивации отражает степень желаний учиться, готовность приобретения будущей профессии.

Исходя из вышесказанного, рассмотрим возможные уровни мотивов учебной деятельности в высшей школе.

Первый уровень мотивации. Студент, понимая значение изучаемых наук, проявляет интерес к учебному предмету, особенно когда преподаватель устанавливает связи рассматриваемого материала с будущей профессией. В то же время решение задач, выполнение упражнений, написание рефератов не увлекает студента, он стремится избежать такой работы. Его привлекает формальный, простой материал, несложные задания, с помощью которых можно получить зачет или даже сдать экзамен, достигнуть условных успехов без особых усилий и напряжений. Личностные профессионально значимые качества проявляются слабо и не всегда, их профессиональную значимость выявить сложно, скорее всего мотив учения характеризуется через осознание «надо». Он, как правило, связан с внешней стороной процесса обучения, ориентирован на формальный успех, достижение оценочного результата. Характерная особенность мотивации данного уровня заключается в том, что профессиональное обучение выступает для студента в качестве средства для достижения личного благополучия. В то же время он не способен руководить своими побуждениями, заниматься самовоспитанием, преодолевать свои недостатки, к которым относится прежде всего формальное усвоение ценностных ориентации. В этом случае преподавателю

все-таки можно целенаправленно строить стратегию формирования мотивов учения через формирование и развитие личностных качеств, выделения из них профессионально значимых. На этом уровне можно констатировать зарождающееся профессиональное самосознание студента и использовать его для более мощного возбуждения мотивов учения и элементов профессиональной деятельности (через профессиональные студии, ассоциации, клубы и т. д.).

Второй уровень мотивации учебной деятельности отличается достаточной сформированностью всех компонентов мотивации. Студент четко выделяет учебные предметы, которые кажутся ему наиболее важными и интересными. На интересующих его занятиях он активен, самостоятелен, может с помощью преподавателя ставить цели предстоящей учебной деятельности, сознательно стремится овладевать знаниями и умениями, работать организованно, собранно и столько, сколько нужно. У него в явном виде проявляются личностные качества, в том числе и профессионально значимые, студент осознает это и делает все для развития данных качеств. Сам процесс учебной и профессиональной деятельности доставляет ему удовольствие, он не отказывается от спецкурсов, внеаудиторных занятий. Для этого уровня характерно не только развитие личностно значимых мотивов, но и осознание общественной потребности такого вида деятельности, здесь уже прослеживается относительная их устойчивость. Однако студент данного уровня мотивации еще нуждается в руководстве. Задачи обучения состоят в том, чтобы развить познавательный интерес, формировать интерес к деятельности, развивать познавательный интерес к профессии, потребность в труде, ответственное отношение к своим обязанностям, к учению, к труду.

Для *третьего уровня мотивации* характерно глубокое осознание зависимости своего профессионального становления от всей программы. Здесь ярко проявлены познавательная активность, потребность в саморазвитии; очевидна динамика развития личностных качеств, в том числе и профессионально значимых.

В свою очередь, все это является мощным мотивом учебной деятельности. Налицо профессиональное самосознание, студент свое будущее уверенно связывает с избранной профессией. Этот уровень мотивации характеризуется общей целостностью студента, его упорством в овладении любым предметом. Он легко включается в поисковую познавательную деятельность. Проекты, рефераты, курсовые работы часто отличаются оригинальностью. Такие студенты глубоко изучают предмет, занимаются самообразованием. В целом, третий уровень характеризуется высоким развитием всех компонентов и признаков мотивации.

Уровни мотивации учения в достаточной степени коррелируют со ста днями формирующегося профессионального самосознания.

Первая стадия характеризуется процессом понятийного усвоения профессионально значимых качеств, знаний. Позитивный процесс первой стадии сопряжен с развитием мотивов учения.

Вторая стадия – это активное усвоение знаний, формирование профессионально значимых качеств, профессиональных умений. Удовлетворительная динамика их развития в свою очередь активно развивает мотивы учения до третьего уровня.

Третья стадия – это констатация развития профессионально значимых качеств.

Заключение. Выявление уровней развития мотивации профессионального учения необходимо для того, чтобы педагогически обоснованно осуществлять программу профессионального обучения и на этой основе строить процесс воспитания. В этом плане можно утверждать следующее:

– В целом, процесс обучения в высшей школе ориентирован на высокую мотивацию студентов реализовывать свои профессиональные намерения, что создает возможность организации эффективной воспитательной работы.

– Тем не менее, масса студентов не однородна. Их мотивы учения и профессиональное самосознание находятся на разных стадиях и уровнях развития.

УДК 316.323

П. А. Водопьянов, профессор

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

The article dwells upon the sources of dialectics as the science of development, substantiates the ideas of development in natural sciences, reveals the essence of the concept of global evolutionism on the basis of the general theory of systems, synergetics, evolution cosmology. Special attention is paid to the analysis of the concept of global evolutionism as a new paradigm of modern science. The article provides the analysis of contemporary level of synergetics investigations in natural and social sciences, deals with evolutionary implications of synergetics.

Введение. В истории развития науки четко прослеживается два основных способа мышления – метафизический и диалектический.

Метафизический способ мышления основывался на рассмотрении всех явлений окружающего мира как независимых, обособленных друг от друга, находящихся в неизменности. Такого рода ориентация была направлена на отражение объективной неизменности вещей и была связана с абсолютизацией отдельных моментов целостного процесса познания. Метафизический способ мышления в эпоху Нового времени определил методологию научного познания, связанную с разработкой конкретных методов исследования природы, таких как анализ, эксперимент, классификация и систематизация исследуемых явлений, аксиоматизация и идеализация и др.

Иное противоположное осмысление объективной реальности было связано с ее пониманием как находящейся в вечном изменении и развитии, начало которому было четко обозначено в учении Гераклита.

Особое внимание разработке диалектики как учению о развитии в логическом и гносеологическом аспектах было уделено в немецкой классической философии.

Первую брешь в метафизическом воззрении на мир, по словам Ф. Энгельса, пробил И. Кант, который выдвинул космогоническую концепцию происхождения Солнечной системы. В работах И. Канта была четко сформулирована идея развития как основополагающий принцип диалектики и был обоснован вывод об ограниченности разума в силу его антикомичности и невозможности решения сложных философских проблем формально-логическими методами. Однако признавая непознаваемость «вещи в себе», Кант оказался в плену агностицизма и не смог преодолеть недостатки скептицизма.

Ограниченность кантовского подхода в понимании диалектики преодолел Г. Гегель, который углубил ее содержание в логическом и гносеологическом аспектах. Раскрытие законо-

мерностей процесса познания как творческого процесса позволило ему обосновать содержание диалектики как теории познания и диалектической логики как способа мышления.

Разработанные Гегелем законы диалектики послужили обоснованием и конкретизацией принципов развития и универсальной связи как исходные основания всего сущего, его учение о противоречии как условии познания и обоснования новой системы категорий явились фундаментом построения теоретической модели развития. Благодаря этим достижениям диалектика приобрела статус теоретической системы и универсального метода философского мышления.

Ограниченность гегелевской философии, обусловленной его идеалистической позицией, состояла в том, что в ней логически обоснованные принципы и законы всецело применимы к духовной сфере и не распространяются на весь материальный мир.

Эти недостатки были преодолены в философии марксизма, в которой рациональные идеи диалектики были распространены и применимы на весь материальный мир и бытие в целом, а ее принципы, законы и категории рассматривались как отражение объективно присущих бытию характеристик и связей. Благодаря этим разработкам диалектика приобрела статус наук о всеобщих законах развития природы, общества и мышления.

В итоге диалектика как сфера теоретического знания наполнилась практическим содержанием и превратилась в средство преобразования природы, общества и самого человека.

Основные идеи диалектики как универсальной теории развития долгое время оставались невостребованными в конкретных науках. Впервые их плодотворность была практически обоснована в эволюционной теории Ч. Дарвина, который на конкретном материале убедительно раскрыл процесс видообразования как естественноисторический процесс, что явилось подтверждением и доказательством диалектического характера развития живой природы.

Основная часть. Качественно новый этап в обосновании идей диалектики был обусловлен необходимостью интеграции научного знания в связи с его дифференциацией в условиях, когда возникла практическая потребность унификации научных понятий, поскольку философские термины во многих случаях были недоступны специалистам различных научных направлений в силу их абстрактного характера. Вместе с тем, появление множества специальных дисциплин создало потребность разработки общенаучных понятий, поскольку понятия, употребляемые в конкретных науках, стали недоступны даже специалистам смежных специальностей.

Середина XX в. ознаменовалась появлением новых обобщающих направлений в науке, таких как кибернетика, общая теория систем, синергетика, эволюционная космология, квантовая генетика и др. С возникновением этих наук была осознана необходимость интеграции науки и использования общенаучных понятий.

В науке классического периода долгое время оставался открытым вопрос о взаимосвязи различных уровней организации материи. Эволюционная идеология, возникшая в середине прошлого века, послужила ключевой идеей, на основе которой стало возможным связать различные уровни неорганической, органической и социальной форм движения материи, что позволило объяснить структурную и генетическую общность космической, химической, биологической и социальной эволюции. Данное обстоятельство послужило условием поиска универсальной идеи, на основе которой возможно объяснение процессов развития различных уровней организации материи.

В качестве такой идеи явилась идея универсального, глобального эволюционизма, в которой принцип развития получил новое обоснование и конкретизацию на конкретном естественнонаучном материале.

В эволюционной теории Ч. Дарвина принцип развития получил конкретное научное объяснение на основе раскрытия основных факторов эволюции живой природы. Обоснованные им основные факторы органической эволюции – наследственность, изменчивость и естественный отбор – послужили доказательством естественно-исторического характера появления видов.

Идея глобального эволюционизма как новая парадигма мышления нацелена на поиск интегральных механизмов эволюции человека и природы. С этих позиций человек выступает не только как продукт эволюции, но и как важнейший фактор эволюции органического мира. Интенсивно изменяя состояние окружающей среды по сравнению с ее историческими колебаниями, человеческая деятельность оказывает влияние на темпы и скорость органической эволюции. Такого рода изменения касаются,

прежде всего, эволюции низших форм жизни, в результате чего резко нарушается взаимная приспособленность видов в рамках экологической ниши. Поэтому в отличие от прежней трактовки эволюции как процесса медленных постепенных изменений она наполняется новым содержанием. Более того, с позиций глобального эволюционизма понятие эволюции включает и процессы взрывов, сальтаций, бифуркаций, выражающих процессы постоянных изменений и неравновесных состояний. В итоге эволюция предстает как внутренне противоречивый процесс, включающий в себя единство прерывности и непрерывности, определенности и неопределенности, закономерности и случайности, направленности и ненаправленности, устойчивости и стабильности, является необходимым условием процесса изменчивости.

Эволюционная идеология занимает ведущее место в современной науке и выступает как принцип, позволяющий распространять идеи эволюции на все области объективной реальности.

В философском аспекте принцип развития как исходный методологический принцип концепции глобального эволюционизма можно интерпретировать как смену одного типа самоорганизующихся систем на другой. Выражением всеобщих связей в материальных образованиях и в наличии связей между неживой и живой природой выступает принцип системности. Единство принципа развития и принципа системности является важнейшим принципом диалектики, выступая условием построения концепции глобального эволюционизма на основе идей синергетики, общей теории систем, квантовой генетики, эволюционной космологии и ряда других научных дисциплин. Стержневой идеей глобального эволюционизма является признание того, что все процессы во Вселенной носят универсальный характер, и это позволяет одинаковым образом описывать процессы, протекающие в неживой природе, на уровне жизни и в обществе.

Неразрывное единство живой и неживой природы получило точное обоснование в работах В. И. Вернадского, в которых было доказано, что живое активно воздействует на неживую природу, преобразуя ее структуру и организацию, приводит к образованию минеральных соединений и само существует благодаря постоянно происходящему обмену веществом, энергией и информацией с окружающей средой. Им было показано, что жизнь представляет собой целостный эволюционный процесс, включенный в космическую эволюцию.

В последнее время для описания механизмов развития сложных динамических систем широко используются идеи синергетики, объектом изучения которой является изучение закономерностей самоорганизации различного рода систем.

Самоорганизация охватывает процессы самовоспроизведения, самоконструирования систем различной природы, приводящих к возникновению новых структурных образований различного рода систем.

Важным признаком самоорганизующихся систем является наличие в них кооперативного эффекта, который проявляется в том, что не только стабильные состояния, но и сами изменения системного объекта обусловлены совместными взаимодействиями его микроэлементов. Такого рода кооперативные взаимодействия проливают свет на понимание источника развития сложных динамических систем.

Синергетика обосновала исключительно важную роль неустойчивых состояний в процессах развития, уточнив, что при сильном отклонении от состояния равновесия возникают особого рода структуры – диссипативные структуры, определяющие возможность возникновения порядка за счет постоянно происходящих флуктуаций, выступающих показателями хаоса на уровне микромира. Подобного рода случайные отклонения мгновенных значений величин от их средних значений нередко приводят к необратимости развития, что влечет за собой либо качественное изменение системы, либо ее разрушение. В случае качественного изменения системы возникает новая структура, новый порядок, обусловленный дифференциацией элементов системы.

С позиций синергетического подхода такого рода критические моменты неопределенности будущего развития – точки «разветвления» возможных путей эволюции, или точки бифуркации – характеризуются непредсказуемостью, поскольку невозможно однозначно предсказать возникновение порядка или хаоса. Вместе с тем, сама возможность спонтанного возникновения новых упорядоченных структур из хаоса – важнейший признак самоорганизующихся систем. Исследования в области синергетики позволяют наполнить конкретным содержанием категории необходимости и случайности, в которых находят отражение закономерности микромира. В частности, синергетика выявила творческую роль хаоса (случайности), показала его роль как созидательного, конструктивного механизма эволюции в процессах становления новой организации. Она продемонстрировала, что именно через хаос осуществляется связь различных уровней организации как внутри системы, так и на разных уровнях, поскольку в определенные моменты (моменты неустойчивости) малые возмущения могут приводить к возникновению новых макроструктур. Выявление роли хаоса в процессах развития имеет особое значение в определении возможных путей эволюции. Становится ясным, что эволюция представляет собой сложное взаимодействие изменчивости и устойчиво-

сти, неравновесия и равновесия, непрерывности и прерывности.

Идеи синергетики сыграли важную роль в обосновании того, что нейтральные процессы являются универсальными свойствами природы как следствие проявления ее внутренней активности. Сама необратимость обусловлена наличием неравновесных структур, способных к самоорганизации и самоусложнению. Данное обстоятельство применительно к живым системам было достаточно четко обосновано еще в 1935 г. Э. Бауэром, который в качестве неотъемлемого свойства жизни ввел принцип устойчивого неравновесия. В понятии устойчивого неравновесия нашло отражение единство равновесия и неравновесия как важнейшей характеристики жизненных процессов. В концепции глобального эволюционизма данное свойство жизни распространяется на все процессы во Вселенной. В сформулированном ранее принципе «экономии энтропии» было показано, что сложные системы обладают преимуществом перед простыми, поскольку они способны наиболее эффективно использовать внешнюю энергию. Благодаря этому стало возможным объяснение направленности эволюции Вселенной в сторону усложнения ее организации и роста разнообразия.

С позиций эволюционной идеологии стала возможной разработка концептуальных теоретических оснований происхождения Вселенной как огромной суперсистемы, все составляющие которой взаимосвязаны между собой, что в значительной степени способствовало утверждению концепции глобального эволюционизма как универсальной теории, занимающей особое место в современной науке.

Этому соответствовали и теоретические представления в области эволюционной космологии. Теория расширяющейся и раздувающейся Вселенной изменили представления о мироздании в целом. Суть этих представлений состоит в научном обосновании идеи космической эволюции, в установлении связи между мега- и микромиром, в обосновании того, что Вселенная не является чем-то однородным и изотропным, а состоит из множества вселенных, и в том, что источником космической эволюции является преобладание во Вселенной вещества над антивеществом.

Заключение. Данные в области эволюционной космологии подтвердили общность закономерностей эволюции живого и эволюции Вселенной в целом и свидетельствуют о плодотворности методологии глобального эволюционизма как интегративной концепции, в рамках которой возможен синтез данных различных научных дисциплин. С позиций глобального эволюционизма вырисовывается общая картина мироздания на основе раскрытия его основных закономерностей. Сказанное дает основание считать, что концепция глобального эволюционизма является научно обоснованной парадигмой современной науки.

НООСФЕРНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

The article is devoted to the development of the problem of formation of different levels and directions of noospheric constructivism which hasn't been studied sufficiently. Noospheric constructivism is viewed as the method of creative formation of noospheric reality in an abstract-theoretical form and of programmed practical activity, as well as a gnoseological direction of generating adequate systems of knowledge on the basis of studying the regularities of reproduction of natural and social phenomena and their co-evolutional relations. The paper reveals the following types of noospheric constructivism: relative constructivism, ecological constructivism, retrospective constructivism, transbordering constructivism, binary constructivism, megacyclic constructivism, global-evolution constructivism.

Введение. В современной философской литературе представлен широкий спектр публикаций по различным аспектам конструктивизма как методологии, эпистемологии, общего направления творческих поисков. Имеются материалы аналитические, критические, оценочные, адаптивно-тематические и другие [1]. Однако ощущается дефицит работ, специально посвященных выявлению и систематизации типов ноосферного конструктивизма как методологических подходов и гносеологических концепций научной и практической деятельности по осмыслению явлений, построению программ и реализации целей, относящихся к различным аспектам и уровням ноосферы как рационально организуемой системы социальной жизни в единстве с природной реальностью. В представленной статье сделана попытка сформулировать подходы к анализу проявлений ноосферного конструктивизма.

Авторская характеристика ноосферного конструктивизма близка по содержанию продуктивной идее конструктивного реализма В. А. Лекторского [2]. Под ноосферным конструктивизмом понимается метод творческого формирования ноосферной реальности в абстрактно-теоретической форме и практической целерациональной деятельности на основе познания закономерностей воспроизводства природных и социальных явлений и их коэволюционных связей.

Основная часть. Значительное место в становлении ноосферы занимают стихийные социальные процессы различных видов, обусловленные тем, что в своей повседневной деятельности большие массы людей руководствуются преимущественно социофильными (включая личностные) интересами, потребностями и целями, избирательно используя знания о природе, самих себе и обществе для достижения антропоцентрически полагаемых результатов своей активности.

Антропоцентрический подход в формировании абстрактной знаниевой модели будущего полезного результата с последующей ее материализацией в виде той или иной предметной

конструкции можно условно назвать ноосферным релятивным конструктивизмом. Релятивным потому, что само знание об объектах, подлежащих практической трансформации, в таких случаях расчленяется на требуемое и неактуальное, а результат материализации важного знания в виде определенной вещи, процесса, структуры, отношения, правила и т. д. также оценивается исходя главным образом из его практической полезности в плане удовлетворения какой-либо текущей или повторяющейся потребности человека. Чтобы устранять издержки релятивного конструктивизма, общество пошло по пути развития культуры страховочной деятельности – создания структур, технологий, программ, производства специализированных знаний, способов деятельности и т. д., нацеленных на обеспечение производства желаемого итога, предотвращение и устранение сопряженных с ним нежелательных событий, изменений и процессов. Институты испытателей, экспертов, контролеров, ревизоров, ликвидаторов, ремонтников, наладчиков и т. п. постоянно рационализируют приемы, инструменты, технологии, условия, нормативы и т. д. приведения основной, сопровождаемой ими деятельности и ее результатов в соответствие с рационально обоснованными стандартами и допущениями.

Релятивный конструктивизм в его рассматриваемом проявлении может быть предметом специального научного и философского исследования в целях формирования реальной картины становления ноосферы в контексте повседневной культуры жизни.

Исторически релятивный конструктивизм оказался органически связанным с антропоцентрической ориентацией науки, со становлением стандартов общества потребления, с соответствующей прагматической идеологией в отношении образа истинного знания, что лишь укрепило позиции релятивного конструктивизма в широких слоях общества. Последний стал приобретать черты радикальных поведенческих стратегий в виде, например, корпоративного эгоизма, и т. д. Стратегия релятивного

конструктивизма и состоит в том, чтобы создавать программы действий в виде бегущей строки для непосредственного, массового использования и сравнительно быстрого конструирования требуемого результата из элементов контактной среды, включая и ее дезорганизацию.

Являясь системообразующим фактом общественной психологии, релятивный конструктивизм не был адекватно осмыслен в статусе стихийно формирующегося прототипа антропоцентрической версии рационализма в отношении к природе, что составило идейную основу формирования приоритетности и престижности культуры потребительского образа жизни как доминирующей черты индустриальной эпохи.

В 60-х гг. XX в. была осознана необходимость согласования растущих потребностей человека с количественной мерой репродуктивных значений ресурсов биосферы. Будущее человечества оказалось связанным с реализацией специальных рациональнообоснованных планетарных мер по сохранению производящего потенциала глобальной экосистемы.

Одновременно человек создал свой новый программный образ как защитника и активного лоцмана права целостности и самоценности природы и, вместе с тем, как следователя, обвинителя, надзирателя-контролера, архитектора системы «общество – природа», строителя-партнера коэволюционных отношений с природой.

Реакцией социума на проблемы отношений с природой стал конструктивистский «взрыв» экокультурного рационализма, породивший множество складывающихся в систему элементов экологизированной стратегии соразвития природы и общества: научные исследования; экологические науки и учебные дисциплины; государственные структуры; общественные формирования; юридические законы; экологическая политика; технологии экологизации техники, экономики; экологические нормативы оценки разнообразных проектов; новые профессии; специализации и т. д. Экологизация становится рационально обоснованным нормативом ноосферного конструктивизма в государственном управлении, в международных отношениях, в промышленности, в сельском хозяйстве, в развитии естественных, гуманитарных и технических наук. Суть экологического конструктивизма заключается в построении системы научно обоснованного регулирования, взаимозависимого, согласованного (коэволюция) развития общества и природы.

В процессе формирования экологической культуры обнаружилась тенденция радикализации экологической составляющей ноосферного конструктивизма.

Это проявилось в подборе информации и обосновании тезиса о том, что в регулировании связей биосферы и ноосферы доминирующая

роль должна принадлежать глобальной экосистеме. Тип (форму) ноосферного конструктивизма, проявляющегося в концептуальной, абстрактно-теоретической форме обоснования данной позиции, мы назвали ретроспективным конструктивизмом (лат. *retro* – обратно, назад; *spectare* – смотреть; ретроспективный – обращенный к прошлому, посвященный рассмотрению прошлого). Содержание основной идеи ретроспективного конструктивизма заключается в том, что человечеству в своей природо-преобразующей деятельности следует руководствоваться преимущественно законами саморегуляции биосферы как категорическим императивом собственного выживания.

По причине «подмены» законами биосферы общих законов системы «общество – природа» ретроспективный конструктивизм проявляет свое релятивистское содержание. Ретроспективный конструктивизм не устраняет релятивность конструктивизма реально распространенной личности.

Релятивность ретроспективного конструктивизма обнаруживается и в том, что биосфероцентристские концепции не дают обоснованных ответов на вопрос о возможной деградации человека как вида, его генома при условии сокращения численности населения до уровня, совместимого с репродуктивными возможностями глобальной экосистемы.

Вместе с тем, ретроспективный конструктивизм побуждает искать ответы на вопросы о необходимости так называемого перехода биосферы в ноосферу – систему сопряженного развития общества, живой и неживой природы благодаря организующей роли разума. Переходные состояния и механизмы в структуре ноосферы, регулирующие взаимодействие отмеченных сфер действительности, являются объективно-нормативными, регламентируемыми культурой, факторами ее существования. Поэтому существует необходимость изучения пограничных связей ноосферы и построения на этой основе системы междисциплинарных знаний, методов, программ и т. д. в целях выстраивания механизмов согласования ее частей. Все это составляет содержание трансграничного (лат. *trans* – сквозь, через) конструктивизма.

Создание трансграничного слоя общенаучного, методологического, философского знания имеет первостепенное значение для развития теории ноосферы и решения различных проблем взаимозависимого существования человека, ноосферы и биосферы.

Упомянем также бинарный конструктивизм. Бинарный (лат. *binaries*) означает двойной, состоящий из двух частей, компонентов. Появление бинарного конструктивизма явилось результатом критической оценки односторонности биосфероцентристских концепций.

Поэтому важнейшей характеристикой бинарного конструктивизма выступает обоснование ноосферной асимметричности функций человека и биосферы по отношению друг к другу как различных объектов их симметричности (взаимной зависимости в системе «человек – биосфера» как единого целого).

Ноосфера складывается в качестве системы продукта мегацикла исторического развития жизни как геобиосоциального процесса ее эволюции, одновременно выполняя роль субъекта-конструктора дальнейших изменений природной, социальной и искусственной реальностей в их взаимосвязи.

Мегацикл развития жизни включает три основных периода:

1) самоорганизация и доминирование микроформ живого, изменение им абиогенной среды;

2) возникновение макроформ жизни, образование глобальной ее системы – биосферы, и порождение ею человека с иным (трудовым) способом обмена веществ в производстве жизни;

3) проникновение *Homo sapiens* с помощью науки и техники в микромир живой и неживой природы, осуществление массового производства искусственных химических соединений, трансгенных организмов, создание искусственных физических нанообъектов, изменение физико-химических свойств почвы, атмосферы, гидросферы, опустынивание планеты (якобы возврат к исходному этапу развития жизни). На третьем этапе мегацикла выявляется функция ноосферы, состоящая в относительном завершении витка исторического развития живого и создании предпосылок начала нового, возможного этапа его изменений. Суть мегациклического ноосферного конструктивизма состоит в формировании соответствующей объяснительной и прогностической системы научного знания, адекватной практики создания новых средств изменения условий и продолжения циклической логики развития жизни.

Неожиданный для автора результат расширения представлений о функциях ноосферного конструктивизма принесло осмысление предстоящего запуска Большого адронного коллайдера (англ. *collide* – сталкиваться) в контексте концепций глобального эволюционизма.

Приоритетной целью экспериментов на БАК является получение нового знания о темной материи и темной энергии, о роли последней в событии, положившем начало эволюции Вселенной – Большом Взрыве. Согласно современным представлениям, Вселенная возникает из вакуумно-подобного состояния и проходит несколько стадий качественных изменений: адронная эра, лептонная эра, эра изучения и эра вещества (в которой мы живем) [3, с. 98].

Таким образом, общая направленность развития науки, включая готовящееся экспе-

риментальное изучения некоторых условий возникновения Вселенной, обращает ноосферную стратегию познавательной деятельности и организации реальности к началу эволюции Вселенной.

В соответствии с концепцией универсального (глобального) эволюционизма, выражающего последовательность, общую направленность, целостность, необратимость изменения структур и систем Вселенной, включая восходящие и нисходящие ветви космической, геологической, химической, биологической, социальной, когнитивной эволюции [4, с. 95], ноосфера и человек могут и должны рассматриваться не только как результаты стихийного усложнения материи, но и как субъекты глобального цикла развития мира. Для создания адекватной объяснительной теории необходимо выстроить новейшую систему соответствующего научного знания. Все отмеченное составляет суть формирования глобально-эволюционного конструктивизма в развитии ноосферы. Следует подчеркнуть, что мегацикл развития жизни, который включает формирование ноосферы и обуславливает ее функциональные роли, оказывается лишь частью общего цикла глобальной эволюции.

В результате сопоставления этих циклов выявляется, что с возникновением жизни на Земле начинается процесс оборачивания глобальной эволюции якобы к своему началу – Большому Взрыву, а значит, к осознанию самых ранних физико-химических предпосылок генезиса жизни, которые могут быть косвенно определены в экспериментах на БАК. Общей задачей исследования глобально-эволюционного конструктивизма, вероятно, следует считать познание интеллектуальных и объективных материальных возможностей для начала обновленного эволюционного цикла жизни человечества.

Заключение. На основе анализа некоторых особенностей повседневной социальной практики и научного познания выявлены и охарактеризованы различные типы (формы) ноосферного конструктивизма. К ним отнесены: релятивный конструктивизм, экологический конструктивизм, ретроспективный конструктивизм, бинарный конструктивизм, мегациклический конструктивизм, глобально-эволюционный конструктивизм. Эти формы ноосферного конструктивизма формируются в значительной степени стихийно и изолированно друг от друга, поскольку данные различных наук в их предметных полях не синтезируются на основе подобранных методологических программ изучения возможных путей формирования ноосферной реальности. Определенную интегрирующую роль подобного плана могут сыграть выдвигаемые автором идеи мегацикла развития жизни и глобального эволюционного цикла, которые связаны между собой соответственно

как часть и целое. Такой подход, по мнению автора, будет способствовать более продуктивному формированию теории ноосферы, раскрытию сущности и путей развития ноосферного конструктивизма.

Литература

1. Касавин, И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы / И. Т. Касавин // Эпистемология & философия науки. – 2008. – Т. XV. – № 1. – С. 5–14; Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 3–37; Швырев, В. С. От классического к современному конструктивизму / В. С. Швырев // Философские науки. – 2008. – № 3. – С. 10–20.
2. Лекторский, В. А. Конструктивизм и реализм в эпистемологии / В. А. Лекторский // Философские науки. – 2008. – № 3. – С. 5–9.
3. Гиндилис, Л. М. Проблема космического разума в свете универсального эволюционизма / Л. М. Гиндилис // Философские науки. – 2006. – № 7. – С. 98–101.
4. Казютинский, В. В. Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма / В. В. Казютинский // Философские науки. – 2006. – № 7. – С. 93–97.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ

In given article it is analyzed as the classical theory of modernization and the alternative models of modernization. Globalization has very strongly changed the status and a place of processes of modernization. In this article the lacks of the classical theory of modernization are marked and the reasons of its low efficiency for an explanation of the social transformations of a modern society are opened. The local national model of the modernization, arising at some level already achieved westernization, is determined as the quality of the most adequate and effective form of development of the Belarus society, and also the necessity of consolidation the eastern Slavonic peoples is marked. The alternative concept of the set of the modernizations and model of national local modernizations considers distinctions in the modernization of the different countries as natural process and denies a uniform sample and a way of the development.

Введение. Глобализация очень сильно изменила статус и место модернизационных процессов, показав, вместе с тем, что классическая модернизационная теория уже не может эффективно и достоверно объяснять социальные реалии. Глобализация разрушила представления о единственности модернизационной теории, акцентировав основной вопрос о современности как завершенном или незавершенном проекте. Одни авторы, например З. Бауман, считают, что проект современности завершен, в результате чего общество стало квазиприродной реальностью, не управляемой обособленными индивидуализированными людьми. Другие, как Э. Гидденс, У. Бек, предполагают, что западная цивилизация вступает в этап «новой современности». Однако несмотря на такие кардинально отличные установки как первые, так и вторые философы и социологи полагают, что многогранность социальной реальности требует для своего понимания и объяснения новые, альтернативные варианты модернизационной теории. Более того, в ситуации экономического кризиса классические варианты модернизационной теории К. Маркса, Ч. Кули, Э. Дюркгейма и т. д. уже не в состоянии адекватно описать и объяснить происходящие социально-экономические и социально-политические трансформации в современных обществах.

Основная часть. Модернизация как основной тип социального изменения представляет собой содержательный аспект концепции индустриализации: модели семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества. Выделяют первичную модернизацию как процесс изменений, осуществленный в эпоху промышленных революций, и вторичную – процесс формирования индустриального общества в странах третьего мира в ситуации наличия образцов (центров индустриально-рыночного производства), под которыми понимались развитые страны Запада, и возможностей прямых контактов с ними. Вторичная модернизация была представлена двумя образцами: советизация и вестернизация.

Классическая модернизационная теория объясняла социальную динамику как переход общества от традиционной стадии развития к современной. При этом под традиционным обществом понимается общество, воспроизводящее себя на основе традиции и имеющее следующие характеристики: ориентация социальной жизни на мифологические и религиозные представления, коллективизм, преобладание локального над универсальным, экономика сельского хозяйствования, авторитарность власти, циклическое развитие и др. Современное общество коренным образом отличается от традиционного тем, что ориентируется на инновации; демократические институты, инструментальные ценности, массовое образование, преобладание универсального над локальным, персональную выделенность и индивидуализированность индивида, поступательное нециклическое развитие и др.

Можно выделить следующие типы модернизации. Первый тип представлен переходом западного общества от Средневековья к Новому времени, в результате чего сформировался тип инновационного органического развития, т. е. изменения происходили изнутри, органически, на основе собственных потребностей. Второй тип модернизации был осуществлен Россией и представляет собой неорганический догоняющий, мобилизационный тип развития, в который были вовлечены и другие страны, находящиеся на этапе доиндустриального развития. В качестве источника развития выступил Запад, чей пример модернизации воспринимался как эффективное решение отсталости и ускорения развития. К культурным предпосылками этого типа модернизации относится вера прозападных элит в социальный прогресс. Однако этот процесс догоняющей неорганической модернизации не был до конца завершен в силу объективных исторических реалий, таких, например, как октябрьская революция 1917 г. Третий тип модернизации – мобилизационно-инновационный – был осуществлен странами Юго-Восточной Азии. Реализация этого типа развития происходила без радикального изме-

нения идентичности, а источником развития с одной стороны послужил пример Запада и его вызов другим странам. С другой стороны – это внутренний источник, а точнее, поражение в войне и экономические проблемы. При данном типе развития духовные, культурные, семейные ценности не трансформировались, наоборот, они выступили основой для дальнейшего развития общества. Четвертый тип модернизации – это постколониальный тип развития, который был инициирован вызовом и примером Запада и реализован прозападными элитами стран третьего мира. Результатом таких модернизационных проектов часто становилось разрушение традиционного общества, так как духовные, культурные предпосылки развития отсутствовали.

В чем же заключается критика классической теории модернизации? Во-первых, в том, что в ней акцентируется линейность и одновариантность развития. Во-вторых, классическая теория признает за историей наличие логики и закономерности развития, что в принципе лишает общество возможности выбора. В-третьих, это жесткая установка на социальный прогресс и возможность его реализации по заданному образцу. В-четвертых, классическая модернизационная теория не учитывает такой факт, как нелинейность развития и его многовариантность. Другими словами, эта теория представляет собой идеальный тип, искажение которого неминуемо при попытке его переноса на реальное социальное пространство. В силу этого, как попытки минимизации недостатков классической теории в середине 90-х гг. XX в. появились альтернативные теории модернизации, или постмодернизационные теории, основная черта которых заключается в их прагматизме и применимости к конкретным социо-культурным реалиям современных обществ. Остановимся подробнее на каждом альтернативном типе постмодернизационных теорий.

Одним из них является транзитология, сущность которой сводится к двум основным принципам: демократизация и маркетизация. В частности, в России и других странах СНГ осуществление этого проекта модернизации столкнулось с рядом проблем, например, противоречие между рационализацией производительных сил и традиционными национальными ценностями. Анархия как определенный тип свободы, во многом свойственная славянскому менталитету, обернулась в процессе модернизации в негативную форму индивидуализма, отрицающую не только власть, но интересы другого. Таким образом, анархизм становится идеологией жизни на уровне базового выживания. В результате такого конфликта ценностей, порожденного анархией, этот радикальный вариант модернизации привел к демодернизации,

демократизация – к анархическому порядку. В силу указанных проблем проект транзитологии себя не оправдал.

Р. Рорти, американским философом, был предложен утопичный проект модернизации – ироническая солидарность. Свой социальный идеал Р. Рорти связывает с проектом «либерального иронизма», суть которого заключается в том, что «ироник» признает принципиальную случайность и относительность своего языка и сознания, а «либерал» рассматривает жестокость как наихудшее проявления зла. В силу этого будущее либеральное общество должно быть ориентировано на идеал свободы, а не истины, на легитимность дискурсов, а не одного авторитетного высказывания, на либеральных ироников, а не демократов. Отметим, что созданный проект иронической солидарности Р. Рорти – это утопия, однако отвечающая интересам и желаниям человека современного общества.

Следующим типом постмодернизационной теории выступает утилитаристский проект «хорошего общества», который представляет собой попытку «сконструировать» общество на основе соединения лучших черт, присущих разным обществам. Данный тип постмодернизационной теории возник в связи с исчерпанием доверия к радикальным проектам как нелиберальным, так и коммунистическим и каким-либо еще. Эта теория получила свое раскрытие в концепции Дж. Ролза, противопоставившего модель государства всеобщего благоденствия, допускающую классовое неравенство, и не совсем четко прописанную модель демократического владения собственностью, это неравенство преодолевающую. «Хорошее общество» должно включать в себя все то позитивное, что уже есть в разных обществах: права человека, высокий уровень благосостояния, приемлемый социальный порядок и т. д. Вместе с тем возникает проблема критерия, нормы, позволяющей назвать общество именно так. Есть и другой «подводный риф» этой теории: при стремлении реализовать этот проект личностная установка индивида может выступить в качестве препятствия, что в целом ставит под удар все теоретические выкладки этой концепции.

В качестве постмодернизационной альтернативной теории выступает концепция устойчивого развития. Идеи устойчивого развития были заложены в концепции Римского клуба и получили развитие в конце 80-х гг. XX в. В данной концепции, не отрицая развития, были указаны опасности его форсирования, невозможность для окружающей среды выдержать биотические нагрузки, связанные с активной деятельностью человека. Однако призыв минимизировать потребности обернулся сохранением статус-кво для Запада, но не для отставших стран. В итоге богатые страны богатеют, а бедные беднеют,

и убедить отстающие страны в том, что это так надо для сохранения окружающей среды, очень проблематично. То, что США не ратифицировали Киотский протокол, лишний раз свидетельствует, что концепция устойчивого развития работает, к сожалению, только на ограничение развития менее развитых стран, не затрагивая страны «золотого миллиарда».

Другой проект постмодернизационной теории выражен в теории макдональдизации как проявление нового типа рациональности, представленного в концепции американского социолога Дж. Ритцера. Под макдональдизацией Дж. Ритцер понимает «процесс, в ходе которого принципы работы ресторана быстрого обслуживания начинают определять все большее и большее число сфер как американского общества, так и остального мира... макдональдизация затрагивает не только ресторанный бизнес, но и образование, труд, здравоохранение, туризм, отдых, питание, политику, семейные отношения и виртуально каждый другой сегмент общества» [1, р. 3]. Макдональдизация включает в себя следующие параметры: экономическая эффективность, калькулируемость процесса и результата, предсказуемость последствий определенных действий и технологически оснащенный контроль за поведением. Социолог отмечает, что, будучи социально и культурно востребованным типом рациональности, эти социальные практики макдональдизации стали быстро распространяться. Например, пресса все более ориентируется на «макгазеты», т. е. аналитические статьи вытесняются краткой информацией. В сфере высшего образования возникают «мак-университеты»: учебники все больше напоминают «мактексты», а творческие дискуссии заменены тестами. Отметим, что данная модель не подходит постиндустриальным обществам с высоким доходом на душу населения и устойчивой системой нравственных ценностей.

С нашей точки зрения, наиболее адекватной и эффективной формой развития белорусского общества является выделенная С. Хантингтоном локальная, или национальная, модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации. Национальный в данном контексте понимается не как этноцентристский, а как соответствующий интересам национального государства. Согласно такому утверждению получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит, к многообразию типов модернизации. Так, в доказательство этого утверждения С. Хантингтона приведем слова

одного из крупных специалистов по теории модернизации Ш. Айзенштадта, который убедительно показал, что в условиях глобализации находящийся в процессе трансформации Запад уже не может по-прежнему выступать универсальным образцом развития. Более того, каждое общество само решает, в каком типе модернизационного развития оно нуждается. В силу этого появляется множество модернизаций, складывающихся на локальном уровне [2, р. 4–30]. Славянский мир вступил в третье тысячелетие раздробленным и обесилленным, подверженным внутренним распрям и разрушительному внешнему воздействию. Поэтому наиболее важным в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент является формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на собственной культурно-цивилизационной основе. В этой ситуации восточнославянским народам остается два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр развития и силы, или превращаются в «этнографический материал» для развития других цивилизационных центров развития. Вывод напрашивается сам собой: только в равноправном союзе друг с другом и некоторыми другими странами Евразии восточнославянские народы могут сохранить себя.

Заключение. Классическая теория модернизации рассматривает Запад как единственно возможный образец для модернизации других стран. При этом эмпирические несовпадения модернизаций других стран с западным образцом этой теорией трактовались как незавершенные или неуспешные проекты модернизации. Альтернативная концепция множества модернизаций и модель национальных локальных модернизаций рассматривает различия в модернизации разных стран как закономерный процесс и отрицает единый образец и путь развития. Именно поэтому в качестве наиболее адекватной и эффективной формы развития белорусского общества была указана локальная, или национальная, модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации и предполагающая для своей реализации консолидацию восточнославянских народов.

Литература

1. Ritzer, G. *The Mcdonaldization of Society* / G. Ritzer. – Pine Forge Press, 2000. – 226 p.
2. Eisenstadt, S. N. *Multiple Modernities* / S. N. Eisenstadt // *Daedalus*. Winter. – Vol. 29. – № 1.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ГОРОДА

The article devoted to theoretical and methodological conceptions of the cities research. Aim of the article is the theoretical reconstruction scientific approach to the urban sociology. The article shows the ambiguity and mobility of formation of various scientific interpretation of the cities progress. The historical and philosophical analysis shows the increase of complexity of methodological base of this problem. In connection with urban expansion of the XX century there was a necessity of revision, apparently, the settled sights at those or other problems connected with cities research. The present stage of public transformations demands deeper representation about the condition of world community in its deep characteristics. Proceeding from it, the main substratum of social space of the modern city become individuals, forms of their socialization, ways of the social space organization, the forms of relations, collective representations.

Введение. Исследования города с точки зрения социально-гуманитарных наук имеют бесспорную актуальность, поскольку не только позволяют дать адекватное описание многим социальным феноменам, характерным для крупных поселенческих общностей; концентрируют внимание на самой разнообразной, гетерогенной среде, где сосуществуют различные этнические, религиозные, статусные, субкультурные группы, но и позволяют описать социальные процессы и явления, характерные для современного общества в целом. Кроме того, в русле городских исследований зачастую развиваются и новые методы социального познания. В качестве примеров можно привести Чикагскую социологическую школу или традицию анализа социального пространства в Германии.

Основная часть. Наиболее распространенными среди современных специалистов подходами к исследованию города, являются: социологический, философско-антропологический, системный, средовой и ландшафтный. В рамках каждого из этих подходов разрабатывается собственная теоретико-методологическая база.

Собственно социологическая традиция в изучении города имеет недолгую историю. В течение второй половины XIX–XX вв. западная социология наработала свои теоретико-методологические подходы к изучению этого весьма сложного феномена. Сложность объекта и предмета изучения урбан-социологии отражается в многообразии подходов и направлений в изучении города и его социокультурного пространства.

Активное формирование системы научных знаний, целенаправленно ориентированной на исследование форм городских поселений, относятся к концу XIX в. Рост городов в XIX в. как логическое продолжение промышленной революции привлекал к себе исследователей с различными, порой противоположными идеологическими установками и научными подходами. Изучая перемены, происходившие в мире, и возникающие вследствие этого проблемы в

обществе, ученые стремились понять город не столько в рамках его отличия от деревни, сколько во взаимосвязи с развитием всего общества. Они акцентировали свое внимание на анализе характера общественных сил, которые исторически определяли урбанизационную динамику [1, с. 12].

Несмотря на то, что за исключением М. Вебера у отцов-основателей современной социологии не было специальных работ, посвященных городу, их труды наложили отпечаток на развитие всей городской социологии [2]. Идеи Э. Дюркгейма о роли «разделения труда» в формировании города, марксистскую теорию классового конфликта, развитие концепции «идеальной бюрократии» М. Вебера можно обнаружить в качестве методологических оснований большинства работ современных авторов, занимающихся городской социологией. В целом, можно считать, что проблемы, выдвинутые М. Вебером, Г. Зиммелем, К. Марксом и др. – роль городов в развитии общества, соотношение городской и сельской форм жизни, социальный контроль и развитие личности в городе – стали базовыми в последующих исследованиях города.

Концептуальные положения классиков европейской социологии сыграли большую роль в теоретико-методологической ориентации социологов знаменитой Чикагской школы (Э. Берджес, Р. Парк, Л. Вирт) в 1920–30-е гг. Социологи Чикагской школы считали изучение городской проблематики необходимым условием понимания важнейших проблем современного общества. При этом они полагали, что нужно изучать современное общество через город [3, с. 45]. Специфика Чикаго как одного из крупнейших центров американской иммиграции стала и фоном, и стимулом к развитию прикладных исследований и теоретических обобщений. Формирование социально-экологической концепции Р. Парка, Э. Бэрджесса, Р. Маккензи происходило в условиях тесной связи исследовательских задач с конкретными

проблемами города [4, с. 77]. Складывавшаяся социальная ситуация ставила практическую проблему согласия, общетеоретическую проблему коммуникации, социологическую проблему взаимодействия социальных образований со средой их обитания. Социально-экологическая концепция, примененная Р. Парком, Э. Бэрджесом и Р. Маккензи к конкретному объекту – городу, явилась теоретической реакцией на эту ситуацию.

Развитие социально-экологической теории было направлено на социологизацию и преодоление биосоциального дуализма. Последователь Парка Л. Вирт, стремясь избавиться классическую концепцию от эклектики, допускавшей равную возможность различного рода интерпретаций городских процессов (географическую, историческую, этнографическую и др.), конструировал «чисто социологическую» теорию городской жизни. Источником интенсификации коммуникаций у Вирта выступает массовость городской жизни, т. е. скопление множества людей на ограниченной территории. Пространственный аспект стал доминирующим в характеристике среды, а социальная экология начала восприниматься ее теоретиками как наука о пространственно-временном измерении социального.

Концепция урбанизма, созданная в рамках Чикагской школы социологии, оставалась лидирующей вплоть до 60-х гг. XX в. С середины 60-х гг. XX в. наметился переход процесса урбанизации на постиндустриальный этап, который характеризовался новым содержанием, направлениями, механизмами и конкретными формами концентрации самоорганизации социальных систем в городе. Произошло существенное расширение социального и территориального пространства урбанизации, а глобальные социальные процессы и глубинные экономические и социальные сдвиги в обществе обусловили изменение и расширение городских функций.

В настоящее время в западной социологии прочно утвердились неомарксистские и неовейберовские концепции объяснения процессов развития городов. В основе этих подходов содержится анализ проблем функционирования капитала в западных городах, а также процессов городского «коллективного потребления» как основы воспроизводства при капитализме, анализируется возрастание зависимости города от интересов правящих элит.

Неомарксизм возник на основе критики городского «менеджериализма» – теории, объясняющей управление городским развитием в 60–70-е гг. XX в. В рамках этого подхода за основу брался тезис о самодостаточной роли городских агентств, обеспечивающих все функции управления и жизнеобеспечения города и предопределяющих процессы городского развития.

В направлении неомарксизма работает ряд крупных социологов, среди которых можно назвать М. Кастельса и Д. Харви. За основу анализа города эти авторы берут изучение экономических и политических факторов, влияющих на формирование города, уделяют внимание изучению социально-территориальных последствий применения новых технологий, рассматривают, каким образом меняется город в ходе вступления в новую эпоху – «информационную».

Весомая заслуга в изучении городских процессов принадлежит М. Кастельсу, который в основу методологии исследования города положил изучение экономических и социальных процессов, влияющих на его формирование. М. Кастельс утверждает, что создать объективную основу исследования города и процесса урбанизации может помочь анализ ряда «исторически определенных отношений между пространством и обществом» [5, с. 5], а также связи между историческим значением, функциями города и пространственными формами. Процесс урбанизации, считает ученый, представляет собой следствие «определенного типа отношений между общественной организацией человеческой деятельности и материальной базой этой организации» [5, с. 7]. Этот социолог представляет и описывает город как пространственное воплощение различных социальных отношений. Он полагает, что в основе связи между городом и пространством лежит общественная природа разграничения пространства. Следовательно, проблемы города относятся к проблемам, касающимся организации пространства, социального и технического разбиения пространства, а также к проблемам, возникающим в связи с производством, распределением и управлением предметами коллективного потребления.

Не менее важный вклад был внесен в изучение города британским географом и социологом Д. Харви. Его работы были посвящены пространственному воплощению социальных процессов в городах. Город он рассматривает с точки зрения организации пространственной среды и создания среды искусственной. В своей работе «Социальная справедливость и город» британский социолог доказывает, что пространственный облик города обусловлен отнюдь не только естественными рыночными отношениями, но главным образом монопольной властью большого бизнеса [6]. Д. Харви показывает, что городская структура, в конечном счете, предопределяет поиск наибольшей выгоды для капитала, а также процесс борьбы различного рода собственников, общественных и частных институтов за господство в обладании рычагами управления им. В целом, Д. Харви полагает, что анализ того, каким образом создается и используется физическое и социальное пространство в городе,

исключительно важен для теории урбанизации, поскольку она является «продуктом» этого процесса, а также в связи с тем, что здесь происходит столкновение сложных комплексных явлений, придающих урбанизации особую форму и содержание. В США идеи Д. Харви были интерпретированы в работе Д. Логана и Х. Молоча в контексте идеи о центральном значении местных конфликтов в развитии города.

В Британии в примерно в это же время сложилась сильная неовеберианская школа в рамках социологической теории. Ее связывают с именами Д. Белла, Э. Гидденса и др. В их работах много внимания уделялось обоснованию различия подходов К. Маркса и М. Вебера к анализу основных социальных процессов. Неовеберианцы начали разговор о новой «политической экономии» городов, в которой собственно политическое измерение является гораздо более важным и автономным, чем экономическое. В этом смысле особую важность приобретает партийная окраска экономического развития городов, политические причины их упадка и взлета. Заслуживает внимания и «интерпретативный подход» к изучению городской жизни и городских процессов, объясняющий возникновение верований, символов и их систем. Все это вместе взятое делает возможным анализ коллективных действий на основании разделяемых значений. Таким образом, для городских социологов неовеберианского толка в 1980-е гг. особо значимыми стали вопросы: организации большего числа эмпирических исследований; необходимости изучения истории городов; анализа иерархии городов в рамках существующих систем; обеспечения мониторинга правительственной политики в отношении городов.

Противоположностью традиционному экологическому подходу к изучению городов является синтетическая теория социопро пространственной перспективы (SSP). В рамках этого подхода недвижимость рассматривается как важнейшая причина изменений в метрополисах. Сторонники SSP-подхода изучают также правительственное вмешательство и интересы политиков в росте, как принципиальный фактор изменений в городах. Кроме того, решающим фактором понимания городской жизни, с точки зрения социопро пространственной перспективы, является изучение культурных ориентаций горожан. И, наконец, понимание городских процессов невозможно вне контекста глобальных процессов – международного разделения труда, деятельности транснациональных корпораций. В рамках SSP-подхода оформился синтетический подход, сочетающий факторы давления, связанные с изменениями в экономи-

ческом производстве, транспортными инновациями, и противодействующие факторы, в лице правительственной интервенции и деятельности риэлторов, основанной на вторичном обращении капитала. Сторонники данного подхода пытаются совместить человеческое измерение со структурными измерениями.

Кроме того, существуют и иные интерпретации теоретико-методологических подходов к исследованию городов. Так, например, некоторые авторы полагают, что различные концепции и подходы могут быть условно объединены в научные школы – технологическую, культурных ценностей и социальной власти [4, с. 81]. В рамках первой школы техника рассматривается как основной фактор развития (и изучения) городов. Представители школы культурных ценностей берут в качестве основного фактора ценности. Представители школы социальной власти анализируют городские процессы с точки зрения социологии политики. Нетрудно заметить, что эти подходы, особенно два последних, развиваются в рамках неовеберианской традиции.

Закключение. Делая общий вывод, следует отметить тот бесспорный факт, что город как единый территориальный социально-экономический организм предстает в качестве сложно организованной системы и, соответственно, является предметом исследования многих наук. Современные социологические концепции, несмотря на различные теоретико-методологические основания их авторов, вносят свой вклад в изучение городов и дают возможность понять специфику функционирования современного города, которая во многом заключается в высокой степени его преобразующего воздействия на общество.

Литература

1. Савченкова, В. М. Концепции города и урбанизации в западной социологии (теоретико-методологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01 / В. М. Савченкова, МГУ. – М., 2005. – 27 с.
2. Вебер, М. История хозяйства. Город / М. Вебер. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 576 с.
3. Вагин, В. В. Городская социология / В. В. Вагин. – М., 2000. – 169 с.
4. Казанцев, В. И. Социология города / В. И. Казанцев, М. Г. Светуньков. – Ульяновск, 2004. – 192 с.
5. Castells, M. City, Class and Power / M. Castells. – London, New York: St. Martins Press, 1978. – 295 p.
6. Harvey, D. The Urbanization of Capital / D. Harvey. – Oxford: Blackwell, 1985. – 248.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ АНАЛИЗА СТРАТИФИКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

The principal purpose of the article is, first, the consideration of main methodological approaches to analysis of stratification in russian sociology and, secondly, the general assessment of actual condition of the russian society in the context of globalization. In the article the comparison is made between class structure of the russian society before and after the period of «perestrojka». It is maintained, that russian political leadership's orientation towards western models of social organization and influence of processes of globalization result in considerable social inequality. It is noted, that stratification system in Russia is in the course of development, as a result, in the modern russian sociology a common approach to the analysis of stratification is still absent. The conclusion is made, that while showing up social stratification structure one should not overestimate such subjective factors as self-identification and take into account objective factors as well.

Введение. В 1983 г. социально-классовая структура Российской Федерации в общей численности занятого населения состояла из двух классов и прослойки – народной интеллигенции. По данным статистики, в тот год рабочие в стране составляли 63%, интеллигенция (служащие и специалисты) – 27%, колхозники – 10% [1, с. 99].

За годы перестройки (1985–1991 гг.) и последующих реформ социально-классовая структура постсоветской России кардинально изменилась. В ходе приватизации общенародной собственности советский рабочий класс перестал существовать как ведущая политическая сила и основной элемент социальной структуры общества. Ныне его место занимают большие группы работников физического труда, разбросанных по многочисленным корпоративным объединениям, для которых характерны отношения конкурентной борьбы друг с другом.

Подобная судьба постигла и советское крестьянство. Элементами механизма, созданного для ликвидации колхозного крестьянства, явились: запрет за ссуды и кредиты колхозам, закрытие государственных приемных пунктов сельхозпродукции, отмена пошлин на ввоз в страну из-за рубежа зерна, мяса, молочных продуктов и других товаров сельхозпроизводства, настоятельные рекомендации местным властям делить землю, инвентарь, имущество колхозов между их членами, широкие льготы тем, кто собирался вести частное сельхозпроизводство, становиться фермерами.

Несобственники (бывшая интеллигенция, а нынче бюджетники и лица свободных профессий (артисты, художники и др.)), по выражению некоторых социологов, «дифференцировались в соответствии с требованиями рынка», а на самом деле вынуждены были продавать свой труд не по стоимости рабочей силы, как положено при рыночных отношениях, а трудиться за мизерное вознаграждение, которое позволяло им лишь выживать в условиях шоковой терапии. Интеллигенция фактически

оказалась отстраненной от активной общественной жизни, инновационного процесса в стране, зачастую просто невостребованной со своими опытом, навыками, знаниями.

Основная часть. В результате осуществления политической воли Б. Н. Ельцина и его сторонников социальная структура России была перестроена «по образу и подобию» западной, капиталистической. Основные социальные слои российского общества подверглись массивным атакам со стороны государственной власти и были попросту рассеяны в социальном пространстве. Общество атомизировалось и каждый индивид, будучи «освобожденным» от классовой принадлежности, оказался во власти стихийных социальных отношений.

Но в таком состоянии люди (страна) утрачивали возможности выживать и иметь перспективу. Они снова стали объединяться в различные ассоциации. Однако стратификационная система общества, причем совершенно новая, сложиться за 15–17 лет просто не в состоянии, что и отмечают российские социологи. Они в большинстве своем утверждают, что трансформационные процессы еще могут происходить – в силу влияния политического фактора на перераспределение собственности, власти между социальными общностями, социальными статусами. К тому же на Россию оказывается и мощное давление извне по поводу перестройки социальной структуры общества. Недавно по ЦТ бывший Президент РФ сделал сенсационное заявление. По словам В. В. Путина, Россия, которая уже 15 лет ведет переговоры о вступлении во Всемирную Торговую Организацию, т. е. стремится стать частью мировой экономической системы, терпит неудачу потому, что ВТО требует от Российской Федерации не оказывать российскому крестьянству государственной финансовой поддержки.

Отсутствие ясно выраженных гуманистических тенденций в социальной стратификации вызывает неразбериху методологических подходов по ее социологическому анализу.

Так, например, Т. И. Заславская использует для характеристики особенностей стратификации в РФ понятие «иерархические слои», выделяя в них как особые *элиты*, *верхний*, *средний*, *базовый* и *нижний* [2, с. 524–538].

З. Т. Голенкова делит все Российское общество на две группы (или на два класса) – собственники и наемные работники. Последние, по ее данным, составляют 92,8% всего населения страны [3, с. 15].

П. Бурдые изучает стратификацию российского общества через понятие «социальное пространство», которое в свое время предложил П. Сорокин и которое, как и у П. Сорокина, подразделяется на разные поля [4, с. 302–423]. Только если у П. Сорокина выделяются всего три поля – и соответственно, *три страты*, у П. Бурдые социальное пространство делится на множество полей, соответствующих статусам. И в результате, если у П. Сорокина страты характеризуют деление общества в вертикальном отношении (выше – ниже), у П. Бурдые статус характеризует расслоение общества по горизонтали.

Л. А. Беляева применяет метод кластерного анализа, выделяя как важнейшие социально-экономические, политические и социокультурные факторы. По пересечению этих полей (факторов) ею и определяется положение общностей и индивидов в социальной структуре. В результате она выделяет следующие слои – *высокостатусный*, *эксперты*, *реалисты*, *новые бедные* и *старые бедные*.

Высокостатусный слой, по ее мнению, составляет 6% от населения России, состоит на 64% из предпринимателей и менеджеров (по профессии), работает в секторе частной собственности, образование в основном – высшее, по отношению к власти – не менее 10 человек в подчинении, по доходам квалифицируются как богатые.

Слой *экспертов* составляет 20% от населения России, состоит в основном из гуманитарной интеллигенции и менеджеров (по профессии), представители его работают на государственных предприятиях и в учреждениях (бюджетники), образование – незаконченное высшее и высшее, властный ресурс отсутствует (как правило), по доходам – зажиточные.

Реалисты как социальный слой составляет 38% от населения России, состоит из рабочих на 26,7%, пенсионеров – на 16,4%, студентов – 11,6%, отношение к собственности отсутствует, образование – отсутствует высшее (как правило), по отношению к власти – нет властного ресурса, по доходам – обеспеченные.

Новые бедные, будучи социальным слоем, составляют 11% от населения России, по профессии: гуманитарная интеллигенция – 38,4%, пен-

сионеры – 27,5% и др., в основном имеют высшее образование, властный ресурс отсутствует, по доходам – необеспеченные или бедные.

Старые бедные тоже как социальный слой составляют 25% от населения России, по профессии: рабочие – 25,4%, сельские жители – 13,5%, пенсионеры – 27,5%, властный ресурс отсутствует, в основном имеют среднее образование, но занимают низкие социальные позиции, о доходах без оговорок относятся к бедным [5, с. 61].

Для этого автора характерным является еще то, что она дает и гендерную характеристику всех названных выше слоев. По этому показателю только в высокостатусном слое большинство его членов составляют мужчины – 72%, в остальных – женщины: у экспертов – 54,7%, у реалистов – 63,3%, у бедных – от 54 до 63%.

По возрастным показателям автор показывает следующую картину: в высокостатусном слое до 60% составляют люди, имеющие возраст 60–65 лет, и только 35% – младше этого возраста, т. е. данный слой состоит в основном из пожилых людей, конкретно – бывших номенклатурщиков и представителей теневой экономики еще в СССР. Из молодежи в этот слой за последние годы попали немногие.

Слой экспертов тоже больше чем на половину (55%) состоит из людей, перешагнувших 60-тилетний рубеж. Слой реалистов на 65% состоит из пожилых людей, т. е. старше 60 лет. Слой бедных – новых и старых, тоже имеют высокий возрастной ценз – от 55 до 65% [6, с. 21].

В целом получается удручающая картина. Бедствующими в современной России являются женщины и старики, а молодежь в основном находится в поиске своего места в стратификационной структуре общества.

А как же быть с необходимостью создания так называемого среднего класса, который бы и обеспечил «невозврат» России в социалистическое прошлое?

В РФ появляется еще один подход к анализу социальной стратификации, представленный в работе «Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс» (под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой), в которой все граждане Российской Федерации, согласно методологии западной социологии, делятся на *богатых*, *бедных* и *средний* слои или классы [7, с. 45]. Обратимся к конкретным критериям, по которым западные социологи выделяют так называемый средний класс, составляющий в странах с развитой экономикой 55–65% всего населения страны. Это, во-первых, доход – от 1/3 до 1/2 среднедушевого дохода в этих странах; во-вторых, наличие собственности; в-третьих, достаточно высокое образование, дающее возможность получения престижной профессии и работы, а также карьерного

роста, достаточно высокий статус в обществе; в-четвертых, особое социальное мировоззрение.

В России такого класса нет. Поэтому названные выше создатели упомянутой работы отнесли к признакам такого класса личностные самооценки, или *самоидентификацию* людей в соответствии с тем какой класс уже есть. При таком подходе не учитываются объективные факторы – уровень дохода, образования и пр. [7, с. 6–8].

Заключение. По моему мнению, о проблеме самоидентификации необходимо говорить лишь при исследовании общественного мнения, но не при анализе социальной структуры общества. Здесь уместно будет привести пример из учебника по социологии А. И. Кравченко, который пишет: «В конце 40-х годов XX века, американский журнал “Форчун” опубликовал сенсационное сообщение: Америка – общество среднего класса, 80% респондентов отнесли себя именно к нему. Однако после проверки выяснилось, что в анкете предполагалось всего три альтернативы: высший, средний и низший классы. Позднее провели национальное обследование, а в анкете добавили еще одну альтернативу – рабочий класс. Теперь уже 50% респондентов отнесли себя именно к нему. Оказывается, люди испытывают неприязнь к слову “низший класс”. Тот, кто по своим доходам принадлежал к рабочему классу, с большей охотой отнес себя к среднему, нежели к низшему классу. Поэтому социолог всегда должен учитывать психологию восприятия людей» [8, с. 138].

Не так ли обстоит дело с самоидентификацией и в Российской Федерации?

Для подтверждения подобного вывода можно привести пример из моего личного опыта, который хотя и не может выступать в качестве научного факта, но по-своему весьма показателен. В 2001 г. занимаясь со студентами, получающими второе высшее образование и работающими в г. Северодвинске Российской Федерации на заводе атомного судостроения техниками и инженерами, я задал им вопрос, к какому классу они относят себя сами – высшему, среднему или низшему. Из 32 человек в группе не было ни одного, который отнес бы себя к низшему или высшему классам. Все единодушно назвали себя представителями среднего класса.

Тогда были названы конкретные показатели по доходам, образованию, властному ресурсу, которые и характеризуют принадлежность человека к тому или иному классу. По образованию и властному ресурсу их самоидентификация идеально совпала с показателями, по которым характеризовался средний класс в России в то время. Но по доходам ни один из них не мог быть отнесен к среднему классу, т. е. ежемесячно получать не меньше 10 тыс. рублей на каждого члена семьи. По вопросам самооценки престижа мы даже не обменялись с ними мнениями: студенты-инженеры учились на юридическом факультете Архангельского Международного института управления. Такой был тогда престиж инженерного труда на передовом по технике и технологии предприятии не только в России, но и во всем мире.

Вот такова объективная цена самоидентификации как способа исследования.

Литература

1. Ашинов, С. А. Приватизация в России: поиски эффективных решений / С. А. Ашинов, В. В. Букреев, Э. Н. Рудых // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2008. – № 12. – С. 47–57.
2. Заславская, Т. И. Социетальная трансформация Российского общества. Деятельно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2002. – 670 с.
3. Социальная стратификация российского общества / под ред. З. Т. Голенковой. – М.: Алетейя, 2003. – 278 с.
4. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин – М.: Изд-во политич. литературы, 1992. – 633 с.
5. Беляева, Л. А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа / Л. А. Беляева // Социс. – 2005. – № 12. – С. 57–65.
6. Беляева, Л. А. Социальная стратификация и бедность в регионах России / Л. А. Беляева // Социс. – 2006. – № 9. – С. 18–35.
7. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. – М.: Эконом-пресс. – 2004. – 588 с.
8. Кравченко, А. И. Социология: учебник / А. И. Кравченко. – М.: «Проспект», 2004. – 621 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

The article deals with the main approaches to formulating the basic principles of the state governing at emergencies. One of the most important tasks of the state governing bodies in the field of emergencies is the people's preparedness for the adequate activities in case of emergencies. That's why the activities of the units and subunits of the Ministry of emergencies are based on the definite principles. They are as the following: effectiveness, prevention, planning, responsiveness, the principle of «zero» risk, complexity, division of labour, creativity and others. Complex and comprehensive use of all principles of the state governing is safety and protection guarantee of the population and objects from emergencies of different character.

Введение. Основные особенности функционирования систем управления в условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС) состоят в том, что проблема (чрезвычайная ситуация) развивается неожиданно, внезапно. Когда она возникает, перед системой управления встают задачи, не свойственные стационарному режиму работы организации и ее прошлому опыту. Контрмеры должны приниматься срочно, однако обычный порядок деятельности не позволяет этого сделать по ряду причин.

В исследованиях, которые проводились в Беларуси и России (Г. В. Атаманчук, В. А. Козбаненко, С. Н. Князев и др.), эффективность государственного управления рассматривается как результат сложного взаимодействия различных факторов, среди которых доминирующее положение занимают человеческий и социально-экономический факторы. С этой точки зрения эффективность власти должна оцениваться по степени защищенности сбалансированных интересов общества и государства. Работу госаппарата можно признать действительно эффективной лишь в том случае, если он успешно решает проблему оптимальной защиты интересов государства и оптимальной защиты интересов населения, социальных групп и каждого человека. В этой двуединой задаче – важнейшая сторона понятия эффективности государственного управления.

Основная часть. В системе государственного управления принципы выступают в качестве основных и исходных положений управленческой деятельности, выработанных наукой и сформулированных государством. Принципы государственного управления – это фундаментальные, научно обоснованные и в большинстве случаев законодательно закрепленные положения, на основе которых строится и функционирует система государственного управления. При этом следует отметить, что в различных сферах государственного управления принципы могут иметь и свои специфические черты, конкретизированные под данную ситуацию. Поэтому в государственном управлении выделяются как общие (общесистемные), так и частные принципы.

К общим принципам относятся принцип системности, социальной направленности, законности, гласности, объективности и пр.

Мы же здесь раскроем суть частных принципов применительно к государственному управлению в чрезвычайных ситуациях.

Деятельность органов государственного управления в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций должна базироваться на определенных принципах. К их числу следует отнести принцип плановости, эффективности, превентивности, оперативности, принцип «ненулевого» риска, конкретности, комплексности, разделения труда, креативности, принцип основного звена.

Принцип плановости характеризуется постоянным совершенствованием механизма управления в сфере предупреждения и ликвидации ЧС. Плановость должна обеспечивать соответствие организации и содержания управленческой деятельности постоянно изменяющейся обстановке. При этом нужно учитывать, что и само управление является объектом планирования, и вся данная деятельность также осуществляется на плановой основе.

Принцип эффективности означает, что любая организационная структура считается эффективной, если она обеспечивает достижение обществом (или государством) целей при минимальных нежелательных издержках. В данном случае эффективность подразумевает собой качественную организацию деятельности республиканских и иных органов в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Эффективность здесь измеряется в количестве спасенных людей и материальных ценностей от различных ЧС и в значительной степени зависит от качества и оперативности принимаемых решений. При этом большое значение имеет способность предусмотреть возможность возникновения ЧС.

В этой связи принцип эффективности тесно связан с принципом превентивности. Задача управленческих структур состоит в том, чтобы предвидеть и даже предупредить возможность возникновения чрезвычайной ситуации.

Приоритет в государственном управлении должен отдаваться мероприятиям, предусматривающим уменьшение риска возникновения чрезвычайных ситуаций. Например, что касается техногенных катастроф, то первостепенное значение имеют решения, обеспечивающие максимально возможную надежность данных объектов. Также не стоит недооценивать и человеческий фактор. Иначе обстоят дела с природными ЧС. Их сложно спрогнозировать, но задачей органов государственного управления в чрезвычайных ситуациях является поддержание сил и средств в постоянной готовности к ликвидации ЧС природного характера.

Оперативность как принцип управления обуславливает способность быстро реагировать на возникшие ЧС и включаться в решение поставленных задач. Важное значение приобретает и способность переходить от одного вида работ к другому, оперативно принимать решения и действовать в изменяющейся обстановке.

Важнейшим принципом организации государственной системы управления является принцип «ненулевого» риска, означающий, что ситуаций, полностью гарантированных от риска возникновения чрезвычайной обстановки, не существует. Отсюда вытекает требование к обеспечению максимальной надежности и медико-экологической безопасности инженерных систем не только на стадии их разработки, но и их эксплуатации, а также после вывода из эксплуатации, т. е. на протяжении всего жизненного цикла объекта.

Значение данного принципа имеет свою актуальность в контексте вопроса о строительстве в Республике Беларусь атомной станции. Объект такого типа в любой стране находится под особым контролем в силу его специфичности, а также потенциальной опасности со всеми вытекающими последствиями. Поэтому одним из важнейших направлений в деятельности органов государственного управления в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций выступает формирование в белорусском обществе чувства защищенности и уверенности в надежности эксплуатации данного ядерного объекта. В определенной степени принцип «ненулевого» риска должен стать ключевым в организации деятельности и управлении Государственной системой предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и гражданской обороной (ГСЧС и ГО).

Для любого органа государственного управления имеет значение принцип конкретности. Причем этот принцип проявляется в различных сторонах деятельности организации. Конкретность означает отражение объективно существующей реальности. Она проявляется и при выработке и принятии решений, и при планировании, и при организации исполнения

принятого решения, и при контроле. Задачи, цели, решения должны быть четко сформулированы и определены. Это намного снижает затраты времени и ресурсов на их реализацию, а в условиях ЧС помогает спасению людей и материальных ценностей.

Следующий принцип организации государственного управления в чрезвычайных ситуациях – комплексность (или этот принцип можно обозначить как оптимальность). Его содержание многогранно и подразумевает охват всех стадий развития такой ситуации и соответствующих им фаз управления, всех уровней и типов управления: от оперативного (локального) до стратегического (общенационального и международного). Здесь принцип комплексности взаимосвязан с принципами целостности и сочетания централизованного и децентрализованного начал в управлении. Это способствует соблюдению требований координации действий между различными отраслями и территориями (по горизонтали), в том числе международному содействию преодолению тяжелых последствий технологических или природных катастроф, и их интеграции между иерархически соподчиненными звеньями системы управления (по вертикали). Т. е. в вопросах формирования организационной структуры государственного управления в области защиты от ЧС предполагается создание такой структуры, которая обеспечивала бы достижение необходимых и максимально возможных результатов полезной деятельности организации при минимальной численности работников.

Комплексность и оптимальность деятельности организации подразумевает существования принципа разделения труда – дифференциации трудовой деятельности, приводящей к выделению различных ее видов. В условиях возникновения ЧС различного характера очень четко прослеживается специализация различных служб. Именно специализация работников позволяет сокращать время на выполнение соответствующих операций, повышать качество их выполнения. В процессе осуществления государственного управления в области защиты от ЧС особое значение имеет функциональное и квалификационное разделение труда.

При функциональном разделении труда происходит разветвление управленческих звеньев в зависимости от характера участия исполнителей. Здесь выделяются такие элементы, как плановые и контролирующие органы, аналитики, информационная служба, НИОКР, кадровая служба и т. д. Их главная задача – наладить эффективную систему по предупреждению ЧС и оперативному реагированию на ЧС.

Квалификационное разделение труда определено различным характером деятельности и

неодинаковой сложностью выполняемых задач работниками органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям. Например, организация управленческих действий в области профилактических работ и ликвидация ЧС требует различного уровня подготовки как для специалистов-управленцев, так и для исполнителей.

Также здесь следует обратить внимание и на такой момент, как подготовка высококвалифицированных кадров, в том числе и управленческих. Специалисты в области предупреждения и ликвидации ЧС должны обладать не только профессиональными знаниями, но и иметь психологическую подготовку, способность к творческому подходу к делу.

Принцип креативности осуществляется в процессе профессиональной деятельности работников, а также он получил широкое применение в рамках профессиональной подготовки кадров. Креативность – способность личности к творческой активности, результатом которой является формирование новых, нестандартных подходов, технологий и методов осуществления профессиональной деятельности, разработка и получение новых, уникальных продуктов и решений [1, с. 65].

Практика показывает, что эффективность развития креативности работников зависит от соблюдения целого ряда условий – так называемых принципов развития креативности. Среди них выделяются следующие:

- принцип повышения творческого содержания труда, в частности, за счет автоматизации рутинных процедур и операций, организации конкурсов профессионального мастерства;

- принцип материального и нематериального поощрения новаторства, нестандартных решений, стремления сотрудников к открытиям, творчеству;

- принцип профессиональной специфики, тесно связанный с принципом мотивации и означающий, что развитие креативности должно осуществляться с учетом возможностей и особенностей ее реализации в профессиональной деятельности работников;

- принцип благоприятной среды, предполагающий, что важными условиями развития креативности индивида являются творческая атмосфера в коллективе, в котором проходит обучение, отсутствие негативных оценок со стороны руководства и членов коллектива, творческий подход руководителя к организации профессиональной деятельности и обучению работников.

Принцип основного звена (или выделения главных задач) предполагает выделение при-

оритетных задач, определение основных направлений деятельности органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям таким образом, чтобы избежать распыления основных средств и сил, необходимых для борьбы с ЧС.

Также нужно учитывать, что старший руководитель органа (аппарата) управления является центральным звеном, организующим деятельность элементов остальных систем (структур) на соответствующем уровне. Старший руководитель принимает непосредственное участие в разработке и осуществлении единой политики организации деятельности и управления органом или подразделением; формулирует главные цели деятельности аппарата управления и структурных подразделений; осуществляет руководство и непосредственное участие в разработке критериев оценки деятельности нижестоящих структур; принимает решение в области организационно-штатных и правовых вопросов, касающихся изменения структуры, перераспределения прав, обязанностей и ответственности работников, организации повышения квалификации личного состава и руководителей аппарата управления и т. п.; в руководстве изучением организационно-штатных, экономических, технических, правовых, социальных и психологических проблем в подчиненных органах и подразделениях.

Заключение. Деятельность каждого органа и подразделения по чрезвычайным ситуациям должна быть сосредоточена на выполнении конкретных задач. Здесь также важным условием выступает способность руководителя самому видеть перспективу, а также ставить перед работниками задачи на перспективу, обеспечивать условия для их реализации.

Комплексное и всестороннее использование всех принципов государственного управления в области организации деятельности органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям является залогом успешной защиты населения и объектов от чрезвычайных ситуаций различного характера. И так как это касается проблемы безопасности жизнедеятельности людей, то социальная значимость государственного управления в ЧС очевидна.

Литература

1. Батоврина, Е. В. Принципы развития креативности персонала / Е. В. Батоврина // Мировой опыт и отечественные традиции управления человеческими ресурсами: материалы Междун. науч.-практ. Интернет-конференции, Москва, 9 дек. 2008 г. / редкол.: В. П. Пугачев, Г. В. Черняева, Е. В. Батоврина. – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 65–68.

АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА НА ТРУД

The youth is the group of a society which is involved in all social processes directly, or through the family. Youth cultural wealth, its sights and moral shape make more and more appreciable impact on a society, on political and public programs, on economic processes. Therefore the state youth policy is one of the major directions of social and economic development of Belarus. The state gives the special attention to preparation of young experts, creation of favorable conditions for their successful independent work in the organizations of all branches of national economy. Young experts – the most dynamical part of a society.

Введение. Особую актуальность для каждого государства в современных условиях приобретает проблема правового регулирования при формировании молодежной политики. Молодежь является такой группой общества, которая вовлечена во все без исключения социальные процессы либо непосредственно, либо через свою семью. Духовные ценности молодежи, ее взгляды и нравственный облик оказывают все более заметное влияние на общество, на политические и общественные программы, на экономические процессы.

Сегодня молодежь составляет почти четверть населения республики. Это существенная часть избирательного корпуса, значительная часть трудового потенциала страны.

Поэтому государственная молодежная политика является одним из важнейших направлений социально-экономического развития Республики Беларусь. Основные принципы этой политики закреплены в Конституции Республики Беларусь, законе Республики Беларусь «Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь», а также в некоторых указах Президента РБ, касающихся молодежной политики. Согласно закону, государственная молодежная политика – это система социально-экономических, политических, организационных и правовых норм, направленных на поддержку молодых граждан нашей страны в возрасте до 31 года.

Объектом этой политики являются молодые граждане в возрасте до 31 года, молодые семьи, в которых один из супругов находится в возрасте до 31 года, и молодежные общественные объединения.

Государственная молодежная политика реализуется целым рядом государственных и негосударственных организаций (институтов), которые тесно взаимодействуют между собой. Важнейшими субъектами государственной молодежной политики являются Президент Республики Беларусь, Совет Министров и Парламент. Большую роль в формировании и реализации молодежной политики играет Управление по делам молодежи Министерства образования Республики Беларусь.

Главная идея, которая лежит в основе концепции молодежной политики в Республике Беларусь, состоит в том, что государство как основной субъект молодежной политики ставит целью обеспечить полноценный правовой и социальный статус молодым гражданам республики, защитить их права и свободы.

Особое внимание государство уделяет подготовке молодых специалистов, созданию благоприятных условий для их успешной самостоятельной работы в организациях всех отраслей народного хозяйства. Молодые специалисты – наиболее динамичная часть общества. Это резерв кадров, из которого при благоприятных условиях могут вырасти талантливые ученые, руководители организаций и высококвалифицированные специалисты.

Ежегодно высшие учебные заведения республики выпускают свыше 50 тыс. специалистов с высшим образованием, в их числе более 30 тыс. человек – выпускники дневной формы обучения (2/3 из них получили образование за счет бюджетных средств).

Правовой статус молодых специалистов регулируется Положением о распределении выпускников, обучающихся за счет средств республиканского или местного бюджетов в учреждениях образования, обеспечивающих получение профессионально-технического, среднего специального и высшего образования в Республике Беларусь, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 октября 2002 г. № 1423 (в редакции от 23 сентября 2006 г. № 1254). Согласно части тринадцатой статьи 10 Закона Республики Беларусь от 29 октября 1991 г. № 1202-ХП «Об образовании» (в редакции Закона Республики Беларусь от 12 июня 2006 г. № 123-3) предусматривается, что выпускники учреждений образования, получившие профессионально-техническое, среднее специальное или высшее образование в дневной форме получения образования за счет республиканского или местного бюджетов, направленные на работу по распределению, считаются молодыми специалистами и обязаны отработать по распределению один год – после

получения профессионально-технического образования, два года – после получения среднего специального или высшего образования. Указанный срок работы исчисляется со дня заключения трудового договора между молодым специалистом и нанимателем. Таким образом, государство обеспечивает не только первое рабочее место, но и приобретение опыта работы молодым специалистам.

Основная часть. Сегодня наше государство осуществляет законодательную поддержку молодежной политики по следующим основным направлениям: профориентация и трудоустройство молодежи (обеспечение гарантии первого рабочего места, обеспечение вторичной занятости студентов и учащихся, поддержка студотрядовского движения, формирование республиканской системы центров занятости и профориентации молодежи); улучшение жилищных условий молодежи (дальнейшее развитие различных форм стимулирования и государственной поддержки строительства жилья для молодежи и молодых семей); поддержка рабочей молодежи, содействие вовлечению молодежи в сельскохозяйственное производство и закреплению молодых специалистов в селе (создание надлежащих условий для труда и быта рабочей и сельской молодежи, развитие и поддержка молодежного предпринимательства, молодежных фермерских хозяйств); поддержка научного научно-технического творчества, изобретательства и рационализаторства молодежи. Для реализации этой задачи предусматривается совершенствование системы поддержки молодых ученых, специалистов, изобретателей и рационализаторов, усиление материальной базы и пропаганды научного и научно-технического творчества молодежи; деятельность, направленная на гражданское становление, духовно-нравственное, патриотическое и экологическое воспитание молодежи. Это направление предусматривает научное и информационное обеспечение, материально-техническое и кадровое укрепление общественных объединений и организаций осуществляющих воспитательную работу среди молодежи; социально-экономическую поддержку молодой семьи. Развитие центров содействия молодой семье в решении экономических, юридических, социально бытовых и психологических проблем; поддержка рабочей молодежи (городской и сельской), содействие вовлечению молодежи в сельскохозяйственное производство и закреплению молодых специалистов на селе. Создание надлежащих условий для труда и быта рабочей молодежи. Развитие и поддержка молодежного предпринимательства, молодежных фермерских хозяйств.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 сентября 2006 г. № 1254 внесены изменения и дополнения

в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 октября 2002 г. № 1423 «Об утверждении Положения о распределении выпускников, обучающихся за счет средств республиканского или местного бюджетов в учреждениях образования, которые обеспечивают получение профессионально-технического, среднего специального и высшего образования в Республике Беларусь» и в упомянутое выше Положение.

В новой редакции Положение называется «О распределении выпускников учреждений образования, получивших профессионально-техническое, среднее специальное и высшее образование в дневной форме получения образования за счет республиканского или местного бюджетов» (далее – Положение).

Вышеуказанным постановлением Совета Министров Республики Беларусь в положение внесены и другие изменения и дополнения. В частности, п. 2 наполнен новым содержанием, согласно которому Положение является обязательным к исполнению не только республиканскими органами государственного управления, иными государственными организациями, подчиненными правительству Республики Беларусь, местными исполнительными и распорядительными органами, организациями и учреждениями, обеспечивающими получение профессионально-технического, среднего специального и высшего образования (независимо от их подчиненности), но и для выпускников, получивших профессионально-техническое, среднее специальное и высшее образование в дневной форме получения образования за счет республиканского или местного бюджетов.

Внесены изменения и в п. 5 Положения. Текст указанного пункта дублирует содержание ч. 13 ст. 10 Закона «Об образовании». На практике нередко организации, подавшие заявки о принятии молодых специалистов на работу, к моменту их прихода на работу не имеют возможности трудоустроить их из-за отсутствия вакансий.

В новой редакции ч. 2 п. 9 предусмотрена обязанность организаций уведомлять в таких случаях об этом учреждения образования не менее чем за два месяца до начала работы комиссии по персональному распределению. Новым в положении является то, что правом первоочередного распределения пользуются выпускники, которые имеют нагрудный знак «Лауреат специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов» и «Лауреат специального фонда Президента Республики Беларусь по поддержке талантливой молодежи». Молодые люди, обучающиеся за счет собственных средств в средних специальных и высших учебных заведениях, по их желанию

могут быть направлены комиссией на работу на места, оставшиеся после распределения выпускников, получивших среднее специальное или высшее образование за счет республиканского или местного бюджетов (ч. 5 п. 11 Положения).

В новой редакции Положения изменен порядок выдачи справок о самостоятельном трудоустройстве молодых специалистов. В настоящее время при возникновении обстоятельств, предусмотренных пунктами 15–18 Положения (установление молодому специалисту I или II группы инвалидности, установление I или II группы инвалидности мужу (жене) молодого специалиста и др.), учреждения образования решают вопрос перераспределения или выдачи справок о самостоятельном трудоустройстве выпускникам на протяжении одного года после получения профессионально-технического образования, двух лет – после получения среднего специального и высшего образования (ч. 3 п. 19 Положения). Изменен порядок выдачи справок о самостоятельном трудоустройстве молодых специалистов, не отработавших по распределению установленный срок. Справки о самостоятельном трудоустройстве молодым специалистам учреждения образования, если они возвратили средства затраченные на их подготовку из республиканского или местного бюджета в соответствующий бюджет (ч. 4 п. 19 Положения). Нанимателям следует иметь в виду, что справка о самостоятельном трудоустройстве должна содержать следующие сведения о выпускнике: фамилия, имя, отчество, время окончания учебного учреждения, специальность. Справка о самостоятельном трудоустройстве заверяется подписью руководителя учреждения образования и печатью с указанием даты ее выдачи.

Заключение. В настоящее время реализуется четвертая программа «Молодежь Беларуси», рассчитанная на 2006–2010 гг., которая принята Советом Министров Республики Беларусь. Первая такая программа была утверждена Правительством в 1995 г. Основными ее направлениями являются: патриотическое воспитание молодежи, помощь в трудоустройстве, в обеспечении жильем, в формировании здорового образа жизни. В рамках реализации данной программы целенаправленно решаются такие задачи, как строительство жилья для молодых семей, организация трудоустройства и

временной занятости молодежи, духовно-нравственное, эстетическое и патриотическое воспитание подрастающего поколения, профилактика преступлений и правонарушений в молодежной среде. Государственную поддержку получают талантливая молодежь, молодые семьи и молодежные общественные объединения. В законодательстве Республики Беларусь закреплены государственные гарантии реализации молодежной политики. Именно государство является тем институтом, который путем дальнейшего совершенствования законодательства может компенсировать обусловленные различными факторами (отсутствие опыта работы; мировой экономической кризис и др.) недостатки социального статуса молодых граждан республики, обеспечить гарантированное Конституцией Республики Беларусь права на труд и предусмотреть меры, обеспечивающие их экономическую самостоятельность.

Таким образом, в общей системе законов Республики Беларусь важное место занимает законодательство о молодых специалистах, наделившее их большими правами и установившее их дополнительные трудовые и социальные гарантии. Демократия – это единство прав и обязанностей. Если первые представляют молодым специалистам правовые возможности пользоваться определенными социальными благами, то вторые предусматривают правовую необходимость определенного поведения.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск, 2005.
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-3 (в редакции Закона от 24 декабря 2007 г. № 290-3). – Минск, 2007.
3. Об общих началах государственной молодежной политики в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 4 апреля 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 6.
4. Об образовании: Закон Республики Беларусь от 29 октября 1991 г. № 1202-XII (в редакции Закона Республики Беларусь от 12 июня 2006 г. №123-3) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 132.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

The article is devoted to consideration of a problem of national-cultural self-identification which gets a special urgency in conditions of the globalized world. In opinion of the author, formation of national-cultural self-identification depends from subjective-personal and on objective factors. The last are defined by acceptance of national idea, an accessory to a uniform semiotics field of culture, its values and traditions, understanding of its historical way of development. Cultural self-identification is considered as a necessary condition of integration of cultures in the globalized world. The decision a society and its separate representatives of a question of cultural self-identification is only the beginning of original dialogue and connection of the cultures, wich constructed on the basis of national uniqueness together with a recognition of originality of other cultures and their internal unity.

Введение. Актуализация этнонациональных проблем в современном мире выступает как ответ на процессы глобализации, как проявление неоднородности цивилизаций. Чем сильнее «вызовы» глобализации, тем с большей настойчивостью народы стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. Поэтому так остро сегодня стоят проблемы национально-культурной идентичности. В подобной ситуации необходима новая стратегия развития национальных культур, способная интегрировать в процесс глобализации общечеловеческое и этническое, обеспечить право народов на культурную и цивилизационную самобытность. Без адекватной культурной самоидентификации нет признания национальной культуры, национальной идеи и, соответственно, национальной уникальности и самобытности. Истинная культурная интеграция по определению есть сближение и пересечение самобытных целостных культурных организмов, каждый из которых может привнести нечто свое – уникальное и своеобразное.

Основная часть. В последние десятилетия в рамках философии и социологии культуры наибольшую остроту и дискуссионность приобрел вопрос национально-культурной самоидентификации. Это связано с теми глобальными изменениями, которые сейчас происходят в мире. В их числе – модернизация общества, изменение геополитического пространства, нарушение привычных культурных связей, расширение влияния средств массовой коммуникации и порождаемая ими проблема границ культурного пространства, вопросы сохранения собственной национальной и культурной уникальности.

М. Кастельс, исследующий современное «сетевое» общество, в своих работах неоднократно поднимает вопрос о значимости идентичности (этнической, национальной, культурной) для современного человека. По его мнению, в мире, пронизанном глобальными потоками богатств, власти и образов, поиск идентичности, коллективной или индивидуальной,

приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений. В мире глобализующемся, где угасают крупные общественные движения, разрушаются организации и общественные отношения, делегитимизируются институты, только идентичность остается «островком безопасности», главным, а иногда и единственным источником смыслов [1]. В то же время М. Хайдеггер, немецкий философ, писал о том, что «бездомность» становится судьбой современного человека, что и порождает в конечном итоге целый спектр психологических и социальных проблем, реализующихся в чувстве «заброшенности», «потерянности» и даже «ничтожности» современного человека [2]. В силу этого выход из кризиса идентичности автор статьи видит, во-первых, в формировании и развитии чувства национально-культурной идентичности, во-вторых, в межкультурном диалоге.

Изучение проблемы национально-культурной самоидентификации предполагает обращение к целому ряду факторов как субъективного, так и объективного порядка. К субъективным предпосылкам этнонациональной самоидентификации следует отнести личностное чувство индивида, считающего себя причастным к той или иной культуре, отождествляющего себя с конкретной национально-культурной общностью. Формирование такого сугубо личностного чувства происходит, безусловно, под влиянием традиций, языка, национальной идеи, но априорным здесь остается именно самоощущение принадлежности к той или иной национальной культуре, чувство сопричастности личной судьбы с судьбой своего народа.

Как и все субъективно-личностное, это чувство самоидентификации достаточно хрупко, подвержено колебаниям и случайным флуктуациям в зависимости от внешних и внутренних факторов существования индивида.

Объективные факторы, влияющие на становление культурной самоидентификации, можно определить через принадлежность к трем главным составляющим социокультурного

процесса, а именно: единое семиотическое поле культуры; сопричастность общему историческому пути развития культуры; принадлежность к ценностно-традиционному строю культуры, выраженном в историческом наследии и специфике ментальности.

В отношении единого семиотического поля культуры, прежде всего, актуален разговор о языке, через который происходит формирование и принятие основных смыслов культуры, и, в целом, вхождение новых поколений в культурную общность без срыва культурной преемственности. Так, в значительной степени трудности самоидентификации белорусов связаны с не востребованностью белорусского языка многими его носителями как выразителя чувств, чаяний и, наконец, ментальных начал мировосприятия и миропонимания белорусской культуры. Если белорусский язык, сегодня по большей части имеющий культурный статус элитарного и отчасти академического, станет явлением массовым, всеобщим, восстановится та мощная связь между поколениями, традицией и новацией, которая в некоторой степени «замерла» в белорусском обществе.

Исключительно актуальным в свете проблемы национально-культурной самоидентификации становится сегодня и выявление национально-культурных контекстов в интерконтекстуальном анализе культуры. Проблема контекстуальной структуры национальной культуры связана с тем, что огромные массивы современной культуры представляют в большей степени феномены наднационального образования, вымывающие (особенно в «структурах повседневности») национальное самосознание народа. В сущности своей эти наднациональные образования представляют по большей степени языки и структуры межкультурной коммуникации. Отсутствие адекватного понимания сущности и влияния интерконтекстуальных структур на национальную культуру усложняет проблему воспроизводства этнически самобытных семиотических структур.

Сопричастность общему историческому пути развития национальной культуры становится еще одним фактором формирования культурной самоидентификации. Осознание и понимание собственного исторического прошлого, умение «расставить акценты» и вехи исторического пути, адекватная интерпретация культурного наследия в свете аутентичных и современных исторических событий – вот главные задачи, стоящие сегодня перед всеми народами и нациями, стремящимися прочувствовать и осознать свою культурную уникальность и самобытность.

Отечественный философ и историк И. Абдиралович считал колебание между Западом и Востоком и неотнесенность ни к одному, ни к

другому основной чертой истории белорусского народа. В начале 20-х гг. XX в. в своем философском эссе он писал, что, несмотря на невыразительную культуру белорусов, на смутные исторические пути, у нашего (белорусского) народа нет духовной бедности, он способен идти своим особым путем для создания собственных форм жизни. «Если народ не создал выразительной культуры, так это потому, что в историческом наследии его была великая трагедия народного духа: Беларусь от X века фактически является полем борьбы двух направлений европейской культуры – западной и восточной...» [3, с. 8]. Десятивековое колебание свидетельствует о том, что белорусы, как и украинцы и балканские славяне, не могли присоединиться ни к одному, ни к другому направлению.

Осознавая и оценивая свой исторический путь, особенно важно избежать двух крайностей, столь распространенных в современном глобализирующемся мире. Наиболее известна крайность своеобразного космополитизма, когда все исторические события рассматриваются вне их национальной «окраски» как звенья единой цепи с общим базисом причин и общей вереницей следствий. При таком подходе теряется национально-культурная специфика, искажаются события и факты, создается неадекватная интерпретация, следствием чего, как правило, становится забвение либо существенное искажение исторического прошлого народа. При такой перспективе нереально либо крайне затруднено формирование адекватной национально-культурной самоидентификации. Опасна и другая крайность, которая выражается в чрезмерном преувеличении роли и значимости национальной истории и даже в специфической ксенофобии как ненависти к другим народам. Трудности самоидентификации при «ксенофобии» только возрастают, поскольку неадекватная оценка собственного общества, его исторического пути и наследия не позволяет индивиду аутентично воспринять себя, свою национальную культуру вкупе с уважением к другим культурным общностям. Подобная позиция может приводить к тяжелейшему кризису национально-культурной самоидентификации, связанному с противоречием между глобализацией и интеграцией, с одной стороны, и национальной «ксенофобией» с другой.

Принятие и осознание ценностно-традиционного строя культуры, ее ценностной семантики – еще одно обязательное условие формирования устойчивой национально-культурной самоидентификации. Ценностно-традиционный строй культуры является «цементирующей» структурой каждого общества, создавая его неповторимый облик и формируя основы менталитета нации.

Возвращение к своим традициям, знание и понимание их, объективное воссоздание достижений прошлого, как и осознание своего индивидуального исторического пути, означает, прежде всего, обращение к испытанным временем естественным и жизнеспособным основам и принципам духовно-культурного и социального существования. Это также связь и интеграция с близкими культурами и непосредственное приобщение ко всему богатству общечеловеческой культуры.

Несомненно, белорусская культура в основе своей опирается на общеславянские ценностные ориентации. В то же время собственно белорусское восприятие мира, ценностный строй наших ментальных структур характеризуется и специфическими чертами, основы которых закладывались веками национальной истории и культуры. Именно они помогали нашим предкам приспособляться к местным геофизическим условиям и многонациональной социальной среде. Среди приоритетных ценностных установок белорусов можно отметить любовь к родным местам и уважение к жизненному опыту отцов и дедов, благожелательное отношение к иноверцам, умение найти истину в другом мировоззрении, готовность к компромиссному решению проблемы, прочность семьи, бережное отношение к земле и дому.

Немаловажно отметить, что на протяжении всей своей истории пространство Беларуси никогда не было моноэтническим, моноконфессиональным, монопольным и т. д. Здесь мирно сосуществовали различные этносы, религии, культурные миры. В нынешних условиях необходимо развивать модель поликультурализма, расширяя пространство различных культурных практик и делая акцент на социокультурной многовариантности, что и служит основой специфичности ценностного строя белорусской культуры.

Однако под влиянием различных неблагоприятных факторов (долгое время белорусы не имели своей государственности, на территории Беларуси проходили многочисленные войны и др.) у многих белорусов сложились такие черты характера, как обостренное чувство неуверенности, нерешительность, недостаточная активность, некоторая склонность к депрессии, излишний конформизм, покорность. Эти отрицательные черты психологии личности нередко являются «изнанкой» позитивных морально-духовных качеств, присущих носителям белорусской культуры – толерантности, сговорчивости, благожелательности.

В целом, ценностно-традиционный строй каждой культуры предлагает миру свой проект

взаимодействия между людьми, свое видение стратегий отношения общества и природы, свои представления о главном в сущности человека. Корни специфики каждой культуры уходят в далекое прошлое, в эпохи формирования первичных прообразов коллективного бессознательного – архетипов культуры. Эта первозданность обнаруживается сегодня, прежде всего, в структурах языка, системах ценностей и, в конечном итоге, в особенностях менталитета. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания и является, по сути, не индивидуальной, а групповой характеристикой, отражая специфику отношения к миру отдельных социальных групп, национальных культур в целом. Соответственно, вне постижения ценностного строя культуры и, как следствие, вне восприятия ее ментальности невозможно говорить и о наличии национально-культурной самоидентификации. Таким образом, главным стимулом для формирования устойчивой позиции национально-культурной самоидентификации в условиях глобализирующегося мира становится возрождение национальных культур.

Заключение. Решение вопроса культурной самоидентификации – это только начало великого пути культурной интеграции, подлинного диалога и общения культур, построенного на основе национальной уникальности вкупе с признанием самобытности других культур и их внутреннего единства. Русский философ Е. Н. Трубецкой писал, что у каждого народа есть своя миссия в мире, но не как «избранного», а как одного из народов, который совместно с другими призван делать великое дело, восполняя свои ценные особенности не менее ценными качествами всех других народов-братьев. Народ должен иметь представление о своем призвании и достойно исполнять его. Это создает внутренний духовный (и самый прочный) стержень, объединяет отдельных людей в общность, в единый организм, признающий самоценность себя как необходимого компонента многообразного мира [4].

Литература

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 328 с.
2. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Политиздат, 1993. – 447 с.
3. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч. – Мінск: Вышэйшая школа, 1993. – 186 с.
4. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – М.: Республика, 1994. – 432 с.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Basic purposes of philosophical anthropology are proposed to be comparatively analysed under the modern circumstances of globalisation in favour of concepts of man's spiritual essence. Substantiation of the given thesis is interfered with three difficulties: mix of the global and the local in spiritual culture, performative turn in anthropology, norms of the interpretations' conflict. As a result, it's represented that the notion of a person's essence cannot be concluded logically, but can be deduced from ideas of spirit as qualitatively another state of being in which the essence precedes the existence. In this case natural human contradictions and anthropological concepts have the support in spiritual values of a family, a state, traditions.

Введение. Гуманистическая перспектива человечества в условиях глобализации выглядит достаточно призрачно и допускает утопичные, по мнению многих, рассуждения о духовной сущности человека. Ведь угрозы и вызовы глобализации стимулируют ответный научный поиск возможностей устойчивого социального развития и высвечивают новое знание о человеке, которое порою выглядит как хорошо забытое старое. В данной статье осуществлен сравнительный анализ некоторых базовых установок философской антропологии о сущности человека вообще на правах «не пустого» понятия и конкретно о духовной сути человека. Данное высказывание не отменяет его значимость в прогнозах и многочисленных сценариях развития.

Основная часть. Обоснованию данного тезиса препятствуют, по меньшей мере, три затруднения: картина глобализации, концепты разнообразных поворотов в знании о человеке и нормы конфликта интерпретаций. Пояснение утверждения выполняется в трех аспектах: в связи с основными парадигмами антропологии, в отношении к известным моделям антропогенеза и по поводу естественных противоречий человека.

Первое затруднение для размышлений о духовной сущности человека как гаранте антропного мира связано с глобализацией. Именно эта тема задает рамки всех современных научных изысканий и проблематизирует философские исследования. Глобализация характеризуется свободной рыночной экономикой и переходом от производства товаров к производству услуг. Это находит отражение в том, что социальные явления информационного общества освещаются в экранном и виртуальном самовыражении, зачастую производящем симулякры. Глобализация демонстрирует либеральную демократию и денационализацию государств в политике; трансформирует духовную жизнь общества сквозь призму маргинальности, нового религиозного сознания, постмодернистской идеи «смерти субъекта» и появления актор-коммуникатора. Сетевой характер экономических, социальных, политических, духовных процессов глобализации во многом определяется антропогенными факторами.

Установлено, что именно антропогенная нагрузка, напряженность во взаимодействии человека и мира выступает причиной общественных перемен, несмотря на то, что математические модели жизнеспособного бытия содержат также индексы устойчивости развития, социально-политической дисгармонии, ренты за пользование биосферой. Но «то, что делает человека человеком, есть принцип, противоположный всей жизни вообще» [1, с. 53]. «Человек – это существо, превосходящее само себя и мир... Дух есть единственное бытие, которое не может само стать предметом. Его бытие состоит лишь в свободном осуществлении его актов» [1, с. 60–61].

Поэтому человек духовный не может быть поглощен «рыночной культурой» и «универсальной демократизацией». Современное микширование глобального и локального сопровождается индивидуализацией личности: граничит с предельным (духовно-экзистенциальным) и запредельным (религиозно-персоналистским) опытом субъективного бытия. В этом опыте кризисы идентичности увязываются с ценностями семьи, с национальной принадлежностью и традиционной для отечественной культуры религий.

Второе затруднение в размышлениях о духовном создает, как ни странно, антропологический поворот в философии XX в., идейно обеспеченный представителями немецкой школы М. Шелером, Г. Плеснером и А. Геленом. В особенности, первый из них раскрыл духовный центр интегрального по своей природе, соединяющего микрокосм, микросоциум и микрокосмос человека. Сквозь призму данного поворота стали рассматриваться и другие разработки философской антропологии.

«После лингвистического поворота и иконического поворота 70-х и 90-х гг. прошлого века, в которых были обозначены языковая и образная укорененность действия и познания, на переломе веков намечается перформативный поворот, в перспективе которого культурное действие рассматривается как инсценирование и исполнение. Все три «поворота» – это повороты к антропологическому способу рассмотрения» [2, с. 152]. В первом случае речь

идет о зависимости интерпретаций сущности человека от языка, во втором – от образа и воображаемого, в третьем – от практик тела. Точнее, перспективы всех поворотов пересекаются в проблемном поле новой исторической антропологии, которую развивают преимущественно немецкие философы К. Вульф, Д. Кампер, Г. Гебауэр, Б. Тернес, опираясь на труды соотечественников.

В междисциплинарной и транскультурной проблематике исторической антропологии изъясняется перформативный поворот во взглядах на человека: изучается «социокультурный слой» тела сквозь призму языка, образа и ритуала. «Наряду с вопросами телесности исследования исторической антропологии направлены на темы, в которых не компетентны ни одна из научных дисциплин – такие, как душа, священное, прекрасное, любовь» [2, с. 113]. Характерно, что границы таких изысканий положены самой культурой, и «речь идет о поиске следов пропавших феноменов» [2, с. 113] и «опыте потери». Тем интереснее выглядят данные реконструкции духовной составляющей личности. Циничный мир человека эпохи глобализации пронизан меланхолией по поводу «исчезающей любви», «мерцания прекрасного» и «умирающего священного».

Третье затруднение для интерпретации духовной сущности человека создает герменевтический круг понимания как такового. Конфликт интерпретаций классически определяется этим порочным циклом: «каждый способен понять то, что уже понимает». Для преобразования бытия в событие и для «входа в текст» надо верить в то, о чем он говорит; но чтобы верить, надо его понимать [3]. В антропологии сравнительная прозрачность данных процессов достигается с помощью рассмотрения жизненного мира человека с его неизбежными психологическими и нравственными редуциями. Точно так же в науке и научной философии запрещены дедукции человека из абсолютного начала, несмотря на то, что ни одна из парадигм антропологии не отрицает метафизические качества человека, его способность и стремление переступать границы своих возможностей, «стоять в просвете бытия». Конфликт интерпретаций обостряется, если следовать М. Шелеру: «Задача философской антропологии – точно показать, как из основной структуры человеческого бытия вытекают свершения и дела человека» [1, с. 90]. Этой основной структурой философ называет дух человека и уточняет: «Способность к разделению существования и сущности составляет основной признак человеческого духа» [1, с. 63].

Сравнительный анализ основных парадигм антропологии показывает, что рассуждения о сущности человека вообще и о духовной сущности в частности возможны только в ориенти-

рованном знании, которое постулирует, а не выводит отличительные свойства человека. «Существуют естественно-научная, философская и теологическая антропология, которые не интересуются друг другом, единой же идеи человека у нас нет» [1, с. 31–32]. «То, что сегодня считается верным в эволюционных исследованиях, – следствие исторически возникшего знания и может вновь измениться из-за новых знаний... Ныне в генетической рекомбинации, в мутации и естественном отборе, во внутренней и внешней селекции усматривают лишь силы и механизмы эволюции. Решающим оказывается взаимодействие многих факторов, среди которых существенную роль играют социальные и культурные» [2, с. 32], переменная сила их влияния.

Натуралистическая программа исследований показывает человека в диапазоне от «венца природы» (Д. Дидро) до «несостоявшегося животного» (З. Фрейд). Особенно оригинальны в этом плане идеи А. Гелена о биологической недостаточности человека и Х. Плеснера об эксцентрической сути человека, его принципиальной безопорности. Светская экзистенциальная антропология подчеркивает индивидуально-психологические характеристики человека и учит, что у него «нет природы» (Ж.-П. Сартр), но есть уникальный опыт свободы, потому что «каждый сам себя выбирает, сам себя строит». Разумеется, истина о человеке многомерна, и требуется взаимодополнительность всех подходов к его изучению, но инварианты всегда имеют преимущество простоты перед вариантами.

Основные модели антропогенеза, за исключением креационизма, также демонстрируют конфликт интерпретаций. Но идея творения как объяснение происхождения человека входит сегодня в европейское образовательное пространство на правах приемлемой теории ввиду отсутствия единой научно обоснованной концепции антропогенеза. Иными словами, философская антропология не дает окончательного ответа на вопрос о происхождении человека и зачастую опирается на эволюционную, трудовую, игровую, психоаналитическую и семиотическую версии антропогенеза как антитезу креационизму, в котором будто «неизвестное определяется через неизвестное». Единственное, что объединяет перечисленные теории – вывод о продолжающемся происхождении человека, о его постоянном зановорождении, историчности, о том, что человек всегда больше чем просто человек. Он – то, какой есть и каким будет, потому что превосходит сам себя и мир. Становится разумным, несмотря на бессознательное в нем; социальным вопреки агрессии; религиозным, несмотря на уникальность собственного метафизического опыта.

Естественные противоречия человека (между природой и культурой, цивилизацией и варварством, обществом и личностью, свободой и необходимостью, земным и небесным, телом и духом, массовизацией и индивидуализацией) удобно рассматривать в рамках принятой триадичной модели «тело – душа – дух». «В человеке пересекаются все круги бытия. С одинаковым правом можно сказать о человеке, что он существо высокое и низкое, слабое и сильное, свободное и рабье» [4, с. 55].

Тело человека, «видимое и видящее», изучают в современной антропологии сквозь призму инстинктов, гендера, «эроса и танатоса», перформатива – жизни и смерти. Недостаточно изученный «социокультурный слой» тела показывает его как «вызов» [2, с. 115–132]. Но рассуждения о плоти возможны только в связи с духовной сущностью человека и осознанием тела как «формы для добра, безусловного по содержанию» [5, с. 96]. Душа человека – жизненная энергия его тела, определитель воли и характера, экзистенция – выступает основой личностного бытия. Не чуждое современной антропологии, понятие души олицетворяет конфликт интерпретаций и зачастую смешивается с представлениями о духовности. Недаром еще в греческой философии душа означала дыхание жизни, а в христианстве обрела триипостасную природу (ум, слово, дух). Здесь важнее понимать сердце как сущность души и «блаженство чистых сердцем» как цель ее развития.

Дух человека центрирует и «животворит» его природу. Именно духовное рождение индивидуальности раскрывает жизнь как дар и ценность, в которых важно «быть, а не иметь», где различают жизнь-время и жизнь-вечность.

Из этого следует требование регенерации жизни как любви на уровне индивидуального бытия. Человеку заповедуется «исцелить самого себя» и «духа не угашать». В этом же контексте следует упомянуть данную человеку «неизгладимую печать» образа Божьего и заданную цель подобия как совершенства. Никакие социальные и духовные катастрофы не в состоянии разрушить эту подлинно неизменную природу человека, даже если современный человек оправдывает себя другим постоянством: в агрессии, лени, расизме, рабстве. Даже если вопросы, а не ответы являются сегодня сущностью человека.

Заключение. Таким образом, сложность интерпретаций в современной философской антропологии, связана с представлениями о сущности человека, выступающей основой человеческого бытия.

Литература

1. Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии: переводы / М. Шелер. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с.
2. Вульф, К. Антропология: История, культура, философия / К. Вульф. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 269 с.
3. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М.: Медиум, 1995. – 415 с.
4. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
5. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Сочинения: в 2 т. / В. С. Соловьев. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 47–580.

ФИЛОСОФИЯ СОБЫТИЯ А. БАДЬЮ

The article is dedicated to the problem of event in contemporary philosophy and, in particular, in the conception of Alain Badiou. It is emphasized that an actuality of the concept of event in the XX century philosophy is symptomatic, for it illustrates philosophy's striving for being in contact with living political and existential experience. In the article the basic postulates and principal concepts of A. Badiou's philosophy are considered, such as «situation», «counting as one», «state of situation», «event», «subject of event». Following Badiou, because ontological status of an event is undecidable, existence of an event cannot be derived from knowledge about its historical circumstances, comprehensive and detailed as such knowledge may be. The conclusion is made, that recognition of an event depends not only on a historical research, but also on a political gesture of fidelity to an event.

Введение. Обращение к теме события – одна из специфических особенностей философии XX в., своеобразный «маркер», указывающий на ее попытки уйти от самодовлеющего теоретизма в поисках практически значимого (социально, экзистенциально) знания. В этом контексте французская философия события является одновременно и универсальным феноменом, позволяющим оценить некие базовые унаследования современной философии в целом, и локальным феноменом, так как ее возникновение – это вполне конкретный ответ на конкретный вызов. Речь в данном случае идет о реакции французских интеллектуалов на интерпретацию Французской революции, представленную в работах историков так называемой «ревизионистской школы» в лице Д. Рише, М. Озуф и, в первую очередь, Ф. Фюре.

Романтическая идентификация с революционным наследием является одной из конститутивных элементов «национального воображаемого», по-видимому, основной части французов, поэтому вызов ревизионистской школы, адресованный французской историографии (и не только ей) прочитывается уже на уровне стремления совместить патристическую позицию с объективным, дистанцированным и нейтральным подходом к предмету. В духе традиций знаменитой школы «Анналов» ревизионисты настаивают на том, чтобы не верить участникам исторических событий «на слово», но фокусироваться на объективных свидетельствах – документах, фактических данных и т. д.

Одним из важнейших результатов этой работы стало появление солидной и получившей широкое признание книги Ф. Фюре «Постижение революции» (1978), где историографическая точность противопоставляется идеологической нагруженности марксистских трактовок революции, доминировавших тогда в культурном пространстве Франции. Скандальным моментом ревизионистской интерпретации стало то, что под вопросом оказался событийный статус революции: как показывает Фюре, многообразные процессы, происходившие во фран-

цузском обществе в конце XVIII в., не обладают единым историческим содержанием. Так, фактически имели место три разнонаправленные и непосредственно не связанные между собой революции – крестьянская, городская и революция элит [1].

Попытка ревизионистской школы расставить точки над «i», «завершить революцию» по сути оказалась ее проблематизацией и инспирировала появление ряда проектов, нацеленных на переосмысление как события Французской революции, так и концептуализацию «события» как такового. Одним из таких интеллектуальных откликов наряду с работами К. Лефора, Ж. Рансьера и других стала философия события А. Бадью [2, с. 190].

Основная часть. В начале своего фундаментального труда «Бытие и событие» А. Бадью демонстративно порывает с традиционными представлениями об онтологии, выдвигая неожиданный тезис о том, что подлинной наукой о бытии-как-бытии является математика. Прежде всего, онтология гетерогенна традиционной оппозиции единого и многого. Единого, к которому апеллируют классические философы, просто нет; есть, или, как говорит Бадью, «предъявляет себя», множественное, которое становится предметом опыта, коль скоро оно категоризовано, упорядочено, исчислимо, классифицировано и т. д. посредством операции «счета за одно». По сути, единое философов является гипостазированной операцией «счета за одно», иначе говоря, превращенной в самостоятельный предмет операцией подведения многообразного под единство, превращения фрагментарного в упорядоченное.

Таким образом, отрицается бытие как некое подлинное измерение реальности, отличное от фактически наличного, как тотализующая подоснова мира, данная в форме присутствия или обнаруживающая себя в опыте медитирующего по его поводу субъекта. В результате онтология как философская наука становится невозможной в силу отсутствия ее предмета – бытия как такового. Математика, альтернатива философской онтологии, интерпретируется как наука,

объектам которой ничего не соответствует в реальности в силу того, что она выявляет сами условия объективности. Как пишет Бадью: «истина состоит в том, что *не существует* математических объектов. Математика не *предъявляет* в строгом смысле слова *ничего*, не будучи, тем не менее, пустой игрой, потому что не имеет ничего для предъявления, кроме самого предъявления, то есть Множественного, и, таким образом, не соответствовать форме предмета (à la forme de l'objet) является несомненным условием дискурса о *бытии-как-бытии*» [3, p. 13].

Реконструируя основные моменты математизированной онтологии Бадью (и, по возможности, сводя к минимуму использование математических метафор), следует начать с положения, в соответствии с которым базовым уровнем реальности является символически неструктурированное множественное. Для обозначения этого уровня действительности Бадью использует канторовское понятие консистентного («несосчитанного») множества, в рамках которого нельзя выделить некие устойчивые единицы-элементы, порядок, композицию. Строго говоря, чистое множественное невосприимчиво и его наличие определяется «задним числом». «“Множественным” действительно называется эффект предъявления, когда оно ретроактивно схватывается в качестве неединого, коль скоро бытие единое есть результат» [3, p. 33].

Реальность, доступная восприятию (образующая порядок Бытия), – это множественное, по отношению к которому проделана операция «счета за одно». Такой тип множества Бадью обозначает с помощью термина «ситуация». Примером ситуации может служить любой целостный комплекс фактов и явлений, будь то «искусство новой вещественности», «французское общество конца XVIII в.», «мои текущие жизненные обстоятельства», «обстановка на кафедре» и т. д.

Чтобы ситуация могла быть «сосчитана за одно», воспринималась в качестве таковой, структура ситуации должна быть продублирована на символическом уровне, обозначена или, как говорит Бадью, не только предъявлена, но и представлена. Скажем, все мы живем в обществе, реальность которого для нас несомненна, но как некий мегаобъект общество обретает свое существование благодаря функции представительства, которую берет на себя государство.

Важным концептуальным моментом является то, что всякое представление одновременно избыточно и недостаточно. Так, с одной стороны, инстанция, которая переводит ситуацию в состояние ситуации, не является нейтральной, но привносит в нее собственные эффекты. Например, хотя в идеале функция

государства сводится к обслуживанию интересов граждан, на практике всякий государственный аппарат автономен и обнаруживает себя как противостоящая гражданам сила, активно формирующая саму социальную ткань. Перефразируя С. Жижека, можно сказать, что либеральная идея государства как нейтральной регулирующей инстанции, которая просто поддерживает естественным образом сложившееся status quo, столь же фиктивна, как и само представление о естественно складывающемся в социуме положении дел [4, p. 129].

С другой стороны, представление ситуации является принципиально недостаточным: в рамках любой ситуации есть, по крайней мере, один элемент, который принадлежит ей, но символически не представлен. В качестве примера такого элемента можно привести пролетариат времен индустриальной революции: будучи важнейшей составляющей материального воспроизводства общества, он, тем не менее, остается для него невидимым, так как его фактическое существование не вписано в символическую картину социума.

Подводя промежуточный итог онтологических изысканий Бадью, можно сказать, что на досимволическом уровне бытие есть чистое, неуловимое (в силу своей неструктурированности) множественное, на символическом уровне оно представляет собой нетотализуемую совокупность ситуаций, для которых нет и не может быть единого горизонта. При этом для всякой ситуации характерна избыточность репрезентации, скрывающая некую внутреннюю пустоту. Важно подчеркнуть, что в концепции Бадью бытие лишено возвышенных коннотаций. Порядок бытия – это «гомогенный и абстрактный универсум, где “все кошки серы”... мир государственного закона и ньютоновской науки. Он не может быть историческим и политическим миром, в котором субъекту приходится принимать рискованные решения с непредвиденными последствиями» [2, с. 211]. Порядку бытия коэкстенсивна сфера «знания», дискурса, который описывает наличные ситуации и тем самым легитимирует их.

То, что Бадью называет событием, разворачивается в измерении, несовместимом с позитивным порядком бытия, и является невозможным с точки зрения знания о ситуации. Так, можно подвергнуть тщательному разбору состояние общества предреволюционной Франции, выявить его структуру, экономические и идеологические конфликты, но любое количество данных не позволит предсказать событие Французской революции. Событие, если оно действительно является таковым, сингулярно, т. е. обусловлено социально-культурным контекстом, но принципиально невыводимо из него.

Невоспринимаемость события для агента, опирающегося на знание о ситуации, не означает, впрочем, что событие приходит «извне» и являет собой вторжение ноуменального в область законообразного феноменального опыта. С точки зрения Бадью, событие вырастает в недрах самой ситуации, из ее внутренней рассогласованности, избытка, скрывающего пустоту. Событие трансцендирует ситуацию в том смысле, что нарушает гипнотическую зачарованность акторов привычными, кажущимися неизменными, реалиями и предоставляет возможность занять точку зрения как бы «по ту сторону» сложившихся обстоятельств, с которой ситуация может быть воспринята целиком, могут быть выхвачены ее противоречия и внутренние лакуны. В этом смысле Бадью говорит о событии как «истине ситуации», истине исторически конкретной, но непреложной.

Из сказанного выше следует, что онтологический статус события неопределен. Занимая нейтральную, отстраненную позицию (или стремясь к ней на уровне декларации), невозможно решить окончательно, имело ли место событие или нет. Действительно, объективные факторы, взятые сами по себе, могут использоваться в качестве свидетельств как в пользу, так и против события, поэтому главным моментом оказывается решение самого интерпретирующего. Другими словами, пространство, в котором может быть засвидетельствовано событие – это пространство субъективного опыта.

Здесь мы затрагиваем еще одну важную категорию философии Бадью – категорию субъекта события. Нужно сказать, что французский философ понимает субъективность в смысле несколько отличном от конвенционального употребления этого понятия, так как в данном случае речь не идет о субъективности как о нормальном режиме функционирования человеческой психики, запускаемом в процессе социализации. Скорее Бадью интересуют те случаи, когда фрагментарный индивидуальный опыт приобретает чрезвычайную цельность и обретение этой цельности мыслится не как результат самокультивирования личности, но, напротив, как ее подчинение некой инстанции, превышающей по мощи личностное начало, а именно – принудительной очевидности события. Субъекта можно определить как агента, который от лица истины, высвечиваемой событием, вмешивается в историческую ситуацию, активно выискивает и утверждает в ней его последствия. Центральным моментом, конституирующим такого субъекта, является его «верность» событию, готовность сделать на него ставку в игре, риски и итоги которой не поддаются определению. При этом в корне неверно утверждать, что событие зависит от про-

извола субъекта: как показывает Бадью на примере опыта участников движения французского Сопротивления [5, с. 95–102], конститутивным моментом опыта субъекта оказывается переживание трансцендентного, принудительного характера события.

В отношении проблемы онтологического статуса события можно зафиксировать, что оно поддается идентификации только в акте «вмешивающейся интерпретации», т. е. интерпретации, которая не претендует на чистую дескрипцию, но берет на себя смелость нечто провозглашать. Истина (события) по своей сути перформативна, в то время как знание (ситуации) ограничивается констатацией. В этом смысле «событие включает в себя субъективность: ангажированная “субъективная точка зрения” на событие является частью самого события» [4, р. 137].

Заключение. Возвращаясь к контексту, в котором формируется французская философия события, постараемся представить концепцию Бадью концентрированно, как ответ на проблематизацию Французской революции в работах ревизионистской школы. В координатах философии Бадью, лишая революцию ее событийного статуса, Франсуа Фюре, несомненно, прав, но его правота опирается на ложные основания. Результаты, достигнутые Фюре, показывают, что событие невыводимо из комплекса знаний о ситуации, истину которой оно выявляет, самый детальный исторический анализ не обнаружит объективных оснований события в силу того, что его артикуляция – не только дело научного анализа, но и политический по своей сути акт выражения приверженности. В этом смысле позиция историка, настаивающего на том, что событие действительно имело место, и просматривающего в истории следы событийного излома, аналогична позиции исторического адепта события.

Литература

1. Фюре, Ф. Постигание французской революции / Ф. Фюре; пер. с фр. Д. В. Соловьевой. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 224 с.
2. Магун, А. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта / А. Магун. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. – 416 с.
3. Badiou, A. L'être et l'événement / A. Badiou. – Paris: Sueil, 1988. – 572 p.
4. Zizek, S. The ticklish subject: the absent centre of political ontology / S. Zizek. – London, New-York: Verso, 2000. – 409 p.
5. Бадью, А. Метapolитика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метapolитике / А. Бадью; пер. с фр. Б. Скуратова, К. Голубовича. – М.: Логос, 2005. – 240 с.

Е. А. Солодка, преподаватель кафедры философии БГУИР

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

In the article the social management as means of realization of strategy of sustainable development is analyzed. Key characteristics of social management – purposefulness and hierarchy are defined. As the purpose of development of modern societies in the article the sustainable development acts. On the basis of the analysis of characteristics of social management his models are designate. The basic differences of «organic» and «constructive» model of social management are considered examined. Efficiency «constructive» managements is shown at transition to sustainable development

Введение. Усиление динамики социальных изменений создает проблему адаптации человечества к существующим и возможным, еще никак не заявившим о себе, проблемам. Программные декларации, принятые в рамках ООН, провозглашают необходимость устойчивого развития, основная идея которого – улучшение качества жизни настоящих и будущих поколений без ущерба для окружающей среды. Но прошедшее с момента принятия концепции устойчивого развития время (1992 г.) показало, что автоматически, спонтанно переход на желаемую модель развития реализоваться не может.

Формирование образа единого человечества (как население планеты Земля) и анализ состояния среды его обитания (истощение запасов невозобновляемых ресурсов, изменения климата, необратимое снижение биологического разнообразия и т. д.), ставят вопрос о создании глобальной системы управления возможными рисками и о выработке единой стратегии развития. Для реализации этой стратегии необходимы инструменты, позволяющие трансформировать основы человеческой жизни в масштабах всей Земли. Чрезвычайно значимым в этих обстоятельствах становится философское знание, выполняющее не только познавательные, но и ценностно-ориентирующие функции. Но очевидно, что кроме теоретических изысканий необходимы еще и практические меры, позволяющие сформировать и реализовать *новый тип социального развития – устойчивый, ресурсосберегающий, гуманистически ориентированный.*

Основная часть. Вопросы практически ориентированных социально-философских теорий – это определение механизмов социального развития, формы и содержания общественных изменений, их направленности. Иными словами, предметом данных теорий являются модели социального управления.

При рассмотрении устойчивого развития как проблемы социальной, т. е. проблемы, сформулированной обществом, решение которой зависит от общества, социальное управление – механизм планирования, организации и координации общественных изменений – вы-

ступает в качестве средства решения этой проблемы. И это средство должно быть эффективным, соответствовать поставленным задачам.

С точки зрения кибернетики, *управление – это процесс в сложных динамических системах, нацеленный на оптимизацию их функционирования (т. е. достижение возможно большего полезного эффекта при наименьших усилиях и затратах) путем их упорядочивания и сохранения подвижного равновесия.* Так как кибернетика изучает процессы управления с определенной формально-структурной, количественной стороны, безотносительно к качественной сущности системы, в которой они протекают, то необходимо уточнить специфику собственно социального управления.

В теориях социального управления механизмы социальной и биологической самоорганизации и развития часто рассматриваются как изоморфные. Между тем и на уровне внутреннего содержания социального управления, обусловленного качественными характеристиками его элементов, и на уровне его внешних, пространственно-временных ориентаций, ему свойственно определенное своеобразие. Так, по А. А. Богданову, социальный уровень системной организованности выше уровня развития биологических систем по следующим показателям: 1) по способности усиливать самоорганизацию на основе прогнозирования; 2) по сочетанию сложной и возрастающей координации в развитии (недоступной на уровне вида) с неограниченным характером развития (недоступным для самой высокоразвитой особи) [1, с. 122]. Таким образом, суть социального управления можно представить как усиление самоорганизации системы и обеспечение ее неограниченного развития на основе прогнозирования и координации.

Прогнозирование (как и проектирование, моделирование и пр.) мы отнесем к способам теоретического конструирования будущего, т. е. к видам сознательной, социально преобразующей деятельности с заранее намеченными результатами в виде идеальной модели. По определению Г. А. Антонюка: «Идеальная модель, предваряющая построение социальных систем... представляет собой нормативную

(перспективную) модель социальных характеристик объединений людей или тех их состояний, которые предполагается создать». А «совокупность действий, посредством которых модель воплощается в жизнь» [2, с. 76–77] – это социально преобразующая деятельность (по проектированию, планированию и т. д.). Таким образом, *специфика социально-управленческой деятельности состоит в том, что она одновременно представляет собой и деятельность по выработке плана социального развития, и деятельность по его реализации.*

В качестве содержания социального управления мы будем рассматривать координацию воспроизводства и развития управляемого объекта – общества. Социальное воспроизводство предполагает постоянное воссоздание основных моделей взаимодействий (социальной структуры). Оно реализуется в настоящем, но связано с прошлым – со временем, где сформировались ценностно-нормативные эталоны, на которые ориентированы совершаемые в настоящем действия. В свою очередь, развитие общества предполагает появление его новых качественных характеристик: возникновение ранее отсутствовавших элементов, изменение связей между ними, т. е. оно ориентировано на будущее состояние системы. Однако эта ориентация на будущее выполняет две различные функции: *образ будущего может подкреплять уже сложившиеся типы действия, и он способен служить ориентиром для кардинального пересмотра традиций.* Очевидно, что концепция устойчивого развития может выступать в качестве модели желаемого будущего, требующего совершения определенных изменений уже в настоящем.

Активная целенаправленная адаптация социальной системы к своему будущему предполагает создание гармоничной среды для последующего устойчивого развития, т. е. развития, направленного на увеличение внутреннего разнообразия, качества и количества производимых продуктов, и планомерное уменьшение потребляемых ресурсов. Иными словами, мы определяем *устойчивое развитие как развитие, максимально использующее свои внутренние ресурсы и способное не только не истощать ресурсы внешние, но и в определенной степени их увеличивать.* В этих рамках целью социального управления будет создание условий для последующего устойчивого развития.

Учитывая, что тенденции мирового развития, ведущие к появлению и усугублению проблем экономики, экологии, психического и физического здоровья человека, складывались в течение столетий, чрезвычайно сложно переломить устоявшийся ход событий и осуществить новое содержательное наполнение существующих социальных практик. Реализация любых

социальных изменений происходит в рамках уже сложившихся социальных институтов и индивидуальных образований (практических и ментальных схем). Социально-политические структуры, исторически и прагматически связанные с существующей структурой социальных отношений, не могут спонтанно отказаться от собственных оснований и самоликвидироваться. В связи с этим для реализации такого кардинально инновационного проекта, как концепция устойчивого развития, требуется создание новых механизмов осуществления планируемых социальных изменений – механизмов, способных осуществить переход на эту модель развития и обеспечить ее самоподдержание.

На основе двух указанных типов трактовки будущего (как плана возможных изменений и как стимула к сохранению существующих тенденций развития) мы можем выделить следующие модели социального управления:

1. *Органическая* – система имеет естественную упорядоченность, цель ее развития изначально заложена в ней самой и достигается спонтанно.

2. *Конструктивистская* – система не имеет раз и навсегда определенного порядка своего функционирования, порядок формируется исходя из понимания целесообразности той или иной модели развития.

Адаптация к планируемому будущему в конструктивистской модели управления достигается не спонтанно, а целенаправленно. Адаптивные действия одновременно являются и конструирующими, так как адаптация осуществляется к искусственно заданной, желаемой ситуации, на настоящий момент еще не существующей. Модель устойчивого развития может рассматриваться в качестве этой цели или идеала, выполняющего координирующую и оценочную функцию по отношению к актуальным социальным процессам.

Эффективность конструктивистской модели достигается за счет совмещения двух выше выделенных видов деятельности: деятельность по созданию плана и по его реализации. Мы проектируем желаемое нами будущее, и мы заинтересованы в его реализации. Таким образом, если в «органической» модели социального управления цель развития общества рассматривается как изначально заданная, а значит, и само развитие является «естественно» направленным, то конструктивистский подход к социальному управлению апеллирует к свободному выбору цели развития и «искусственному» формированию условий его реализации. Последнее предполагает координацию текущих социальных процессов. А это связано с определенным типом взаимодействия основных элементов управленческого процесса – субъекта и объекта управления.

Атрибутивной чертой социального управления является его сложная *субъект-объектная структура*. Сложность структуры социального управления состоит в следующем: объекты управления – люди и их объединения, которые одновременно являются субъектами сознательной деятельности, обладают способностью целеполагания и свободой воли. Заметим, что суть взаимодействия объекта и субъекта социального управления не может быть сведена к кибернетической схеме прямых и обратных связей, в которой управляющая и управляемая подсистемы служат общей цели – сохраняют внутреннюю упорядоченность системы перед лицом внешних возмущений. Хотя такой подход рассматривается как единственно верный в «органической» трактовке социального управления, на наш взгляд, презумпция общей цели (у управляемой и управляющей систем) в «органической» модели управления достигается за счет неправомерного расширения свойств органической целостности. Но организмы не являются аналогами социальных организаций, так как они не содержат целеустремленных элементов, в то время как в организации (обществе) каждый ее член имеет волю и может обладать своими, отличными от общих, целями [3, с. 212]. Таким образом, *различие между двумя выделенными нами моделями социального управления – «органическим» и «конструктивистским» – относится не только к содержанию целенаправляющей функции, но и к трактовке его структуры*, т. е. к самому механизму социального управления.

В рамках «органической» трактовки сущности управления социальная система, рассматриваемая как целое, является определяющей по отношению к своим элементам. Управляющий центр (управляющая подсистема) – это субъект управления, который осуществляет постановку общих целей, организует и контролирует их исполнение или, говоря иначе, реализует функцию распространения влияния целого (социальной системы) на отдельные его элементы (индивидов). Целью этого влияния является сохранение целостности социальной системы, ее качественной специфики, воспроизводства и развития. Но спродуцированная субъектом управления цель может не совпадать с внутренним, уже сложившимся планом развития конкретного индивида, что способно привести к блокировке реализации этой цели. Причем индивид может не реализовывать ее как пассивно, так и активно, сознательно или бессознательно.

Поэтому с точки зрения современной теории управления более эффективна совместная выработка целей и способов их достижения, позволяющая заранее согласовать противоречивые позиции и стимулировать дальнейшие действия по ее реализации, т. е. конструктивистское партисипативное управление.

В рассматриваемом нами случае общей целью всех заинтересованных субъектов станет достижение устойчивого развития, а предметом согласования – способы его достижения. Субъектами социального управления будут являться структуры, владеющие ресурсами и полномочиями для совершения изменений, а объектом – социальная инфраструктура.

Закключение. Управление социальным развитием должно иметь в своем основании определенные ориентиры – цели развития. Мы рассматриваем концепцию устойчивого развития как идеал будущего (выполняющий координирующую и оценочную функции по отношению к реальным, актуальным социальным процессам), как проектный компонент актуально осуществляемых практик, в том числе и управленческих.

С другой стороны, реализация концепции устойчивого развития предполагает трансформацию модели социального управления, так как предыдущие стратегии развития были признаны неустойчивыми. В связи с тем, что «конструктивистская» модель управления ориентирована на осознанное и целенаправленное развитие в направлении запланированного идеала и предполагает максимизацию способностей к адаптации и развитию, она, на наш взгляд, является наиболее адекватной поставленной задаче. В данной модели адаптивные действия одновременно являются и конструирующими, так как адаптация осуществляется к искусственно заданной, желаемой ситуации, на настоящий момент еще не существующей, но создаваемой в процессе своего предвосхищения.

Литература

1. Богданов, А. А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология / А. А. Богданов, А. А. Малиновский. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
2. Антонюк, Г. А. Социальное проектирование и управление общественным развитием: теоретико-метод. аспект / Г. А. Антонюк / АН БССР, каф. философии. – Минск: Наука и техника, 1986.
3. Акофф, Р. О целеустремленных системах: пер. с англ. / Р. Акофф, Ф. Эмери. – М.: Сов. Радио, 1974.

СПЕЦИФИКА МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

In article presented the evolution of orthodox missionary from Baptism of the ancient Russia till present time. The specificity of modern missionary work is highlighted, its main feature considered by author as consisting briefly in follow: modern church leaders do not formulate the main task as a turning all of the people into the Orthodoxy. They bring to a focus a propagation of traditional religious values with the purpose to resist to the phenomena of spiritual crisis and to solve the actual problems of a social life.

Введение. В настоящее время религия, несмотря на бурное развитие науки и техники, продолжает играть заметную роль в жизни современного общества. Это обстоятельство во многом связано со стремлением религиозных организаций всячески расширить и сделать более совершенной пропаганду своего вероучения. В данном случае православная церковь не является исключением. Следует отметить, что миссионерство всегда было одним из приоритетных направлений деятельности православия. В традиционном понимании оно представляет собой «деятельность церковных организаций по распространению религии среди иноверцев в своей стране и за ее пределами» [1, с. 274]. Однако его конкретное содержание в различные периоды отечественной истории имело свою специфику.

Основная часть. На Руси миссионеры появились сразу же после введения христианства. Следует отметить, что миссионерство не являлось только инициативой церкви. Оно во многом поощрялось и направлялось государством. Территориальный рост России, особенно в течение XVIII–XIX вв., способствовал тому, что страна превращалась в многонациональную и поликонфессиональную державу. В число новых подданных вливались католики, униаты, протестанты, язычники и мусульмане. В этом случае важной составляющей государственной политики была русификация, которая практически полностью возлагалась на православное духовенство. В XIX в. миссионерская деятельность приобрела системный и организующий характер. Церковь создала широкую сеть внутренних и внешних миссий. Внешняя миссия осуществлялась среди неправославного населения внутри и за пределами государства, внутренняя была направлена на тех, кто отделился от официального православия – старообрядцев и сектантов. В 1870 г. в Москве было открыто Православное Миссионерское общество, которое издавало специальную литературу, занималось сбором денежных средств для развития миссионерского дела. В начале XX в. общество финансировало 8 миссий в Сибири, 13 – в Европейской части России и 1 – в Японии [2, с. 26]. Традиционными формами миссионерской дея-

тельности являлись проповедничество, богослужбная деятельность, просветительство, благотворительность, беседы и обличение религиозных взглядов иноверцев. Государство предоставляло православию монополию в данной области. Именно за православной церковью закреплялся статус «первенствующей и господствующей», другие конфессии не имели права заниматься религиозной пропагандой.

На рубеже XIX–XX вв. в стране получили широкое распространение идеи свободомыслия и атеизма, наблюдалось освобождение из-под влияния церкви широких сфер государственной и общественной жизни, что приводило к ослаблению позиций христианства и религиозному индифферентизму. Кроме того, в 1905 г. вышли царские манифесты о свободе совести и вероисповедания. Старообрядцы и неправославные конфессии получили возможность расширить свою деятельность, заниматься религиозной пропагандой. Все это привело к межконфессиональной конфронтации, к массовым переходам из православия в другие исповедания. Особенно это было характерно для белорусских епархий. Здесь наблюдался отток верующих главным образом в католицизм и протестантизм. Православная церковь утратила свои привилегии в области миссионерства. Безусловно, это влекло за собой необходимость активизации деятельности церкви, ее адаптации к новым социокультурным условиям. В 1908 г. были изданы новые правила для устройства внутренней миссии. В них содержалось предписание привлекать к миссионерству мирян через организацию церковно-приходских попечительств, кружков ревнителей православия и миссионерских братств [3, с. 26]. Одновременно выявилась необходимость реформирования богословской системы с целью привести его в соответствие с духом времени. Церковь неоднократно организовывала циклы богословских чтений для интеллигентной публики. Слушателям рассказывалось о смысле христианских догматов, подчеркивалось несостоятельность атеистического мировоззрения, неспособность науки доказать небытие Бога. Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. цель миссионерской деятельности заключалась, с одной стороны,

в организации противодействия католической и сектантской пропаганде, с другой стороны, в повышении религиозно-нравственного уровня православного населения, оживлении приходской жизни. Тем самым выявилась тенденция к объединению собственно миссионерства и просветительной, образовательной работы среди народных масс.

В настоящее время для православия также является актуальной проблема расширения религиозной пропаганды. Однако следует иметь в виду, что современные идейные установки церкви во многом основываются на исторических традициях православного миссионерства.

В своем докладе на торжественном акте в Тбилисской Духовной академии Патриарх Московский и всея Руси Алексей II выделил два аспекта современного миссионерства. Первый связан с особенностями духовно-нравственного состояния нынешнего общества, которое переживает переход «от прежней идеологической и социально-политической системы к нормальному укладу жизни». Второй аспект – «прозелитическая деятельность инославных Церквей и религиозных объединений, нехристианских религий, а также различных сект, среди которых есть и так называемые тоталитарные, разрушающие психическое здоровье общества» [4, с. 15]. В качестве первоочередной задачи православного миссионерства Алексей II выдвигает «приближение... литургической культуры Православия к пониманию наших современников». Причем «проблема непонятности богослужения не исчерпывается только вопросами языка... Перед нами более глобальная, поистине миссионерская задача – научить людей понимать смысл богослужения» [4, с. 17]. Далее патриарх подчеркивает, что церковь должна учитывать интересы, профессиональную ориентацию, социальное положение людей; особое внимание уделять работе с молодежью, оказывать воздействие «на сферу культуры в сложных условиях доминирования секулярных и агностических настроений постсоветского общества и засилья пришедших из-за рубежа чуждых и враждебных Православию воззрений» [4, с. 18]. Приоритетным направлением миссионерской деятельности Русской православной церкви оказывается стремление разрешить актуальные проблемы современного мира. Это вопросы экологии, экономики, социальной справедливости, миротворчества, благотворительности и т. д.

Православная церковь в Беларуси играет ведущую роль в религиозной жизни страны. Ее статус в конфессиональном пространстве имеет свои особенности. Во-первых, церковь нейтрально относится к другим конфессиям, во-вторых, она осознает свое превосходство в отношении других религиозных организаций.

Последнее обстоятельство связано с авторитетом православия в обществе и поддержкой государства. Церковь утверждает традиционную для восточных славян систему ценностей, «в которой нет места западным индивидуалистическим идеям приоритетности личного преуспеяния, накопительства, культа потребительства и материального успеха, но в которой приоритетны идеи справедливости, любви к ближнему, готовности помочь слабому, верховенство нравственных норм» [5, с. 128].

12 июня 2003 г. между церковью и государством было подписано соглашение о сотрудничестве в различных сферах общественной жизни. Главными направлениями сотрудничества становятся воспитание и образование подрастающего поколения, восстановление и развитие исторического и культурного наследия, здравоохранение, социальное обеспечение, милосердие, благотворительность, поддержка института семьи, материнства и детства, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы, охрана окружающей среды и др.

Важно отметить, что церковь всегда видела свое предназначение во врачевании душ и спасении человечества. Однако в настоящее время, «не ставя прямой задачи обращения всех в православие в качестве условия сотрудничества, церковь уповает, что совместное благотворение приведет ее соратников и окружающих людей к познанию истины, поможет им сохранить или восстановить верность богоданным нравственным нормам, подвигнет их к миру, согласию и благоденствию, в условиях которых церковь может наилучшим образом исполнять свое спасительное дело» [6, с. 6].

Как известно, в последние два десятилетия в белорусском обществе наблюдается рост религиозности, что связано главным образом с компенсаторной, или восполнительной, функцией религии. Многие люди усматривают в религии гарантию стабильности общественной жизни и незыблемости традиционных ценностей белорусского народа. В научной литературе фигурирует мнение о том, что «...светская педагогика самостоятельно не справляется с поставленными задачами и интуитивно верно полагается на содействие веры отцов, которая признается определяющей в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. В связи с этим очевидным является осмысление православной культуuroобразующей религии как доминанты целостной системы духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения» [7, с. 82]. Сами религиозные идеологи подчеркивают, что фактически единственным способом решить социальные проблемы являются вера в Бога, самовоспитание личности и, по словам Митрополита Минского и

Слуцкого Филарета, «...деятельное воспоминание о своем достоинстве хранителя образа и подобия Божия» [8, с. 55]; «производными от этого правильного духовного воспитания будут социальная стабильность и здоровая общественная мораль, крепкие семьи и национальное достоинство, сильное государство и нравственная деловая активность, а также многие другие человеческие ценности, которые призваны составить фундамент зрелого и здорового общества» [8, с. 56].

Таким образом, изменение ценностных ориентаций современного белорусского общества, которое можно охарактеризовать как общество «транзитивного типа», способствовало тому, что православная церковь за последнее время смогла заметно расширить поле религиозной пропаганды. Особого внимания заслуживает издательская деятельность. Только в Беларуси выходит 4 журнала и 13 газет. Наиболее крупными изданиями являются журнал «Вестник Белорусского Экзархата», газеты «Церковное слово», «Преображение». Регулярно выпускаются «Епархиальные ведомости». Кроме периодической литературы, издаются церковные календари, молитвословы, жития святых и другая религиозная литература. Следует отметить, что предназначение православной периодической печати заключается не только в освещении событий церковной жизни, но и в стремлении наладить диалог между верующими и священнослужителями. В Минске осуществляет свою деятельность представительство Международного центра «Православная энциклопедия». Его предназначение заключается в объединении исследовательских усилий верующих и светских ученых по сбору материалов и статей для этого проекта. Ежегодно проводятся Минские епархиальные чтения и международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные актуальным проблемам современности, взаимоотношению церкви и культуры. Религиозные идеологи охотно принимают участие в светских научных конференциях, выступают с лекциями и проповедями в учебных заведениях.

Особое значение имеет деятельность православных братств и сестричеств. Братства занимаются строительством и ремонтом храмов, организацией воскресных школ, устройством братских библиотек, оказанием духовной и материальной поддержки одиноким и престарелым людям. Члены сестричеств принимают участие в работе медицинских учреждений, ухаживают за тяжелобольными людьми. В ча-

стности, сестры обществ милосердия во имя святой Софии Слуцкой и Святых Марфы и Марии работают в Институте травматологии и ортопедии [9, с. 323].

Заключение. В настоящее время содержание миссионерской деятельности значительно расширилось. Первоочередная задача церкви заключается не в распространении своего вероучения среди представителей других конфессий, а в пропаганде традиционных религиозных ценностей с целью противостоять явлениям духовного кризиса и решить злободневные проблемы общественной жизни.

Литература

1. Атеистический словарь / под общ. ред. М. П. Новикова. – 2-е изд., испр, и доп. – М.: Политиздат, 1985. – 512 с.
2. Смирнов, Е. К. Очерк исторического развития и современного состояния русской православной миссии / Е. К. Смирнов. – СПб.: Синод. тип., 1904. – 91 с.
3. Утвержденные Святейшим Синодом по определению от 20–26 мая за № 3443 правила об устройстве внутренней миссии православной русской церкви // Вестник Миссионерского обозрения. – 1908. – № 6. – С. 937–945.
4. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. О миссии Русской Православной Церкви в современном мире / Алексий II // Журнал Московской патриархии. – 1996 – № 8 – С. 15–18.
5. Котляров, И. В. Республика Беларусь в конфессиональном измерении / И. В. Котляров, Л. Е. Земляков. – Минск: Изд-во МИУ, 2004. – 231 с.
6. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Святая Русь. – 2000. – № 2. – С. 5–19.
7. Ахрамович, А. С. Культурообразующая религия как доминанта воспитания / А. С. Ахрамович // Духовно-нравственные традиции в отечественной медицине и образовании: материалы I Международных Свято-Пантелеимоновских чтений, Минск, 2–3 июня 2005 г. / БПЦ, Мин-во здравоохранения РБ, Республ. Медицин. Академия последипл. образования, Российская академия образования, Дом Милосердия (г. Минск); сост. И. А. Рыбин. – Минск. – 2005. – С. 81–82.
8. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет. Воспитание личности и современное общество / Филарет // Минские епархиальные ведомости. – 2006. – № 1. – С. 54–57.
9. Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор’ева [і інш.]; пад. рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.

ОХРАНА ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

In the present article questions of protection of the rights to objects of intellectual property in Belarus are considered. The analysis of norms of the legislation regarding an establishment of protection frames of such rights, guarantees of their observance is carried out. Civil-law, is administrative-legal and criminally-legal protection frames of objects of the intellectual property, the legislations of Belarus provided by separate norms are considered. The given positions are analyzed taking into account the international standards established by the international agreements, conclusions about directions of perfection of the legislation in the given sphere become.

Введение. Обеспечение эффективной защиты прав и законных интересов собственников является одной из основных задач законодательства любого государства. Особое значение имеет охрана прав на объекты интеллектуальной собственности ввиду специфичности самого охраняемого объекта, поскольку интеллектуальная собственность представляет собой права на конкретные результаты интеллектуальной, творческой деятельности человека в любой сфере, какой может являться производственная, научная, литературная, художественная и иные области. В сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности помимо норм национального законодательства действуют и международные нормы, устанавливающие определенные стандарты, которые государства должны соблюдать путем их трансформации в национальное законодательство. Говорить о сложившихся международных стандартах можно лишь на основании источников международного права, в которых они содержатся. Основными такими источниками являются многосторонние международные соглашения, подписанные достаточным для вступления в силу количеством государств-участников. Среди многочисленных международных соглашений в области интеллектуальной собственности важнейшими являются Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. и Соглашение об относящихся к торговле аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 г. Роль последнего соглашения весьма значима, так как охрана исключительных прав в нем связана с торговыми правами в рамках международной торговой организации. Международные соглашения устанавливают материально-правовые нормы, регламентирующие стандарты по охране отдельных объектов интеллектуальной собственности; определяют необходимость законодательного закрепления применения мер гражданского, уголовного и административного характера в случае нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности.

Основная часть. Участие Республики Беларусь во всех основных международных соглашениях в сфере интеллектуальной собственности обеспечивает соответствие национального

законодательства международным стандартам. Закрепленные международными стандартами общие принципы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности нашли свое отражение в законодательстве Республики Беларусь. Основой законодательства Республики Беларусь по защите интеллектуальной собственности является Конституция Республики Беларусь, статья 51 которой гарантирует гражданам свободу художественного, научного, технического творчества и преподавания, а также защиту интеллектуальной собственности. Конституционные положения, в свою очередь, нашли свое дальнейшее развитие в действующем законодательстве. Гражданский кодекс Республики Беларусь определяет, что правовая охрана объектов интеллектуальной собственности возникает в силу факта их создания либо вследствие предоставления правовой охраны уполномоченным государственным органом. Установлены и два вида прав на объекты интеллектуальной собственности. Это имущественные и неимущественные права. Закреплен исключительный характер имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности, который заключается в том, что его обладателю принадлежит исключительное право правомерного использования этого объекта интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым способом. Использование другими лицами объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых их правообладателю принадлежит исключительное право, допускается только с согласия правообладателя. Анализ действующего законодательства Республики Беларусь позволяет сделать вывод о системе материальных норм, которая устанавливает гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые средства защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Статьей 989 Гражданского кодекса Республики Беларусь установлены гражданско-правовые способы защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. К ним законом отнесены общие способы, предусмотренные гражданским законодательством, а также специальные способы защиты. Статья 11 Гражданского

кодекса Республики Беларусь содержит широкий перечень общих способов защиты гражданских прав, к которым относятся: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, установление факта ничтожности сделки и применение последствий ее недействительности и многие другие, перечисленные в статье. Таким образом, закон позволяет применить все данные способы к защите прав на объекты интеллектуальной собственности. К специальным способам защиты объектов интеллектуальной собственности отнесены: изъятие материальных объектов, с помощью которых нарушены исключительные права, и материальных объектов, созданных в результате такого нарушения; обязательная публикация о допущенном нарушении с включением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право. Статья содержит отсылочную норму на иные способы, предусмотренные законом. Вместе с тем, перечисления всех способов защиты прав недостаточно для понимания особенностей защиты прав интеллектуальной собственности. В каждом конкретном случае необходимо четко определять содержание исключительного права в отношении объекта интеллектуальной собственности, поскольку именно оно определяет выбор способов защиты права и пределы защиты. Также нужно определить, кто является субъектом, уполномоченным защищать эти права, кто нарушитель конкретного права. В законодательных актах Республики Беларусь, которые относятся непосредственно к объектам интеллектуальной собственности, содержатся нормы, регламентирующие защиту прав авторов и правообладателей на объекты интеллектуальной собственности. Анализ специального законодательства по интеллектуальной собственности позволяет выделить эти нормы. Так, согласно Закону Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», по требованию патентообладателя нарушение его исключительного права должно быть прекращено, а лицо, виновное в нарушении, обязано возместить патентообладателю причиненные убытки. Статьей 40 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» определяется защита авторского права и смежных прав. Так, за защитой своего авторского права или смежных прав правообладатели должны обращаться в судебные и другие органы в соответствии с их компетенцией. Правообладатели могут требовать: признания авторского или смежных прав; восстановления положения, существовавшего до нарушения авторского или смежных прав; пресечения действий,

нарушающих авторские или смежные права или создающих угрозу их нарушения; возмещения убытков, включая упущенную выгоду; взыскания дохода, полученного нарушителем вследствие нарушения авторского права и смежных прав вместо возмещения убытков; выплаты компенсации в сумме от 10 до 50 тыс. базовых величин, определяемой судом, вместо возмещения убытков или взыскания дохода с учетом существования правонарушения; принятия иных предусмотренных законодательными актами мер, связанных с защитой авторского или смежных прав. Перечисленные законом меры применяются по выбору правообладателя. Контрафактные экземпляры произведений, записанных исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного или кабельного вещания подлежат обязательной конфискации по решению суда, рассматривающего дела о защите авторского права и смежных прав. Также суд вправе вынести решение о конфискации любых материалов и любого оборудования, в том числе любых устройств, незаконно используемых для изготовления и воспроизведения экземпляров произведений, записанных исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного или кабельного вещания с обращением их в доход государства. Не востребованные обладателями авторского права и смежных прав контрафактные экземпляры произведения, записанного исполнения, фонограммы, передачи организации эфирного или кабельного вещания подлежат уничтожению или переработке с обращением в доход государства. Законом Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» установлена ответственность юридических и физических лиц за нарушение законодательства о товарных знаках. За использование товарного знака, а также обозначения, сходного с ним до степени смешения, для однородных товаров с нарушением требований закона виновные лица несут ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Защита гражданских прав от незаконного использования товарного знака, кроме требований о прекращении нарушения и взыскании причиненных убытков, осуществляется путем: удаления с товара или его упаковки незаконно используемого товарного знака или обозначения, сходного с ним до степени смешения, и (или) уничтожения изготовленных изображений товарного знака или обозначения, сходного с ним до степени смешения; ареста или уничтожения товаров, в отношении которых был незаконно применен товарный знак; наложения штрафа в пользу потерпевшей стороны в размере стоимости товара; передачи в пользу потерпевшей стороны товара, на котором незаконно применен товарный знак.

Таможенный кодекс Республики Беларусь содержит ряд норм, регламентирующих

особенности таможенного оформления в отношении товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности и предусматривающих право правообладателя, имеющего основания полагать, что при перемещении товаров через таможенную границу нарушены или могут быть нарушены его права на объекты интеллектуальной собственности, подать в Государственный таможенный комитет Республики Беларусь заявление об осуществлении таможенными органами мер по защите его прав на объекты интеллектуальной собственности.

Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь предусматривает меры защиты в административном порядке авторских, смежных и патентных прав, предусматривающие незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, а также сорта растения или топологии интегральной микросхемы. Административно-правовая защита обеспечивается контролирующей деятельностью государственных органов и реализуется путем возбуждения производства по делу об административном правонарушении. Виновные лица подвергаются административным взысканиям в виде штрафа с конфискацией предмета административного правонарушения. Административно-правовую защиту в сфере правоотношений промышленной собственности осуществляет также Апелляционный совет при патентном органе. Его компетенция сводится к рассмотрению жалоб, заявлений, возражений, поступающих на решения патентного органа.

Уголовный кодекс Республики Беларусь регламентирует уголовно-правовые средства защиты прав интеллектуального собственника. Статьей 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь установлена ответственность за нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав. В качестве состава преступления рассматривается присвоение авторства либо принуждение к соавторству, а равно разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них, незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение или сопряженные с получением дохода в крупном размере. Статья 248 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривает ответственность за незаконное использование деловой репутации конкурента. Так, наказывается умышленное использование

товарного знака (знака обслуживания), фирменного наименования, географического указания конкурента либо продажа или предложение к продаже товара (услуги) с применением предупредительной маркировки о товарном знаке (знаке обслуживания), не зарегистрированном в Республике Беларусь, либо копирование промышленных образцов конкурента, влекущие смешение продукции (товаров, работ, услуг) или деятельности с продукцией или деятельностью конкурента, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия.

Заключение. Анализ законодательства Республики Беларусь приводит к выводу: действующая система законодательства в области охраны прав на объекты интеллектуальной собственности сформирована с учетом норм международных договоров, участником которых является Республика Беларусь, и способна обеспечить достаточный уровень охраны прав на объекты интеллектуальной собственности. Однако простое включение в законодательство материальных норм, устанавливающих надлежащее правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности, не гарантирует эффективного применения такого законодательства. Условиями формирования действенной системы охраны интеллектуальной собственности является создание механизмов реализации закрепленных законодательных положений. Такая система должна обеспечивать доступность процедур защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, определенные процессуальные гарантии, что в целом позволит обеспечить практическую реализацию защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Создание такой системы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности является весьма актуальным, принимая во внимание основную задачу государства в сфере инновационной политики – обеспечение правовой охраны объектов интеллектуальной собственности и признание их в качестве источника дохода.

Таким образом, в сфере интеллектуальной собственности требуют дальнейшего развития отдельные направления нормативного правового регулирования, а совершенствование нормативной правовой базы является основой защиты интеллектуальной собственности.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь. – Минск: Амалфея, 2006.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. – Минск, 2007 г.
3. Кудашов, В. И. Управление интеллектуальной собственностью: учеб. пособие / В. И. Кудашов. – Минск: ИВЦ Минфина, 2007.

КОРРУПЦИЯ И ЕЕ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ

The article considers with the concept, structure and character of such negative social phenomenon, as corruption on the basis of the analysis of anticorruption conventions of the United Nations, the Council of Europe, ratified Belarus, the national legislation. The attention is focused to public danger of corruption crimes. The author comments the separate norms about responsibility for corruption offences. Reveals the socio-political nature of corruption in modern conditions. institution and legal framework for combating this public hazard and criminological characteristics of crimes against the interests of the service.

Введение. Дошедшие до нас правовые памятники цивилизации позволяют заключить, что коррупция – ровесник человечества. Ранние упоминания о коррупции, «поразившей» государственную службу, можно обнаружить в архивах Древнего Вавилона, сформировавшихся примерно 4500 лет назад. Термин «коррупция» применительно к социальному его значению начинает употребляться значительно позже – в античный период.

Определение коррупции нашло отражение в Конвенции Совета Европы 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию. Большинство европейских стран (в том числе и Республика Беларусь) в г. Страсбурге договорились о достаточно широком понимании коррупции. Законом Республики Беларусь от 26 мая 2003 г. данная Конвенция ратифицирована.

Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. была также ратифицирована Конвенция ООН против коррупции. Глава III данной Конвенции «Криминализация и правоохранительная деятельность» предусматривает возможность принятия каждым государством-участником таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно: подкуп национальных публичных должностных лиц (ст. 15), подкуп иностранных публичных и должностных лиц публичных международных организаций (ст. 16), злоупотребление служебным положением (ст. 19). Анализ действующего национального законодательства свидетельствует о том, что принятые в последнее время в процессе активизации борьбы с коррупцией нормативные акты в большей степени соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права в данной сфере.

Так, в главе 2 Государственной программы по борьбе с коррупцией на 2007–2010 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2007 г. № 220, характеризующей структуру преступности, связанной с коррупцией, обращено внимание на доминирующую позицию взяточничества, а также на существенное увеличение количества злоупотреблений властью или служебными полномо-

чиями. Для решения основных задач Государственной программы одним из намеченных для осуществления мероприятий является разработка программы специальных курсов по изучению законодательства в сфере борьбы с коррупцией для учащихся учреждений, обеспечивающих получение среднего специального и высшего образования, исполнителем которой является Министерство образования.

Основная часть. В целях более эффективного противодействия имеющим место проявления коррупции и создания единой правовой основы для борьбы с ней 20 июля 2006 г. принят Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», в котором впервые дано четкое определение понятия коррупции.

Согласно ст. 1 Закона, это умышленное использование государственным должностным лицом или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей, сопряженное с противоправным получением имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное лицо или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей.

Как видно из определения, сущность данного явления состоит в корыстном использовании должностными или приравненными к ним лицами своего служебного положения ради получения какой-либо выгоды, а также использовании служебного положения этих лиц другими (не должностными) лицами для достижения своих целей.

При этом наибольшую общественную опасность составляют преступления, совершенные именно должностными лицами.

Каковы последствия коррупции?

1. Коррупция не позволяет государству добиться осуществления стоящих перед ним

задач, если эти задачи противоречат интересам бюрократической олигархии, сконцентрированной в своих руках основные властные и экономические ресурсы общества.

2. Коррупция в высших эшелонах власти, даже не становясь достоянием гласности, подрывает доверие к ней и, вследствие этого, ставит под сомнение ее легитимность.

3. Коррупция отрицает демократию по существу, поскольку базовым признаком демократического правления являются равнодоступность к общественным ресурсам, справедливость законотворчества и правоприменения.

4. Коррупция среди высшего чиновничества способна воспроизводить стереотипы «имущественной нескромности» и подражания в стяжательстве среди сотен государственных служащих, для которых основным критерием служебной этики является не закон, а образ жизни начальника.

5. Коррупцированный управленческий персонал психологически не готов поступаться своими личными интересами ради процветания общества и государства.

6. Коррупция резко ухудшает инвестиционный климат, в результате чего частному бизнесу не остается ничего иного, как стремиться к получению скорой прибыли (часто – сверхприбыли) в непредсказуемых условиях, поскольку условия для долгосрочного инвестирования отсутствуют.

7. Коррупция оказывает разлагающее воздействие на управленческий аппарат как в государственной, так и в негосударственной сферах, снижая стимулы для честной работы («общий уровень этики снижается, и каждый задает себе вопрос, почему именно он должен быть единственным, кто соблюдает нормы нравственности»).

8. Коррупция обесмысливает правосудие, поскольку в коррупцированном суде правым всегда оказывается тот, у кого больше денег и меньше нравственно оправданных самозапретов.

9. Прием за взятки в престижные государственные вузы лишает общество значительной части интеллектуального потенциала, не позволяя получить высшее образование талантливым молодым людям, приводит к искаженной ориентации интеллектуальную элиту общества, ориентируя ее не на творческие достижения, а на достижения имущественного успеха любой ценой.

Среди коррупционных правонарушений можно выделить четыре вида: гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки, административные проступки, преступления. Стоит отметить, что разделение дисциплинарных (служебных) и административных проступков достаточно условное.

Гражданско-правовые коррупционные деликты. К гражданско-правовым коррупционным

деликтам относятся обладающие признаками коррупции и не являющиеся преступлениями нарушения правил дарения, предусмотренных главой 32 Гражданского Кодекса Республики Беларусь, а также нарушения порядка предоставления услуг.

Например, государственный служащий не вправе принимать имущество, в том числе подарки или другую выгоду в виде услуги в связи с исполнением служебных обязанностей, за исключением сувениров, вручаемых при проведении протокольных и иных официальных мероприятий. При этом сувениры, стоимость которых превышает 5 базовых величин, передаются в доход государства. При превышении указанные действия образуют состав гражданско-правового деликта. В этих случаях речь, конечно, идет о принятии подарков лишь за законные действия и о понятии именно подарка – имущества или имущественных благ безвозмездно, т. е. без оказания каких-либо ответных услуг или иного ответного вознаграждения.

Дисциплинарные коррупционные проступки. Дисциплинарные коррупционные проступки, обычно проявляющиеся в таком использовании служащим своего статуса для получения благ, за которое предусмотрено дисциплинарное взыскание (например, осуществление работником прокуратуры предпринимательской деятельности вопреки ст. 22 Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь»), с трудом поддаются систематизации, поскольку в действительности достаточно произвольно определяются руководящими органами огромного числа государственных, коммерческих и иных организаций. Грань между коррупционным дисциплинарным проступком и преступлением оказывается настолько слабо различимой, что даже специалисты затрудняются однозначно ответить на вопрос: где оканчивается дисциплинарный проступок и начинается незаконное участие в предпринимательской деятельности или злоупотребление служебными полномочиями. Актуальность этой проблемы в значительной степени возрастает применительно к лицам, занимающим государственные должности и, соответственно, не являющихся государственными служащими.

Административные коррупционные проступки. К административным коррупционным правонарушениям могут быть отнесены обладающие признаками коррупции и не являющиеся преступлениями правонарушения, за которые установлена административная ответственность.

В частности, к числу административных коррупционных проступков относятся нарушение порядка льготного кредитования, т. е. включение в списки для льготного кредитования лиц, не состоящих на учете нуждающихся

в улучшении жилищных условий либо принятых на такой учет с нарушением законодательства, либо подлежащих снятию с учета (ст. 23.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях).

Преступления. В рамках реализации требований Закона о борьбе с коррупцией для повышения результативности борьбы с коррупционными преступлениями совместным постановлением Прокуратуры Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 5 апреля 2007 г. № 17/94/11 утвержден перечень коррупционных преступлений. К ним относятся:

1. Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь – далее УК).

2. Контрабанда (ч. 3 ст. 228 УК).

3. Легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих полномочий (ч. 2 и ч. 3 ст. 235 УК).

4. Финансирование террористической деятельности, совершенное должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 ст. 290¹ УК).

5. Злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 424 УК).

6. Бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 425 УК).

7. Превышение власти или служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 426 УК).

8. Служебный подлог (ст. 427 УК).

9. Незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК).

10. Получение взятки (ст. 430 УК).

11. Дача взятки (ст. 431 УК).

12. Посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК).

13. Получение незаконного вознаграждения работниками государственного органа либо иной государственной организации (ст. 433 УК).

14. Злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 455 УК).

Составы преступлений, предусмотренные статьями 424, 430–432 УК, доминируют среди перечисленных.

При этом следует подчеркнуть, что наибольшую общественную опасность составляют преступления, совершенные должностными лицами.

Субъектами преступления, предусмотренного ст. 432 УК (посредничество во взяточничестве), могут являться как должностные, так и не должностные лица.

Очень трудно бороться с коррупцией в обществе, объявляя преступлением то, что стало социальной нормой.

В атмосфере постоянной готовности к подкупу правовые запреты мертвы. Сговор подкупающего и подкупаемого предопределяет высокий уровень неуязвимости коррупции.

Одним из наиболее сложных вопросов организации борьбы с коррупцией является вопрос о том, в каком соотношении должны находиться между собой профилактические и карательные меры. Необходимость обеспечения приоритета предупреждения коррупции перед наказанием за нее смело можно отнести к числу застывшим аксиом.

В действительности же большинство современных государств тратит на преследование за коррупционные правонарушения гораздо больше средств, чем на их предупреждение.

Мысль о том, что легче предупредить коррупцию, чем быть вынужденным наказывать за нее, верна лишь отчасти.

Заключение. Распространенность коррупционных (равно как и других преступлений) в значительной степени зависит от их раскрываемости, а точнее, от неотвратимости ответственности за них.

Сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и международных стандартов в части, относящейся к мерам ответственности за коррупционные правонарушения, позволил выявить пробел, требующий законодательного разрешения со стороны нашего государства.

Так, законодательство Республики Беларусь не предусматривает ответственности за коррупционные правонарушения, совершенные юридическими лицами (ст. 26 Конвенции ООН против коррупции).

Борьба с коррупцией затрагивает интересы каждого гражданина, общества, государства.

Литература

1. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 122: текст по состоянию на 02.08.2006 г. // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 122. – 2/1262.

Н. В. Самарсова, профессор

**ЭКОЛОГО-ГУМАНИТАРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА
КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ**

The article presents the analysis of a contemporary state of ecological education and the upbringing of growing generation; marks the priority of forming of the ecological culture in an individual as the aim of the educational process. There are offered the grounds of the necessity of a new educational paradigm development as a basis for an individual ecological culture forming. The article shows the advantages of the eco-humanities educational paradigm in contrast to the technocratic one. The article considers with the most important questions of ecological education.

Введение. Экологическая культура, будучи сложным социальным феноменом, формируется в тесном взаимодействии с системой образования, которая призвана решать проблемы передачи поколениям ранее накопленных знаний (традиционные функции) и готовить к решению тех проблем, с которыми общество раньше не сталкивалось (инновационные функции).

Одной из важных образовательных задач на сегодняшний день является развитие необходимых качеств и способностей человека понимать современные экологические проблемы и ответственно, на научной основе их разрешать. Образование, направленное на развитие современного человека как планетарного субъекта, должно стать наиболее эффективным средством и механизмом разрешения глобальных цивилизационных проблем человечества, основой его преобразовательной и созидательной деятельности.

Система образования является сложноорганизованной развивающейся иерархической системой. Ее стабильное функционирование зависит от множества внешних и внутренних параметров: содержания и технологий обучения, системы подготовки педагогов, государственной политики в области образования, уровня управления и многих других.

В связи с изменяющимся характером цивилизационных процессов в развитии системы образования также наблюдается определенная неоднозначность, нелинейность, вариативность. Все это стимулирует появление иных, отличных от сложившихся, традиционных, моделей образования и обуславливает полипарадигмальность всего образовательного пространства.

Основная часть. Формирование нового мировоззрения, новой культуры, новых образцов взаимодействия человека с природой связано, главным образом, с переходом системы образования к новой эколого-гуманитарной образовательной парадигме. Парадигма в философском смысле – это модель научно-поисковой деятельности, которая служит основой для решения научных задач. Она имеет временный характер, поскольку оказывается работоспособной и поддерживается научным сообществом лишь на определенных этапах

развития науки. Видоизменяясь под воздействием новых обстоятельств, которые не могут быть объяснены в ее рамках, парадигма воздействует на методологию и теорию, которые в свою очередь детерминируют процесс познания в той или иной сфере.

Как известно, традиционная школа формировалась в условиях технократической парадигмы развития и отражала в содержании, технологиях, формах и методах организации учебно-воспитательного процесса все проблемы техногенной цивилизации: дегуманизация общества; ориентация на интенсивный рост потребления, который обеспечивал развитие естественных и технических наук; преобладание технократического подхода над гуманитарным.

В рамках этой модели приоритеты отдавались теоретическим и практическим знаниям в узких областях науки и техники. Конечной целью образования провозглашалось обеспечение учащихся суммой знаний, умений и навыков, необходимых для выполнения функций исполнителя на специализированном участке производства. Структурирование учебных предметов и их содержание, методики обучения и формы организации учебного процесса были подчинены именно этой цели.

Как отмечает В. А. Игнатова и многие другие авторы, в педагогической практике это реализовалось: через единообразие содержания образования (приоритеты отдавались естественно-математическим дисциплинам); через преобладание узкоспециализированных учебных предметов, часто не взаимосвязанных между собой и ориентированных преимущественно на формирование у учащихся логического мышления и навыков алгоритмического способа деятельности; через авторитарный стиль управления учебно-воспитательным процессом; через преобладание субъект-объектных отношений (учитель – ученик); через единообразие образовательных учреждений; через жесткую вертикальную административно-командную систему управления и т. д. [1].

Все это являлось условием для подготовки учащихся к функциям исполнителя, следующего заданному алгоритму, существенно ограничивая их творческие возможности в принятии

нестандартных решений, получении новых результатов, лишая свободы выбора, альтернативы. Однако следует отметить, что такая модель вполне отвечала запросам, интересам и потребностям техногенной цивилизации, она способствовала интенсивному освоению природы, развитию производства. Именно в недрах технократической модели развития начались серьезные кризисные явления, касающиеся как общества, так и образования, произошла деформация мышления и сознания отдельного человека и цивилизации в целом, смещение акцентов и ценностных ориентаций в сторону материального в ущерб духовному.

Отметим, что эволюционная спираль не поворачивается назад, поэтому отказаться человеку от всех достижений цивилизации во имя первозданной природы невозможно. Полной гармонии или совпадения интересов человека и природы в процессе развития быть не может – слишком разные системы. Необходимо добиваться гармонизации отношений. Этому должен способствовать процесс экологической социализации человека, т. е. формирование экологической культуры как единой системы взаимосвязанных компонентов (взглядов, установок, ценностей и т. д.), позволяющих человеку определить свое место и назначение в природе.

Взаимодействие двух культур (гуманитарной и естественнонаучной) в конечном итоге представит возможность новой образовательной парадигмы.

В соответствии с этим начал осуществляться поиск новых концептуальных подходов к образованию и воспитанию личности, нового содержания и технологий обучения, методов формирования личности, развития ее гуманистического потенциала. В основу этих подходов был положен опыт создания прогрессивных педагогических систем: школы свободного воспитания М. Монтессори, свободного развития Р. Штайнера, свободного самовыражения личности С. Френе и др. Данные попытки стали ростками новой гуманистической парадигмы, которая сегодня становится приоритетной в педагогике.

Важно также при этом отметить, что в настоящее время в Беларуси все большую популярность набирает новая установка – «образование как часть культуры» – взамен долго бытовавшей ведущей идеи – «образование как часть идеологии».

Как справедливо отмечает С. П. Козырева, образование сегодня должно пониматься как культурный процесс, который осуществляется в образовательной среде. Все компоненты этой среды наполнены человеческими смыслами и служат человеку, свободно проявляющему свою индивидуальность, способность к культурному саморазвитию и самоопределению в

мире культурных ценностей. Образованный человек в этом смысле не только специалист, имеющий определенную компетентность, но и личность, способная функционировать в пространстве культуры [2].

К началу XXI в. в соответствии с характерными чертами современной культуры пришло время выстраивать модель экологического культуросообразного педагогического пространства, выделяя принципиально новые образовательные и методические установки гуманитарного образования. В содержание такого образования должны быть включены те изменения, которые происходят в социокультурной среде.

Достижение этого требует пересмотра взглядов на культуру технократического общества и формирования новой – экологической культуры. Это связано с новыми подходами к образованию, разворотом его в сторону человека, изменением его ценностей, целей и задач, формированием нового педагогического мышления, адекватного зарождающемуся новому цивилизационному (глобальному) мышлению.

Такое мышление сегодня ориентируется на идеи устойчивого развития, коэволюции, интеграции, сотрудничества и объединения, совместных действий в преодолении проблем, стоящих перед человечеством, ориентацией на нравственный и экологический императивы, гуманистические идеалы и универсальные ценности. На первый план выходит личность учащегося, готовность его к самостоятельной деятельности, умение принимать решения, доводить их до исполнения и нести за них ответственность.

Новую образовательную парадигму для XXI в. наиболее целесообразно определять как эколого-гуманитарную (С. Н. Глазачев, Н. Н. Моисеев, А. Д. Урсул и др.). Преимущество эколого-гуманитарной образовательной парадигмы:

1. Эколого-гуманитарная парадигма имманентно сочетает экологическое и гуманистическое, тенденцию экологизации образования с тенденцией его гуманизации. Гуманизм мыслится не как сосредоточивший внимание только на человеке, но как гуманизм биосферный, экологический; гуманизм из чисто социального и личностного феномена превращается в социоприродный, экосистемный.

2. Эколого-гуманитарная парадигма характеризуется большей степенью абстрактности и обобщенности. Это обусловливается исходной точкой зрения на мир как на Универсум. При этом «экологическое» в контексте экогуманитарной парадигмы понимается как целостное, не деструктивное, гармоничное и обозначает меру вписанности в Универсум.

3. При анализе взаимодействий в системе «человек – природа – общество» эколого-

гуманитарная образовательная парадигма исходит из понимания компонентов системы как самоценных.

4. В контексте эколого-гуманитарной образовательной парадигмы раскрывается потенциал понимания экологической культуры как нового качества культуры. Качественный скачок обуславливается включением природы в сферу культуры, рассмотрением природы как части культуры, одновременным изучением культуры как части природы [3].

Поскольку культура представляет собой уникальный механизм самосохранения общества, являясь средством его адаптации к окружающему миру, то, соответственно, экологическая культура может рассматриваться как механизм, гарантирующий сохранение социальных и природных систем, их сбалансированное, коэволюционное развитие.

Являясь значительным вектором всего культурного развития, экологическая культура гарантирует соответствие социальной деятельности требованиям жизнестойкости природной среды. Сегодня это мера и способ реализации сущностных сил личности в процессе духовного и материального освоения природы.

Ведя речь о формировании экологической культуры детей и подростков в условиях новой эколого-гуманитарной образовательной парадигмы, охарактеризуем ее как систему ценностных ориентаций, эмоционально-волевых и нормативных регуляторов, направленных на сохранение, воссоздание и устойчивое развитие окружающей среды на основе экологических знаний, а также совокупности навыков и умений их применения.

В социально-педагогической практике новая эколого-гуманитарная парадигма образования в значительной степени связана: с изменением содержания обучения (усилением его гуманистического и гуманитарного аспектов); изменением воспитывающей функции (отказом от авторитаризма и переходом к фасилитации, холистическому, интегративному подходу к ребенку, учетом его индивидуальных особенностей и интересов); с переходом от экстенсивных технологий, ориентированных на репродуктивное воспроизводство знаний, к интенсивным технологиям обучения.

Эти идеи наиболее полно и глубоко реализуются сегодня в некоторых авторских школах, в моделях развивающего, проблемного, личностно-ориентированного обучения, гуманисти-

ческой педагогики. Новая методология и философия образования во многом все еще остается декларацией. Содержание учебных предметов (особенно естественнонаучных), как и прежде, разрабатывается в рамках технократического подхода, продолжает формировать разрозненные, не связанные между собой представления о мире (отдельные его картины), и не обеспечивает условий для формирования личности с высокой экологической культурой.

Современный практический опыт формирования экологической культуры детей и подростков указывает на острую необходимость активного сотрудничества школы с учреждениями социокультурной сферы. Преимущество учебной работы и эколого-ориентированной социально-культурной деятельности позволит не только идти в параллели с основным экологическим образованием, осуществляемым в школе, но также существенно дополнять, развивать его, а в некоторых случаях и опережать.

Заключение. Таким образом, в современном мире происходит не только изменение роли науки, превращение ее в производительную силу общества, но и радикальная смена научных и образовательных парадигм, связанная с преобразованием соотношений между субъектом, средствами, объектом познавательной и научно-исследовательской деятельности. Ранее содержание экологического образования определялось главным образом объектом и в меньшей степени средствами и технологиями познавательной деятельности. В настоящее время данный процесс предполагает взаимосвязь знаний об окружающем мире с общекультурными ценностями, ценностно-целевыми установками научно-познавательной деятельности субъекта. Это соответствует процессам гуманизации познания и гуманитаризации научного знания.

Литература

1. Игнатова, В. А. Интегрированные учебные курсы как средство формирования экологической культуры учащихся: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / В. А. Игнатова. – Тюмень, 1999. – 387 л.
2. Козырева, С. П. Экологическая культура и образование: дис. ... канд. культурологии / С. П. Козырева. – Улан-Удэ, 2004. – С. 75.
3. Глазачев, С. Н. Экологическая культура учителя: исследования и разработки экогуманитарной парадигмы: монография / С. Н. Глазачев. – М., 1998. – 432 с.

Н. А. Лазаревич, старший научный сотрудник НАН Беларуси

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БИОЭТИКИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

The formation of modern bioethics is connected with the most actual processes of socio-cultural development at the turning point of the XX–XXI centuries, which is carried out in the process of the conflict between philosophical, ethical, scientific and practical knowledge in the field of biotechnologies. They have a binary character and are not only technologies of practical activity for creation of products but also social ones aimed at the formation of new ethical values. One can distinguish two groups of ethical problems in a problem area of bioethics: 1) nature and environment protection; 2) protection of human rights for life and health in contacts with medical and biologic exposures or manipulations. In this respect the interest of society is attracted by such problem, of bioethics as the relations between doctor and patient, transplantation of organs, maintenance of a patient's life, death lethal injection.

Введение. Одной из особенностей современной науки является то, что в ней все более заметное место занимает этическая проблематика. Направленность развития науки и технологий в последние десятилетия – ее приближением к человеку. В самом буквальном смысле это касается некоторых современных генетических, эмбриологических и других биомедицинских технологий, например, связанных с клонированием, увеличением продолжительности жизни и т. п. В данной связи появилась необходимость объяснения и моральной регуляции важнейших проблем, возникающих как следствие новых технологий. Такую функцию берет на себя биоэтика, которая представляет собой сложный феномен современной культуры, возникший в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого столетия и включающий два важных и необходимых элемента – «биологическое знание» и общечеловеческие ценности.

Основная часть. Понятие биоэтики первое время использовалось как синоним профессиональной медицинской этики. Смысл термина с течением времени существенно менялся и стал включать в себя ряд новых положений – результат междисциплинарного исследования антропологических, моральных, социальных и юридических проблем, вызванных развитием новейших биомедицинских технологий (генетических, репродуктивных, трансплантологических и др.). Это связано с тем, что современная биомедицина качественно изменяет сферу своих возможностей, она способна «давать» жизнь, «управлять» жизнью, «контролировать» смерть, т. е. манипулировать данными процессами, при этом часто вступая в конфликт с традиционными ценностями.

Специфика биоэтики в сопоставлении с более широкой областью – этикой науки – заключается в преимущественном применении ее к тем граням науки и практической деятельности, которые сегодня претендуют на радикальное изменение природы человека. Поэтому основная задача биоэтики – способствовать выяв-

лению различных позиций по сложнейшим моральным проблемам, которые порождает прогресс биомедицинской науки и практики.

Можно ли клонировать человека, допустимы ли попытки создания генетическими методами новой «породы» людей, которые будут обладать высокими физическими и интеллектуальными качествами? Нужно ли спрашивать разрешения у родственников умершего при заборе его органов для пересадки другим людям, можно и нужно ли говорить пациенту правду о неизлечимом заболевании, эвтаназия является преступлением или актом милосердия? Биоэтика призвана способствовать поиску морально обоснованных и социально приемлемых решений этих и подобных им вопросов, которые встают перед человечеством практически ежедневно.

Традиционная медицинская этика – милосердие, благотворительность, нанесение вреда пациенту, нравственная ответственность медиков – наполняется новым содержанием. В центре морального сознания оказываются идея автономии человека, его право самостоятельно принимать наиболее важные решения, касающиеся его жизни. Одной из наиболее сложных проблем биоэтики в аспекте ограничения такого права является проблема эвтаназия. Эвтаназия (*en* – хороший, *thanatos* – смерть) – сознательная деятельность по прекращению страданий пациента, обусловленных неизлечимой болезнью.

Речь идет о том, что не всегда срабатывают нормы, например, традиционной медицинской этики, в которой преобладают патерналистские установки по обеспечению блага пациента, где высшим благом представлялось сохранение его жизни. Сегодня многие специалисты, а зачастую и сами граждане, неоднозначно оценивают ситуацию, при которой продление жизни у безнадежного больного, испытывающего жесточайшие страдания или находящегося в вегетативном состоянии, является благом для него. С другой стороны, в наши дни происходят фундаментальные изменения в определении смерти.

Она связывается уже не только с остановкой сердца и прекращением дыхания, но и прекращением деятельности головного мозга. Целостность нравственных установок заставляет анализировать возможность эвтаназии. Не исключено при этом, что жертвами эвтаназии могут стать хронические больные, старики, инвалиды, психически больные.

Спектр ожиданий, предъявляемых науке со стороны общества, а вместе с тем и ориентиры научной политики государства все больше начинают требовать того, чтобы их результаты позволяли удовлетворять запросы общества и потребности человека. Люди становятся потребителями знаний, технологий и продуктов, создаваемых биомедициной, которая основывается на открытии последних лет в молекулярной биологии – расшифровке генома человека.

Теперь, когда прочитан геном человека и составлена его генетическая карта, пытаются дать оценку так называемого генетического состояния и получить ответы на вопросы: что такое здоровая наследственность, «хороший» или «плохой» ген, какая степень аномалий допустима для общества. Практика генетической диагностики вынуждает пользоваться критериями евгеники, а практическая деятельность генетических консультаций выливается в проведение своеобразной генетической политики. Данные, полученные при анализе генома, могут принести пользу – помочь предотвратить не появившуюся еще болезнь, подобрать подходящую профессию и т. д. Но такая информация может послужить и причиной дискриминации (при приеме на работу, в школу, при страховании, оказании медицинских услуг и пр.).

Совершенно недопустимо априорно рассматривать наследственные особенности личности как ее главную ценность. Данные генетического анализа могут создавать не только представление о неполноценности гражданина, но и, будучи включенными в информационные банки служб здравоохранения, социального обеспечения, использоваться против личности.

Это, прежде всего, возможность манипулирования ДНК человека, и даже более того, генофондом человечества в «нужном» направлении. Успехи молекулярной биологии резко расширили потенциальные возможности эффективного направленного воздействия на генетический аппарат живого существа с перспективами, порой совсем близкими, но чаще более отдаленными, такими, как воздействие на человека, способное вызвать в нем глубокие и радикальные изменения. Некоторые ученые всерьез обсуждают создание специальных рас людей для практического использования – например, при исследовании космоса. Стивен Хоукинг (США) уверен, что к концу XXI в. станет возможным выращивать в пробирках

генетически совершенных людей, увеличив объем мозга человека и тем самым расширив его интеллектуальные возможности.

Еще одна этическая проблема – проблема клонирования. Сам термин «клон» имеет отношение к созданию генетических двойников и перенесен из биологии. Клонирование животных пока сопровождается очень большим процентом неудач и поэтому всякие попытки перенесения этих методик на человека в настоящее время этически недопустимы. В первую очередь это связано с большим количеством у человека специализированных тканей и органов.

Информация, получаемая в результате биорисследований, должна иметь в первую очередь прогностический характер, а этические гарантии становятся при этом доминирующими. Необходимо, чтобы использование генетической информации непременно сочеталось с учетом таких принципов как право на полное информирование, высшая степень конфиденциальности, социальная безопасность и т. п., поэтому доступ к ней должен быть строго ограничен. Однако с развитием генетики становится очевидной сложность ее законов, запутанность наследственных взаимосвязей между поколениями. Это привело к пониманию, что практическое осуществление евгеники намного сложнее и опаснее, чем думалось в начале XX в. Выяснилось, что многие болезни, в том числе умственная отсталость, могут вызываться неправильной структурой питания (недостатком витаминов, полноценного белка), особенно в детстве.

Пьер Тейяр де Шарден, живший в начале прошлой эпохи, когда в жизнь человечества только входили атомная энергия, компьютеры и молекулярная биология, тоже смотрел с надеждой на технологическое будущее. Он положительно относился к евгенике, «искусственной нежизни» и перестройке человеческого организма с помощью генетики. Он считал, что, обретя новую власть над наследственностью, мы сможем заменить силы естественного отбора, чтобы самим определять направление будущей эволюции [1].

Пьер Тейяр де Шарден писал свои труды до того, как стали очевидными разрушительные воздействия технологии на окружающую среду. Сегодня биоэтика не может развиваться без включения в нее задач экологии. Она призвана «этизировать» все сферы деятельности и поведение человека в биосфере. В основе новой этики должно лежать чувство ответственности за будущее, которому нужно стать источником ответственного поведения, т. е. иметь в основе моральную составляющую. В качестве цели она предлагает достижение приемлемого выживания (acceptable survival) человечества, которое понимается не только как выживание, устойчивое

развитие общества (sustainable society), но и как развитие здоровой экосистемы (healthy ecosystem). Основными условиями жизнедеятельности человека должны стать: а) сохранение окружающей среды, б) контроль репродуктивной функции человека. Индивидуальное здоровье – один из двух приоритетов глобальной биоэтики. Здоровье индивидуума должно рассматриваться не только как отсутствие болезней, но как некоторое позитивное качество, зависящее от многих факторов. Важнейшими из них являются перенаселение и загрязнение окружающей среды, т. е. этика в этом плане согласуется с экологическими ценностями. Современная биоэтика включает в себя определенную философию безопасности, которая акцентирует внимание на обеспечении системной безопасности не только через защиту, но и через развитие. Концепция развития, включающая в себя категорию безопасности, делает развитие «устойчивым» и предсказуемым. Связь безопасности и развития в биоэтике рассматривается в терминах защиты жизни и перспективах выживания человечества в условиях обострения глобальных проблем.

В настоящее время в биологии разрабатывается несколько глобальных проблем с непременной этической компонентой. Наиболее существенная из них – это возможность изменения природы человека [2]. В этой связи большое внимание привлекает использование в питании продуктов трансгенных животных и растений, т. е. содержащих в своем геноме чужеродную, не характерную для них, наследственную информацию.

Первые генно-инженерные сорта сельскохозяйственных растений появились в производстве в 1992 г. За прошедший период они показали свою высокую эффективность, преимущество перед сортами, созданными с помощью традиционной селекции. Большинство опасе-

ний относительно их возможной угрозы не подтвердились. Однако имеется еще очень короткая история безопасного использования генно-инженерных организмов. Руководствуясь принципом предосторожности, нужно принимать меры безопасности, включая государственное регулирование, чтобы, с одной стороны, обеспечить благоприятные условия для развития генной инженерии как одного из приоритетных научных направлений, а с другой – гарантировать безопасность при осуществлении и использовании результатов и продуктов генно-инженерной деятельности.

Заключение. Формирование современной биоэтики связано с наиболее актуальными процессами социокультурного развития на рубеже XX–XXI вв., которое осуществляется в процессе конфликта между философско-этическим и научно-практическим знаниями, связанными, как правило, с инновационными технологиями в области биологии. Специфика развития этих технологий состоит в том, что они носят двойственный характер и являются не только технологией практической деятельности создания тех или иных общественных продуктов, но и социальной технологией, нацеленной на формирование новых этических ценностей. В качестве реального механизма биоэтики выступают этические комитеты (комитеты по этике), которые являются институционализированной формой присутствия биоэтики в структуре современного типа науки, дающими ответ на сложные жизненные затруднения, порождаемые развитием биомедицинских технологий.

Литература

1. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М.: Наука, 1987. – С. 186.
2. Юдин, Б. Г. Этическое измерение современной науки / Б. Г. Юдин // Этика науки. – М.: РНИФ, 2007. – С. 99.

М. В. Подручный, ассистент

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ИЗУЧЕНИЯ БИОСОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА

The article considers with interaction of concepts and principles biological evolution theory with common cultural ideas of biosphere, a noosphere, co-evolution. Being biological by origin, connected with studying of joint evolution of various biological objects and levels of their organisation, the concept co-evolution is nowadays included (in discussion of extremely wide questions of life of mankind). Co-evolution the nature and a society is an area of research which any more is not actually natural-science. If theoretical participation of biology in studying coevolution involuntarily there is a question on transformation of evolution knowledge in biology, on change of a subject of evolutionary biology and occurrence of new approaches to a development problem is found out. The article is devoted to the analysis of methodological grounds of new synthesis and reconstructs the theoretical presuppositions forming of theory of social evolution, exposes narrow-mindedness of sociobiology paradigm.

Введение. Основные идеи, понятия биологического эволюционизма давно стали достоянием общей культуры и используются в самых различных областях научного знания. В статье будет рассмотрено взаимодействие понятий и принципов биологического эволюционизма с общекультурными идеями биосферы, ноосферы, коэволюции. Будучи биологическим по происхождению, связанным с изучением совместной эволюции различных биологических объектов и уровней их организации, понятие «коэволюция» ныне включено в обсуждение предельно широких вопросов бытия человечества. Коэволюция природы и общества – это область исследования, которая уже не является собственно естественнонаучной. Если обнаруживается теоретическая причастность биологии к изучению коэволюции, то невольно встает вопрос о трансформации эволюционно-биологического знания, об изменении предмета эволюционной биологии и возникновении новых подходов к проблеме развития.

Основная часть. Общеизвестно, что теоретический каркас системы биосферных наук заложен творчеством В. И. Вернадского. Для того чтобы увидеть место эволюционной биологии в этой системе наук, необходима, прежде всего, определенность в понимании ключевого понятия – понятия «биосфера». В. И. Вернадский говорил о биосфере как о «естественном теле», о «монолите», вбирающем в себя всю совокупность живого вещества планеты [1, с. 29–30]. Очевидно, что и человек как живое существо включен в биосферу, понимаемую в качестве природно-биологического образования. В таком случае антропогенные факторы эволюции биосферы становятся в один ряд с другими природными параметрами, что и реализуется в эмпирических исследованиях. Чрезвычайно существенно, что начало ноосферы отсчитывается с того момента, когда появился разум, когда с появлением цивилизации на Земле биосфера стала природно-социальной системой. Таким образом, биосфера – это дву-

компонентная система, объединенная процессом коэволюции природы и общества.

Понимание биосферы как системы «Природа – Общество» ставит биологический эволюционизм лицом к лицу с общественными науками. Теоретическое освоение процесса коэволюции возможно лишь в новом, еще не созданном, теоретическом пространстве, объединяющем «две культуры» – естественнонаучную и гуманитарную. Это идеал консолидации двух типов разнокачественного знания, пути достижения которого пока трудно представимы. Поэтому благом является даже некая переключка идей, движение навстречу друг другу в использовании «чужих» понятий, норм знания, в заимствовании манеры, стиля мышления. Методологический анализ такой переключки идей составляет одно из важнейших современных направлений в философии науки.

Когда биологический эволюционизм ставится в контекст исследования коэволюции, то самой трудной проблемой для него оказывается проблема человека. Его уже нельзя рассматривать лишь как природно-биологическое существо, как это было допустимо в первом случае интерпретации биосферы. Система «Природа – Общество» по сути является системой «Человек – Природа – Общество» – настолько важна во всех этих взаимосвязях активная роль человека. Это обстоятельство в общем виде понималось социобиологами, когда при создании своей концепции генно-культурной коэволюции они уделили серьезное внимание «новой науке о человеке». Плодотворной является и мысль о том, что в изучении коэволюции никак не обойтись без выделения неких инвариантов, которые позволяли бы сопоставлять, соотносить коэволюционирующие стороны, сделать это соотношение предметом конкретного научного познания. Отсюда увлечение социобиологов так называемыми эпигенетическими правилами, якобы направляющими процессы трансляции от генов к культуре и наоборот [2, р. 4–8].

Однако культура осталась без инварианта. Его поиски в сфере когнитивной психологии

затрагивают лишь один из уровней социального бытия человека. Что же касается природной компоненты коэволюции, то она интерпретируется в духе сведения эволюционно-биологических проблем к генетике. Выделение гена в качестве инварианта одной из сторон коэволюции оказывается не подкрепленным ни современным научным знанием, ни современной методологией биологии, не принимающей редукционизма. Но социобиологическая модель генно-культурной коэволюции представляет собой интересный теоретический эксперимент.

Остановимся еще на одной идее, достойной дальнейшей разработки. Выступая последовательными энтузиастами проникновения эволюционно-биологического подхода в проблему человека, социобиологи фактически описывают важнейшую дилемму в понимании динамики коэволюции. Эта динамика описывается, как правило, двумя способами: либо человек статичен, а общество динамично, следовательно, ответственно за всю динамику коэволюции; либо, наоборот, человек динамичен, а общество довольно устойчиво в своих основных характеристиках и совокупностях социальных институтов. Вторая позиция как раз ближе социобиологам, постоянно утверждающим, что анализ культуры мало что дает для понимания человека. Действительно, если мы говорим о коэволюции и о человеке как ее «кванте», как о важнейшем ее действующем лице, то никак не уйти от вопроса – прекратилась ли биологическая эволюция человека в условиях созданной им цивилизации? Э. Уилсон считает, что основные ментальные характеристики мозга могут даже продолжать свое развитие в исторические времена. Это утверждение противоположно точке зрения, разделяемой многими, что такая биологическая эволюция прекратилась 10 000 лет тому назад и что изменение человека состояло с тех пор исключительно в его культурной эволюции. Э. Уилсон даже предлагает «тысячелетнее правило» для генетической эволюции мозга – во время существования 30–40 поколений людей вполне могут «уместиться» некие изменения биологии человека [3, р. 41–44]. Очевидно, что до таких правил еще далеко, но сама идея о продолжающейся эволюции природно-биологического субстрата кажется плодотворной. Целый ряд авторов называют этот поистине коэволюционный процесс биосоциальной эволюцией человека. «Очеловеченные» стороны функционирования, взаимной корреляции, регуляции различных систем человеческого организма уже сегодня становятся предметом исследования специалистов в области генетики человека, экологии человека, этологии человека.

Для включения философского знания в теоретическое обоснование подобных научно-

исследовательских программ важен уже сам факт существования в них задач изучения, восприятия и оценки происходящих экологических изменений, формирования общественных процессов, стиля жизни и качества жизни в условиях экологического кризиса. Человеческое измерение экологических ситуаций предполагает широкое использование результатов социальных наук и тем самым как бы переводит теоретические размышления о природоохранной деятельности, о природопользовании в более широкий контекст изучения коэволюции.

Если изучение и даже широкое публичное обсуждение проблем биосферы, экологии, коэволюции ориентировано на практику жизни, то идея глобального эволюционизма по определению носит мировоззренческий характер.

Очевидно, что проблемы глобального эволюционизма, обращение к космическому измерению земной жизни, включая человека, неизбежно порождают философское размышление, активно подключают мировоззрение ученого, обсуждающего эти проблемы. По мнению ряда теоретиков, главная идеология, способная преодолеть традиционный разрыв двух культур, естественнонаучной и гуманитарной, заключена в представлении о едином мировом процессе самоорганизации. Этот процесс может быть назван универсальным, или глобальным эволюционизмом, поскольку охватывает все существующие и мыслимые проявления материи и духа. Остается лишь не совсем ясным, какие же универсальные закономерности самоорганизации должен иметь в виду биолог, физик, геолог, историк, философ, культуролог, этнограф и т. д., чтобы добиться взаимопонимания. Для биологии проблема самоорганизации давно столь же кардинальна, как и проблема эволюции. К тому же эти два тренда биологических исследований всегда конфронтировали. Что же касается необратимости времени как важнейшего положения синергетики, то «возраст» этой идеи в биологии придется отсчитывать скорее всего от Аристотеля, создавшего первую «лестницу существ». До настоящего времени ни одна наука о природе не прониклась так глубоко идеей необратимости времени, как биология. Появление нового качества и случайный характер его «канализованности» изучается на разных уровнях организации с достаточно несовпадающими результатами относительно причинных механизмов.

На протяжении всей истории развития Вселенной непрерывно усложняется организация материи. Природа как бы запасла определенный набор возможных типов более или менее стабильных организационных структур, и по мере развития единого мирового эволюционного процесса в нем задействуется все большая доля этого запаса. Растет не только сложность, но и разнообразие существующих форм

организации как косного, так и живого вещества и – что очень важно – организационных форм общественного бытия. На биологическом языке такой способ объяснения развертывания процесса всегда назывался преформизмом. Но когда он процветал, то был и ответ на вопрос «откуда» – от Бога как создателя плана строения всех тварей земных. Каким же образом сегодня объяснить «начало порядка», переход от хаоса к порядку, да и было ли такое состояние Вселенной, когда был один хаос? Если да, то откуда взялась самоорганизация? Если нет, то как быть естествоиспытателю с той «дурной бесконечностью», которая возникает при желании проследить эволюции самоорганизации? Таким образом, оценка синергетики требует философской рефлексии. В научном плане синергетика несравненно доказательнее, но она опять же безжизненна и бесчеловечна, встраивая человеческое существование в картину мира ровно таким же образом, как это происходило во времена господства ньютоновского мировоззрения. Сохраняется основная логика «встраивания»: если наука доказала универсальность процессов самоорганизации, если это свойство можно считать фундаментальным для всех материальных систем, то это значит, что человек и созданное им общество могут быть поняты на основе концепции самоорганизации.

Целостность человеческого организма, как и любого другого живого существа, есть продукт эволюции, а биологическая эволюция не сводится лишь к аспекту самоорганизации. Но проблемы организации полностью не совпадают со всем объемом общебиологических проблем. Простые примеры «комфортности» жизнепроявления низкоорганизованных существ показывают относительность понятий «простое» и «сложное», «низшее» и «высшее». Как бы жизнь ни была схожа с неживой материей по тем или иным параметрам, в ее исследовании точными методами постоянно сохраняется «остаток», необъяснимый с их помощью.

Безусловно, синергетика дает стимул для развития биологического знания, концепции глобального эволюционизма, построенной на понятии самоорганизации. Однако при одном непременном условии – если не рассматривать биологический эволюционизм в качестве лишь составной части новой концепции самоорганизации. Во-первых, синергетический подход позволит преодолеть неразвитость теоретического знания в биологии, ассимилировать принципы нелинейности, вероятности, а также новых подходов к элементарности и т. д.

Во-вторых, выдвижение понятия самоорганизации в качестве основного в идеологии гло-

бального эволюционизма созвучно новым методологическим тенденциям в биологии, связанным с переосмыслением роли организации. В настоящее же время системно-структурный подход все больше консолидируется с историческим, эволюционным.

Вместе с тем, концепции глобального эволюционизма затрагивают такой круг вопросов, который имеет непосредственное отношение к эволюционной биологии. Так, в современной биологической литературе придается большое значение разведению понятий «канализованности» (development) и собственно «направленности» (evolution). Дело в том, что первое понятие относится к более локальным событиям и успешно используется в биологии индивидуального развития либо при изучении отдельных этапов эволюции. Второе понятие имеет дело с более принципиальными вопросами об универсальных характеристиках эволюционных процессов (проблема универсального понимания направленности и необратимости времени, роль отбора структуры, формы, соотношение случайного и необходимого в развитии).

В концепциях глобального эволюционизма «направленность» связана с определенной картиной мира, с достаточно осознанными философскими предпосылками исследования. Очевидно, что биологический эволюционизм, обсуждаемый в широких масштабах глобального эволюционизма, обретает новые стимулы для прояснения своих ведущих понятий.

Заключение. Главная цель сказанного в статье состоит в том, чтобы разрушить привычные представления о способах проникновения идей биологического эволюционизма в культуру, в обсуждении актуальных общенаучных и даже общечеловеческих проблем. Происходит вовсе не простое использование понятий эволюционной биологии, но поистине творческий процесс их переосмысления, в равной мере плодотворный как для биологии, так и для других наук, «подключенных» к проблемам коэволюции Человека, Природы и Общества.

Литература

1. Вернадский, В. И. Проблемы биогеохимии / В. И. Вернадский // Труды биогеохим. лаб. – М. – Т. 16. – 260 с.
2. Lumsden, C. J. Promethean fire. Reflections on the origin of mind / C. J. Lumsden, E. O. Wilson. – Cambridge (Mass), 1983. – 342 p.
3. Lumsden, C. J. Genes, Mind and Culture / C. J. Lumsden, E. O. Wilson. – Cambridge (Mass), 1981. – 408 p.

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Any subjective right has value for its owner only in the event that it can be protected from encroachments of other persons. Owners of exclusive rights to objects of intellectual property can use various legal ways of protection of the rights. Exclusive rights to intellectual property can be protected means criminal, administrative and civil law. The choice of a concrete measure with which help restoration broken or a recognition of the challenged rights and influence on the infringer is carried out, depends on a kind of object of intellectual property, the maintenance of the right and limits of its realization.

Введение. Закрепление в законе интеллектуальной собственности в качестве самостоятельного объекта гражданского права создало условия для самостоятельного участия в гражданском обороте результатов интеллектуальной деятельности и получения материальных благ от их использования. Самостоятельная материальная ценность обладания исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности состоит именно в способности приносить доход ее обладателю. Сложность понимания правовой природы и, как следствие, применения в гражданском обороте этого объекта и его правовой защиты обусловлены тем, что интеллектуальная собственность имеет двойственную природу: с одной стороны она представляет собой идеальный мысленный образ, который возник в результате мыслительной деятельности человека; с другой стороны, для того чтобы подтвердить существование этого образа, ему необходимо придать объективную вещную форму (например, нарисовать, записать).

Основная часть. Исключительное право на результат интеллектуальной деятельности и вещное право на материальный носитель, на котором этот результат зафиксирован, имеют различную правовую природу. Например, приобретая право собственности на книгу как на вещь, лицо не становится обладателем тех прав, которые принадлежат автору этой книги. Результат интеллектуальной деятельности, являясь нематериальным по своему характеру, может использоваться одновременно неограниченным кругом субъектов. Любое субъективное право имеет ценность для его обладателя только в том случае, если оно может быть защищено от посягательств других лиц.

Однако эффективность защиты субъективного права зависит от правовой оценки объекта защиты и правильного выбора соответствующего способа защиты.

Так, Судебной коллегией Верховного Суда Республики Беларусь по делам интеллектуальной собственности в 2008 г. рассмотрено дело по иску индивидуального предпринимателя С. к открытому акционерному обществу «СП» о нарушении права на воспроизведение и распространение объектов авторского права. Истец в заявлении суду указал, что ответчик осуществ-

ляет безоговорное использование созданного им произведения искусства: изображения упаковки (дизайна) для молока и изображения графического рисунка деревенского пейзажа на ней. Ответчик, возражая против искового требования, утверждал, что данные изображения не относятся к произведениям искусства, поскольку не являются результатом творческой деятельности, созданы в ходе технического труда по выполнению условий договора. Предметом заключенного между спорящими сторонами договора являлась услуга по разработке эскиза упаковки для молочной продукции, выпускаемой акционерным обществом. Истец получил оплату согласно договору и акту приемки выполненных работ. Для правильной и всесторонней оценки объекта спора и иных обстоятельств дела судом была назначена искусствоведческая экспертиза. По заключению проведенной экспертизы объект спора не был признан произведением искусства, так как не обладал творческой новизной и уникальностью. В спорных объектах экспертиза установила преобладание технического, а не творческого исполнения поставленной задачи. Эскиз не содержал сугубо авторского, индивидуального и профессионально целостного решения, а являлся интерпретацией уже существовавших приемов и мотивов. Рисунок деревенского пейзажа лишен яркой авторской индивидуальности. Непохожесть на другие упаковки выступала частью производственной задачи, а не художественной новацией ее создателя. Таким образом, спорный объект не был признан объектом интеллектуальной собственности, поэтому истцу отказано в иске [1].

Авторам результатов интеллектуальной деятельности принадлежат в отношении этих результатов личные неимущественные и имущественные права.

Изготовителям фонограмм и организациям вещания принадлежат в отношении этих объектов только имущественные права. Обладателям права на средства индивидуализации (фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров) принадлежат в отношении этих средств только имущественные права.

В качестве личных неимущественных прав выступают право авторства, право на имя, право

на защиту репутации, право на обнародование, право на отзыв. Указанные права принадлежат автору независимо от его имущественных прав и сохраняются за ним даже после уступки имущественных прав на использование.

Личные неимущественные права не имеют экономического содержания; они непередаваемы, неотчуждаемы и бессрочны. В этом заключается их отличие от имущественных прав и этим же обуславливается специфический характер их нарушений и способов защиты.

Наиболее распространенными нарушениями неимущественных прав автора являются: присвоение авторства другим лицом (плагиат); приписывание авторства другим лицам; понуждение к соавторству; изменение способа обозначения имени автора без его согласия; снабжение произведения иллюстрациями, комментариями, примечаниями без согласия автора (за исключением критики, пародий, цитат).

Имущественные права на объекты интеллектуальной собственности принадлежат авторам и правообладателям – лицам, которые в установленном порядке приобрели имущественные права на объекты интеллектуальной собственности. Обладателю имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации принадлежит исключительное право правомерного использования этого объекта по своему усмотрению в любой форме и любым способом.

Авторам и правообладателям на произведения науки, литературы и искусства принадлежат следующие имущественные права: право на воспроизведение, право на распространение, право на прокат, право на импорт, право на публичное исполнение, право на перевод и др. Автор имеет право на авторское вознаграждение за каждый вид использования произведения. Однако законом могут устанавливаться отдельные изъятия из этого правила. Например, без согласия автора и выплаты авторского вознаграждения могут использоваться правомерно опубликованные произведения физическими лицами в личных целях (за исключением произведений архитектуры в форме зданий и сооружений, баз данных и компьютерных программ). Также допускается без согласия автора и без выплаты авторского вознаграждения, но с обязательным указанием автора произведения и источника заимствования цитирование в научных, исследовательских, учебных, полемических и информационных целях отрывков из опубликованных произведений, использование таких отрывков в качестве иллюстраций в радио- и телепередачах, видео- и аудиозаписях учебного характера, воспроизведение в газетах, сообщение для всеобщего сведения и некоторые другие действия.

Имущественное право на изобретение, полезную модель, промышленный образец включает следующие правомочия патентообладателя: использовать объект по своему усмотрению, запрещать или разрешать использовать такой объект иным лицам, продать или уступить патент.

Исключительное право на топологию интегральной микросхемы предоставляет автору или иному правообладателю использовать эту топологию по своему усмотрению путем изготовления и распространения интегральной микросхемы с такой топологией.

В отличие от неимущественных прав имущественные права имеют срок действия. Соответственно охрана имущественных прав осуществляется в пределах срока их действия. Так, объекты авторского права охраняются в течение всей жизни автора и 50 лет после его смерти. Имущественные права на объекты смежного права (исполнения, фонограммы, передачи вещания) охраняются в течение 50 лет после первого исполнения, опубликования фонограммы, передачи вещания в эфир. Истечение срока действия имущественных прав на объекты авторского права и смежных прав означает переход этих объектов в общественное достояние. Период правовой охраны объектов права промышленной собственности ограничивается сроком действия патентов. Так, патент на селекционное достижение действует в течение 25 лет со дня подачи заявки, на изобретение – в течение 20 лет, на промышленный образец – в течение 5 лет с правом продления в установленном порядке.

Имущественные права могут быть уступлены полностью или в части либо переданы для использования другим лицам (правообладателям) на основании соответствующих договоров.

Исключительные права на интеллектуальную собственность могут быть защищены средствами уголовного, административного и гражданского права.

Так, за незаконное распространение или иное незаконное использование объектов интеллектуальной собственности установлена административная ответственность в виде штрафа на граждан до 50 базовых величин, на юридических лиц до 300 базовых величин. Протоколы о таких административных правонарушениях составляют должностные лица органов внутренних дел, рассмотрение дел и применение административного взыскания осуществляют судьи общих судов.

Уголовная ответственность в виде штрафа, общественных работ или исправительных работ предусмотрена ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь, которая именуется «нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав» и устанавливает наказание за

присвоение авторства, принуждение к соавторству, разглашение без согласия автора сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них.

Однако наиболее эффективными представляются гражданско-правовые способы защиты исключительных прав на интеллектуальную собственность, которые предусмотрены кроме Гражданского кодекса Республики Беларусь, также законами Республики Беларусь: «Об авторском праве и смежных правах» от 14 января 2003 г. № 183-З, «О патентах на изобретения, полезные модели и промышленные образцы» от 16 декабря 2002 г. № 160-З, «О товарных знаках и знаках обслуживания» от 05 января 2004 г. № 268-З, «О географических указаниях» от 17 июля 2002 г. № 127-З.

Правовая охрана объектов авторского права и смежных прав осуществляется с момента их создания, так как возникновение прав на эти объекты не связывается с какими-либо формальностями. В качестве доказательства обладания авторским правом могут быть использованы экземпляры опубликованных произведений, рукописи и другие.

В целях защиты прав на объекты авторского права и смежных прав правообладатели вправе требовать: признания авторского или смежных прав; восстановления положения, существовавшего до нарушения авторского или смежных прав; пресечения действий, нарушающих авторские или смежные права или создающих угрозу их нарушения; возмещения убытков, включая упущенную выгоду; взыскания дохода, полученного нарушителем вследствие нарушения авторского права и смежных прав, вместо возмещения убытков; выплаты компенсации в сумме от 10 до 50 тыс. базовых величин, определяемой судом, вместо возмещения убытков или взыскания дохода с учетом существа правонарушения.

Перечисленные меры не являются исчерпывающими. Например, в случае нарушения нематериальных прав автор может требовать возмещения морального вреда, размер которого будет определяться судом в каждом конкретном случае.

Правовая охрана объектов промышленной собственности (патентного права) осуществляется на основании их государственной регистрации в патентном органе – государственном учреждении «Национальный центр интеллектуальной собственности».

Для защиты исключительных прав патентообладателей на изобретения, полезные модели, промышленные образцы установлена ответственность в отношении должностных лиц и экспертов патентного органа за разглашение сущности заявки до ее публикации.

В случае нарушения прав владельца товарного знака и знака обслуживания в качестве способов защиты этих прав, кроме требований о прекращении нарушения и взыскании причиненных убытков, могут применяться следующие меры:

- удаление с товара или его упаковки незаконно используемого товарного знака или обозначения, сходного с ним до степени смешения и уничтожения изготовленных изображений товарного знака или обозначения;

- арест или уничтожение товаров, в отношении которых был незаконно применен товарный знак;

- наложение штрафа в пользу потерпевшей стороны в размере стоимости товара;

- передача в пользу потерпевшей стороны товара, на котором незаконно применен товарный знак.

Особенность правовой охраны такого объекта как географическое указание обусловлена его сложным содержанием. Географическое указание включает два понятия: первое – наименование места происхождения товара. Для его применения необходимо, чтобы товар обладал определенными качествами или репутацией, обусловленными природными условиями, традициями производства и другими факторами, существующими в определенной местности. Правовая охрана места происхождения товара предоставляется на основании его регистрации. Второе понятие – указание происхождения товара. Правовая охрана его осуществляется без регистрации и состоит в недопущении использования ложных указаний.

Заключение. Обладатели исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности могут использовать разнообразные правовые способы защиты своих прав. Выбор конкретной меры, с помощью которой осуществляется восстановление нарушенных или признание оспариваемых прав и воздействие на нарушителя, зависит от вида объекта интеллектуальной собственности, содержания права и пределов его осуществления.

Литература

1. Судебный вестник. – 2008 г. – № 3. – С. 37.

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО МЫШЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

In clause the analysis of some innovative aspects of integration thinking in conditions of globalization is undertaken. The primary goal of research is the judgement of a place and a role of nonlinear (likelihood) characteristics of development in perfection of methodology of integration thinking. Finally it is expressed in becoming the innovative cognitive-thinking model allowing comprehensively to comprehending new picture of the world in which it is projected noosphere's essence of a modern civilization.

Введение. В статье предпринят анализ некоторых инновационных аспектов интеграционного мышления в условиях глобализации. Основной задачей исследования является переосмысление роли и места нелинейных (вероятностных) характеристик развития в совершенствовании методологии интеграционного мышления.

Современное развитие науки и научных знаний в условиях глобализации во многом определяется устойчивым становлением и совершенствованием интегративного мышления, являющимся инструментарием системного (холистического) видения современного мира и его реалий. Оно тесным образом связано с осмыслением универсальных закономерностей развития разнообразных явлений бытия и поиском единых теоретических оснований как общественных, так и естественно-технических дисциплин.

Основная часть. С возникновением новых вызовов человечеству перспектива дальнейшего сосуществования техногенной цивилизации и биосферы приобретает драматический характер. Вне контекста стратегии устойчивого развития природы и социума этот процесс может привести к коллапсу. В поиске путей преодоления системных кризисов современной цивилизации стало очевидным необходимость переосмыслении исторически сложившихся фундаментальных ценностей, идеалов, норм научной рациональности и статуса современной науки в целом.

До недавнего времени в познании закономерностей развития науки, в частности, тенденции интеграции, исследователи зачастую ограничивались лишь анализом основных методологических принципов: монизма, системности, целостности, комплексности или методов научного исследования (логико-математических, кибернетических, моделирования системно-структурных, теоретико-информационных) и т. д. При этом редко затрагивали проблемы стиля современного научного мышления.

Сегодня определяющим структурным элементом процесса теоретического синтеза знаний, который происходит в науке, является интегративное (интеграционное) мышление. Оно не только приобретает доминирующее значение в реализации глобальных проектов современности, но и становится методологическим

основанием для осуществления предельно широких обобщений в современной науке.

Сегодня в науке функционируют разнообразные стили мышления, например: фундаментальный, естественнонаучный, социальный, технический. Кроме вышеотмеченных, можно привести и общенаучные стили (образы) мышления: экологический, космический, кибернетический, синергетический. Такие стили мышления объективно востребованы в мыслительной деятельности современных ученых. Вышеприведенные стили мышления испытывают стремление к сближению и взаимодействию. Тенденция сближения и унификации стилей мышления обусловлена как социальными детерминантами (развитием практики и социальным заказом общества), так и внутривидовыми задачами современной науки.

И это последнее позволяет утверждать, что общей характеристикой разнообразных стилей мышления является становление синтетической парадигмы, в которой обобщены интегративные образы (матрицы) отражения всевозможных реальных процессов, происходящих в мире. Другими словами, происходит становление новой когнитивно-познавательной модели, позволяющей осмыслить новую картину мира, в которой проецируется ноосферная сущность современной цивилизации.

В контексте становления интегративной парадигмы (матрицы), отражающей современные реалии, наиболее характерной чертой выступает диалектичность. Она конкретизируется и уточняется в понятиях вариантности и инвариантности, стихийности и организованности (алгоритмизированности), актуальности и потенциальности, определенности и неопределенности и т. д. Вышеперечисленные понятия отражают не только устойчивые и динамические характеристики, но и линейные и нелинейные векторы процесса развития разнообразных сторон действительности.

В условиях глобализации некоторые инновационные аспекты синтетического (целостного) осмысления современной социоприродной динамики в первую очередь связаны с уточнением роли и места нелинейных процессов развития. Этот аспект проблемы исследовали И. Б. Новик, Н. Т. Абрамова, А. Д. Урсул, П. М. Бурак

и др. [1]. Еще в начале 50-х гг. XX в. М. Борн начал использовать термин «стиль мышления» [2]. В содержании этого понятия ученый усматривал возрастающую аксиологическую роль и значение вероятностного подхода в исследовании материи. Вероятностный подход, по его мнению, не является каким-то отклонением от нормы, а представляет собой фундаментальную особенность познания, роль которого постоянно возрастает. Наряду с уже устоявшимися и продуктивными базисными ценностями классической науки, такими как «устойчивость», «равновесность», «линейность», становится очевидной необходимость переноса акцентов в методологическом анализе на противоположные понятия, отражающие неустойчивый, неравновесный, нелинейный характер функционирования сложных динамических систем.

В связи с этим одним из важнейших методологических оснований интегративного (холистического) понимания разнообразных сторон поведения сложноорганизованных систем становится синергетический подход. Он представляет собой дальнейшую конкретизацию идей и принципов диалектики в контексте выявления полимодального разнообразия бытия. В идеях синергизма, изложенных Г. Хакеном, И. Пригожиным и И. Стенгерс [3, 4], креативным началом выступает принципиально важное дополнение к классическому пониманию причинно-следственных зависимостей развития.

Следует вспомнить, что линейный стереотип мышления определяется линейной причинностью Лапласа, которая не в состоянии всесторонне описать вероятностную динамику развития живых систем, а тем более таких сложноорганизованных, как биосфера. Издержки такого понимания происходящих процессов связаны с представлением об однозначности причинно-следственных связей. Это и позволяло якобы убеждаться в том, что все происходящее в мире возможно рационально (количественно и качественно) осмыслить, однозначно предсказать и, более того, затормозить или остановить возникновение и развитие деструктивных процессов, происходящих в природе и социуме. Нам представляется, что абсолютизация линейно-детерминистской установки мышления опосредовано и привела в конце XX в. к появлению системных кризисов, таких как: экологический, ресурсно-сырьевой, энергетический, продовольственный, а сегодня и финансовый кризис цивилизации.

Биосфера как особый сложно-динамический объект современного научного исследования все более позиционирует себя не как стабильная и устойчивая целостность в классическом понятии равновесия, а как квазиравновесная (нелинейная) система, в которой постоянно функционируют процессы необратимого харак-

тера. В условиях глобализации, носящей противоречивый характер в функционировании биосферы, с особой четкостью стали проявляться эмерджентные изменения в ее динамике. Это отразилось в увеличении количества флуктуаций, изменении пороговости возмущений и чувствительности и т. д., порождающих многовариантность и альтернативность путей будущего развития. Условия неравновесия, в которых пребывает современная биосфера, усиливают флуктуации, в свою очередь последние раскачивают прежние устойчивые состояния системы, поднимая ее на гребни бифуркаций. Переход за их пределы означает необратимость процессов развития и появления новых качественных состояний (характеристик) биосферы. Отмечая фундаментальное значение нелинейных характеристик в развитии мировых процессов, академик Н. Н. Моисеев подчеркивал: «И очень важно понять, что катастрофические перестройки биосферы могут произойти вследствие не грандиозных явлений космического масштаба, а незначительного изменения того или иного параметра биосферы» [5].

Особенности нелинейных характеристик развития указывают на то, что значение даже самых малых усилий (возмущений) в критических ситуациях выводят систему на новый качественный уровень квазиравновесия. Следует подчеркнуть, что варианты вероятностных сценариев (выбор возможных путей развития) могут диаметрально отличаться друг от друга. С одной стороны, вывести систему из состояния предраспада и «безнадежности» к относительно устойчивому «надежному» состоянию, а с другой, напротив, привести ее к деструкции и полному самоуничтожению как исторической целостности. Это справедливо не только для биосферы и ее подсистем, но и для социума, мировой экономики в целом. Так, современный финансовый коллапс отчетливо показал, что незначительное изменение в виде последнего кредита, выданного конкретному заемщику (известна его фамилия), в одночасье вывело мировую финансовую «пирамиду» из состояния относительного равновесия и привело к процессу ее необратимого разрушения.

Одной из наиболее сложноорганизованных подсистем, во многом предопределяющей динамику функционирования биосферы в целом, является геонимическая сфера Земли. В ней фундаментальное значение играет географическая среда современной цивилизации. Геосреда представляет собой неорганическое, субстратное основание для развития и функционирования разнообразных биологических систем и человека. Она олицетворяет собой целостное единство минеральных, земельных, водных и многих других ресурсов общества. Стержневым понятием, отражающим сущность географической

реальности, является понятие географического пространства. Ареной развертывания процесса глобализации становится географическая оболочка Земли. Многие исследователи в области теории географии и экологической философии отмечают четко выраженную тенденцию к сокращению «гомогенизации» геопространства. Сегодня в условиях глобализации в планетарном масштабе циркулируют информационные потоки, посредством которых человечество может «мгновенно замкнуть контакт» в любой точке географического пространства. Пространственно-временное «сжатие» мира уплотнило и изменило не только физико-географические параметры, но и свойства социально-географического пространства. Нелинейные процессы, постоянно сопровождающие развитие географической оболочки Земли, стимулируют флуктуации в ее структуре и ведут к эмерджентным изменениям. В результате возникают новые асимметричные свойства геосреды, которые конкретизируются в становлении «многослойности» или «полиморфности» ее пространственных структур. Другими словами, вероятностный характер динамики географической оболочки продуцирует асимметрию ее структуры. В ответ на «сужение», или уплотнение, геосреды социума геопространство начало формировать «многослойную» или полиморфическую структуру. В связи с этим многие исследователи, отмечая «пластичность» или «растяжимость» современного географического пространства, стали дифференцировать его на типы: пространство миграционных процессов; пространство жизнедеятельности семьи; пространство действия и осознания; «персональное» пространство и т. д. Новые разновидности геопространства увеличили емкость геоболочки за счет ее уплотнения. Очевидно, что процесс структурирования геосреды характеризуется относительной незавершенностью (не создает законченных устойчивых форм), а значит, направляет ее динамику в сторону неопределенности перспектив развития. Поэтому трудно дать однозначную оценку этим новым характеристикам геонимической сферы Земли. К каким последствиям они могут привести? Либо к деградации геопространственных характеристик социосистемы, либо к новым прогрессивным формам геосистемной самоорганизации.

В ходе анализа сущности новых географических процессов становится очевидной, не-

обходимость учета вероятностных (стохастических) характеристик, которые органически дополняют линейную (классическую) парадигму мышления. Это позволяет конструктивно трансформировать мировоззренческие установки в сторону плюрализма и учета вероятностных (альтернативных) путей социо-природной эволюции биосферы. Подобная установка имеет не только методологическое, но и важное аксиологическое значение. Нелинейный стиль интегративного мышления адекватно проецирует вероятностный характер мировой динамики. Это, в свою очередь, в достаточной мере соответствует содержанию принципа экосоциоцентризма, который отражает ценностно-мировоззренческие установки философии синтетизма.

Заключение. В условиях глобализации интегративное мышление испытывает закономерные изменения. Они связаны с трансформацией стиля мышления классической когнитивно-познавательной модели. В ней прослеживается усиление акцента на необходимость учета сущности нелинейных (вероятностных) характеристик социо-природной динамики. Это находит свое отражение в инновационном осмыслении роли и места свойств поливариантности, стохастичности, эмерджентности, неопределенности, ассимитризма и коэволюционности в совершенствовании методологии целостного (холистического) видения мира.

Литература.

1. Синтез современного научного знания / Б. В. Кедров [и др.]; под. общ. ред. М. Э. Омелянского. – М.: Наука, 1973. – 640 с.; Урсул, А. Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации / А. Д. Урсул. – М.: ЛУИ, 1993. – 24 с.; Бурак, П. М. Коэволюционная стратегия в становлении ноосферы / П. М. Бурак. – Минск: БГТУ, 2005. – 227 с.
2. Борн, М. Физика в жизни моего поколения / М. Борн. – М.: Наука, 1963. – С. 228.
3. Хакен, Г. Синергетика: иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. – М.: Мир, 1985. – 283 с.
4. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
5. Моисеев, Н. Н. Человек. Среда. Общество / Н. Н. Моисеев. – М.: Наука, 1982. – С. 199.

О. А. Карканица, ассистент

ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ БИОЛОГИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЕВГЕНИКИ

In this article the author analyses vulgar eugenism phenomenon, defining historical and social-political conditions under which the processes of choice immoralization and the use of eugenic interference means were initiated. The author draws a conclusion that the point of risk of vulgar eugenism reappearance is related to the fear of concept exchange, which already accrued contextually in two historical eugenic forms having authoritarian basis: goal justified eugenically (exact heredity) was identified with the purity of race, eugenic – with racial hygiene; mandatory euthanasia was genocide equivalent.

Введение. Возрождение интереса к евгеническим идеям в контексте медико-генетических изысканий в настоящее время представляет реальную опасность, связанную с реанимацией «вульгарного евгенизма», или упрощенного понимания евгенических установок. Негативный характер этой тенденции (усиления интереса к проблеме улучшения наследственного здоровья человека в масштабах человеческой популяции), по мнению ряда исследователей, обусловлен, главным образом, обострением нравственных проблем, поставленных в евгенической ретроспективе.

Сущность этих проблем, равно как и многих предубеждений относительно евгеники, традиционно редуцируют, во-первых, к попыткам биологизировать природу человека, а во-вторых, реализовать «гуманные» идеи (облагораживание человеческой природы) «негуманными» средствами (сегрегация, эвтаназия, стерилизация). Объективно оценить адекватность подобной редукции возможно на основе анализа тех евгенических проектов, которые полномасштабно реализуют основную для классической евгеники задачу установления государственного контроля над воспроизводством населения. При этом (в осуществлении анализа) необходимо принять в расчет внутреннюю неоднородность и противоречивость евгенических традиций, и только на этой основе уточнить сущность и оценить реальную угрозу возрождения «вульгарного евгенизма».

Основная часть. Традиционно считается, что идея «евгенического выращивания» человека связана с биологизаторским подходом к исследованию его природы и, возведенная в ранг евгенической программы, ориентированной на осуществление задачи установления государственного контроля над воспроизводством населения, практически была реализована только в фашистской Германии. Такого рода установка может быть скорректирована с учетом того, что мероприятия по созданию системы искусственного отбора индивидов проводились в СССР на основе принципиально иной социологизаторской платформы.

История развития евгеники в Советском Союзе, по сути, указывает на существование

двух основных направлений евгеники: биологической и социальной. На первом этапе формирование евгенических идей русскими генетиками 20-х гг. XX в. осуществлялось на традиционной для данного учения биологизаторской платформе. Второй этап характеризуется реализацией евгенической задачи на социологизаторской основе, ориентированной на формирование личности в зависимости от социально заданных условий жизни в условиях тоталитарного режима.

В социальной евгенике репрезентированы основные евгенические понятия: «наследственность» и «подбор». Понятие «наследственность» характеризовало преимущественно социальную, а не биологическую составляющую природы людей («дурная наследственность» определялась как пережиток капитализма), что позволило сформулировать идею вырождения за счет выделения особой категории «вырожденцев» – творчески мыслящей части интеллигенции, лиц дворянского происхождения и представителей буржуазии, маркируемых в качестве носителей нравственных пороков. Таким образом, дискурс социальной евгеники фактически включал в себя идею о врожденном характере человеческих способностей, которые детерминированы классовым происхождением. Считалось, что классовая принадлежность накладывает определенный отпечаток на биологическую и духовную природу человека, изначально наделяя индивида либо вредными, либо полезными в социальном отношении свойствами. Социальный отбор, соответственно, способствовал закреплению ценных приобретенных признаков на генетическом уровне и был связан с реализацией следующих социально-евгенических мероприятий: а) выбраковкой и физическим уничтожением социально уязвимых индивидов, не обладающих соответствующими «ценными признаками» (пролетарским происхождением, верой в правильность ленинского курса и идеалы советизма); б) сегрегацией, но не по биологическим, а по социально-классовым критериям. Репрессии в отношении инакомыслящих, система лагерей и спецучреждений, система «опального детства», спецпоселения для «врагов народа», а после Великой Отечественной войны и для «изменников

Родины» – по сути, все эти мероприятия советской власти не что иное, как средства сегрегации, отделения ценных в классовом отношении от неполноценных [1]. Цель подобных мероприятий также соответствовала евгеническим установкам – выведение новой породы людей в соответствии с социальными стандартами советской идеологии.

Основным критерием для сравнения двух конкретных исторических проектов (биологической евгеники в Германии и социальной в Советском союзе), определяющим их общность, может выступать идеологическая ангажированность данных проектов: обоснование евгенических идей в обоих случаях осуществлялось с помощью философских или политических концепций, на базе которых была сформирована мощная идеология. Если отличительной особенностью «научной» евгеники в Германии был альянс с национал-социализмом, то в Советском Союзе возникает альянс с идеологией марксизма в советской транскрипции, репрезентирующей идею казарменного коммунизма. Эффективность подобных идеологий определяется включением в их структуру целого слоя идей, обладающих архетипической природой (например, задающих представление о «Третьем Рейхе» или «Третьем Риме» и формирующих мифологизированные представления об арийской расе или созидателях нового мира, по сути, отсылающих к образу титанов, сверхлюдей). Эти архетипы определяют смысловую ось революционных преобразований, стимулируя разработку евгенических идей, на основе которых социальные утопии приобретают статус «научности». Подобная точка зрения, в частности, высказывается Ч. Фрэнкелом, который усматривает причину появления евгенических проектов даже не в развитии самой науки и расширении ее возможностей, а в идее революции вообще с ее стремлением создать «нового человека», переделать человеческое сознание по определенному проекту [2].

Импульс к евгеническим преобразованиям мы обнаруживаем в основе социальной реконструкции, которая была произведена в обеих странах. В этом контексте евгенический проект востребован в силу исторических и социальных обстоятельств, способствующих его полномасштабной реализации и открывающих пространство для эксперимента над человеком (вне зависимости от того, на основе какого подхода он осуществляется – социологизаторского или биологизаторского). При этом евгенический проект встраивается в жесткую идеологическую схему, в силу чего он частично лишается своего подлинного содержания и подменяется ложными псевдонаучными идеологическими конструктами. На этом основании можно утверждать, что и социальная, и

биологическая евгеника реализовывала не собственную научную программу, а выполняла социальный заказ правящих кругов, щедро финансировавших соответствующие исследования. С этих позиций показательно и то, что масштабная реализация других евгенических программ этого периода (английской, шведской или норвежской) в другом политическом климате так и не была осуществлена [3].

Вместе с тем, следует признать, что связь между евгеническими концепциями и идеологическими установками обществ тоталитарного типа не была односторонней. Об этом свидетельствует, в первую очередь, тот факт, что один из основных принципов классической евгеники на определение государством тех критериев, согласно которым одни категории лиц получали право на полноценное существование, а другие – дискредитировались в своем биологическом, социальном и моральном статусе, послужил основанием для утверждения авторитарной этики в тоталитарных режимах. Несмотря на то, что ученые-евгеники не могли ответить на вопрос о «главном селекционере» в завершенной форме, а все практические евгенические программы сопровождалась специальными оговорками о том, что критерии расовой гигиены не руководство к действию, а рекомендации правительству на основе конкретных исследований группы исследователей, функция «главного селекционера» фактически закреплялась за государством (поскольку данные рекомендации адресовались именно правительству).

Сопоставление двух исторических евгенических проектов также позволяет эксплицировать некоторые спорные моменты в оценке тех средств, которые приписываются данному учению. Наиболее серьезные возражения у противников евгенического учения получает эвтаназия неполноценных, антигуманный характер которой и был выявлен в исторической ретроспективе. Однако следует принять во внимание тот факт, что для евгеников периода первой половины XX в. более актуальной и обсуждаемой была проблема стерилизации, причем в ее решении, должна ли она быть принудительной или осуществляться только с согласия объекта евгенического вмешательства, ими не предлагалось однозначных ответов.

С позиций евгеники в русской традиции (в первые десятилетия ее формирования) обоснование необходимости борьбы с плохой наследственностью включало в себя ряд рекомендаций этического характера, учитывающих специфику человека как объекта исследования. Так, например, исключалось всякое принуждение при осуществлении подбора в евгенических целях, а также возможность постановки экспериментов на людях. Стерилизация рас-

сматривалась только как крайняя мера (в силу ее антигуманного характера, связанного с допущением насилия над свободой личностного выбора), позволительная в очень незначительном количестве совершенно безнадежных случаев: например, в случае полной дегенерации и наследственного идиотизма.

Решение проблемы выбора и применения средств евгенического вмешательства, таким образом, варьируется в зависимости от того, какие этические принципы определяют характер евгенических мероприятий – авторитарные или гуманистические. Гуманистическая традиция в евгенике, представленная Н. К. Кольтцовым, С. Холдейном, Л. Хогбеном, К. Люксембургеном и другими учеными, опиралась на следующие установки: 1) дифференциация личных убеждений и объективных данных, а также разграничение научной возможности и реальной практики, требующей конкретного определения социальных условий и средств реализации той или иной идеи; 2) выработка евгенических рекомендаций, учитывающих права личности на автономию, исключение принуждения при осуществлении евгенической политики; 3) рекомендательный характер евгенических мероприятий. Представители гуманистического направления считали нецелесообразным осуществление евгенических проектов без предварительного теоретического осмысления нравственного потенциала евгенического учения, показали несостоятельность генетического «обоснования» неравенства классов и рас.

Авторитарная ориентация в евгенике, репрезентированная «вульгарным евгенизмом», восходит своими корнями к Ф. Гальтону и другим представителям науки, отстаивающим групповые интересы и ценности. Она определяется, главным образом, следующими аспектами: 1) нормативным статусом евгенических процедур; 2) принудительным характером проводимых евгенических мероприятий, игнорирующих специфику объекта экспериментирования; 3) подбором и фальсификацией фактов с целью обоснования идеологически ангажированных концептов; 3) апелляцией к внешней по отношению к интересам отдельно взятой личности авторитетной инстанции («главному селекционеру», на авторитарной основе определяющему «вредные» наследственные задатки).

В контексте авторитарной традиции отстаивается необходимость принудительной эвтаназии, которая обосновывается, скорее, экономическими, а не евгеническими соображениями. В частности, начало дебатам вокруг проблем эвтаназии в Германии положило появление на свет работы К. Биндинга и А. Хоха «Легализация уничтожения жизни, не имеющей ценности» в 1920 г., в которой был сформулирован

тезис: жизнь, не имеющая ценности, экономически нецелесообразна [4]. Многие немецкие ученые-евгеники данного периода, отстаивающие принципы гуманистической этики, напротив, отрицательно оценили возможности эвтаназии. Например, Г. Люксембурген, Л. Лофлер и К. Бауэр призывали к «безусловному уважению жизни человека», утверждая, что если отбор используется как оправдание для убийства людей, то это не только дискредитирует гуманистический потенциал евгеники, но и лишает смысла и права на существование любой евгенический проект.

Более того, сомнительно применение самого термина «эвтаназия» в отношении случаев массового уничтожения людей, которые фактически имели место в социальной практике как Германии, так и Советского союза. Следует отметить, что социальная евгеника вообще не оперирует данным термином, заменяя его представлением о борьбе с «врагами народа». В качестве таковых рассматривались носители классово чуждого сознания или распространители идей, не согласующихся с официальной идеологией.

Таким образом, в качестве реального стимула к применению эвтаназии выступает либо экономический расчет, либо борьба с политическими и научными оппонентами. Массовые уничтожения людей с этих позиций уместнее идентифицировать как геноцид.

В свете изложенного возникает необходимость в демаркации мероприятий, имеющих евгенический смысл, и мероприятий, в основе которых лежат проявления ксенофобии (расизма), инициированной теми или иными причинами. Евгенически оправданные мероприятия, ориентированные на «облагораживание» человеческой природы на основе научного подхода к определению тех свойств, которые имеют наследственную природу в различных социальных, национальных, возрастных, половых и других группах, не предполагают тотального уничтожения тех социальных общностей, которые являются носителями неблагоприятных в наследственном отношении задатков. Геноцид, в свою очередь, реализует четко поставленную социально-политическую задачу, которая и определяет его сущность – полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или классовой общности. Использование подобной меры как геноцид/принудительная эвтаназия было возможно на основе расизма, а не евгеники.

Другими словами, в данном контексте научный подход к определению наследственных задатков подменяется социальным заказом, позволяющим связать «хорошую наследственность» с чистотой нации или класса, т. е. «расы», вследствие чего возникает смыкание в области идей между расизмом и евгеникой и на этом псевдонаучном основании легитимируется

применение геноцида, выступающего эквивалентом принудительной эвтаназии.

Заключение

1. Формирование и реализация евгенических идей на авторитарной основе позволяет установить существование в евгенической ретроспективе двух разновидностей данного учения – биологической и социальной евгеники.

Различие между ними не столь уж существенно, если принимать во внимание, что: а) обе евгенические программы апеллировали к видовым ценностям (нации или класса), элиминируя из корпуса ценностных предпочтений интересы отдельной личности; б) для их реализации использовались аналогичные мероприятия (физическое уничтожение политических и научных оппонентов в качестве носителей ценностей, не способствующих поддержанию «хорошей наследственности», сегрегация и установление единообразной системы ценностей, регламентирующей характер социальных мероприятий в направлении реализации социального идеала).

2. Характер рекомендуемых и одобряемых евгенических процедур определялся, во-первых, с учетом социального запроса (совокупности идеологем, которые задавали вектор осуществлению евгенических мероприятий) и особенностей политического режима. С этих позиций евгеника выступила как один из элементов социальной технологии. Во-вторых, допустимые евгенические меры определяются, в значительной степени, характером той этической системы, которая существует на базе официальной государственной идеологии. «Вульгарный евгенизм» формируется на основе авторитарной этики, которая в качестве главного регулятивного принципа, манкирующего личностной автономией и ценностью, использует принуждение. В контексте данной традиции осуществляется подмена понятий: евгенически оправданная цель («хорошая наследственность») отождествляется с чистотой расы (нации или класса), евгеника – с «расовой гигиеной», принудительная эвтаназия выступает эквивалентом геноцида. В результате, имморализируется процесс выбора и применения средств евгенического вмешательства и инструментализируется человеческая жизнь. Подобные установки допускают устранение нефункциональных элементов из социального организма, и данный процесс получает вовсе не евгеническую подоплеку. На этом основании обвинения в антигуманном характере методов, приписываемых евгенике, могут быть пересмотрены, хотя бы частично. В-третьих, определение основных параметров евгенического вмешательства является в значительной степени нравст-

венным выбором самого ученого, составляющего евгенические рекомендации для правительства. По мнению Н. К. Кольцова, с этих позиций представитель науки выступает уже не как ученый, основывающийся на объективной логике, а как человек с теми или иными врожденными или благоприобретенными влечениями [5]. В данном случае речь идет даже не столько о гуманных или негуманных средствах, сколько о гуманных или негуманных действиях конкретных сил (ученых, разрабатывающих научные рекомендации евгенического характера, или государства, легитимирующего и осуществляющего эти мероприятия).

3. Генетическая связь исторических форм евгеники с расизмом и тоталитаризмом, устанавливаемая на основе выявления сущностного порока самой евгенической доктрины – интенции на осуществление глобального контроля над природой человека, объясняет включение таких социальных технологий, как геноцид (не обладающий евгеническим значением в собственном смысле этого слова) в спектр евгенических мероприятий. Более того, претензия евгеники в ее биологизаторской транскрипции на установление биологической сущности социальных пороков, а также попытка (в контексте социальной евгеники), но уже с социологизаторских позиций, обосновать общественную природу биологической ущербности на основе непроверенных или сфальсифицированных научных данных также обусловила создание реальной основы для дискриминации.

4. Осуществляющаяся в настоящее время либерализация евгенического проекта связана не только с ориентацией на решение нравственных проблем, поставленных родоначальниками евгеники, но и со специфическим характером развертывания самого проекта применительно к другим историческим и социально-политическим условиям.

Литература

1. Яковлев, А. Н. Крестосев / А. Н. Яковлев. – М.: Вагриус, 2000. – С. 36, 208.
2. Фролов, И. Т. Этика науки / И. Т. Фролов. – М.: Политиздат, 1986. – С. 326.
3. Хен, Ю. В. Евгеника: основатели и продолжатели / Ю. В. Хен // Человек. – 2006. – № 3. – С. 84–87.
4. Глэд, Д. Будущая эволюция человека / Д. Глэд. – М.: Захаров, 2005. – С. 95.
5. Хен, Ю. В. Прошлое и будущее евгенической идеи / Ю. В. Хен // Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности. – М.: Канон+, 2005. – С. 32.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ

The article reviews the current legislation provides for administrative responsibility of the parents or persons in their stead, for failure to comply with obligations under the discourtesy children. In the study the most pressing social, psychological and legal aspects of public policy in the field of childhood and parental rights. In the article discussed ways to improve legislation to protect the rights of the child, given the comparative analysis of the relevant legal provisions in the legislation of different countries.

Введение. В последние годы в Республике Беларусь отмечается тревожная статистика роста потребления алкогольных напитков на душу населения и соответственно возрастающее количество неблагополучных семей, а также совершаемых в быту правонарушений [1]. Поэтому наш законодатель постоянно предпринимает меры по совершенствованию правовой защиты от различных противоправных посягательств, совершаемых членами неблагополучных семей и особенно несовершеннолетними [2], [3].

Основная часть. В новом Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) за некоторые виды правонарушений снижена возрастная планка наступления ответственности с шестнадцати до четырнадцати лет [3, с. 59]. Кроме того, статьей 9.4 КоАП предусмотрена административная ответственность родителей и лиц, их заменяющих, за невыполнение обязанностей по воспитанию детей. Вместо ранее существовавших в статье 162 КоАП 1984 г. четырех самостоятельных составов административных правонарушений [4, с. 123], в статье 9.4 КоАП их имеется только два, но с более жесткими санкциями.

Так, часть первая этой статьи предусматривает взыскание в виде предупреждения или штрафа до десяти базовых величин вышеуказанным субъектам за «... невыполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей, повлекшее совершение несовершеннолетним в возрасте до шестнадцати лет деяния, содержащего признаки административного правонарушения, либо преступления, административная или уголовная ответственность за которые наступает после достижения этого возраста». Часть вторая этой статьи предусматривает ответственность родителей или лиц, их заменяющих, в виде штрафа от десяти до двадцати базовых величин за «... то же деяние, совершенное их детьми повторно в течение одного года после наложения на родителей или лиц, их заменяющих, административного взыскания за такое же нарушение» [3, с. 78–79].

Кроме того, для лица, привлеченного к административной ответственности, в соответствии с требованиями статьи 2.8 КоАП наступают определенные правовые последствия: состояние административной наказанности.

Некоторые ученые-административисты называют его состоянием порицаемости (судимости) [5, с. 203], которое длится «... в течение одного года со дня окончания исполнения административного взыскания...», после чего «... физическое или юридическое лицо считается не подвергавшимся административному взысканию» [3, с. 55].

Надо полагать, что законодатель, устанавливая статьей 2.8 КоАП один год пребывания правонарушителя в состоянии административной наказанности после окончания исполнения взыскания, тем самым предоставляет ему возможность применить все свои субъективные возможности для быстрее ее «погашения».

Кратчайший путь для этого – как можно быстрее исполнить наложенное взыскание и далее в течение одного года не совершать аналогичных (однородных) или других административных правонарушений. Эти действия в комплексе ускоряют наступление срока, с которого лицо будет считаться «... не подвергавшимся административному взысканию» [3, с. 55].

Таким образом, изложенная в такой редакции статья 2.8 КоАП преследует, на мой взгляд, несколько целей. Во-первых, она рекомендует правонарушителю исполнить наложенное административное взыскание. Во-вторых, она гарантирует ему, что его правомерное поведение в течение одного года после окончания исполнения наложенного административного взыскания позволит ему перейти из состояния «административной наказанности» в состояние «... не подвергавшимся административному взысканию».

Однако проведенный сравнительный анализ содержания диспозиций части первой статьи 9.4 КоАП с частью второй этой статьи и с требованиями вышеуказанной статьи 2.8 КоАП выявил отсутствие единообразного подхода в части распространения ее требований на установление начала отсчета срока состояния административной наказанности.

Так, привлечь лицо, находящееся в состоянии административной наказанности к ответственности по части второй этой статьи возможно только в течение одного года после наложения административного взыскания за правонарушение, предусмотренное частью первой статьи 9.4 КоАП.

Повторное совершение аналогичного правонарушения лицом, находящимся фактически в состоянии административной наказанности, по истечении одного года после наложения административного взыскания на квалификацию никакого значения не имеет. Правонарушитель будет нести ответственность опять по части первой статьи 9.4 КоАП.

Вышесказанное позволяет отметить, что действие статьи 2.8 КоАП на части первую и вторую статьи 9.4 КоАП распространяется не в полной мере ввиду особой редакции ее части второй, в которой не предусмотрено время, необходимое для исполнения наложенного взыскания.

Таким образом, на мой взгляд, выявляется противоречие в реализации правил построения Кодекса, согласно которым требование статьи 2.8 КоАП, находящейся в Общей части кодекса, должно распространяться на части первую и вторую статьи 9.4 КоАП, расположенные в его Особенной части [6, с. 46].

Однако требование статьи 2.8 КоАП не было выполнено в полном объеме, поэтому и правоприменительная деятельность имеет определенные недостатки. Это видно из следующего примера. Так, лицо, привлеченное к административной ответственности в виде штрафа по части первой статьи 9.4 КоАП, в соответствии с частью второй статьи 14.7 Процессуально-исполнительного Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) выплатило его через шесть месяцев после его наложения [3, с. 414]. Таким образом, в соответствии со статьей 2.8 КоАП родитель или лицо, его заменяющее, будет находиться в состоянии административной наказанности еще в течение одного года после окончания исполнения наложенного взыскания. В этот период времени правонарушитель, вставший на путь исправления, будет вынужден постоянно вести воспитательную работу со своим несовершеннолетним ребенком, чтобы последний не совершил до истечения указанного выше периода времени нового административного правонарушения. И только в таком случае родитель или лицо, его заменяющее, опять получает статус лица, не подвергавшегося административному взысканию. Если же субъект правонарушения не исполнил наложенное взыскание, то его статус наказанного также соответственно продлевается со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако, как мы уже ранее отмечали, законодатель не перенес дословно из статьи 2.8 КоАП словосочетание «...в течение одного года со дня окончания исполнения административного взыскания...» в часть вторую статьи 9.4 КоАП, а изложил ее, напомним, в следующей редакции: «То же деяние, совершенное повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за такое же нарушение» [3, с. 79].

Поэтому такая формулировка диспозиции части второй статьи 9.4 КоАП сокращает возможность привлечения правонарушителя к более строгой ответственности, предусмотренной за рецидив, ровно на период, необходимый для исполнения административного взыскания, наложенного по части первой этой статьи. А он, согласно статьям 12.4, 12.7, 14.7, 15.3 ПИКоАП, может длиться более семи месяцев [3, с. 405]. Соответственно на такой период времени сокращается и превентивное действие этой статьи.

Следовательно, можно констатировать, что не перенесение в диспозицию части второй статьи 9.4 КоАП из статьи 2.8 КоАП словосочетания «...со дня окончания исполнения административного взыскания», охватывающего, между прочим, целый четвертый раздел административно-деликтного процесса «Исполнение административного взыскания» [3, с. 412], повлияло и на ее цели.

Так, на вопрос, стимулирует ли правонарушителя такая редакция части второй этой статьи исполнить как можно быстрее наложенный административный штраф за деяние, предусмотренное частью первой данной статьи, ответить утвердительно довольно проблематично.

Ведь действующая в такой редакции часть вторая статьи 9.4 КоАП, согласитесь, наоборот, сокращает для лица, находящегося в состоянии административной наказанности, время привлечения его к более суровому административному взысканию в случае рецидива правонарушения ровно на период, который, как мы уже отмечали, может быть не менее семи месяцев.

Это видно из следующего примера. Так, лицо, не вставшее на путь исправления и не исполнившее наложенное административное взыскание, совершило повторно аналогичное правонарушение через месяц по истечении года после наложения административного взыскания. В соответствии с частью второй статьи 9.4 КоАП правонарушитель будет нести ответственность опять по части первой этой статьи с более мягкими санкциями.

Хотя фактически в этот период времени, в соответствии с требованиями статьи 2.8 КоАП, это лицо должно находиться в состоянии административной наказанности и действия родителя или лица, его заменяющего, было бы логично квалифицировать как рецидив по части второй статьи 9.4 КоАП.

Сложилась противоречивая ситуация в правоприменительной деятельности: требование статьи 2.8 КоАП, расположенной в Общей части Кодекса, проигнорировано законодателем и только частично включено в часть вторую статьи 9.4 КоАП.

Кроме того, вышеизложенное, на мой взгляд, свидетельствует также о том, что данная редакция части второй статьи 9.4 КоАП сказывается на выполнении в полном объеме функции пре-

дупреждения административных правонарушений, как того требует часть вторая статьи 1.2 КоАП [3, с. 49].

Предполагаю также, что такая редакция части второй статьи 9.4 КоАП в некоторой степени устраивает и правоприменителя. Так, в случае рецидива аналогичного правонарушения лицом, находящимся в состоянии административной наказанности, правоприменителю для квалификации противоправных деяний следует руководствоваться датой наложения на правонарушителя взыскания, а не датой его исполнения. Правоприменители согласятся, что такое требование значительно легче исполнить, так как имеющиеся информационные учеты всегда содержат информацию о дате наложения административного взыскания и не всегда – о дате его исполнения.

Кроме того, такая редакция части второй статьи 9.4 КоАП позволяет искусственно сокращать количество правонарушений фактически относящихся, в соответствии с требованиями статьи 2.8 КоАП, к категории «совершенные повторно», так как совершены лицами не вставшими на путь исправления и находившимися в состоянии административной наказанности. Это в некоторой степени позволяет правоприменителю создать более радужную статистическую «картинку» в сфере борьбы с такими правонарушениями, совершаемыми родителями или лицами, их заменяющими.

Заключение. По этой причине, не претендуя на бесспорность, в целях устранения существующего, на мой взгляд, противоречия было бы целесообразно законодателю перенести дословно из статьи 2.8 КоАП словосочетание «...в течение одного года со дня окончания исполнения административного взыскания...» в часть вторую статьи 9.4 КоАП, изложив ее в следующей редакции: «То же деяние, совершенное повторно в течение одного года со дня окончания исполнения административного взыскания за такое же нарушение».

На мой взгляд, изложенная в такой редакции статья, во-первых, устранила бы имеющееся противоречие и позволила бы правоприме-

нителю квалифицировать вышеуказанные действия по части второй этой статьи с санкцией уже от десяти до двадцати базовых величин, что более соответствовало бы соразмерности наказания за содеянный рецидив лицом, не вставшим на путь исправления.

Во-вторых, такая редакция статьи стимулировала бы физическое лицо, привлеченное ранее к административной ответственности по части первой статьи 9.4 КоАП, как можно быстрее исполнить наложенное административное взыскание и не совершать повторно других правонарушений, чтобы через год считаться лицом, «...не подвергавшимся административному взысканию».

И, в-третьих, правоприменитель имел бы более реальную статистику совершенных повторно аналогичных правонарушений в данной сфере, что позволило бы ему своевременно и адекватно на это реагировать.

Литература

1. Юрьева, Т. Правительство предлагает поощрять тех, кто помогает бороться с пьянством / Т. Юрьева. – Знамя юности. – 20–26 февраля 2009 г. – С. 2.
2. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях: Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 ноября 2006 г., № 18 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 198.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. – Минск: Нац. центр правовой информации, 2007.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. – Минск: Амалфея, 2006.
5. Крамник, А. Н. Административно-деликтное право. Общая часть / А. Н. Крамник. – Минск: Тесей, 2004.
6. Крамник, А. Н. Курс административного права Республики Беларусь / А. Н. Крамник. – Минск: Тесей, 2002.

ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

The article is devoted to the perspectives of cultural-civilizational self-identification of the East-Slavic nations in the conditions of globalization. The problem is examined on the ground of revealing of historical factors of the East-Slavic identity-forming. The alternatives of possible future of the East-Slavic society are outlined. This article is devoted to the most pressing questions of the history of East-Slavic peoples in the context of globalization.

Введение. Процессы глобализации, под которой обычно понимается формирование единого общемирового экономического, финансового и информационного пространства, приобрели направленность, связанную с лидирующей ролью в них северо-атлантической цивилизации и характерной для последней экономикоцентричной системой ценностей, возводящей в культ экономическую рациональность и индивидуальный успех. Данная система ценностей, претендуя на универсальность, вступает в противоречия с многообразием традиционных ценностей, характерных для различных культур и цивилизаций, порождая ряд кризисных явлений антропосферы, в том числе и кризис идентичности, оказывающий в настоящее время разрушительное воздействие на социокультурное бытие восточнославянских народов.

В процессах формирования самоидентичности – личностной, этнической, цивилизационной – ключевую роль играет противопоставление личности или социальной общности Другим, исключение своего Я или Мы из одних социальных групп и отождествление с другими группами. Устойчивая идентичность подразумевает преемственность такого рода противопоставлений – отождествлений. Самый масштабный уровень идентичности – культурно-цивилизационный – обеспечивает воспроизводство наиболее мощных векторов духовного опыта человечества в течение времени «большой длительности». Под цивилизацией в рамках предлагаемых рассуждений будем понимать «народ или группу (“мозаическую целостность”) народов, политически контролирующих достаточно автономный ареал и исповедующих религию или идеологию, которая соотносит государственное строительство этих народов, их социальные предпочтения и культурный стиль с предполагаемым трансцендентным назначением человечества» [1]. Целью данной работы является выделение основных вариантов культурноцивилизационной самоидентификации восточнославянских народов на современном этапе и их социально-исторических следствий. Важнейшей задачей, необходимой для реализации такой цели, будет выявление факторов, исто-

рически повлиявших на формирование идентичности восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов) как особой общности, имеющей не только близкородственные этнокультурные корни и историческую судьбу, но и обладающей специфическим духовным опытом, позволяющим формулировать идею культурно-цивилизационного единства восточнославянского мира.

Основная часть. Важнейшим из факторов социокультурной идентичности восточных славян долгосрочного характера стала православная традиция с ее всечеловеческими ориентациями, духом единения церковной общины в тяготах и радостях бытия. В соответствии с ними восточный славянин рассматривает себя прежде всего как «человека», отражая укорененную в ментальности подлинно христианскую установку воспринимать и любого другого прежде всего как человека.

Крещение Руси по византийскому образцу совпало с началами формирования традиционной ступени цивилизации восточных славян. На Западе распространение христианства накладывалось на давно сформировавшиеся, отлившиеся в архетипах коллективного бессознательного, антично-римские культурно-цивилизационные особенности. Античность стала разновидностью развитой традиционной цивилизации, в которой возникли «нетрадиционные» ценности индивидуальной состоятельности, закрепленные особенностями мифологии и установлениями демократии. Распространение христианства на Западе не нейтрализовало укорененные в ментальных структурах античной культуры интенции индивидуализма. Христианский дух Запады не помешал ему в соперничестве с «незападным» христианством подвергать военным нападениям и разграблению Византию и регионы, населенные славянами. Закономерным следствием духа состоятельности стало неизбежное для Запады и в условиях распространения христианства развитие рационального формально-юридического регулирования отношений между людьми как единственного способа ограничить претензии на реализацию индивидуальной свободы.

Византийские культурноцивилизационные основания в большей степени, нежели западноев-

ропейские, строились на приоритетах идей религиозного служения и христианско-нравственной регуляции индивидуальных притязаний. Это и позволило ряду авторитетных теоретиков в области социальной динамики ввести и использовать понятие «православной цивилизации» (А. Тойнби, С. Хантингтон, А. Панарин), отождествляя основания цивилизации не с географическим положением или названием народов, но буквально со спецификой религии.

У восточных славян сакральная вертикаль сознания формировалась практически одновременно с государственным и цивилизационным строительством. Установки приоритета сверхиндивидуального Мы, ранее включавшего уровни рода, племени, общины, трансформируются в наднациональное, вселенское, духовно-православное Мы. Позже христианство в виде православия сливается с национальным строительством, что препятствует формированию эгоистического этноцентрического сознания.

Здесь возник общественный идеал, который, как отмечает В. М. Межуев, «воспроизводил не гражданские структуры античной демократии, а изначальные формы христианской “духовной общины”, связующей всех узами братской любви. ...Нельзя спастись в одиночку, когда каждый только за себя. Спасение каждого зависит от спасения всех» [2]. Православие обусловило и такой важный фактор культурно-цивилизационной самоидентификации восточных славян, как преобладание установок несовершенства и вины, самокритичности и покаяния не только в индивидуальной и коллективной психологии, но и в системах исторической и философской рефлексии, созданных восточными славянами. В то же время на этой же, православной, основе сформировались особые мессианские интенции социально-исторического бытия русского народа (великороссов), подразумевавшие ответственность за сохранение веры и опору на православие в государственном и культурном строительстве. Можно полагать, что более четкое оформление национального самосознания именно у русских, выделившихся как особая часть древнерусской общности раньше по сравнению с украинцами и белорусами, связано с исторической неизбежностью для них четко обозначить себя не только как «мы – не немцы», но и как «мы – не татары». В определенной степени подобная полюсность идентичности коснулась и предков современных белорусов и украинцев. В конечном счете, в X–XVII вв. православие придало восточнославянскому миру характер духовной самодостаточности, что и выступает основой формирования особой цивилизации.

К среднесрочным факторам, повлиявшим на культурно-цивилизационную самоидентификацию восточнославянских народов, относятся

события геополитического противостояния православного мира турецкому давлению на юго-восточных рубежах и шведской, польской, французской – западноевропейской экспансии с севера и запада в Новое время. «В XVII в. Россия впервые в своей истории пережила страшное давление со стороны западного мира», – писал А. Тойнби. Внешние вызовы подтолкнули политическую централизацию и поиски способов социально-экономической модернизации восточнославянского мира в начале XVIII века. Запад, четко позиционировавший и до сих пор, но уже не всегда открыто позиционирующий себя сейчас как «мы – не турки» и «мы – не русские», тем не менее не стал для восточнославянских народов объектом ксенофобии. Более того, именно у Запада Россия периода имперского строительства заимствовала ряд элементов модернизационного проекта. В это время возникает тот самый трагический раскол в русском национальном самосознании (а также в формировавшихся в имперской России украинском и белорусском национальном самосознании), породивший в настроениях элиты доминирование дилеммы «запад – самобытность», которая надолго пресекла формирование определенной цивилизационной самоидентификации восточнославянских народов и до сих пор не исчерпала свой разрушительный потенциал.

Относительно краткосрочные и наиболее противоречивые факторы, повлиявшие на самосознание и самоидентичность восточнославянских народов, связаны с их совместной социокультурной судьбой в период существования Советского Союза. В это время в значительной мере самоидентификация русских, белорусов и украинцев формировалась в условиях атеизации общества, под мощным идеологическим прессом, направленным на конструирование новой исторической общности – советского народа. Тем не менее не было утрачено этническое самосознание русских, украинцев, белорусов, в определенной мере воспроизводилась и суперэтническая, славянская идентичность, а в тех чертах, которые был призван реализовать в своем социальном бытии и коллективном сознании советский народ, как ни странно, угадывается многое из того, что предполагает *в идеале* Православное Царство. В целом советский период истории восточнославянских народов содержал в себе множество признаков органичного для восточнославянского мира культурно-цивилизационного развития.

Таким образом, восточнославянские народы могут рассматриваться как «мозаичная целостность» близкородственных этносов, длительное время осваивавшая и политически обустроившая определенный географический ареал на основе специфической «сакральной вертикали», основанной на интегральных ценностях православия, создавая при этом поле цивилизационного

притяжения для носителей иных этнокультурных и конфессиональных ценностей (от угрофиннов и татар до евреев и бурятов).

Есть ряд причин, осложняющих процессы культурно-цивилизационной самоидентификации народов в условиях глобализации. Те, что связаны с современной сущностью глобализации, – американизация культуры, деградация духовности, стандартизация содержания источников информации – действуют повсеместно, но их потенциал по-разному разрушителен в разных культурных и цивилизационных ареалах в связи со специфическими долгосрочными и современными историческими обстоятельствами. Так, сохраняют свою цивилизационную специфику и соответствующую ей цивилизационную идентичность Китай и Индия, в условиях глобализации обнаружили себя тенденции бурного становления особой цивилизационной идентичности Латинской Америки. В то же время восточнославянский мир в постсоветский период столкнулся с ситуацией глубокого кризиса цивилизационной идентичности, который проявляется в разноректорных внешнеполитических ориентациях, ослаблении культурных связей между современными восточнославянскими государствами. Как и в некоторых других культурно-цивилизационных ареалах, происходящие процессы в значительной степени объясняются позицией элит: как непосредственно управляющих, политических, так и гуманитарных, не учитывающих исторически сложившиеся факторы цивилизационной принадлежности восточных славян и их не только национальные, но и культурно-цивилизационные интересы. В условиях несформированности культурно-цивилизационной идентичности восточнославянских народов к настоящему времени можно выделить следующие возможные варианты их ближайшего будущего:

1) переход восточнославянских культур в состояние окраинности и промежуточности по отношению к западноевропейской, исламской и стремительно самоутверждающейся китайской цивилизациям, что, возможно, изменит статус восточных славян как народов исторических, превратит ареал развития уникальной культуры в межцивилизационную яму;

2) стратегическое самоутверждение восточнославянских народов в роли особой локально-региональной цивилизации, одного из полноценных центров развития в многополюсном мире.

Заключение. Разграничение восточнославянских народов политическими барьерами в постсоветский период может стать рубиконом, за которым ветры истории окончательно разбросают возможность формирования мощной уникальной цивилизации, сочетающей универсальное и региональное посредством соединения императивов христианской нравственности и начал соборности (духовного единения), которые, кстати, не противоречат ни этнокультурной самореализации отдельных народов, ни духовной свободе. В настоящее время часть элиты усиленно теоретизирует тему «Мы – Европа», не всегда корректно разграничивая понятия Европы в географическом и культурно-цивилизационном смыслах. Другая часть связывает будущее русского, белорусского или украинского народа с развитием в качестве центрального звена идентичности этнического самосознания, очень важного, но недостаточного для полноценного развития в современном мире. Историческим факторам, влиявшим на формирование самоидентичности восточных славян, указанные направления не соответствуют и могут быть объяснены переходящей «исторической конъюнктурой» [3]. Ни европоцентризм, ни этнонационализм не помогут восточнославянским народам сохранить себя для исторического творчества. Ни один из них в отдельности не добьется того, чего они могли бы достичь вместе. Наиболее плодотворной, отвечающей требованиям преемственности для культурно-цивилизационного развития восточнославянского мира является ориентация на развитие и реализацию модели восточнославянской цивилизации [3] с воспроизводством в качестве сакральной вертикали основных ценностей православной традиции.

Литература

1. Цымбурский, В. Л. Идентичность цивилизационная / В. Л. Цымбурский // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 2. – С. 80.
2. Межуев, В. М. Россия и Европа: возможен ли диалог? / В. М. Межуев // Проблемы российского самосознания: Материалы 1-й Всероссийской конф. – М., 2007. – С. 24.
3. Новиков, В. П. Ценности и приоритеты развития современной восточнославянской цивилизации / В. П. Новиков, Н. А. Кандричин // Веснік БДУ. Серыя 3, Гуманітарныя навукі. – 2006. – № 3. – С. 51.

А. А. Габинская, соискатель

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Realities of today testify that the vector of world development, despite acceptance of a sustainable development concept by the majority of the countries, continues to keep orientation to globalization as a paradigm of the world development. A natural result of globalization is strengthening of existing social and economic differentiation of the countries and the possibility of use of natural resources in interests of the limited quantity of the advanced states, the so-called «gold billion» countries.

Absolutely an other idea is put in the sustainable development concept. It has, first of all, ecological purposes which are possible to achieve on the basis of preservation of eco-systems' integrity, and also on the basis of achievement of reasonable equation of social and economic development of mankind and environment preservation. In this context globalization and a sustainable development act as alternative concepts of development.

Введение. Современные реалии свидетельствуют о том, что вектор мировой динамики, несмотря на принятие большинством стран концепции устойчивого развития, продолжает сохранять ориентацию на глобализацию как парадигму мирового развития. Закономерным же итогом глобализации является закрепление существующей социально-экономической дифференциации стран и обеспечение возможности использования природных ресурсов в интересах ограниченного количества высокоразвитых государств, так называемых стран «золотого миллиарда».

Совершенно иная идея заложена в концепции устойчивого развития. Это в первую очередь экологические цели, достижение которых возможно на основе сохранения целостности экосистем, а также достижение разумной сбалансированности социально-экономического развития человечества и сохранение окружающей среды. В этом контексте глобализация и устойчивое развитие выступают как альтернативные концепции развития.

Основная часть. Концепция устойчивого развития (УР) появилась как ответ на угрозу глобального экологического кризиса. Напомним, что с 1992 г. концепция УР стала неотъемлемой частью международной политической повестки дня и в качестве рамочной теории начала учитываться в стратегиях национального развития. Предполагалось, что данная концепция в будущем позволит достигнуть определенного консенсуса различных политических и экономических сил; будет способствовать не только рациональному распределению природных благ, но и решению многих социальных проблем. Но прошедшее десятилетие принесло немало разочарований.

На сегодняшний день приходится констатировать, что понятие «устойчивое развитие», несмотря на свою широкую популярность, остается научно не обоснованным и, по сути, не более чем лозунгом. Как отмечают многие авторы (С. А. Пегов, В. А. Зубаков, А. Б. Вебер и др.)

сам термин «устойчивое развитие» оказался весьма неудачным. Например, В. А. Зубаков пишет: «Устойчивым может быть только рост, но понятие «устойчивое развитие» близко к «нулевому» росту населения и минимальному росту потребления ресурсов. С другой стороны, с позиций синергетики к развитию и изменениям способны лишь системы, находящиеся в неравновесном, т. е. неустойчивом состоянии, в то время как системы, достигшие равновесия и устойчивости, прекращают свое развитие. Поэтому вышеприведенное понятие в научном смысле крайне невозможно» [1, с. 193].

Помимо смысловой аморфности словосочетания «устойчивое развитие» настораживает целый ряд обстоятельств, связанных с обсуждением и практической реализацией этой доктрины. Налицо явно половинчатый и эклектичный набор предлагаемых в ней общецивилизационных изменений, где нет ни ясных стратегических целей мирового развития, ни понимания существующих реалий. В частности, такие авторы как, Н. Косолапов, В. Данилов-Данильян и др. для достижения устойчивого развития предлагают улучшение качества жизни в пределах хозяйственной емкости биосферы, но одновременно дается совет добиваться этого в рамках социально-экономического развития, чего в реальности достичь невозможно. Особо следует выделить группу авторов: С. Ю. Глазьев, И. Майбуров, И. М. Ильский, А. Урсул, Н. Иванов и др., которые рассматривают концепцию УР как альтернативу глобализации. Так, И. Майбуров считает, что «глобализация в ее нынешнем варианте направлена на углубление существующего неравенства стран, использование биоресурсов в интересах развитых стран, упадок института государства и как итог – социальный взрыв и глобальная катастрофа. Цель устойчивого развития иная – ликвидация существующего неравенства стран, разумная сбалансированность социально-экономического развития и негативного воздействия на окружающую среду, где итог – предотвращение социального взрыва и

глобальной катастрофы, становление ноосферы» [2, с. 127–128]. Соглашаясь с мнением И. Майбурова, добавим: есть основания утверждать, что глобальные рыночные силы в лице развитых государств действуют сегодня не как фактор возрастания устойчивости мирового развития, а идут по пути увеличения разрыва между богатым меньшинством и беднейшим большинством. Политика неолиберальной глобализации лишь усиливает тенденции, идущие в разрез с идеями УР. Это подтверждает и тот факт, что в 1995 г. на конференции ГАТТ в Маракеше именно принцип свободы торговли был провозглашен высшей ценностью, что способствовало следующему: страны «золотого миллиарда» во главе с ВТО занимались решением не задач, поставленных в Рио-де-Жанейро, а далеко идущих планов по либерализации рынков и ускоренной интеграции национальных экономик в единый глобальный рынок.

Вышеуказанная смена приоритетов сопровождалась оттеснением идей УР на задний план. Более того, в деловых кругах развитых государств УР встретили настороженно и даже враждебно, так как данная концепция предполагала некоторое ограничение свободных рыночных сил. Одновременно с этим следует выделить повышение активности западных экологических организаций в конце прошлого столетия, которые на территории развивающихся государств концепцию УР стали использовать «в качестве идеологической ширмы для решения явно эгоистических геополитических целей: навязать другим государствам и народам Земли такую модель «устойчивого развития», которая исключала бы возможность кардинальных культурных и социальных сдвигов, но зато обеспечивала бы политически благопристойную эксплуатацию западными странами их сырьевых и рекреационных ресурсов для поддержания высокого уровня материального потребления и здоровья населения» [3, с. 8]. Очень показателен в этом отношении и тот факт, что концепция УР содержит рекомендации по сокращению населения в развивающихся странах, при этом создаются международные органы и комитеты по контролю за рождаемостью. Не случайно по этому поводу концепцию УР квалифицируют как «скрытую идеологию “зеленого фашизма” и экототалитаризма» [3, с. 8]. И, наконец, без преувеличения можно отметить нежелание западных элит принимать кардинальные меры по изменению сложившейся ситуации в мире, а тем более решению социально-экологических проблем; их усилия направлены на сохранение и консервацию техногенно-потребительской линии развития. В связи с этим тщательно продумывается проводимая ими политика. Таким образом, вопрос об устойчивом развитии, основанном скорее на полити-

ческом и экономическом прагматизме, нежели на научно обоснованных идеях, остается проблематичным и открытым до сих пор.

Не бесосновательно все чаще стали говорить и о том, что устойчивое развитие невозможно достичь без устойчивого общества. Например, В. А. Кутырев пишет: «Концепция устойчивого развития станет на твердую почву, если из нее сделать следующий логически очевидный вывод: нужно устойчивое общество» Больше того: устойчивое развитие (sustainable development) и устойчивое общество (sustainable society) – не два, а один феномен, рассмотренный в первом случае через призму времени, во втором – пространства» [4, с. 9]. В свою очередь отметим, что УР как качественно новая фаза постиндустриального (постэкономического) общества должно быть использовано, в первую очередь, для достижения оптимизации взаимоотношений в системе «человек – природа – общество», а потому трактовать данный термин мы предлагаем по-иному – как обозначение стратегии переходного периода, в результате которого может возникнуть режим коэволюции человека и природы.

Глубинная и вместе с тем простая для понимания сущность перехода к УР заключается не только в снижении антропогенной нагрузки на биосферу, чтобы цивилизация в нее органически «вписывалась». В значительной своей части проблемы перехода к УР оказываются проблемами управления (как государственного, так и становящегося международно-глобального), ибо главное отличие всего предшествующего развития системы «человек – природа – общество» заключается в том, чтобы грамотно, разумно управлять этой системой.

Далее отметим, что УР – простая концепция: жить по справедливости в рамках наших экологических возможностей. «В социальном плане, – пишет П. А. Водопьянов, – для достижения устойчивого развития крайне необходимо создание условий для «справедливого» распределения мирового природно-ресурсного потенциала... Широкий смысл устойчивого развития основан на изменениях экономических, социальных, экологических и культурологических параметров. Устойчивое развитие предполагает такое развитие, при котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация социально-технического развития и институциональные изменения согласуются с удовлетворением нынешних и будущих потребностей» [5, с. 18]. Разделяя мнение П. А. Водопьянова, подытожим: в содержании УР можно выделить два императива: императив экологической устойчивости – жить в рамках наших экологических возможностей, и императив социально-экономической устойчивости – жить по справедливости: ослаблять разрушительные конфликты внутри и между

поколениями, порожденные огромным социальным и экономическим неравенством.

Вместе с тем, понятие УР должно обязательно содержать этический, нормативный смысл: в его сердцевине необходим спор о ценностях, об их сравнительном значении с точки зрения гуманизации общественной жизни. В этом смысле концепция УР может стать идеологией сближения народов мира на основе общечеловеческих ценностей, но здесь нельзя допустить, чтобы при практической реализации данная концепция не стала фактором углубления социально-экономической дифференциации стран. Для этого необходимо разрабатывать концепцию УР не унифицировано, как это было ранее, а с учетом экономических, политических, социальных аспектов, а также культурных и национальных особенностей отдельно взятой страны.

В то же время, как ранее уже было отмечено, основной вектор формирования УР должен быть направлен не столько вовне, сколько внутрь – экология организации человека, его бытия. Необходимо, чтобы устойчивое общество опиралось на природу внешнюю, вокруг человека – внешняя экология (экология коммуникативная), и внутреннюю, в нем самом – внутренняя экология, экология души. Ведущее значение в УР общества должен иметь не социально-экономический прогресс, а ориентация на новый путь развития – духовный, эколого-безопасный, который потребует серьезных мировоззренческих трансформаций. В значительной мере УР будет зависеть от формирования высоконравственных и высококреативных личностей, способных решать сложные социально-экологические проблемы с учетом долгосрочных системных эффектов.

Ведущая роль в процессе формирования высоких человеческих качеств будет принадлежать образованию, в данном случае, образованию для УР.

Заключение. Безусловно, переход к УР будет противоречивым, длительным, сложным и

многоплановым процессом, который потребует, во-первых, совместных усилий от всех стран; во-вторых, разработки, согласования и реализации новых стратегий развития в отраслевом, региональном и федеральном разрезах. Но, самое главное, концепция УР будет нуждаться для своей реализации в новой личности, в новом образе мышления и уровне культуры. В связи с этим именно образование сможет стать инструментом сохранения культуры и ценностей от натиска инструментального разума вплоть до подчинения рынка и техники целям благополучия человека как родового существа, так как в первую очередь будет нацелено на раскрытие и совершенствование творческих и духовных начал в человеке.

Литература

1. Зубаков, В. А. Куда идем: к экокатастрофе или экореволюции? / В. А. Зубаков // Философия и общество. – 1998 – № 1. – С. 191–239.

2. Майбуров, И. Устойчивое развитие как коэволюционный процесс / И. Майбуров // Общество и экономика. – 2004. – № 4. – С. 124–143.

3. Иванов, А. В. Время великого размежевания: от техногенно-потребительской цивилизации – к духовно-экологической / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 1999. – № 6. – С. 3–25.

4. Кутырев, В. А. Модернизация России: к обществу открытому или устойчивому? Открытое общество как «светлое будущее всего человечества» / В. А. Кутырев // Модернизация общества и экология. – М., 2006. – Ч. 1. – С. 48–61.

5. Водопьянов, П. А. Социальные и экологические аспекты устойчивого развития / П. А. Водопьянов // Философия и наука на современном этапе развития экологического мировоззрения (Аспекты междисциплинарного взаимодействия): сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Брест, 16–17 апреля 2003 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест, 2003. – С. 16–22.

А. Н. Марук, аспирант

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ГЕНЕЗИСЕ
И РАЗВИТИИ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

This article opens the idea that modern man-caused civilization is based on a unique social and cultural code sense of which is environmental and social transformation purpose according to the consumer's goals and need. The article proves that this special feature of such man-caused civilization outlook matrix was formed under the influence of the unique model of ethnic Romanic and German people adaptation to the outward natural and social environment with religious West-Christian Catholic and Protestant confessional substances. The article proves the thought that the loss of transcendental religious unit and the capitalistic existence exceptionally on the basis of self-determination, oriented on maximum profit have become the reason for coming of the man-caused civilization into consuming hedonism and system crisis that is connected with it.

Введение. Одной из определяющих тенденций современных трансформационных процессов является ускоренное развертывание инструментальных возможностей техногенной цивилизации по овладению природными ресурсами и социокультурным пространством обществ традиционного типа. Претендуя на мировое господство в качестве единственно верного, универсального социального проекта, техногенная цивилизация, упираясь в «пределы роста» и порождая глобальные проблемы современности, обнаруживает признаки исторической несостоятельности. Подобная перспектива, а точнее, ее отсутствие обусловлено логикой развития самой техногенной цивилизации.

Основная часть. Термин «техногенная цивилизация» ввел В. С. Степин, понимая под ним тип общества, в развитии которого «решающую роль играет постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных технологий, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций» [1]. Для техногенного общества характерны активные социальные трансформации и нарастание темпов социальных изменений. Техногенной цивилизации противостоит *традиционный тип общества*, который основан на воспроизведении из поколения в поколение сложившихся моделей общественных отношений и культурных образцов. Сегодня в условиях ускоренного роста техногенной цивилизации размеры социокультурного пространства традиционных обществ быстро сокращаются. Это, в свою очередь, ведет к изменению роли и значения этноконфессионального фактора в динамике социокультурных процессов современности.

Техногенное общество является западным по своему происхождению. Время его возникновения следует отнести к XV–XVII вв. На наш взгляд, формирование присущих ему ценностных доминант в значительной степени обусловлено уникальным синтезом общих для германо-романских народов черт этнической культуры с религиозными установками запад-

нохристианских конфессий – католицизма и протестантизма. Мы согласны с мнением этнологов, утверждающих, что этнос является способом адаптации социальной общности к окружающей природной и социальной среде [2, с. 153–158], которая существует независимо от воли и сознания представителей конкретного народа. Подобный способ адаптации, в свою очередь, обеспечивает уникальность и многообразие этнических культур.

По мнению ряда исследователей, для германо-романских народов таким объективным основанием этногенеза стал *природно-климатический фактор*, обусловивший специфику их социокультурного развития как особой суперэтнической общности [3; 4]. А. П. Паршев по этому поводу писал, что Западная Европа представляет собой уникальный географический и природно-климатический регион. Климатические полосы в Европе расположены парадоксальным образом: климат становится все более холодным не с юга на север, а с запада на восток, а иногда даже наоборот – с севера на юг, а точнее, с побережий вглубь континента. В этой связи по суровости зимнего климата практически одинаковы обитаемая часть Норвегии, юг Швеции, Дания, Нидерланды, Бельгия, Западная Германия (у Восточной Германии уже другой климатический пояс, поэтому она всегда уступала в уровне экономического развития Западной Германии), Восточная и Центральная Франция, север Италии, Хорватия, Албания, северная Греция, приморские районы Турции, южный берег Крыма и побережье Кавказа. Средняя температура на всех перечисленных территориях ниже нуля, несмотря на то, что Норвегия более чем на 3000 км севернее Греции. Очевидно, что Западная Европа представляет собой не имеющий аналогов регион нашей планеты. Нигде на Земле нет места, расположенного так близко к полюсу и столь теплого [4, с. 40–41].

Потепление климата с востока Европы на запад в значительной степени обусловлено степенью приближения различных ее территорий

к теплому морскому течению Гольфстрим. Благодаря данному фактору зимняя температура, например, в южной Норвегии и Швеции в среднем на 15–20 градусов выше, чем в других, находящихся на той же широте, землях, а снежный покров, если и бывает здесь, то не больше месяца. Примечательно, что зима в кубанской степи, расположенной на 2000 км южнее Скандинавии, продолжительнее и суровее, чем в южных частях Норвегии и Швеции [3, с. 4].

Специфика этноадаптационных механизмов народов, проживавших в природно-климатических условиях Западной Европы, стала проявляться еще в *античности*. В отличие от древнейших цивилизаций Востока, где люди были жестко привязаны к плодотворным речным долинам, требовавшим ежегодного повторения жизненных циклов и координации усилий больших масс населения, процесс первичного классового образования в Греции, в ряде областей Передней Азии, в береговой части Италии и Адриатического бассейна сопровождался становлением частнособственнического типа хозяйствования, требовавшего инициативы, большой активности и рациональной организации.

В эпоху средневековья начала рационально-индивидуалистического активизма получили новый импульс для своего развития благодаря мощным этногенетическим процессам, связанным с заселением территории Западной Европы германскими народами и последовательной их христианизацией. Подобная мировоззренческая установка в значительной степени была сформирована в результате синтеза ментальных особенностей германо-романских народов и христианского вероучения с его идеями о трансцендентном Боге, сущностно отличном от созданного им мира, о богоподобии человеческой личности, ответственной перед Создателем за свою судьбу и за все мироздание в целом, о наличии абсолютных критериев добра и зла, предложенных самим Богом в Его откровении человеку. Для того чтобы взять на себя столь *высокую ответственность* за судьбу всего мира, человек должен был осознать свое отличие от всех остальных сфер бытия. В свою очередь, наличие абсолютных ценностей и стремление человека следовать им стояли на пути злоупотребления этой свободой и дарованной ему ответственностью.

Формирование собственно системы ценностей техногенной цивилизации в XVI–XVII вв. было связано с генезисом капиталистической идеологии, а также с ее последовательной легитимацией протестантской этикой. *Религиозный индивидуализм* протестантизма, отрицающий в деле спасения посредническую роль церковной иерархии, в значительной степени обусловил формирование соответствующей интенции в повседневной жизни, стал оправданием инди-

видуализма социального. *Теория Ж. Кальвина о предопределении* и «концепция призвания» М. Лютера способствовали возвышению морального статуса и легитимации мирского активизма. По мнению Ж. Кальвина, в ситуации господства абсолютного предопределения именно земной успех и приумножение материальных благ являются для человека главным критерием богоизбранности. М. Лютер же считал, что выполнение долга в рамках мирской профессии есть наивысшая задача нравственной жизни человека. Особенностью специфически протестантского способа мироощущения стал *мирской аскетизм*, следуя которому, человек обязан был накапливать богатство, но не имел право его тратить.

Под влиянием охарактеризованной выше системы религиозных установок активизм западной культуры приобрел *посюсторонне-ориентированный рационально-индивидуалистический* характер, положив начало формированию техногенной цивилизации. Возведение приобретательства в статус смыслобразующей стратегии привело к реинтерпретации христианской идеи *субъектно-объектного разделения мира*. Человек начал пониматься как автономный элемент мироздания, восстающий против идеи «рабского подчинения» законам природной необходимости. Природа стала для него не храмом, а мастерской, в которой он чувствовал себя хозяином и повелителем. Весь мир превратился в средство для достижения собственных целей.

В процессе генезиса техногенной цивилизации активизм приобрел форму *практицизма*. Сформировалась новая аксиологическая максима, согласно которой любая деятельность должна приводить к вполне конкретным, реально ощутимым результатам. Подобный утилитаризм вел к утрате религиозно-метафизического измерения социального бытия и утверждению ценностей инструментально-технологического характера.

В техногенной цивилизации важнейшим средством оптимизации преобразовательной деятельности стал *рационализм*, предполагающий подчинение всех сфер жизни «принципам строжайшей калькуляции, сведения баланса прихода (успеха, выгоды, пользы) как свидетельства богоизбранности и расхода (неудачи, убытка, вреда) как знака гибели» [5, с. 46]. *Индивидуализм* в техногенном капиталистическом обществе стал мотивирующим и целеопределяющим ориентиром деятельности человека, а личная выгода – главным мотивом жизни человека-прагматика, известного под именем homo oeconomicus.

В эпоху Нового времени произошло постепенное *освобождение капиталистической идеологии от ее религиозной составляющей*.

В результате капиталистический способ хозяйствования вступил в стадию самодетерминации, сущность которой составил механизм стимулирования спроса с целью максимального извлечения прибыли. Важной особенностью данного типа экономической деятельности стало отрицание внерациональных способов мотивации труда.

Утрата сакральной проекции действительности способствовала примитивизации способа организации профанного мира, а научно-техническая революция (далее – НТР), охватившая западное общество во второй половине XX в., дала качественно новый импульс развитию «морали социальных удобств». Объективно способствуя повышению уровня жизни людей, НТР, став одним из важнейших компонентов рыночной экономики, одновременно привела к гедонизации западного общества, утверждению идеологии потребительства, досуга и развлечений, еще сильнее обострив глобальные проблемы и противоречия мировой цивилизации.

Заключение. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие *выводы*:

1. В основе культурного ядра современной техногенной цивилизации лежит архетипическая установка на преобразование окружающего природного и социального мира в соответствии с целями и потребностями действующего субъекта. Указанная специфика мировоззренческой матрицы техногенной цивилизации сформировалась под влиянием синтеза уникальной модели этнической адаптации германо-романских народов к внешней природной и социальной среде с религиозными установками западно-христианских конфессий – католицизма и протестантизма.

2. Специфика этноадаптационных механизмов народов, проживавших в природно-климатических условиях Западной Европы, стала проявляться еще в *античности*, когда возникновение частнособственнического типа хозяйствования привело к зарождению принципов рационально-индивидуалистического активизма. Новый импульс для своего развития указанные принципы получили в *эпоху средневековья* в религиозной доктрине католицизма, наполнившей их идеями о трансцендентном Боге, сущностно отличном от созданного им

мира, о богоподобии человеческой личности, ответственной перед Создателем за свою судьбу и за все мироздание в целом, о наличии абсолютных критериев добра и зла, дарованных человеку Богом.

3. Непосредственное формирование мировоззренческой матрицы техногенной цивилизации связано с началом трансформации в XVI в. системы ценностей германо-романских народов под воздействием религиозного учения протестантизма, в значительной степени обусловившего генезис капиталистической идеологии. Религиозный индивидуализм, теория Ж. Кальвина о предопределении, «концепция призвания» М. Лютера, учение о мирском аскетизме способствовали формированию представления о земном успехе и росте материального благосостояния как о главных критериях, свидетельствующих о богоизбранности человека к спасению.

4. Вступление техногенной цивилизации в стадию эскалации потребления связано с утратой религиозного измерения социального бытия и преобладанием установки на максимальное извлечение прибыли. Однако гедонизация общества и утверждение идеологии потребительства лишь обостряют глобальные проблемы и противоречия, создают угрозу существованию человеческой культуры, актуализируют поиск альтернативных сценариев развития мировой цивилизации и восстановления трансцендентного измерения человеческого бытия.

Литература

1. Степин, В. С. Проблема будущего цивилизации / В. С. Степин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spkuryumov.narod.ru/Stepin11.htm>. – Дата доступа: 24.02.2007.
2. Лурье, С. В. Историческая этнология: учеб. пособие для вузов / С. В. Лурье. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
3. Кожинов, В. В. Победы и беды России / В. В. Кожинов. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 320 с.
4. Паршев, А. П. Почему Россия не Америка / А. П. Паршев. – М.: Форум, 2000. – 411 с.
5. Зарубина, Н. Н. Без протестантской этики: проблема социокультурной легитимации предпринимательства в модернизирующихся обществах / Н. Н. Зарубина // Вопросы философии. – 2001. – № 10. – С. 45–57.

Д. А. Трафимович, преподаватель

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА

Article is devoted the analysis of a problem of influence of social memory and social experience on formation and realisation of certain variants of historical development. The decision of a problem of the conflict of cultures in the modern world assumes a choice of optimum strategy of interaction of various communities on the basis of dialogue and an effective exchange of experience.

Введение. В мировой истории хотя и найдутся примеры существования культур, которые были бы самодостаточны и практически никак не контактировали с внешним по отношению к ним миром, тем не менее, это будет скорее редким исключением, чем обычным явлением. Человечество немыслимо без феномена социальной памяти и социального опыта. Однако по-прежнему во многом открытыми остаются вопросы о границах и эффективности их использования. Онтологически проблема связана с категориями общего и единичного, закономерного и случайного: совершенно очевидно, что использование чужого опыта возможно только при признании хотя бы на эмпирическом уровне повторяемости (закономерности) исторического развития. В то же время возможность заимствования исторического опыта напрямую связана с уникальностью исторических явлений, событий, собственно этот опыт и составляющих.

Основная часть. Механизм выбора обществом того или иного варианта исторического пути развития неизбежно включает в себя процедуру анализа и использования социально-исторического опыта. Опыта не только и не столько собственного – приобретенного всем обществом или его значимыми социальными слоями в ходе разного рода исторических коллизий, но и транслированного иными социальными системами, т. е. заимствованного, возникшего таким же образом у других народов и культур, но «взятого напрокат» [1, с. 174].

Это означает, что в процессе принятия решения активный социальный субъект обращается либо к предыдущим состояниям собственной системы, либо к другим системам, уже реализовавшим иные модели поведения и добившихся при этом более эффективных результатов.

С первым типом рефлексии и анализа исторического опыта связано прежде всего контрфактическое моделирование, т. е. попытка представить, как развивались бы события, если бы побежденная в действительности и нереализованная альтернатива, упущенная возможность, одержав воображаемую победу, получила бы возможность реализоваться. Вообще, когда речь идет о проблеме исторического выбора, то обычно высказывается мысль, что «история не знает сослагательного

наклонения». Об этом твердят настолько часто, что пройти мимо данного тезиса практически невозможно. По справедливому замечанию С. А. Экштута, при изменившихся условиях отвергнутые ранее варианты развития событий могут вторично обрести онтологический статус и еще раз получить в реальном пространстве и реальном времени исторический шанс для реализации [2, с. 70].

Именно анализ нереализованных, либо не вполне реализованных планов и потому незавершенных событий, позволяет понять, что помешало достижению первоначально поставленной цели; достижима ли вообще была эта цель; что надо было предпринять и какие силы и средства выделить, чтобы все-таки добиться требуемого результата.

Второй тип влияния связан с анализом и усвоением опыта других народов, государств, культур. Этому аспекту социального выбора мы уделим особое внимание. Ведь исключительное, порой гипертрофированное, значение, придаваемое чужому опыту, не позволяющее видеть пророков в своем Отечестве, кроется не только в особенностях общественной психологии. Позитивному отношению к собственному опыту, опыту «индивидуальной биографии» социума, очевидно, мешает то обстоятельство, что состояние, в котором находится субъект в момент выбора, есть результат именно предыдущей эволюции. Желание устранить недостатки имеющейся модели естественным образом стимулирует обращение к опыту обществ, уже преодолевших эти недостатки или избежавших их возникновения. Фактор наличия иных, более успешных, на взгляд выбирающего субъекта, вариантов эволюции, кажущееся отсутствием необходимости «изобретать велосипед» становится решающим элементом механизма выбора. Как следствие, общество выбирает модернизацию догоняющего типа, в основе которой, по определению, находится использование чужого опыта.

Положительная сторона обращения к этому типу социального опыта кроется в очевидной возможности избежать непредсказуемых трудностей, использовать уже апробированные варианты. Наибольшую эффективность данный подход демонстрирует в первую очередь в сфере экономики и технологии. Практически все современные «экономические чуда» (японское,

корейское, китайское и т. д.) так или иначе связаны с возможностью заимствования опыта других, прежде всего в сфере технологий и организации производства [3, с. 195–196].

Наличие соответствующим образом интерпретированного исторического опыта других народов в значительной мере облегчает элите, ответственной за принятие решения, транслирование этого решения в массы. Намного уменьшается необходимость теоретического обоснования выбранного пути, иногда достаточными становятся лишь ссылки на здравый смысл общества и положительный пример «цивилизованных стран». Исходные условия, стартовые позиции в этой «гонке за цивилизованностью» отходят на второй план, появляется искушение пренебречь ими. Как следствие – появление экономических, политических, социальных программ, генетической связи с предыдущим развитием данного социума не имеющих. При этом, несмотря на все усилия и кажущиеся логичными программы, ссылающиеся на опыт других стран и народов, несмотря на заимствование моделей, уже эффективно проявивших себя, значительная часть политических и экономических реформ, как правило, не достигает изначальных целей. В целом, как отмечает А. С. Панарин, «дезертирство элит» из сферы национальных интересов в глобалистские структуры в эпоху катастроф и кризисов – явление почти закономерное [4].

Возможная причина кроется в том, что видимая индифферентность основной части общества, отсутствие явного массового противостояния предлагаемому варианту принимается элитой если не за поддержку, то, по крайней мере, за готовность не препятствовать реализации предлагаемого варианта. Необходимость выбора и, следовательно, предлагаемые рецепты не осознаются народом, делая невозможным формирование полноценного субъекта выбора. Элита, интеллектуальная, политическая, и народ попадают в своеобразный диссонанс. Вместо единого национального пространства «образуются параллельные, практически нигде и никак не пересекающиеся пространства туземной массы и глобализирующейся элиты» [4, с. 66]. Осознание этого может привести к расколу самой элиты. Не случайно процесс реформ в России в 90-е гг. прошлого века происходил на фоне противопоставления «крепких хозяйственников», знающих «реальную» жизнь, «младшим научным сотрудникам», все свои представления почерпнувшим из книг в тиши кабинетов. Фактически это означало формирование двух линий по отношению к историческому опыту других народов и возможности его заимствования: умеренной и радикальной.

Возникает проблема ответственности субъекта действия перед обществом за свою дея-

тельность. Роль и ответственность интеллектуальной и политической элиты на первых этапах процесса выбора исключительно велика. М. Вебер так говорит об этом: «Если дело чести чиновника выполнить приказ под ответственность приказывающей инстанции так, как будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям, то честь политического вождя, т. е. руководящего политического деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может, не имеет права» [5, с. 666]. Вебер в этом высказывании возлагает личную ответственность на политика как индивидуального субъекта социального действия. Но ответственность за выбор в обществе несут и более многочисленные субъекты, будь то социальная группа, класс и даже все общество в целом. Такого рода ответственность может возникать как перед современниками, так и перед далекими потомками. Историческая и социальная ответственность принимает различные формы: от морального осуждения до международного суда.

Вопрос, почему заимствование не всегда дает желаемый результат, естественным образом влечет за собой следующий – каковы ограничения в использовании чужого опыта, как и почему они возникают? Наиболее простым и естественным выглядит предположение о решающей роли различий в исходных посылках, в типах и структуре системных связей, не позволяющих в полной мере использовать исторический опыт других народов. Он может быть заимствован у соседей по планете лишь частично.

В настоящее время с расширением роли коммуникативных процессов особую актуальность приобрела проблема трансляции социального опыта «со стороны», попыток легитимизировать модернизационные процессы, инициатором и источником которых выступает сила, внешняя по отношению к данному обществу (вплоть до «гуманитарной интервенции»). Примеры одновременной реализации обоих конкурирующих вариантов, сопровождавшиеся распадом единой системы (две Кореи, два Вьетнама, две Германии), связаны именно с чужим влиянием, выражающемся не только в апелляции к чужому опыту, но и в обращении к его носителю о прямой помощи.

Сомневаться в том, следует ли транслировать чужой опыт, очевидно, уже поздно – процесс идет весьма интенсивно и в самых разнообразных формах: от разного рода общественных и государственных фондов и институтов-«агентов влияния», «мозговых трестов», направленных на идеологическое программирование сознания народов, и прежде всего элит, с целью установления «нового мирового порядка» до международных и межгосударствен-

ных организаций. Вместе с тем наличие чужого социально-исторического опыта может стать серьезной помехой на пути накопления своего собственного, затормозить или не допустить выработки альтернативных решений (стратегий). Следует, по крайней мере, согласиться с тем, что любая страна достигала наибольшего успеха только тогда, когда находила свой собственный путь развития, а не слепо воспроизводила иноземный опыт. «Подражание не может быть источником вдохновения. На основе ученичества государство, сколь-нибудь значимое на мировой арене, не построить и даже не сохранить», – пишет Ч. С. Кирвель. – «В культурных контактах и заимствованиях может происходить передача внешних форм, но «смыслы» (если прибегнуть к высказыванию Шпенглера) не передаются» [6, с. 215].

Исторический опыт свидетельствует: нельзя общество, относящееся к одному типу развития, перевести в одночасье на принципиально иной путь. Личность – да, она через несколько поколений полностью ассимилируется в новой среде, воспримет другие ценности (иначе невозможна была бы эмиграция). Но сообщество людей, которое имеет внутренние механизмы жизнедеятельности, перевести быстро, по чьему бы то ни было решению, на другой тип нельзя: оно деградирует и разрушается.

Заключение. В принципе, заимствование «чужого» варианта развития возможно, а в некоторых случаях даже неизбежно, но имеет свои пределы и ограничено степенью сохранения в данном обществе элементов «почвенности», традиционных структур и психологии,

что в свою очередь отражается на различиях форм политических проявлений, полиморфизме социально-экономической жизни и мультикультурности социума. Заимствование чужого опыта может быть полезным и эффективным лишь при условии наличия собственной основы, собственного ядра и смыслообразующей идеи. Если всего этого нет, то рассчитывать на успех, процветание и самостоятельность не приходится.

Литература

1. Флиер, А. Я. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообществ / А. Я. Флиер // *Общественные науки и современность.* – 2002. – № 1. – С. 166–183.
2. Экштут, С. А. «Несбывшееся – воплотить!» Опыт историософского осмысления сослагательного наклонения в истории / С. А. Экштут // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* – 2000. – Вып. 2. – С. 70–94.
3. Чумаков, А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст / А. Н. Чумаков. – М., 2006. – 516 с.
4. Панарин, А. С. Дезертирство элит в эпоху катастроф / А. С. Панарин // *Трибуна русской мысли.* – 2002. – № 1. – С. 58–76.
5. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // *Избранные произведения / М. Вебер.* – М., 1990. – С. 644–706.
6. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч. С. Кирвель [и др.] – Гродно, 2008. – 532 с.

Н. Н. Овчинникова, аспирант

ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЕГО СТРУКТУРА

Today, intercultural issues have earned wide spread and proved their high topicality in many national socio-humanitarian traditions, including domestic one. Yet, the scientific status and the research range of the intercultural field have not been still clearly defined. Neither has its theoretical base been worked out. Therefore, there rises the need for critical analysis of intercultural communication as a research field and, first of all, for the theoretical reconstruction of the field in its original, namely, American tradition. This article is devoted to defining key terminology and to the theoretical reconstruction of the structure of the intercultural field on the basis of authentic sources.

Введение. Со второй половины XX в. в связи с тенденциями повышения мировой социокультурной динамики и глобализации в гуманистике широко распространилось новое направление исследований, получившее название «межкультурная коммуникация». В силу объективных исторических причин данные проблемы приобрели особое значение для Соединенных Штатов Америки, представляющих собой уникальный поликультурный регион. Этим объясняется и факт становления новой исследовательской области именно в рамках американской научной традиции и лидерства здесь этой страны. Однако дисциплина быстро преодолела рамки исходной традиции по причине универсальности исследуемых проблем. Ввиду начала активного освоения межкультурной проблематики на отечественной почве возникает необходимость критического осмысления межкультурного направления, что требует обращения к первоисточникам и проведения первоначальной теоретической реконструкции накопленного в исходной традиции опыта.

Другой причиной актуальности такого анализа выступает широко признаваемая [1] неопределенность научного статуса и «допарадигматическое состояние» нового направления. Такое положение не позволяет пока говорить о сложившейся «теории межкультурной коммуникации». Мы будем обозначать данное исследовательское направление как «американские теории межкультурной коммуникации», имея в виду весь конгломерат теорий, моделей и концептов, разработанных в исходной традиции для описания и объяснения процесса межкультурной коммуникации. Теоретическая реконструкция направления в его исходной традиции позволила бы приблизиться к разрешению существующих в направлении проблем, которые создают значительные гносеологические трудности при его экстраполяции на отечественную почву. В данной статье на основе аутентичных источников (М. Беннетт [2], Р. Брислин [3], У. Гудиканст, Я. Ю. Ким [4], Ф. Джандт [5], Д. Ландис, Р. Бхагат [6]) рассматривается вопрос о структуре интеркультуралистского на-

правления и некоторые связанные с ним вопросы терминологии.

Основная часть. Для обозначения направления в аутентичных источниках используются два термина: «*кросс-культурное*» (cross-cultural) [3] и «*межкультурное*» (intercultural) [2]. Как показывают результаты анализа источников, в направлении не существует полной терминологической ясности в отношении данных обозначений. В большинстве случаев данные термины являются взаимозаменяемыми. Так, номинации «межкультурная адаптация» и «кросс-культурная адаптация» [4], «межкультурный контакт» и «кросс-культурный контакт» [3], «межкультурный тренинг» и «кросс-культурный тренинг» [6] и т. д. оказываются тождественными. Вместе с тем, на уровне методологии дифференцируются «кросс-культурные» и «межкультурные» исследования. Анализ аутентичных источников показывает, что в области сопоставительного изучения культуры и коммуникации американские интеркультуралисты различают *кросс-культурные* (cross-cultural) и *межкультурные* (intercultural) исследования [4, р. 18]. В аутентичной литературе термин «кросс-культурный» «часто используется как синоним межкультурного», вместе с тем он «традиционно подразумевает сравнение некоторых феноменов в некотором количестве культур» [4, р. 18]. *Кросс-культурные исследования* определяются интеркультуралистами как направленные на выявление и описание «общих тенденций в ценностных ориентациях внутри культур и между культурами». Такие исследования носят преимущественно *квантитативный* характер [1, р. 31].

Межкультурные исследования интеркультуралисты ассоциируют с областью исследования непосредственного взаимодействия между культурно различными субъектами [4, р. 18]. Это, в основном, «лингвистические либо этнографические исследования», которые исходят из убеждения, что «все культурные различия «скрыты» в языковых манифестациях». Они «концентрируются на интеракции» и, по преимуществу, «используют *квалитативный* подход», «подчеркивая культурную специфичность

и контекстуальные факторы, которые могут значительно повлиять на коммуникацию» [1, р. 36]. Спектр культурных феноменов, на изучение которых направлены межкультурные исследования, составляют лексикон и социальное значение, речевые акты и их последовательности, конвенции организации беседы, коммуникативные стили, невербальные средства выражения и т. д.

Таким образом, очевидно, что существование русскоязычных терминов «кросс-культурный» и «межкультурный» не является результатом случайного калькирования, а имеет концептуально-содержательные основания.

В аутентичных источниках [5, р. 38] также приводится типология подходов к исследованию взаимодействия между культурой и коммуникацией, где: 1) *международная коммуникация* изучает поток коммуникаций между странами, нациями и их представителями, а также занимается сопоставительным исследованием систем массовой коммуникации и исследованием коммуникации между национальными правительствами; 2) *глобальная коммуникация* изучает процесс «трансграничного переноса информации, данных, мнений и ценностей группами, институтами и правительствами, а также вопросы, возникающие в результате такого переноса» [там же]; 3) *кросс-культурная коммуникация* занимается сопоставительным исследованием некоторых феноменов в разных культурах для выявления и понимания культурных сходств и различий; 4) *межкультурная коммуникация* исследует процесс непосредственного взаимодействия между представителями разных культур. Все подходы рассматривают множественные культурные субъекты коммуникативного процесса, но со специфических методологических позиций или в специфических сферах. Очевидно, что по отношению к кросс-культурной и межкультурной коммуникации, которые образуют методологический базис, международная и глобальная коммуникация скорее являются сферами практического приложения в таких областях, как международная политика, международный бизнес, СМИ, общественные отношения, рекламная и управленческая деятельность, миротворческие процессы и т. п.

В отношении структуры интеркультуралистского направления М. Беннетт говорит о существовании в нем «двух основных школ межкультурной коммуникации: школа «теории-и-исследования» (*theory-and-research*) и школа «теории-в-практике» (*theory-into-practice*). Он отмечает, что, «хотя эти два подхода формально не определены, они четко дифференцируются по особым профессиональным организациям, конференциям и журналам» [2]. Школа теории-и-исследования базируется большей частью на традиционных социологических и коммуника-

тивных подходах и методах и находит отражение в работе подразделений речевой коммуникации профессиональных интеркультуралистских обществ. Школа теории-и-практике носит более междисциплинарный характер, обращаясь к идеям теории коммуникации, психологии, антропологии, социолингвистики и других исследовательских областей [там же].

Вопрос о структуре американских теорий межкультурной коммуникации как исследовательского направления предполагает выделение в нем некоторых разделов или отраслей на определенных классификационных основаниях. Выше были рассмотрены две классификации, существующие в аутентичной литературе: одна построена на методологической дифференциации между кросс-культурными и межкультурными исследованиями; другая, а именно классификация М. Беннета, основана на институциональной специфике. Мы принимаем обе классификации, но считаем, что ни одна из них не является достаточной для установления структуры данного направления, что в целом не отрицается и их авторами. Так, выделение кросс-культурного и межкультурного подходов в исследовании культуры и коммуникации относится только к области теоретизирования, но не обращается к праксису. М. Беннетт в своей классификации школ направления изначально исходит из их общей теоретической либо практической направленности, но не конкретизирует исследовательские цели, а базируется на институциональных критериях. В этой связи данные классификации могут рассматриваться как взаимодополняющие, а вопрос о структуре направления может решаться путем их синтеза на таких классификационных основаниях, как *методология, исследовательские цели, объектно-предметная область, институционализация*. В результате такого классификационного синтеза можно более детально охарактеризовать структуру американских теорий межкультурной коммуникации как исследовательского направления следующим образом. Следуя за М. Беннетом, мы предлагаем выделять в рамках направления две школы: 1) *школу «теории-и-исследования»*; 2) *школу «теории-в-практике»*. В свою очередь, в рамках школы «теории-и-исследования» предлагается выделять два теоретических направления исследований:

– *Кросс-культурная коммуникация*, ядро которой составляют описанные выше *кросс-культурные исследования*. Данное направление сегодня тесно ассоциируется с кросс-культурной психологией, во многом базируясь на ее теоретико-методологических разработках. Предметом таких исследований является сопоставительное изучение культурных, социокультурных, психокультурных и идиокультурных феноменов, черт и факторов в некотором количестве

культурных систем посредством количественных методов с целью выявления и измерения универсальных ценностных ориентаций и переменных, лежащих в основе культурных моделей, а также изучение процессов адаптации в инокультурной среде.

– *Межкультурная коммуникация*, базирующаяся на межкультурных исследованиях и апплицирующая данные кросс-культурной коммуникации к процессу непосредственной коммуникации между представителями разных культурных групп. Объектом исследования межкультурной коммуникации выступают коммуникативные практики в отдельных культурных сообществах, роль исследовательского предмета играют культурная специфика и контекстные факторы влияния на процесс непосредственной коммуникации. Собственно межкультурная коммуникация, таким образом, нацелена на изучение культурных моделей разговора для раскрытия культуры в языковом и неязыковом действии и развития понимания культурного поведения и той динамики, которая проявляется в контакте разных культурных систем выражения.

К школе «теории-в-практике» мы предлагаем отнести особую область деятельности американских интеркультуралистов, а именно, *межкультурный тренинг (intercultural training)* [6], который был исторически первичным в становлении всего направления, а сегодня является его прикладной частью. Межкультурный тренинг осмысливает и обосновывает на базе данных кросс-культурных и межкультурных исследований возможности и средства обучения иной культуре и эффективному функционированию в различных межкультурных ситуациях и контекстах. Основным объектом исследования для межкультурного тренинга является межкультурная коммуникативная компетентность, главной целью – ее развитие, а его предметом – адекватные способы достижения данной цели.

Заключение. Таким образом, проведенный автором опыт теоретической реконструкции позволяет представить американские теории межкультурной коммуникации как достаточно сложившееся, внешне относительно автономное и внутренне структурированное исследовательское направление, имеющее большой прикладной потенциал. В структуре направления можно выделить две исследовательские школы – теоретическую и прикладную. В рамках теоретической школы реализуются две исследовательские традиции – кросс-культурная и

межкультурная. В этой связи можно говорить о существовании в структуре направления трех специфическим образом взаимосвязанных структурных частей, или отраслей. Каждая из них имеет свои особенности. Так, кросс-культурная коммуникация является наиболее теоретизированной, поскольку базируется на кросс-культурном методе, имеющем долгую историю генезиса и солидный опыт научной рефлексии. В чисто прикладном межкультурном тренинге пока «ощущается значительный недостаток теории» [6]. Межкультурная коммуникация в американских теориях межкультурной коммуникации занимает промежуточное положение между кросс-культурной коммуникацией и межкультурным тренингом и фактически является их квинтэссенцией. Тем самым она является той центральной площадкой, где смыкаются теория и практика. В результате своего теоретико-прикладного характера межкультурная коммуникация имеет достаточно размытые границы, что в известной степени затрудняет выработку в ней и, как следствие, в направлении в целом единой теоретико-методологической базы. Тем не менее, данная отрасль направления в силу своей сильной способности к теоретико-прикладному синтезу является высоко эвристичной и представляет особый исследовательский интерес.

Литература

1. Introduction to intercultural communication [Electronic resource] / L. Salo-Lee et al.; Ed. L. Salo-Lee. – Jyväskylä, Finland: University of Jyväskylä, 2008. – Mode of access: <http://moniviestin.jyu.fi/vanhat/viesti/ics>. – Date of access: 05.10.2008.
2. Bennett, M. J. Basic Concepts of Intercultural Communication, selected readings / M. J. Bennett (Ed.). – Yarmouth, Maine: Intercultural Press, Inc., 1998. – 272 p.
3. Brislin, R. W. Cross-cultural encounters: Face-to-face interaction / R. W. Brislin. – Elmsford, NY: Pergamon Press, 1981. – 373 p.
4. Gudykunst, W. B. Communicating with strangers: an approach to intercultural communication / W. B. Gudykunst, Y. Y. Kim. – 4th ed. – New York, NY: McGraw-Hill, 2003. – 468 p.
5. Jandt, F. E. Intercultural communication: an Introduction / F. E. Jandt. – 3d ed. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. – 532 p.
6. Landis, D. Handbook of intercultural training / D. Landis, R. S. Bhagat. – 2nd ed. – Thousand Oaks: Sage, 1996. – 460 p.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ

In the given clause culture is studied as a system of values, which is in the process of anthropogenesis. It is characterized by its complement with the system of communication and the process of changing ideas and norms.

Введение. Понятие культура – одно из самых многозначных в современной науке. За время своего существования этот термин и обозначаемые им явления не только не потеряли своей актуальности, но концентрируют на себе все большее внимание исследователей.

Смысл, который вкладывали в понятие культура в древности (возделывание почвы), отображал не столько социальную деятельность, сколько действия, направленные на преобразование природы. Позже культура как преобразованная человеком природа стала пониматься шире, как превращение естественного в искусственное, сам способ существования человека в этом мире. Профессор социологии Л. И. Михайлова считает, что понятию культура в социальных системах соответствуют «знания, ценности, нормы, социальные образцы и другие атрибуты, определяющие поведение и деятельность социальных групп, общностей и отдельных индивидов» [1, с. 32–33]. Разнообразие подходов к пониманию культуры, а также терминов, определяющих это понятие, говорит о том, что ученые еще не пришли к единому выводу: культура реальна, она объективное явление или только «каркас» для мышления об определенных элементах социального мира.

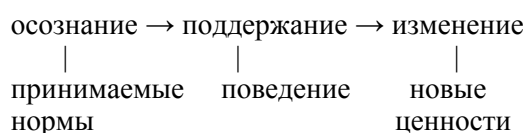
Современные процессы требуют новой интерпретации термина культура, в которой отразилась бы «трансляция культурного опыта человечества и фактор его взаимодействия с окружающей средой» [2, с. 58]. В таком понимании культуру можно определить как «область общественных отношений, в рамках которой происходит процесс наследования, передачи последующим поколениям информации, знаний, символов, значений, ценностей, образцов поведения, дающих социальной системе возможность дальнейшего преобразования внешней среды в интересах ее и своего собственного развития и сохранения» [2, с. 59]. Происходят данные процессы в ходе различных видов коммуникации.

Цель данной статьи – определить роль, которую культура играет в коммуникации, а коммуникация – в культуре.

Основная часть. Культура является объективно существующим фактором для формирования социальных систем и личностей в них. Происходит это следующим образом. На основе практического опыта и теоретических знаний в обществе утверждаются социальные ценности.

На базе этих ценностей вырабатываются правила поведения (социальные нормы), закрепляющиеся в законах и других нормативных актах, регулирующие поведение людей в соответствии с ценностями данного общества (государства, нации, организации или группы). Культура в такой ипостаси проявляется повседневно в профессиональной трудовой деятельности, будь то сфера экономики, политики, управления, правосудия, науки, образования или воспитания, а также в литературе, искусстве и, конечно же, в разных видах коммуникации.

По мнению Ф. И. Минюшева, культура на уровне общества обеспечивает взаимопонимание людей, на уровне организации – способствует повышению эффективности трудового поведения сотрудников; на уровне индивида – обеспечивает социализацию личности, приобщение к ценностям, знаниям, нормам и социальным образцам [3, с. 12]. Люди осознают, поддерживают, изменяют свое социальное и культурное окружение, в результате чего культура как система ценностей, знаний и норм, образцов жизнедеятельности находится в постоянной динамике и развитии. Схематично этот циклический динамичный процесс можно отобразить следующим образом:

Последний пункт в этой схеме через определенное время становится первым звеном для новой триады, инициирует которую коллективный субъект, заставший культурную систему в определенной стадии развития.

В любой культуре, как пишет Л. И. Михайлова, есть три системы ценностей: личностная, локальная и социальная. Личностную систему составляют осознанные самим индивидом знания и ценности, нормы и образцы, которые регулируют его деятельность. Исходя из личностной системы, можно говорить о нравственной, эстетической, бытовой, профессиональной, научно-технической культуре личности. На уровне локальной системы объединяются знания, нормы и образцы определенной социальной общности (территориальной, этнической, политической, профессиональной). Социальная система включает в себя формально принятые и функционально полезные знания, нормы, ценности и

образцы, которые закрепились в общественной деятельности и регулируют различные ее формы.

Ф. И. Минюшев и Л. И. Михайлова структурируют культуру по количеству ее носителей. В отличие от них П. Сорокин рассматривает культуру в рамках деятельностного подхода и в любой реально существующей социальной или культурной системе выделяет следующие компоненты:

1) система идей, ценностей, значений (основа целостности и устойчивости системы);

2) совокупность физических объектов и процессов (средства указанных идей, ценностей значений, которые формируют способности человека декодировать предметы культуры);

3) субъекты, генерирующие, воспринимающие и использующие эти идеи, являющиеся их носителями.

Субъект, генерирующий идеи и ценности культуры, выступающий в качестве активного преобразующего фактора, вместе с тем является и реципиентом своих преобразований, или объектом, тем, на кого они направлены.

Использование и восприятие идей, заложенных в социально-культурных системах, происходит в ходе такого процесса, как коммуникация (очень важного с точки зрения социализации) и не отделимо от него. Коммуникация (от лат. *communicatio* – сообщение, передача) – «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями; передача содержания от одного знания к другому с помощью знаков, зафиксированных на материальных носителях» [4, с. 269]. Таким образом, коммуникация может выступать и как процесс, требующий непосредственного одномоментного участия двух или более субъектов, и как процесс, происходящий опосредованно и только подразумевающий будущего адресата. Во второй своей ипостаси коммуникация становится возможной только с появлением знаков и символов с устойчивыми, понятными всем членам общности значениями, которые могли нести информацию в неограниченном временном пространстве (до смены значения знака).

Французский исследователь С. Московичи определил коммуникацию как в высшей мере социальный процесс и заметил, что при изменении ее формы сразу же изменится природа социальных групп и формы власти в этих группах [5, с. 30]. Немецкий социолог Н. Луман полагает, что социум по существу и есть социальная коммуникация, т. е. социальные системы образуются только благодаря коммуникации и необходимости отбора нужной информации.

Социальность коммуникации доказывает и Дж. Мид в книге «Сознание, личность, общество» (1934). Он выделяет три стадии формирования коммуникации:

1. Взаимодействие, опосредованное жестами и контролируемое инстинктами (присутст-

вует уже у развитых позвоночных). На этой стадии совершаемый одним животным жест (под влиянием инстинкта) понимается только наблюдающим животным.

2. Символически опосредованное взаимодействие, при котором уже существует сигнальный язык. Животное совершает жест сознательно, ожидая при этом определенного поведения от второго животного. Такой жест Мид называет сигналом, или символом.

3. Взаимодействие, опосредованное лингвистически и направленное нормативно. Общение на этой стадии происходит до сих пор [6, с. 217].

Дж. Мид считает, что о происхождении человека можно говорить уже на стадии символически опосредованного действия. Символ как обобщенный знак, заменяющий реальный предмет или процесс и понятный обоим участникам, свидетельствует о сознательном взаимодействии между двумя представителями коммуникации, которое раньше основывалось только на инстинкте, и является первым предвестником культуры, т. е. надбиологических форм поведения. Культурная традиция постепенно заменяет инстинктивное регулирование поведения и передается через языковую коммуникацию.

По мнению Дж. Мида, «все символы развились из специфического голосового жеста» [6, с. 214], который, скорее всего, изначально предупреждал (информировал) об опасности. В ходе истории функции, выполняемые коммуникацией, расширяются. Так, лингвист и литературовед Р. О. Якобсон в первой половине XX в. выделяет уже шесть функций: эмотивную, конативную, референтивную, поэтическую, фатическую и метаязыковую. Некоторые исследователи (А. А. Леонтьев, Н. Б. Мечковская) добавляют также магическую (или заклинательную) функцию и этническую (объединяющую народ). Каждая из шести функций коммуникации, выделяемых Р. О. Якобсоном, соотносима с определенным участником и аспектом коммуникации.

При эмотивной функции адресант непосредственно выражает свое отношение к теме и ситуации. В конативной функции внимание сосредоточено на адресате (используются обращения и императивы, привлечение внимания, побуждение). Референтивная функция является наиболее распространенной; при ней внимание сосредоточено на объекте, теме, содержании дискурса. В поэтической функции внимание фокусируется на самом сообщении и ради общения. Фатическая функция призвана установить контакт с собеседником. Метакоммуникативная функция сосредоточивает внимание на самом коде, который изучается теорией языка и коммуникации.

При всей современной разветвленности функций коммуникации все они выполняют в разной мере одну задачу: передачу культурного опыта, накопленного в разных сферах человеческой жизнедеятельности.

Таким образом, культурная традиция передается через коммуникацию, которая в бинеме «культура – коммуникация» является первичной. Сама коммуникация неотделима от культуры, опосредована нормами и ценностными установками, сформировавшимися на личностном, локальном и социальном уровнях (взаимодействие культуры и коммуникации см. в таблице).

Взаимодействие культуры и коммуникации

Содержание культуры		
Проявляется через		
Образцы поведения: обычаи, нормы, нравы	Устойчивые разговорные выражения	Эмоции
Воспринимается через		
Наблюдение	Речь Текст	Чувства
Интерпретация культуры, ее оценивание и понимание		

Базисные, воспринимаемые большинством нормы и ценности (содержание культуры), проявляются через:

- образцы поведения (воспроизводимые действия);
- устойчивые разговорные выражения (повторяемые фразеологизмы);
- эмоции (понимаемые чувства).

Все эти проявления, в свою очередь, воспринимаются другим участником коммуникации через наблюдение поведения, прослушивание речи, прочтение текста (как совокупности закодированной информации), которые вызывают определенные чувства у реципиента. Вме-

сте воспринятый комплекс можно назвать пониманием или интерпретацией культуры.

Процеживание данной схемы на личностную систему ценностей отражает процесс социализации личности, ее индивидуальное восприятие ценностей и норм общества. Ее применение на локальном уровне демонстрирует процессы, происходящие в корпоративной, национальной и других культурах. Использование схемы на социальном уровне вообще отражает процесс закрепления в общественной деятельности формально принятых и функционально полезных знаний, норм, ценностей и образцов.

Заключение. Коммуникация между двумя и более субъектами общества, непосредственная или опосредованная, выступает как процесс вхождения индивида в систему ценностей и норм определенной культуры. Разделяемые в процессе коммуникации ценности, общие идеи выступают стержнеобразующим фактором для формирования поведенческой, корпоративной, национальной и других культур.

Литература

1. Михайлова, Л. И. Социология культуры: учеб. пособие / Л. И. Михайлова. – 4-е изд., доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2008. – 396 с.
2. Шишкина, Е. А. Культура как источник цивилизационных и социо-природных трансформаций / Е. А. Шишкина // Социо-гуманитарные знания. – 2008. – № 5. – С. 58–68.
3. Социокультурное исследование / под ред. проф. Ф. И. Минюшева. – М.: МГУ, 1994. – 95 с.
4. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.
5. Макаревич, Э. Ф. Культура массовых коммуникаций / Э. Ф. Макаревич, О. И. Карпунин // Социо-гуманитарные знания. – 2008. – № 5. – С. 28–41.
6. Мид, Дж. От жеста к символу / Дж. Мид // Американская социологическая мысль. Тексты / Дж. Мид. – М., 1996.

УТОПИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

The article deals with the problem of the influence of Utopian thinking on social and political life. Reliable published information on the phenomenon of Utopian thinking and Utopian works has been applied in the article. The theories about Utopian writing seem to quite adequately explain the origin of Utopian projects as a fantasy, a dreaming for a better life and a better world. The problem largely deals with determination of meaning of the Utopian consciousness in modern time. Knowledge of the nature of Utopian thinking can be used to ward off tragedies, when people went over useless and unreal dreams. We don't know yet whether this is the true role of Utopianism in modern political life. Knowledge of consequences of Utopian influence on social and political life hasn't yet been obtained in the practice.

Введение. В последнее время особую роль в нарастании недоверия со стороны общества к любым попыткам социального проектирования сыграл крах западноевропейской модели экономического и социально-политического развития, основанной на принципах рыночной демократии и западной либеральной системе ценностей. Несмотря на разразившийся системный кризис западноевропейской цивилизации, анализ ситуации, сложившейся в восточнославянском регионе, практически никогда не доверяют «антизападникам».

Между тем, обсуждение феномена утопизма и влияния утопии на политическую культуру нашего общества приобретает особую актуальность, так как умелое использование утопии, выступающей зачастую духовным стимулом социального и политического поведения людей, играет на руку различным политическим манипуляторам, начиная от государства и заканчивая конкурирующими политическими и финансовыми группировками [1].

Современные западноевропейские исследователи утопии пытаются осуществить ее всесторонний анализ и определить внутреннее значение утопии. В этой связи можно отметить работы таких авторов, как Дж. Александер, Б. Бачко, Е. Шацкий, Л. Геллера, М. Нике, Ст. Едыняк, К. Кумар и др. В последние годы проблемами утопического сознания все больше занимаются исследователи романозычных стран, в которых публикуются исследования по латиноамериканскому региону [2, с. 68].

В современной отечественной (особенно российской) публицистике наметилась тенденция к более углубленному изучению феномена утопизма. Появились статьи и монографии, авторы которых пытаются представить феномен утопии во всей его многогранности, выявить основные функции утопии, проследить историю их формирования и обнаружить способы их воплощения в жизнь (Э. Я. Баталов, Ч. С. Кирвель, В. Лекторский, Е. Черткова, Р. Гальцева, И. И. Кравченко, А. А. Новиков, Х. Й. Зандкюлер, О. Н. Халуторных и др.).

Некоторые идеи, затрагивающие и вопросы утопического сознания, содержатся в работах,

посвященных критике современного западноевропейского менталитета и стратегий манипуляции массовым сознанием, перспективам выживания восточнославянской цивилизации в условиях глобализации (И. В. Бестужев-Лада, А. С. Панарин, И. Шафаревич, С. Кара-Мурза, Ч. С. Кирвель, В. Л. Иноземцев, М. В. Назаров, О. А. Платонов, Ю. Новоженков, В. Лукьянин, А. Савельев, П. А. Сапронов, круглый стол «Трансформации современной цивилизации», дискуссия по книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе» и др.).

Изучению утопии посвящены материалы III Международной Летней школы «Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу» и Международной конференции в Санкт-Петербурге «Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма». Можно выделить работы таких авторов, как Т. В. Бернюкевич, А. В. Варзин, М. Я. Геллер, А. М. Некрич, В. М. Розин, Т. С. Паниотова, К. В. Чистов, М. В. Шугуров, С. Е. Ячин, И. М. Эрлихсон и др.

Вместе с тем необходима научно-теоретическая разработка данной проблемы в новом ключе, связанном со значительными сдвигами в характере самого утопического творчества, которое претерпело значительную эволюцию, приобрело новые формы и назначение. Утопические произведения, программы и проекты вполне могут стать вдохновляющим средством для политиков, и именно поэтому утопия способна оказать прямое или косвенное влияние как на социально-политическую теорию, так и на социально-политическую практику.

Целью настоящей статьи является критическое осмысление утопии в контексте изменившихся социокультурных и общественно-политических реалий современного мира и оформления новейших модификаций утопизма, так как некоторые аспекты современной теории утопии как специфического общественного феномена, имеющего непосредственное и весьма осязаемое влияние на социальную практику общества, еще мало разработаны.

Основная часть. Социальная утопия эволюционирует, но не исчезает. Утопия воз-

можно и в культуре, и в экономике, и в других видах общественной практики и предметной деятельности. Однако наиболее тесная связь существует между утопией и сферой политики.

Всеобъемлющий характер политики и утопии, возможности, которые утопия предоставляет манипуляторам для воздействия на массовое сознание и получения необходимых политических результатов, делают необходимым и актуальным исследование взаимодействия этих двух феноменов, а также выявление способов элиминации утопического сознания (если не утопии) из социально-политической практики современного общества.

Сфера политики дает возможность для проникновения в политическое сознание и широких слоев общества, и его элиты утопического понимания целей и перспектив общественного развития. Утопия как метод предвосхищения будущего предоставляет возможность формирования новых альтернатив существующей действительности, выходя за рамки очерченного современностью поля исторических перспектив. Поэтому случается, что она сливается с теорией и практикой создания нового общества, обновленного политического порядка. А поскольку политика служит средством реализации такого социального проекта, она воспринимает и его специфические черты, идеальные побуждения и ожидания, которые ей предстоит реализовать. И тогда ведущей идеей, ведущим социально-политическим проектом, в осуществление которого начинают верить значительные социальные силы, становится некая социальная утопия.

Примером магнетизма социальной утопии стал социальный подъем конца 1980-х – начала 1990-х гг. в советском обществе. Он был порожден радикально-реформаторской либеральной утопией с ее идеализированными представлениями о рыночной экономике, политической демократии и гражданском обществе среднего класса [3]. Западный культ свободы, рынка и демократии был представлен как «панацея», которая автоматически оздоровит страну, и как единственно истинный и единственно возможный путь для дальнейшего общественного развития на постсоветском пространстве.

Со времени обретения самостоятельности сферой политики возникает новое искусство – искусство манипуляции массовым сознанием. Особенную актуальность эти технологии приобретают в современных демократиях, так как они позволяют не прибегать к радикально жестким мерам воздействия на общество для проведения нужной государству политики.

Открытие этих технологий, их усовершенствование и разнообразие связано с переходом от простого использования общественно-политических мифов к более изысканному и

специализированному манипулированию ими [4, с. 28]. Контроль, распространение и использование общественных представлений и их производных обеспечивает влияние на индивидуальное и коллективное поведение и действие в обществе, позволяет направить общественную энергию на формирование определенного общественного «выбора». Существенную роль при воздействии на социальную практику общества в таких случаях играют утопические воззрения, которые посредством кристаллизации опасений и надежд оживляют великие порывы народной силы.

При этом использование утопических построений в повседневной практике социально-политического управления обществом, как правило, приводит к неблагоприятным и часто неожиданным последствиям.

Владение теорией политической утопии и умение преодолевать ее, использовать необходимо в определенных политических целях, когда утопическое сознание прогрессивно и активно служит решению позитивных задач общества, его революционным мобилизациям и поиску альтернативных путей общественного развития. Знание условий, при которых в политике возникают утопические тенденции, позволяет оценивать эффективность политических решений и реальность их целей, подлинное, а не декларативное содержание политики. Достаточно ясное понимание утопических ситуаций дает возможность корректировать политический процесс и направлять его, оценивать адекватность социально-политических теорий объективной действительности, законам и тенденциям истории.

Теории утопии присуще понимание утопического сознания как стремления уйти от действительности, которое обычно сопровождается ее неограниченной критикой и альтернативным проектом ее преобразования. Однако в социально-политической практике такой проект может оказаться неосуществимым. Умение обнаруживать утопические начала в политике – важное условие формирования нового политического мышления, одна из характеристик которого – максимально возможная и необходимая элиминация (преодоление) утопии во всех ее формах, что особенно важно в современную, поворотную в развитии нашего общества, эпоху, когда масштабы политических решений, их значение и ответственность в политике неизмеримо возрастают.

Заключение. Итак, при осуществлении политики могут возникнуть отношения, способные породить утопические явления. Выработался особый механизм проникновения утопии в массовое сознание, облегченный ее образностью и эмоциональной окраской. Он основан на иррациональной сущности масс, которые свои

интересы готовы сознавать только в ярких образах и мистических откровениях. Масса не способна к абстрактным суждениям, массе можно только внушить, но не доказать. Ее истина – это миф.

Для политики всегда актуальна проблема границ между мифом и реальностью. Миф – это еще не утопия, это предрасположение к ней. Коллективное бессознательное толпы ищет воплощения в идеале или вере, в образце, который позволяет восстановить целостную картину мира. Утопия, в свою очередь, как бы восстанавливает общество, строит новый мир. Миф предрасполагает к образованию утопических иллюзий, он и источник утопии, и ее первичная форма, ее идеология, мировоззрение и интеллектуальный материал.

Утопия в этом смысле – это конкретизация современного политического мифа, который признает за человеком неограниченные возможности. Теория претендует на свое буквальное воплощение в практику. В этом случае не контролируемое, безотчетное доверие к теории переходит в веру. Возникновение веры само по себе создает условие для формирования утопического сознания, так как власть допускает представление об идеальной цели как о конкретном социально-политическом проекте. С другой стороны, власть, утрачивающая связи с целью, с ее идеальным содержанием, становится самоцелью политики, которая не может выдвинуть никаких побудительных стимулов для дальнейшего качественного развития общества.

Однако это не означает, что политический процесс никогда не ведет к желаемым результатам и что политика вообще обречена на утопию. Но при этом нельзя забывать и тех уроков истории, которые со всей очевидностью показали, что вмешательство людей в естественный ход природных и социально-политических процессов имеет свои границы, нарушение которых ведет к распаду объектов действия. Устойчивое развитие гражданского сообщества требует не произвольной перестройки социальных институтов, а таких действий, которые учитывают законы их самоорганизации.

Для эффективного осуществления политического процесса необходимо убеждение общества в верности его направления. Убеждение означает доверие к политическому замыслу, исполняющей его власти, ее методам и возможностям, доверие к самой цели. Такое убеж-

дение также требует формирования особого – критического – отношения к утопическим идеалам, которое позволит избежать ловушек и заблуждений утопического сознания.

Элиминация утопического сознания из социально-политической практики общества предполагает создание новой гуманности и нового гуманистического идеала в рамках формирования новой духовности, нового мировоззрения и новых нравственных ориентиров. Основой новой стратегии человеческого поведения должно стать осознание изначальной личной ответственности за совершенный выбор.

Стремление к идеалу и желание лучшего будущего для себя и своих близких имманентно присуще человеку, поэтому потребность в утопиях сохраняется и будет сохраняться в обществе. Очевидно, что идеалы – это звезды, которые недостижимы, но по ним мы определяем свой путь [5, с. 203]. Пока утопия остается лишь далекой мечтой, пробуждающей в человеке лучшие чувства и устремления, она может играть положительную роль, являясь частью комплекса идей, решений и возможностей формирования альтернативных, качественно новых путей общественного развития. Однако необходимо четкое осознание тех границ, в которых человек может позволить функционировать утопии как представлению о безграничном творческом потенциале человека и безграничной свободе социального творчества. Перед человечеством стоит труднейшая задача соединения нравственности и свободы: воспитания у граждан творческого отношения к свободе и ответственного, добровольного отказа от злоупотребления ею.

Литература

1. Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. – М., 2000.
2. Паниотова, Т. С. Рождение утопии: латиноамериканский контекст / Т. С. Паниотова // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 68–77.
3. Иорданский, В. Поиск новых утопий / В. Иорданский // Свободная мысль. – 1996. – № 4. – С. 90–103.
4. Baczko, B. Wyobrazenia spoleczne: Szkice o nadziei i pamieci zbiorowej / B. Baczko. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1994.
5. Назаров, М. В. Тайна России. Историсофия XX века / М. В. Назаров // Русская идея: альманах. – 1999. – Вып. 6.

МЕСТО ЦЕННОСТЕЙ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

The essence of the social action is exposed through system of the related concepts. The main its structural elements are picked out such as subject, object, conditions, target, means, operation, procedure. Theirs characteristics are described. The connection between sociocultural values and these elements are established. The mechanism values' determinations of the human actions are defined. The main values' functions in the system of the social actions are revealed and characterized.

Введение. Опыт развития социально-гуманитарного знания убеждает, что фундаментальной особенностью человеческого бытия является такой способ существования, когда приспособление людей к природной и социальной среде реализуется через адаптацию самих условий жизни к их потребностям. Это рождает проблему ценностной ориентации действий. Острый характер проблема ценностной ориентации социальных действий приобретает на цивилизационных разломах истории, что свойственно современному мировому сообществу.

Основная часть. Гибкость аксиологической детерминации социальных действий объясняется многофункциональностью ценностей. В действиях реализуются следующие их функции: оценивающая, ориентационная, мотивационная, прогностическая, селективная, направляющая, адаптивная, адаптирующая и регулятивная. Главной является регулятивная функция.

Понятие социального действия раскрывается при его рассмотрении в системе близкородственных понятий. Таковыми являются «действие», «активность», «поведение» и «деятельность».

«Действие» – родовое понятие относительно термина «социальное действие». Одной из характерных черт социального действия является то, что у него имеются субъект и объект. В философской традиции понятие активности (от лат. *actus* – действие) рассматривается как действие, вызванное внутренними причинами данной системы. Особенностью человеческой активности является то, что она способна не только поддерживать относительно стабильное функционирование общества, но и разрушать сложившееся равновесие социальной системы со средой. Последствия этого могут принимать полярно противоположные формы. Экономические кризисы, социальные революции, войны подрывают способность общества к самовоспроизводству. В противоположность этому созидательные действия по формированию нового технико-технологического уклада, созданию благоприятных правовых, финансовых и организационных условий для развития экономики расширяют функциональные возможности общества.

Понятие «поведение» указывает на связь активности и пассивности. Но отождествлять их не следует. У поведения отсутствует стро-

гая локализация в пространстве и времени. Между тем действие, в том числе и социальное, – это всегда отдельный целостный завершенный акт [1, с. 609].

Собственно человеческая активность квалифицируется как социальная деятельность. Она представляет собой такое поведение людей, которое выражается в активном регулярно воспроизводимом преобразовании объектов, детерминированном подвижной совокупностью ценностей.

Отношение к миру у людей опосредовано орудиями, выполняющими роль материальных инструментов, социальными институтами, координирующими ролевые функции людей, и духовными факторами, центральное место среди которых занимают ценности. В. Н. Сагатовский отмечает, что только при учете всей системы субъектно-субъектных и субъектно-объектных отношений можно рассматривать деятельность как способ существования человека [2, с. 80]. Такая позиция представляется вполне оправданной. Она преодолевает односторонность натуралистического и интеракционистского понимания сущности социальных действий. Анализ человеческой активности в предложенном аспекте раскрывает аксиологическое значение коммуникации в социальных действиях.

Трансисторичность человеческой активности свидетельствует, что мы опираемся на опыт предков, который накапливается от поколения к поколению. Наконец, антропогонизм деятельного отношения людей к миру означает, что ценностная детерминация наших поступков не является автоматическим процессом: она предполагает готовность субъекта к самостоятельным актам.

Вместе с тем каждое из понятий – «социальное действие» и «деятельность» – несмотря на безусловную близость, обладает своей спецификой. Социальное действие есть целостный дискретный акт. Между тем деятельность – это непрерывный процесс, направленный на постоянно возобновляющееся производство вещей, общественных отношений, идей, образов и ценностей.

Итак, имеется множество понятий, образующих своеобразный кластер, в границах которого проясняется смысл центральной его

категории – «социальное действие». С учетом ценностной детерминации человеческой активности *социальное действие мы определяем как отдельный целостный процесс аксиологически мотивированного преобразования субъектом природных объектов и общественных структур, осуществляемый в пространстве культурных традиций, идеалов и норм.*

Как специфические явления культуры, существующие только в процессе субъектно-объектно-субъектных отношений, ценности представляют особые элементы в структуре социального действия: они связывают в единое целое все другие элементы, обеспечивая их скоординированное векторно заданное функционирование. Существенное значение имеет то, что *ценности соотносят индивидуальную смысловую ориентацию субъекта действия с социальной и общекультурной. Так достигается согласованность интересов разных субъектов, а отдельные действия включаются в систему межсубъектной коммуникации.* Между тем, аксиологическая связь субъекта и объекта действия выражается в постановке цели, ее сопряжении с предметными средствами, предвосхищении результата, нормировании операций и процедур, преобразовании объекта по типу должного, но с учетом его объективных свойств.

Структура социального действия включает в качестве исходных элементов условия, субъекты, объекты и артефакты-посредники. Их взаимодействие рождает систему производных элементов. Так, артефакты разделяются на символы, технические устройства и социальные структуры. В свою очередь, символы являются носителями идеалов, целей и норм. Техника и социальные структуры служат предметными инструментами действия, а нормы – духовными. Совокупность инструментов и предметов действия образует класс средств действия. Между тем, функциональная связь цели и объекта действия оформляется в результат, который поначалу существует в виде замысла, но окончательную форму принимает как продукт действия. Включаясь в систему аксиологических отношений, любой из названных элементов может стать ценностью.

Цели, нормы и технические средства, определяющие характер операций и процедур, направленных на преобразование субъектов предмета в продукт, образуют в своем единстве технологию действия. Если же включенные в структуру социального действия символы ориентируются субъектом на других субъектов, то они обеспечивают процесс коммуникации.

Условия охватывают совокупность объективных и субъективных факторов, в границах которых совершаются действия. Сложившаяся их конфигурация образует социальную ситуа-

цию, которая существенно влияет на характер человеческих действий.

Теоретический анализ и исторический опыт убеждают, сколь важно учитывать аксиологическую сторону условий социального действия. Во-первых, это позволяет раскрыть принципиально возможные в данной ситуации направления экологических, экономических, производственных, организационно-управленческих и духовных действий, во-вторых, выделить объективные и субъективные факторы, способствующие позитивному решению возникающих в обществе проблем. Аксиологический подход к условиям социального действия приводит к выводу, что позитивный результат предпринимаемых акций достигается только тогда, когда ценностная ориентация субъектов адекватна конкретной ситуации.

Инициатором и носителем действия является субъект (от лат. *sub* – под и *jacio* – бросаю, закладывая основание). В Новое время, когда европейская культура приобретает проективно-действенный характер, устремленный на преобразование предметной среды, понятие субъекта связывается с человеком как активным агентом действия. Противоположной же стороной действия оказывается объект (от позднелат. *objektum* – предмет, противостоящее). Таким образом, *происходит расщепление целостного отношения человека к миру на два элемента – субъект и объект. Тот, кто осуществляет действие, рассматривается как субъект, а то, на что оно направлено и что подвергается преобразованию, – как объект.* Субъект отличается исторической, социальной и культурно-символической определенностью.

Но человек отнюдь не растворяется в социуме. Рассуждения сторонников постмодернизма о его смерти безосновательны. Будучи самостоятельной целостной личностью, индивид избирательно относится к социокультурным ценностям, условиям и объекту. «Для современной философии субъект – это прежде всего конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми» [3, с. 660]. Принято выделять также коллективных субъектов действия. Такие субъекты не имеют психологических свойств. Они представляют организованные группы людей, объединенные общими идеалами, нормами, принципами и подчиненные социальным правилам взаимоотношений.

Показательно, что разная диспозиция субъекта и объекта определяет тот или иной социокультурный смысл последнего, в котором проявляется его аксиологическое измерение. Таким образом, *категории субъекта и объекта*

носят функциональный характер, их роли определяются конкретной ситуацией действия.

Важную роль в структуре социальных действий отыгрывает идеал, под которым понимают мысленный образ совершенного состояния какой-либо системы. Наполняясь гуманистическим содержанием и выражая реальные возможности социальной системы, идеал становится ценностью. «Старение» прежних ценностей вызывает разрегулировку социальных действий. Здесь глубинная причина экономических и политических кризисов, деморализации населения, техногенных катастроф, экологических проблем и трудностей ресурсообеспечения. Вот почему оказываются востребованными идеалы, которые устанавливают новые аксиологические горизонты, определяют такой характер должного поведения людей, который соответствует открывшимся возможностям антропосоциоэко-системы, и, следовательно, нацеливают на развитие и выход на более высокий уровень организации социума. Идеал позволяет дистанцироваться от наличной ситуации, увидеть наши текущие проблемы в широком социокультурном контексте и в перспективе истории.

Снижение уровня абстрактности идеала и его конкретизация формируют цель – следующий элемент социального действия. Цель есть мысленное моделирование результата действия, предполагающая использование определенных средств. Осуществленная цель превращается в результат-продукт действия. Продукт – это как бы застывшая цель. Им может быть изготовленная вещь (например, метеоспутник), оказанная услуга (например, обучение иностранному языку), научное открытие (например, установление свойств нейтрино) и т. д. Ценность продукта часто связывается с полезностью. На самом деле продукт является аксиологически многомерным образованием, поскольку одновременно включен в различные отношения – витальные, экономические, технологические, экологические и др.

Средством действия является все то, с помощью чего люди преобразуют предмет в продукт, достигая намеченных целей. Особенно велика роль в социальных действиях инструментальных средств – норм, техники, социальных структур. Представляя собой общепринятую систему упорядоченных предписаний и требований, предъявляемых к субъекту и объекту, норма определяет условия дей-

ствия, а также совокупность выполняемых операций и процедур. Техника обеспечивает действие энергией и преобразует предмет в соответствии с намеченной целью и принятыми нормами. Общественные организации и учреждения устанавливают и контролируют субординацию и координацию в действиях разных субъектов. Ценность средств состоит, во-первых, в их адекватности цели, во-вторых, в эффективности, в-третьих, в соблюдении антропологического требования служить человеку, способствуя его самовозвышению, в-четвертых, в соответствии экологическому императиву сохранения природы.

Закключение. Понятие социального действия отображает специфическую форму активности человека, носящую парадоксальный характер: опираясь на систему ценностей, люди так приспосабливаются к социальной ситуации, что адаптируют к себе сами условия существования. Основанное на ценностях поведение людей отличается целенаправленностью и альтернативностью. Соединяя запросы, потребности и интересы людей с объективными факторами жизненного мира, ценности выражают значимость различных элементов сложной многоярусной структуры социальных действий, позволяя субъектам самостоятельно и избирательно осваивать окружающую среду. Хотя деятельная активность, исходящая от самих людей, не исключает конфликта интересов и расхождения субъективных устремлений с объективными возможностями, ценности создают социально-культурную базу, обогащающую мотивацию поведения и расширяющую содержание аксиогенных факторов в самой структуре социальных действий, что является важным условием достаточно успешного решения экономических, политических, социальных и других проблем.

Литература

1. Давыдов, Ю. Д. Действие социальное / Ю. Д. Давыдов // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 1.
2. Сагатовский, В. Н. Категориальный контекст деятельностного подхода / В. Н. Сагатовский // Деятельность: теория, методология, проблемы. – М., 1990.
3. Лекторский, В. А. Субъект / В. А. Лекторский // Новая философская энциклопедия. – М., 2002. – Т. 3.

УДК 9(476)«1917/18»:355(470)

М. Я. Сяменчык, дацэнт

РАСІЙСКАЯ АРМІЯ І ЖЫХАРЫ БЕЛАРУСІ НА ЗЛОМЕ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

The article dwells upon the situation in Belarus from the period of the command's preparation of the offensive operation against German and Austrian troops (spring – summer 1917) to the end of the First World War in November, 1918. The author studies state of soldiers' opinion and their action concerning the question of military operation continuation both after the February and October revolutions and in connection with the Civil War and the German offensive in 1918.

Уводзіны. Першая сусветная вайна замацавалася ў свядомасці сучаснікаў як несправядлівая, імперыялістычная, а ўдзел у ёй Расіі – як праява рэакцыйнай палітыкі царскага, а затым і Часовага ўрадаў [1, с. 11–14]. Іншых ацэнак не магло і быць, бо «адзіна правільная» ідэя ўкаранялася тымі, хто прыйшоў да ўлады ў Кастрычніку 1917 г. і затым ператварыў вайну «імперыялістычную» ў «рэвалюцыйную» [2, с. 43], «найсправядлівейшую», «нашу слаўную грамадзянскую» вайну [3, с. 100]. Сёння прагрэсіўныя расійскія гісторыкі адкінулі бальшавіцкую канцэпцыю рэвалюцый 1917 г. [4], а нашы партыйныя публіцысты па-ранейшаму, у традыцыях «Политического собеседника» ўслаўляюць сваіх саратнікаў, мусіруюць «версіі» пра «жыда-масонаў», сіяністаў, проста яўрэяў і г. д. [5]. Зразумела, што ацэнка гэтых твораў за межамі навуковых крытэрыяў.

Мяркуем, што настроі і паводзіны нашых суйчыннікаў у час сусветнай вайны ўяўляюць значную навуковую цікавасць. Вывучэнне ўсіх крыніц па гэтай праблеме – ад твораў У. І. Леніна да ненавісных квазігісторыкам «кислевших бульварно-желтых газетенок» [6] – дапаможа дакладней акрэсліць становішча на Беларусі напярэдадні і ў час рэвалюцый 1917 г. і дэталізаваць працэс перарастання сусветнай вайны ў грамадзянскую.

Асноўная частка. З пяці расійскіх франтоў, якія ў 1917 г. стрымлівалі націск Германіі і яе саюзніц, два – Заходні і (часткова) Паўночны размяшчаліся на тэрыторыі Беларусі. Тут трымала абарону каля 2 млн. чалавек [7, с. 22]. У гэты час адбывалася падрыхтоўка расійскіх узброеных сіл да рашучага наступлення. Тыл рабіў усё магчымае, каб дапамагчы сваім абаронцам. Колькасць аграрных правапарушэнняў сышло на нішто, бо для памешчыкаў і сялян асноўнай праблемай з'яўлялася апрацоўка зямлі. Невыпадкова кошт працы работніка (акрамя яго харчавання) у маёнтку складаў 800 руб. у год. [8, спр. 623, л. 67].

Рабочы клас, заняты ў прамысловасці, на чыгунцы, у арганізацыях Земскага і Гарадскога

саюзаў і інш., выконваў свае абавязкі і не парушаў законаў ваеннага часу. Нягледзячы на недахоп спажывецкіх тавараў, інфляцыю, рост цэн і г. д., працоўныя з паразуменнем ставіліся да цяжкасцей і не прад'яўлялі ўладам надзвычайных прэтэнзій [7, с. 10].

Інфармацыя, быццам прыфрантавая Беларусь была пастаўлена на грань эканамічнай катастрофы, надзвычай перабольшана. У. Я. Казлякоў піша, што «Мінск, Віцебск, Гомель апынуліся ў студзені 1917 года перад прывідам голаду – няма ні хлеба, ні мяса, ні паліва» [6]. Па-першае, нават тады паліва не ўжывалася ў якасці ежы. Па-другое, «голад» – паняцце адноснае. Так, «Могилёвский вестник» за 7 лютага паскардзіўся на «каўбасны голад». 23 лютага «Минский голос» паведаміў, што дума, каб не раздражняць бедных пласты насельніцтва, паставіла забараніць выраб пірожных і канфет. Характэрна, што адразу пасля Лютаўскай рэвалюцыі харчовыя цяжкасці былі пераадолены.

Адноснаму грамадскаму спакою спрыяла адпаведная маральна-псіхалагічная і ідэалагічная апрацоўка насельніцтва. Пасля страты Расіі велізарных тэрыторый, у тым ліку паловы Беларусі, вайна больш адпавядала назве «Другая Айчынная», чым «імперыялістычная». Прэса ўкараняла ў грамадскую свядомасць ідэю аб неабходнасці ўсебаковай падтрымкі арміі для давядзення вайны да пераможнага канца і ганаровага міру. З гэтай нагоды ў канцы снежня 1916 – пачатку 1917 гг. у гарадах Беларусі прайшлі кампаніі па зборы сродкаў на карысць акампнікаў, інвалідаў, сірот і сямей ніжніх чыноў. У вёсках пад наглядом валасных упраў адбываўся збор ахвяраванняў ў выглядзе грошай і прадуктаў [7, с. 11–12].

Значную ролю ва ўмацаванні ідэйна-маральнага духу абаронцаў Айчыны і жыхароў адыгрывала Руская праваслаўная царква. Яе іерархі наведвалі блізкія да ліній абароны прыходы, бывалі ў лазарэтах і г. д. РПЦ здзяйсняла вялікую дабрачынную працу: займалася зборам па-

дарункаў для франтавікоў, клапацілася аб хворых і параненых, сем'ях вайскоўцаў [9].

Прапаганда левых плыняў эсэраў і сацыял-дэмакратаў, якія выступалі за паражэнне Расіі ў вайне, на Беларусі істотнага распаўсюджання не мела. Ледзь прыкметная антыўрадавая актыўнасць назіралася ў асяроддзі служачых Земгара і яўрэйскіх рабочых [7, с. 9–13]. Прыкметы стомленасці ад вайны выяўляліся толькі ў армейскім асяроддзі. Так, у кастрычніку 1916 г. у Гомелі адбыўся салдацкі бунт. Акрамя таго, падчас аблаў паліцэйскія затрымлівалі не толькі дэзерціраў, але і цывільных асоб, якія ўхіляліся ад мабілізацыі [7, с. 8].

Што датычыцца асноўнай масы насельніцтва Беларусі, то яно адкрыта не выказвала незадавальнення сваім становішчам і цяжка выконвала свае грамадзянскія абавязкі. Чуткі аб хуткім заканчэнні вайны былі настолькі моцнымі, што сталі вяртацца бежанцы. Так, 25 лютага 1917 г. мінскі губернска-земскі сход разглядаў праект аб інвакацыі 10 тыс. бежанцаў, а на адрае губернатара паступалі тысячы хадаініцтваў аб вяртанні дадому [10, с. 6, л. 9].

Такім чынам, Беларусь зусім не нагадвала той рэгіён імперыі, дзе «нарасталі бура народнага гневу» [6]. На справе ім зрабіўся Петраград, дзе 27 лютага 1917 г. перамагло ўзброенае паўстанне рабочых і салдат. Каб утрымаць сітуацыю пад кантролем, Дзяржаўная дума і вышэйшы генералітэт ахвяравалі манархію. Сам манарх адрокся ад трона, матывуючы сваё рашэнне імкненнем заспакоіць «унутраныя народныя хваляванні» перад неабходнасцю «давядзення вайны, у што б тое ні стала, да перамаганоснага канца» [7, с. 18]. Часовы ўрад на чале з Г. Я. Львовым таксама выказаў намер працягнуць вайну.

Усе масавыя маніфестацыі з нагоды звяржэння самаўладдзя прайшлі пад лозунгам падтрымкі новага ладу і працягу вайны як гарантыі абароны рэвалюцыі ад германскай навалы. Насельніцтва Беларусі, франтавыя і гарнізонныя вайскоўцы таксама выказаліся ў падтрымку Часовага ўрада, яго ўнутранай і знешняй палітыкі. Беларускае сялянства адгукнулася на яго заклікі аб дапамозе рэвалюцыйнай арміі. У сакавіку на Беларусі патрабаванняў неадкладнага міру ці заканчэння вайны ніхто не выстаўляў. Так, 7 сакавіка на сходзе грамадскай Мінска, між іншым, было заяўлена, што «ў адносінах да вайны нашым лозунгам павінна быць поўная перамога над знешнім ворагам» [11, с. 19].

Але ў «Загадзе № 1» Петраградскага Савета ад 1 сакавіка, які неўзабаве распаўсюдзіўся па гарнізонах і франтах, абвешчалася аб утварэнні ва ўсіх часцях салдацкіх камітэтаў, якія не падпарадкоўваліся камандзірам па палітычных пытаннях. Наступны ўдар па баяздольнасці арміі быў нанесены зваротам Петрасавета ад 14 сакавіка да народаў свету з заклікам да

спынення вайны. У выніку наступальніцкай настрой расійскіх салдат рэзка знізіўся. Не менш разбуральныя наступствы такога ж кшталту мела ажыццяўленне кіраўнікамі ваеннага міністэрства так званай дэмакратызацыі (звальненне асобных генералаў, наданне салдатам грамадзянскіх правоў) і палітызацыі (утварэнне партыйных арганізацый, удзел у грамадскіх і ўрадавых установах) узброеных сіл. У выніку прысяга, дысцыпліна і загад камандзіра гублялі сілу, а армія паступова страчвала сваю галоўную функцыю.

Да кастрычніка 1917 г. грамадскасць Беларусі, у тым ліку гарнізонныя вайскоўцы (за выключэннем бальшавікоў), цалкам давяралі Часоваму ўраду. За ўвесь час яго існавання тут не адбылося ніводнага палітычнага выступлення з антыўрадавымі лозунгамі. На ўсіх маніфестацыях, якія адбыліся ў гарадах Беларусі 18 чэрвеня, іх удзельнікі выказаліся ў падтрымку наступлення расійскай арміі. Характэрнай праявай патрыятычнага ўздыму, які назіраўся ў прыфрантавой Беларусі, стала фарміраванне часцей георгіеўскіх кавалераў, ударнікаў, нават добраахвотніц-жанчын [7, с. 102].

Жорсткае паражэнне, якое пацярпелі войскі Паўднёва-Заходняга і Заходняга франтоў, акрамя іншага, сведчыла аб заняпадзе вайскавай дысцыпліны. Каля тысячы «абаронцаў Айчыны», якія адмовіліся выконваць загады камандзіраў, былі змешчаны ў мінскую турму.

У той самы час 3–4 ліпеня небывалую наступальніцкую актыўнасць выявілі часці петраградскага гарнізона на чале з бальшавікамі і анархістамі, калі здзейснілі спробу звяржэння Часовага ўрада. Ударнай сілай пучыстаў былі вайскоўцы, якія яшчэ ў сакавіку 1917 г. дамагліся права пастаяннай дыслакацыі ў сталіцы пад выглядам абароны яе ад контррэвалюцыі.

Заклапочанасць гэтымі часцямі выказалі і арганізатары жніўняўскай Дзяржаўнай нарады ў Маскве. Адным з яе вынікаў стала пагадненне паміж міністрам-старшынёй А. Ф. Керанскім і Вярхоўным галоўнакамандуючым генералам Л. Г. Карнілавым аб умацаванні сталічнага гарнізона надзейнымі казацкімі войскамі. Але ў выніку непаразумення або правакацыі рух гэтых войск у напрамку Петраграда быў успрыняты як спроба ўсталявання ваеннай дыктатуры. Дзякуючы энергічным намаганням «рэвалюцыйнай дэмакратыі», у тым ліку Часовага рэвалюцыйнага камітэта Заходняга фронту, на Беларусі канфлікт быў вырашаны без кровапраліцця. Генерал Карнілаў, усведамляючы небяспеку ўзнікнення грамадзянскай вайны, не пайшоў на абвастрэнне канфлікту [12, с. 3–12].

Іншая справа, што з падаўленнем карнілаўскага мяцяжу аўтарытэт камандзіра заняпаў яшчэ больш, а ваенны шлях дасягнення міру быў

адкінуты канчаткова. Бальшавікі ўжо амаль адкрыта сталі звязваць ідэю спынення вайны з пераходам улады да Саветаў.

Да часу, пакуль дзеючая армія выказвала настрой абараняць Айчыну, беларускае сялянства дзялілася з франтавікамі хлебам, дэманструючы высокую грамадзянскасць і патрыятызм. Таленавіты даследчык І. М. Рыжанкоў даказаў, што бадай нідзе больш, як на Беларусі, насельніцтва і салдаты не бралі такога актыўнага ўдзелу ў падпісцы на Пазыку Свабоды. Ён таксама заўважыў, што са зніжэннем наступальніцкіх настрояў і патрыятычнага ўздыху адбылося пагаршэнне забеспячэння арміі сялянскім хлебам [13, с. 19].

Характэрна і тое, што з восені грамадскасць Беларусі ўжо не выяўляла ілюзій адносна перамогі над германцамі, а спыненне вайны звязвала толькі з Устаноўчым сходам. Звесткі, быццам «на выбарах дэпутатаў II з'езда Саветаў беларусы ахвотна галасавалі за бальшавікоў» [6], з жанру баек, бо такой ахвоты беларусы не выказвалі.

У. Ленін меў рацыю, калі казаў, што пытанні ўзяцця ўлады вырашаюцца не з'ездамі, «хаця б нават з'ездамі Саветаў», а паўстаннем [14, с. 435]. Менавіта таму ён не прысутнічаў на першым пасяджэнні з'езда, а займаўся штурмам Зімняга і іншымі аперацыямі. Толькі на другім пасяджэнні 26 кастрычніка ў 21 гадзіну У. Ленін выступіў перад дэлегатамі з дакладам аб міры. У аднагалосна прынятым дэкрэце ўсім народам і іх урадам прапаноўвалася пачаць перагаворы аб заключэнні агульнага міру без анексій і кантрыбуцый. У ліку важнейшых пастаноў з'езда былі дэкрэт аб зямлі, утварэнне Часовага рабоча-сялянскага ўрада (СНК) і інш.

Грамадскасць краіны, у тым ліку Беларусі, успрыняла паўстанне рабочых і салдат Петраграда супраць Часовага ўрада як спробу бальшавікоў захапіць уладу, небяспеку зрыву выбараў ва Устаноўчы сход і пагрозу грамадзянскай вайны [15, с. 6]. З гэтай нагоды ні ў адным населеным пункце Беларусі ўрачыстых мерапрыемстваў не адбывалася, а прыхільнікі дэмакратыі аб'ядналіся ў Камітэты выратавання рэвалюцыі. Актыўную падтрымку бальшавіцкаму ўраду выказалі ўзброеныя сілы, у тым ліку салдаты Заходняга фронту, якія зрабіліся апорай Саветаў як органаў дзяржаўнай улады. Менавіта салдаты ўзялі ў свае рукі справу заключэння перамір'яў з германцамі, калі да гэтага заклікалі У. І. Ленін і новы Вярхоўны галоўнакамандуючы прапаршчык М. В. Крыленка.

Большасць франтавікоў успрыняла дэкрэт аб міры як факт выхаду Расіі з вайны. А дэкрэт аб зямлі, па словах сучасных гісторыкаў, «зрабіўся для сялян, апранутых у салдацкія шынялі, той спакусай, пераадолец якую было немагчыма. Натоўпы салдат хлынулі з фронту дадому дзяліць зямлю» [16].

У тых умовах салдат губляў уласцівасці абаронцы Айчыны і ператвараўся ў «чалавека з ружжом». Яшчэ з лета 1917 г. гарнізонныя вайскоўцы сталі ўяўляць небяспеку для яўрэйства, а пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі яны ўчынілі пагромы ў Глыбокім, Рэчыцы [17], Койданаве, Радашковічах і іншых пунктах [15, с. 49].

Як вядома, разлік У. Леніна і Л. Троцкага на сусветную рэвалюцыю, а разам з ёю – на заканчэнне вайны, не спраўдзіўся. Але сепаратнае перамір'е дазваляла ім узмацніць націск на «ўнутраную контррэвалюцыю», да якой адносіліся праціўнікі «Савецкай улады» (чытай – бальшавікоў). На Беларусі першымі бальшавіцкімі ахвярамі сталі афіцэры, расстраляныя непадалёк ад Жлобіна [18, с. 215], абвешчаны «ворагам народа» [19, с. 249] і забіты ў Магілёве генерал Духонін. Шматлікія ахвяры мелі месца ў выніку справакаванага бальшавікамі канфлікту з I Польскім корпусам [20, с. 139–150].

З разгонам Устаноўчага схода надзея на мір, па словах В. М. Чарнова, «не шкурніцкі, не сепаратны, а ўсеагульны дэмакратычны мір» [21] знікла. «Кавалерыйская атака на капітал» дала бальшавіцкаму ўраду магчымасць ў 10 разоў павялічыць жалаванне добрахвотнікам. Але жадаючых службыць было няшмат: сярод іх – тыя, чыя радзіма заставалася пад акупацыяй (латышы, палякі), хто застаўся без сродкаў да існавання (афіцэры, служачыя франтавых арганізацый і інш.). У цэлым, гэтыя войскі прызначаліся для барацьбы з «ўнутранай контррэвалюцыяй», але ніяк не з германцамі. Мінскія бальшавікі А. Мяснікоў, В. Кнорын, К. Ландэр і інш. цалкам падзялялі тактыку свайго ЦК [22], таму і не панеслі пакарання за катастрафічныя вынікі свайго кіравання Заходнім фронтам і Беларуссю. Наадварот, атрымалі больш прэстыжныя і менш адказныя пасады ў Смаленску.

Бальшавікі здолелі захаваць сваю ўладу і, карыстаючыся Брэсцкім мірам, сталі імкліва яе ўмацоўваць усімі спосабамі, у тым ліку шляхам «чырвонага тэрора».

Германія і яе саюзнікі захапілі значныя трафеі і матэрыяльныя рэсурсы акупіраваных тэрыторый і разам з імі магчымасць для далейшай барацьбы з Антантай. У выніку, дзякуючы У. Леніну, Л. Троцкаму і інш., сусветная вайна скончылася значна пазней і далёка не на карысць Расіі. Пасля эвакуацыі германскіх войск, дэансацыі Брэсцкага дагавора і заканчэння сусветнай вайны беларускі народ так і не набыў доўгачаканага міру.

Заклучэнне. Такім чынам, насельніцтва Беларусі і размешчаныя на яе тэрыторыі расійскія войскі ў канцы 1916 – пачатку 1917 гг. мелі падставы спадзявацца на заканчэнне вайны. Пасля правалу летняга наступлення расійскай арміі асноўныя надзеі на мір звязваліся з Устаноўчым сходам. З прыходам да ўлады бальшавікоў беларускі народ трапіў у рэчышча іх палітыкі,

якая грунтавалася на прыярытэтах сусветнай рэвалюцыі, дыктатуры пралетарыяту і інтэрнацыяналізму. У выніку, цяжар вайны з Германіяй узмацніўся вайной грамадзянскай.

Літаратура

1. Великий Октябрь и защита его завоеваний. Победа социалистической революции / отв. ред. И. Минц. – М.: Наука, 1987. – 480 с.
2. Семанов, С. Н. Брусилов / С. Н. Семанов. – М.: Мол. гвардия, 1980. – 318 с.
3. Акшинский, В. С. Климент Ефремович Ворошилов: биограф. очерк / В. С. Акшинский. – 3-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1979. – 286 с.
4. Революции в мифах и наяву // Российская газета. – 2007. – 3 ноября.
5. Козляков, В. Е. Из истории красного террора в Беларуси (октябрь 1917–1920 гг.) / В. Е. Козляков // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2007. – Вып. XV. – С. 71–76; Новік, Я. К. Расійскія рэвалюцыі 1917 г. у лёсе Беларусі / Я. К. Новік // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. – № 1. – С. 5–7; Новік, Я. К. Гісторыя Беларусі. Ад старажытных часоў – па 2008 г.: вучэб. дапам. / Я. К. Новік, І. Л. Качалаў, Н. Я. Новік; пад рэд. Я. К. Новіка. – Мінск: Выш. шк., 2009. – 512 с.
6. Белорусская нива. – 2007. – 24 окт.
7. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 2001. – Ч. I: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 200 с.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 2084. – Воп. 1. Справы Магілёўскага губернскага земства.
9. Минские епархиальные ведомости. – 1917. – № 7–8. – С. 131; Могилевские епархиальные ведомости. – 1917. – № 2. – С. 208.
10. НГАБ. – Фонд 1265. – Воп. 1. Журнал VI Мінскага губернскага земскага схода.
11. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё ў Мінску (сакавік – кастрычнік 1917 г.) / М. Я. Сяменчык. – Мінск: 1994. – 112 с.
12. Сяменчык, М. Я. Керанскі супраць Карнілава: чья перамога? / М. Я. Сяменчык // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 8.
13. Рыжанкоў, І. М. Сялянства Беларусі ў вырашэнні грамадска-палітычных і эканамічных праблем (сакавік – кастрычнік 1917 г.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. / І. М. Рыжанкоў; Бел. дзярж. тэхнал. ун-т. – Мінск, 2006. – 24 с.
14. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 34.
15. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 2001. – Ч. II: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. – 160 с.
16. <http://www.mod.mil.by/11krasnaja.html>
17. Сяменчык, М. Я. Дэмакратызацыя грамадска-палітычнага жыцця і рэцыдывы антысемітызму на Беларусі (вясна – восень 1917 г.) / М. Я. Сяменчык // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2004. – Вып. XII. – С. 7–14.
18. В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Воспоминания активных участников Октябрьской революции / Под ред. Н. А. Халипова, Н. М. Мешкова. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1957. – 372 с.
19. Октябрьский переворот / сост. А. Л. Попов. – Петроград: Новая эпоха, 1918. – 415 с.
20. Сяменчык, М. Я. Польскія вайсковыя арганізацыі і фарміраванні на Беларусі ў 1917–1918 гг. // Праблемы айчынай і сусветнай гісторыі (Да 60-годдзя доктара гістарычных навук, прафесара У. М. Міхнюка): матэрыялы навуковых чыганняў, г. Брэст, 28 верасня 2007 г.; Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна; аргкам.: М. Э. Часноўскі і інш.; рэдкал.: У. В. Здановіч, А. А. Савіч (адк. рэд.), І. І. Шаўчук. – Брэст: БрДУ, 2008. – 173 с.
21. Чернов, В. М. Перед бурей. Воспоминания / В. М. Чернов. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. – 413 с.
22. Звезда. – 1918. – 19 февр.

В. Е. Козляков, профессор

СТРЕКОПЫТОВЩИНА

The article reveals the causes, course and consequences of the rebellion of soldiers of some Red Army troops opposing the Soviet power in March 1919 in Gomel. The leader of the rebels was N. Strekopytov, a former officer of the tsarist army. The article makes the conclusion that the tragic events in Gomel is a typical phenomenon for the Civil War in Russia. It revealed various tendencies: errors and shortcomings of the new authority, attempts of some elements not to take into account any authority with the hope to return the lost privileges, discrepancies between parties of socialist orientation which appeared to be on different sides of the barricades. However, we can't but accept the evident regularity: the major part of working people having different attitudes to representatives of the Soviet power supported this power as they understood falsity of landowners and entrepreneurs with their «mottoes about» democracy and freedom.

Введение. Гражданская война, развернувшаяся на просторах бывшей Российской империи, была обусловлена противостоянием различных социальных и политических сил. С одной стороны, бывшая предпринимательско-помещичья элита и ее обслуга не желали мириться с утратой привилегированного положения в результате Октябрьской революции и делали все возможное, чтобы взять реванш у победившего трудового народа. С другой, новая власть старалась укрепить завоевания революции и осуществить первые преобразования, направленные, по убеждениям революционных романтиков, на реализацию интересов всего народа. Однако строители нового общества, как во всякой революции, вынуждены были прибегать к непопулярным мерам, полагая при этом, что эти меры временные, но необходимые. Естественно, не обходилось без ошибок, промахов, просчетов. Подобные тенденции совершенно отчетливо проявились в различных вооруженных выступлениях и восстаниях, в том числе и в стрекопытовском мятеже, составивших трагическую хронику братоубийственной войны.

Интерес к истории стрекопытовского мятежа проявился сразу после окончания гражданской войны. Уже в 1921 г. вышел сборник, включавший воспоминания большевиков, в котором повествовалось о трагических событиях на Гомельщине весной 1919 г. [1]. Чуть позднее Г. Лелевич издал брошюру «Стрекопытовщина», где, основываясь на более широкой документальной базе, изложил хронологию мятежа и попытался выяснить его причины [2]. В объемистом труде «Крушение антисоветского подполья в СССР» Д. Голиков также упомянул о стрекопытовщине, основываясь, главным образом, на двух упомянутых выше изданиях [3]. Указанные работы однозначно оценивали стрекопытовский мятеж как контрреволюционный.

Демократизация общественной жизни в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., наступившая гласность и провозглашенная свобода слова

вызвали жгучее желание у некоторых историков и публицистов побыстрее «разобраться» с так называемыми «белыми пятнами» в истории, переосмыслить уроки прошлого. Однако некоторые деятели пошли по упрощенному пути: то, что оценивалось в советской историографии со знаком «плюс», стали лихорадочно менять на «минус». И наоборот, то, что ранее было «минусом», теперь в мгновение ока становилось «плюсом». Если в условиях руководящей и направляющей роли КПСС все недовольства и выступления против советской власти квалифицировались как сплошь белогвардейские, контрреволюционные, то теперь антисоветские мятежи и восстания усилиями отдельных историков стали подаваться как «борьба повстанцев за демократию и справедливость». Подобная оценка дана стрекопытовщине Ю. Витьбичем (Ю. Стукаlichem) [4]. Автор полагает, что стрекопытовское восстание прошло под эсеровскими лозунгами, что, дескать, рабочие, крестьяне, красноармейцы встретили призывы «повстанцев» с энтузиазмом [4, с. 51, 61, 63, 67].

Более сдержана в своих оценках В. Лебедева. Тем не менее и она в своих статьях подчеркивает явную антибольшевистскую направленность восстания, а причины его неудачи видит в большевистской диктатуре, которая опиралась на военную силу и успела укрепиться [5, 6]. При всем разбросе мнений в оценках следует признать, что события, произошедшие в Гомеле в марте 1919 г., безусловно, свидетельствовали о накале страстей и трагизме гражданской войны, в ходе которой население несло неоправданные потери от конфронтации двух политических лагерей.

Основная часть. К весне 1919 г. ситуация в южных и юго-восточных районах Беларуси сложилась чрезвычайно остро. Часть белорусской территории была оккупирована польскими войсками, с юга угрожали петлюровцы. С большим трудом, после долгого перерыва советскую власть в Гомеле удалось восстановить лишь к январю 1919 г. Серьезные проблемы возникли в обеспечении населения продоволь-

ствием. Так называемая «продовольственная разверстка» и другие методы политики «военного коммунизма», примененные большевиками, особого эффекта в обеспечении Красной Армии и городского населения не приносили. Более того, военно-коммунистические методы вызвали определенное недовольство трудового крестьянства. Крестьянские волнения весной 1919 г. нашли отклик в некоторых частях неокрепшей еще тогда Красной Армии. Несколько раз верным советской власти частям приходилось разоружать морально разложившиеся полки, проходившие и через станцию Гомель. Все эти выступления и вспышки происходили в разное время и поначалу довольно быстро пресекались [2, с. 14].

Однако главные события развернулись вокруг 2-й (Тульской) бригады 8-й стрелковой дивизии Красной Армии в составе 67-го и 68-го полков, прибывших в Гомель еще в конце января 1919 г. Командование Красной Армии намеревалось указанные части использовать в военных действиях против петлюровцев. Однако снабжение этих частей было налажено довольно плохо. Кроме того, они попали в тяжелые жилищные условия. Дело в том, немецкие оккупанты, покидая город, не преминули оставить гомельчанам соответствующий «подарок»: почти все казармы были приведены в негодное состояние. Для бойцов Тульской бригады не нашлось помещений, так как восстановить казармы в течение нескольких недель, особенно при тех условиях, было невысказано. Пришлось красноармейцев расселять по частным квартирам, что, естественно, особого восторга у постоянных жильцов и владельцев не вызвало.

Наряду с кризисом жилищным Гомель в то время переживал продовольственный кризис. Губпродком, недавно организованный, был еще не в состоянии удовлетворить нужды воинских частей. Позже, анализируя причины мятежа в Гомеле, в докладе представителя Центрального Комитета РКП(б) Е. Бош признавалось, что за короткое время между рабочими, красноармейскими массами и органами советской власти образовалась пропасть. Спекуляция и отсутствие продовольствия во многом усугубили напряженную ситуацию. «Вялая партийная работа и занятие всех комиссарских постов работниками, не связанными непосредственно с массами и к тому же евреями, дали полную свободу погромной агитации, – писала Е. Бош. – Железнодорожные рабочие стали заявлять, что повсюду везде у них сидят жидовские комиссары. Сторонники старого режима стали натравливать русское население на евреев. Отсутствие продовольствия усугубляло положение. Рабочие хлеба не получали и вынуждены были его покупать по спекулятивным ценам... Преобладание среди спекулянтов евреев

дало повод для антисемитской агитации» [7, л. 17, 49]. Не последнюю роль в качестве детонатора социального взрыва сыграли, по свидетельству Е. Бош, и выступления эсеров с критикой недостатков советской власти.

К тому же еще в начале февраля 1919 г. распространились слухи о готовящемся выступлении против советской власти, будто намеченном на день годовщины Красной Армии – 23 февраля. Местный ревком стал настаивать на удалении полков из Гомеля. 18 марта 68-й полк был направлен на фронт в район г. Мозыря, а через несколько дней туда же дислоцировался и 67-й полк [5, с. 50].

Однако деморализованные части не только не смогли наступать, но и не оказали какого-либо сопротивления петлюровцам. Среди красноармейцев усилилось брожение. Зазвучали требования немедленно бросить фронт и ехать назад – до самой Тулы. Попытки коммунистов навести порядок только обострили ситуацию – они были арестованы, а комиссар Ф. Сундуков застрелен.

В ночь с 23 на 24 марта 1919 г. одиннадцать эшелонов с мятежными красноармейцами вернулись в Гомель. Вскоре выяснилось, что руководство мятежом взял на себя так называемый «Полесский повстанческий комитет», которым, по утверждению Ю. Витьбича, руководили эсеры. Тем не менее, в состав «комитета» входили бывшие царские офицеры – командир 68-го полка А. Мачигин и начальник хозяйственной части 68-го полка Н. Стрекопытов. Вряд ли эти господа разделяли идеи эсеровской партии. Между тем, не исключено, что некоторые члены «Полесского повстанческого комитета» были приверженцами эсеровской идеологии.

Дело в том, что еще в конце 1918 – начале 1919 гг. в Речицком, Мозырском и Гомельском уездах довольно активно действовали «Полесский ревком» и его структуры, почти целиком состоявшие из левых эсеров. Они попытались после ухода немцев организовать советскую власть в соответствии с левозеро-эсерскими принципами. «Полесский ревком» издавал самостоятельные приказы о мобилизации мужчин от 20 до 40 лет в партизанские отряды. Кроме того, он повел решительную борьбу с гайдамаками, помещиками и Петлюрой. Из местных крестьян был даже сформирован «повстанческий полк» [8, л. 46]. По утверждению левозеро-эсерского руководства, коммунисты не могли смириться с существованием «Полесского ревкома», «необыкновенно популярного среди крестьянства», и организовали в Гомеле параллельный уездный Ревком. К тому же 19 февраля все пинские левые эсеры были арестованы, а «повстанческий полк» распущен [9, с. 3]. Не исключено, что некоторые левые эсеры, остав-

шиеся на свободе, позже вошли в состав «Полесского повстанческого комитета».

24 марта 1919 г., захватив станцию, мятежники отправили по разным адресам телеграмму следующего содержания: «Власть большевиков в Гомеле низложена. Движением руководит повстанческий комитет. Арестовывайте членов чрезвычайных комиссий, комиссаров... Не пропускайте большевистских эшелонов. Если нужно, разрушайте пути. Осведомите население и действуйте смело и энергично. Телеграфируйте дальше. Устанавливайте связь в действиях. Осведомляйте на станцию Гомель. – Полесский повстанческий комитет» [2, с. 30]. Эта телеграмма сыграла провокационную роль в событиях, так как ее получатели, в том числе командир Красной дивизии, экстренно выдвинувшейся из Брянска на помощь гомельским коммунистам, посчитал, что Гомель уже занят мятежниками и бессмысленно что-либо предпринимать.

Между тем городские партийные и советские организации готовились дать отпор мятежникам. Был образован Военно-революционный штаб. Коммунисты и советские активисты заняли боевые позиции, сообщили о событиях в Могилев. Вооруженных защитников, однако, было мало. Они не могли оказать длительного сопротивления взбунтовавшимся солдатам, которыми командовали офицеры [3, с. 420].

Со станции мятежники повели наступление на город, захватили тюрьму и освободили около 400 заключенных, главным образом уголовников. Вскоре в их руках оказалась значительная часть города. Лишь гостиница «Савой», превращенная в опорную базу сопротивления, здание ЧК и телефонная станция все еще оставались за коммунистами. Утром 25 марта мятежники начали обстрел из артиллерийских орудий и минометов гостиницы «Савой». Положение осажденных стало катастрофическим. Они вынуждены были вступить в переговоры с мятежниками. Последние согласились отпустить всех находившихся в гостинице (их осталось 65 человек). Но когда коммунисты сложили оружие, мятежники, вопреки обещаниям, задержали ответственных работников партийных и советских учреждений и, избив, отправили их в тюрьму. Власть в городе повсеместно перешла к вооруженным мятежникам.

В тот же день гомельчане узнали фамилию руководителя мятежа, давшую впоследствии название самой авантюре. По городу был расклеен приказ № 1 «командующего войсками Стрекопытова». Первый пункт гласил: «Сего 24 марта я, по избрании повстанческим комитетом, принял на себя обязанности командующего войсками гомельской группы, восставшими против правительства Троцкого и Ленина» [2, с. 34].

«Полесский повстанческий комитет» и военное командование мятежников выпустили

несколько воззваний к населению города и уезда. В одном из воззваний «повстанцы» так сформулировали цели и лозунги своего движения: «Граждане, сбросьте гипноз!... Большевики кажутся вам сильными, потому что вы стоите на коленях. Встаньте с колен! Наши лозунги: 1. Вся власть Учредительному собранию. 2. Сочетание частной и государственной инициативы в области торговли и промышленности, в зависимости от реальных требований хозяйственной жизни страны. 3. Железные законы об охране труда. 4. Проведение в жизнь гражданских свобод. 5. Земля – народу. 6. Вступление Русской республики в Лигу народов». В другом воззвании говорилось, что «Россия объявлена Народной Республикой», содержался призыв к крестьянам выбирать повстанческие комитеты в селах, деревнях, местечках, городах и вручать им временно всю власть [2, с. 35–36].

Провозгласив «гражданские свободы», мятежники стали осуществлять террор против коммунистов. В одном из приказов Н. Стрекопытова имелся следующий пункт: «Лица, коим известно местопребывание скрывшихся большевистских комиссаров и коммунистов, а также и домовладельцы, где они проживают, должны немедленно донести мне. Виновные в укрывательстве будут караться по всей строгости осадного положения».

Жертвами террористов становились не только коммунисты, но и простые жители. По свидетельству очевидцев, еще в ночь на 25 марта, т. е. до падения гостиницы «Савой», начались налеты «повстанцев» на квартиры граждан. Эти молодчики, угрожая револьверами, требовали выдачи коммунистов. Самый беззастенчивый, самый циничный грабеж сопровождал эти налеты. В ряде случаев антикоммунистические погромы приобретали явную антисемитскую окраску – грабили и убивали в первую очередь евреев [2, с. 40].

Даже сами стрекопытовцы были вынуждены признать факты грабежей, однако остановить разнузданный террор руководители мятежа были уже не в состоянии. Свидетель тех событий, бывший председатель Губпродкома В. Селиванов впоследствии рассказывал: «По Замковой улице и по другим прилегающим улицам к станции начался поголовный грабеж населения. В домах отбирали все, что было ценным. На улицах раздевали встретившихся граждан. В советских учреждениях разбивали несгораемые кассы, забирали денежные знаки, рвали и сжигали дела, нагружали продовольствие из складов Губпродкома и Райсоюза и отправляли на Полесскую станцию... В городе творилась такая вакханалия, которую может себе представить только переживший эту историю» [1, с. 161]. 26 марта стрекопытовцы отобрали заключенных в тюрьму ответственных

советских работников города и увезли на Полесский вокзал. Судьба их до подавления мятежа оставалась неизвестной. Эти и другие подобные факты убедительно опровергают утверждения Ю. Витьбича о том, что в Гомеле «было адносна спакойна», что «спробы часткі гараджан і, галоўным чынам прыгарадных сялян арганізаваць гебрэйскі пагром камандатура перасекла на самым пачатку» [4, с. 61].

Нельзя сбрасывать со счета и тот факт, что население Гомеля и уезда, затерроризированное борьбой разных властей, отнеслось к претенденту на роль нового «демократического освободителя» довольно настороженно. Нигде, кроме Речицы, организованной поддержки мятежа не произошло. Зато меры по его подавлению были приняты довольно скоро. Против мятежников выступили красноармейские части Брянского и Смоленского гарнизонов. Партийные организации направили туда слушателей курсов красных командиров в г. Могилеве и Минской партийной школы, а также сформированные коммунистические отряды из Бобруйска, Клинцов, Новозыбкова, Почепа, Пропойска, Витебска, Унечи, Ветки. Некоторые из них, например Витебский, пришлось вернуть из-за ненадежности, часть красноармейцев (около 100 человек) перешла к стрекопытовцам в районе Узы.

Основные силы подошли к Гомелю 28 марта и готовились к штурму. Убедившись, что повсюду не за горами, «повстанцы» начали спешную эвакуацию в ночь с 28 на 29 марта в направлении Речицы. Возникла паника, тем не менее грабежи, еврейские погромы достигли своего апогея [5, с. 52]. Вскоре Гомель был полностью очищен от мятежников. Когда курсанты Могилевских курсов заняли станцию Гомель-Полесский, они обнаружили в «вагоне смерти» груды изуродованных тел. Это были трупы 14 ответственных советских работников города. 9 убитых остались неопознанными [3, с. 423].

Захваченные организаторы и активные участники мятежа понесли должную кару. Выездная сессия Реввоен трибунала Западного фронта еще в Калининских 1 апреля 1919 г. рассмотрела дела восьми мятежников, в том числе бывшего командира 68-го полка А. Мачигина. По приговору сессии эти восемь мятежников были расстреляны. В Могилеве Реввоен трибунал вынес смертный приговор еще 62 участникам мятежа [2, с. 51–52].

Однако Н. Стрекопытов, С. Степин и большинство застрельщиков мятежа со значительной частью «повстанцев» перешли фронт в районе Хойников и сдались петлюровцам. Они были переданы польской стороне, разоружены и интернированы. Позднее некоторые участники стрекопытовского мятежа влились в воен-

ные группировки Н. Юденича в Эстонии, Б. Савинкова и С. Булак-Балаховича в Польше [6].

Заключение. Стрекопытовщина – явление довольно типичное для гражданской войны. Подобные восстания и мятежи свидетельствовали об острейшей борьбе, в которой каждая из сторон понесла свою долю исторической ответственности за возникавшие кровавые конфликты. К сожалению, жертвами этой братоубийственной войны становились и ее застрельщики, и рядовые участники, и простые граждане, мирное население. В этой гражданской войне высветились разные тенденции: ошибки и упущения новой власти, желание определенных слоев не считаться ни с какой властью, провокационные интриги и открытые домогательства приверженцев старого строя, не оставлявших надежд вернуть утраченные привилегии, противоречия между партиями социалистической ориентации, оказавшимися в силу ряда обстоятельств по разные стороны баррикад, и многое другое. Но нельзя не признать очевидную закономерность: подавляющая часть трудового населения, даже при неоднозначном отношении к конкретным функционерам советской власти, в итоге эту власть поддержала, поскольку убеждалась, что за лозунгами «демократии и свободы» скрывались явные намерения помещичье-предпринимательской элиты вернуть привилегированное положение. Осмысление подобных уроков гражданской войны не потеряло своей актуальности и в наши дни.

Литература

1. Революционная борьба в Гомельской губернии. – Гомель: Госиздат, 1921. – 363 с.
2. Лелевич, Г. Стрекопытовщина. Страничка из истории контрреволюционных выступлений в годы гражданской войны / Г. Лелевич. – М.: Госиздат, 1923. – 64 с.
3. Голиков, Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.) / Д. Л. Голиков. – М.: Политздат, 1975. – 703 с.
4. Віцьбіч, Ю. (Стукаліч, Ю.) Антыбальшавіцкія паўстанні і партызанская барацьба на Беларусі / Ю. Віцьбіч (Ю. Стукаліч). – Нью-Ёрк: Беларускае інстытут мастацтва, 1996. – 189 с.
5. Лебедзева, В. Стракапытаўскі мяцеж / В. Лебедзева // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 4. – С. 50–52.
6. Лебедзева, В. Стракапытаўскае паўстанне / В. Лебедзева // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 2001. – Т. 1. Кн. 1. – С. 428.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 17. – Оп. 84. – Д. 17.
8. РГАСПИ. – Фонд 17. – Оп. 4. – Д. 46.
9. Бюллетень Центрального Комитета Партии левых социалистов-революционеров интернационалистов. – 1919. – № 4.

ЗЯМЕЛЬНЫЯ АДНОСІНЫ ПАМІЖ ШЛЯХТАЙ І ДЗЯРЖАВАЙ У ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКИМ У XIII–XVI СТСТ.

The article deals with the situation in the sphere of the land-use and land own between Grand Duch of Lithuania authorities and its nobility which was aiming to get full control above their manors. On the basis of archival sources and scientific researchs this process is researched. This was evolutionary extension of land-own rights of the nobility of the state limited with the only one feudal tax. It was military servise in a case of war. Amount of it depended on quantity of servants living in the manor. Common rate was one warrior from 10 servant houses. As far as main part of the nobility didn't have sufficient servants and territories it had to serve at army theirself. All this nuances were specified at the main law code called Statute of GDL.

Уводзіны. Зямля ў часы сярэднявечча была галоўнай крыніцай багацця. Паколькі шляхта Вялікага княства Літоўскага з'яўлялася асноўным землеўладальнікам, пытанне аб зямельных адносінах яе і дзяржавы патрабуе асобнага разгляду. Вядома, што ўсе ўладальнікі маёнткаў абавязаны былі несці ваенную (земскую) службу. Гэту павіннасць выконвалі феадалы асабіста і разам са сваімі ваенымі слугамі. Земская ваенная служба, заснаваная на землеўладанні, была абавязковай паводле земскага права [1, с. 585]. Гэта і адраэнівала шляхту ад астатніх саслоўяў Вялікага княства Літоўскага. Праблема землеўладання ў ВКЛ у розных аспектах разглядалася як гісторыкамі XIX ст., так і у савецкай і сучаснай гістарыяграфіі.

Асноўная частка. Шляхецкае землеўладанне мае глыбокія карані. Першае наданне зямлі пад умовай ваеннай службы У. І. Пічэта адносіць да 1254 г. [2, с. 63]. Сістэматычная раздача зямляў за ваенную службу пачалася з часоў Вітаўта, калі знешнепалітычнае становішча Вялікага княства Літоўскага было дастаткова складаным. З часоў вялікага князя Казіміра такія раздачи становяцца масавымі і працягваюцца, пакуль у руках манарха застаецца «хоть небольшое количество земли» [1, с. 591].

Першапачаткова памер зямельных уладанняў, з якіх ратнік ехаў на вайну, не быў дакладна вызначаны. Шмат залежала ад абставін, пры якіх вялікі князь надзяляў яго зямлёй. У крыніцах можна сустрэць наданне шляхце звычайных сялянскіх надзелаў за ваенную службу. Напрыклад, вялікі князь Казімір надаў Юшку Кгірдавічу за баярскую службу зямлю Драбоўшчыну, якая была раней лавецкай зямлёй [3, с. 51]. Адначасова можна сустрэць і падараванні ўчасткаў зямлі большых, чым сялянская служба. Так, Жыгімонт Аўгуст у 1551 г. пацвердзіў баярыну Багдану Лазаравічу прывілей «на два селища пустовских за службу земскую» [4, с. 163].

Увогуле, як адзначаў М. К. Любаўскі, у памерах зямлі, з якой ішла ваенная служба, было яшчэ больш разнастайнасці, чым у памерах сялянскіх служб [5, с. 545]. Шмат залежала ад за-

можнасці шляхціца. Былі такія, што не мелі ў падпарадкаванні сялян, самі апрацоўвалі зямлю і выязджалі на вайну асабіста, без слуг. Адносна такіх землеўладальнікаў у Статуце ВКЛ 1529 г. гаварылася, што калі які-небудзь баярын у сваім маёнтку не мае людзей, то павінен сам ехаць і служыць як можа [6]. Падобныя словы пра немагчымых баяр-шляхту ўтрымліваюцца і ў соймавай ухвале 1529 г.: «А што ся дотычеть убогое шляхты, которыи ся убого мають въ домках своих, а ни одного человека своего не мають: съ тых кождый маеть служити и ехати самъ, водле можности своее» [7, с. 204].

Шляхта атрымлівала ад вялікага князя і такія маёнткі, з якіх на вайну трэба было выводзіць строга вызначаную колькасць людзей. Напрыклад, Свідрыгайла ў 1445 г. даў маёнтак Рагачоў шляхціцам, пры чым адзначыў, што «съ того нам имають служити и нашим намесником двумя стрельцами на заволаную войну» [7, с. 58].

Хоць пры падараванні зямлі шляхта атрымлівае яе, але, як адзначаюць даследчыкі, фактычна надаваліся толькі даходы з маёнтка, якія раней атрымліваў вялікі князь [8, с. 12]. Менавіта таму землеўладальнікі ўвесь час імкнуліся забяспечыць сабе права безумоўнага валодання маёнткамі. Пачатак гэтаму быў пакладзены ў 1387 г., калі Ягайла прывілеем надаў асобныя правы і ільготы землеўласнікам-каталікам [9, с. 9]. Паводле гэтага дакумента, каталіцкая арыстакратыя атрымала неабмежаваныя правы валодання і распараджэння сваімі вотчынамі, а таксама вызвалілася ад выканання шэрагу павіннасцей. Але прывілей 1387 г. не ліквідаваў цалкам усе грашовыя даніны і выплаты і пакідаў зямлі пад юрысдыкцыяй вялікага князя.

Наступным крокам замацавання зямельнай уласнасці за шляхтай сталі прывілеі XV ст. З гэтага часу заканадаўча замацоўваецца недамыкальнасць іх надзелаў, права юрысдыкцыі над падданымі. Паступова павялічваўся палітычны ўплыў буйных землеўласнікаў, які ўзмацняўся тым, што яны сталі крэдытарамі вялікага князя пад заклад вялікакняжскіх маёнткаў. Зразумела, чаму, на думку М. К. Любаўскага,

палітычнае жыццё Вялікага княства Літоўскага другой паловы XV – першай чвэрці XVI стст. праходзіла пад сцягам дыктатуры буйнога землеўладання [10, с. 335]. Паводле У. І. Пічэты, у прывілеі 1506 г. якраз і было аформлена тое палітычнае становішча, якое найбольш заможныя землеўладальнікі займалі ў ВКЛ [2, с. 59].

Неабходна адзначыць справядлівае меркаванне, што агульназемскія прывілеі гарантавалі маёмасныя правы толькі на паперы, а не на справе [1, с. 632]. На карысць такой думкі гавораць умовы, пры якіх зямля перадавалася шляхце. У правах служылых людзей адносна падараванай нерухомай маёмасці ў ВКЛ можна распазнаць некалькі адценняў, але ў цэлым служылае феадальнае землекарыстанне магчыма ўмоўна падзяліць на дзве катэгорыі. Да першай катэгорыі належалі тыя зямельныя ўладанні, якія перадаваліся трымальнікам без права распараджэння зямлёй. Тэрмін трымання такіх уладанняў быў звычайна неакрэслены і залежаў ад умоў, на якіх давалася зямля. Да другой катэгорыі належалі землі, якімі ўладальнік распараджаўся на правах спадчынных, аднак такое права распараджэння мела не безумоўна, а адносна характар [11, с. 70]. У актах на зямельныя падараванні часта сустракаюцца словы: «до воли господарское», «вечно до живота своего», «на вечнасць». Прычым звычай даваць зямлю ў часовае карыстанне «да воли» прасочваецца за ўвесь перыяд XV–XVI стст. Яшчэ ў крыніцах, выдадзеных пры Казіміры, можна сустрэць запісы накшталт «...князю Митку Всеволодовичу Антоново Косого селцо, да Мицнево село до воли» [3, с. 34]. Аналагічныя прыклады можна сустрэць і ў перыяд княжання Жыгімонта Аўгуста нават у 1551 г.: «...Исаю Щолковичу на земли в повете Мстиславскомъ, у Запольи, Онисковы службы до воли и ласки господарское...» [4, с. 162]. Цікава, але ў першай палове XVI ст. умовы трымання зямлі шляхтай у Ашмянскім павеце, што сустракаюцца найчасцей, гэта «навечна». У той жа час «да воли» – толькі тры запісы [12, с. 29].

Зразумела, што спадкаемцы такіх землеўласнікаў звярталіся да вялікага князя за атрыманнем новай даравальнай граматы на зямлю. Звычайна ўлада ішла насустрач і пацвярджала прывілей на пэўны маёнтак, як гэта, напрыклад, зроблена ў адносінах да Пятра і Ігната Белікаў ў 1551 г. [12, с. 32]. Спадчынная зямля не магла непасрэдна пераходзіць да дзяцей, паколькі ў такіх выпадках не дзейнічаў дзесяцігадовы тэрмін даўнасці [5, с. 555].

Працэс падаравання зямель меў дастаткова рэгламентаваную працэдурную форму. Падставай для яго звычайна служыла просьба канкрэтнай асобы да вялікага князя, выказаная часцей за ўсё ў пісьмовай форме. У сувязі з просьбай гаспадар даваў распараджэнне (асабіста або

праз сваіх службовых асоб) перадаць пэўны ўчастак зямлі заяўшчыку. Гэтая працэдура называлася «править землю» [11, с. 66].

Абавязковым этапам у працэдурі падаравання зямлі была выдача спецыяльнай падаравальнай граматы. Заклучным жа этапам было «увязаньне», г. зн. увядзенне ў валоданне падараванай зямлёй. Дакладная форма «увязання» невядомая, аднак вучоныя мяркуюць, што працэдура была аналагічнай той, што практыкавалася ў пазнейшыя часы. Гэта значыць, што адпаведная грамата зачытвалася публічна перад насельніцтвам той мясцовасці, дзе знаходзілася падараваная нерухомасць, а затым разам з вопісам падаравання перадавалася новаму ўладальніку зямлі. Акрамя таго, акт рэгістраваўся ў кнігах мясцовага суда.

Прыняцце Статута Вялікага княства Літоўскага ў 1529 г. падвяло пэўную рысу ў развіцці зямельных адносін. Па Статуце 1529 г. маёнтак лічыўся вотчынай, калі ён знаходзіўся ў трымання ўладальніка і яго продкаў пры двух папярэдніх гаспадарках. Хоць вотчыннасць сваіх уладанняў можна было даказваць пры дапамозе сведкаў, землеўласнікі аддавалі перавагу дакументам. Таму яны пасылалі лісты да манарха з просьбамі пацвердзіць іх правы на маёнткі. Відаць, тут хутчэй былі не апасенні, што ўлада можа адабраць вотчыну, а засцярога ад магчымай просьбы кагосьці іншага на гэтую зямлю. Вотчыны адбіраліся і перадаваліся ва ўладанне іншым асобам толькі тады, калі іх уладальнікі не маглі служыць з яе земскую службу. Часам нават самі ўласнікі пакідалі зямлю па той жа прычыне. Але яе маглі вярнуць нашчадкі, калі служылі вайсковую службу.

У Статуце 1529 г. знайшла адлюстраванне і практыка XV ст. Раней купля-продаж данін была немагчымай без згоды вялікага князя. Гаспадарчае жыццё краіны патрабавала здзяйснення такіх здзелак. Таму цяпер былі дапушчаны як мена падараваных маёнткаў, так і іх адчужэнне: «теж дозволили есмо третью часть имени продати на вечность» [6, р. I, арт. 16]. Аналагічным было права наследавання зямлі. Калі братоў было некалькі, то кожны з іх мог атрымаць не больш за трэць зямлі. З іншага боку, можна было звярнуцца да вялікага князя за дазволам на набыццё пэўнай вотчыны. Так зрабіў епіскап смаленскі Іосіф, на што вялікі князь Аляксандр дазволіў яму набыць маёнтак Ярковічы на ўмове земскай службы [7, с. 182]. У 1551 г. тое ж зрабіў Жыгімонт Аўгуст, выдаўшы «потверженье Михайлу Фёдоровичу на село, названное Улино и куплю их» [4, с. 165].

Цэлая сістэма наследавання была выпрацавана ў ВКЛ. Па-першае, прасочваецца тэндэнцыя пераважнага захавання маёнткаў у прадстаўнікоў аднаго роду. Калі ўладальнік паміраў без дзяцей, то жонка яго пакідала зямлю сабе, але ў Статуце 1529 г. гэтае права

абмежавана толькі «венам» (г. зн. прыданым). Калі ў памёрлага засталіся дзеці, то яны, паводле артыкулаў 2, 4 і 7 раздзела 4, валодалі маёнткамі акрамя адзначанага пасага ўдавы, а да таго ж маглі яго выкупіць ці завалодаць ім пасля смерці маці [6].

Неабходна звярнуць увагу і на памеры зямскай службы з маёнткаў. Найперш трэба адзначыць, што Статутам увогуле не прадугледжвалася валоданне зямлей, не звязанае з адпраўленнем ваеннай павіннасці. Вышэй ужо гаварылася, што ўладанні шляхты адрозніваліся памерамі, а значыць – мелі розныя магчымасці. Таму дастаткова часта на соймах абмяркоўвалася пытанне пра колькасць воінаў з адзінкі падаткаабкладання. Так было, напрыклад, на Віленскім Сойме 1507 г., дзе была прынята пастанова аб правядзенні перапісу людзей у маёнтках [7, с. 9]. Прамое ўказанне на гэты конт было прынята на сойме 1528 г., у якім казалася, што «ижъ хто-колвек маеть людей в имених своихъ, тот повинен съ кождыхъ осми служоб людей ставити пахолка, на добром кони, во зброи, зъ дровомъ, с прапором, на котором бы былъ панцерь, прылбица, меч або корд» [7, с. 187–188]. Затым спасылка на гэтыя радкі была ўключана і ў Статут ВКЛ [6, р. II, арт. 1]. Тыя, хто меў менш двароў ці не меў іх увогуле, павінен быў сам ехаць на вайну.

Статут 1529 г. патрабуе, каб духоўныя асобы, якія валодаюць радавымі маёнткамі, таксама ехалі на вайну. Гэтыя артыкулы сталі важным дасягненнем шляхты ў імкненні абмежаваць царкоўнае землеўладанне.

Патрэбна адзначыць, што час ад часу ўлады праводзілі праверку правоў на зямлю. Гэтак, каралева Бона ў 1534 г. пачала такую працу ў Кобрынскім павеце, паводле якой усе зямляне-шляхта павінны былі дакументальна пацвердзіць правамернасць валодання сваімі маёнткамі. За тымі, хто меў адпаведныя дакументы, зямлю пакінулі. А між тым 22 сям’і кобрынскай шляхты не змаглі прадставіць ніякіх папер. У выніку каралева Бона канфіскавала гэтыя землі на сваю карысць [10, с. 31].

Аграрная рэформа Жыгімонта Аўгуста, распачатая як эксперымент у 1540-я гг. і працягнутая ва ўсіх дзяржаўных маёнтках у 1557 г., хоць і праводзілася на дзяржаўных землях, аднак закранула і шляхецкае землеўладанне. Акрамя праверкі праў на зямлю і канфіскацыі незаконных уладанняў, рэвізоры запісвалі ў цяглае насельніцтва шляхты, якая не прадставіла дакументаў аб сваім паходжанні. Імкненне рэвізораў акругліць дзяржаўныя ўладанні прымусіла далучыць да іх землі шляхты, прычым часта без належнай кампенсацыі [2, с. 169]. Невыпадкава, што аграрная рэформа ўзбудзіла незадаволенасць шляхты.

Настрой шляхты адлюстравваўся ў выступленнях на соймах перыяда 50–60-х гг. XVI ст.

Улічваючы цяжкае ваеннае становішча дзяржавы, шляхта выступіла з цэлым шэрагам абвінавачванняў у бок рэформы і імкнулася прымусіць лічыцца з яе маёмаснымі інтарэсамі.

Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. стаў адказам на тыя пытанні, якія ўзнімала шляхта, дабіваючыся пашырэння сваіх правоў. Зямельнае права па Статуце 1566 г. у асноўным паўтарала папярэдняе. Толькі асобныя аспекты былі ўдакладнены. Зразумелае супраціўленне шляхты наданню зямлі ў ВКЛ іншаземцам у Статуце 1566 г. было дэталізавана. Асноўны змест артыкула 9 раздзела 3 застаўся нязменным: «што ж в том панстве, Великом Князстве Литовском и во всех землях, ему прислухающих, достоинстей духовных и светских, городов, дворов и грунтов, староств в держаньи и поживаньи и вечностей жадных чужоземцам и заграничником, ана суседом того панства давать не маем». Вялікі князь абавязваўся даваць зямлю толькі «Литве, а Руси родичем старожитным и врожанцам Великого Князства Литовского и иных земель тому Великому Князству належащих» [13]. Статут 1566 г. тым не менш дапускаў магчымасць атрымання іншаземцам зямлі. Выключэнне з правіла датычыла толькі тых, хто стаў жыць ў Вялікім княстве Літоўскім «з ласки данины нашае, альбо которым иным правом». Аднак умовай трымання маёнткаў была зямская служба [13].

Шляхецкае саслоўе было асабліва незадаволена Статутам 1529 г. у той частцы, якая абмяжоўвала права распараджэння сваёй нерухомай маёмасцю. Сацыяльна-эканамічнае развіццё патрабавала ўключэння шляхецкіх маёнткаў у гаспадарчае жыццё. У Статуце 1566 г. усе абмежаванні былі захаваны. Але ў іншым артыкуле дазвалялася «своим станам шляхецкого народа, яко людям вольным... именьямы своими отчизными, материстами и яким же колвек обычаем набытыми шафовати, подле воли и подобанья своего отдати, продати, даровати, записати, заставити в долгу и в сумах заменяти завести» [13]. Урэшце, Статут 1566 г. дакладна вызначыў, хто павінен несці зямскую службу з прыватных маёнткаў [13].

Увогуле, шляхта дастаткова часта скардзілася на соймах на вялікі цяжар ваеннай павіннасці. Яшчэ на сойме 1531 г. станы казалі, што не могуць спраўляць зямскую службу ў памеры, устаноўленым у 1528–1529 гг. [14, с. 129]. У 1544 г. на Берасцейскім сойме была прынята пастанова, паводле якой землеўладальнікі павінны былі выстаўляць аднаго вершніка з дзевяці дымоў. Прычым шляхта жадала паменшыць ваенны цяжар, аднак вялікі князь настаяў на такім яго памеры. На Віленскіх соймах 1551 і 1554 гг. была захавана норма 1544 г. Аднак у 1563 г. перад ваеннай небяспекай шляхта абавязалася акрамя верш-

ніка выстаўляць пешых воінаў у такой прапорцыі, каб адзін пешы ратнік прыходзіўся на двух конных [15, с. 44].

У сувязі з земскай службай дастаткова дакладна можна прасачыць размеркаванне зямельных уладанняў сярод розных груп шляхецкага саслоўя. Перапіс войска 1528 г. паказвае, колькі вершнікаў выстаўляў кожны землеўладальнік. Колькасць выстаўляемага войска сведчыць пра распаўсюджанне буйнога землеўладання ў Вялікім княстве Літоўскім. Аналізуючы дакумент, можна заўважыць, што найбольшай колькасцю зямлі валодалі прадстаўнікі паноў-рады. Так, князь Ян, біскуп Віленскі, выстаўляў 236 коней. Гэта значыць, што яму належалі прыкладна 1900 сялянскіх дымоў, не ўлічваючы ўладанняў духоўных. Пан Гаштольд, ваявода Віленскі, выстаўляў 466 коней (больш за 3,5 тыс. дымоў), князь Канстанцін, ваявода Троцкі, – 426 коней [16, с. 50]. Асноўная ж маса прадстаўнікоў ваенна-служылага саслоўя была дастаткова беднай. Па падліках В. С. Мянжынскага, паводле перапісу 1528 г. у Берасцейскім павеце адсутнічала шляхта, якая выстаўляла больш за 9 вершнікаў, а толькі 7 з іх давалі ад 5 да 9 коней [16, с. 27]. Асноўная ж маса шляхты выпраўлялася на вайну сама, бо зямельныя ўладанні яе былі невялікія. Напрыклад, у гарадзенскім павеце толькі 10 чалавек выстаўлялі больш двух коней і ніхто – больш дзесяці [16, с. 94–95].

Заклучэнне. Такім чынам, да канца 60-х гг. XVI ст. землеўласніцкія правы шляхты дасягнулі той ступені, якой гэтага хацела сама шляхта. Як і палітычныя правы, правы маёмасныя пашыраліся пад ціскам знешняй небяспекі і таго руху, які разгарнулі ніжэйшыя пласты ваенна-служылага саслоўя за дасягненне правоў, якія мела шляхта польская. У гэтых абставінах арыстакратыя і вялікія князі вымушаны былі лічыцца з такімі памкненнямі, каб забяспечыць цэласнасць дзяржавы і не згубіць сваё становішча. І нарэшце, з гэтага часу можна казаць, што пасля доўгага працэсу эвалюцыі правоў шляхецкага саслоўя, што цягнуўся з канца XIV ст., гэты стан уяўляў з сабе роўную хаця б юрыдычна сацыяльную групу.

Літаратура

1. Довнар-Запольский, М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах: в 2 т. / М. В. Довнар-Запольский. – Киев: Тип. ун-та, 1901. – Т. 1. – 884 с.

2. Пичета, В. И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии / В. И. Пичета. – Минск, 1927. – Ч. 1. – 233 с.

3. Литовская Метрика. Книга записей 3 (1440–1498). – Вильнюс: Zaga, 1998. – 381 с.

4. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга запісаў 28 (1522–1552 гг.) / падрыхт. да друку В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. – Мінск: ATHENAEUM, 2000. – 312 с.

5. Любавский, М. К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута / М. К. Любавский. – М.: Унив. тип., 1892. – 884 с.

6. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Текст, перевод и словарь / Под ред. К. И. Ябловкиса. – Минск: Из-во АН БССР, 1960. – 253 с.

7. Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – Спб., 1848. – Т. 2. – 413 с.

8. Владимирский-Буданов, М. Ф. Очерки из истории Литовско-русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Киев: Унив. тип., 1889. – 52 с.

9. Лойка, П. А. Шляхта беларускіх зямель у гамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII стст. / П. А. Лойка. – Мінск: БДУ, 2002. – 99 с.

10. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – М.: Об-во истории и древностей рос., 1915. – 401 с.

11. Доўнар, Т. І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях / Т. І. Доўнар. – Мінск: Пропілея, 2000. – 224 с.

12. Менжинский, В. С. Феодальное земле-владение в Западной Белоруссии во второй четверти XVI в. / В. С. Менжинский // Крестьяне и сельское хозяйство России в XIV–XVIII вв. – М., 1989. – С. 24–41.

13. Статут Великого княжества Литовского 1566 г. и поправки статутковыя 1578 г. // Временник Московского общества истории и древностей российских. – М., 1855. – Кн. 23. – 189 с.

14. Максимейко, Н. А. Сеймы литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко. – Харьков: Тип. А. Дарре, 1902. – 205 с.

15. Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – Спб., 1850. – Т. 3. – 279 с.

16. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. Метрыка ВКЛ. Кн. 523. / Падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Бел. навука, 2003. – 444 с.

А. У. Казакоў, аспірант

ЭМІГРАНТЫ З РУСКІХ ЗЯМЕЛЬ У ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ (СЯРЭДЗІНА XV – 30-Я ГГ. XVI СТСТ.): САЦЫЯЛЬНЫ СКЛАД

The article is devoted to the social stratification of the mass of nobles that emigrated from principalities of Rus' to the Grand Duchy of Lithuania during the period from the mid XV century to the end of 1530th. Among emigrants different strata of Russian noble class were represented. They can be divided into two big groups – princes and untitled nobility. The first group consists of grand princes, appanage princes and service princes. Within the second group two categories are marked out (relatively to some extend): boyar aristocracy and minor untitled nobility (deti boyarskie).

Уводзіны. З сярэдзіны XV і да канца 30-х гг. XVI стст. усходнюю мяжу Вялікага княства Літоўскага перасяклі і назаўсёды засталіся ў гэтай дзяржаве прадстаўнікі розных катэгорый прывілеяванага саслоўя зямель Русі. Паходжанне эмігрантаў (сацыяльная і родавая прыналежнасць) нярэдка прадвызначала палітыку ўладаў ВКЛ у адносінах да чужынцаў. Акрамя таго, прычыны і матывы ад'езду прадстаўнікоў розных сацыяльных катэгорый не былі аднолькавымі [1, с. 36]. Таму адной з патрабуючых вырашэння праблем, якія стаяць перад даследчыкам пры вывучэнні гісторыі эміграцыі знаці з рускіх зямель у ВКЛ, з'яўляецца дыферэнцыяцыя масы перасяленцаў па сацыяльнай прыкмеце. Нягледзячы на павышэнне ў апошні час інтарэса да тэмы ў айчыннай і расійскай гістарыяграфіі, дагэтуль не рабілася спроб прааналізаваць сацыяльны склад эмігрантаў з рускіх зямель, што перасяліліся ў ВКЛ у перыяд з сярэдзіны XV і да канца 30-х гг. XVI стст. Выкананне гэтай задачы і з'яўляецца мэтай дадзенага артыкула.

Асноўная частка. На працягу акрэсленага перыяду ў ВКЛ з'явіліся князі з удзельных родаў Маскоўскай дзяржавы, з Разанскай зямлі і Цвярскага княства: Васіль Яраславіч, князь Бораўскі, Іван Васільевіч Яраславіч, Іван Дзмітрыевіч Шамячыч, Іван Андрэевіч Мажайскі, Васіль Міхайлавіч Вярэйскі Удалы, Міхаіл Барысавіч Цвярскі, Іван Іванавіч Разанскі.

Маскоўская ўдзельная арыстакратыя была прадстаўлена ў ВКЛ наступнымі асобамі, якія эмігравалі сюды ў сярэдзіне – канцы XV ст.

Васіль Яраславіч, князь Бораўскі і Серпухоўскі, быў нашчадкам Івана Данілавіча Каліты – вялікага князя маскоўскага. Сын апошняга Андрэй атрымаў Бораўск у якасці ўдзела. Васіль Яраславіч даводзіўся ўнукам герою Кулікоўскай бітвы Уладзіміру Андрэевічу Харобраму, стрыечнаму брату вялікага князя Дзмітрыя Іванавіча Данскога [2, с. 238]. В. Я. Бораўскі з'явіўся ў ВКЛ на працяглы час, тады як яго сын *Іван Васільевіч* асеў там назаўсёды. Як бацька, так і сын былі вядомы ў ВКЛ пад родавым празваннем *Яраславіч* (Ярославич, Ярославович).

Іван Дзмітрыевіч Шамячыч быў сынам удзельнага князя Галіцкага Дзмітрыя Юр'евіча

Шамякі і праўнукам Дз. Данскога [2, с. 238; 3, с. 60, схема 7]. Бацька І. Шамячыча працяглы час аспрэчваў права на вялікакняскі маскоўскі пасада у свайго стрыечнага брата Васіля II Васільевіча і нават на невялікі перыяд заняў яго.

Іван Андрэевіч Мажайскі, таксама, як і Дз. Шамяка, даводзіўся стрыечным братам вялікаму князю Васілю II і ўнукам Дз. Данскому. Ад апошняга бацька Івана Андрэевіча атрымаў ва ўдзел Мажайск [2, с. 238]. І. А. Мажайскі, разам з Васілём Яраславічам Бораўскім і Дз. Шамякам, былі аднымі з галоўных дзеючых асоб міжусобнай барацьбы ў Маскоўскай дзяржаве 1425–1453 гг. [4, с. 134–135].

Васіль Міхайлавіч Вярэйскі Удалы быў старэйшым сынам Міхаіла Андрэевіча, унука Дзмітрыя Данскога і роднага брата І. А. Мажайскага [2, с. 238]. Міхаіл Андрэевіч, атрымаўшы Вярэю і Белавозера, паклаў пачатак роду князёў Вярэйскіх.

Эмігрантам з Цвярскай зямлі быў нашчадак і апошні прадстаўнік цвярскага вялікакняскага дома *Міхаіл Барысавіч*.

У розны час у ВКЛ з'явіліся *Фёдар Іванавіч*, яго сын *Юрый* і *Дзмітры Андрэевіч Пронскія* – удзельныя князі Разанскай зямлі. Род Пронскіх вылучыўся з лініі Разанскіх князёў, якія былі адгалінаваннем Вольгавічаў, ці чарнігаўскіх Рурывічаў [5, дадатак, табл. VII]. Пронскія князі прыгаводзілі ў шэрагу з разанскімі і мурамскімі яшчэ ў 1131 г. У пачатку XV ст. яны выступілі сур'ёзнымі сапернікамі князёў разанскіх у барацьбе за вяршэнства ў сваім рэгіёне.

У XVI ст. спіс эмігрантаў з ліку вышэйшай арыстакратыі рускіх зямель папоўніў *Іван Іванавіч*, вялікі князь разанскі. Ён, таксама як і М. Б. Цвярскі, стаў апошнім прадстаўніком свайго роду і апошнім палітычным лідэрам свайго княства.

З ліку служылай тытулаванай знаці ў ВКЛ эмігравалі наступныя асобы: Давід Кубенскі, Іван Львовіч Барацінскі, Дзмітры Іванавіч Губка Шуйскі, Сямён Фёдаравіч Бельскі, Мацвей Мікіцініч. Усе яны, акрамя Д. Кубенскага, ад'ехалі ў першай трэці XVI ст.

Давід Кубенскі паходзіў з роду Заазерскіх-Кубенскіх, якія былі адгалінаваннем Яраслаўскіх князёў [6, с. 93–94]. Гэта асоба невядома па

радаслоўях, але прыгадваецца ў ВКЛ сярод людзей князя Сямёна, сына Івана Дзмітрыевіча Шамячыча [7, с. 11]. Дз. Шамяка быў у сваяцтве з Заазерскімі-Кубенскімі праз шлюб з дачкой Дзмітрыя Васільевіча Заазерскага [6, с. 94].

Род *Івана Львовіча Барацінскага* быў адгалінаваннем роду Мезецкіх, якія ў сваю чаргу паходзілі ад Чарнігаўскіх князёў. Родапачынальнікам Барацінскіх быў князь Аляксандр, сын Андрэя Усеваладавіча [8, с. 7–8]. Сваё родавае імя Барацінскія атрымалі ад назвы воласці на р. Клязьме-Барацін, якой валодаў Аляксандр Андрэевіч (памёр да 1443 г.). Калі ягоны ўнук Іван Львовіч эміграваў у ВКЛ, Барацінскія знаходзіліся на маскоўскай службе (з 1494 г.).

Дзмітры Іванавіч Губка Шуйскі быў прадстаўніком адной з дзвюх асноўных галін суздальскіх князёў. Суздальска-Ніжэгародскае княства згубіла сваю самастойнасць у канцы XIV ст. Паводле тэстаменту Васіля I маскоўскага Ніжні Ноўгарад павінен быў адысці яго сыну Васілю, але Суздаль там не прыгадваецца. Магчыма, у ім сядзелі напаўзалежныя ад Масквы князі. У 1461–1462 г. Васіль II Цёмны перадаў Суздаль свайму сыну Івану [6, с. 67]. Бліжэйшыя сваякі збеглага ў ВКЛ Івана Дзмітрыевіча знаходзіліся на маскоўскай службе і адыгрывалі значную ролю ў дзяржаўным жыцці ВКМ у канцы XV – першай трэці XVI стст.

Сямён Фёдаравіч Бельскі вёў свой род ад вялікага князя літоўскага Альгерда. Яго ўнука Івана Уладзіміравіча прынята лічыць родапачынальнікам Бельскіх [8, с. 3; 3, с. 55], хоць, як адзначае Ю. Вольф, дакладна невядома, хто менавіта атрымаў у спадчыну г. Белая на маскоўскім памежжы – князь Іван Уладзіміравіч ці яго дзеці (сам І. У. Бельскі «носіць» гэта родавае празванне толькі ў крыніцах больш позняга паходжання) [8, с. 3]. Сын Івана Уладзіміравіча і бацька Сямёна Фёдар браў удзел у раскрытай змове супраць вялікага князя Казіміра, з-за чаго ў 1481–1482 г. быў вымушаны ратавацца ўцёкамі ў ВКМ; у 1500 г. за ім паследаваў ягоны брат Сямён. Там Бельскія былі набліжаны да вялікакняскага двара, аб чым, у прыватнасці, сведчыць шлюб паміж Іванам Фёдаравічам і пляменніцай Івана III Ганнай Васільеўнай Разанскай. Ф. І. Бельскі і тры яго сыны, у тым ліку сам Сямён Фёдаравіч, да сваіх уцёкаў у ВКЛ адыгрывалі прыкметныя ролі ў дзяржаўна-палітычным жыцці Маскоўскай дзяржавы [6, с. 124–127; 9, с. 99–100].

Мацвей Мікіцініч з’яўляўся служэбнікам вялікай княгіні літоўскай і каралевы польскай Алены Іванаўны, дачкі вялікага князя маскоўскага Івана III. Яго паходжанне дагэтуль застаецца дакладна невядомым. Спынімся падрабязней на існуючых версіях.

Нашчадкі М. Мікіцініча ў другой палове XVI ст. сталі ўжываць найменне Галоўчынскіх

(ад назвы аднаго з належаўшых ім маёнткаў – Галоўчын), а ў XVII ст. пачалі выкарыстоўваць імя Рапалоўскіх [8, с. 116]. Рапалоўскія былі адным з адгалінаванняў Старадубскіх князёў, добра вядомым ў ВКМ у XV–XVI стст. [6, с. 40–42]. Гэта дазволіла К. Нясецкаму выводзіць род Мікіцінічаў з Севершчыны [10, с. 364]. У вядомых радаслоўных запісах Рапалоўскіх, аднак, аб Мікіцінічах няма ніводнай згадкі. Ю. Вольф асцярожна дапускае існаванне сувязі Мікіцінічаў з Рапалоўскімі, але не робіць больш канкрэтных высноў [8, с. 116].

Спробу праліць святло на паходжанне Мацвея Мікіцініча (у сувязі з радаслоўем князёў Пуцяціных) зрабіў у рамках невялікага даследавання У. Бязроднаў. Ён прыйшоў да высновы, што М. Мікіцініч належыў да адной з галін Старадубскіх князёў [11, с. 31–33]. Але гэтая версія яго паходжання не ўяўляецца пераканаўчай [12, с. 80].

Такім чынам, вышэйшы сацыяльны пласт эмігранцкай знаці складалі ўдзельныя князі Маскоўскай дзяржавы і Разанскай зямлі, уладары Разані і Цвяры, а таксама прадстаўнікі служылых княскіх родаў Русі.

Колькасна, аднак, гэту катэгорыю пераўзыходзіла нетытулавая знаць, якая таксама не ўяўляла сабой аднароднай масы. Тут былі прадстаўлены як вядомыя баярскія, так і дробныя служылыя роды. Да першай з названых груп можна аднесці наступных асоб.

Міхаіл Дзмітрыевіч Шарап паходзіў са старадаўняга роду, пачынальнікам якога лічыцца легендарны Аляксандр Нетша, нібыта прыехаўшы ў Маскву з Нямеччыны пры Іване Каліце. Нетшычы розных галін служылі пры дварах маскоўскіх вялікіх і ўдзельных князёў, у тым ліку І. А. Мажайскага і В. Я. Бораўскага (Яраславіча), некаторыя з іх нават уваходзілі ў вялікакняскую думу. М. Д. Шарап збег у ВКЛ разам з В. М. Вярэйскім [6, с. 254–257]. Там, аднак, знаходзім яго на службе І. В. Яраславічу. Гэта можна патлумачыць даўнімі сувязямі яго родзічаў з Яраславічамі-Бораўскімі.

Юрый Елізаравіч Гусеў належаў да фаміліі Дабрынскіх, якія выводзілі свой род ад легендарнай асобы багатыра Радзегі (Редэга). Прадстаўнікі гэтага роду, таксама як і Нетшычаў, служылі розным князям, але найбольшага поспеху дасягнулі тыя, што звязалі свой лёс з маскоўскім дваром. Бацька ж Юрыя Елізар Васільевіч Гусеў быў на службе ў І. А. Мажайскага [6, с. 220–223].

Іван Цімафеевіч Юрлоў быў прадстаўніком старадаўняй баярскай фаміліі Пляшчэевых. Яго продкі паходзілі з Чарнігаўскай зямлі, але яшчэ ў пачатку XIV ст. пачалі служыць у Маскве, займаючы не апошнія пасады пры дварах. Бацька І. Юрлова Цімафей Міхайлавіч Юрло Пляшчэеў у канцы XV ст. нават уваходзіў у думу (прыгадваецца ў якасці акольнічага). Сам Іван Цімафеевіч таксама служыў пры дварах Івана III [6, с. 197].

Іван Васільевіч Лядскі (Ляцкі) – найбольш знакаміты прадстаўнік маскоўскай баярскай арыстакратыі сярод эмігрантаў. Ён належаў да роду Кошкіных – адной са старамаскоўскіх сем’яў, якая паходзіла ад Фёдора Кошкі, сына баярына Андрэя Кабылы, каторы даў пачатак некалькім буйным родам. Бацька Івана Васільевіча – Васіль Захар’евіч – меў уладанні на Ляцкім пагосце Шалонскай пяціны, ад чаго і атрымаў празванне «Ляцкі», якое замацавалася за нашчадкамі. В. З. Лядскі не праявіў сябе на дзяржаўнай службе (магчыма, з-за ранняй смерці), а вось яго браты Якаў і Юры сталі буйнымі палітычнымі і вайсковымі дзеячамі пры Іване III, былі думнымі баярамі [6, с. 183–185]. Сам І. В. Лядскі, нягледзячы на адсутнасць падтрымкі з боку бацькі, заняў высокае месца ў дзяржаўнай іерархіі пры Васілі III.

Найбольш шырока, што не дзіўна, сярод эмігранцкай знаці былі прадстаўлены дробныя служылыя роды. Так, пры вялікім князе Казіміры ў ВКЛ прыехалі Панфілавы (Панфілавічы), Пантусавы (Пантусовічы) і Шчарбовы (Шчарбовічы), якія на працягу не аднаго пакалення служылі гаспадарскімі сакольнікамі ў Навагародку [13, арк. 106 (адв.)–108]. Разам з Аленай Іванаўнай з Маскоўскай дзяржавы выехалі Семічавы [7, с. 173, 226–227, 251, 254, 481; 14, арк. 116 (адв.)–117]. У першай трэці XVI ст. у ВКЛ прыгадваюцца Аляксандравы, Вешняковы, Гарбузавы, Зузіны, Разанцавы, Шышкіны, Ярлыковы, Ярцовы і многія іншыя выхадцы з рускіх зямель.

Захаваліся звесткі і аб зусім нерадавітых прадстаўніках службы саслоўя Русі, выехаўшых у ВКЛ. Часта крыніцы паведамляюць толькі іх імя альбо мянушку, што робіць немагчымым дакладнае высвятленне паходжання гэтых асоб. Так, у запісах «отправ» Жыгімонта I ад 1507 г. у асобныя рубрыкі вылучаны «москвичи». З гэтых фрагментаў дакумента нам становіцца вядома, што харчаванне і грошы ад гаспадара павінны былі атрымаць *Остафеи, Ивашка, Данила, Иван, Васка, Ларивон, Слепец, Федор, Черкас* [15, с. 399–400]. Там жа грашовыя сумы прызначаліся «Тферичом»: *Игнату, Петру, Василью* [15, с. 400]. У 1516 г. на сваволью віленскага канюшага скардзіліся «москвичи» *Тишко, Федько, Васюк* [16, слп. 404–405].

Нярэдка акрамя імя і мянушкі крыніцы паведамляюць і імя па бацьку асобы, напрыклад: *Михал Степанов сын, Степан Федоров сын* [17, с. 161]. У некаторых выпадках, аднак, не ўдаецца ўстанавіць, што маецца на ўвазе – імя бацькі, дзеда ці родавае празванне. У запісах «данин» Казіміра, напрыклад, прыгадваецца масквіцін *Семен Галарев* [18, с. 35]. У перапісе «дворян всех короля его милости у Великом князстве» у рубрыцы «москвичи новые» названы *Василеи Борисов, Павел Фимин, Гридя Ермолин* і інш.

[15, с. 165]. Тут *Галарев, Борисов, Фимин, Ермолин* з роўнай ступенню верагоднасці могуць выступаць у якасці адной з названых ідэнтыфікуючых прыкмет.

Неабходна адзначыць, што многія эмігранты выступаюць у дакументах метрыкі ВКЛ пад трохчленнымі найменнямі, дзе адзін з трох элементаў можа быць родавым празваннем, напрыклад: *Поросуков Иван Степанович* [19, с. 165]. У адным з выпадкаў гэта амаль не выклікае сумнення: пад 1516 г. згадваецца «москвитин» *Григорей Унковский* [20, с. 308]. Але нават пры наяўнасці такой інфармацыі высветліць з пэўнай ступенню дакладнасці, ад каго паходзілі, які статус мелі і каму служылі яго родзічы, не дазваляе стан крыніц, хоць само імя сустракаецца ва ўказной грамаце вялікага князя маскоўскага ад 27 жніўня 1538 г. Яе адрасатамі з’яўляліся Г. Ф. Забалоцкі і *Р. В. Унковский*, відаць, цвярскія пісцы [21, с. 9]. Аднак знайсці нейкую сувязь паміж Ункоўскім, вядомым па метрыцы ВКЛ, і Ункоўскім, выступаючым у названай маскоўскай грамаце, не ўяўляецца магчымым, хоць, гіпатэтычна, яна магла існаваць.

Супастаўленне такіх антрапанімічных дадзеных можа быць выніковым у тых выпадках, калі гаворка ідзе аб вядомых імёнах. Так, пад 1487 г. сярод служэбнікаў князя Сямёна Шамячыча прыгадваецца вышэйзгаданы князь Давід Кубенскі. Сямён быў сынам эміграваўшага ў ВКЛ Івана Дзмітрыевіча і ўнукам Дзмітрыя Шамякі. М. М. Кромам было заўважана, што апошні меў сярод сваякоў князёў Заазерскіх-Кубенскіх. Такім чынам, мы можам меркаваць, што некаторыя з іх патрапілі ў ВКЛ разам з князем Іванам і там працягвалі службу Шамячычам [3, с. 65]. Неабходна дадаць, што ніякіх іншых родаў, якія б прызываліся Кубенскімі, не вядома ні ў ВКЛ, ні ў Маскоўскай дзяржаве.

Трэба адзначыць, што, на жаль, з-за адсутнасці крыніц маскоўскага паходжання першай паловы XVI ст., якія б утрымлівалі больш-менш рэпрэзентатыўныя спісы шараговага баярства, а таксама нярэдка з-за нізкай інфарматыўнасці «літоўскіх» крыніц высвятленне паходжання многіх эмігрантаў (род, зямля/ княства) альбо не прадстаўляецца магчымым, альбо магчыма толькі гіпатэтычна з рознай ступенню верагоднасці ў кожным канкрэтным выпадку.

Заклучэнне. Такім чынам, масу эмігрантаў з ліку прывілеяванага саслоўя зямель Русі ў ВКЛ можна падзяліць на дзве вялікія катэгорыі: тытулаваную і нетытулаваную знаць. Першая, колькасна меншая, складаецца з дзвюх груп – удзельных і вялікіх князёў і служылых князёў. Другая дзельца (з пэўнай доляй умоўнасці) на баярскаю арыстакратыю і дзяцей баярскіх. Правесці больш дакладную дыферэнцыяцыю апошняй з названых груп не дазваляюць крыніцы.

Літаратура

1. Кром, М. М. «Отъезды» московской знати в Литву во второй четверти XVI в. / М. М. Кром // Феодальная Россия. Новые исследования: сб. науч. ст.; под ред. М. Б. Свердловова – СПб., 1993. – С. 34–37.
2. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографической комиссией: в 24 т. / СПб.; Л.: Типография Э. Праца, 1841–1921. – Т. 7.: Летопись по Воскресенскому списку. – 1856. – 345 с.
3. Кром, М. М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI вв. / М. М. Кром. – М.: Археографический центр, 1995. – 304 с.
4. Казакоў, А. У. Абставіны і вынікі княскай эміграцыі з Маскоўскай дзяржавы ў Вялікае княства Літоўскае ў другой палове XV ст. // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2007. – Вып. XV. – С. 134–137.
5. Экземплярский, А. В. Великие и удельные князья в татарский период, с 1238 по 1501 г.: биограф. очерки: в 2 т. / А. В. Экземплярский. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. – Т. 2: Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. – X, 696 с.
6. Зимин, А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. / А. А. Зимин. – М.: Наука, 1988. – 350 с.
7. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, 1487–1533 / под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник Императорского русского исторического общества. – СПб.: Университетская типография, 1882. – Т. 35 (1). – 872 с.
8. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. – XXV, 698 s.
9. Кром, М. М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский / М. М. Кром // Очерки феодальной России: сб. науч. ст., под ред. С. Н. Кистерева. – 2000. – Вып. 4. – С. 98–115.
10. Herbarz polski Kaspra Niesieckiego S. J.; powiększony dodatkami z późniejszych autorów, rękopismów i dowodów urzędowych i wydany przez Jana Nep. Bobrowicza: w 10 t. – Lipsk [Leipzig]: nakładem i drukiem Breitkopfa Haertela, 1839–1845. – Т. VII. – 1841. – 652 s.
11. Безроднов, В. Родословие князей Стародубских и происхождение князей Путятиных (по материалам синодика князей Микитиничей-Головчинских) / В. Безроднов // Генеалогический вестник. – СПб., 2001. – Вып. 3. – С. 31–34.
12. Казакоў, А. У. Князь Мацвей Мікіцініч: паходжанне і эміграцыя / А. У. Казакоў // Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. / Республиканский институт высшей школы. – Минск, 2008. – Вып. 1. – С. 77–83.
13. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд КМФ-18. – Спр. 19. «Тые справы почали приехавшы господарю королю Жыгимонту до Кракова лета божего 1535, мца августа 7 дня, инд. 8, за пана Михайла писара и державцу медницкого». 1535–1537.
14. НГАБ. – Фонд КМФ-18. – Спр. 226. Каралеўскія рашэнні. 1529–1534.
15. Lietuvos Metrika. Kn. 8 (1499–1514): Užrašymų knyga 8 / Lietuvos istorijos institutas; parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. – 709 p.
16. Литовская метрика. Отд. 1. Ч. 2. Книги судебных дел // Русская историческая библиотека. Т. 20 (1). – СПб.: Сенатская типография, 1903. – VII, 290 с., 1566 стб., 152 с.
17. Антонов, А. В. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века / А. В. Антонов, М. М. Кром // Архив русской истории. – М., 2002. – Вып. 7. – С. 149–196.
18. Lietuvos Metrika. Kn. 3 (1440–1498): Užrašymų knyga 3 / Lietuvos istorijos institutas; parengė L. Anužytė, A. Baliulis. – Vilnius: Žara, 1998. – 165 p.
19. Lietuvos Metrika. Kn. 227 (1533–1535): Teismų bylą knyga 8 / Vilniaus universitetas; I. Valikonite [ir kt.]. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1999. – 400 p.
20. Lietuvos Metrika. Kn. 9 (1511–1518): Užrašymų knyga 9 / Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; K. Pietkiewicz. – Vilnius: Żara, 2002. – 615 p.
21. Кром, М. М. Политический кризис 30–40-х годов XVI века (постановка проблемы) / М. М. Кром // Отечественная история. – 1998. – № 5. – С. 3–19.

П. С. Кручак, дацэнт

ЛІБЕРАЛЬНЫ НАКІРУНАК У БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ Ё ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТСТ.

The article dwells upon the process of formation of Belarusian historic science at the end of the XIX and the beginning of the XX centuries. These were three directions in Belarusian historiography – official-clerical, liberal and national-democratic. It was the representatives of the liberal direction who scientifically refuted the official-clerical conception of history of Belarus and laid the basis for formation of an national-democratic direction in Belarusian historiography.

Уводзіны. Другая палова ХІХ – пачатак ХХ стст. – гэта перыяд станаўлення беларускай гістарычнай навукі. Беларуская гістарыяграфія ў гэты час развівалася ў цеснай сувязі з этнаграфіяй, філалогіяй і фалькларыстыкай. Дзякуючы дзейнасці такіх вядомых этнографіаў, як П. Шэйн, Я. Раманаў, М. Доўнар-Запольскі, і некаторых іншых расійскае грамадства ўпершыню пазнаёмілася з Беларуссю, з асаблівасцямі матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў.

Да гэтага часу вывучэннем мінулага Беларусі займаліся ў асноўным польскія гісторыкі, якія разглядалі яе ў рэчышчы польскай гісторыі. Да сярэдзіны ХІХ ст. расійскія вучоныя на гісторыю Беларусі ўвагі звярталі вельмі мала.

Сітуацыя змянілася пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг., калі царскі ўрад узяў курс на ўзмацненне палітыкі русіфікацыі. Для дасягнення гэтай мэты былі мабілізаваны ўсе адміністрацыйныя, матэрыяльныя і навуковыя рэсурсы. Перад навукоўцамі была пастаўлена задача абгрунтавана даказаць, што Паўночна-Заходні край з’яўляецца спрадвечна рускім, а беларусы – гэта састаўная частка адзінага рускага племені, толькі сапсаваныя польскім уплывам. У такіх складаных умовах і адбывалася станаўленне беларускай гістарычнай навукі.

У беларускай гістарыяграфіі дадзенага перыяду можна вызначыць тры асноўныя накірункі – афіцыйна-клерыкальны, ліберальны і нацыянальна-дэмакратычны. Прадстаўнікі першага з іх наогул не прызнавалі існавання самастойнага беларускага этнасу. Усю гісторыю Беларусі да канца ХVІІІ ст. яны разглядалі як перыяд цемры і масавай паланізацыі. І цяпер, пасля ўз’яднання з Расіяй, беларусы, на іх думку, павінны як мага хутчэй зліцца з брацкім рускім народам. Прадстаўнікі нацыянальна-дэмакратычнага накірунку, наадварот, адстойвалі самабытнасць беларускага народа і яго права на нацыянальнае самавызначэнне. Прадстаўнікі ліберальнага накірунку займалі ў гэтых пытаннях больш памяркоўныя пазіцыі.

Асноўная частка. Трэба адзначыць, што ліберальны накірунак у беларускай гістарыяграфіі прадстаўлены менш ярка. Гэта было звязана перш за ўсё з тым, што ў Беларусі адсутнічалі свае навуковыя і універсітэцкія цэнтры, у якіх і пераважае, у асноўным, ліберальная інтэліген-

цыя. Таму большая частка беларускіх гісторыкаў была вымушана працаваць за межамі краю – ва універсітэцкіх цэнтрах Расійскай імперыі. Сярод такіх вучоных ліберальнага накірунку можна назваць перш за ўсё ўраджэнцаў Беларусі Я. Ф. Карскага і І. І. Лапа, а таксама ўраджэнца Расіі, які плённа працаваў на ніве вывучэння мінулага Беларусі, М. К. Любаўскага. Навуковая дзейнасць гэтых вучоных адбывалася ў вельмі неспрыяльных умовах. Афіцыйныя ўлады Расійскай імперыі не прызнавалі існавання самастойнага беларускага этнасу са сваімі моўнымі і культурнымі асаблівасцямі, адмаўлялі беларусам не толькі ў праве на гістарычную будычыню, але і ў існаванні ў іх самабытнага гістарычнага мінулага. У гэтых умовах працы беларускіх ліберальных гісторыкаў мелі асаблівую каштоўнасць.

Я. Ф. Карскі вядомы перш за ўсё як выдатны лінгвіст і заснавальнік беларускага мовазнаўства. Найбольш плённы перыяд яго навуковай дзейнасці прыйшоўся на час працы вучонага ў сценах Варшаўскага універсітэта. Тым не менш, яго шматгранная навуковая дзейнасць мела вялікае значэнне для фарміравання гістарычнай самасвядомасці беларускай нацыі. Актыўная творчая дзейнасць вучонага прыйшла на той перыяд, калі ў нашай гістарычнай навуцы панавала канцэпцыя «заходнерусізму». У гэтых умовах з’яўленне даследаванняў Я. Карскага, у якіх на аснове грунтоўных навуковых падыходаў раскрывалася самабытнасць беларускага этнасу, паказавалася яго моўная і культурная сваеасаблівасць, мела вялікую значымасць.

Першай у гэтым сэнсе значнай працай вучонага з’явілася даследаванне «Обзор звуков и форм белорусской речи». Праца была напісана на аснове параўнаўчага аналізу старадаўніх літаратурных і гістарычных крыніц з жывой гутарковай беларускай мовай. Асабліва каштоўным было тое, што аўтар выкарыстоўваў шматлікія неапублікаваныя старадаўнія рукапісы. Усё гэта дазволіла яму зрабіць выснову, што сучасная беларуская мова мае цесную сувязі з мовай старадаўніх беларускіх літаратурных помнікаў [1, с. 212].

Грунтоўныя гісторыка-філалагічныя даследаванні дазволілі Я. Карскаму звярнуцца да

вырашэння праблемы этнагенэзу беларускага народа. Асаблівае месца ў гэтым сэнсе займае трохтомная праца Я. Карскага «Белорусы» – фундаментальнае даследаванне па гісторыі беларускай мовы і літаратуры. Гэта праца базіравалася на вялікай колькасці пісьмовых і этнаграфічных крыніц, большую частку з якіх вучоны сабраў пад час фальклорных і этнаграфічных экспедыцый па Беларусі і Літве. Гэта дало яму магчымасць дакладна вызначыць тэрытарыяльныя межы распаўсюджвання беларускай мовы, што ў сваю чаргу дазволіла скласці карту рассялення беларускага этнасу. Упершыню такая карта была надрукавана ў 1917 г.

У пешым томе «Белорусов» Я. Карскі прыходзіць да высновы, што ўжо к XIV ст. са старажытнарускіх плямён крывічоў, дрыгавічоў і радзімічаў сфарміравалася беларуская народнасць [2, с. 112]. Гэта выснова, зробленая на базе вялікай колькасці фактаў, мела не толькі навуковае значэнне. Яна з’яўлялася сваеасаблівым навуковым падмуркам пад імкненнем беларускай інтэлігенцыі разгарнуць барацьбу за нацыянальнае адраджэнне.

Трэба адзначыць, што Я. Карскі не абмяжоўваўся толькі навуковым абгрунтаваннем праблем беларусазнаўства. Ён сам з’яўляўся актыўным удзельнікам беларускага нацыянальна-культурнага руху. Вучоны вёў актыўную перапіску з такімі вядомымі беларускімі вучonymі і грамадскімі дзеячамі, як М. Доўнар-Запольскі, П. Шэйн, М. Нікіфароўскі, Е. Раманаў, В. Ластоўскі, Я. Лёсік, Ф. Турук і інш. У 1917 г. Я. Карскі з’яўляўся ўдзельнікам і ганаровым старшынёй першага ўсебеларускага з’езда, на якім прадстаўнікі беларускага народа ўпершыню ў гісторыі паспрабавалі самастойна вырашыць свой далейшы лёс.

Такім чынам, навуковыя працы Я. Карскага, яго грамадская і культурна-асветніцкая дзейнасць з’явіліся значным фактарам развіцця нацыянальнай самасвядомасці беларусаў і іх нацыянальнай культуры ў другой палове XIX – пачатку XX стст.

Другі відны прадстаўнік беларускай ліберальнай гістарыяграфіі І. І. Лапа большую частку сваёй навуковай дзейнасці правёў у Юр’еўскім універсітэце. Яго асноўныя працы былі прысвечаны даследаванню сацыяльна-палітычнай гісторыі Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст., яго дзяржаўных устаноў і сацыяльнай структуры грамадства. Вялікую ўвагу вучоны ўдзяляў крыніцазнаўчаму аналізу Літоўскай Метрыкі, у якой былі сабраны важнейшыя дакументы вялікакняжаскай канцэлярыі.

Прааналізаваўшы шматлікія гістарычныя крыніцы, І. Лапа прыйшоў да высновы, што і пасля заключэння Люблінскай уніі беларуска-літоўскія землі захоўвалі сваю адасобленнасць ад Польшы, і перш за ўсё ў прававых адносінах [3, с. 228].

Вялікую ўвагу І. Лапа ўдзяляў аналізу сацыяльнай структуры ВКЛ, і ў першую чаргу сацыяльна-палітычнаму становішчу шляхецкага саслоўя. Пры гэтым ён вывучаў сацыяльную структуру ВКЛ не толькі на агульнадзяржаўным узроўні, але і спрабаваў аналізаваць яе рэгіянальныя асаблівасці. Усё гэта рабілася для больш поўнага разумення ролі ўсходнеславянскага элемента ў гісторыі польскай дзяржавы.

Вельмі моцны ўдар па «заходнерусісцкай» версіі гісторыі ВКЛ нанесли працы расійскага ліберальнага гісторыка М. К. Любаўскага. Найбольшую цікавасць выклікаюць дзве яго працы – «Очерки истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно» і «Основные моменты истории Белоруссии». Гісторык выдзяляе 4 перыяды у беларускай гісторыі: 1. Кіеўскі (IX–XII стст.); 2. Літоўскі (XIII – сяр. XVI стст.); 3. Польшка-літоўскі (другая палова XVI–XVIII стст.); 4. Рускі (XIX – пач. XX стст.). Як бачна, за крытэрыі сваёй перыядызацыі гісторык узяў фактар уваходжання беларускіх зямель у склад той ці іншай дзяржавы.

Першы перыяд беларускай гісторыі разглядаўся М. Любаўскім вельмі схематычна. Родапачынальнікам беларусаў вучоны лічыў усходнеславянскае племя крывічоў, якое насяляла басейны 3. Дзвіны і вярхоўе Дняпра. Зачаткі беларускай дзяржаўнасці гісторык бачыў у Полацкім княстве. Ён адзначаў, што полацкія князі заўжды з’яўляліся заклетымі ворагамі Кіева і імкнуліся да поўнай незалежнасці ад яго. Вытокі гэтага сепаратызму М. Любаўскі бачыў у настроях самаго насельніцтва Полацкай зямлі, якое мела свае ўласныя эканамічныя і гандлёвыя інтарэсы і не жадала лічыцца з інтарэсамі астатняй Русі [4, с. 23].

Асноўную ўвагу М. Любаўскі ўдзяляў даследаванню гісторыі Вялікага княства Літоўскага. На думку вучонага, ВКЛ з’яўлялася дзяржавай не проста літоўскай, а літоўска-рускай. Пры гэтым пад тэрмінам «рускі» вучоны разумее той славянскі элемент, які насяляў тэрыторыю сучаснай Беларусі і Украіны і ў далейшым з’явіўся асновай для фарміравання беларускай і ўкраінскай народнасцяў [5, с. 1].

М. Любаўскі падкрэсліваў, што гісторыя ВКЛ з’яўлялася непасрэдным працягам гісторыі Кіеўскай Русі, бо літоўска-руская дзяржава захавала значна больш традыцый і рыс Кіеўскага перыяду, чым Русь Уладзіміра-Суздальская, якая будавала сваё жыццё на новых пачатках, што склалася пад уплывам мангола-татарскага нашэсця.

М. Любаўскі прапанаваў сваю канцэпцыю ўтварэння ВКЛ. Ён лічыў, што беларускія землі ўключаліся ў склад новай дзяржавы рознымі шляхамі. Адны з іх былі заваёваны літоўцамі, другія далучыліся дабраахвотна на

дагаворнай аснове. Гэта прывяло да ўсталявання ў дзяржаве фактычна федэратыўнага ладу. Напрыклад, Полацкая і Віцебская землі доўгі час захоўвалі вялікую самастойнасць. У новай дзяржаве панавалі «рускія» законы, «рускія» парадкі і «руская» мова. У якасці галоўнай прычыны ўтварэння ВКЛ М. Любаўскі бачыў знешнюю пагрозу з боку крыжакоў і мангола-татар. Гісторык разглядаў утварэнне ВКЛ як своеасаблівую рэстаўрацыю былой Кіеўскай дзяржавы, узнаўленне парушанага адзінства. Як збіральніца рускіх зямель ВКЛ больш чым на сто гадоў апырэдзіла Маскоўскую дзяржаву [5, с. 37]. Такія высновы поўнасцю аправагаюць погляды афіцыйных расійскіх гісторыкаў, якія сцвярджалі, што толькі Маскоўская дзяржава стала законным спадкаемцам традыцый Кіеўскай Русі.

Аналізуючы сацыяльна-палітычныя сістэмы ВКЛ і Маскоўскай дзяржавы, М. Любаўскі прыйшоў да высновы, што яны развіваліся ў супрацьлеглых накірунках. Маскоўская дзяржава фарміравалася ў напрамку манархічнага абсалютызму і адміністрацыйнага цэнтралізму. У выніку яна набыла форму спадчыннай і неабмежаванай манархіі з моцным цэнтральным апаратам. ВКЛ у сваю чаргу развівалася ў напрамку канстытуцыйналізму і федэралізму. Яго палітычная сістэма набыла форму выбарчай манархіі, абмежаванай Радай і Сеймам. Пры гэтым мясцовае кіраванне адыгрывала ў ВКЛ значную ролю і мела рысы аўтаноміі. Такая сітуацыя замацоўвалася прывілеямі, якія давала месцам вялікакняжацкая ўлада.

М. Любаўскі паспрабаваў даць адказ на пытанне: чыёй дзяржавай з'яўлялася Вялікае княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае? Ён выступіў супраць канцэпцыі так званай «літоўскай дзяржаўнасці», якая даказвала прыярытэт літоўскіх феадалаў у ВКЛ. Гісторык падкрэсліваў, што гэта пытанне трэба разглядаць у дынаміцы. На першым этапе станаўлення палітычнай сістэмы ВКЛ вядучую ролю адыгрываў славянскі элемент. Потым, пасля Крэўскай уніі, дамінаваць пачынаюць літоўска-каталіцкія паны і баяры. Аднак у выніку напружанай барацьбы на працягу XV–XVI стст. беларуска-ўкраінская частка феадалаў праваслаўнага і пратэстанцкага веравызначэння дабіваецца палітычнага парытэту. Дзяржаўная ўлада з гэтага часу больш-менш прапарцыянальна размяркоўваецца паміж магнатамі і шляхтай славянскага і балцкага паходжання. Таму і дзяржаву М. Любаўскі называў літоўска-рускай.

Палітычную гісторыю ВКЛ XV–XVI стст. М. Любаўскі падзяляў на два перыяды. Першы (40-я гг. XV – 40-я гг. XVI стст.) – час княжання Казіміра і яго сыноў. Вядучая палітычная роля ў грамадстве ў гэты перыяд належала беларуска-літоўскай арыстакратыі –

князям і панам. Шляхта адыгрывала другасную ролю. Другі перыяд – час вялікага княжання Сігізмунда-Аўгуста (1548–1572). Шляхта ў гэты час дабіваецца роўных правоў, перапрацоўвае заканадаўства, дзякуючы чаму палітычны лад ВКЛ набліжаецца да польскага. Каб замацаваць такое становішча, шляхта ставіць пытанне аб уніі з Польшчай. Люблінская унія 1569 г., на думку М. Любаўскага, паклала канец самастойнаму існаванню літоўска-рускай дзяржавы. Пачаўся перыяд паланізацыі беларускага краю, які ў XIX ст., пасля ўключэння беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі, змяніўся палітыкай русіфікацыі. Але вывучэнню трэцяга і чацвёртага перыядаў беларускай гісторыі М. Любаўскі спецыяльнай увагі не ўдзяляў.

Грунтоўныя працы М. Любаўскага аказалі ў далейшым вялікі ўплыў на погляды пазнейшых беларускіх гісторыкаў, і ў першую чаргу на погляды яго вучня У. І. Пічэты.

Заклучэнне. Канечне, уплыў беларускіх гісторыкаў ліберальнага накірунку на развіццё беларускай гістарыяграфіі нельга параўнаць з тым уплывам, які аказалі на фарміраванне сваіх нацыянальных гістарыяграфій рускія і ўкраінскія ліберальныя гісторыкі. Гэта было звязана з аб'ектыўнымі абставінамі – адсутнасць уласных універсітэцкіх і акадэмічных цэнтраў, неспрыяльная, а часам і рэпрэсіўная палітыка царскіх улад, якая асабліва ўзмацнілася пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг., незавершанасць працэсу фарміравання беларускай нацыі. Тым не менш, у працах Я. Карскага, І. Лапа, М. Любаўскага і некаторых іншых даследчыкаў ліберальнага накірунку была амаль што ўпершыню аправергнута афіцыйна-клерыкальная канцэпцыя гісторыі Беларусі. Тым самым яны заклажылі падмурак для фарміравання нацыянальна-дэмакратычнага накірунку ў беларускай гістарыяграфіі.

Літаратура

1. Карев, Д. В. Белорусская и украинская историография к. XVIII – н. XX стст. / Д. В. Карев. – Вильнюс: ЕГУ, 2007.
2. Карский, Е. Ф. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности: в 3 т. / Е. Ф. Карский. – Варшава, 1903. – Т. 1.
3. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория. 1569–1586 / И. И. Лаппо. – СПб., 1901.
4. Любавский, М. К. Основные моменты истории Белоруссии / М. К. Любавский. – М., 1918. – С. 23.
5. Любавский, М. К. Очерки истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – М., 1915.

БИБЛИОТЕЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ БЕЛАРУСИ В 1865–1914 ГГ.

This article is dedicated to the activities of Orthodox brotherhoods of Belarus on the creation and development of libraries in 1865–1914. The regional differences in brotherhood library activities are considered in this article. The conclusion of this article is the following: the brotherhoods created libraries in order to strengthen the positions of the Russian Orthodox Church and Russian culture in Belarus.

Введение. В отечественной историографии отсутствуют работы, посвященные системному, всестороннему и последовательному анализу культурно-просветительской деятельности православных братств Беларуси второй половины XIX – начала XX вв. Малоизученной оказалась и библиотечная деятельность этих церковно-общественных организаций. В дореволюционной исторической литературе затрагивались лишь отдельные аспекты рассматриваемой проблемы. В исследованиях протоиерея А. М. Матюшенского и М. Пашкевича приводились фрагментарные данные об учреждении библиотек Витебским Свято-Владимирским и Виленским Свято-Духовским братствами, а в работе А. А. Папкова имелись лишь статистические данные о количестве братских библиотек в белорусско-литовских епархиях в 1890–1891 гг. [1, 2, 3]. Поэтому в данной статье предпринимается попытка рассмотреть деятельность православных братств Беларуси по созданию библиотек в 1865–1914 гг.

Основная часть. Православные братства Беларуси занимались многими видами деятельности с целью укрепления позиций Русской православной церкви и русской культуры. Особое значение они придавали религиозному просвещению населения. Для достижения последней цели указанные православные церковно-общественные объединения содействовали развитию библиотечного дела в Беларуси. Первоначально большинство братств Северо-Западного края отказалось от активной библиотечной деятельности. По данным А. А. Папкова, в 1890–1891 гг. в Литовской и Могилевской епархиях насчитывалось по две братские библиотеки, в Полоцкой епархии – одна [3, с. 89–90]. Такая слабая деятельность братств по созданию данных просветительских учреждений объяснялась тем, что они активно занимались с середины 1880-х до середины 1890-х гг. открытием и благоустройством церковных школ. Библиотеки, как правило, открывались только тогда, когда братства были уверены в устойчивом существовании церковных начальных учебных заведений и их более-менее приличном благоустройстве. В таких случаях отдельные братства переключали свою деятельность с церковно-школьной работы на религиозно-просветительскую. С целью распространения рели-

гиозных знаний и поддержки грамотности среди населения они и учреждали библиотеки. При организации данных просветительских учреждений братствам пришлось столкнуться с рядом трудностей. Открытию библиотек препятствовала, прежде всего, ограниченность материальных средств, которыми располагали указанные церковно-общественные союзы. Из-за недостатка денег братства не могли арендовать хорошие здания, и им приходилось использовать помещения, которые выделялись другими церковными или общественными учреждениями. Поэтому некоторые библиотеки открывались не сразу, несмотря на решения братств об их основании. Наглядным примером такой ситуации может служить история учреждения библиотеки-читальни Витебского Свято-Владимирского братства. Открытие указанного просветительского учреждения затянулось почти на 7 лет, так как в течение этого времени в епархии не могли подыскать подходящего помещения. Ситуация изменилась только при епископе Серафиме, который в 1903 г. разрешил разместить братскую библиотеку в квартире, находившейся в архиерейском доме [4, с. 18]. Не хватало денег и на покупку книг. Поэтому братства, как правило, обращались за помощью к благотворителям, книгоиздателям и книготорговцам, редакциям различных духовных журналов с просьбой о бесплатной передаче книг. Например, при восстановлении библиотеки Полоцкое братство, не истратив никаких средств, получило таким способом от различных благотворителей более 2000 томов книг [5, с. 18].

Успешному развитию библиотечного дела мешала и позиция большинства братств, которые зачастую не придавали должного значения данному вопросу. На открытие библиотек они смотрели как на второстепенное мероприятие. Такое незаинтересованное отношение большинства братств было вызвано тем, что в Беларуси, с одной стороны, подавляющая часть населения была безграмотной, а с другой – постепенно получало развитие церковно-школьное образование (церковные школы, как правило, имели небольшие библиотечки). Кроме того, в Беларуси постепенно утверждалась и распространялась книжная торговля. Только отдельные братства Беларуси сразу обратили внимание на религиозное просвещение населения и в первые

годы своего существования открыли библиотеки книг религиозно-нравственного содержания (например, Гродненское Софийское, Полоцкое Николаевско-Евфросиниевское, Виленское Свято-Духовское). Но со временем большинство из этих церковно-общественных объединений (например, Виленское Свято-Духовское, Полоцкое, Минское Свято-Николаевское) из-за ухудшения своего материального положения закрыли данный тип просветительских учреждений. В целом, братская библиотечная деятельность в Беларуси в 60–70-х гг. XIX в. сводилась в основном к снабжению «полезными книгами» некоторых школ, существовавших при приходских церквях. При этом следует признать, что такая забота братств о развитии школьных библиотек была нерегулярной и зависела главным образом от подаренных книг. Братства в 1860–1870-х гг. обычно не тратили специально денег на приобретение религиозно-нравственной литературы.

Рост грамотности населения и пробуждение у него интереса к чтению заставили белорусско-литовские братства обратить внимание на открытие и восстановление братских библиотек. Особенно выделялись в данном отношении епархиальные братства. При них были созданы церковные библиотеки. Например, при Могилевском Богоявленском братстве такая библиотека была открыта в 1897 г., при Свято-Владимирском братстве – 12 февраля 1904 г., Виленском Свято-Духовском братстве – в 1908 г., Минском Свято-Николаевском народном братстве – 1 февраля 1915 г. При этом библиотеки епархиальных братств восточной Беларуси имели статус епархиальных.

Книгами братских епархиальных библиотек пользовались почти все священно- и церковнослужители губернских городов, а также местные преподаватели духовных учебных заведений и гимназий, воспитанники средних учебных заведений, особенно духовных семинарий. Последние читали в основном книги богословского и церковно-исторического содержания и духовные журналы. Что касается чиновников и мещан, то они интересовались житиями святых, описаниями святых мест, рассказами по русской истории, то есть литературой простой по изложению и «легкой» для чтения.

Помимо центральной библиотеки Свято-Владимирское братство имело аналогичные просветительские учреждения при своих уездных отделениях. При этом Лепельское и Невельское братские отделения открыли их раньше создания епархиальной библиотеки. Например, в г. Лепеле братская библиотека была создана в 1894 г. Что касается Могилевской епархии, то Гомельское отделение Богоявленского братства учреждало библиотеки не только в своем городе и его окрестностях, но и на территории всего уезда.

С 19 октября 1897 г. до 1901 г. оно открыло 14 библиотек-читален (из них 2 уличных), передав им бесплатно 3690 экземпляров книг. При этом Гомельское братское отделение не имело центральной, фактически уездной, библиотеки.

Помимо учреждения собственных библиотек епархиальные братства Беларуси, за исключением Минского и Гродненского, приложили немало усилий к созданию соответствующих церковно-школьных просветительских учреждений. Благодаря поддержке Богоявленского братства в 1897 г. в Могилевской епархии были открыты библиотеки для внеклассного чтения при 100 церковно-приходских школах, а именно: в Быховском уезде – 9, в Гомельском – 12, в Горецком – 10, в Климовичском – 10, в Могилевском – 7, в Оршанском – 13, в Мстиславском – 12, в Рогачевском – 6, в Сенненском – 14, в Чаусском – 2, в Чериковском – 5 [6, л. 21]. Свято-Владимирское братство в 1896 г. передало в свои уездные отделения на организацию библиотек при церковно-приходских школах 715 руб. из расчета пять рублей на каждое существовавшее в то время церковное начальное учебное заведение. Деньги, предназначенные на создание библиотек при церковно-приходских школах Витебского и Полоцкого уездов, были переданы в соответствующие уездные отделения епархиального училищного совета. В этих уездах отсутствовали местные отделения братства [7, с. 1–11]. В середине 90-х гг. XIX в. занялось учреждением библиотек и Виленское Свято-Духовское братство. С целью предоставления взрослым возможности читать книги оно снабжало церковно-приходские школы небольшими библиотеками, стоимость каждой из которых составляла 50 руб. Например, в 1896/1897 братском году* такими библиотеками для внеклассного чтения взрослых было обеспечено 10 церковных школ.

В Могилевской и Полоцкой епархиях в некоторых населенных пунктах братствами были устроены уличные библиотеки. Они представляли собой несколько витрин (шкафов), в которых выставлялись листки для чтения. Местные братства периодически обновляли выставляемую литературу. Для этого они ежегодно выписывали листки из редакции «Троицких листков» и Санкт-Петербургского братства Рождества Пресвятой Богородицы. Народ с интересом читал листки уличных библиотек-читален. При этом чтение проводилось, как правило, вслух для неграмотных людей. Больше всего уличных братских библиотек было открыто в Городокском уезде Витебской губернии. В 1898 г. такие библиотеки су-

* Братский год начинался со дня открытия братства (Виленское Свято-Духовское братство было учреждено 6 августа 1865 г.) и продолжался ровно один календарный год.

ществовали в 8 приходах данного уезда, а именно: Городокском, Бескатовском, Вировлянском, Войханском, Вышедском, Езерищенском, Зайковском и Хвошнянском [8, с. 12]. В конце указанного года была открыта по предложению В. В. Добровольского уличная библиотека и в г. Могилеве. Располагалась она около ворот архиерейского дома [9, с. 75–76]. Учитывая популярность данной библиотеки у простого народа, Богоявленское братство решило устроить подобные витрины у кафедрального собора и на Шкловской базарной площади. Однако большие расходы, связанные со строительством школы-приюта, не позволили братству осуществить задуманное.

Братствами Беларуси было учреждено также несколько тюремных библиотек. В Могилевской епархии такая библиотека была открыта Богоявленским братством в 1887 г. при могилевском тюремном замке. В 1900 г. подобную библиотеку открыло Гомельское отделение Богоявленского братства, а в 1908 г. – Витебское Свято-Владимирское братство при местной тюремной церкви.

Отдельные братства Беларуси принимали участие в создании миссионерских библиотек. Наибольших успехов здесь добилось Виленское Свято-Духовское братство, которое в первой половине 1890-х гг. специально выделяло деньги на приобретение старопечатных книг для противораскольнических библиотек.

Братские библиотеки пользовались большой популярностью у населения. Право бесплатного пользования книгами, наличие большого количества литературы, возможность получения книг на дом – все это делало братские библиотеки привлекательными для окружающего населения. Причем в некоторых местах наблюдалось массовое чтение книг. Так, по заявлению заведующего гомельской библиотеки при второй чайной Курошко, количество читающих в 1899 г. было так велико, что записи было «вести очень трудно».

Православные братства Беларуси не только открывали различные типы библиотек, но и заботились о пополнении их книжного фонда. Они приобретали книги, выписывали журналы, главным образом религиозно-нравственного, церковно-исторического и богословского содержания. Также покупалась литература по российской истории, земледелию, гигиене, очерки жизни и деятельности замечательных людей, поучительные книги для назидательного чтения. Примечательно, что о пополнении церковных библиотек заботились и отдельные братчики. Например, в 1895 г. член совета Витебского братства А. П. Сапунов пожертвовал в библиотеки церковно-приходских школ Полоцкой епархии 150 экземпляров составленной и изданной им книги «Исторические судьбы По-

лоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века» [10, с. 26].

Витебское Свято-Владимирское братство заботилось о пополнении книжного фонда и приходских библиотек, открытых в Полоцкой епархии в 1904 г. С этой целью совет Витебского Свято-Владимирского братства в 1907 г. постановил: «500 руб., ассигнованных по смете на устройство братских библиотек, распределить между лицами, которые изъявят личное желание оборудовать такие библиотеки в своих приходах и взять на себя ответственное заведывание этими библиотеками с ежегодной краткой отчетностью о ведении их» [11, с. 585]. Указанные средства были ассигнованы на приобретение книг издательства «Верность» протоиерея И. Восторгова. В 1908 г. совет братства разослал по церквам епархии 250 библиотек, составленных из приобретенных у данного издательства книг.

В целом, наибольших успехов в создании библиотек достигли епархиальные братства восточной Беларуси. Свято-Владимирское братство в отличие от других аналогичных белорусско-литовских церковно-общественных объединений постепенно сосредоточило в своих руках пополнение книжного фонда всех церковных библиотек, существовавших в Витебской губернии. По распоряжению руководства Полоцкой епархии даже библиотеки благочиннических округов обязаны были выписывать книги через совет указанной организации. Такое активное участие Свято-Владимирского братства в открытии библиотек было вызвано как улучшением его материального положения, так и успехами церковных школ в Витебской губернии в конце XIX – начале XX вв. Что касается Богоявленского братства, то его значительные результаты в создании библиотек были обусловлены исключительно быстрым развитием церковно-школьного дела в Могилевской епархии, которая являлась лидером в Беларуси как по количеству церковных школ и обучавшихся в них учеников, так и по состоянию учебно-воспитательного процесса в указанных учебных заведениях. Что касается братств западной и центральной Беларуси, то они не проявили такой сильной заботы о развитии библиотечного дела в своих епархиях. Их библиотечная деятельность ограничивалась главным образом открытием небольших библиотек. Слабая деятельность Свято-Духовского братства была вызвана тем, что ему пришлось обратить внимание на строительство храмов в г. Вильно. При этом небольшие успехи Виленского братства в создании библиотек компенсировались их лидерством в Беларуси по проведению внебогослужебных чтений и бесед, а также интенсивной издательской работой. Минское Свято-Николаевское братство отказалось от активной

библиотечной деятельности по причине своего плохого материального положения.

Заключение. Обобщая все вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам. Православные братства приняли активное участие в развитии библиотечного дела на территории Беларуси в 1865–1914 гг. В рассматриваемый период ими были созданы несколько типов указанных просветительских учреждений, а именно: епархиальные, уездные, приходские, уличные и даже тюремные. В развитии библиотечного дела на территории Беларуси имелись региональные отличия. Больше всего библиотек при поддержке братств было создано в восточной Беларуси. В целом, братства занимались библиотечной деятельностью с целью укрепления позиций Русской православной церкви и русской культуры в Беларуси.

Литература

1. М[агюшен]ский, А. М. Витебское Св.-Владимирское епархиальное братство за 25 лет его существования. Краткий исторический очерк / А. М[агюшен]ский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1912. – № 43 (неоф. отд.). – С. 796–800; № 44 (неоф. отд.). – С. 821–838; № 45 (неоф. отд.). – С. 851–867; № 46 (неоф. отд.). – С. 877–894; № 47 (неоф. отд.). – С. 902–920; № 48 (неоф. отд.). – С. 930–949; № 49 (неоф. отд.). – С. 955–969.
2. П[ашкеви]-ч, М. Виленское Свято-Троицкое, впоследствии Свято-Духовское братство (исторический очерк) / М. П[ашкеви]-ч. – Вильно: типография А. Г. Сыркина, 1890. – 116 с.
3. Папков, А. А. Братства. Очерк истории западно-русских православных братств / А. А. Папков. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра: собственная типография, 1900. – 291 с.
4. Отчет о состоянии и деятельности Витебского епархиального Св.-Владимирского братства за 1903 год (XVI-й год существования братства) // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – Приложение к № 14. – С. 1–42.
5. Полоцкое церковное братство во имя святителя Николая и преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой // Прибавления к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. – 1891. – № 1. – С. 16–18.
6. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2318. – Оп. 1. – Д. 13. Дело об открытии епархиальной и при церковно-приходских школах библиотек на средства братства.
7. Отчет Витебского епархиального Св.-Владимирского братства за девятый год его существования // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1897. – Приложение к № 7. – С. 1–16; Приложение к № 8. – С. 17–32; Приложение к № 9. – С. 33–42.
8. Отчет о состоянии и деятельности Витебского епархиального Св.-Владимирского братства за 1898 год (XI-й год существования братства) / Составлен на основании устава братства. – Витебск: губернская типо-литография, 1899. – 84 с.
9. Отчет о состоянии и деятельности Могилевского церковно-православного Богоявленского братства за 1898 год // Могилевские епархиальные ведомости. – 1899. – № 9–10 (часть офиц.). – С. 67–101.
10. Отчет о состоянии и деятельности Витебского Свято-Владимирского братства за 1895 год (восьмой год его существования). – Витебск: губернская типо-литография, 1896. – 68 с.
11. Редакция. Post scriptum / Редакция // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1907. – № 19 (неофициальный отдел). – С. 584–585.

В. М. Астрога, дацэнт

ФАРМИРАВАННЕ НАСТАЎНІЦТВА ЯК САЦЫЯЛЬНАЙ ГРУПЫ (ДРУГАЯ ПАЛОВА XIX – ПАЧАТАК XX СТСТ.)

The article states that the major part of Belarusian intellectuals in the second half of the XIX – at the beginning of the XX centuries were teachers. It dwells upon their age, gender, social and national characteristics and studies tendencies of their change. The article draws the conclusion that the main peculiarities proper to the teachers of that period are an insufficient level of pedagogical education, young age and lack of experience. The educational level of the teachers of elementary (public and church-parish) and secondary educational institutions is studied in the article.

Уводзіны. У другой палове XIX – пачатку XX стст. вясковае настаўніцтва, якое складала большую частку педагагічнай інтэлігенцыі ў Беларусі, сфарміравалася як сацыяльная група. Яно іграла асобую ролю ў жыцці грамадства. Менавіта ў гэты час, нягледзячы на кансерватыўную палітыку царызму, узніклі спецыяльныя педагагічныя навучальныя ўстановы. Настаўніцтва стала ўсведамляць сваё месца сярод іншых работнікаў разумовай працы, зрабіла першыя спробы прафесійнага аб'яднання, правядзення сваіх з'ездаў і нарад. Незадаволенасць сваім грамадскім статусам, яно пачало барацьбу за паляпшэнне матэрыяльнага і прававога становішча.

Асноўная частка. Гістарычны вопыт паказвае, што галоўнай фігурай любой навучальнай установы заўсёды быў настаўнік. Ад яго ўзроўню ведаў, уменняў і навыкаў залежала і якасць навучання, і ступень культурнага ўплыву школы на грамадства. Праца настаўніка не абмяжоўвалася толькі выкладаннем прадметаў, а ахоплівала амаль усе сферы гарадскога і сельскага ўкладу жыцця.

У адукацыйным узроўні настаўнікаў назіралася вялікая розніца. Спецыяльную адукацыю мелі выкладчыкі, якія скончылі настаўніцкія семінары і педагагічныя курсы. Агульную адукацыю мелі выпускнікі сярэдніх навучальных устаноў. З універсітэцкімі дыпламамі ў вясковай школе працавалі, зразумела, адзінкі. Адукацыя, ніжэйшая за сярэднюю, была ў тых, хто закончыў царкоўна-настаўніцкія і другакласныя школы, а таксама хто атрымаў пасведчанне на званне настаўніка экстэрнам.

У 60-я гг. XIX ст. настаўніцкія пасады ў асноўным былі заняты асобамі духоўнага сану. Апякун Віленскай навучальнай акругі І. Карнілаў у сваёй справаздачы прывёў такія даныя аб складзе настаўнікаў на 1 студзеня 1864 г.: святароў – 362, святароў законана настаўнікаў – 218, дыяканаў – 30, псаломшчыкаў – 63, выхаванцаў духоўных семінарыяў – 116, валасных пісараў, якія скончылі семінарыі і духоўныя вучылішчы, – 8, без атэстатаў – 24, асоб жаночага полу – 17.

Адпаведна выглядаў адукацыйны ўзровень працаваўшых у царкоўнапрыходскіх школах Мінскай епархіі. У 1890/91 навучальным годзе

са 180 настаўнікаў 41 былі членамі прычта, 78 асоб скончылі сярэднія навучальныя ўстановы і семінарыі, у тым ліку 52 настаўніцы – выхаванкі жаночых епархіяльных вучылішчаў. У астатніх адукацыя была ніжэй за сярэднюю. У школах пісьменнасці з 1119 настаўнікаў 1079 «адукацыю» атрымалі ў народных вучылішчах і царкоўнапрыходскіх школах.

У межах Расійскай імперыі ў 1880–1890-я гг. адукацыйны ўзровень настаўнікаў быў невысокі. Асоб, якія прайшлі спецыяльную падрыхтоўку, было 25% сярод настаўнікаў і 8% сярод настаўніц. Улічваючы тых, хто атрымаў адукацыю ў духоўных семінарыях і жаночых гімназіях, агульная колькасць настаўнікаў, знаёмых з педагогікай, складала 35,9% [1, с. 56].

У новым стагоддзі назіраўся пік росту школ духоўнага ведамства. Так, у 1906 г. у Віцебскай губерні з 287 настаўнікаў 109 былі з сярэдняй і спецыяльнай адукацыяй, 4 без адукацыйнага цэнзу, а астатнія настаўніцкае званне атрымалі па нескладаных іспытах. Св. Сінод, які раней крытыкаваў народныя школы і настаўніцкія семінарыі, у гэтай сувязі рабіў пэўныя крокі, каб дасягнуць узроўню міністэрскіх вучылішчаў. У дырэкцыі з епархіяльных саветаў прыходзілі запыты на настаўнікаў, у першую чаргу на выхаванцаў семінарыяў, прасілі рэкамендаваць здольных, у маральна-рэлігійных адносінах добранадзейных кандыдатаў на пасады настаўнікаў. У 1907 г. у вясковых школах Віленскай навучальнай акругі па адукацыйным цэнзе трое, ці 0,08% ад усіх настаўнікаў, былі з вышэйшай адукацыяй, 1760 асоб, ці 51%, атрымалі спецыяльную падрыхтоўку, 1658, ці 48,24%, – з сярэдняй і пачатковай, а 20, ці 0,68%, не мелі настаўніцкага звання.

На 1 студзеня 1915 г. у школах Віленскай навучальнай акругі працавалі настаўнікі, якія па адукацыйным узроўні размяркоўваліся так: са спецыяльнай адукацыяй – 2800, з сярэдняй і званнем пачатковага настаўніка – 1768, без адукацыйнага цэнзу – 49 чалавек. Сярод настаўніц 3 мелі вышэйшую адукацыю, са спецыяльнай падрыхтоўкай было 931, з сярэдняй і са званнем пачатковай настаўніцы – 3349, а без адукацыйнага цэнзу – 38 чалавек [2, с. 39]. З прыведзеных даных бачна, што лік педагогаў, што

не мелі пасведчанняў (87), складаў невялікую частку агульнай колькасці (8938), большасць настаўнікаў валодала спецыяльнай адукацыяй, а настаўніц – сярэдній.

У цэлым, склад настаўнікаў пачатковых школ Беларусі на той час больш-менш задавальняў патрэбы народнай асветы. Адукацыйны ўзровень выкладчыкаў сярэдніх навучальных устаноў Расіі быў значна вышэйшы. З 10 тысяч палова мела вышэйшую адукацыю, настаўніцы гімназій – сярэдняю. Адукацыйны ўзровень вясковых настаўнікаў у першыя гады Савецкай улады істотна не змяніўся: сярод 5777 чалавек вышэйшую адукацыю мелі толькі адзінкі. Большасць з іх працавала з дарэвалюцыйным стажам.

У 1860-я гг. настаўнікамі ў школах былі амаль адныя мужчыны. У наступнае дзесяцігоддзе ў пачатковых вучылішчах пачалі з’яўляцца настаўніцы, выхаванкі жаночых гімназій і епархіяльных вучылішчаў. Асаблівае імкненне прыцягнуць на працу настаўніц назіралася ў земскіх губернях Расіі, дзе за аднолькавую працу з мужчынамі жанчыны атрымлівалі значна менш. У 1880 г. у Віленскай акрузе працавалі 20,9% настаўніц, прычым больш за ўсё ў Магілёўскай губерні – 37,8%, і сама мала ў Гродзенскай – 7,8% [3, с. 12].

Па афіцыйных даных, у 1898 г. па 50 губернях Расіі настаўніц пачатковых вучылішчаў Міністэрства асветы было 47%. Па Віленскай навучальнай акрузе настаўніцы складалі толькі каля 30% ад агульнай колькасці настаўнікаў, у Мінскай губерні – 34%, Віцебскай – 33%, Віленскай – 30%, Магілёўскай – 28%, Гродзенскай – 22%. Усіх настаўнікаў пачатковых народных вучылішчаў было 2684, з іх 793 настаўніцы. Ніжэйшай, чым у Віленскай акрузе, колькасць настаўніц была толькі ў Прыбалтыцы, Царстве Польскім, Валынскай і Падольскай губернях. Гэта можна растлумачыць адсутнасцю спецыяльных педагогічных жаночых навучальных устаноў і пэўнай колькасцю настаўнікаў з цэнтральных губерняў Расіі. У адрозненне ад настаўнікаў-мужчынаў, вясковыя настаўніцы не затрымліваліся ў школе: выходзілі замуж і пакідалі яе, а ў некаторых расійскіх губернях гэта патрабавалася ад іх у законным парадку. Але і ў іх асяроддзі заставаліся тыя, хто школьнай справе прысвячалі ўсё сваё жыццё.

У 1907 г. па Віленскай акрузе ў народных школах працавалі 2404 настаўнікі (прыкладна 70%) і 1037 настаўніц (каля 30%). У параўнанні з папярэднім годам назіралася тэндэнцыя павелічэння жанчын-педагогаў на 37,5% [4, с. 348]. У пачатковых школах ведамства Св. Сінода на 1908 г. працавала 3847 настаўнікаў, ці 76% ад агульнай колькасці, і 1244 настаўніцы – 24%. Такім чынам, у дадзеныя гады колькасць педагогаў-настаўніц была нязначнай па двух ведамствах.

Колькасны рост настаўніц дазваляюць прасачыць статыстычныя даныя па Віцебскай губерні. Калі ў 1904 г. з 302 педагогаў іх было 113, ці 37%, то ў 1912 г. з 1593 асоб іх было ўжо 897, ці 56%. У міністэрскіх школах пераважалі настаўнікі, а ў земскіх і царкоўнапрыходскіх – настаўніцы. Калі разглядаць даныя па асобных паветах, то з 11 толькі ў 3 колькасць мужчын нязначна пераважала над жанчынамі, а ў астатніх працэнт настаўніц вагаўся ад 53 да 71, дасягаючы найбольшых лічбаў у Віцебскім, Невельскім, Дрысенскім і Веліжскім паветах.

У царкоўнапрыходскіх школах Віцебскай губерні ў 1906 г. працавалі 226 настаўніц і толькі 61 настаўнік. Па нашых падліках, у пераважнай большасці царкоўных школ Мінскай епархіі ў тым жа годзе пачатковая адукацыя знаходзілася ў руках жанчын: у Навагрудскім павеце з 40 выкладчыкаў – 32 настаўніцы, у Бабруйскім з 27 – 20, у Мінскім з 24 – 19.

У 1915 г. у пачатковых вучылішчах розных тыпаў працавалі 4617 мужчын і 4321 жанчына. Па Расіі напярэдадні вайны настаўніцкі персанал пачатковых школ складаўся з 71 430 настаўнікаў і 115 030 настаўніц. Як бачна, паступова колькасць жанчын-выкладчыц не толькі ўраўнялася з мужчынамі, але і перавысіла іх. За мяжой, напрыклад, у Англіі, ў гэты час таксама адзначаўся працэс выцяснення настаўнікаў пачатковых школ настаўніцамі. У 1860-я гг. з 5 сельскіх школ у 4 выкладалі мужчыны, у 1870-я гг. лік адных і другіх быў прыкладна аднолькавы. У пачатку XX ст. з 6 школ у 5 працавалі настаўніцы. Такая ж з’ява назіралася і ў ЗША [5, с. 233].

Сацыяльны склад настаўнікаў у пачатковых школах Беларусі быў разнастайны як адносна іх узроўню развіцця і адукацыі, так і адносна іх звання і паходжання. Як ужо адзначалася, з самага пачатку ўзнікнення народнай школы настаўнікамі ў іх былі амаль толькі святары і семінарысты. Іншых настаўнікаў, калі не лічыць выпадковых, не было. У першай палове XIX ст. былі і настаўнікі-дваране. Так, у Азяранскай школе (25 км ад Рагачова) да 1870 г. настаўнікамі былі толькі шляхціцы, якія мелі маёнткі з «прыгоннымі душамаі». Як паведамляў святар М. Радзевіч, у сельскіх школах «ёсць духоўныя, дваране, мяшчане, ваенныя, сяляне, ёсць адстаўныя, палкоўнікі, маёры, прыняўшыя праваслаўную веру палякі і асобы, склаўшыя з сябе святарства і манаскае званне» [6, с. 68]. У наступныя гады лік асоб духоўнага сану і асабліва настаўнікаў-святароў значна паменшыўся.

Калі прааналізаваць даныя аб сацыяльным складзе народных школ Расіі пазнейшага перыяду, то высвятляецца, што ён быў у асноўным дробнабуржуазным. У 1880 і 1911 гг. дваране складалі 10,9 і 6,7%, асобы духоўнага звання – 37,8 і 22%, сяляне (у асноўным з заможных

сямей) – 30,2 і 40,8%, мяшчане – 10 і 17%, іншыя – 11 і 13,3%. Такім чынам, гэта былі ў асноўным выхадцы з заможнага сялянства, дробнай гарадской буржуазіі і духавенства.

Сярод настаўніц 22% складалі дочки асабовых і 8% – спадчынныя дваране, 44% – духавенства і ўсяго 7% з сялян [7, с. 163]. У дачыненні да настаўніц больш пазнейшая статыстыка ў асноўным пацвярджала гэтую карціну. У 1910-я гг. асяроддзе настаўніц папаўнялася выхадцамі з сялян, сельскага духавенства, а таксама дробных чыноўнікаў. Сацыяльнае паходжанне настаўніц Віленскай акругі з 1880 да 1911 гг. значна змянілася: з дваран з 23,8 да 15,2%, духоўнага звання адпаведна з 68,5 да 31,5%, сялян з 1,2 да 23,7%, мяшчан з 3,7 да 16,4%, іншых з 2,8 да 13,2%. Калі ўзяць для прыкладу Віцебскую губерню, то па саслоўным складзе ў новым стагоддзі ў земскіх і міністэрскіх школах пераважалі сяляне і мяшчане – звыш 60%, а ў царкоўнапрыходскіх асобы духоўнага звання складалі 37,5%. У Лідскім павеце Гродзенскай губерні ў 1911 г. працавалі 8 чалавек з дваран, 17 з мяшчан, 6 з духоўнага саслоўя, 55 сялян і 12 чалавек з іншых саслоўяў.

У Беларусі напярэдадні вайны настаўнікамі былі: 7% з дваран, 13,2% з духоўнага звання, 61% з сялян, 12% з мяшчан і 6,8% іншых саслоўяў.

Такім чынам, назіралася тэндэнцыя скарачэння колькасці настаўнікаў з дваран і духавенства і павелічэння з сялян і мяшчан. У многім гэта тлумачылася ростам сеткі педагагічных навучальных устаноў, выхаванцы якіх па паходжанні ў асноўным адносіліся да ніжэйшых саслоўяў. Па сваім сацыяльным складзе настаўнікі за мяжой, напрыклад, у Англіі і Францыі, былі выхадцамі з сярэдніх і бяднейшых слаёў: дробных фермераў, гандляроў, рамеснікаў.

Настаўніцтва ніколі не было аднастайнай масай. Расслаенне ішло не толькі па адукацыйным ўзроўні і сацыяльным паходжанні, але і па тым, да якога слоя мясцовага насельніцтва далучаліся настаўнікі. Некаторыя, асабліва сярод настаўніц, якія скончылі сярэднія навучальныя ўстановы, і ў школах заставаліся «панамі і барынямі». Яны лічылі сябе культурнымі адзіночкамі, а іх кампанію складалі, напрыклад, мясцовыя памешчыкі ці ўрачы. Другія, у асноўным выхаванцы настаўніцкіх семінарыяў, далучаліся да сярэдняга класа: вясквы святар, крамнік, пісар, старшыня. Гэтыя настаўнікі, самі ў сваёй большасці выхадцы з народа, па-асобаму адносіліся да сялян. Вызвалення ад рэкруцтва, натуральных павіннасцяў, выхадцы з «сялянскай акадэміі» (іншы раз так называлі настаўніцкія семінарыі), яны ў сваёй большай частцы звысоку ставіліся да свайго ранейшага грамадства: «шапка з кукардай, некаторая фанабэрыстасць і скорая пакрыўджанасць, модныя словы ў раз-

мове». Значны кантынгент выкладчыкаў складалі тыя, хто выйшаў з сялянскага асяроддзя і не хацеў з ім парываць. Яны настаўнічалі ў сваім павеце ці вёсцы і нічым амаль не адрозніваліся ад мясцовых жыхароў у сваіх светапоглядах і ладзе жыцця, хоць па адукаванасці знаходзіліся вышэй за іх.

Да рэвалюцыі 1905–1907 гг. рознымі паставамі і законамі забаранялася дапускаць да педагагічнай дзейнасці асоб неправаслаўнай веры. Аб’явіўшы беларусаў «исконно рускими», самаўладдзе не прызнавала і беларускай мовы. Паводле Першага Ёсерасійскага перапісу насельніцтва 1897 г., толькі 20% настаўнікаў беларускіх губерняў лічылі сябе беларусамі. Нават сярод медыцынскіх работнікаў колькасць беларусаў была большай – 26%. У кіруючых колах цвёрда ўмацаваўся стэрэатып, што беларусы не з’яўляліся самастойнай нацыяй, а былі толькі этнаграфічнай галіной рускага народа, якая павінна была з ім зліцца. У 1910-я гг. выкладчыцкі персанал, напрыклад, Віцебскай губерні складаўся амаль выключна з рускіх (сюды ўваходзілі і беларусы) – 95,6% і праваслаўных – 97,5%. Наступнай групай былі латышы (65 чалавек) – 4,2%, з іх палова была праваслаўных і палова лютэран. У Веліжскім павеце гэтай губерні ў 1908 г. настаўнічалі ўсе рускія і праваслаўныя [8, л. 2]. У Лідскім павеце Гродзенскай губерні ў 1908 г. выкладалі 92 праваслаўныя і 6 іўдзейскага веравызнання. Але ўжо ў 1918 г. па Мінскай губерні ў анкетах з апытаных 42 вясковых настаўнікаў беларусамі ўжо назвалі сябе 34.

Па ўзросце большасць настаўнікаў належала да моладзі. У 1880 г. сярод мужчын у школах ва ўзросце да 30 гадоў працавала каля 77%, у 1911 г. – 70%, сярод жанчын – 87% і 81%. Вялікая колькасць іх выкладала ва ўзросце 21–25 гадоў. У 1880 г. большасць настаўнікаў (54%) і амаль усе настаўніцы (90%) былі ў ліку асоб, якія не знаходзіліся ў шлюбе. І ў пачатку XX ст. ва ўсіх беларускіх губернях 3/4 усяго выкладчыцкага персаналу складалася з халастых настаўнікаў і незамужніх настаўніц. Па даных на 1903 г., у Гродзенскай епархii сярод 347 настаўнікаў царкоўнапрыходскіх школ халастых настаўнікаў было 234 і 76 незамужніх, у шлюбе адпаведна знаходзіліся 31 настаўнік і 3 настаўніцы.

Аналагічная карціна назіралася і ў Магілёўскай епархii. З 546 выкладчыкаў нежанатых было 275 і 178 незамужніх, у шлюбе знаходзіліся 81 настаўнік, толькі 1 настаўніца і 11 чалавек было ўдовых [9, с. 86, 88]. Параўноваючы паказчыкі 1880 і 1911 гг. па Віленскай акрузе, бачна, што колькасць халастых сельскіх настаўнікаў павялічылася з 65,9 да 67,4%, а замужніх настаўніц – з 1,1 да 1,3%. Статыстычныя даныя дазваляюць сцвярджаць, што, як і раней, сямейных сярод выкладчыкаў была вельмі нязначная колькасць.

Пры цяжкай і матэрыяльна незабяспечваючай працы многія настаўнікі пачатковых школ не вытрымлівалі працяглых тэрмінаў службы. Нямецкія публіцысты, якія наведалі ў канцы 1890-х гг. некаторыя раёны Расіі, побач з сялянскім жыццём убачылі пастаянна галадаючых педагогаў, заўважылі, што, «каб быць у Расіі народным настаўнікам, трэба шмат ідэалагічнага самаахвяравання» [7, с. 170]. Найбольшая змена кадраў была сярод настаўнікаў, якія скончылі духоўныя семінарыі. Яны заўсёды маглі знайсці сабе іншую працу. Даўжэй за ўсіх трымаліся выпускнікі настаўніцкіх семінарыяў, якія мэтанакіравана рыхтаваліся да педагогічнай працы. Іх трымала і тое, што яны павінны былі адпрацаваць у школе 5 год альбо выплаціць грошы, затрачаныя ў якасці стыпендыі падчас вучобы. Больш пастаяннымі былі настаўнікі з сялян, змалку прывыклія да вясковага жыцця.

У справаздачы аб царкоўнапрыходскіх школах Мінскай епархіі за 1890/91 навучальны год адзначалася, што большая частка службы год, два, тры гады. Асоб, адпрацаваўшых больш за ўказаны тэрмін, было толькі некалькі дзесяткаў. Так, з ліку 170 настаўнікаў праслужылі 1 год 56 чалавек; 2 – 37; 3 – 24; 4 – 17; 5 – 14; 6 – 17; 7 і больш – 4 чалавекі. Былі ўказаны нават прозвішчы гэтых «герояў»: С. Мікульскі з Выдрынскай школы, В. Шыран з Паручынскай, І. Спікор з Ясенецкай і Г. Пятроў з Ляшчанскай [10, с. 59].

У 1906 г., па даных Магілёўскай губернскай управы, у земскіх школах не праслужыўшых менш за 5 год было 47%, ад 5 да 10 – 24%. У 1912 г. па Віцебскай губерні сярэдняя працягласць працы для настаўнікаў была 6,7 года, а для настаўніц – 6,1 года. У Магілёўскай епархіі ў 1913 г. ва ўсіх паведах пераважная колькасць працавала першае дзесяцігоддзе, а самы працяглы 20-гадовы стаж службы з 513 чалавек мела толькі 16.

Да пачатку 1914/15 навучальнага года ў сельскай мясцовасці Беларусі былі 1173 земскія школы пры 1403 настаўніках і 220 пачатковых школ Міністэрства народнай асветы пры 220 настаўніках. Але многія з іх так і не пачалі працу. Першая сусветная вайна стала прычынай таго, што пачатковая школа была напалову разбурана і зачынена. Большасць народных настаўнікаў была прызвана ў дзёную армію.

Заклучэнне. Такім чынам, настаўніцтва складала значную частку інтэлігенцыі Беларусі. Малады ўзрост, недастатковы ўзровень адукацыі і кароткачасовасць педагогічнай дзейнасці – асноўныя рысы педагогічнага корпуса другой паловы XIX – пачатку XX стст. Настаўніцтва не з’яўлялася аднародным па сваім сацыяльным складзе: былі выхадцы з дваран, духавенства, мяшчан і сялян. Толькі 20% настаўнікаў лічылі сябе беларусамі. З 1880-х гг. назіраецца тэндэнцыя росту колькасці жанчын-настаўніц. У цэлым, на працягу ўсяго разглядаемага перыяду адчуваўся востры недахоп педагогічных кадраў для імкліва растучых патрэб народнай адукацыі Беларусі.

Літаратура

1. Фальборк, Г. Народное образование в России. Исторический очерк / Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. – СПб.: изд-во Попова, Б. г. – 264 с.
2. Отчет о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа за 1914 г. – Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1914. – 787 с.
3. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. Выпуск VIII. Виленский учебный округ. – СПб.: тип. Тов-ва Екатеринбургское Печатное Дело, 1914. – 134 с.
4. Начальные школы Северо-Западного края в 1907 г. // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1908. – № 9. – С. 345–354.
5. Учительницы в Англии и Америке // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1907. – № 5–6. – С. 233–236.
6. Родевич, М. Белорусские народные школы / М. Родевич. – Б. м., б. г. – 119 с.
7. Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века / В. Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1971. – 368 с.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 2507. Дырэкцыя народных вучылішчаў Віцебскай губерні. – Воп. 1. – Спр. 3637.
9. Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884–1909) – СПб: Синодальная тип., 1909. – 686 с.
10. Отчет о церковно-приходских школах и школах грамоты Минской епархии за 1890/91 учебный год. – Минск: тип. Б. И. Соломонова, 1894. – 301 с.

Н. І. Наркевіч, асістэнт

РАЗВІЦЦЁ ДЭКАРАТЫЎНА-ПРЫКЛАДНОГА МАСТАЦТВА БЕЛАРУСІ Ў ПАЧАТКУ ХХ СТ.

The article describes complicated processes of the decorative-applied art of Belarus at the beginning of the XX century. This period was characterized by lack of utility – artistic items of industrial production which caused the revival of traditional crafts and interest in folk sources of decorative-applied art. Craftsmen in Belarusian towns were well familiar with folk sources of decorative-applied art, with the history of their country. This interest was connected with general tendency of art development of the republic in the 1st decade after the revolution of October. Training professional artists and opening of educational institutions for training specialists in the field of decorative-applied art became an important stage in the development of this kind of art.

Уводзіны. Грамадска-палітычныя змены пасля рэвалюцыі 1917 г. спрыялі росту нацыянальнай самасвядомасці беларускага народа. Значная актыўнасць назіраецца ў мастацкім жыцці рэспублікі. Праблема вывучэння і прапаганды народнага мастацтва грунтоўна разглядалася на Першай Усерасійскай канферэнцыі па мастацкай прамысловасці ў 1919 г. Трэба адзначыць і вялікую ролю ў распаўсюджванні традыцыйнага мастацтва Беларусі часопісу «Наш край», у якім друкаваліся праграмы па зборы твораў народнага мастацтва, справаздачы музеяў аб колькасці і характары сабранага матэрыялу [1, с. 91].

Асноўная частка. Складаныя, неадназначныя працэсы перажывае дэкаратыўна-прыкладное мастацтва Беларусі ў пачатку ХХ ст. Яго развіццё абумоўлівалі не толькі змены ў дзяржаве, але і тэхнічны стан прамысловасці. Мастацкая прамысловасць, і раней не надта развітая (пераважна шкларобчая), была ў становішчы амаль поўнага заняпаду. Некалькі ўцалелых ці адноўленых шклозаводаў выраблялі ліставое аконнае шкло, бутэлькі, гаспадарчы посуд абмежаванага асартыменту, стандартных формаў і нізкіх мастацкіх якасцей. Станаўленне новага грамадства запатрабавала стварэння новых, адпаведных часу вырабаў. Першачарговай задачай было задавальненне патрэб насельніцтва ў шкляным посудзе бытавога прызначэння. Нават завод у Барысаве толькі з 1925 г. пачынае выпускаць бытавы посуд, якасць якога была дастаткова нізкай, што тлумачыцца дэфіцытам патрэбных хімічных рэчываў, неабходнасцю хутка задаволіць высокі попыт на такія вырабы. Аднак разам з таннымі рэчамі на заводзе наладзілі выпуск і высакаякаснага посуду, які ішоў на экспарт. Работы майстроў у значнай ступені паўтаралі іх жа больш раннія ўзоры (пачатку ХХ ст.) або ствараліся пад уздзеяннем папулярнай плыні функцыяналізму, што прыводзіла да спрошчаных форм, мінімальнай дэкаратыўнасці [2, с. 343]. Другое значнае шкларобчае прадпрыемства – завод у пасёлку Бярозаўка (цяпер горад у Лідскім раёне Гродзенскай вобл.) – аказалася на тэрыторыі Заходняй Белару-

сі, уключанай у склад Польшчы. Тут у 1920-х гг. таксама шырока выкарыстоўвалі ў форме і аздобе вырабаў узоры мінулых гадоў. Толькі з пачатку 1930-х гг. назіраюцца змены, абумоўленыя ўплывамі стылістыкі канструктывізму і функцыяналізму. Яны прынеслі лаканічныя, строгія формы, гарманічнае спалучэнне буйных мас, што надало адметную выразнасць бытавому посуду.

У 1930-х гг. захоўваецца дамінаванне шкларобства ў прафесійным дэкаратыўна-прыкладным мастацтве. У гэты час дзейнічала дастаткова значная колькасць заводаў дадзенага профілю, але прадукцыю іх складалі ў асноўным аконнае і люстэркавае шкло, тарны, аптэкарскі і тэхнічнага прызначэння посуд.

На Беларусі поўнаасцю адсутнічалі навучальныя ўстановы, якія б маглі забяспечыць падрыхтоўку кадраў дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва. Не было спрыяльнай глебы і для творчасці нешматлікіх кадраў прафесіяналаў у гэтай галіне мастацтва. Іх эпізодычныя спробы адгукнуцца на новыя рэаліі тагачаснага жыцця насілі фармалістычны ці канструктывісцкі характар, што дало цікавыя вынікі ў графіцы, плакаце, архітэктуры і амаль не пакінула следу ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве [3, с. 38].

Нягледзячы на эканамічныя цяжкасці, распачынаецца дзейсны рух па падрыхтоўцы прафесійных кадраў мастакоў. Першым крокам у гэтым напрамку было адкрыццё у Віцебску народнага мастацкага вучылішча, дзе прадугледжвалася стварэнне класа прыкладнага мастацтва з майстэрняй. Да 1920-х гг. адносяцца і спробы стварэння навучальнай установы для падрыхтоўкі спецыялістаў дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва ў рэспубліцы. Гэтая задача ставілася ўжо пры стварэнні Віцебскага мастацка-практычнага інстытута, які быў адкрыты на базе мастацкай школы ў 1920 г. Навучальная ўстанова праіснавала нядоўга – у 1923 г. яна была рэарганізавана ў мастацкі тэхнікум.

Значную ролю ў развіцці айчыннага дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, асабліва керамікі, адыграў М. Міхалап. З верасня 1925 г. мастак з'яўляецца выконваючым абавязкі кіраўніка

навуковай часткі Беларускага мастацкага тэхнікума ў Віцебску. Пазней ён узначальвае аддзяленне керамікі і ганчарна-керамічную майстэрню. У сваёй педагагічнай практыцы М. Міхалап імкнецца прывіць моладзі павагу да народнага мастацтва, паказаць прыгажосць сціпых, але вельмі гарманічных вырабаў беларускіх майстроў. Заняткі вяліся ў адпаведнасці з распрацаванай сістэмай, якая ўключала поўны вытворчы працэс – ад распрацоўкі эскізаў твораў да вырабу мадэляў, практычнага выканання. Цяжкасцей было дастаткова шмат: пачынаючы ад беднай навукова-тэхналагічнай базы і канчаючы адсутнасцю неабходных вучэбна-наглядных дапаможнікаў.

М. Міхалап зрабіў важны крок у вывучэнні і выкарыстанні традыцый у сучаснай кераміцы, але разам з гэтым маецца шэраг надыхапаў, якія не дазволілі мастаку вырашыць дадзеную складаную задачу ў поўнай меры. Народныя ганчарныя вырабы беларускіх майстроў скупыя на дэкор і роспіс. Часцей за ўсё ў іх захаваны прыродны колер гліны. Акцэнт робіцца на выразнасці і багаці форм, пластычнай дасканаласці. М. Міхалап амаль без змен «цытуе» форму народнай керамікі і тым самым звужае кола творчых пошукаў у выяўленні новага, сучаснага. Настаўнік лічыў, што форма народнай керамікі адрозніваецца дасканаласцю, і трэба ўзбагачаць сціплы дэкор. У М. Міхалапа нярэдка сустракаюцца выпадкі кансервацыі формы твораў, выкарыстання архаічных рыс нацыянальнай культуры, што стрымлівала раскрыццё новага.

Кіраўніцтва Віцебскага мастацкага тэхнікума ў асобе М. Керзіна выступіла з прапановай аб адкрыцці на Беларусі Акадэміі мастацтваў, якая была б цесна звязана з мастацкім тэхнікумам. Планавалася, што навучальная ўстанова будзе мець мастацка-вытворчы напрамак і ўключаць ганчарна-керамічнае, графічнае і дэкаратыўна-афарміцельскае аддзяленні [1, с. 94]. Гэтыя прапановы не былі падтрыманы, што прывяло ў далейшым да ўходу таленавітай моладзі ў мастацкія вышэйшыя ўстановы Масквы і Ленінграда. Апрача таго, не было захавана і керамічнае аддзяленне. Спасылаючыся на неабходнасць эканоміі сродкаў і адсутнасць патрэбнасці ў спецыялістах мастацкай керамікі на вытворчасці, камітэту па адукацыі Беларусі было прапанавана ліквідаваць вытворчую ганчарную майстэрню. Такім чынам, наладзіць падрыхтоўку прафесійных кадраў для дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва на Беларусі не ўдалося, бо ў канцы 1929 г. аддзяленне керамікі было закрыта.

Арыентацыя на традыцыі народнага мастацтва, гісторыю сваёй краіны была характэрна ў той час для шматлікіх дзеячаў беларускай культуры. Гэта асабліва яскрава прагледжваецца ў працах М. Філіповіча, Я. Драздовіча, А. Грубэ

[1, с. 95]. Некаторыя поспехі развіцця традыцыйнага прыкладнага мастацтва былі прадэманстраваны на 3-й Усебеларускай выставе ў Мінску (1928).

Пэўныя станоўчыя вынікі далі ўрадавыя пастановы 1930-х гг. аб мерах па паляпшэнні работы многіх відаў прамысловасці: шкларобчай, тэкстыльнай, фарфаравай і інш. Ставілася задача як пашырэння асартыменту вырабаў, так і павышэння іх мастацкіх якасцей, актыўнага ўключэння мастака ў вытворчы працэс. І калі тэхнічныя праблемы пакрысе вырашаліся, то мастацкія наглядна дэманстравалі нераспрацаванасць праблематыкі, разнастайнасць думак па гэтых пытаннях, што было выклікана ў тым ліку і размежаванасцю розных галін мастацкай прамысловасці паміж рознымі ведамствамі. Нярэдка прадукцыя гэтых галін, цікавая сама па сабе, з-за рознастылёвасці не спалучалася паміж сабою [4, с. 532–533].

Недахоп утылітарна-мастацкіх вырабаў прамысловай вытворчасці выклікаў адраджэнне традыцыйных промыслаў, якія задавальнялі патрэбы насельніцтва. Гэтыя працэсы вымушаны былі падтрымліваць і ўлады, пра што сведчыць дэкрэт УЦВК 1919 г. «Аб мерах садзеяння саматужніцкай прамысловасці» [3, с. 39].

З другой паловы 1920-х гг. пачыналася планаваная работа па арганізацыі майстроў-саматужнікаў у арцелі, што было выклікана не столькі клопатам пра іх, колькі спробаю ўзяць іх дзейнасць пад кантроль дзяржавы. Галоўным чынам гэта былі ганчарныя арцелі, і асабліва ткацка-вышывальныя, прадукцыя якіх была разлічана не толькі на ўласныя патрэбы, але і на экспарт. У 1938 г. з мэтай аб'яднання ў адзіную сістэму разрозненых майстэрняў і арцеляў, якія займаліся вырабам пераважна керамічнага посуду, тканна-вышываных, вязаных рэчаў, ствараецца Беларускае мастацка-прамысловае саюз. Усё гэта станоўча адбівалася на мастацкай практыцы, рабіла яе больш разнастайнай, садзейнічала павышэнню прафесійнага ўзроўню майстроў. Прадукцыя арцеляў карысталася шырокай папулярнасцю, у тым ліку і за мяжой, экспанавалася на ўсесаюзных выстаўках, у Парыжы (1937), Нью-Йорку (1939) і інш. Шмат новых арцеляў было створана пасля 1939 г. на тэрыторыі былой Заходняй Беларусі з далучэннем яе да БССР.

Адзначаючы шырокую папулярнасць прадукцыі промыслаў, аб'яднаных у арцелі, яе поспехі на ўсесаюзных і замежных выстаўках, нельга не сказаць і пра тое, што ўжо тады ў сістэме мастацкіх промыслаў намяціліся негатыўныя працэсы, якія сталі асабліва прыкметныя ў наступныя дзесяцігоддзі. Арцелі арыентаваліся галоўным чынам на стварэнне страчавышых вырабаў, слаба развівалася ткацтва, разьба, мастацкая кераміка. Каля трох

дзсяткаў ганчарных арцеляў у Беларускі мастацка-прамысловы саюз увогуле не ўваходзілі, займаючыся вырабам глінянага посуду чыста ўтылітарнага прызначэння.

Карэнныя змены ў жыцці грамадства, паліпшэнне бытавых умоў, павольнае, але няўхільнае насычэнне рынку прамысловымі вырабамі ўнеслі свае карэктывы ў характар народнага мастацтва, у тым ліку тых яго відаў, што не былі ахоплены кааперацыяй і прадаўжалі сваё натуральнае бытаванне ў народным побыце. Адны вырабы, што страцілі свой практычны сэнс, саступілі месца прамысловым, адышлі ў мінулае, другія, наадварот, сталі набываць шырокую папулярнасць, паколькі прамысловая прадукцыя не заўсёды адпавядала мясцовым народным традыцыям і мастацкаму густу народа. У першую чаргу развіццё набываюць творы народнага мастацтва з ярка выяўленай дэкаратыўнай функцыяй, якія арганічна і натуральна ўключыліся ў традыцыйны інтэр'ер або выконвалі сувенірныя ці мастацкія функцыі. У адпаведнасці з гэтым на першы план вылучаюцца дэкаратыўныя якасці твораў народнага мастацтва і прадукцыі традыцыйных промыслаў, узбагачаюцца іх формы і дэкор.

Непапраўную шкоду дэкаратыўна-прыкладнаму мастацтву нанесла акупацыя Беларусі нямецка-фашысцкімі захопнікамі. Спынілі сваю дзейнасць мастацкія арцелі і майстэрні, дамы народнай творчасці, былі разрабаваны ці знішчаны фонды музеяў, разбураны і так не надта шматлікія прадпрыемствы мастацкай прамысловасці. Загінула і шмат народных майстроў – захавальнікаў нацыянальных традыцый. Неабходна было аднавіць, а ў некаторых выпадках і стварыць нанова не толькі прамысловую базу, але і забяспечыць яе кваліфікаванымі кадрамі. Нягледзячы на цяжкасці, аднаўленне прамысловай базы для развіцця дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, разбуранай у гады Вялікай Айчыннай вайны, пачалося з другой паловы 1940-х гг. Былі ўзведзены нанова ці рэканструяваны такія прадпрыемствы, як Віцебскі дывановы камбінат (1946 г.), фаянсава-фарфоравы завод у Мінску (1951 г.), Аршанскі льнокамбінат (кан. 1940-х гг.), шклозаводы ў Барысаве і ў пасёлку Бярозаўка («Нёман», 1944 г.). На працягу першага пасляваеннага дзесяцігоддзя пачынаюць дзейнічаць асобныя мастацкія цэхі, арцелі, як, напрыклад, у г. п. Івянец (Валожынскі раён Мінскай вобл.)

па вырабе керамікі, у г. Жлобіне (Гомельскай вобл.) па вырабе побытавых драўляных рэчаў з аплікацыяй іх саломкай. У дадзены перыяд выпускам разнастайнай прадукцыі, асноўную частку якой складаюць ткацтва, вышыўка, вязаныя і плеценыя рэчы, цацкі, ганчарныя і драўляныя такарны посуд, займаюцца прадпрыемствы Беларускага мастацка-прамысловага саюза. Гэта прадукцыя задавальняла патрэбы насельніцтва і не вылучалася высокімі мастацкімі якасцямі. У пераважнай большасці аўтараў клапаціла знешняя прыгажосць, насычанасць паверхняў дэкарам у выглядзе стылізаваных раслінных форм, геаметрычных арнаментаў.

Заклучэнне. Трэба адзначыць, што працэс хуткага адраджэння дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва пасля вызвалення Беларусі быў досыць неаднародны і супярэчлівы. Прафесійнае прыкладнае мастацтва, якое патрабавала і адпаведна падрыхтаваных кадраў, і належнай базы, не адразу змагло заняць прыкметнае месца ў пасляваенным мастацтве рэспублікі.

Асабліва вострай была праблема кадраў прафесійных мастакоў вышэйшай кваліфікацыі. З 1941 г. спецыялістаў дэкаратыўнага мастацтва пачало рыхтаваць адно Маскоўскае вышэйшае мастацка-прамысловае вучылішча (былое Стrogанаўскае), і толькі ў 1951 г. адкрылася Ленінградскае вышэйшае мастацка-прамысловае вучылішча імя В. І. Мухінай [2, с. 41].

Відавочна, што дастатковай колькасці спецыялістаў гэтыя навучальныя ўстановы даць не маглі. У Беларусі яшчэ доўгі час адчувалася вострая патрэба ў мастацкіх кадрах, што ў значнай ступені паўплывала на развіццё дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва.

Літаратура

1. Жук, В. И Декоративно-прикладное искусство Беларуси XVIII–XX вв.: становление и тенденции развития / В. И. Жук. – Минск: Бел. наука, 2006. – 319 с.
2. Лазука, Б. А. Гісторыя беларускага мастацтва: у 2 т. / Б. А. Лазука. – Мінск: Беларусь, 2007. – Т. II. XVIII – пачатак XXI стагоддзя. – 351 с.
3. Беларусь: у 10 т. / Я. М. Сахута. – Мінск: Бел. навука, 2005. – Т. 8: Дэкаратыўна-прыкладнае мастацтва. – 351 с.
4. История русского искусства: в 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953–1962 / под ред. И. Э. Грабаря. – 1961. – Т. XII. – С. 532–533.

ПЕРШАЯ СУСВЕТНАЯ ВАЙНА І ІНТЭЛІГЕНЦЫЯ БЕЛАРУСІ

The article reveals the tragedy of Belarus in the years of the First World War which caused the death of hundreds of thousands of people and made more than a million become refugees. The after-months of the war may have been more tragic if it were not for the activities of our national intellectuals who selflessly worked in refugee commissions and at children boarding schools, took care of the wounded, provided working places. For the needed, opened new schools where the teaching process was carried out in the native language. The intellectual elite believed in the future of Belarus, informed European peoples about the troubles of the Motherland and asked for help in building our own native state.

Уводзіны. Расійская палітычная эліта, ігнаруючы вопыт няўдалых для яе войн у нядаўнім мінулым, зноў увязалася ў яшчэ больш маштабны ваенны канфлікт з Германіяй і Аўстра-Венгрыяй у нераўнапраўным саюзе з Англіяй і Францыяй. Ваенны міністр Расіі У. Сухамлінаў у пачатку 1914 г. з апломбам пісаў: «Не только армия, но и весь русский народ должен быть готов к мысли, что мы должны вооружиться для истребительной войны против немцев и что германские империи должны быть разрушены, хотя бы пришлось пожертвовать сотнями тысяч человеческих жизней» [1].

Характэрны інтэлект тагачасных царскіх міністраў. У трывожны для краіны час не знайшлося дальнабачных палітыкаў, якія змаглі б утрымаць агрэсіўную пасрэднасць і не дапусціць трагедыі. Загінулі не сотні тысяч жыхароў імперыі, а мільёны. І як вынік авантуры – глыбокі крызіс дзяржавы.

Асноўная частка. Першыя ахвяры ваеннага псіхозу ў Беларусі з'явіліся яшчэ ў час мабілізацыі запасных у дзеючую армію. Па прыгаворы ваенна-палявых судаў былі пакараны смерцю найбольш актыўныя пагромшчыкі панскіх маёткаў, піўных устаноў з ліку мабілізаваных у ліпені 1914 г. Паўсюдна праходзілі маніфестацыі, малебны, сходны, дзе гучалі заклікі да грамадзянскай згоды ў імя абароны айчыны, да ахвяр на карысць перамогі [2].

Малаадукаваны, а то і непісьменны беларус верыў многаму з таго, у чым яго пераконвалі царква, канцылярыя, чыноўнікі. І ў гэты ж час (з канца XIX і пачатку XX стст.) заметна вырасла колькасць нацыянальна свядомай інтэлігенцыі. Большасць з іх былі самаахвярнымі людзьмі, сапраўднымі патрыётамі Беларусі. У даваенны час, пераадольваючы забароны, палітычныя пераследы, абапіраючыся на дапамогу пэўнай часткі польскай, украінскай, рускай інтэлігенцыі, яны друкавалі беларускія кнігі, газеты, стваралі грамадска-палітычныя таварыствы, партыі, арганізавалі вечарыны, спектаклі.

Праз творчасць пісьменнікаў у народзе пашыраецца беларуская ідэя, распаўсюджваюцца веды па гісторыі.

Менавіта газета «Наша ніва» была адзінай у Паўночна-Заходнім краі, якая змясціла вершы

Янкі Купалы, дзе быў выказаны погляд паэта на вайну. Вайна вядзецца не ў інтарэсах народа, яна нясе народам не згоду, волю і шчасце, а пагрозу гібелі і незлічоныя бедствы [3].

У гісторыі беларускай літаратуры і навукі унікальнае месца займае творчасць Міхайлы Грамыкі. Сын селяніна з Гомельшчыны, закончыў у 1911 г. Маскоўскі ўніверсітэт, удзельнік рэвалюцыйных падзей 1905–1907 гг., член РСДРП, друкаваў вершы ў маскоўскіх выданнях. Як палітычна ненадзейны не змог атрымаць пасадку настаўніка ў Беларусі. Працаваў выкладчыкам у Адэсе, штогод прыязджаў улетку на Радзіму. У 1914 г. з групай настаўнікаў-турыстаў наведаў Германію, Італію, Швейцарыю. У Швейцарыі яго застала вестка пра пачатак вайны. Там, у Берне, і напісаў Міхайла Грамыка верш «З далекага тылу», у якім выказаў глыбокую трывогу за лёс чалавецтва, гнеўны праклён тым, хто распачаў сусветную крываваў бойню, заклапочанасць магчымымі бедамі Беларусі.

У 1921 г. М. Грамыка вярнуўся на Радзіму. Выкладаў у педтэхнікуме, БДУ, працаваў у Інбелкульце, Беларускай АН, прымаў удзел у пошуках нафты на Палессі. Быў аўтарам вершаў, паэм, драматычных твораў, падручнікаў. 13 ліпеня 1930 г. арыштаваны НКВС, паўтарыў лёс большасці беларускай інтэлігенцыі: высылка ў расійскую глыбінку, кляймо «вораг народа», фізічныя і маральныя пакуты [4].

«Наша ніва» у № 37 за 18 верасня 1914 г. змяшчае артыкул «Нашы пісьменнікі і грамадскія працаўнікі на вайне», у якім называюцца імёны тых, хто быў мабілізаваны ў армію. Сярод іх Якуб Колас, Максім Гарэцкі, публіцыст Лявон Гмырак, паэт А. Гурло, старшыня Віленскага Беларускага музычна-драматычнага гуртка Б. Даніловіч, юрыст Г. Царык, студэнт-медык С. Луцкевіч і інш. Рэдакцыя жадае, каб яны цэлымі і здаровымі вярнуліся з вайны ў родную старонку, якой так патрэбны працоўныя рукі на ніве грамадзянскай работы [5].

Не маглі ведаць нашаніўцы ў той час, што вайна прынясе жahlівыя страты. Загінуць ці будуць пакалечаны сотні тысяч жыхароў Беларусі, звыш 2 млн. чалавек стануць бежанцамі [6]. Найбольш адчувальнымі для краю была гібелі

часткі яшчэ пераважна маладой інтэлігенцыі. 30 чэрвеня 1915 г. у баях пад крэпасцю Коўна загінуў 24-гадовы, таленавіты публіцыст, крытык Л. Гмырак. Згубіўся ў віхуры вайны малады здольны паэт, перакладчык М. Арол, якога высока цаніў М. Багдановіч.

Самы яркі, драматычны след сусветнай вайны пакінула ў жыцці і творчасці таленавітага Максіма Гарэцкага. Ён быў цяжка паранены ва Ўсходняй Прусіі яшчэ ў пачатку вайны. Пасля выздараўлення зноў трапіў на фронт у раён Пінска. У 1917 г. небяспечна захварэў і канчаткова звольніўся з вайскавай службы [7]. Бесчалавечная жорсткасць, бессэнсоўнасць вайны была для яго добра зразумелай. Ён як ніхто іншы бачыў кроў на фронце, пакуты жанчын, дзяцей, старых, голад, хваробы, бежанскія абозы ў невядомасць. Жывым сведкам, чалавечым дакументам пра вайну, як і творы яго сучаснікаў Анры Барбюса «Агонь», Эрыху Марыі Рэмарка «На Заходнім фронце без зменаў», Эрнста Хэмінгуэя «Бывай, зброя!», стала аповесць М. Гарэцкага «На імперыялістычнай вайне». Гарэцкі паказвае жахі франтавога побыту, якія паўтараюць падобныя апісанні яго еўрапейскіх калег, што сведчыць аб назіральнасці і глыбіні развагаў аўтара. Думка пра народ, які ўстае з каленяў, узвышае галоўнага героя твора Лявона Задуму над падзеямі і ўласным лёсам, яго хвалююць пытанні: «А ці вызваліцца мой народ? Што яму дасць гэта вайна?» Яго падтрымлівае вера: «І не дарэмна мы тут ваюем – да нечага даваемся. І калі тут не заб'юць, то надыдзе пара – паваюем і за нешта другое» [8].

Дыяпазон творчай дзейнасці М. Гарэцкага надзвычай шырокі. Мастацкая проза, журналістыка, гісторыя літаратуры, выкладчыцкая дзейнасць. Прырода шчодра адарыла М. Гарэцкага талентам. І ён, нібыта прадчуваючы свой кароткі век, працаваў як апантаны. Шмат чаго яшчэ мог бы зрабіць для свайго народа гэты унікальны чалавек.

Найвялікшай бядой беларусаў было бежанства. Мірнае насельніцтва з набліжэннем фронту прымусява высялялася з родных хат у блізкі і далёкі тыл. Па дарозе на ўсход людзі хварэлі, галадалі, паміралі. Сотні магіл заставаліся ўздоўж гасцінцаў.

Ход вайны не дабаўляў аптымізму. Расійская армія несла вялікія страты. Колькасць абяздоленых расла. Інтэлігенцыя як найбольш свядомая частка грамадства пачала актыўна ствараць дабрачынныя бежанскія таварыствы. Найбольш дзейзвольнымі з іх былі ў Петраградзе, Вільні, Мінску. У Расійскай сталіцы ў гэты час была самая вялікая беларуская дыяспара.

Заснавалі таварыста і актыўна працавалі ў ім Б. Энімах-Шыпіла, Б. Тарашкевіч, А. Ярэмчык, Ч. Родзевіч, З. Жылуновіч і інш. Землякоў падтрымлівалі матэрыяльна і маральна сотні

беларусаў, якія жылі ў Петраградзе і ў навакольных паселках. Таварыства аказвала дапамогу грашмыма і рэчамі, адкрыла інтэрнаты для беларускіх студэнтаў і вучняў, дзіцячы прытулак, кравецкую майстэрню, выдавала лістоўкі з заклікамі ахвяраваць грошы для бежанцаў.

Але беларускую інтэлігенцыю у Петраградзе хвалявалі і праблемы духоўнага адраджэння народа. П. Мядзёлка успамінала, як кожную суботу вечарамі збіралася беларуская моладзь на квартэры прафесара Б. Энімах-Шыпілы. Сюды заходзілі жывапісец Я. Драздовіч, збіральнік беларускіх народных песень А. Грыневіч, кампазітар С. Казура, інжынеры, аграномы. Б. Тарашкевіч чытаў даклад аб асновах беларускай граматыкі, хтось выступаў з рэфератамі па гісторыі і эканоміцы Беларусі. Я. Драздовіч расказваў аб стылі старадаўніх касцёлаў, цэркваў і іншых помнікаў архітэктуры. З. Жылуновіч прыносіў падпольную рэвалюцыйную літаратуру, гаварыў аб рабочым руху на заводах [9].

Аналагічная арганізацыя была заснавана ў красавіку 1915 г. у Вільні. У розны час у ёй працавалі А. Луцкевіч, В. Ластоўскі, В. Іваноўскі, Я. Салавей і інш. Таварыства арганізоўвала пункты харчавання, сталовыя, інтэрнаты. Сродкі складаліся з членскіх узносаў, ахвяраванняў, прыбыткаў з дабрачынных мерапрыемстваў. Арганізацыя аказвала не толькі матэрыяльную дапамогу ахвярам вайны, але гуртавала вакол сябе дзеячаў беларускага нацыянальнага руху, што засталіся ў Вільні.

Праводзілася шырокая культурна-асветная дзейнасць сярод дарослых і дзяцей. Для арганізацыі беларускіх школ была створана камісія. Яе намаганнемі 13 лістапада 1915 г. у Вільні пачала працу першая беларуская пачатковая школа, а ў 1916 г. у горадзе дзейнічала 5 беларускіх школ. Навучанне было бясплатным, бедных вучняў таварыства забяспечвала адзеннем і харчаваннем. Школьная камісія распрацоўвала навучальныя праграмы, прызначала настаўнікаў, выдавала падручнікі.

Вясной 1916 г. адбыўся першы выпуск слухачоў беларускіх настаўніцкіх курсаў, арганізаваных школьнай камісіяй у снежні 1915 г. у Вільні. У канцы 1916 г. у мястэчку Свіслач пачала працаваць беларуская настаўніцкая семінарыя. Падрыхтоўка настаўнікаў дазволіла значна пашырыць школьную адукацыю. На працягу 1917–1918 гг. на акупіраваных тэрыторыях былі адкрыты 153 беларускія пачатковыя школы [10].

Мінск у першыя месяцы вайны стаў амаль прыфрантавым горадам. Размяшчаліся тут тысячы вайскоўцаў, работнікаў тылу. І ў той жа час ілюзія вялікага і заможнага горада прыцягвала ў Мінск дзесяткі тысяч бежанцаў. І калі ў 1914 г. тут пражывала 100 тыс., то ў 1915 г. – ужо 250 тыс. чалавек [11].

Забеспячэнне таварамі насельніцтва было недастатковым. Спекулятыўныя цэны, чэргі, мізэрныя заробкі, беспрацоўе вялі да голаду. Інтэлігенцыя Мінска яшчэ летам 1916 г. стварыла Таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны. Кіраўніком яго стаў адвакат В. Чаусаў, здольны арганізатар. Яго падначаленымі былі Ф. Шантыр, З. Верас, З. Бядуля, Ядвігін Ш., А. Паўловіч, У. Фальскі, У. Галубок, А. Смоліч і інш. Таварыства арганізавала некалькі сталовак, начлежак, пункт медыцынскай дапамогі, стварыла дзесяткі рабочых месцаў для беспрацоўных, вазіла на аздараўленне дзяцей у маёнтак Карпілоўка, які належаў Ядвігіну Ш.

Думаючы пра пасляваенны час, члены таварыства наладзілі агародніцка-пчалаярскія курсы для бежанцаў з мэтай падрыхтаваць іх да аднаўлення знішчаных гаспадарак.

Вялікай падзеяй для мінскай інтэлігенцыі быў прыезд у горад М. Багдановіча ў верасні 1916 г. Цяжка хворы паэт, прадчуваючы непраўнае, хацеў пажыць у Мінску, у сваім родным горадзе, дыхнуць паветрам Бацькаўшчыны, пачуць жывую беларускую мову. Шмат пісаў, рыхтаваўся да напісання чытанкі-хрэстаматы для дзетак [12]. М. Багдановіч часта наведваў так званую «Беларускую хатку», дзе размяшчалася сталовая для бежанцаў, працавала бібліятэка, якая стала своеасаблівым клубам беларускай інтэлігенцыі. У адзін з вечароў канца 1916 г. паэт напісаў тут знакамітую «Пагоню». Гэта быў як бы завет, зварот да беларусаў берагчы Радзіму, што ў які ўжо раз у сваёй гісторыі перажывала трагічныя часы [13].

На акупіраваных немцамі тэрыторыях Беларусі і Літвы ўзнаўлялася палітычная дзейнасць. Група інтэлігенцыі краю стварыла Канфедэрацыю Вялікага княства Літоўскага. 9 снежня 1915 г. быў апублікаваны універсал канфедэрацыі, у якім аб'яўляліся мэты арганізацыі і быў сфармуляваны зварот да ўсіх нацый, арганізацый і грамадзян з заклікам далучыцца да іх.

Амаль адначасова ў Вільні дзейнічалі Беларускае народнае камітэт і Сувязь незалежнасці і непадзельнасці Беларусі. Сярод арганізатараў і ўдзельнікаў палітычных груповак былі А. Луцкевіч, В. Ластоўскі, В. Святаполк-Мірскі, К. Шафпагель і інш. Вядомыя інтэлектуалы, дасведчаныя ў тагачаснай палітыцы, патрыёты краю імкнуліся гуртаваць сілы, каб у пасляваенны час знайсці шляхі да будаўніцтва нацыянальнай дзяржавы.

Сведчаннем росту палітычнай актыўнасці беларусаў з'явіўся ўдзел іх прадстаўнікоў (А. Луцкевіча і В. Ластоўскага) ў міжнародных канферэнцыях у красавіку 1916 г. у Лазане (Швейцарыя) і ў студзені 1917 г. у Стакгольме (Швецыя).

Там упершыню ў навейшай гісторыі паднімалася пытанне аб палітычнай і культурнай аўтаноміі для Беларусі ў складзе Расійскай дзяржавы [14].

Заклучэнне. Кароткі аналіз супярэчлівага, складанага перыяду нашай гісторыі сведчыць пра значны інтэлектуальны, палітычны, арганізацыйны патэнцыял народа і найперш яго інтэлігенцыі. Ён яшчэ не раз праявіць сябе ў бліжэйшай і далёкай перспектыве.

Літаратура

1. Милоков, П. Н. Воспоминания: в 2 т. / П. Н. Милоков. – М.: Современник, 1990. – Т. 2 (1859–1917). – С. 148.

2. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / пад рэд. М. П. Касцюка. – Мінск, Беларусь, 1994. – Ч. 1. – С. 441–442.

3. Янка Купала. Збор твораў: у 7 т. / Янка Купала. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1976. – Т. 3. – С. 267–280.

4. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, БелЭн, 1996. – Т. 3. – С. 116.

5. Пуцявінамі Янкі Купалы. Дакументы і матэрыялы / Г. В. Кісялёў (укладальнік). – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – С. 93–94.

6. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, БелЭн, 1993. – Т. 1. – С. 473.

7. Бугаёў, Д. Арыгінальны мастак: прадмова / Д. Бугаёў // Гарэцкі, М. Выбраныя творы: у 2 т. / М. Гарэцкі. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1973. – Т. 1. – С. 9.

8. Баршчэўскі, Л. Беларуская літаратура і свет: ад эпохі рамантызму да нашых дзён: папулярныя нарысы / Л. Баршчэўскі, П. Васючэнка, М. Тычына. – Мінск: Радыёла-плюс, 2006. – С. 213.

9. Мядзёлка, П. В. Сцежкамі жыцця / П. В. Мядзёлка // Мастацкая літаратура. – Мінск, 1974. – С. 89–91.

10. Юры Туронак. Мадэрная гісторыя Беларусі / Юры Туронак. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. – С. 519–522.

11. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі / З. Шыбека. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. – С. 178.

12. Верас, З. З дзённікавы запісаў. З жыцця Максіма Багдановіча / З. Верас // Бацькаўшчына: зб. гістарычнай літаратуры. – Мінск, Юнацтва, 1992. – С. 128, 136–139.

13. Шыбека, З. Прэм'ера Максімавай «Пагоні»: / З. Шыбека // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска: у 4 кн. – Мінск: Белта: 2001–2005. – Кн. 2. – С. 261–262.

14. Мірановіч, Я. Найноўшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. – С. 27.

І. М. Рыжанкоў, асістэнт

ГАЛОЎНЫ І ГУБЕРНСКІЯ ЗЯМЕЛЬНЫЯ КАМІТЭТЫ НА ЗАВЯРШАЛЬНЫМ ЭТАПЕ ПАДРЫХТОЎКІ АГРАРНАЙ РЭФОРМЫ: ПА МАТЭРЫЯЛАХ БЕЛАРУСІ

In the article of activity of the Main thing and provincial ground committees in a direction of preparation of an agrarian reform in second half of 1917 is shined. Importance and ambiguity of the permission of an agrarian question, existence polar under the maintenance party agrarian programs Russia is considered. On the Belarus material features to an agrarian policy of the cabinets Time to the government reveal. The place of an agrarian question against events of October revolution is shown. Article is executed with use of archival materials, memoirs works and results of author's researches.

Уводзіны. У савецкі час аграрная палітыка кабінетаў Часовага ўрада не займала цэнтральнае месца ў коле тэматык гістарычных даследаванняў. Як правіла, яна набывала фонавы характар або асвятлялася з асуджальных пазіцый. У ліку такіх аўтараў Я. П. Лук'янаў, І. М. Ігнаценка, В. І. Кастрыкін і інш. На сучасным этапе шэраг расійскіх даследчыкаў (С. М. Арцёмаў, А. І. Дзіндараў, В. В. Лямін і інш.) актыўным чынам прысвячаюць гэтай праблеме кандыдацыя і доктарскія даследаванні. У беларускай гістарыяграфіі апошніх часоў трапляюцца артыкулы І. В. Гур'янавай аб працы зямельных камітэтаў, але не больш за тое.

Асноўная частка. На этапе разгортвання Лютаўскай рэвалюцыі сялянства Беларусі, як і ўсёй Расійскай дзяржавы, прыняла да ведама запэўніванні Часовага ўрада аб часе і ўмовах вырашэння зямельнага пытання і ў цэлым выконвала ўсе патрабаванні яго мясцовых органаў [1, с. 127–130]. З самага пачатку рэформы ход падрыхтоўкі да ажыццяўлення аграрнага пытання сустракаў істотныя перашкоды. Мала таго, па меры палітызацыі грамадскага жыцця і пагаршэння эканамічнага становішча ў краіне стваралася пагроза нармальнай падрыхтоўцы аграрнай рэформы. Асноўнай прычынай запавольвання гэтага працэсу на ўзроўні Міністэрства земляробства і Галоўнага зямельнага камітэта з'яўлялася процідзеянне з боку кадэцкіх міністраў у ажыццяўленні асноўнага патрабавання сялянскіх з'ездаў аб наданні зямельным камітэтам яшчэ да склікання Устаноўчага сходу большых паўнамоцтваў у галіне распараджэння, у тым ліку размеркавання памешчыцкай, царкоўнай і іншай зямлэй.

Некаторы прагрэс у гэтым пытанні вызначыўся пасля ліпеньскага ўрадавага крызісу. Так, 12 ліпеня міністрам земляробства была ўхвалена пастанова, якая перадавала ўсе справы па продажы і залогі зямлі ў распараджэнне губернскіх зямельных камітэтаў. А 16 ліпеня выйшла ў свет інструкцыя В. М. Чарнова аб кампетэнцыі зямельных камітэтаў, у тым ліку ў сферы прыватнага землеўладання. Так, валасныя зямельныя камітэты набывалі права перадачы незапатрабаваных ворыўных зямель і сенакосаў

у арэнду сялянам, што трапляла ў супярэчнасць з палажэннямі пастанова ад 11 красавіка, паводле якой незапатрабаванай зямельнай уласнасцю распараджаліся харчовыя камітэты [2, с. 766]. Прычым у выпадку адмовы вяскоўцаў плаціць уладальніку за арэнду грошы падлягалі перадачы павятовым зямельным камітэтам, якія вярталіся яму (уладальніку) толькі пасля ўплаты падаткаў. Акрамя таго, інструкцыя дазваляла зямельным камітэтам (у кантакце з харчовымі) перадаваць сялянам у карыстанне («пракат») незапатрабаваную прыватнаўласніцкую рабочую жывёлу і інвентар. Зямельныя камітэты займелі права нагляду за правільнай эксплуатацыяй лясоў, у тым ліку прыватнаўласніцкіх, а таксама водпуску яго жыхарам. У выніку замест установы, дзейнасць якой абмяжоўвалася пытаннямі падрыхтоўкі праекта аграрнай рэформы і вырашэння аграрных спрэчак, зямельныя камітэты выступілі ў якасці арганізацыі з паўнамоцтвамі дзяржаўнага органа ўлады.

Ізноў-такі відавочна, што азначаныя камітэты ў сваёй працы былі запраграмаваны перш за ўсё на забеспячэнне інтарэсаў працоўнага сялянства. Таму істотным фактарам, які стрымліваў класавую накіраванасць палітыкі міністра Чарнова ў аграрным пытанні, паслужыў цыркуляр міністра ўнутраных спраў І. Цэрэтэлі (меншавік), разасланы 18 ліпеня. У адпаведнасці з дакументам зямельным камітэтам належала прадухіляць спробы вяскоўцаў «самавольна ажыццявіць зямельную рэформу»; ствараць прымірэнчыя камеры, каб пасля Устаноўчага сходу «перадаць гэты [зямельны] фонд працоўнаму сялянству» [3, арк. 20–21]. Прычым міністр падкрэсліў у тэлеграме, што выключнае права распараджэння незапатрабаванымі ўгоддзямі – ворывам, сенакосамі, выганамі – належала харчовым камітэтам. На месцах распараджэнне І. Цэрэтэлі стала тэмай для абмеркавання і прыняцця канкрэтных захадаў. Так, 23 ліпеня Магілёўскі губернскі зямельны камітэт разаслаў ніжэйшым камітэтам цыркуляр, які пацвярджаў права харчовых камітэтаў на распараджэнне «свабоднымі» землямі. Валасным зямельным управам належала перагледзець

усе распараджэнні і пастановы аб здачы сенакосаў і палёў у арэнду без згоды ўладальніка [4, арк. 66]. На Віцебшчыне таксама прымаўся пэўныя меры да ўпарадкавання дзейнасці зямельных камітэтаў. 26 ліпеня на пасяджэнні прадстаўнікоў харчовых і зямельных камітэтаў Дрысенскага павета было вырашана неадкладна перадаць ад валасных зямельных камітэтаў да харчовых «незакончаныя справы па ўборцы ўраджаю і сенакосаў і па заворванні зямель» [5, арк. 195–196]. У жніўні А. А. Валковіч адзначаў, што зямельныя камітэты губляюць «свой аўтарытэт і замест рэформы магчымы бунт» [6, арк. 346–347]. Невыпадкава 14 жніўня Галоўны зямельны камітэт скасаваў рашэнні III і IV сесіі Віцебскага зямельнага камітэта аб «унясенні грошай за буйную арэнду не ўласнікам маёнтку», а на свой рахунак [7, арк. 348], а 26 жніўня скасаваў пастановы Магілёўскага зямельнага камітэта аб пераглядзе арэндных здзелак [8, арк. 111]. Мінскі губернерскі камісарыят таксама бачыў рэальныя прычыны «шматлікіх дэфектаў дзейнасці зямельных камітэтаў» і 17 жніўня пастанавіў звярнуцца да Часовага ўрада з хадайніцтвам аб тэрміновым выданні ім законапалажэнняў аб зямельных адносінах, прычым каб гэтае пытанне рэгулявалася не мясцовымі, а цэнтральнымі ўладамі. Можна меркаваць, што падобны праект ужо наспеў у нетрах урада, бо 4 верасня Галоўны зямельны камітэт абнародаваў «Агульны план дзейнасці губернерскіх, павятовых і валасных зямельных камітэтаў па падрыхтоўцы зямельнай рэформы» [9, арк. 414].

Пэўнае ўдакладненне правоў зямельных камітэтаў, а таксама ўвядзенне ў жніўні-верасні крымінальнай адказнасці за гвалтоўныя захопы пасеваў, ураджаю, выгнанне рабочых і інш. істотна не адбілася на стане аграрнага руху. Характэрна, што менавіта зямельныя камітэты, а ніякія іншыя, зрабіліся асноўнымі парушальнікамі не толькі аграрнага, але і харчовага заканадаўства. Невыпадкава напрыканцы верасня Міністэрства земляробства прадпісала губернерскім і павятовым зямельным камітэтам прыняць захады, «каб валасныя [зямельныя] камітэты не перашкаджалі збору хлябоў» [10]. Адначасова ў пастановах сялянскіх і сумесных з рабоча-салдацкімі дэлегатамі з'ездаў Беларусі ўзмацніліся патрабаванні да Часовага ўрада аб перадачы яшчэ да склікання Устаноўчага сходу ўсіх зямельных спраў у кампетэнцыю зямельных камітэтаў. Пры гэтым адпаведныя санкцыі, да прыкладу, аб перадачы сялянам памешчыцкай зямлі пад азімыя пасевы, аддаваліся губернерскімі зямельнымі камітэтамі. Па сутнасці, не ставала толькі ўрадавага дакумента, якому належала б зафіксаваць de-jure тое, што адбылося de-facto. 10 кастрычніка адпаведную рэзалюцыю аб «выданні ў самым спешным парад-

ку закона аб перадачы пад улік лясоў і прыватнаўласніцкіх маёнткаў з жывым і мёртвым інвентаром зямельным камітэтам» прынялі ўдзельнікі ўсіх зямельных і харчовых камітэтаў Віцебскай губерні ў прысутнасці прадстаўніка міністра земляробства Н. С. Асланава [11]. Характэрна, што менавіта ў гэты дзень і былі прыняты «Часовыя правілы аб ахове лясоў і іх рубкі» [12, с. 32–34]. Цяпер рубка леса дапускалася з дазволу губернерскіх і павятовых зямельных камітэтаў. У выніку ўласнікі практычна поўнасцю пазбавіліся права свабоднага распараджэння лясной маёмасцю.

Варта адзначыць, што восенню, нягледзячы на ўход у адстаўку В. М. Чарнова, аграрная палітыка Міністэрства земляробства па-ранейшаму вызначалася паслядоўным адстойваннем інтарэсаў працоўнага сялянства. Так, на пачатку верасня камісіяй па размеркаванні зямельнага фонду Галоўнага зямельнага камітэта было распрацавана «Палажэнне аб ліквідацыі прыватнага землеўладання». Як адзначалася ў газеце «Могилевская жизнь» ад 12 верасня, буйныя сялянскія гаспадаркі, якія карысталіся наёмнай працай і валодалі «купчай» зямлёй, а таксама тое «землеўладанне, якое перавышала двайную норму землекарыстання спажывецкай працоўнай гаспадаркі», траплялі пад «ліквідацыю» на раўне з памешчыцкім. Такім чынам, аграрная палітыка Часовага ўрада адбывалася пад моцным уздзеяннем лідэраў ПС-Р, а таксама міністраў-сацыялістаў В. М. Чарнова, А. Ф. Керанскага, М. Дз. Аўксенцьева, С. Маслава. На Беларусі гэтая акалічнасць выявіла сябе ў амаль поўнай падпарадкаванасці эсэрам сялянскіх арганізацый, узначаленні імі многіх дзяржаўных органаў самакіраванняў, найбольшай папулярнасці іх партыі напярэдадні выбараў ва Устаноўчы сход. Але па многіх прычынах эсэрам не ўдалося давесці сваю зямельную праграму да лагічнага завяршэння. Важнейшая з іх – пралік у форме і выніках барацьбы за ўладу ў лістападзе 1917 г., а таксама недаацэнка палітычнай мабільнасці партыі бальшавікоў. Ужо ва ўмовах палітычнага крызісу, з прыходам 10 кастрычніка С. Л. Маслава на пасаду міністра земляробства [13, с. 348] ім быў распрацаваны законапраект аб перадачы прыватнаўласніцкай зямлі ў загаданне зямельных камітэтаў, які быў абнародаваны 25 кастрычніка, тады, калі ў Петраградзе ўжо фактычна пачалося ўзброенае паўстанне [14, арк. 4]. Невыпадкава таму, амаль адначасова з азначаным законапраектам, 26 кастрычніка здабыткам грамадскасці зрабіўся «Дэкрэт аб зямлі», складзены У. І. Леніным і прыняты дэлегатамі II Усерасійскага з'езда Саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў. У адпаведнасці з ім усе землі, акрамя сялянскіх, пераходзілі ў загаданне валасных зямельных камітэтаў і павятовых Саветаў

сялянскіх дэпутатаў для далейшага размеркавання па працоўна-спажывецкай норме. Разам з тым права канчатковага вырашэння зямельнага пытання пакідалася дэпутатам Устаноўчага схода. У цэлым, складзены на аснове эсэраўскай зямельнай праграмы [15, с. 80] ленінскі дэкрэт па змесце амаль не адрозніваўся ад законапраекта міністра земляробства С. Маслава. З пачаткам узброенага паўстання ў Петраградзе лёс абодвух дакументаў залежаў ад вынікаў палітычнай барацьбы за дзяржаўную ўладу. Акрамя таго, ва ўмовах распачатай перадвыбарчай кампаніі ва Устаноўчы сход пытанне: хто – бальшавікі ці эсэры, «дасць сялянам зямлю» – набывала прынцыповы, вострапалітычны характар, таму ўсе партыі імкнуліся яшчэ да выбараў парламента ажыццявіць абвешчаныя аграрныя праекты.

Кожны з бакоў выкарыстоўваў свой арсенал сродкаў: бальшавікі і левыя эсэры – сілу Ваенна-рэвалюцыйных камітэтаў і рэарганізаваных Саветаў; эсэры – зямельныя камітэты. Пры гэтым першыя скіравалі сваю энергію на барацьбу супраць органаў Часовага ўрада на месцах і таму не мелі магчымасці арганізавана правесці канфіскацыю панскай маёмасці. А другія, маючы сетку зямельных камітэтаў і вопыт паўгадавой дзейнасці, такую магчымасць мелі і прыступіліся да яе ажыццяўлення больш асэнсавана. Так, ужо 5–6 лістапада на з’ездзе дэмакратычных арганізацый Магілёўскага павета была прынята рэзалюцыя аб пераходзе ўсіх зямель у загаданне зямельных камітэтаў пад наглядом Магілёўскага Савета сялянскіх дэпутатаў [16, арк. 116]. Працягваю думку, варта ўгадаць зварот да сялян ад 8 лістапада Мінскага губернскага зямельнага камітэта, які быў надрукаваны ў газеце «Соціаліст-Рэволюціонер» 16 лістапада. Выступіўшы з крытыкай дэкрэта аб зямлі, камітэт пацвердзіў свае паўнамоцтвы як «вам і ж (сялянамі) абранага і адданага вам органа» і заклікаў устрымацца ад не санкцыянаваных ім «выступленняў з боку валасных і павятовых зямельных камітэтаў... па ўзяцці зямель і іх распараджэнні».

Толькі з усталяваннем Савецкай улады бальшавікі здолелі надаць больш увагі сваёй аграрнай праграме. Важнейшым накірункам іх аграрнай палітыкі, у тым ліку на Беларусі, была арганізацыя ўліку і канфіскацыя панскай маёмасці. Створаны Часовым урадам апарат для рэалізацыі аграрнай рэформы – зямельныя камітэты – стаў у апазіцыю да Савецкай улады. Невыпадкава 25 лістапада новы віцебскі губернскі камісар П. І. Салонка ў сваім цыркуляры да валасных зямельных камітэтаў запатрабаваў неадкладна правесці перавыбары, каб ачысціць іх ад тых асоб, перакананні якіх супярэчылі рашэнням II Усерасійскага з’езда, і ў хуткім часе ўзяць на ўлік памешчыцкую маёмасць

[17, с. 291–292]. Паказальна тое, што новым уладам так і не ўдалося перацягнуць зямельныя камітэты на свой бок. Невыпадкава 15 снежня Віцебскі губернскі з’езд Саветаў у рэзалюцыі па аграрным пытанні патрабаваў распусціць існаваўшыя зямельныя камітэты, бо яны «не знаходзяцца на абароне інтарэсаў працоўных мас» [18, с. 49–50]. Неўзабаве пасля заняцця Стаўкі атрадамі М. В. Крыленкі, не раней як 21 лістапада, на адрас павятовых зямельных камітэтаў Магілёўшчыны (акрамя аршанскага і гомельскага) пайшлі тэлеграмы з прадпісаннем ажыццявіць канфіскацыю і ўлік памешчыцкай маёмасці [19, арк. 81].

У далейшым лідэры сялянскіх Саветаў і зямельных камітэтаў павялі гэту работу больш актыўна. Іншая справа, што ў дакуменце, прынятым з гэтай нагоды 26 лістапада губернскім зямельным камітэтам (старшыня М. П. Воранаў), адсутнічалі спасылкі на адпаведны дэкрэт СНК [20, арк. 160]. Але вядома, што яго далейшая дзейнасць ажыццяўлялася ў рэчышчы аграрнай палітыкі бальшавікоў. Фактычнае супадзенне аграрнай палітыкі абедзвюх партый прадухіліла адкрыты канфлікт органаў Савецкай улады з сялянскімі Саветаў Магілёўшчыны і абумовіла іх збліжэнне. Лагічным завяршэннем гэтага працэсу стала прызначэнне работнікаў Саветаў і зямельных камітэтаў на адказныя пасады ў губернскі выканкам.

З перамогай у Петраградзе ўзброенага паўстання ажыццяўленне на Міншчыне ленінскіх дэкрэтаў мела найлепшыя з іншых губерняў шанцы па прычыне моцнага ў гэтым прыфрантавым рэгіёне ўплыву бальшавікоў. Але толькі пасля распаду Камітэта ратавання рэвалюцыі, склікання III з’езда Саветаў сялянскіх дэпутатаў Мінскай і Віленскай губерняў і ўтварэння Абласнога выканаўчага камітэта Заходняй вобласці і фронту рэалізацыя дэкрэта аб зямлі была пастаўлена ў практычную плоскасць. Таму, у прыватнасці, спрыяла стварэнне Камісарыята па зямельных справах на чале з левым эсэрам Дайнэкам [21, с. 62]. Але ў рэальнасці ўся справа засяродзілася ў руках абранага летам губернскага зямельнага камітэта, які і заняўся ажыццяўленнем аграрнай рэформы. Паводле ўспамінаў яго старшыні С. П. Каваліка, «з-за таго, што з’явіліся не столькі праціўнікі, колькі жадаўшыя па-свойму распараджацца работай зямельнага камітэта, то я палічыў мэтазгодным адправіць тады тэлеграму народнаму камісару земляробства, левому эсэру Калегаеву, у якой апісваў стан спраў у спадзяванні атрымаць ад яго адабрэнне рабоце камітэта. Калегаеў не замарудзіў адказаць у пажаданым для мяне сэнсе, так што справа ў нас працягвалася ў ранейшым парадку да заняцця Беларусі немцамі» [22, с. 108].

Заклучэнне. Такім чынам, асвятляючы дзейнасць зямельных камітэтаў Беларусі, варта

адзначыць наступныя акалічнасці: па-першае, яна адбывалася ва ўмовах спрыяльнай, у інтарэсах працоўнага сялянства аграрнай палітыкі Часовага ўрада; па-другое, па сацыяльным складзе губернскага зямельнага камітэтаў уяўлялі сабой сялянска-інтэлігенцкія, а павятовыя і асабліва валасныя – пераважна сялянскія органы; па-трэцяе, па партыйнай прыкмеце членамі губернскіх і павятовых зямельных камітэтаў з’яўляліся эсэры (зрэд-ку энэсы), валасных – беспартыйныя сяляне.

У сукупнасці гэтыя фактары абумовілі паступальнае задавальненне сялянскіх патрэб у зямлі, пашы, лесе і г. д., а таксама паспяховаю падрыхтоўку да аграрнай рэформы. Недасканаласць заканадаўчай базы ў вырашэнні зямельнага пытання, вузкапартыйныя інтарэсы арганізатараў сялянства, няспыннае пагаршэнне сацыяльна-эканамічнага і палітычнага становішча ў краіне і многае іншае выклікала шматлікія перавышэнні зямельнымі камітэтамі сваіх паўнамоцтваў, што ў сваю чаргу азначала пачатак аграрнай рэформы.

Прамаруджанне з выданнем закона аб перадачы ўсёй прыватнай, дзяржаўнай, царкоўнай зямлі ў распараджэнне зямельных камітэтаў тлумачылася процідзеяннем кадэцкіх міністраў, якія лічылі гэтую акцыю выключна прэрагатывай Устаноўчага схода. Выданне ленінскага дэкрэта аб зямлі, заснаванага на эсэраўскай аграрнай праграме, толькі дэкларавала асноўныя прынцыпы маючай адбыцця рэформы. На справе яе падрыхтоўка на Беларусі пачалася толькі ў снежні 1917 г., прычым у рэчышчы эсэраўскага праекта сацыялізацыі. З усталяваннем Савецкай улады на Беларусі кіраўнікі зямельных камітэтаў, нягледзячы на палітычныя рознагалосці з бальшавікамі, бралі актыўны ўдзел у ажыццяўленні аграрнай рэформы.

Літаратура

1. Рыжанкоў, І. М. Галоўны і губернскія зямельныя камітэты на пачатковым этапе падрыхтоўкі аграрнай рэформы: па матэрыялах Беларусі / І. М. Рыжанкоў // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 127–130.
2. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. За первую половину 1917 года. – Петроград: Сенатская типография, 1917. – 766 с.
3. Нацыянальны Архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ). – Фонд 60. Інстытут гісторыі партыі і сацыялістычнай рэвалюцыі пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 181.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей НГАБ). – Фонд 2679. Быхаўскі павятовы зямельны камітэт. – Воп. 1. – Спр. 5.
5. НАРБ. – Фонд 624. Віцебскі губернскі харчовы камітэт. – Воп. 1. – Спр. 4.

6. НАРБ. – Фонд 60. Інстытут гісторыі партыі і сацыялістычнай рэвалюцыі пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 243.

7. НАРБ. – Фонд 60. Інстытут гісторыі партыі і сацыялістычнай рэвалюцыі пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 243.

8. НГАБ. – Фонд 2679. Быхаўскі павятовы зямельны камітэт. – Воп. 1. – Спр. 5.

9. НГАБ. – Фонд 2679. Быхаўскі павятовы зямельны камітэт. – Воп. 1. – Спр. 12.

10. Предписание земельным комитетам // Могилевская жизнь. – 1917. – 24 сент. – С. 4.

11. Сопещение представителей и членов Губернского, уездных и волостных земельных и продовольственных комитетов Витебской губ. // Известия Витебского губернского Совета крестьянских депутатов. – 1917. – 17 окт. – С. 3–4.

12. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. За вторую половину 1917 года. – Петроград: Сенатская типография, 1917. – 3234 с.

13. Политические партии России конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, Российская политическая энциклопедия. – 1196 с.

14. НАРБ. – Фонд 60. Інстытут гісторыі партыі і сацыялістычнай рэвалюцыі пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 213.

15. История Беларуси: в 2 ч. / под ред. Я. И. Трещенка. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. – Ч. 2. – 310 с.

16. НАРБ. – Фонд 60. Інстытут гісторыі партыі і сацыялістычнай рэвалюцыі пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 168.

17. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы: в 2 т. / редкол.: Г. С. Горбунов [и др.]. – Минск: Госиздат БССР, 1957. – Т. 1. Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль – октябрь 1917 г.). – 1008 с.

18. Фих, Б. М. Аграрная революция в Белоруссии (1917–1920 гг.) / Б. М. Фих. – Минск: Высшая школа, 1966. – 414 с.

19. НГАБ. – Фонд 2679. Быхаўскі павятовы зямельны камітэт. – Воп. 1. – Спр. 9.

20. НГАБ. – Фонд 2679. Быхаўскі павятовы зямельны камітэт. – Воп. 1. – Спр. 5.

21. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.) / М. Я. Сяменчык: у 2 ч. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 2001. – Ч. II: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. – 160 с.

22. Ковалик С. Ф. // Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. – М., 1989. – 108 с.

У. М. Сцебурака, асістэнт

ТРАНСФАРМАЦЫЯ ОРГАНАЎ УЛАДЫ ПАСЛЯ ЛЮТАЎСКОЙ РЭВАЛЮЦЫІ 1917 Г. НА БЕЛАРУСІ

The article contains information about problems of governing in Belarus after the February revolution of 1917. Here are denoted and characterized the most important moments of relations between central and local authorities, here are presented its organizational and structural changes. In this work we give some examples of the transformation process which took place in the studying period. The article is devoted to the problems of formation and development of the democratic government during The First World War.

Уводзіны. Праблематыцы падзей Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. прысвечана значная колькасць гістарычных прац, але ў савецкі перыяд тэма Лютаўскай рэвалюцыі праходзіла як другая, якая проста папярэднічала наступнай лёсавызначальнай падзеі – кастрычніцкаму ўзброенаму паўстанню ў Петраградзе. Было прынята лічыць, што сэнс усіх змен быў у жорсткай класовай барацьбе, але зараз зразумела, што 1917 г. найбольш яскрава праяўляецца ў лёсе дэмакратычнай альтэрнатывы, якая бадай што ўпершыню гэтак магутна праявіла сябе на расійскай прасторы пасля краху царызму. Рэвалюцыйная дэмакратыя ў тых часы фактычна была па-за канкурэнцыяй, бо мела рэальную сацыяльную падтрымку грамадства. Важную ролю ў тым крэдыце даверу, які атрымаў Часовы ўрад ад насельніцтва, бачыцца ва ўзвжаным падыходзе да праблемы функцыянавання органаў кіравання. Гэты падыход як працэс найбольш еміста характэрызуецца тэрмінам «трансфармацыя», што азначае пераўтварэнне, змяненне нечага з захаваннем важных ранейшых уласцівасцяў.

У гэтых абставінах надзвычай важным бачыцца зварот увагі да пытанняў, што тычацца змен у механізме дзяржаўнай машыны. Адным з галоўных складальнікаў падзей рэвалюцыйных часоў з’яўляецца комплекс праблем, звязаных з сістэмай кіравання дзяржавай. Менавіта пераход ад самаўладдзя да дэмакратыі, канструкцыя сістэмы ўлады на месцах і ў цэнтры, асабліваці функцыянавання органаў улады на Беларусі, іх суіснаванне на дадзеным этапе патрабуюць дасканалы вывучэння, бо доўгі час гэтыя пытанні заставаліся другараднымі, саступаючы па важнасці палітычнаму напаўненню тых падзей.

Асноўная частка. Лютаўская рэвалюцыя 1917 г. пазбавіла Расію манархічнага ладу і прывяла да ўлады Часовы камітэт Дзяржаўнай думы, які «ўзяў у свае рукі стварэнне нармальнага ўмоў жыцця і кіравання ў сталіцы і заклікаў дзейныя войскі і флот захоўваць поўны спакой...» [1, с. 3]. Часовы камітэт Дзяржаўнай думы здолеў засяродзіць уладу ў сваіх руках як у сталіцы, так і ў дзяржаве наогул. Найперш перад ім паўсталі задачы стабілізацыі становішча.

У сувязі з гэтым ліквідуюцца найбольш адыёзныя інстытуты старой улады – паліцыя, жандармерыя, установы Міністэрства двара, губернатары, земскія начальнікі. 8 сакавіка Часовы ўрад прымае пастанову аб утварэнні Надзвычайнай следчай камісіі па расследванні злоўжыванняў былых царскіх міністраў. У сакавіку аб’яўляецца палітычная амністыя, а ў красавіку скасоўваецца і адміністрацыйная высылка. Пачатак быў пакладзены, але было зразумела, што ліквідацыя асобных інстытутаў царскай сістэмы кіравання сама па сабе не магла стварыць трывалы падмурак для новага ладу і таму важнае месца было адведзена распрацоўцы будучай мадэлі дзяржаўнасці Расіі. Ужо 8 сакавіка пачынаецца падрыхтоўка палажэнняў аб выбарах ва Устаноўчы сход, а 21 красавіка ствараецца Асобная нарада па распрацоўцы праекта палажэння аб выбарах у яго.

Пачынаецца праца па перабудове апарату кіравання на месцах. 4 сакавіка Часовы ўрад прымае пастанову «аб рэарганізацыі адміністрацыйнай улады на месцах», згодна якой ад улады былі адхіленыя губернатары і віцэ-губернатары. Ствараліся новыя ведамствы: 10 сакавіка 1917 г. – Часовае ўпраўленне па справах грамадскай паліцыі, 22 сакавіка – Юрыдычная нарада пры Часовым ўрадзе. Апошняя кантралявала пастановы, праводзячы юрыдычныя экспертызы. Краіна імкліва ўваходзіла ў новы этап свайго развіцця. Газета «Речь» у тых дні пісала: «Для Расіі надыходзіць эпоха самадзейнасці і самакіравання. Грамадства стварае свае камітэты, саветы, камісарыяты, якія імкнуцца ўрэгуляваць забеспячэнне насельніцтва харчовымі прадуктамі і г. д.» [2]. Прызнавалася пажаданым захаванне існуючага адміністрацыйнага механізма для падтрымання нармальнага ходу жыцця. Такім чынам, гаворка ішла пра прыставанне старой сістэмы кіравання да новых умоў, што азначала захаванне пэўнай пераемнасці ў сістэме органаў улады, а не яе карэнную ломку. Гэтая з’ява найбольш паслядоўна прасочваецца на ўзроўні ўсталявання ўлады грамадскіх камітэтаў і камісараў Часовага ўрада, а таксама на працэсе стварэння міліцыі – найбольш важных элементаў сістэмы Міністэрства ўнутраных спраў, якія найперш адчулі на сабе

ўздзеянне ліберальных павеваў дэмакратычнай рэвалюцыі.

У першыя дні сваёй працы члены Часовага ўрада звярнуліся да кіраўнікоў губернскіх земстваў і гарадскіх самакіраванняў з заклікам аб стварэнні грамадскіх органаў кіравання з мэтай аховы парадку, спакою і харчовага забеспячэння насельніцтва [3]. Для стварэння камітэтаў грамадскай бяспекі склікаліся агульнагарадскія сходы ці пашыраныя пасяджэнні гарадскіх самакіраванняў. На Беларусі ў сакавіку 1917 г., як і па ўсёй краіне ў цэлым, ствараліся грамадскія камітэты ў губернях, паветах і валасцях. Адначасова з узнікненнем грамадскіх камітэтаў адбывалася фарміраванне і ўсталяванне губернскіх камісарыятаў.

У Мінску 3 сакавіка пасля абмеркавання тэлеграмы, якая прыйшла з Петраграда на адрас губернскай управы і гарадской думы, кіраўнікі апошніх Б. М. Самойленка і С. Б. Хржанстоўскі дасягнулі пагаднення аб усталяванні ў горадзе часовага грамадскага органа для падтрымкі спакою і парадку. На сходзе з удзелам каля 70 чалавек пад старшынствам Б. М. Самойленкі былі выказаны прапановы «ўсталяваць Камітэт грамадскай бяспекі, абраць грамадзянскага каменданта для загадвання паліцыяй і міліцыяй і праціць галоўнакамандуючага зацвердзіць камітэт і каменданта». Па прапанове С. Б. Хржанстоўскага грамадзянскім камендантам быў абраны Б. М. Самойленка [3]. 5 сакавіка старшыня Часовага ўрада накіраваў на адрас старшынь губернскіх земскіх упраў тэлеграмы аб ускладанні на іх абавязкаў па кіраванні губернямі ў якасці губернскіх камісараў з захаваннем функцый іх папярэднікаў (губернатураў) [4, л. 16]. На Беларусі першымі губернскімі камісарамі сталі: Б. М. Самойленка (Мінская губерня), В. А. Судзілоўскі (Магілёўская), М. Л. Карташоў (Віцебская). Абавязкі павятовых камісараў ускладзіліся адпаведна распараджэнню Часовага ўрада на старшыняў павятовых земскіх упраў. Зводзіліся функцыі новых чыноўнікаў найперш да кантролю над такімі надзённымі і неадкладнымі справамі, як захаванне грамадскага парадку, забеспячэнне прадуктамі насельніцтва, рэарганізацыя праваахоўных органаў і фарміраванне апарату мясцовай улады ўсіх узроўняў. Так, у гэтым рэчышчы дзейнічаў мінскі губернскі камісар Б. М. Самойленка, які для рэарганізацыі ўлады і аховы грамадскага парадку ў губерні стварыў групу ўпаўнаважаных, якая стала асновай губернскага выканаўчага камітэта (камісарыята), у складзе работнікаў УЗС, Земгара, ВПК, губернскага земства, мінскай думы ды інш., усіх 7 чалавек. 3 9 сакавіка пачала выходзіць газета «Вестник Минского губернского комиссара», якая публікавала афіцыйныя дакументы, цыркуляры і інш. Апарат кіравання ствараўся і ў паветах Мінскай губерні. На працягу

сакавіка там адбыліся сходы земстваў з удзелам землеўладальнікаў, духавенства, чыноўніцтва, гандляроў, сялянства, рамеснікаў, якія фарміравалі павятовыя камісарыяты і вылучалі прадстаўніцтва ў губернскі камісарыят [5].

У Магілёве пры губернскім камісары В. А. Судзілоўскім быў створаны часовы губернскі камітэт з удзелам членаў губернскага і павятовага земстваў. Як і ў Мінскай губерні, тут адбывалася рэарганізацыя земстваў і фарміраванне павятовых камісарыятаў. Гэтая праца была праведзена і ў Гомелі, дзе земская ўправа на чале са старшынёй падала ў адстаўку, а да ўдзелу ў фарміраванні новай улады атрымалі доступ «выбарныя ад сялян і дэмакратычных груп» [6, л. 28].

Акрамя стварэння азначаных структур, у першыя дні працы Часовы ўрад выдаў пастановы, накіраваныя на стабілізацыю і паляпшэнне сітуацыі ў краіне. Сярод іх былі указы, што змяншалі напружанасць у грамадстве, выкліканую злоўжываннямі царскіх чыноўнікаў, рэпрэсіўнай дзейнасцю судавага і паліцэйскага апаратаў. Пастановай ад 10 сакавіка 1917 г. скасоўваўся дэпартамент паліцыі і стваралася Часовае ўпраўленне па справах грамадскай паліцыі [1, с. 27]. Гэты крок быў надзвычай важным, бо старая царская паліцыя была тым прадстаўніком дзяржавы, што меў найбольш шчыльны паўсядзённы кантакт з народамі. Паліцыя ў Расіі была фактычна выканаўцам усіх распараджэнняў вышэйшых органаў улады, і таму яна мела сутыкненне з усімі сферамі жыцця шэраговага грамадзяніна. Яна без перабольшання можа быць названай адзіным пасярэднікам паміж уладай і насельніцтвам, таму яе ліквідацыя была адной з найбольш заўважных (разлічаных на станоўчы водгук грамадства) і адначасова адной з найбольш рызыкаўных змен у сістэме МУС. Акрамя паліцэйскага апарату быў скасаваны і інстытут жандармерыі, якая выконвала абавязкі выканаўчай паліцыі [7, с. 186].

Міліцыя Часовага ўрада напачатку стваралася пры адсутнасці адзіных і дакладных інструкцый адносна былой царскай паліцыі, што абумоўлівала рознае стаўленне да яе з боку грамадскасці. Так, у сакавіку пашыранай з'явай былі арышты былых паліцэйскіх з далейшым накіраваннем іх у войска для адпраўкі ў дзеючыя часткі. МУС у маі 1917 г. выдала пастанову, якая загадвала ўсім былым паліцэйскім чынам, якія пакінулі скасаваныя пасады, з'явіцца ў прызыўныя пункты, каб прайсці агляд камісіі і папоўніць шэрагі ваеннаслужачых рэгулярнага войска [4, с. 41]. Адначасова здаралася, што былыя паліцэйскія кадры прыцягваліся да праваахоўнай службы (Гомель, Мінск, Магілёў) [3]. Так, паводле распараджэння магілёўскага губернскага камісара ад 6 сакавіка, дапускалася накіраванне «у дапамогу міліцыі, калі сустрэ-

нецца патрэба, чыноў мясцовай паліцыі, якія павінны знаходзіцца ў поўным яе распараджэнні» [10]. Невыпадкова, што пэўны час, асабліва ў сельскіх мясцовасцях, новым уладам для аховы парадку даводзілася скарыстоўваць былых паліцэйскіх. Дарэчы, і жандары нават пасля скасавання іх інстытута працягвалі выконваць звыклую працу, нягледзячы на недвухсэнсоўны загад Часовага ўрада спыніць усялякую дзейнасць. Напрыклад, начальнік Магілёўскага губернскага жандарскага ўпраўлення палкоўнік Яленскі хаця і загадаў 4 сакавіка сваім падначаленым спыніць палітычны росшук, арышты і назіранні на прадмет выяўлення недабранадзейнасці сярод насельніцтва, але прапанаваў працягваць «высвятленне агітатараў і падпольнага руху супраць вайны, мець усебаковае назіранне за рабочымі, што абслугоўваюць прадпрыемствы, якія працуюць на патрэбы абароны, у сэнсе папярэджання злаўмысных забастовак з мэтай падарваць узброеныя сілы арміі, а гэтаксама мець назіранне за войскамі ў сэнсе сувязі іх з агітатарамі супраць вайны» [6, с. 21].

Загады разышліся па губернях і паступова пачалі прыводзіцца ў дзеянне. У пачатку сакавіка 1917 г. у Мінску знешняя паліцыя была заменена на грамадзянскую міліцыю і быў створаны спецыяльны Часовы гарадскі камітэт з выканаўчай часткай для заведвання справамі міліцыі [3]. Было вырашана, што за думай застанецца выкананне толькі гаспадарчых функцый, а Камітэт грамадскай бяспекі павінен узяць у свае рукі частку: утварэнне міліцыі і зносіны з ваеннай уладай. Арганізацыя парадку была даручана М. А. Міхайлаву. Тут жа на сходзе быў распачаты запіс служачых у міліцыю [6, с. 15]. 4 сакавіка адбыўся агульны сход служачых і рабочых Усерасійскага земскага саюза. Паводле пастанова зноў абранага выканкама на базе гэтай арганізацыі ўтварылася гарадская міліцыя. У гэты ж дзень грамадзянскі камандант Б. М. Самойленка абвясціў загад аб прызначэнні М. А. Міхайлава «часовым начальнікам міліцыі УЗС па ахове парадку ў горадзе», загадаўшы таксама «гарадскім чынам паліцыі выдаць Міхайлаву зброю, якая маецца ў іх распараджэнні, па вопісу» [6, с. 15]. На працягу 4 сакавіка ў горадзе сіламі міліцыі былі заняты паліцэйскае ўпраўленне, ахоўны і вышукковы аддзелы і амаль усе паліцэйскія пасты. Паліцэйскія чыны перадалі зброю міліцыі ўсерасійскага земскага саюза, якая ўзяла ўсе ўрадавыя ўстановы, пошту, тэлеграф пад сваю ахову. У той самы дзень адбылася нарада з удзелам Б. М. Самойленкі, С. Б. Хржанстоўскага, І. І. Віткевіча, некаторых членаў Камітэта грамадскай бяспекі, а таксама мінскага паліцмайсара А. А. Лебяды з нагоды ўтварэння ў горадзе міліцыі. Было вырашана фарміраваць яе з гараджан з часовым уключэннем чыноў паліцыі, «але з раз-

борам па рэкамендацыі жыхароў і падпарадкаваннем яе грамадзянскаму каманданту» [3]. За два тыдні сакавіка паўсюдна ў губерні адбыліся выбары ўчастковых начальнікаў міліцыі [9]. Для канчатковага сфарміравання міліцыі ў паветах у распараджэнне барысаўскага, бабруйскага, ігуменскага, мазырскага і рэчыцкага павятовых камісараў вайсковымі ўладамі былі накіраваны атрады салдатаў па 50–60 чалавек [10].

У гэты ж час займаецца стварэннем міліцыі і віцебскі камісар М. Карташоў [11, с. 15]. У Віцебску 4 сакавіка адбылося сумеснае пасяджэнне думы з удзелам начальніка Дзвінскай ваеннай акругі генерала Зуева, губернатара Хітрава, чыноўнікаў земства, прадстаўнікоў дваранства і інш. Генерал і губерндар публічна абвясцілі аб сваёй прыхільнасці новаму ўраду. Галосныя думы ўзялі на сябе працу па стварэнні часовага органа ўлады «дзеля ўсталявання ў горадзе парадку, спакою і аховы асобы і маёмасці». Са свайго складу імі была вылучана рабочая група з 10 чалавек на чале з гарадскім галавой Вегліным. У ліку першаступенных былі наменчаныя мерапрыемствы па раззбраенні паліцыі, арышту варожых элементаў, канфіскацыі архіваў, арганізацыі народнай міліцыі, утварэнні харчовай і юрыдычнай секцыі, а таксама па ўпарадкаванні сходаў і мітынгаў.

Асобнай і істотнай для Беларусі з’явай першых месяцаў пасля Лютаўскай рэвалюцыі становіцца тое, што ваеннае камандаванне часткова бярэ на сябе функцыі цывільных улад і, часам, нават арганізацыі новых уладных органаў у сваім тыле.

Услед за адозвамі Часовага ўрада ваенныя звярталіся да насельніцтва з заклікамі. Так, 5 сакавіка 1917 г. галоўны начальнік ДВА генерал Зуеў звяртаецца з адозвай да «Грамадзян акругі», у якой абвясчае аб пераходзе да Новага ладу, аб прызнанні гэтага ладу Галоўнакамандуючым і афіцэрамі Расійскай арміі і заклікае грамадзян захоўваць найперш парадак. У звароце таксама абвясчаецца еднасць войска з народам. Вайсковае кіраўніцтва дэкларуе ўсебаковую падтрымку насельніцтву ў стварэнні новых структур – харчовых камітэтаў і міліцыі, беручы на сябе нават адказнасць за абяззбройванне старой паліцыі, і абяцае самым рашучым чынам прыпыняць рабаўніцтвы і бязладдзе [12, л. 26]. У пастановах ваенных улад таксама можна заўважыць прыкметы лібералізацыі, агульныя для ўсёй краіны ў той час. Так, 7 сакавіка 1917 г. чарговай абавязковай пастановай галоўны начальнік ДВА адмяняе ранейшыя абмежаванні, што датычыліся неасцярожнага аглашэння ці публічнага распаўсюджвання звестак пра дзейнасць кіраўнічых органаў і дзяржаўных асобаў [12, л. 27]. Ваенныя ўлады, нягледзячы на сур’ёзныя складанасці з забеспячэннем харчам, фуражом і амуніцыяй, на падзенне ўзроўню

дысцыпліны і кантролю над салдатамі, прыкладалі ўсе намаганні, каб трымаць пад кантролем падуладную ім прыфрантавую зону, абапіраючыся на новыя структуры цывільных улад Часовага ўрада. Прыведзеныя прыклады загадаў ваеннага камандавання дазваляюць зрабіць выснову, што на пераходным этапе армія, у асобе яе вышэйшага камандавання, стала ў пэўным сэнсе пасярэднікам паміж цэнтральнай уладай у сталіцы краіны і мясцовым апаратам, які напачатку быў неўніфікаваным і не меў дакладна акрэсленай кампетэнцыі. Сама армія ў складаных умовах эканамічнага крызісу і палітычнай нягэўнасці ўсё ж была яшчэ здольнай выконваць і прамыя абарончыя функцыі і забяспечваць кардынальную дзеянню з грамадзянскімі ўладамі прыфрантавых губерняў.

Заклучэнне. Такім чынам, звесткі па арганізацыі губернскіх і павятовых органаў улады пасля Лютаўскай рэвалюцыі сведчаць аб актыўнай падтрымцы Часовага ўрада насельніцтвам краю і трывалым становішчы апошняга. Сцвярджаць гэта даваляе мірны і паслядоўны пераход улады ад царскіх дзяржаўных структур мясцовага кіравання да прадстаўнікоў новага ладу. Паступовая трансфармацыя органаў улады паспрыяла таму, што Часовы ўрад успрымаўся насельніцтвам як пераемнік папярэдняй царскай улады, а значыць – легітымнай сілай у вачах законапаслухмяных грамадзян. Усведамленню гэтага спрыяў апошні закон Мікалая II – Маніфест 2 сакавіка, які афіцыйна зацвярджаў новы кабінет міністраў на чале з Г. Львовым. Ды і сама назва «Часовы ўрад» недвухсэнсоўна сведчыла пра спадзяванне на адпаведную пастанову Устаноўчага схода аб утварэнні ўрада пастаяннага. Пра пераемнасць старой і новай сістэм сведчыла і ашчаднае стаўленне часовага ўрада да ранейшай заканадаўчай базы. Пасля Лютаўскай рэвалюцыі былі выдалены толькі асобныя законы і прынятыя найбольш неабходныя новыя (12 сакавіка 1917 г. адменена пакаранне смерцю; 13 сакавіка адбылося скасаванне ваенна-палявых судоў; 17 сакавіка аб'яўлена аблягчэнне стану асоб, якія здзейснілі крымінальныя злачынствы; 20 сакавіка адбылася адмена рэлігійных і нацыянальных абмежаванняў і г. д.) [13, с. 570, 579, 585, 587–588]. Адсутнасць фактаў безсэнсоўнага руйнавання старых парадкаў выклікала давер насельніцтва, асабліва на пачатку дзейнасці Часовага ўрада. Пазнейшая тэндэнцыя да замены асобных прадстаўнікоў

улады ўзмацнілася потым, пасля «Красавіцкага крызісу», а ў сакавіку, за рэдкім выключэннем, насельніцтва Беларусі безумоўна прызнала новыя органы ўлады і выконвала іх распараджэнні. У параўнанні з тым ваенна-паліцэйскім рэжымам, што існаваў тут да рэвалюцыі, новая ўлада зблізілася з народам, даўшы яму спадзяванні на вырашэнне сваіх злабадзённых патрэб. І нягледзячы на тое, што на гэтым этапе пабудовы органаў улады не назіралася адзінства ні ў назвах, ні ў складзе, ні ў вызначэнні іх дакладных функцый, менавіта новыя органы ўлады на месцах і ўзялі на сябе ўсе найважнейшыя абавязкі, прычым зрабілі гэта дастаткова паспяхова. Шмат у чым гэта можна патлумачыць іх пашыраным, сапраўды дэмакратычным складам, які абумоўліваў удзел у працы камітэтаў шырокіх пластоў насельніцтва. Праз гэта камітэты займелі досыць высокі грамадскі аўтарытэт і паклікалі да супрацоўніцтва людзей, якія шчыра віталі новы лад і аддана працавалі на карысць Айчыны.

Літаратура

1. Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Петроград, 1917. – Вып. I (27 февраля 1917 года – 5 мая 1917 года).
2. Речь. – 1917. – 10 марта.
3. Минский голос. – 1917. – 5 марта.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 622. – Оп. 1. – Д. 2. Распоряжения председателя Временного правительства, МВД и Витебского губернского комиссара.
5. Вестник Минского губернского комиссара. – 1917. – 26 апреля.
6. НАРБ. – Фонд 60. – Оп. 3. – Д. 216. – Л. 23.
7. Слиозберг, Г. Б. Дореволюционный строй России / Г. Б. Слиозберг. – Париж, 1933. – 287 с.
8. Гомельская копейка. – 1917. – 8 марта.
9. Вестник Минского губернского комиссара. – 1917. – 14 марта.
10. Минская газета. – 1917. – 26 апреля.
11. НАРБ. – Фонд 622. – Оп. 1. – Д. 4. Канцелярия Витебского губернского комиссара, циркуляры МВД и переписка с ними уездных комиссаров.
12. НАРБ. – Фонд 622. – Оп. 1. – Д. 7. Обязательные постановления и приказы Временного Правительства и главнокомандующего армией Западного фронта.
13. Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства: в 2 т. – Петроград, 1917. – Т. 1.

У. М. Сцебурака, асістэнт

ДЗЕЙНАСЦЬ РАСІЙСКИХ ВАЕННЫХ УЛАДАЎ НАПЯРЭДАДНІ І Ў ПЕРШЫЯ МЕСЯЦЫ ЛЮТАЎСКАЙ РЭВАЛЮЦЫІ 1917 Г. НА БЕЛАРУСІ

The article contains information about activity of Russian military structures in Belarus during the First world war before and after the February revolution of 1917. There are denoted spesific fiatures of this process. In this work we give special attension to the relations of military structures and local authorities in time when important changes have taken place in the country. We give some examples of the transformation process which took plase in the studing period. The article is devoted to the problems of formation and development of the democratic government during The First World War.

Уводзіны. Вывучаючы Лютаўскую рэвалюцыю 1917 г. у Расійскай імперыі, нельга пакідаць па-за ўвагай той кантэкст, у якім развіваліся падзеі, то бок кантэкст Першай Сусветнай вайны. Менавіта вайна распачала навейшы перыяд усеагульнай гісторыі і скаланула ўсё расійскае грамадства. 1 жніўня 1914 г. непасрэдна звязанае з Лютым і Кастрычнікам 1917 г. у Расіі, з лістападам 1918 г. у Германіі, з сакавіком 1919 г. у Венгрыі. Вайна 1914–1918 гг. як спецыфічны этап сусветнай гісторыі дала магутны імпульс выкарыстанню гвалтоўных метадаў вырашэння міждзяржаўных, нацыянальных і сацыяльных праблем на ўсё XX ст., таму без уліку вопыту і наступстваў вайны нельга зразумець тыя гістарычныя ўмовы, у якіх праходзіла дэмакратычная рэвалюцыя 1917 г. З пачаткам Першай сусветнай вайны адбыліся істотныя змены ў эканоміцы, палітычным жыцці, псіхалогіі насельніцтва. Пры гэтым армія па-ранейшаму аказвала ўплыў на палітыку і штодзённую рэчаіснасць, і яе роля ў бягучых працэсах заставалася вельмі значнай. Важным момантам бачыцца неабходнасць абвяржэння тэзіса пра «развал» войска і немагчымасць працягу выканання ім ранейшых функцый. Такім чынам, разгледзім у артыкуле некаторыя істотныя моманты ўзаемаадносін ваенных і цывільных улад пад час вайны як на агульнадзяржаўным узроўні, так і ў межах беларускіх губерняў Расійскай імперыі.

Асноўная частка. З набліжэннем лініі фронту да межаў Расіі беларускія губерні патрапілі ў сферу ўплыву ваеннага камандавання. На ваенным становішчы апынуліся землі, што былі ў раёне дзейнасці Заходняга фронту: Вілейскі, Дзісенскі, Свянцянскі, Ашмянскі паветы Віленскай губерні; Віцебскі, Веліжскі, Гарадоцкі, Лепельскі, Невельскі, Полацкі паветы Віцебскай губерні; усе паветы Мінскай і Магілёўскай губерняў [1, с. 36]. Пэралічаныя тэрыторыі зазналі дзейнасць законаў ваеннага часу. Прыфрантавыя землі Расійскай імперыі не былі выключэннем. У першыя гады вайны ў большасці краін адбыліся істотныя змены: была згорнутая дзейнасць прадстаўнічых інстытутаў, уводзіліся жорсткія меры супраць апазіцыйнай прэсы і

партый, ліквідаваліся правы прафсаюзаў і сацыяльныя заваёвы, часцей пачалі ўжывацца меры паліцэйска-рэпрэсіўнага характару, ствараліся ваенна-палявыя суды. Адначасова з істотным пашырэннем ролі выканаўчай улады паўсюдна вялікі ўплыў набылі кіруючыя ваенныя структуры – стаўкі, генеральныя штабы, камандуючыя франтамі, акругамі і буйнымі ваеннымі адзінкамі [2, с. 225].

На прыфрантавых тэрыторыях дзейнічалі законы ваеннага часу, гэта так званыя «Правілы аб мясцовасцях, што аб'яўленыя на ваенным становішчы» (існавалі ў выглядзе дадаткаў да Зводу законаў Расійскай імперыі) [3, с. 1], і, таксама, абавязковыя пастановы, што выдаваліся камандуючымі франтамі і вайсковымі акругамі. Менавіта яны дэкларавалі ў падрабязнасцях жыццё насельніцтва прыфрантавых паветаў і насілі характар забаронаў. Важна адзначыць, што нагляд за выкананнем, спагнанне штрафаў і налажэнне пакаранняў у выпадку парушэння пастаноў ускладалася на губернатараў (а пасля на губернскіх камісараў Часовага Ураду). Абавязковыя пастановы ўжо са жніўня 1914 г. пачалі абмяжоўваць розныя сферы жыцця: гандаль, набыццё пэўных матэрыялаў, перасоўванне грамадзян у межах паветаў і інш. [3, л. 5, 13, 28]. Асобнай функцыяй, якой былі надзеленыя ваенныя ўлады на тэатры баявых дзеянняў, была цэнзурная. З пачаткам Першай сусветнай вайны 20 ліпеня 1914 г. упершыню ў Расіі было афіцыйна зацверджана «Часовае палажэнне аб ваеннай цэнзурі» і створаны яе апарат. Па ім паштовая ваенная цэнзура ўводзілася ў поўным аб'ёме «на тэатры баявых дзеянняў і часткова ў іншых раёнах краіны» [4, с. 160]. Менавіта яна, шырока распаўсюдзіўшы свае паўнамоцтвы, заставалася абсалютна незалежнай, бо, згодна закону, «ніякае ўрадавае месца, установа ці асоба ў імперыі не маглi патрабаваць ад ваенных ніякіх справаздач» [5, с. 47].

З усталяваннем фронту ў 1915 г. (на Беларусі па лініі Дзвінск-Баранавічы-Пінск) расійскае войска сутыкнулася з новымі складанасцямі, і абавязковыя пастановы, а значыць, і глыбіня пранікнення вайсковых інтарэсаў у жыццё цывільнага насельніцтва, сталі больш разнастайнымі

і ўзраслі колькасна. Восенню-зімой 1916 г. галоўны начальнік Дзвінскай ваеннай акругі (ДВА) рэгламентуе сваімі абавязковымі пастановамі рубку лесу, продаж і куплю некаторых тавараў і кошты на іх, забараняе вываз за межы акругі гужавага транспарту і інш. [1, л. 2, 7, 12]. У студзені 1917 г. дадаюцца пастановы аб забароне вывазу з ДВА газы і свечак, удакладняецца парадак прыцягнення жыхароў віцебскай губерні да перавозак грузаў і г. д. [1, л. 10, 14]. Асабліва акутальнымі напярэдадні Лютаўскай рэвалюцыі становяцца барацьба з дэзерцірствам і ўхіленнем ад вайскавай службы, процідзеянне ўцёкам ваеннапалонных, а таксама барацьба з абаротам спіртаўтрымліваючых вадкасцяў і самагонаварэннем.

Апошняя стала сапраўдным бедствам краю і клопатам улад усіх узроўняў. 22 жніўня 1914 г. Мікалай II падпісаў закон аб забароне продажу гарэлкі на час вайны. Пачаткова гэтая мера дала пэўны плён: увосень 1914 г. агульная колькасць злачынстваў скарацілася, так што міністр юстыцыі нават аддаў загад аб прыпыненні будаўніцтва новых турмаў; пажары ў сельскай мясцовасці зменшыліся на трэць; узраслі ўклады насельніцтва ў банкі; падвысілася вытворчасць працы [4, с. 154]. Але адначасова з'явіліся і складанасці: дзяржава страціла сур'езную крыніцу даходу (да сярэдзіны 1917 г. сухі закон пазбавіў скарбніцу 2,5 млрд. руб., што складала 10% ад расходаў на ваенныя патрэбы), а насельніцтва пачало нелегальную вытворчасць гарэлкі. Пра маштабы сведчаць лічбы, сабраныя даследчыкам А. Мак-Кі: у 1913 г. паліцыя мела звесткі ўсяго пра 600 выпадкаў самагонаварэння, у 1915 г. – аб 6000, а толькі за верасень 1916 – май 1917 г. – аб 9351 выпадку [4, с. 155]. Пры гэтым у крыніцах паведамляецца, што лічбы ў гэтых справах трэба памнажаць на 10, каб уявіць сапраўдны маштаб з'явы. Неаспрэчнымі ж цэнтрамі самагонаварэння названыя Беларусь, Урал і Сібір.

На пярэднім краі барацьбы з усімі парушэннямі была паліцыя. Часта і жандармерыі прыходзілася, адхіляючыся ад сваіх непасрэдных абавязкаў, займацца пошукам дэзерціраў і самагоншчыкаў [6, л. 1]. Каардынацыяй дзеянняў з жандармерыяй кіравалі аддзелы контрразведкі, што меліся пры кожным штабе акругі і займаліся барацьбой са шпіянажам і негалосным наглядам за афіцэрамі [5, л. 9]. Па запытах ваеннай контрразведкі жандарскія філёрны праводзілі назіранні за падазроннымі асобамі ў тылавой зоне і падтрымлівалі сталую сувязь з камандаваннем, аб чым сведчаць справаздачы палкоўніка віцебскага жандарскага ўпраўлення Шульца [6, л. 23, 25].

Рэвалюцыя паспрыяла ўскладненню сітуацыі ў арміі. Акрамя складанасцяў, звязаных са станам спраў на фронце, меліся і ўнутраныя супярэчнасці. Па словах А. І. Дзянікіна, сама Стаўка

наогул не карысталася сімпатыяй, бо была нібы аддзеленая ад войска і жыла сваім жыццём з грувацкімі апаратам, блытанінай функцый і неакрэсленасцю адказнасці. З пачаткам рэвалюцыі Стаўка насуперак палажэнням ваеннай навукі стала органам, падначаленым ваеннаму міністэрству, што хоць і не вынікала з прававых актаў, але было рэальнасцю праз змяшэнне функцый і той уплыў, які меў больш моцны па характары ваенны міністр Гучкоў на мяккага генерала Аляксеева [5, л. 85–87].

1 сакавіка 1917 г. выйшаў Загад № 1 Петраградскага Савета, згодна з якім у войску стварыліся выбарныя салдацкія камітэты. Часовы ўрад, у сваю чаргу, выдаў дэкларацыю, якая адмяняла саслоўныя, рэлігійныя, нацыянальныя абмежаванні, надзяляла салдатаў грамадзянскімі правамі. Гэтыя новаўвядзенні паклалі пачатак развалу расійскага войска. «Уся ваенная іерархія скаланулася да падмурку, войска толькі знешне захоўвала атрыбуты ўлады і парадак. Выходзілі дырэктывы, якія не маглі зрушыць войскі з месца, загады, якія не выконваліся, суды выносілі прысуды, над якімі смяяліся»; «Усё было санкцыянавана загадам № 1 Петрасавета. У першы месяц рэвалюцыі ўрад і ваеннае начальства не прымалі ніякіх мер ні па ліквідацыі, ні па ўвядзенні ў пэўныя рамкі гэтага рашэння», – узгадвае Дзянікін [5, с. 96, 215]. Да такіх ацэнак далучаецца і адзін з найбольш вядомых ваенначальнікаў Германіі генерал Гіндэнбург: «У сакавіку (1917 г. – аўт.) рэвалюцыя, якую падтрымала Антанта, скінула цара. Рэвалюцыя рэзка высветліла стан Расіі: народ і войска прагнілі, у адваротным выпадку рэвалюцыя была б немагчымай» [7, с. 411]. Ваеннае міністэрства нібы пакінула войска на волю лёсу. Міністр Гучкоў нават 9 красавіка 1917 г. на выступленні перад войскамі ў Ясах казаў рэчы, якія не давалі яснасці: «Хутка будзе скліканы з'езд дэлегатаў усіх армій і на ім будзе выпрацаваны ўстаў. Пакуль жа арганізуйцеся як умеце, карыстайцеся існуючымі арганізацыямі і працуйце над агульным з'яднаннем» [5, с. 215].

Нягледзячы на гэта вайсковыя ўлады працягвалі ўздзейнічаць на свой тыл. Ва ўмовах харчовага крызісу войска ўсё больш клапацілася пра забеспячэнне сваіх патрэб у хлебе і фуражы. У маі 1917 г. галоўнакамандуючы Заходнім фронтам генерал ад кавалерыі Гурко выдае загад па дзеючых арміях, у якім абавязвае прыняць меры па ахове лугоў, палёў і інш., і тлумачыць гэта тым, што захаванне ўраджаю – справа ўсенародная. У загадзе звяртаецца ўвага, што шматлікія часткі «карыстаюцца падножным кормам» (папросту жывяцца рабаўніцтвам) і пры гэтым «травяць і топчуць» сялянскія і памешчыцкія ўгоддзі. Нагляд за выкананнем загаду галоўнакамандуючы ўскладае на камітэты [1, л. 36].

Услед за Часовым урадам ваенныя звярталіся да насельніцтва з заклікамі. Так, 5 сакавіка 1917 г. галоўны начальнік ДВА генерал ад інфантэрыі Зуеў звяртаецца з адозвай да «Грамадзян акругі», у якой абвясчае аб пераходзе да Новага ладу, аб прызнанні гэтага ладу Галоўна-камандуючым і афіцэрамі Расійскай арміі і заклікае грамадзян захоўваць найперш парадак. У звароце таксама абвясчаецца еднасць войска з народам. Больш таго, Зуеў не толькі дэкларуе ўсебаковую падтрымку насельніцтву ў стварэнні новых структур – харчовых камітэтаў і міліцыі, беручы на сябе нават адказнасць за абязбройванне старой паліцыі, але і абяцае самым рашучым чынам прыпыняць рабаўніцтвы і бязладдзе [1, л. 26]. Пры гэтым у пастановах ваенных улад можна заўважыць прыкметы лібералізацыі, агульныя для ўсёй краіны ў той час. Так, 7 сакавіка 1917 г. чарговай абавязковай пастановай галоўны начальнік ДВА адмяняе ранейшыя абмежаванні, што датычыліся неасцярожнага аглашэння ці публічнага распаўсюджвання звестак пра дзейнасць кіраўнічых органаў і дзяржаўных асобаў [1, л. 27]. Відавочна, што абвешчаныя свабоды вымагалі і пэўнага ўзроўню галаснасці, асабліва ва ўмовах пабудовы новай сістэмы ўлады ў краіне, таму і далей многія абавязковыя пастановы адмянялі забароны, зробленыя пад час вайны: скасоўвалася забарона пакідаць працоўныя месцы на фабрыках і заводах і інш. [1, л. 34].

Яскрава ўплыў ваенных улад на цывільныя прасочваецца ў сакавіку 1917 г. на прыкладзе пастаноў і загадаў Заходняга фронту ў тыл. 5 сакавіка 1917 г. за подпісам Галоўнага начальніка забеспячэння Заходняга фронту князя Туманова выходзіць загад (для губернатараў мінскага, магілёўскага, віцебскага і інш.) вызваліць з-пад арышту ўсіх палітычных зняволеных, за выключэннем асобаў, што падазраюцца ў дзяржаўнай здрадзе [8, л. 4]. 6 сакавіка 1917 г. Туманав паведамляе тым жа губернам, што ў Мінску зацверджаная пасада грамадзянскага каменданта горада ў асобе старшыні губернскай земскай управы; паліцыя замененая грамадзянскай міліцыяй; створаны часовы гарадскі камітэт з выканаўчай часткай для заведвання справамі паліцыі (міліцыі). У тэлеграме ад імя Галоўнакамандуючага Заходнім фронтам прапануецца даць заключэнне на конт магчымасці ўвядзення падобных устаноў у гарадах і паветах азначаных губерняў [8, л. 14]. У адказ віцебскі губернскі камісар Карташоў паведамляе, што згодна атрыманым распараджэнням Часовага ўрада ён прымае кіраванне і пачынае займацца арганізацыяй улады ў губерні [8, л. 15].

9 сакавіка 1917 г. Галоўнакамандуючы Паўночным фронтам аддаў на імя віцебскага камісара загад па губерні падцвердзіць усім чынам «безумоўнае падпарадкаванне і поўную адда-

насць і вернасць» новаму ладу для бездакорнага выканання загадаў ад Часовага ўрада [8, л. 29].

З гэтых паведамленняў можна зрабіць выснову, што камандаванне арміі было зацікаўлена не столькі ў падрабязнасцях пабудовы новага апарату кіравання ў тыле, колькі ў захаванні парадку і бесперапыннай працы структур, што непасрэдна забяспечвалі баяздольнасць войска. Клопат пра тыл не быў залішнім, бо менавіта адтуль фронт бачыў сабе пагрозу нават большую, чым ад ворага на пярэднім краі. Вось як генерал Дзянікін апісвае падзеі пасля лютага 1917 г.: «Грамадзянскае кіраванне прыфрантавога раёна часткова “правам захопу” камітэтаў, часткова санкцыяй дзяржавы выходзіла з рук ваеннага кіраўніцтва. Усе правы ваенных начальнікаў засталіся неадмененымі, але на практыцы паступова перасталі выконвацца. Гэтыя абставіны канчаткова падарвалі аўтарытэт Стаўкі ў вачах армій, а сярод вышэйшага камандавання выклікалі імкненне да непасрэднага сбліжэння з уладнымі структурамі, абмінаючы Стаўку» [5, с. 93]. Ваенныя начальнікі розных узроўняў не толькі супрацоўнічалі з грамадзянскімі ўладамі, але нярэдка і канфліктавалі, асабліва з-за невызначанасці функцый і кампетэнцыі. Да прыкладу, 8 сакавіка былы іспраўнік Гарадоцкага павета Віцебскай губерні Скамарохаў скардзіцца ў Вітгубкам, што прыстаў 2-га стана Траснікоў і чацвёрта стражнікаў у Езерышчы арыштаваныя патрулямі Невельскага гарнізона і адпраўленыя ў Невель [8, л. 41]; 9 сакавіка Невельскі павятовы камісар Гайжэўскі паведамляе пра арышт начальнікам гарадскога гарнізона ўсёй паліцыі на чале з Церпілоўскім [8, л. 42]. У выніку губернскі камісар Карташоў вымушаны быў звяртацца да Галоўнага начальніка ДВА з просьбай вызваліць арыштаваных па прычыне адсутнасці ў начальнікаў гарнізонаў належных для затрымання паўнамоцтваў [8, л. 43]. 10 сакавіка ў Вітгубкам прыходзіць паведамленне ад павятовага камісара Люцынскага павета Крюдзенера-Струве аб прыбыцці з Рэжыцы вайскавай часткі на чале з падпалкоўнікам і самавольным вызваленні ім 68 крымінальных злачынцаў, аб разрабаванні цэйхгаўза і знішчэнні спраў канцылярыі [8, л. 105]. Гэтыя прыклады даюць уяўленне пра тую ролю, якую выконвала ўзброеная сіла ў падзеях лютага – сакавіка 1917 г.

Асаблівую ўвагу праяўляла армейскае кіраўніцтва да роспуску паліцыі і фарміравання новай грамадзянскай міліцыі. Гэта тлумачыцца зразумелай зацікаўленнасцю ў падтрыманні парадку ў тыле дзеючых частак. Клапаціцца было пра што: з розных месцаў імперыі ішлі паведамленні пра сотні і тысячы арыштантаў, вызваленых у першыя дні Лютаўскай рэвалюцыі. Толькі з турмаў Петраграда, па паведамленні начальніка контрразведкі Петраградскай ваеннай акругі Нікіціна, выйшла каля 10 тыс.

крымінальных злачынцаў [9, л. 4]. На Беларусі вызваліся арыштанты, абяззбройвалася паліцыя, разбіралася зброя, і такі стан рэчаў патрабаваў рашучых дзеянняў [10, л. 21, 23, 31]. Ці не галоўную ролю ў парушэннях парадку адыгрывалі самі вайскоўцы.

Нельга абвінавачваць войска ва ўсіх праблемах, што мелі месца ў сістэме кіравання. Грамадзянскія органы ўлады таксама не адрозніваліся паслядоўнасцю і аператыўнасцю ў сваіх дзеяннях. Напрыклад, калі 16 сакавіка штаб ДВА запытаў Віцебскі губернерскі камітэт аб перадачы павятовым камісарам губернерны функцыі ваенных цэнзараў друку, і з гэтай прычыны папрасіў іх асабістыя звесткі, то нават 25 красавіка 1917 г. звесткі гэтыя не былі пададзеныя [8, с. 380–381]. Працягвалі вайскоўцы сачыць і за тылавым друкам і адкрыта ўмешвалася ў яго справы. Так, у маі 1917 г. штаб 10-й Арміі загадвае мінскаму губернерскаму камісару разабрацца з друкарняй «Новая зоря», якая надрукавала ў закліку пайменны складу 81 пяхотнай дывізіі [11, л. 9]. Падобныя гэтаму здарэнні падкрэсліваюць стан рэчаў, што стаў звычайным у азначаны час.

Заклучэнне. З узгаданага вышэй у агульных рысах вынікае вялікі аб'ём і амаль неабмежаваны абсяг клопатаў дзеючага войска па арганізацыі і рэгламентацыі жыцця ў зоне яго кампетэнцыі. Да гэтага неабходна дадаць, што само расійскае войска напярэдадні Рэвалюцыі ў лютым 1917 г. знаходзілася далёка не ў ідэальным стане, але нельга забываць, што ў цэлым яно заставалася дастаткова баяздольным, прынамсі для таго, каб да сярэдзіны студзеня 1917 г. утрымліваць на сваім фронце 187 варожых дывізіяў, што складала 49% усіх аўстра-германскіх сіл [5, с. 33].

Адзначым, што ў падзеях Лютаўскай рэвалюцыі актыўную ролю прымала расійскае войска ва ўсёй сваёй масе – ад генералітэту да салдатаў. Ва ўмовах крызісу яно заставалася ўсё ж пэўным фактарам стабільнасці і ад яго паводзін шмат у чым залежала сітуацыя ў краіне ў цэлым і ў прыфрантавай зоне ў прыватнасці. Ваенныя ўлады, нягледзячы на сур'ёзныя складанасці з забеспячэннем харчам, фуражом і амуніцыяй, а таксама на падзенне ўзроўню дысцыпліны і кантролю над салдатамі, прыкладалі ўсе намаганні, каб трымаць пад кантролем падуладную ім прыфрантавую зону, абаліраючыся на новыя структуры Часовага ўрада. Прыведзеныя прыклады загадаў ваеннага камандавання дазваляюць зрабіць выснову, што на пераходным этапе (у першыя

тыдні пасля перамогі Лютаўскай рэвалюцыі) армія, ў асобе яе вышэйшага камандвання, стала пасярэднікам паміж цэнтральнай уладай у сталіцы краіны і мясцовымі апаратам, які напачатку быў неуніфікаваным і не меў дакладна акрэсленай кампетэнцыі. Сама армія зімой – вясной 1917 г. у складаных умовах эканамічнага крызісу і палітычнай няпэўнасці усё ж была яшчэ здольнай выконваць і прамыя абарончыя функцыі і забяспечваць каардынацыю дзеянняў з грамадзянскімі ўладамі прыфрантавых губерняў.

Літаратура

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 622. – Оп. 1. – Д. 7. Обязательные постановления Министерства торговли и промышленности Временного правительства и главнокомандующих армиями Западного и Северного фронтов.
2. Первая мировая война. Пролог XX века / Мальков А. Л. [и др.]; отв. ред. А. Л. Мальков. – М: Наука, 1999 г. – 698 с.
3. НАРБ. – Фонд 622. – Оп. 1. – Д. 5. Обязательные постановления главного начальника Двинского военного округа и приказы главнокомандующего армиями Северного и Западного фронтов.
4. Россия и Первая мировая война: материалы международного научного colloquiuma. – СПб: Дмитрий Буланин, 1999. – 678 с.
5. Деникин, А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии: февраль – сентябрь 1917 г. / А. И. Деникин. – Минск: Харвест, 2003. – 463 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 1. – ДП 00 5. – Ч. 12. Дело департамента полиции; наружное наблюдение. Социал-демократы по Витебской губернии.
7. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне. 1914 – 1918 гг / Э. Людендорф. – Минск: Харвест, 2005. – 800 с.
8. НАРБ. – Фонд 622. – Оп. 1. – Д. 1. Журнал заседаний Витебского губернерского правления; переписка Витебского губернерского комиссара с уездными комиссарами.
9. Никитин, Б. Роковые годы. Новые воспоминания участника (мемуары начальника военной контрразведки Петроградского военного округа) / Б. Никитин. – М: Правовое просвещение, 2000. – 256 с.
10. НАРБ. – Фонд 622. – Оп. 1. – Д. 29. Рапорты полицейских и уездных исправников.
11. НАРБ. – Фонд. 617. – Воп. 3. – Спр. 4. Канцэлярыя Мінскага губернерскага камісара.

РЭВАЛЮЦЫЙНАЯ І ПРАЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ Ў 1920–30-Я ГГ.: ІДЭЙНАЯ АСНОВА І ТВОРЧЫЯ ПОШУКІ

The article reveals revolutionary ideas in the field of art and literature during the period of formation of Belarusian Soviet culture. It reflects the struggle between realists art and adherents of «industrial art» and those of radical left trends which led to creative work and experimental modernism.

The article analyzes ideas and principles which served as the basis for Belarusian literature science which considers literature to be a specific form of social life. It outlines theoretical discrepancies between representatives of the formal school of pseudorevolutionary conceptions, sociological methods and lefov nihilism.

Уводзіны. Савецкі перыяд развіцця беларускай культуры ахапіў 1917–1991 гг. і быў звязаны з працэсамі пралетарска-сацыялістычнага будаўніцтва. Савецкая беларуская культура стала складанай і супярэчлівай з’явай, якая аб’яднала таталітарную сацыякультурную міфалогію, атэізм, ідэалагічны дагматызм, парушэнні правоў асобы, падаўленне іншадумства з бяспрэчнымі поспехамі і дасягненнямі ў галіне адукацыі, навукі, мастацкай творчасці.

Асноўная частка. У станаўленні гэтай культуры асаблівае месца займаюць 1920-я – пач. 1930-х гг. як час культурнага плюралізму і творчых пошукаў новага. Тэарэтыкаў і практыкаў сацыялістычнага ладу цікавіла пытанне аб формах культуры, якія б змаглі замацаваць палітычную перамогу рабочага класа і забяспечыць будаўніцтва грамадства сацыяльнай справядлівасці. Дамінантную танальнасць распачатага культурнага будаўніцтва вызначалі разнастайныя праявы рэвалюцыйнасці. Па-першае, тэарэтычнай асновай культурнага руху стаў рускі варыянт марксісцкай канцэпцыі культуры, які звязваў асветніцкія ідэалы гуманізму, роўнасці і свабоды з сусветнай пралетарскай рэвалюцыяй. Па-другое, неарамантызм і эстэтыка авангардызму злучалі ідэю перастварэння сусвету і духоўнага абнаўлення чалавецтва з жыццяцвярджальнай энэргіяй народных мас, узбуджаных і натхнёных рэвалюцыйным парывам. Па-трэцяе, сацыякультурнай састаўной часткай пасля кастрычніцкай эпохі стала культурная рэвалюцыя як працэс злomu існуючых стэрэатыпаў грамадскай самасвядомасці і адпаведная дзяржаўнай палітыка, ідэйна скіраваная на выкараненне мяшчанскага індывідуалізму, выхаванне чалавека ў духу калектывізму, інтэрнацыяналізму і атэізму.

Узятыя разам ідэі рэвалюцыйнасці афармлялі гістарычную перспектыву культурнага, найперш мастацкага, жыцця ў сукупнасці і супастаўленні розных з’яў. Да 1920 г. тут не было галоўных і другарадных падзей – усе былі важныя, а садейнічанне ўсім новым пачынанням у галіне мастацтва без відавочнай перавагі якога-небудзь аднаго напрамку давала магчымасць праявіцца розным школам і стылям, вызначала разнастай-

насць творчых пошукаў, дапамагала станаўленню прафесіяналізму ў выяўленчым мастацтве, тэатры, музыцы. У распаўсюджванні мастацкай культуры яшчэ не замацавалася такое паняцце, як «цэнтр – перыферыя». Кожны больш-менш буйны горад становіцца культурным цэнтрам свайго рэгіёна. Практычна ва ўсіх іх адзначаецца ўздым творчай ініцыятывы і паўсюднае развіццё музычнаасветніцкіх арганізацый, мэтанакіраваная масава-мастацкая работа. Пры гэтым мастацтва ўдзельнічае ў тэатралізацыі жыцця, выходзіць на вуліцы, рэалізуе задачу прыцягнення народа да культурнага будаўніцтва.

Вастрыню момантам мастацкатворчай дзейнасці надавала шырокая культурна-прапагандысцкая работа такой літаратурна-мастацкай і музычна-асветніцкай арганізацыі, як Пралеткульт. Змагаючыся за наватарства і адмаўляючыся ад традыцыйнай творчасці, пралеткультэйскія прапагандысты «новага мастацтва» нярэдка зводзілі яго да спрошчанага ўзроўню, абсалютызавалі сацыяльна-класавую прыроду культуры, замацоўвалі вульгарызатарскі падыход і ўслаўлялі мастака, які выказваў «думку аб разбурэнні помніка мастацтва».

У першы паслякастрычніцкі перыяд (1917–1920 гг.) рэвалюцыйнае мастацтва Беларусі была цесна звязана з палітычнымі падзеямі, што адбываліся як на яе тэрыторыі, так і ў Петраградзе, Маскве, Смаленску, Вільні, арміях Заходняга фронту. Асабліва трэба вылучыць культурна-асветную работу па агітацыі і прапагандзе рэвалюцыйных ідэй Палітычнага ўпраўлення Заходняй арміі і Захфронту РОСТА, якая вялася ў цеснай сувязі са Смаленскім Пралеткультам, Смаленскім аддзяленнем Усерасійскага саюза работнікаў мастацтва і аддзелам народнай асветы Заходняй вобласці. Ужо на 1-м пасяджэнні канферэнцыі Пралеткульты было праведзена рашэнне аб стылях афармлення гарадоў Заходняй вобласці (Беларусі) да святкавання 1-й гадавіны Вялікага Кастрычніка, агавораны грашовыя сумы, якія для гэтага выдаваліся Віцебску (10 000 руб.) і Оршы (3000 руб.) [1]. Пры палітычным упраўленні Заходняга фронту існавалі мастацкія майстэрні, тэатральныя трупы, з якімі актыўна супрацоўнічалі графікі, дэкаратары, плакатысты

Петраграда, Масквы, Мінска, Бабруйска, Віцебска. Яны праводзілі мастацкае дэкарыраванне вагонаў агітпаяздоў і афармленне агітпунктаў. Сярод тых, хто супрацоўнічаў з палітадзеламі Чырвонай Арміі Заходняга фронту, ёсць прозвішчы С. Эйзенштэйна (будучы вядомы дзеяч савецкага кінематографа), У. Штраніха, А. Марыкса (будучы вядомы мастак-сцэнограф беларускага тэатра), К. Елісеева (у будучым мастак часопіса «Крокодил», працаваў у Мінску да 1921 г.), М. Цэханоўскага (графік, удзельнічаў у рабоце Наркамасветы Беларусі), В. Стржэмінскага, І. Вайткова (кіраваў мастацкімі майстэрнямі Палітадзела, затым Домам чырвонаармейца ў Мінску) і інш. Іх дзейнасць і творчыя пошукі паўплывалі на метадалагічнае афармленне пралетарскага мастацтва Беларусі, якое занялося стварэннем новых форм, новага прасторавага аяроддзя, эксперыментамі з матэрыяламі. Менавіта на такой аснове разгарнулася барацьба паміж рэалістычным мастацтвам і носьбітамі ідэй «вытворчага мастацтва» – футурыстамі і супрэматыстамі, кубістамі і зусім новымі, дагэтуль невядомымі мастацкімі плынямі.

На некаторы час месцам тэматычнага дыспуту, цэнтрам «левага» мастацтва стаў Бабруйск, дзе ў 1919 г. была наладжана Першая дзяржаўная выстаўка рамеснікаў і мастакоў, на якой экспанаваліся і графічныя аркушы Я. Драздовіча з элементамі новай рэвалюцыйнай сімволікі ў якасці сімвалаў маладой рэспублікі [2].

У адрозненні ад Бабруйска, Гомель у 1919–1920 гг. становіцца цэнтрам афармленча-агітацыйнага мастацтва. У такім накірунку дзейнічаюць жывапісная майстэрня «Арцель», мастацкая студыя імя М. А. Урубеля, мастацка-плакатная майстэрня Ёсерасійскай арганізацыі работнікаў мастацтва. Яны распрацоўвалі эскізы агульнага афармлення горада з выкарыстаннем зеляніны, плакатаў, малых архітэктурных форм, вывучалі асновы гравёрнага мастацтва, літаграфіі, фрэскі.

Моцнае ядро мастакоў рэалістычнага напрамку склалася ў г. Веліжы Віцебскай губерні. Там была адкрыта народная мастацкая школа, працавалі мастацкія студыі. Выхаваўчую работу вялі мастакі, якія атрымалі адукацыю ў Пецярбургскай акадэміі мастацтваў, яны былі аб'яднаны лозунгамі перадвіжнікаў і з энтузіязмам адгукнуліся на новыя рэвалюцыйныя падзеі. Гэта, найперш, М. Керзін, М. Эндэ, В. Волкаў, М. Міхалап, А. Жукоўскі, У. Хрусталёў. Мэты і задачы новай школы былі акрэслены ў спецыяльна складзенай праграме «Пралетарскае мастацтва» [3].

Найбольш жа цікавым стаў феномен Віцебска, у якім з 1918 па 1922 гг. жылі і працавалі вядомыя лідэры авангардызму, арганізатары і стваральнікі «новай» школы мастацтва К. Малевіч, М. Шагал, Л. Лісіцкі, В. Ермалаева і інш.

У 1918–1919 гг. упаўнаважаным па справах мастацтва Віцебскай губерні быў М. Шагал, які

правёў работу па зборы мастацкіх сіл горада ў двух напрамках – афармленне Віцебска да гадавіны рэспублікі (сам браў удзел у падрыхтоўцы некалькіх пано) і адкрыццё мастацкай школы, якая парывала са старой акадэмічнай сістэмай, давала магчымасць квітнець «леваму» мастацтву і разам з тым захоўвала і паслядоўна праводзіла прынцып працоўнай школы [4].

Менавіта Віцебская мастацкая школа і дала магчымасць убачыць, як «левыя» рабілі спробу атаясаміць сваю асабістую творчасць з задачай рэвалюцыйнага мастацтва. Пасля ад'езду з Віцебска М. Шагала лідэрам творчага наватарства і кіраўніком Дзяржаўных мастацкіх тэхнічных майстэрняў Віцебска стаў футурыст-супрэматыст К. Малевіч. Ён жа ўдзельнічаў у стварэнні аднаго з мацнейшых і перспектыўнейшых аб'яднанняў тых часоў – «Сцвярджалнікі новага мастацтва» («Утвердители нового искусства» – УНОВИС). Віцебск на некаторы час (1920–1922 гг.) становіцца горадам, дзе ажыццяўляліся планы і задумы К. Малевіча і яго паплечнікаў. Навучальная ўстанова ператвараецца ў сапраўдную эксперыментальную базу для распрацоўкі новых форм у дызайне, архітэктуры, афармленні. Малевіч выдае серыю брашур па пытаннях новага мастацтва: «Бог не скінут», «Мастацтва, царква, фабрыка», «Супрэматызм»; друкуюцца даследаванні В. Ермалаевай і М. Коган па пытаннях развіцця кубізму і выкарыстання яго ў новай школе, у вывучэнні метаду Малевіча. Але і ў «авангардным» Віцебску ішла вострая барацьба паміж форматворчым мастацтвам «левых» і рэалістычнай традыцыяй старой школы, у прыватнасці школы Ю. Пэна. Што ж датычыцца агульнай тэндэнцыі, то да сярэдзіны 1920-х гг. у выяўленчым мастацтве Беларусі ўзмацняюцца натуралістычныя рысы і замацоўваецца манументалізм.

Цікавай старонкай паслярэвалюцыйнага савецкага мастацтва стаў беларускі агітацыйны плакат, у станаўленні якога важную ролю адыграў распрацаваны У. І. Леніным у 1918 г. план манументальнай прапаганды. Плакаты з'яўляюцца ў Беларусі з сярэдзіны 1918 г. Яны належалі маскоўскім мастакам і дастаўляліся ў беларускія гарады агітпаяздамі. Затым актыўную дзейнасць па стварэнні плакатных аркушаў і іх выданні распачало Віцебскае аддзяленне РОСТА і аддзяленне РОСТА Рэўваенсавета Заходняга фронту.

Прыкладам таго, як разумелі новы рэвалюцыйны плакат прыхільнікі «левага» мастацтва, лічыцца плакат Л. Лісіцкага «Клінам чырвоным бі белых» (1920 г.), дзе змест твора раскрываецца пры дапамозе розных камбінацый геаметрычных фігур белага і чырвонага колераў. Яны сімвалізавалі супрацьстаячыя арміі, і выява нагадвала ваенную карту пазіцый з характэрнымі сцяжкамі, знакамі, стрэлкамі. Гэта быў яскравы

прыклад пошукаў новай знакавай сістэмы супэрматызму, які пераканаўча паказаў перспектыўнасць і будучыню такога роду фармальных пошукаў мастацтва.

Выдавецкая агітацыйнай дзейнасць была цесна звязана з падзеямі на фронце, з фактам вызвалення беларускіх гарадоў і вёсак, з пасяўнымі кампаніямі, з культурна-асветнай тэматыкай. Паступова акрэсліліся асноўныя падыходы да плакатнага мастацтва: пазбяганне ілюстрацыйных перабольшванняў і «буржуазнай» карціннай дэкаратыўнасці, прастата і даходлівасць зместу. Сюжэты для сваіх твораў мастакі-плакатнысты чэрпалі з партыйных лозунгаў, пастаноў, дэкрэтаў, рэвалюцыйных песень. Шэраг плакатаў-лістовак, дыяграм з'явіўся ў сувязі з правядзеннем такіх мерапрыемстваў і кампаній, як «Тыдзень дапамогі фронту», «Барацьба з паліўным голодам», «Дзень савецкай прапаганды», «Партыйны дзень», «Камуністычны суботнік», «Харчовы двухтыднёвік», «Тыдзень Заходняга фронту».

На з'яўленне новых відаў і жанраў плаката аказвала ўплыў агітацыйнай графіка газет і часопісаў.

Такім чынам, можна зазначыць, што ў 1917–1920 гг. на Беларусі адзначаецца феномен «рэвалюцыйнай» культуры, які знаходзіць увага сабленне ў мастацкай творчасці. Яна ўключала ў сябе элементы эксперыментальнага мадэрнізму, звязаныя з лозунгам прыцягнення мас да культурнага будаўніцтва, што «размывала» класавую ідэю пралетарскай маналітнасці.

З пачатку 1920-х гг. культурная рэвалюцыя становіцца часткай сацыялістычных пераўтварэнняў і выкарыстоўваецца як сродак унутрыпартыйнай палітычнай барацьбы. У. І. Ленін у працы «Странички из дневника» вызначыў у якасці асноўных культурных задач ліквідацыю культурнай адсталасці, найперш непісьменнасці насельніцтва, адкрыццё прасторы для развіцця творчых сіл працоўных, фарміраванне сацыялістычнай інтэлігенцыі і забеспячэнне панавання навуковага камунізму.

З такіх падходаў працягвалася афармленне новай культурнай беларускай прасторы. Адметную ролю пры гэтым адыграла нацыянальна-культурная і нацыянальна-дзяржаўная палітыка 1920-х гг. – палітыка беларусізацыі. Яна стала магчымай дзякуючы пэўнай эканамічнай стабілізацыі ў СССР і БССР і абнаўленню нацыянальнай палітыкі РКП(б).

Ініцыятарамі і аўтарамі «беларусізацыі» былі вядомыя дзеячы беларускага адраджэння пачатку XX ст., якія свядома прыйшлі да бальшавікоў. Менавіта яны вызначылі асноўныя ідэі «беларусізацыі»: дзяржаўнасць мовы, стварэнне беларускіх школ і адначасова школ для прадстаўнікоў іншых народаў, перавод справаводства на беларускую мову і г. д. Але галоў-

нае – гэта пашырэнне працы і ўмоў для ўзмацнення кансалідацыйных працэсаў аб'яднання беларусаў і замацавання нацыянальнай самасвядомасці. Такім чынам, гэта была палітыка далейшага беларускага адраджэння. Шэраг акалічнасцей і гісторыка-культурных момантаў рабілі яе надзвычай складанай справай. Да таго ж шырокае выкарыстанне адміністрацыйных метадаў і непазбежны ідэалагічны дыктат абмяжоўвалі сферу культурнага будаўніцтва, прыводзілі да сутыкнення двух падходаў: бальшавіцкага, класавага і беларускага, нацыянальнага.

Падыходзячы да нацыянальнага пытання як самадастатковага па значэнні і займаючы пазіцыю разумнага яднання нацыянальнага і інтэрнацыянальнага момантаў, тагачаснае палітычнае кіраўніцтва здолела шмат зрабіць для развіцця беларускай школы, мовы, літаратуры, стварэння сістэмы культурных устаноў, якія маглі забяспечыць нармальнае функцыянаванне нацыянальнай супольнасці. Пры гэтым правы нацыянальных меньшасцей на свабоднае культурнае выяўленне таксама захоўваліся і забяспечваліся. За адносна кароткі час былі праведзены даследаванні праблем культуры, сацыяльна-эканамічных і палітычных працэсаў у грамадстве, навукова распрацаваны некаторыя практычныя праблемы беларускага мовазнаўства, прадоўжылася развіццё беларускага літаратуразнаўства, гістарычнае, археалагічнае, этнаграфічнае вывучэнне Беларусі.

Ідэйная барацьба і сутыкненне прынцыпаў у сферы культуры да канца 1920-х гг. мелі найперш метадалагічнае прымяненне. Гэта наглядна пацвярджае літаратуразнаўства, у якім вялася выпрацоўка зыходных прынцыпаў вывучэння літаратуры не толькі як помніка пісьменнасці, але і як спецыфічнай формы выяўлення духоўнага жыцця народа. У літаратурна-навуковым жыцці Беларусі ў гэты час ішла вострая барацьба паміж лефаўскім нігілізмам, тэорыямі фармальнай школы, псеўдарэвалюцыйнымі канцэпцыямі, прыхільнікам сацыялагічнага метаду. Шырока распаўсюджваліся вульгарызатарскія погляды, паводле якіх пісьменнік з сялянскага асяроддзя нібыта не меў магчымасці ўзняцца над абмежаванасцю свайго класа, стаць побач з пралетарскім пісьменнікам. У вострай барацьбе дамінуючым стаў сацыялагічны метаду, а найбольш перспектыўнай аказалася пазіцыя тых даследчыкаў, хто прызнаваў сацыяльную дэтэрмінаванасць з'яў мастацтва, але разам з тым імкнуўся ўлічваць іх адносную самастойнасць, браць пад увагу эстэтычную змястоўнасць і пазнавальныя функцыі.

Гэты падыход выразна праявіўся ў навуковай практыцы М. Гарэцкага як аўтара «Гісторыі беларускай літаратуры». Для Гарэцкага аднолькава непрымальныя і прагматычны погляд на літаратуру як на ілюстрацыю тых ці іншых сацыя-

лагічных і ідэалагічных тэзісаў, і пазіцыя прыхільнікаў фармальнай школы ў вывучэнні мастацтва. Ён лічыў, што літаратура заслугоўвае права на існаванне, калі яна «па духу, па спосабу мыслення, па ідэалогіі» звязана з творчымі сіламі, з'яўляецца «народнай і нацыянальнай», калі яна прасякнута пафасам сацыяльнасці і нясе глыбокі маральны, гуманістычны змест. Ідэал народнага, нацыянальнага пісьменніка найбольш поўна, паводле ўяўленняў М. Гарэцкага, увасобілі Ф. Багушэвіч, Я. Колас, а ў старажытнай літаратуры – Ф. Скарына [5].

Значным крокам на шляху пошукаў новай метадалогіі беларускага літаратуразнаўства сталі метадалагічныя распрацоўкі І. Замоціна. Ён паслядоўна заклікаў да мэтанакіраванага выкарыстання вопыту мінулага, усведамляючы ў той жа час неабходнасць абнаўлення ранейшых падходаў, у тым ліку метадалогіі культурна-гістарычнай школы, да якой належаў раней. Вучоны аб'яўляе сябе прыхільнікам марксісцка-сацыялагічнага метаду даследавання літаратуры і імкнецца творча выкарыстаць дасягненні марксісцкай філасофіі, тэорыі пазнання ў філалагічнай навуцы, пераадолець выдаткі, уласцівыя сацыялагічнаму падыходу да з'яў мастацтва.

У сваіх працах «Пуціны беларускай літаратуры», «Беларуская драматургія» І. Замоцін зрабіў смелую спробу стварыць самастойны кірунак у даследаванні слоўнага мастацтва. Ён вызначыў чатыры «моманты ў каардынацыі літаратурнай творчасці», чатыры этапы ў вывучэнні літаратуры і канкрэтнага твора: так званы «генетычны сінтэз», «фармальна-мастацкі сінтэз», «сацыялагічны сінтэз», «ідэалагічны сінтэз». Прапануючы гэтую ў пэўным сэнсе механістычную схему, вучоны імкнуўся пераадолець аднабаковасць, спрошчанасць літаратуразнаўчых канцэпцый свайго часу, якія недаацэнівалі ролю творчай асобы мастака, адмаўлялі яму ў праве на светапоглядную эвалюцыю.

А вось М. Пятуховіч механізм узаемадзеяння базісу і надбудовы, эканомікі і духоўнага жыцця разумеў спрошчана. Мастацкую творчасць, узровень ідэйнай сталасці пісьменніка, своеасаблівасць яго творчай манеры ён выводзіў непасрэдна з узроўню эканомікі. Нават мастацкая форма твора кваліфікавалася ім як «вытворнае ад сацыяльна-эканамічных фактараў» [6]. М. Пятуховіч падзяляў думкі, згодна якім творчая дзейнасць пісьменніка прадвызначана яго класавай псіхадэалогіяй, за межы якой ён не можа выйсці.

Рэальныя цяжкасці фарміравання метадалагічных прынцыпаў літаратурнага аналізу паказваюць, наколькі ідэйна шматграннай была палітра культурнага жыцця Беларусі ў 1920-я гг., наколькі поўна рэалізоўвалася ўстаноўка на кансалідацыю, згуртаванне ўсіх творчых сіл дзеля адраджэння нацыянальнай культуры. Сумесна актыўна дзейнічалі майстры мастацкага слова і прафесійныя вучоныя, адстойвалі свае погляды інбелкультуўцы (члены інстытута беларускай культуры), «маладнякоўцы», «палымянцы», «узвышэнцы» (прадстаўнікі творчых аб'яднанняў «Маладняк», «Узвышша», «Полымя»).

Заклучэнне. Такім чынам, у беларускай савецкай культуры 1920-х гг. адзначаецца сінтэз ідэй пралетарскага сацыялістычнага будаўніцтва, рацыяналізму, рэвалюцыйнага авангардызму і нацыянальнага адраджэння. Аднак ужо з сярэдзіны 1920-х гг. разгортваецца ідэйна-палітычная барацьба КП(б)Б за ўсеагульны кантроль над працэсамі грамадскага жыцця, у рамках якой пастаўлена пытанне пераадолення нацыянальна-дэмакратычных праяў, што ўціскаюць класавы пралетарскі інтарэс. Па меркаванні партыйных ідэолагаў, літаратурна-творчая і навуковая інтэлігенцыя выстаўляе нацыянальную форму культуры насуперак яе сацыяльнаму зместу. Пры такіх абвінавачваннях была згорнута палітыка беларусізацыі, пачаліся ганенні, а затым і рэпрэсіі ў дачыненні да беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі. З гэтага моманту распачынаецца працэс пераўтварэння культуры ў спецыфічную палітыка-ідэалагічную сістэму, спосаб праяўлення аўтарытарнай свядомасці, унутрана звязаны з уладай.

Літаратура

1. Известия исполнительного комитета Совета Западной области и Смоленского Совета. – 1918. – 26 сентября.
2. Искусство. – 1919. – № 23. – С. 3.
3. Известия Велижского уездного Совета рабочих, крестьянских и батрацких депутатов. – 1919. – 1 марта.
4. Лерман, М. Из воспоминаний о мастере / М. Лерман // Творчество. – 1987. – № 6.
5. Институт беларускай культуры / М. П. Касцюк [і інш.]; пад рэд. М. П. Касцюка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – С. 65–71.
6. Пятуховіч, М. М. Нарысы гісторыі беларускай літаратуры / М. М. Пятуховіч – Мінск: Выд-ва Інбелкульты, 1928. – С. 6.

А. А. Райчонак, ст. выкладчык

ПАДЫХОДЫ ПРАДСТАЎНІКОЎ БЕЛАРУСКАГА ЗАМЕЖЖА ДА ПЫТАННЯ АБ УВАСАБЛЕННІ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ў СЯРЭДЗІНЕ 20-Х ГГ. XX СТ.

The article examines some questions related to the views of various Belarusian emigrant groups of problems of the further development of Belarusian statehood. Their political orientation to different states on purpose to realize their own interests is analyzed. Besides the activities of the USSR and BSSR leaders aimed at destruction of organization structures of Belarusian People's Republic abroad, their objectives and tactics on this issue is focused on.

Уводзіны. Пад тэрмінам «прадстаўнікі беларускага замежжа» разумеюцца ўсе тэа дзеячы беларускага нацыянальнага руху, якія па волі лёсу апынуліся па-за межамі БССР. Да гэтай групы неабходна аднесці прадстаўнікоў Заходняй Беларусі, беларускую дыяспару ў Літве, а таксама беларускую палітычную эміграцыю, якая асела пераважна ў Чэхаславакіі і Германіі.

У 1923 г. беларускае замежжа не з'яўлялася адзіным цэлым, а прадстаўляла шэраг звязаных паміж сабой палітычных групавак. Гэтыя групы не былі аднароднымі ні па складзе, ні па становішчы ўнутры краіны знаходжання, ні па ўплыве на падзеі. Фактычна яны групаваліся вакол трох цэнтраў. Найбольш шматлікай была групоўка ў Заходняй Беларусі, якая таксама распалася на некалькі накірункаў пераважна па прынцыпе знешнепалітычнай арыентацыі і метадах палітычнай барацьбы. Нягледзячы на тое, што фактычна ўсе яны мелі агульную палітычную платформу, якая грунтавалася на непрызнанні Рыжскага мірнага дагавора і неабходнасці развіцця нацыянальнага жыцця беларусаў у II Рэчы Паспалітай, меліся паміж імі і значныя адрозненні.

Першую групу складалі так званыя «прагматыкі» – Б. Тарашкевіч, А. Луцкевіч, С. Рак-Міхайлоўскі, А. Станкевіч, А. Смоліч, Ф. Ярэміч і інш. – дзеячы, звязаныя раней з Найвышэйшай Радай. Яны былі прыхільнікамі парламентарызму, лічылі, што толькі ён вырашыць праблемы беларусаў, і стаялі ў апазіцыі да ўрада Ластоўскага.

Іншую пазіцыю ў адносінах да польскай дзяржавы займалі дзеячы, верныя эмігранцкаму ўраду БНР у Коўне. Яна была сфармуляваная беларускімі эсэрамі і грунтавалася на рэзкім непрызнанні Рыжскага дагавора, імкненні разгарнуць партызанскі рух у Польшчы на выпадак яе канфлікту з Літвой. Але ў 1923 г. партызанскі рух быў ці часткова разгромлены Польшчай, ці ўзяты пад кантроль камуністамі. Увогуле ў 1923–1925 гг., дзякуючы карнай палітыцы польскіх улад, нелегальная дзейнасць была значна абмежавана.

Дзеячы створанай у 1923 г. КПЗБ, безумоўна, арыентаваліся на БССР і ўвогуле на СССР. Імі таксама быў узяты курс на ўзброенае паў-

станне з мэтай далучэння Заходняй Беларусі да БССР. З гэтай нагоды яны імкнуліся падпарадкаваць сабе ўвесь беларускі рух увогуле і партызанскі рух у прыватнасці.

Асноўная частка. Пераломным годам у беларуска-польскіх дачыненнях можна лічыць 1924 г., які характарызаваўся найбольшай напружанасцю беларускіх выступленняў супраць польскіх улад. Але значных вынікаў гэтыя выступленні не прынеслі. Акрамя таго, у 1924 г. Камінтэрн пасля падаўлення Кракаўскага паўстання 1923 г. і спаду рэвалюцыйнага руху мяняе сваю палітыку ў дачыненні да Польшчы, згортвае нелегальную працу і засяроджваецца на легальнай рабоце.

У выніку ўсяго гэтага ў 1925 г. група Б. Тарашкевіча прыходзіць да высновы, што саюз з Польшчай – шкодная ілюзія. Дэпутаты Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ) адмаўляюцца ад супрацоўніцтва з уладамі Польшчы і бяруць курс на збліжэнне з КПЗБ. Б. Тарашкевіч нават прымаў удзел у III канферэнцыі КПЗБ, што адбылася ў 1926 г. у Маскве. Увогуле за два гады БСРГ становіцца самай шматлікай беларускай партыяй у Заходняй Беларусі, пакуль у 1927 г. яна не была разгромлена польскімі ўладамі.

Фактычна разгром БСРГ быў на руку КПЗБ, якая займае яе месца і становіцца самай уплывовай беларускай партыяй. На выбарах у сейм у 1928 г. за яе прагаласавала 26% выбаршчыкаў Заходняй Беларусі, што выводзіць яе на першае месца сярод іншых беларускіх партый [1, с. 186].

У лістападзе 1925 г., пасля выхаду групы Б. Тарашкевіча з Беларускага пасольскага клуба, Фабіян Ярэміч і Васіль Рагуля стварылі Беларуска-сялянскі саюз, які павінен быў стаць альтэрнатывай левай грамадзе. У якасці праграмы-максимум яны выступалі за ўтварэнне незалежнай Беларусі, у якасці праграмы-мінімум – за ўтварэнне культурнай аўтаноміі для беларусаў у Польшчы.

Самай памяркоўнай сярод гэтых груп была Беларуска-хрысціянская дэмакратыя на чале з А. Станкевічам, В. Гадлеўскім і Л. Хвецькам, якая базіравалася на хрысціянскіх каштоўнасцях і выказвала стрыманыя патрабаванні ў нацыянальным пытанні. Тым не менш і яна

наклікала на сябе гнеў польскай адміністрацыі і кіраўніцтва касцёла.

Трэба яшчэ прыгадаць групу А. Луцкевіча і Р. Астроўскага, якая фактычна перайшлі на праўрадавыя пазіцыі і заклікала засяродзіцца выключна на культурніцкай справе. Але яна не мела значнай падтрымкі ў грамадстве, і яе палітычны ўплыў з 1927 г. сышоў на нішто.

Калі характарызаваць асноўны вектар развіцця беларускага нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі ў перыяд з 1923 па 1927 гг., то ён будзе вызначацца радыкалізацыйнай падзелу беларускіх партый на правае і левае крыло, змяншэннем уплыву першага і дрэйфам другога да ўсё большай прасавецкай арыентацыі. На наш погляд, гэта тлумачыцца наступнымі прычынамі: па-першае, урад БНР так і не здолеў прарвацца на міжнародную арэну як паўнаважны суб'ект міжнароднага права, што паступова пазбаўляла яго прывабнасці ў якасці цэнтра беларускага нацыянальнага руху; па-другое, на фоне ўзмацнення рэпрэсій з боку польскіх улад і росту ў іх шавіністычных настрояў фактычна немагчымым было праводзіць уважаную палітычную лінію. Партыі павінны былі ці займаць праўрадавую пазіцыю і тым самым страчваць падтрымку сярод шырокіх мас насельніцтва, ці радыкалізавацца, што немінуча штурхала іх да саюза з камуністамі; па-трэцяе, беларускія партыі зноў апынуліся паміж «молатам і кавадлам» – між імкненнем кіраўніцтва Польшчы цалкам зліквідаваць любы беларускі рух і жаданнем савецкага кіраўніцтва поўнаасцю гэты рух падпарадкаваць.

1923 г. з'явіўся пераломны і ў гісторыі БНР. 15 красавіка Савет паслоў Антанты прымае дадатковы пратакол да Версальскага дагавора, які замацаваў міжнароднае прызнанне межаў, усталяваных Рыжскім мірным дагаворам. Як ужо казалася вышэй, стабілізацыя палітычнага і эканамічнага становішча ва Ўсходняй Еўропе прывяла да таго, што беларускае пытанне пачынае разглядацца як нешта непатрэбнае ці нават небяспечнае.

З гэтай нагоды прадстаўнікі БНР і арыентаваныя на яе партыі паступова страчвалі падтрымку з боку ўрадаў іншых краін. Даўжэй за ўсіх яны атрымлівалі падтрымку з боку кіраўніцтва Літвы, але пасля канчатковага далучэння ў 1923 г. «Сярэдняй Літвы» да Польшчы і яно паступова губляе цікавасць да беларускага пытання [2, с. 269]. Увогуле палітыка літоўскага ўрада ў гэтым годзе рэзка пачынае мяняцца, сведчаннем чаго могуць быць наступныя радкі з ліста старшыні рады БНР П. Крачэўскага, напісанага 30 ліпеня 1923 г. прадстаўніку БНР у Чэхаславакіі: «Беларуская акцыя ў Літве лопнула. Свядома ці не свядома Літва адмовілася даць правы і адпаведную дапамогу жыхарству Віленшчыны, а тым самым і злажыла з нас абавязкі пад-

трымліваць братнія суседскія адносіны ў стаўленку да Літвінаў» [3, с. 1420]. У выніку гэтага 1 лістапада 1923 г. Прэзідыум Рады і ўрад БНР былі вымушаны пакінуць Літву і пераехаць у Чэхаславакію. З гэтага часу цэнтрам беларускай палітычнай эміграцыі становіцца Прага.

Увогуле ўзгаданы ліст утрымлівае ў сабе каштоўныя звесткі аб змене курса кіраўніцтва БНР. Так, характарызуючы змены, якія адбыліся, П. Крачэўскі піша: «Мы былі і будзем аб'ектам гандлю ўжо не паміж Літвой і Польшчай, а паміж Польшчай і Савецкай Беларуссю, што надае нам больш годную пазіцыю і ў палітычным, і ў нацыянальным сэнсе... Цяпер мы павінны трымацца самі і весьці барацьбу за сваю незалежнасць і непадзельнасць уласнымі сіламі» [3, с. 1421]. Акрамя таго, ім даецца рэзка адмоўная характарыстыка дзейнасці В. Ластоўскага, якога ён фактычна абвінавчвае ў здрадзе.

У жніўні 1923 г. быў сфарміраваны новы ўрад БНР на чале з А. Цвікевічам, але адхіленне В. Ластоўскага выклікала толькі новы разлад, паколькі ЦК БПС-Р выказаўся супраць прызначэння Цвікевіча. Прэзідыум Рады БНР раскалоўся на дзве часткі, між тым Цвікевіч застаўся выконваючым абавязкі Старшыні Рады Міністраў.

Сітуацыю ўскладняў і раскол у нацыянальна-дэмакратычным руху. Першапачатковая розніца ў поглядах па праблеме знешнепалітычнай арыентацыі вылілася ў адкрытае супрацьстаянне з яўнымі спробамі дыскрэдытацыі палітычных апанентаў.

Акрамя гэтага, разгром партызанскага руху і ўнутраны раскол БПС-Р (з яе выйшла Беларуская рэвалюцыйная арганізацыя) прыводзіць да паступовага заняпаду гэтай партыі, і ў чэрвені 1924 г. пад ціскам КП(б)Б на з'ездзе былых членаў БПС-Р прымаецца рашэнне аб яе самароспуску. Гэта не магло не адбіцца на пазіцыях БНР, паколькі менавіта БПС-Р з'яўлялася яе галоўнай апорай.

Усе вышэй пералічанае прывяло да таго, што значную частку прадстаўнікоў беларускага нацыянальнага руху апанавалі песімістычныя настроі. Змаганне на два франты падаецца ім бесперспектыўнай справай, вырашэнне беларускага пытання ў Польшчы – марнай ілюзіяй. Гэта прымушае іх усё болей схіляцца ў бок падтрымкі БССР як галоўнага аб'яднаўчага цэнтра ўсіх беларускіх сіл, што, дарэчы, мела свае падставы. На той момант фактычна толькі БССР уяўляла з сябе вядомую форму беларускай дзяржаўнасці. Акрамя таго, новая эканамічная палітыка, беларусізацыя, узбуйненне тэрыторыі і ўмелая прапаганда дасягненняў у БССР парадзілі ў часткі беларускіх дзеячаў пэўныя спадзяванні.

Адлюстраваннем дадзенага працэсу з'яўляецца ліст А. Цвікевіча ў Беларускі Краёвы

Цэнтр у Вільні ад 4 лютага 1925 г., дзе ён піша: «...нашае пытанне чым далей тым больш набірае, з пункту гледжання ўсіх зафіксаваўшых сябе нацый – небяспечнага характару. Толькі той, хто разлічвае на міжнародныя непарадкі, каб выправіць свае недахваты, толькі таму мы цікавы рэальна, як сіла дэструктыўная. З гэтага боку мы цікавы немцам, саветчыкам і літвінам (віленская болька). Чэхі і ўсе іншыя цікавяцца нашай справай як элементам усходняй праблемы». Далей ён характарызуе адносіны да Савецкай Беларусі «...аб становішчы ў Менску... Разам з Вамі чакаю моманту, калі жа ўрэшце беларускі Менск зробіцца сапраўды беларускім... Усё роўна – “наша перамога”. Наколькі пры гэтым наша ідэя ў яе практычным прылажэнні мадыфікуецца – пытанне не такое ўжо пякучае. Працэс зыходжання Менску з маскоўскіх рэак гаворыць за тое, што наша мадыфікацыя навогул можа быць вельмі і вельмі нязначная. У кожным разе – дзе б я ні быў – я буду перакананы, што праўда беларуская на нашым, а не іхным баку» [4, арк. 17–18].

З аналізу дадзенага ліста вынікаюць дзве галоўныя высновы. Па-першае, у часткі беларускай палітычнай эміграцыі страчваюцца перспектывы далейшай палітычнай дзейнасці; па-другое, не зусім правільнае разуменне таго, што адбываецца ў БССР, штурхае іх да саюза з прадстаўнікамі апошніх.

На наш погляд, прычынай з’яўлення падобных настроў былі не толькі тыя цяжкасці, з якімі ў той час сутыкнулася кіраўніцтва БНР, але і дастаткова разумная палітыка ўрада Савецкай Беларусі ў дачыненні да беларускай эміграцыі. Безумоўна, яго не магло не раздражняць існаванне «урада ў выгнанні», тым больш што апошні не сядзеў склаўшы рукі, яго прадстаўнікі звярталіся ва ўсе магчымыя арганізацыі з мэтай прыцягнення ўвагі да Беларусі. Кіраўніцтва БССР не пайшло на адкрытую канфрантацыю, а завязала дыпламатычную гульню, канчатковай мэтай якой было прызнанне БССР адзіным беларускім цэнтрам. Праца вялася па некалькіх накірунках: стварэнне «ўзорнай рэспублікі» з мэтай прапаганды савецкага ладу жыцця; абвясчэнне палітычнай амністыі тым праціўнікам савецкай улады, якія не выступалі супраць яе са зброяй у руках, і прапанова вяртання на радзіму; фінансавая дапамога лягальнай частцы эміграцыі.

У 1925 г. кіраўніцтвам БССР фактычна быў распрацаваны план, скіраваны на ліквідацыю БНР. Распачало гэты працэс пасяджэнне бюро ЦК КП(б)Б, якое адбылося 6 студзеня 1925 г., дзе было прызнана мэтазгодным ліквідаваць «беларускі народны ўрад», аднак такім чынам, каб гэта суправаджалася дэкларацыяй дадзенага ўрада на карысць Савецкай Беларусі [5, арк. 6]. Дакладней кажучы, такая ініцыятыва зыходзіла з Масквы,

паколькі дакладваў па гэтым пытанню М. Ітві, які з’яўляўся ўпаўнаважаным наркамата замежных спраў СССР пры ўрадзе БССР, а ў маі абмяркоўвалася пасылка прадстаўнікоў БССР на нараду ў Маскву пры НКЗС па беларускім пытанні.

Галоўным каардынатарам дадзенага мерапрыемства быў прызначаны А. Ульянаў, на якога ўскладаліся ўсе перамовы з групай А. Цвікевіча. Для магчымасці фінансавання легальнай працы за мяжой 31 ліпеня 1925 г. прымаецца пастанова аб арганізацыі ў Вільні кааператыўнага банка [5, арк. 253]. Далей, 14 жніўня, на закрытым пасяджэнні сакратарыята ЦК КП(б)Б прымаецца пастанова аб мэтазгоднасці склікання II Усебеларускай палітычнай канферэнцыі ў Берліне. На гэтым пасяджэнні прымаюцца 7 абавязковых умоў да групы А. Цвікевіча. Галоўныя з іх: папярэдняе прызнанне Мінска як адзінага культурнага і палітычнага цэнтра; адмова ад арыентацыі на Лігу Нацый; прызнанне немэтазгодным стварэнне новага цэнтра беларускага руху за мяжой, у крайнім выпадку згода на стварэнне цэнтра на тэрыторыі БССР з савецкай арыентацыяй; згода на супрацоўніцтва з БСРГ пры польскім сейме. Пры прыняцці гэтых умоў давалася згода на фінансаванне групы А. Цвікевіча. Паколькі перамовы прайшлі паспяхова, то праз 10 дзён прымаецца рашэнне аб пераводзе праз А. Ульянава 3000 рублёў і ўключэнні дадатковага пункта аб неабходнасці прыцягнення на канферэнцыю як мага больш «саветафільскіх элементаў» [6, арк. 6].

Але на практыцы адбывалася не ўсё так гладка. Спачатку бальшавікі апасаліся супрацьдзеяння канферэнцыі групы Ластоўскага, потым узнікла непаразуменне з самім А. Цвікевічам. Наколькі магчыма прасачыць па дакументах, А. Цвікевіч, згаджаючыся перадаць паўнамоцтвы ўрада БНР ураду БССР, збіраўся пакінуць замест урада нейкі новаўтвораны «Беларускі камітэт», на які меркавалася ўскласці каардынацыю дзеянняў беларускага руху за мяжой. Гэта выклікала рэзкую незадаволенасць кіраўніцтва БССР, што знайшло сваё адлюстраванне ў пастанове нарады па замежных справах пры ЦК КП(б)Б аб берлінскай канферэнцыі ад 13 верасня 1925 г. У ёй, у прыватнасці, адзначалася: «1. Беларускі камітэт, будзь ён падабраны на Берлінскай канферэнцыі, нават пры ўмове складання паўнамоцтваў БНР, акажацца сілай супраць СССР, будзе жыць ілюзіі ў беларускім пытанні, аслабляючы пазіцыю СССР; яго ўтварэнне будзе разглядацца як выступленне супраць БССР. 2. Паставіць перад групай Ц. (Цвікевіча) катэгарычнае пытанне: ці прыняць зараз усе ўмовы БССР, ці БССР адмаўляецца ў далейшым ад якіх бы то ні было перамоў з групай Ц. і пачынае супраць яе барацьбу» [6, арк. 8].

Як бачна, дадзеная пастанова па стылі нагадвае ультыматум, што можа сведчыць аб

супраціўленні Цвікевіча, з аднаго боку, і намеры максімальна выкарыстаць яго жаданне пераехаць у БССР, з другога. Складанасць абстаноўкі выявілася яшчэ і ў тым, што падрыхтоўка да дадзенай канферэнцыі вялася патаемна ад старшыні Рады БНР П. Крачэўскага, які адмаўляў ідэю любых перамоў, калі яны не вяліся зыходзячы з прынцыпу «незалежнасці і непадзельнасці» Беларусі. Гэтая канферэнцыя, на думку кіраўніцтва БССР, павінна была прайсці цалкам у рэчышчы прасавецкіх настрояў, і таму было прызнана непажаданым хоць якое-небудзь выступленне супраць Мінска. Таму 6 кастрычніка прымаецца рашэнне «прызнаць удзел у канферэнцыі С.Р. (сацыялістаў-рэвалюцыянераў) шкодным» [5, арк. 401].

Вось на такіх умовах 15 кастрычніка 1925 г. адбываецца II Усебеларуская канферэнцыя ў Берліне, на якой прысутнічалі 17 дэлегатаў. Дадзеная канферэнцыя прыняла пастанову Рады Народных Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі, у якой казалася: «У свядомасці таго, [што] улада сялян і работнікаў, замацаваная ў Менску – сталіцы Радавай Беларусі, запраўдна імкнецца адраджэньне Беларускай народнай культуры, эканамічна і дзяржаўна, што Радавая Беларусь ёсць адзіная рэальная сіла, якая можа вызваліць Заходнюю Беларусь ад польскага іга, у поўным паразуменьню з краявымі арганізацыямі, ПАСТАНАВІЛІ: спыніць існаваньне ўраду Беларускай Народнай Рэспублікі і прызнаць Менск адзіным цэнтрам нацыянальна-дзяржаўнага адраджэньня Беларусі» [3, с.1632].

Як мы бачым, у гэтым невялічкім дакуменце двойчы ўзгадаваецца дзяржаўнасць Беларусі, што дае нам падставы сцвярджаць: дадзены крок не простая капітуляцыя групы Цвікевіча ў адносінах да Савецкай Беларусі, а своеасаблівае бачанне далейшых перспектываў развіцця Беларускай дзяржаўнасці. Акрамя таго, канферэнцыя прыняла некалькі рэзалюцый, у прыватнасці, рэзалюцыю аб палітычным становішчы, дзе ішла гаворка аб пажаданасці далучэння да рэспублікі Гомеля і іншых усходніх паведаў, але пры друкаванні ў савецкай прэсе гэтая фраза была апушчана.

Дадзеную канферэнцыю можна лічыць працягам расколу, які назіраўся ў беларускім эмігранцкім руху ў той перыяд. Як бачна, гэты раскол быў вынікам не толькі ўнутраных супярэчнасцяў, але і знешніх абставін.

Фармальна прадстаўнікі Савецкай Беларусі дабіліся свайго, але на самой справе ўсё было не так гладка, паколькі Прэзідыум Рады БНР рашэнні канферэнцыі не прызнаў. Па-першае, гэтая супярэчыла ранейшым пастановам Рады, паводле якіх урад не мог прымаць самастойныя рашэнні, а таксама збірацца паасобна ад Прэзідыума Рады БНР. Па-другое, Цвікевіч быў толькі выконваючым абавязкі Старшыні Рады Міністраў. Больш таго, напярэдадні канферэнцыі яе ўдзельнікі склалі з сябе афіцыйныя абавязкі і прымалі ў ёй удзел як прыватныя асобы.

Заклучэнне. Такім чынам, цалкам ліквідаваць структуру БНР не атрымалася. Але пасля 1925 г. усё болей і болей прадстаўнікоў эміграцыі перабіраецца ў Беларусь ці паступова адходзяць ад палітычнай дзейнасці. Фактычна толькі невялікая група Беларускай палітычнай эміграцыі, што гуртавалася вакол Старшыні Рады БНР П. Крачэўскага, засталася вернай Беларускай Народнай Рэспубліцы і так і не прызнала Савецкую Беларусь.

Літаратура

1. Кобяк, С. В. Акт исторической справедливости (из истории борьбы КПЗБ за социальное и национальное освобождение трудящихся Западной Беларуси) / С. В. Кобяк, А. Н. Мацко // Страницы истории Компартии Белоруссии: суждения, аргументы, факты. – Минск, Университетское, 1990. – 446 с.
2. Коўкель, І. Польска-літоўскі канфлікт і роля ў ім беларускіх палітычных партыяў і арганізацыяў (1920–1923 гг.) / І. Коўкель // Беларусіка=Albaruthenica. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – Кн. 3. – 382 с.
3. Архівы БНР. Т. 1. – Вільня; Нью-Йорк; Менск; Прага, 1998. – 1721 с.
4. НАРБ. – Фонд 325. – Воп. 1. – Спр. 9.
5. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 3. – Спр. 6.
6. НАРБ. – Фонд 4. – Воп. 21. – Спр. 46.

А. У. Дзянісаў, асістэнт

ДОБРААХВОТНЫЯ ГРАМАДСКІЯ АРГАНІЗАЦЫІ Ў САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ ЯК АБ'ЕКТ ДЗЯРЖАЎНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў 1920–1924 ГГ.

This article examines the emergence of voluntary community organizations (especially organizations of history, as well as others) the main directions of state policy towards them in the Soviet of Belarus in 1920–1924, which was embodied in the documents and regulations that govern their social activities, the process of registration, obtaining permits for congresses, etc. Crucial policy had in the early 1920. The article presents the different points of view on this issue. Gradually, the order permits the activities of the organizations has changed more accurately, allowing public authorities to prevent undesirable activities of his organization, not to allow anti-sentiment. This topic is the weak level of study previously had not been considered in detail by researchers.

Уводзіны. Тэма ўзаемаадносін добраахвотных грамадскіх аб'яднанняў, таварыстваў і саюзаў і ўладавых структур ў першай палове 1920-х гг. уяўляе дастатковы інтарэс.

Характэрнай рысай для першых паслярэвалюцыйных гадоў на тэрыторыі былой Расійскай імперыі было значнае павялічэнне колькасці разнастайных добраахвотных грамадскіх арганізацый. Абуджэнне новай грамадскай паслярэвалюцыі, арганізацыя творчых аб'яднанняў дзеячаў культуры, асветы, навукі былі заканамернай з'явай. У хуткім часе гэтыя грамадскія саюзы і таварыствы зрабіліся аб'ектамі дзяржаўнай палітыкі. Іх дзейнасць, узнікненне і ліквідацыя быдла цесна звязана з напрамкамі дзяржаўнай палітыкі. Вырашальнымі для лёсу грамадскіх арганізацый з'явіліся 1920–1924 гг., калі былі выпрацаваны асноўныя дакументы, якія рэгулявалі іх дзейнасць.

Асноўная частка. Савецкая Беларуская Рэспубліка знаходзілася пасля падзей грамадзянскай вайны і акупацыі ў складаным эканамічным, сацыяльным і культурным становішчы. Жыццё ставіла перад Савецкай уладай праблемы, звязаныя, з аднаго боку, з пераадоленнем разбурэнняў і эканамічнай адсталасці нацыянальных рэспублік, з іншага боку, мелася вялікая патрэба ў культурным будаўніцтве. Іх вырашэнне патрабавала выкарыстання ў поўнай меры прыродных і сацыяльных рэсурсаў, развіцця народнай адукацыі, даследчай працы.

Уладамі былі зроблены захады па ліквідацыі непісьменнасці, развіццю сістэмы народнай адукацыі, арганізацыі вышэйшых навучальных устаноў. Ужо ў красавіку 1919 г. аднаўляе дзейнасць Горацкі сельскагаспадарчы інстытут, а ў 1921 г. у Мінску быў адчынены Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт [1, с. 41]. Вывучэннем эканомікі, вытворчых сіл і прыродных багаццяў краю ў 1921–1922 гг. вельмі актыўна займаліся Эканомнарада (Экономсовещание) Беларусі, Эканамічнае аддзяленне факультэта грамадскіх навук у Мінску і Беларуская культурна-навуковая асацыяцыя пры Пятроўскай сельскагаспадарчай акадэміі. Пры Статыстычным бюро Беларусі і Савеце народнай гаспадаркі ажыццяўляліся

таксама працы па зборы матэрыялаў, якія характарызавалі народную гаспадарку Беларусі. Вынікі такіх даследаванняў друкаваліся ў часопісе «Народная гаспадарка Беларусі».

На тэрыторыі Беларусі ў гэты перыяд, нягледзячы на цяжкае сацыяльна-эканамічнае становішча і пасляваенныя наступствы, актыўна дзейнічалі добраахвотныя арганізацыі.

Пасля кастрычніцкай рэвалюцыі прадстаўнікі таварыстваў, адчуваючы патрэбу ў легалізацыі, накіравалі прашэнні аб рэгістрацыі ў дзяржаўныя структуры. Рэгістраваліся таварыствы ў разнастайных месцах: у Народным камісарыяце асветы, у НКУС, у ЦВК, у Саветах, у міліцыі і інш. Так, Мінскае педагагічнае таварыства, якое ставіла сваёй мэтай аб'яднанне працаўнікоў асветы для выпрацоўкі і рэалізацыі педагагічных ідэй і прынцыпаў, было зарэгістравана пры Наркамасветы 4 красавіка 1919 г. На першых парах дзяржава не ажыццяўляла канкрэтных мераў па рэгуляванні дзейнасці грамадскіх арганізацый у сваіх ўзаемаадносінах з імі. Адзінай і галоўнай умовай прызнання саюза ці таварыства з'яўлялася супастаўленне мэты грамадскага аб'яднання існуючаму правапарадку, іншымі словамі, адсутнасць супярэчнасці паміж мэтай аб'яднання і законам дзяржавы. Адсутнасць дакладнага агульнага заканадаўства аб таварыствах і саюзях прывяло да таго, што шмат таварыстваў ажыццяўлялі сваю дзейнасць без усялякай рэгістрацыі. Наркамат асветы прапанаваў таварыствам актыўна ўключыцца ў культурна-асветную дзейнасць і пачаў аказваць некаторую фінансавую падтрымку (напрыклад, фінансаванне экспедыцый і даследаванняў Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцей).

3 жніўня 1922 г. ЦВК і СНК РСФСР была зацверджана пастанова «Аб парадку зацвярджэння і рэгістрацыі таварыстваў, не праследуючых мэтай абагачэння», а 10 жніўня зацверджана інструкцыя да яе. Гэта быў першы заканадаўчы акт аб таварыствах і саюзях, які рэгламентаваў усе бакі іх узнікнення, афармлення і дзейнасці, іх месца ў палітычным, грамадскім і культурным жыцці таварыства. Гэты дакумент устанавіў парадак іх рэгістрацыі наступным чынам: ніводнае

з таварыстваў (акрамя прафесійных саюзаў) не маглі пачаць сваёй дзейнасці без рэгістрацыі ў Народным камісарыяце ўнутраных спраў (НКУС) і яго мясцовых органах [1, с. 29].

У Беларусі Цэнтральным выканаўчым камітэтам ССРБ 13 кастрычніка 1922 г. была выдадзена спецыяльная пастанова «Аб парадку зацвярджэння і рэгістрацыі таварыстваў, не праследуючых мэтай абагачэння і аб парадку нагляду за імі», выйшла і адпаведная інструкцыя [2, арк. 17–19]. Таксама была выдадзена інструкцыя «Па выдачы дазвонаў на скліканне з’ездаў і сходаў разнастайных арганізацый, саюзаў і аб’яднанняў» [3, арк. 20–20 адв.].

Таварыства павінна было прадставіць у НКУС свой устаў, спіс членаў па адпаведнай форме, пратакол сходу аб стварэнні таварыства і заплаціць гербавы збор (100 рублёў). Таварыствы і саюзы, якія не зарэгістраваліся ў двухгадовы тэрмін пасля апублікавання гэтай пастановы, абвешчваліся зачыненымі [4, арк. 17].

Побач з аналагічнымі пунктамі пастановы ЦВК РСФСР пастанова ЦВК БССР мела шэраг удакладненняў і заўваг. НКУС Беларусі быў абавязаны ў тыднёвы тэрмін звязацца з НКУС РСФСР, накіраваўшы запыт аб магчымасці рэгістрацыі той ці іншай арганізацыі [2, арк. 25].

У гэты ж час Дзяржаўнае палітычнае ўпраўленне (ДПУ) пачынае наладжваць цесны кантакт з НКУС Беларусі па пытаннях зацвярджэння створаных на тэрыторыі ССРБ грамадскіх арганізацый і таварыстваў. ДПУ павінна было мець на ўліку ўсе добраахвотныя грамадскія арганізацыі з мэтай іх кантролю. Усе матэрыялы, якія атрымліваў НКУС аб таварыствах, павінны былі накіроўвацца ў Сакрэтнае аддзяленне ДПУ Беларусі і толькі пасля санкцыі цэнтральных органаў ДПУ маглі быць зацверджаны НКУС. Па ўсіх гэтых пытаннях НКУС павінен быў звязацца з упаўнаважаным сакрэтнага аддзялення ДПУ па справах таварыстваў [2, арк. 25].

Рэгістрацыя давала таварыству толькі афіцыйнае прызнанне для далейшага існавання на аснове закону. Пастанова аддзяляла дабрачынныя таварыствы ад тых, хто меў карысныя мэты. Аднак гэта не значыла, што дабрачынныя таварыствы не маглі весці гаспадарчую дзейнасць: выдавецкую, энцыклапедычную, збіральніцкую, творчую, якая вымагала фінансавых сродкаў.

Пры перарэгістрацыі НКУС накіроўваў запыт аб зацвярджэнні статута таварыства ў адпаведны наркамат, якому дзейнасць таварыства было блізкай, а таксама ў ДПУ. Пастанова 1922 г. зводзіла нагляд за дзейнасцю таварыстваў да рэгістрацыі, праверкі спісаў членаў, зацвярджэння статутаў. Дзяржаўныя органы не патрабавалі ад таварыстваў звестак аб фінансавай дзейнасці, цензуры лекцый, тэм пасяджэнняў і інш.

Краязнаўчыя таварыствы і арганізацыі рэгістраваліся ў губернскіх аддзелах упраўлення.

Губернскія аддзелы карысталіся пры рэгістрацыі спецыяльнымі сакрэтнымі цыркулярамі НКУС і інструкцыямі СНК аб парадку рэгістрацыі [5, арк. 25]. Па сакрэтным цыркуляры № 1488/с ад 1 верасня 1922 г. аддзелы ўпраўлення рэгістравалі статуты і дазвалялі праводзіць з’езды добраахвотных арганізацый толькі мясцовага значэння, якія ў сваёй дзейнасці не выходзілі за межы губерні. Губернскія аддзелы рэгістравалі статуты і дазвалялі з’езды арганізацый толькі пасля запысу ў ДПУ і атрымання адтуль станоўчага адказу. У ДПУ аддзелаў прадстаўляліся падрабязныя звесткі аб таварыствах (статут, спіс членаў і інш.) [4, арк. 26].

Статуты таварыстваў і саюзаў, дзейнасць якія выходзіла за межы губерні і распаўсюджвалася на тэрыторыю краіны, павінны былі рэгістравацца ў НКУС [4].

10 кастрычніка 1922 г. НКУС ССРБ звярнуўся да аддзелаў упраўлення выканаўчых камітэтаў ССРБ з паведамленнямі аб справах рэгістрацыі таварыстваў і саюзаў, не маючых мэтай абагачэння, і аб парадку нагляду за імі. Уся праца па гэтых пытаннях павінна была праводзіцца выключна НКУС [2, арк. 25–26].

Між іншым, некаторымі аддзелаў ўжо былі дадзены распараджэнні таварыствам аб прадстаўленні ім даных для рэгістрацыі. У гэтым выпадку НКУС прадпісваў аддзелаў рэгістрацыю гэтых таварыстваў не праводзіць і дазваляў на правядзенне з’ездаў і сходаў не даваць, усе даныя аб таварыствах перадаць у НКУС і ўвогуле ўстрымацца ад вядзення работы па гэтых пытаннях. Паступіўшыя заявы на рэгістрацыю таксама павінны былі быць накіраваны аддзелаў ў НКУС [5, арк. 55–57].

Так, Барысаўскі павятовы выканаўчы камітэт 23 верасня выдаў пастанову № 139 аб рэгістрацыі мясцовых таварыстваў і саюзаў, якая абавязвала іх падаць усе неабходныя дакументы для рэгістрацыі ў павятовы выканаўчы камітэт у двухтыднёвы тэрмін [2, арк. 46]. Заявы былі паддзены ад Саюза веруючых католікаў, Праўлення барысаўскага яўрэйскага пахавальнага таварыства і Беларускай культурна-навуковай грамады. Аднак у кастрычніку 1922 г. гэтая пастанова была анулявана, а ўсе даныя аб таварыствах былі накіраваны ў НКУС [5, арк. 57].

Беларуская культурна-навуковая грамада ў Барысаве, якая налічвала каля 65 сяброў, сярод сваіх культурна-асветніцкіх мэтай ставіла і заняцце краязнаўствам (аб’яднанне асаблівасцяў і старажытнасцяў Барысаўшчыны, адкрыццё музеяў і выставаў культуры краю, правядзенне курсаў і лекцый па краязнаўству і інш.). Статут таварыства быў зацверджаны [2, арк. 39].

Меркаваць, чым кіравалася ДПУ і НКУС пры прадстаўленні дазволу для рэгістрацыі, дазваляе наступны дакумент. У маі 1924 г. у сакрэтнае аддзяленне ДПУ з НКУС была пера-

дадзена заява на рэгістрацыю статута Магілёўскага таварыства краязнаўства з усімі неабходнымі матэрыяламі. ДПУ адказаў, што лічыць неабходным устрымацца ад зацвярджэння Магілёўскага таварыства краязнаўства. Падставай для ДПУ было тое, што сярод членаў праўлення таварыства не было ніводнага члена Камуністычнай партыі [6, с. 221–222].

30 студзеня 1923 г. НКУС ССРБ разаслаў аддзелам упраўлення выканкомаў «Правілы закрыцця і ліквідацыі таварыстваў і саюзаў, ня маючых мэтаў абагачэння». Па гэтых правілах маёмасць, якая заставалася пасля закрыцця або самаліквідацыі таварыства, павінна быць перададзена ў карыстанне Сабесу [2, арк. 39].

9 мая 1924 г. была выдадзена пастанова ЦВК і СНК СССР «Аб парадку зацвярджэння ўставаў і рэгістрацыі таварыстваў і саюзаў, не праследуючых мэтаў абагачэння і распаўсюджваючых сваю дзейнасць на тэрыторыі ўсяго Саюза ССР, і аб наглядзе за ім», якая рэгламентавала стан агульнасаюзных таварыстваў. З гэтага часу праекты стварэння саюзных таварыстваў павінны былі прадстаўляцца ў СНК СССР, а рэгістрацыя таварыстваў і нагляд за імі ажыццяўляліся НКУС саюзных рэспублік [5, с. 31–32]. Гэта пастанова змяніла шлях рэгістрацыі. Калі раней таварыства проста рэгістравалася, то цяпер яно падавала дакументы на дазвол з боку ўладаў. Яна зноў усталявала, як і да рэвалюцыі, дазвольны, а не рэгістрацыйны парадак стварэння таварыстваў і саюзаў, што з’явілася вельмі істотным крокам на шляху да адзяржаўлення грамадскіх арганізацый.

Да канца 1924 г. ад НКУС атрымала дазвол на дзейнасць каля 28 добраахвотных грамадскіх таварыстваў, сярод якіх былі Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцяў, Беларускае таварыства пралетарскага студэнцтва, Мінскае таварыства ўрачоў, таварыства «Дынама», Беларускі раённы адзел таварыства філатэлістаў і інш. [7, арк. 55].

Заклучэнне. Такім чынам, можна зрабіць высновы, што у перыяд 1920–1924 гг. характар дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да добраахвотных грамадскіх арганізацый паступова змяняўся. У 1920 – у першую палову 1922 гг. галоўным крытэрыем легалізацыі дзейнасці была лаяльнасць да савецкай улады. Пачынаючы з 1922 г. у легалізацыі дзейнасці таварыстваў выкарыстоўваўся прынцып рэгістрацыі ў выніку прывядзення арганізацыі і актавай дакументацыі таварыства ў вызначаныя нормы. З 1924 г.

прынцып рэгістрацыі замяняецца прынцыпам атрымання дазволу пасля праверкі даных аб мэтах, складзе і выніках дзейнасці таварыстваў. Усталяванне больш жорсткага кантролю над стварэннем і дзейнасцю таварыстваў і саюзаў, прымяненне адміністрацыйна-камандных метадаў у сферы кіраўніцтва паступова прывяло да таго, што магчымасці да дзейнасці засталіся толькі ў тых добраахвотных таварыстваў, якія былі патрэбны савецкай уладзе дзеля вырашэння тых ці іншых актуальных задачаў.

Літаратура

1. Платонаў, Р. П. Беларусь у міжваенны перыяд: Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц / Р. П. Платонаў. – Мінск, Бел НДДАС, 2001. – 245 с.

2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 34. – Оп. 1. – Д. 166. Переписка с уполномоченными о порядке утверждения и регистрации обществ и союзов (Минское педагогическое общество, общество кустарей) 5 мая 1922 г. – 5 июня 1924 г. – 282 л.

3. НАРБ. Фонд 34. – Оп. 1. – Д. 165. Постановления и циркуляры ЦИК, СНК и НКВД БССР и переписка с уполномоченными о порядке утверждения и регистрации обществ и союзов. 2 мая 1922 г. – 26 июня 1924 г. – 82 л.

4. НАРБ. – Фонд 34. – Оп. 1. – Д. 178. Заявки учреждений и организаций о выдаче разрешений на изготовление печатаей и штампов. 2 января – 4 июля 1922 г. – 812 л.

5. НАРБ. – Фонд 34. – Оп. 1. – Д. 170. Устав и список членов Минского общества истории и древностей. 26 октября 1922 г. – 16 марта 1925 г. – 12 л.

6. Костюк, М. П. Большевицкая система власти в Беларуси / М. П. Костюк. – М.: РАН, 2002. – 340 с.

7. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 1279. Протоколы заседаний бюро ЦК КП(б)Б № 1-137. 15 мая 1924 – 2 декабря 1925. – 473 л.

8. НАРБ. – Фонд. 42. – Оп. 1. – Д. 199. Протоколы совещаний представителей Всебелорусского съезда работников просвещения, заведующих УНО, конференции школьных инспекторов при Главсоцвосе БССР, заседаний правления БГУ и пр. 26 января 1923 – 12 октября 1923. – 52 л.

9. Коржихина, Т. П. Извольте быть благодарными! / Т. П. Коржихина. – Москва: Изд. РГГУ, 1997. – 372 с.

В. А. Астрога, дацэнт БДУ

ВЫВУЧЭННЕ І ВЫКЛАДАННЕ ЁСАГУЛЬНАЙ ГІСТОРЫІ НА КАФЕДРАХ ГІСТОРЫІ МАЛАДЗЕЧАНСКАГА І АРШАНСКАГА НАСТАЎНІЦКІХ ІНСТЫТУТАЎ

The article analyses the establishment and development of the chairs of history of Molodechno and Orsha Teacher Training Institute in 1940–1950th years. It deals with issues of the chairs personnel potential, problems of developing of subjects teaching methods, scientific research topics. The article actualize specific activity of each Institute and the reasons for their closing. It also concludes on their place and role in the system of Higher education of BSSR. The publication is made on the unpublished archival of zonal state Archives of Molodechno and Orsha.

Уводзіны. Вывучэнне станаўлення і развіцця беларускай гістарычнай навукі, нягледзячы на даволі шматлікія публікацыі, застаецца і па сённяшні дзень маладаследаванай галіной гістарычных ведаў. Вучоныя ў першую чаргу аналізавалі дзейнасць буйных навуковых цэнтраў, якія знаходзіліся ў сталіцы і абласных цэнтрах БССР. Вывучаючы гісторыю універсітэтаў і абласных педагагічных інстытутаў, гісторыкі амаль не надавалі ўвагі мінуламу стварэнню і дзейнасці невялічкіх рэгіянальных, у асноўным раённых, настаўніцкіх інстытутаў, часцяком зачыненых у 1950-я гг. У выніку на сённяшні дзень па-за навуковай распрацоўкаю застаюцца цэлыя нявывучаныя праблемы.

Гэткім чынам, неабходнасць далейшага вывучэння гісторыі мясцовых, рэгіянальных беларускіх навуковых і адукацыйных асяродкаў так званых «другога эшалона» ў галіне гісторыі несумненна. Асабліва актуальна гэта ў сферы даследавання праблем усеагульнай гісторыі, бо яны найменш распрацаваны ў айчынай гістарыяграфіі. У гэтай сувязі дзейнасць кафедраў гісторыі Маладзечанскага дзяржаўнага настаўніцкага інстытута (МлДНІ) і Аршанскага дзяржаўнага настаўніцкага інстытута (АДНІ) у 1940–1950-х гг. уяўляе адназначна вялікі інтарэс. Менавіта настаўніцкія інстытуты ва ўзаемадзеянні з абласнымі педагагічнымі інстытутамі, а МлДНІ і з БДУ, займаючыся навучальнай і навуковай дзейнасцю, мусілі стаць падмуркам для развіцця гістарычнай навукі і адукацыі ў рэгіёнах Беларусі.

Асноўная частка. Маладзечанскі дзяржаўны настаўніцкі інстытут (МлДНІ), які быў утвораны на базе Мінскага настаўніцкага інстытута, кантынгенту яго выкладчыкаў і студэнтаў, згодна пастанове Савета Міністраў БССР № 301 ад 12. 07. 1947 г. стаў адзіным вну ў новай Маладзечанскай вобласці і ўвогуле першым за ўсю гісторыю Маладзечна. Ён мусіў рыхтаваць настаўнікаў 5–7-х класаў сямігадовых і сярэдніх школ і меў дзеля гэтага пяць профільных аддзяленняў, у тым ліку гістарычнае. Кожнае аддзяленне мела адпаведную кафедру. Кафедра гісторыі, адзіная кафедра гістаддзялення, займалася падрыхтоўкай настаўнікаў гісторыі. Ар-

ганізавана яна была ў жніўні 1947 г. і з 1 верасня яе першай загадчыцай стала былая выпускніца аспірантуры БДУ (1938 г.), нядаўняя выкладчыца гісторыі СССР Мінскага настаўніцкага інстытута Л. С. Мінзурэнка [1, л. 8]. Штат кафедры ўвесь час быў мінімальны, з 1947 па 1948 гг. – 2 чалавекі, у 1949 – 3, а з 1950 па 1953 гг. – 4 [2, л. 7]. Сталай выкладчыцай усеагульнай гісторыі была З. Х. Савельзон. Сярод сумяшчальнікаў, якія чыталі гэты курс, была А. С. Шандора (гісторыя СССР і ўсеагульная гісторыя). Безумоўна, гэтакімі сіламі праводзіць паўнаважную навучальную і навукова-даследчую працу было складана. Тым больш што дзейнасць маладзечанскай кафедры гісторыі, як і ў іншых настаўніцкіх інстытутах, прыпала на цяжкія і напружаныя пасляваенныя гады, перыяд новага ціску на грамадскае жыццё і навуку, час змагання з «касмапалітызмам і нізкапаклонствам перад Захадам», што ўжо само па сабе накладала абмежаванні на развіццё гістарычнай навукі, асабліва ўсеагульнай гісторыі, тым больш ў небагатай кадрамі і навуковымі традыцыямі тагачаснай Беларусі.

Трэба сказаць, што на навуку ў МлДНІ звярталі ўвагу з самага моманту яго заснавання. З персаналу дырэкцыя ўстановы імкнуліся выціснуць максімум, неаднаразова крытыкуючы супрацоўнікаў за нездавальняючую навуковую дзейнасць. Яе ўзровень і сапраўды быў невысокім. З гэтым пагаджаліся нават самі выкладчыкі. Так, ў красавіку 1948 г. на педнарадзе інстытута загадчыца кафедры Мінзурэнка казала: «...кафедра... працуе слаба, таму што працуюць малакваліфікаваныя кадры, ідэйна-палітычны ўзровень выкладчыкаў стаіць на нізкім узроўні, праца па павышэнню кваліфікацыі вядзецца саматужна, трэба яе палепшыць, прыцягнуць кваліфікаваныя сілы, палітзаняткі студэнтаў таксама стаяць на нізкім узроўні, трэба іх палепшаць...» [3, л. 14]. Нават у бібліятэцы інстытута абсалютна адсутнічала літаратура па гісторыі.

У хуткім часе, зыходзячы з наяўных магчымасцяў, было прынята рашэнне, што ў навуковай працы адпаведных кафедраў найбольшая ўвага будзе нададзена на назапашванне крэзнаўчага

матэрыялу. У выніку на кафедры гісторыі гэтым вымушаны былі заняцца і спецыялісты па ўсеагульнай гісторыі. Дарэчы, падобную карціну мажліва было назіраць ва ўсіх настаўніцкіх інстытутах рэспублікі. У гэтай сітуацыі кафедра пачала праводзіць кансультацыі для настаўнікаў школ горада. Напрыклад, напачатку 1948 г. была арганізавана вечарына, прысвечанная 800-годдзю Масквы, у студзені 1949 г. усталявана сувязь з Маскоўскім дзяржаўным універсітэтам (МДУ) імя Ламаносава, які ўзяў шэфства над інстытутам і аказаў дапамогу ў камплектаванні літаратураю бібліятэкі і вучэбных кабінетаў [4, л. 7]. А вось план навукова-даследчай працы на 1948 г., нягледзячы на тое, што ён быў зацверджаны АН БССР, не выконваўся, і ўвогуле праца над ім была прызнана нездавальняючай і найгоршай ў інстытуце, хаця, па меркаванні дырэктара, навуковая праца ў інстытуце – «найбольш закінутая пляцоўка» [5, л. 22]. Пэўна таму 26 жніўня 1948 г. з фармулёўкаю «за недабрасумленнае стаўленне да працы і адсутнасць усялякага кіраўніцтва кафедрай» Л. С. Мінзурэнка была вызвалена з пасады загадчыцы і звольнена з працы [6, л. 34]. Але на той час у рэспубліцы спецыялістаў настолькі не хапала, што Мінісцетвы БССР адразу накіраваў яе зноў... загадчыцай кафедры гісторыі ў Берасцейскі настаўніцкі інстытут [7, л. 2, 22]. Аднак і пры новай кіраўніцы З. Е. Гурарый, былой выпускніцы МДУ (спецыялізацыя па ўсеагульнай гісторыі), навука «не пайшла». Праз пяць месяцаў загадчыка зноў змянілі, і ім стаў Е. М. Рынбург, адзіны за ўсю гісторыю кафедры кандыдат гістарычных навук, былы выпускнік Камуністычнага ўніверсітэта Беларусі і аспірантуры пры Мінскім педінстытуце. Пры ім навуковая дзейнасць пачала наладжвацца. Рынбург узяў для даследаванняў тэму «Выяўленне і апісанне гістарычных помнікаў на тэрыторыі Маладзечанскай вобласці», вёў студэнцкі навуковы гурток, а астатнія выкладчыкі (Куляшова і Савельзон) рыхтаваліся да здачы кандыдацкага мінімуму [8, л. 17–21].

Пэўнае ажыўленне ў навуковае жыццё інстытута мусіла прынесці адзначэнне 10-гадовага юбілею ўз'яднання Заходняй і Савецкай Беларусі, з нагоды якога дырэктар, але чамусці толькі 30 верасня 1949 г., загадаў «прызначыць камісію для падрыхтоўкі і правядзення мерапрыемстваў, звязаных з гэтай гістарычнай датай, у складзе старшыні Рынбурга Е. М. і членаў Смоліна З. Д. (кафедра педагогікі) і Ермаловіча М. І. (кафедра літаратуры)» [9, л. 106]. А на павінную адбыцца навуковую сесію «10 лет воссоединения белорусского народа в едином белорусском советском государстве» супрацоўнікі кафедры планавалі выступіць з дакладамі. Але і пры Рынбургу праз тыя ж кадравыя праблемы навуковая праца не наладзілася. Больш таго, з

цяжкасцямі ішоў і навучальны працэс. Калі недахоп выкладчыкаў па ўсеагульнай гісторыі можна зразумець, і патрэбы ў пэўнай ступені закрываліся сумяшчальнікамі з Мінска, у першую чаргу Савельзон, то па гісторыі Беларусі кафедра не мела да 1951 г. ніводнага выкладчыка [10, л. 35]. У верасні 1951 г. Е. М. Рынбург быў звольнены з працы.

Наступная загадчыца, Л. Ц. Куляшова, былая выпускніца Мінскага педінстытута, прысланая ў жніўні 1949 г. з Пастаўскага педвучылішча, толькі часова выконвала свае абавязкі і натуральна не ў стане была за некалькі месяцаў працы на нешта паўплываць, і са студзеня наступнага года в. а. загадчыца становіцца М. Я. Багалюбаў, які працаваў у гэты час над кандыдацкай дысертацыяй «Индустриализация Белоруссии в годы первой пятилетки» [11, л. 69].

На той момант кафедра налічвала 5 чалавек: М. Я. Багалюбаў, З. Х. Савельзон, Л. Ц. Куляшова, А. С. Шандора і лабарант М. В. Крыўка. Але і Багалюбаў не даў рады арганізаваць выкладчыкаў, а можа і не надта хацеў, бо весь інстытут ведаў, што 1952/53 навучальны год – апошні год існавання гістарычнага аддзялення. Тым не менш, праз пару месяцаў, 18 красавіка, на Вучонай Радзе інстытута кафедра гісторыі падверглася літаральнаму разгрому з боку дырэкцыі – «...па колькасным складзе выкладчыкаў гэта кафедра можа поўнасьцю выконваць праграму... [але] па сутнасці яны нічога не робяць ў гэтай галіне... калі гэта лайдацтва ў галіне ўласнага росту і найдалей будзе працягвацца, то дырэкцыя вымушана будзе ставіць пытанне перад Мінісцетам аб вакантных месцах па ўсеагульнай гісторыі і гісторыі СССР...» [12, л. 14]. Аднак, як адзначалася вышэй, гэтая «навальніца» ўжо не палохала гісторыкаў, бо з 1 верасня 1952 г. набор на 1 курс не праводзіўся, вучэбная нагрузка зменшылася і адна частка выкладчыкаў была вызвалена ад працы, а другая ўвайшла ў склад кафедры асноў марксізму-ленінізму, дзе выкладала гісторыю ў мінімальным аб'ёме – у прыватнасці, Савельзон старажытную і новую гісторыю. У ліпені 1953 г., калі быў апошні выпуск гісторыкаў, двое застаўшыхся выкладчыкаў, Багалюбаў і Савельзон, былі звольнены, засталася толькі адна Шандора, якая працавала на той момант загадчыцай кабінета асноў марксізму-ленінізму і звольнілася напрыканцы жніўня 1954 г. [13, л. 39–40]. На гэтым гістарычнае навучанне і навука ў МлДНІ спыніліся, а праз 2 гады, 25 жніўня 1953 г. паводле пастановы Савета Міністраў СССР увогуле спыніў сваю працу і сам настаўніцкі інстытут [14, л. 158].

Што датычыцца кафедры гісторыі другога рэгіянальнага настаўніцкага інстытута – Аршанскага, то ягонае аднаўленне пачалося ў 1944 г. і праходзіла літаральна на «пустым месцы». У адраджаным інстытуце, як і да вайны,

было вырашана сфармаваць гістарычнае аддзяленне. Яшчэ да стварэння кафедры гісторыі ў інстытут у жніўні 1944 г. прыехаў М. О. Слабодзіч [15, л. 6], які стаў з 1 жніўня выкладчыкам гісторыі СССР [16, л. 2].

У верасні была ўтворана кафедра гісторыі і 2 кастрычніка 1944 г. яе першым загадчыкам стаў А. І. Лазоўскі, які пачаў працу ў інстытуце з 28 верасня [17, л. 10]. Ён жа стаў і намеснікам дырэктара па завочным навучанні. Разам з ім на кафедры застаўся працаваць і Слабодзіч [18, л. 1]. Але настолькі малаколькасная кафедра не мела магчымасці праводзіць навукова-даследчую працу. Як адзначалася ў яе справаздачы за 1945/46 навучальны год: «Кафедра ў асноўным займалася праграма-метадычнымі пытаннямі, мала стаялі на паседжанні кафедры пытанні навукова-даследчага характара. Буйным недахопам у гэтай працы з'яўляецца адсутнасць на кафедры навуковых сіл, а таксама адсутнасць у цэлым у інстытуце плана навукова-даследчай работы, не лічачы раскладу часу задачы членамі кафедры кандыдатскага мінімуму і напісання дысертацыі...» [19, л. 17]. Неабходна адзначыць, што выкладчыкі кафедры працавалі над кандыдатскімі дысертацыямі. Так, Лазоўскі вывучаў тэму «Сінайкізм у V–IV стст. да н. э.», Слабодзіч займаўся праблемамі гісторыі сярэднявечча [20, л. 4]. Аднак праз практычна поўную адсутнасць фінансавых сродкаў у інстытута ні Лазоўскі, ні Слабодзіч не далі рады выехаць у камандзіроўкі для паглыбленай працы над дысертацыямі. Гэта не дало магчымасці кафедры гісторыі АДНІ разгарнуць адукацыйную і навуковую працу. Спыненне з 1950 г. набору на спецыяльнасць «Гісторыя» і плануемая ліквідацыя гістарычнага аддзялення аднялі гэтую перспектыву. Пачалося звальненне выкладчыкаў ці перавод іх на 0,5 стаўкі па прычыне змяншэння вучэбнай нагрукі. У апошні 1950/51 навучальны год існавання кафедры на ёй працавала тры чалавекі: Лазоўскі, Мухін і Слабодзіч, які выкладаў новую гісторыю [21, л. 6]. У 1951 г. пасля ліквідацыі кафедры ўсе яе выкладчыкі былі звольнены. Пасля закрыцця гістарычнага аддзялення нядоўга праіснаваў і сам інстытут. У 1955 г. у сувязі з рашэннем Урада СССР аб узбуйненні вучэбна-навуковага ўзросту ў Аршанскі дзяржаўны настаўніцкі інстытут быў зачынены.

Заклучэнне. Такім чынам, гісторыя стварэння і дзейнасці кафедр гісторыі Маладзечанскага і Аршанскага дзяржаўных настаўніцкіх інстытутаў выразна дэманструе ўсю складанасць развіцця рэгіянальных навучальна- і навукова-гістарычных цэнтраў ва ўмовах дэфіцыту кадраў і фінансава-матэрыяльных сродкаў.

Гэтыя кафедры занялі асаблівае месца ў гісторыі гістарычнай навукі і адукацыі Беларусі. Да моманту свайго расфармавання яны былі адносна значнымі навуковымі асяродкамі і мелі

перспектывы да свайго развіцця ў рэгіёнах. Супрацоўнікі гэтых кафедр дэманстравалі пэўны навуковы ўзровень, аднак жыццё распадалася так, што маладзечанскія і аршанскія гісторыкі вымушаны былі ўмацаваць іншыя навучальныя ўстановы. На сённяшні дзень у гэтых беларускіх гарадах вышэйшых навучальных устаноў няма, але дзейнасць настаўніцкіх інстытутаў трывала ўвайшла ў гісторыю Маладзечна і Оршы, сталі спадчынай колледжаў, якія дзейнічаюць у гэтых гарадах, асабліва Аршанскага педагагічнага коледжа Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава.

Літаратура

1. Занальны дзяржаўны архіў г. Маладзечна. – Фонд 551. Маладзечанскі дзяржаўны настаўніцкі інстытут Міністэрства адукацыі БССР г. Маладзечна. 1947–1955 гг. – Воп. 2. – Спр. 1. – Л. 8.
2. ЗДА г. Маладзечна. – Фонд 551. – Воп. 1. – Спр. 3. – Л. 7.
3. ЗДА г. Маладзечна. – Фонд 551. – Воп. 1. – Спр. 1. – Л. 14.
4. Там жа. – Л. 7, 19, 28.
5. ЗДА г. Маладзечна. – Фонд 551. – Воп. 1. – Спр. 4. – Л. 22.
6. ЗДА г. Маладзечна. – Фонд 551. – Воп. 2. – Спр. 4. – Л. 34.
7. ЗДА г. Баранавічы. – Фонд 637. – Воп. 2. – Спр. 182. – Л. 2, 22.
8. ЗДА г. Маладзечна. – Фонд 551. – Воп. 1. – Спр. 5. – Л. 17, 21.
9. ЗДА г. Маладзечна. – Фонд 551. – Воп. 2. – Спр. 4. – Л. 106.
10. ЗДА г. Маладзечна. – Фонд 551. – Воп. 1. – Спр. 6. – Л. 35.
11. ЗДА г. Маладзечна. – Фонд 551. – Воп. 2. – Спр. 4. – Л. 69.
12. Там жа. – Спр. 28. – Л. 14.
13. ЗДА г. Маладзечна. – Фонд 551. – Воп. 1. – Спр. 16. – Л. 39–40.
14. ЗДА г. Маладзечна. – Фонд 551. – Воп. 2. – Спр. 28. – Л. 158.
15. Аршанскі занальны дзяржаўны архіў (Аршанскі ЗДА). – Фонд 646. Аршанскі дзяржаўны настаўніцкі інстытут Міністэрства адукацыі БССР г. Орша. 1944–1955 гг. – Воп. 1. – Спр. 5.
16. Аршанскі ЗДА. – Фонд 646. – Воп. 1-л. – Спр. 116.
17. Аршанскі ЗДА. – Фонд 646. – Воп. 1-л. – Спр. 105.
18. Аршанскі ЗДА. – Фонд 646. – Воп. 1. – Спр. 2а.
19. Аршанскі ЗДА. – Фонд 646. – Воп. 1. – Спр. 12.
20. Аршанскі ЗДА. – Фонд 646. – Воп. 1. – Спр. 20.
21. Аршанскі ЗДА. – Фонд 646. – Воп. 1. – Спр. 59.

АГУЛЬНЫЯ РЫСЫ РАЗВІЦЦЯ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ І ЁКРАЇНСКАЙ ДЫЯСПАР У ХХ СТ.

This article is about the wide list of questions, connected with the history of the formation, development and contemporary activity of Ukrainian and Belarusian diaspora. Great attention is paid to the analysis of the development of foreign Ukrainian and Belarusian society, in its connections with the native land and changes of the social structure of emigration. This research dwells upon the role of Ukrainian modern foreign society in the development of economies and cultures of other countries and nations, cultural and political relations. It is given the analysis of the new little-known Ukrainian publications and Belarusian emigrant periodicals. The Belarusian diasporan press devoted great attention to Ukrainians.

Уводзіны. Тэма гісторыі эміграцыі заўсёды неразрыўна звязана з гісторыяй і культурай метраполіі. Дыяспары, як правіла, намагаюцца захоўваць асноўныя характарыстыкі свайго этнасу, яго культуру, традыцыі і звычаі. Для захавання нацыянальнай ідэнтычнасці, каб пазбегнуць працэсаў асіміляцыі, эмігранты ў іншакультурным асяродку вымушаны развіваць палітычныя, адукацыйныя і культурныя цэнтры. Гісторыя эміграцыі беларусаў і ўкраінцаў, якія апынуліся па-за межамі былога СССР, мае агульныя рысы, бо прадстаўнікі гэтых двух народаў менавіта за мяжой асабліва востра адчуваюць падабенства ўсходнеславянскіх культур і ментальнасцей.

Асноўная частка. Словам «дыяспара» (грэч. *diaspora* – рассяленне) прынята называць сукупнасць пэўнага народа, якая пражывае па-за межамі свайго дзяржавы. Тэрміны «ўкраінская дыяспара» і «беларуская дыяспара» пачалі актыўна ўжывацца ў навуковых даследаваннях і публіцыстыцы адносна нядаўна, прыблізна адначасова. Можна дакладна ўзгадаць, што першым тэрмін «ўкраінская дыяспара» пачаў выкарыстоўвацца ў сваіх працах вядомы ўкраінскі палітолаг, этнолаг, сацыёлаг В. Старасольскі [1, с. 19]. Дадзены тэрмін «дыяспара» атрымаў сваё распаўсюджванне ў беларускай і ўкраінскай гістарыяграфіі з канца 1980-х гг.

Агульнымі праблемамі для розных дыяспар былі складанасці адаптацыі ў іншых краінах свету. Часта сур'ёзным бар'ерам для беларусаў і ўкраінцаў за мяжой магла стаць замежная мова, бо ў большасці заходніх дзяржаў не было спецыяльных праграм для эмігрантаў, у тым ліку курсаў па вывучэнні мовы. Няведанне мовы краіны значна абмяжоўвала сацыяльны асяродак для прадстаўнікоў новай хвалі эміграцыі. Беларусы і ўкраінцы вымушаны былі шукаць сабе знаёмствы не толькі сярод прадстаўнікоў свайго дыяспары, але і сярод іншых народаў, мова якіх ім была зразумелай. Блізкасць шматлікіх рэгіянальных дыялектаў беларускай і ўкраінскай мовы дазволіла эмігрантам лёгка ўстанавіць кантакты паміж сабой.

Пры даследаванні гісторыі беларускага і ўкраінскага замежжа можна вызначыць палі-

тычныя і эканамічныя хвалі эміграцыі, якія мелі агульныя рысы для дыяспар двух народаў. Першая масавая хваля эміграцыі мела выключна эканамічны характар, яна пачалася ў канцы XIX ст. і працягвалася да Першай сусветнай вайны. Рэвалюцыі і Першая сусветная вайна выклікалі асобную хвалю палітычнай эміграцыі, краіну пакідалі ўсе тыя, хто быў супраць устанаўлення бальшавіцкай улады. Наступная хваля была выклікана Другой сусветнай вайной. Апошняя хваля эміграцыі ў ХХ ст. пачалася з 1990-х гг. і працягваецца сёння, асабліва часта дадзенай хвалі таксама стаў яе эканамічны характар.

Пры даследаванні і параўнаўчым аналізе беларускай і ўкраінскай дыяспар можна адзначыць падабенства сацыяльнага статусу прадстаўнікоў эміграцыйных хваляў у ХХ ст. Змены сацыяльнага складу беларусаў і ўкраінцаў за мяжой абумоўлены аднымі і тымі ж гістарычнымі падзеямі, такімі як рэвалюцыі, Другая сусветная вайна, распад СССР і г. д.

Падабенства гісторыі матэрыяльнай культуры звязана амаль з аднолькавымі прыродна-геаграфічнымі ўмовамі пражывання, асабліва на Палессі, дзе, нягледзячы на афіцыйную мяжу паміж БССР і УССР, згладжваліся энакультурныя рысы беларусаў і ўкраінцаў. У Палескім рэгіёне на той час традыцыі земляробства, жывёлагадоўлі, кухні, рыбалоўства, пабудовы хат, асаблівасці вопраткі не вылучалі этнічна беларусаў і ўкраінцаў, менавіта таму эмігранты з дадзенага рэгіёна за мяжой лічылі сябе і адчувалі землякамі.

Пасля Першай сусветнай вайны Украіну пакінула частка жыхароў Усходняй Галічыны, Паўночнай Букавіны, Надняпроўскай Украіны, Закарпацця, часткова Валыні [2, с. 27]. У першай чвэрці ХХ ст. за мяжу выехалі ўсе тыя, хто не мог пагадзіцца з канфіскацыяй прыватнай уласнасці і нацыяналізацыяй прамысловасці. Сацыяльны склад беларускай і ўкраінскай эміграцыі дадзенага перыяду падобны: выязжалі белагвардзейцы, святары, прамыслоўцы, земляўласнікі, прадстаўнікі інтэлегенцыі, дзеячы Цэнтральнай Рады, Гетманскай дзяржавы,

Украінскай Народнай Рэспублікі, Заходнеўкраінскай Народнай Рэспублікі, Беларускай Народнай Рэспублікі, Кубанскай Народнай Рэспублікі, украінцы, якія ваявалі на баку Дзянікіна і Врангеля. Сярод эмігрантаў апынуліся фактычна ўсе слаі насельніцтва, але большасць складалі вайскоўцы. Да канца 1920-х гг. былі сфарміраваныя асноўныя культурныя і палітычныя цэнтры беларусаў і ўкраінцаў за мяжой.

Другая сусветная вайна паклала пачатак новай хвалі палітычнай эміграцыі. Разам з немцамі на Захад добраахвотна выехалі прадстаўнікі арганізацый калабарантаў, супрацоўнікі нямецкіх адміністрацый, вайсковых фарміраванняў, якія былі створаны акупантамі. Можна назваць членаў такіх арганізацый, як Саюз беларускай моладзі, Беларуская краёвая абарона, ваенная дывізія СС «Галіччына», Украінская Паўстанская Армія і інш. Сярод эмігрантаў апынуліся беларускія і ўкраінскія остэрбайтэры, у лік якіх трапілі працоўныя і калгаснікі, служачыя і інтэлегенцыя, усе тыя, хто па розных прычынах не захацеў вярнуцца ў СССР. Большасць остэрбайтэраў была ва ўзросце ад 18 да 45 гадоў, хаця ўгону падлягалі і дзеці. Колькасць беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў таксама папоўнілі ваеннапалонныя, якія баяліся пакарання на радзіме за свой палон.

Пасля распаду Савецкага Саюза і станаўлення незалежных дзяржаў на Захад з Беларусі і Украіны пачалі выязжаць у асноўным маладыя людзі. Для дадзенай хвалі характэрна эміграцыя розных слаёў грамадства па эканамічных прычынах. З канца 1990-х гг. пад удзеяннем унутраных і знешніх прычын маштабы беларускай і ўкраінскай эміграцыі ўзраслі. Неабходна падкрэсліць, што пачала фарміравацца і нелегальная эміграцыя, а гэта значна ўскладняе вывучэнне дадзенай хвалі для гісторыкаў і сацыёлагаў.

Такім чынам, можна падкрэсліць падабенства гісторыі развіцця эміграцыі гэтых двух народаў. Неабходна адзначыць супадзенне эміграцыйных хваляў, іх прычын і характарыстык. На аснове аналізу гісторыі дыяспар можна зрабіць выснову пра падабенства сацыяльнага складу беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў палітычных і эканамічных хваляў у XX ст.

Асноўнымі гістарычнымі крыніцамі пры вывучэнні кантактаў беларускай і ўкраінскай эміграцыі з'яўляюцца перыядычныя выданні беларусаў і ўкраінцаў за мяжой і мемуары эмігрантаў. Пры выкарыстанні дадзеных крыніц даследчыку неабходна праводзіць аналітычную работу па дакладнасці матэрыялаў. З інфармацыі можна вылучыць фактуру, напрыклад, звесткі пра мерапрыемствы, якія былі праведзеныя на эміграцыі. Аднак неабходна мець на ўвазе, што самі эмігранты будуць даваць вельмі суб'ектыўныя адзнакі, зыходзячы са сваіх асабістых

палітычных пазіцый, кантактаў, адносін да пэўных асоб і г. д. Большасць мемуараў эмігрантаў выключна станоўча адносяць дзейнасць дыяспары, часта завышае значэнне тых ці іншых палітычных і адукацыйных цэнтраў за мяжой, апраўдвае сваё супрацоўніцтва з нямецкай адміністрацыяй у час Другой сусветнай вайны. На старонках прэсы беларускай дыяспары можна знайсці вялікую колькасць матэрыялаў з крытыкай савецкага ладу жыцця, аднак ёсць падставы меркаваць, што агрэсіўны антысаветызм быў палітычнай замовай заходніх разведак пад час «халоднай вайны».

На аснове перыядычных выданняў беларускай дыяспары можна зрабіць выснову, што самымі шчыльнымі і пашыранымі былі стасункі паміж беларусамі і ўкраінцамі за мяжой. Напрыклад, калі прааналізаваць матэрыялы самай папулярнай і распаўсюджанай у Злучаных Штатах газеты «Беларус», можна прыйсці да высновы, што нашмат часцей на старонках выдання друкаваліся матэрыялы пра дзейнасць украінцаў за мяжой, значна менш эмігранты пісалі пра палякаў, літоўцаў і іншыя дыяспары. Пры аналізе разнастайных перыядычных эміграцыйных выданняў перыяду «халоднай вайны» вынік будзе прыблізна такі самы, што сведчыць пра непасрэдны ўплыў украінцаў на беларускую дыяспару.

Неабходна падкрэсліць, што асаблівасці гісторыі ўкраінскай эміграцыі іншыя. Беларусы мелі шмат агульнага з украінцамі за мяжой: падобную ментальнасць народаў, падабенства моваў, агульныя гістарычныя карані, падобную нацыянальную кухню, традыцыі, аднак украінская дыяспара была значна больш моцная і ўплывовая за беларускую. Непараўнальнымі з'яўляюцца таксама і лічбы прадстаўнікоў беларускай і ўкраінскай дыяспар, нягледзячы на іх недакладнасць. Напрыклад, па розных даных сёння па-за межамі гістарычнай радзімы пражывае ад 17 да 20 млн. украінцаў, што складае каля трэці прадстаўнікоў украінскага этнасу [3, с. 3].

Даследчыкі гісторыі ўкраінскай эміграцыі падзяляюць дыяспару на ўсходнюю і заходнюю. Пры даследаванні беларуска-ўкраінскіх кантактаў за мяжой асаблівая ўвага надаецца менавіта заходняй украінскай эміграцыі, якая пачала фарміравацца ў сталую дыяспару з апошняй чвэрці XIX ст. Украінскія гісторыкі пры вывучэнні эміграцыі асаблівую ўвагу надаюць такім краінам, як ЗША, Канада, Германія, Францыя, Вялікабрытанія, Італія, Бельгія, Аргенціна, Бразілія, Аўстралія, Польшча, дзе колькасць прадстаўнікоў украінскага этнасу была асабліва значнай. Можна падкрэсліць той факт, што па тэрытарыяльнай прыкмеце беларуская дыяспара фактычна супадае з украінскай.

Значэнне палітычных і эканамічных кантактаў беларусаў і ўкраінцаў за мяжой было розным.

Для беларусаў сувязі, агульныя мерапрыемствы і праекты з украінцамі мелі значна большае значэнне, чым для ўкраінцаў. Менавіта таму беларускамоўная прэса за мяжой намагалася адрэагаваць новымі артыкуламі на ўсе праведзеныя беларуска-ўкраінскія сустрэчы. З іншага боку, украінскія эмігранцкія выданні не надавалі вялікага значэння ўдзелу беларусаў. Ступень адзінства ўкраінцаў за межамі краіны, узровень сувязей са сваёй гістарычнай радзімай былі значна вышэйшымі за беларускія.

Беларуская прэса эмігрантаў часта намагалася падкрэсліць зацікаўленнасць украінцаў замежжа беларускай гісторыяй, культурай, літаратурай, палітычнымі падзеямі. Пасля публікацый на старонках перыядычных выданняў украінскай дыяспары на беларускую тэматыку, як правіла, з'яўляліся беларускамоўныя публікацыі кшталту артыкула «Мёртвым не баліць», надрукаванага ў газеце «Беларус». Матэрыял змяшчае інфармацыю пра тое, што ў вядомым украінскім часопісе «Сучаснасць» выйшла ў друк аповесць Васіля Быкава «Мёртвым не баліць» у перакладзе на ўкраінскую мову. Аўтар артыкула пазначае, што твор пісьменніка зрабіў вялікае ўражанне на ўкраінскіх эмігрантаў, менавіта таму пазней украінская газета «Новы Шлях» апублікавала вялікі артыкул Тодара Мацьківа з разгорнутаю літаратурнай крытыкай аповесці і выключна высокай адзнакай творчасці В. Быкава. Матэрыял газеты «Беларус» скончваецца словамі: «...пад уражаннем украінскае прэсы – да мяне прычаплася дакучлівая думка: мы мусім за ўсякую цану выдаваць беларускі часопіс на ангельскай мове, каб знаёміць Заходні сьвет зь беларускім жыццём у Беларусі й на эміграцыі [4, с. 5]». Можна зрабіць выснову, што матэрыял артыкула яшчэ раз падкрэслівае ўплыў украінскага грамадства за мяжой на беларускую эміграцыю, украінскі прыклад стымуляваў культурную і палітычную дзейнасць беларусаў.

Заходняя ўкраінская дыяспара ў XX ст. практычна не патрабавала механізма абароны нацыянальнага самавызначэння за мяжой. Украінцы намагаліся рознымі сродкамі падтрымліваць сувязь з бацькаўшчынай, нават у складаны перыяд «халоднай вайны». Украінцы шмат энэргіі, сродкаў, часу аддавалі на зберажэнне сваёй ідэнтычнасці ў розных краінах свету.

З мемуараў і прэсы эмігрантаў можна зрабіць выснову, што ўкраінскія эмігранты дапамагалі беларусам, шмат якія культурныя падзеі ўкраінскага жыцця ў розных краінах свету не абыходзіліся без беларусаў. Наогул, можна меркаваць, што беларускія культурныя і адукацыйныя цэнтры бралі прыклад з украінцаў, пераймалі арганізацыйны вопыт, выкарыстоўвалі ідэалагічныя напрацоўкі, звярталіся за парадамі. Часта артыкулы беларускамоўнай перыёдыкі з

захапленнем распавядалі пра падзеі палітычнага жыцця ўкраінцаў у эміграцыі. Напрыклад, матэрыял «Сусветны Кангрэс Вольных Украінцаў» распавядае пра ход Кангрэса, які адбыўся 16–19 лістапада 1967 г. у Нью-Йорку з удзелам гасцей з разнастайных дыяспар. Аўтары артыкула пісалі: «Першы Сусветны Кангрэс Вольных Украінцаў – падзея вялікага нацыянальнага значэння» [5, с. 7]. Ананімны аўтар выключна станоўча апісвае мерапрыемства, высока ацэньвае палітычную актыўнасць украінскіх эмігрантаў, пазначае, што падчас кангрэса была праведзена вялікая дэманстрацыя, у якую даялося ўмяшання амерыканскай паліцыі.

Праўленне этнічнай самасвядомасці ўкраінцаў у культурных вечарынах, палітычных мерапрыемствах, эканамічных праектах часта было прыкладным для беларусаў. У аснове дзейнасці грамадскіх арганізацый украінцаў, палітычных партый і культурных цэнтраў ляжалі прафесійныя, рэлігійныя, творчыя і навуковыя зацікаўленнасці ўкраінскіх асяродкаў. Нацыянальныя традыцыі ўкраінцы старанна захоўвалі ў сваёй пеўчаскай культуры, асаблівасцях украінскай кухні, спосабах правядзення вольнага часу і г. д. Часта ўкраінцы намагаліся аб'яднаваць за мяжой у грамадскія і палітычныя арганізацыі менавіта на аснове нацыянальных прыкмет, а беларусы замежжа актыўна пераймалі гэты вопыт.

Наогул, на аснове матэрыялаў перыядычных выданняў беларускай эміграцыі можна зрабіць разгорнуты апавед пра агульныя палітычныя, культурныя і адукацыйныя мерапрыемствы, сустрэчы і юбілеі. Аналіз прэсы дазволіць вылучыць асноўныя накірункі ўплыву дзейнасці ўкраінцаў замежжа.

Вялікая колькасць матэрыялаў прысвечана гісторыі дзейнасці УПА. Зразумела, што Украінскую паўстанскую армію эмігранты ідэалізуюць. Украінскія эмігранты штогод запрашалі беларусаў на святкаванне даты стварэння УПА. Напрыклад, у 1967 г. было праведзена буйное мерапрыемства ў Кліўлендзе, дзе прымалі ўдзел і прадстаўнікі іншых дыяспар, у тым ліку і беларусы [6, с. 6].

У якасці гістарычных крыніц па вывучэнні беларуска-ўкраінскіх культурных сувязей можна плённа выкарыстоўваць і ўкраінскія перыядычныя выданні дыяспары. Неабходна падкрэсліць, што гісторыя развіцця прэсы ўкраінскіх эмігрантаў пачалася значна раней. Колькасць газет і часопісаў замежжа на ўкраінскай мове значна большая за колькасць беларускіх перыядычных выданняў, што абумоўлена высокай актыўнасцю украінцаў і значным лічбавым складам украінскай дыяспары. Напрыклад, адразу пасля заканчэння Другой сусветнай вайны ў Злучаных Штатах выходзілі з друку 29 газет і часопісаў, а ў 1958 г. іх налічвалася ўжо 79,

у 1963 г. – больш за 300 [7, с. 429]. Самымі вядомымі і распаўсюджанымі ўкраінскімі перыядычнымі выданнямі замежжа можна лічыць такія газеты і часопісы, як «Свобода», «Америка», «Українські вісті», «Українське життя», «Канадський фермер», «Український голас», «Мета», «Шлях перемоги» і інш.

Пры вывучэнні беларуска-ўкраінскіх кантактаў можна выкарыстаць мемуары эмігрантаў. Адным з актыўных дзеячаў беларускай дыяспары з'яўляецца Вітаўт Кіпель. Даследчык сам прадстаўляе свае кнігі як навуковыя выданні, аднак дадзенае пытанне даволі спрэчнае. Часта аўтар кіруецца пачуццямі і ўласнымі перакананнямі, а не афіцыйнымі дакументамі, таму работы аўтара варта аднесці да публіцыстыкі.

Між іншым, на аснове матэрыяла В. Кіпеля можна зрабіць выснову пра шчыльныя кантакты беларусаў і ўкраінцаў. Напрыклад, ёсць звесткі пра агульныя эканамічныя праекты прадстаўнікоў першай хвалі эміграцыі ў XX ст. Аўтар піша: «Першая супольная беларуска-ўкраінская страхавая арганізацыя была заснаваная ў Мічыгане ў 1913 годзе, яе статут быў надрукаваны ў 1914 годзе. Гэтая арганізацыя была закладзеная беларусамі і ўкраінцамі й прымала ў сябры прадстаўнікоў гэтых двух народаў [8, с. 85]». Неабходна заўважыць, што беларускія эмігранты часта пісалі пра агульныя эканамічныя праекты. Можна выказаць меркаванне, што больш моцная ў эканамічным плане, больш аб'яднаная ўкраінская дыяспара аказвала матэрыяльную дапамогу беларусам за мяжой.

У сваёй кнізе «Беларусы ў ЗША» Вітаўт Кіпель неаднаразова спасылаецца на ўкраінскіх эмігрантаў, ён дакладна піша пра іх пазітыўнае стаўленне да беларусаў: «Бясспрэчна, украінцы і ўкраінская грамада ў Амэрыцы былі першымі, хто прызнаў палітычныя памкненні беларусаў, азнаёміў з гэтымі памкненнямі шырокія масы ў Злучаных Штатах, шмат паспрыяўшы тым самым беларускаму й культуранаму адраджэнню [8, с. 276]». Мемуары В. Кіпеля не адзіныя, можна вывучаць таксама ўспаміны Я. Запрудніка, К. Мерляка, Б. Рагулі, Л. Геніюш, украінскіх

эмігрантаў і г. д. Аднак пры выкарыстанні ўспамінаў эмігрантаў у якасці гістарычных крыніц даследчыку неабходна памятаць пра суб'ектыўныя адносіны аўтараў да падзеяў у Саветкім Саюзе, пэўных палітычных арганізацый і асоб, менавіта таму мемуары неабходна ўсебакова аналізаваць і даследаваць.

Заклучэнне. На палітычную, культурную і эканамічную актыўнасць беларускай эміграцыі вялікі ўплыў аказвала дзейнасць іншых дыяспар. Гісторыя беларускай і ўкраінскай эміграцыі мела шэраг агульных рысаў: супадалі перыяды фарміравання эміграцыйных хваляў, прычыны, якія іх выклікалі, змены сацыяльнага складу грамадства замежжа, палітычныя перакананні і погляды, стаўленне да падзеяў у СССР. Важна адзначыць, што для прадстаўнікоў беларускай эміграцыі падтрымка і дапамога ўкраінскай дыяспары мела вялікае значэнне. Украінцы стымулявалі актыўнасць, дапамагалі кансалідацыі беларусаў замежжа, паказвалі прыклад, уключалі ў свае культурныя, адукацыйныя, палітычныя мерапрыемствы.

Літаратура

1. Трошинський, В. П. Українці в світі / В. П. Трошинський, А. А. Шевченко. – Київ: Альтернативи, 1999. – 352 с.
2. Лазебник, С. Закордонне українство: витоки та сьогодення / С. Лазебник. – Київ: Істина, 2007. – 160 с.
3. Бабута, М. Н. Формирование и современное состояние украинской диаспоры (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / М. Н. Бабута; Томский государственный университет. – Томск, 2008. – 26 с.
4. Ж. Мёртвым не баліць / Ж. // Беларус. – 1967. – № 117. – 8 с.
5. Сусьветны кангрэс вольных украінцаў // Беларус. – 1967. – № 128. – 8 с.
6. С. К. На ўкраінскім сьвяце / С. К. // Беларус. – 1967. – № 127. – 8 с.
7. Макарчук, С. А. Етнічна історія України / С. А. Макарчук. – Київ: Знання, 2008. – 471 с.
8. Кіпель, В. Беларусы ў ЗША / В. Кіпель. – Мінск: Беларусь, 1993. – 352 с.

О. А. Матусевич, аспирант

**НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ
В РАБОТАХ АЛЕКСАНДРЫ БЕРГМАН**

A. Bergman was a unique Polish scientist who have addressed to a theme of political development of the Balarusian national minority in the II Polish Republic. For the first time the historiographic analysis of a scientific heritage of A. Bergman on this problem is produced in this article. The author analyses evolution of her scientific views which determined tendencies of development of the Polish historiography of history of the Belarusian political parties and during the interwar period. The author comes to the conclusion that scientific activity A. Bergman disproves a popular opinion about political tendentiousness of party historians.

Введение. В послевоенной польской историографии тема белорусского национального меньшинства не привлекала большого внимания историков. А. Бергман являлась единственным польским ученым, обратившимся к этой проблеме. В данной статье впервые приводится историографический анализ научного наследия А. Бергман, представлена эволюция ее научных взглядов, во многом предопределившая тенденции развития польской историографии истории белорусских политических партий во II Речи Посполитой.

Основная часть. В 1958 г. в связи с 40-й годовщиной КПП было решено опубликовать воспоминания деятелей революционного движения. А. Бергман была привлечена к созданию сборника воспоминаний. В дальнейшем партийность А. Бергман позволяла ей работать как в Центральном архиве ЦК ПОРП, так и в архивах Белорусской и Литовской ССР (что было недоступно многим историкам).

Александра Бергман (Эва Кучковская), уроженка Гродно, во время учебы в гимназии вступила в Коммунистический союз молодежи, а в 1925 г. – в КПЗБ. Проводила активную нелегальную работу. В 1935 г. в Гомеле ее арестовали по обвинению в шпионаже и сослали в лагерь. Она была освобождена в 1943 г., но разрешение на выезд к семье в Польшу получила лишь в 1945 г. [1]

В партийном прошлом А. Бергман необходимо отметить два эпизода, которые, на наш взгляд, повлияли на ее научные воззрения. Во-первых, в ее адрес было выдвинуто обвинение в том, что она попала под влияние «сецессии», сторонников которой обвиняли, кроме прочего, в национализме. Во-вторых, на съезде КПЗБ (1928 г.) А. Бергман принадлежала к «меньшинству», которое осудило переворот Ю. Пилсудского. Эта политическая позиция определяла ее подход к национальному вопросу и к белорусскому движению.

Публикации А. Бергман свидетельствуют о значительной эволюции ее оценок событий межвоенного периода, которая происходила в борьбе с устоявшимися в науке подходами. От трактовки БКРГ как организации, созданной

на основе КПЗБ и подчиненной ей, от осуждения националистической сущности БСГ и БРО, а также белорусских политиков, стоявших на национальных некоммунистических позициях, А. Бергман перешла к реабилитации в истории этих же политиков и белорусской национальной идеи, к порицанию национального нигилизма в рядах КПЗБ.

С первых работ особое место в творчестве А. Бергман занимает личность Б. Тарашкевича [2]. Смещение акцента с ведущей роли КПЗБ в национально-освободительной борьбе на деятельность белорусского леворадикального политика противоречило официальной версии истории, что послужило причиной недовольства бывших членов компартии и затруднило опубликование дебютной статьи А. Бергман. В научной среде эта работа также вызвала дискуссию. Профессиональные историки справедливо отмечали, что А. Бергман подменяет проблемы генезиса и характера Громады идейной эволюцией Б. Тарашкевича [3].

В статьях о Громаде А. Бергман обращает внимание, что, взяв название «Громада», ее руководители хотели подчеркнуть преемственность традиций БСГ. Однако в силу того, что БСГ официально осуждалась как контрреволюционная организация, автор разъяснила идейные различия между этими организациями. БКРГ предстает как движение, организованное активом КПЗБ, как часть революционного фронта, которым руководила КПП. При этом автор пишет, что Громада была создана из двух течений: коммунистического и радикального крыла национально-освободительного движения [4].

Определенное противоречие в представлении генезиса громадовского движения можно объяснить зависимостью автора, как начинающего исследователя, от общепринятых оценок. Со временем, приобретя авторитет в науке, А. Бергман будет представлять мнение, радикально противоположное официальной историографии, опровергая легенду о Громаде как о «пристройке» КПЗБ, созданной, как она считала, не столько полицейскими рапортами, сколько бывшими членами КПЗБ [5].

Подтверждением этого тезиса является статья о КПЗБ, написанная в духе времени, в которой воспеваются идеи интернационализма и рабоче-крестьянского союза. Отмечается, что КПЗБ оказывала решающее влияние на национально-освободительную борьбу, однако отход от решений II съезда КПП по национальному вопросу автор называет сектантскими тенденциями, приведшими к снижению популярности КПЗБ. В статье Громада рассматривается как легальная форма работы коммунистов [6].

А. Бергман является автором работы о белорусский вопросе в КПЗБ. Автор доказывает, что с приходом к власти Ю. Пилсудского не наступило коренных перемен в национальной политике Польши, а «сецессия» и репрессии лишь ослабили коммунистическое движение. Решающую роль в снижении влияния коммунистов сыграли теории национал-фашизма и национал-оппортунизма, которые «привели в самой КПЗБ к полному нигилизму в национальном вопросе» [7].

В 1990 г. она напишет, что Громада никогда не подчинялась КПЗБ, которая сыграла незначительную роль в ее создании. А дискуссия по поводу происхождения Громады появились на IV съезде КПП (1927 г.), и ее белорусский характер был предан забвению ввиду непопулярности национальной идеи в Москве [5].

В публикациях о БРО А. Бергман сначала отстаивала точку зрения, согласно которой БРО была представителем КПП и временной организацией. Среди причин, по которым не изучалась история БРО, исследовательница называет ярлык пилсудчиковской диверсии, навешанный на эту организацию руководством компартии, что привело к представлению БРО в партийных документах в фальшивом свете, а также непризнание и даже борьба с идеей происхождения КПЗБ из двух источников [8, 9].

В дальнейшем она доказывала, что присоединение БРО к КПЗБ было в основном выгодно коммунистам, поскольку БРО была связана с деревней и белорусским движением, где влияние КПЗБ было ничтожно низким, а также для того, чтоб в ряды партии влились белорусские революционеры, так как в самой КПЗБ количество белорусов было незначительным [10].

А. Бергман считала своим долгом вернуть честное имя деятелям белорусского движения и опровергнуть фальшивые обвинения в их адрес [11]. Исследуя историю белорусского национально-освободительного движения, она написала биографические статьи о В. Самойло-Сулиме, С. Рак-Михайловском, Л. Родевиче, В. Рогуле, И. Дворчанине, М. Бурсевиче, П. Волошине.

В работах А. Бергман мы можем проследить противоречивое восприятие понятия «национализм» в польском послевоенном обществе. От классового похода к национализму как

противоположности совместной борьбы рабочих без различия этнической принадлежности до восприятия этого явления как стремления к государственному оформлению этнической группы, т. е. идеологии построения «национального государства» и формирования «нации» [12, 13, 14]. На наш взгляд, это было связано с тем, что в исключительно негативное значение понятия «национализм» (синонимичное шовинизму) не вписывалась в деятельность патриотически настроенных, некоммунистических деятелей, которые национальные интересы ставили выше классовых.

В связи с этим необходимо подчеркнуть стремление А. Бергман реабилитировать личность А. Луцкевича [15, 16]. Она признается, что писать о нем было крайне сложно из-за цензуры. К тому же бывшие деятели КПЗБ, для которых А. Луцкевич был политическим врагом, культивировали его отрицательный образ в печати [17]. В своих работах А. Бергман обращает внимание на вклад А. Луцкевича в развитие белорусской культуры. Отмечает, что оценивать надо ту сторону его деятельности, которая имела большее значение для последующих поколений. В случае с А. Луцкевичем это его публицистика и работа на ниве белорусского возрождения, а не его политические взгляды, которые она считает типичными для белорусской социал-демократии. О ее значении в исторической реабилитации данного белорусского деятеля красноречиво говорит тот факт, что именно к ней обратились с просьбой о вмешательстве в подготовку статьи о А. Луцкевиче в Белорусскую Советскую Энциклопедию, которая, по мнению представителей белорусской интеллигенции в Польше и Литве, была «скандально» необъективная [18].

Большое внимание А. Бергман уделила жизни и деятельности Б. Тарашкевича. В ее работах он предстает лидером левого крыла белорусского национального движения, который был незаконно репрессирован и незаслуженно забыт [19, 20]. В результате проведенных исследований к печати была подготовлена книга, однако из-за проблем с цензурой она появилась только через 8 лет после отказа автора от публикации материалов о последних годах жизни этого белорусского политика.

В 1996 г. было опубликовано дополненное белорусское издание этой работы, которое содержит негативную оценку репрессий против национальной интеллигенции в БССР, направленных «на всеобщую русификацию и превращение Беларуси в регион России», а также данные о пребывании Б. Тарашкевича в советских тюрьмах [21].

Признанием научного авторитета А. Бергман в вопросах деятельности белорусских партий в межвоенной Польше являются заказы на

написание биографий белорусских политических деятелей для Польского биографического словаря.

А. Бергман являлась единственным польским историком периода ПНР, которая целенаправленно (на основе польских, литовских и белорусских архивов) исследовала политическую историю белорусского национального меньшинства во II Речи Посполитой. Огромная заслуга ее состоит в том, что она, благодаря переписке и личным встречам, смогла использовать воспоминания участников событий тех лет, а также родственников белорусских политиков.

А. Бергман лучше любого критика отмечала недостатки своих публикаций: она работала оторвано от польских ученых и больше ориентировалась на БССР; занималась только двадцатыми годами, что приводило к фрагментарности в исследованиях; не обратилась к истории других политических партий, что не дало возможность представить целостное развитие КПЗБ [22].

Выводы. Научное творчество А. Бергман опровергает распространенное мнение о политической тенденциозности партийных историков, поскольку ее публикации свидетельствуют о приоритете для автора национальной идеи над партийными интересами. В связи с этим весьма уместным является замечание о корректном использовании работ предшествующих историков. Нынешние авторы чаще всего ссылаются на сборник статей «Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej», опубликованного на основе ранних статей А. Бергман, оценки в которых впоследствии были пересмотрены и дополнены.

Литература

1. Глагоўская, Л. Даследчыца беларускай гісторыі / Л. Глагоўская // Евреи Гродно. Очерки истории и культуры под ред. М. Кемерова, С. Пивоварчика. – Гродно: Бел. Гос. музей ист. религии, 2000. – С. 101–103.

2. Bergman, A. Głos w dyskusji / A. Bergman // Materiały z sesji popularno-naukowej, poświęconej działalności Komunistycznej Partii Polski na terenie Białostoczczyzny. – Białystok: Komitet Wojewódzki PZPR, 1960. – S. 148–160.

3. Hass, L. [Рэцэнзія] / L. Hass // Z pola walki. – 1960. – № 4. – S. 184. – Рэц. на кн.: Materiały z sesji popularno-naukowej, poświęconej działalności Komunistycznej Partii Polski na terenie Białostoczczyzny. – Białystok: Komitet Wojewódzki PZPR, 1960. – 192 s.

4. Бергман, А. Беларуская сялянска-работніцкая Грамада (1925–1927) / А. Бергман // На-

вуковы зборнік / Бел. грамад.-культур. т-ва у Польшчы, Беластоц. Навук. т-ва; пад рэд. М. Кандрацюка. – Беласток, 1964. – С. 95–135.

5. Бергман, А. Некалькі слоў пра «Грамаду» / А. Бергман // Ніва. – 1990. – 28 студз. – С. 1, 3.

7. Bergman, A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej / A. Bergman. – Warszawa: PWN, 1984. – S. 89.

8. Там же. – S. 53–72.

9. Bergman, A. Na marginesie wspomnień Mikołaja Orechwy / A. Bergman // Przegląd historyczny. – 1985. – № 4. – S. 855–859.

10. Bergman, A. Wracając do zagadnienia V Hromady / A. Bergman // Przegląd historyczny. – 1975. – № 2. – S. 308.

11. Бергман, А. Наш доўг / А. Бергман // Ніва. – 1988. – 25 снеж. – С. 3, 6.

12. Кучкоўская, Э. «Наш сцяг» – орган Беларускай рэвалюцыйнай арганізацыі / Э. Кучкоўская // Навуковы зборнік / Бел. грамад.-культур. т-ва ў Польшчы, Беластоц. Навук. т-ва; пад рэд. М. Кандрацюка. – Беласток, 1964. – С. 149.

13. Бергман, А. Грамада праз 50 год / А. Бергман // Беларускі каляндар 1975/ Бел. грамад.-культур. т-ва ў Польшчы. – Беласток, 1975. – С. 143.

14. Bergman, A. Antoni Łuckiewicz (1984–1946). Szkic biograficzny / A. Bergman // Przegląd Historyczny. – 1974. – № 4. – S. 691.

15. Бергман, А. Антон Луцкевіч – у стагоддзе са дня нараджэння / А. Бергман // Ніва. – 1984. – 29 студз. – С. 2, 5.

16. Bergman, A. Jeszcze raz o Antoni Łuckiewicz / A. Bergman // Przegląd Historyczny. – 1990. – №3–4. – S. 743–747.

17. Бергман, А. Яшчэ раз пра Антона Луцкевіча / А. Бергман // Ніва. – 1989. – 15 каст. – С. 1, 4.

18. Пецюкевіч, М. Лісты (1956–1982) / падборка, апрацаванне Г. Глагоўская, В. Хааружы. – Беласток: Беларускае Гістарычнае Таварыства, 2005. – С. 69.

18. Bergman, A. Bronisław Taraszkiewicz a lewica belwederska / A. Bergman // Kwartalnik Historyczny. – 1968. – № 1. – S. 41–58.

19. Bergman, A. Bronisław Taraszkiewicz. Szkic biograficzny / A. Bergman // Przegląd Historyczny. – 1972. – № 2. – S. 253–273.

21. Бергман, А. Слова пра Браніслава Тарашкевіча. Гістарычны жыццяпіс / Прадм. А. Ліса; пер. з польск. Я. Косцюка. – Мінск: Маст, літ., 1996. – 192 с.

22. Іваноў, М. Нас вучыць гісторыя. Гутарка з Аляксандрай Бергман // Літаратура і мастацтва. – 1990. – 2 лют. – С. 12.

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫЯ АБ'ЯДНАННІ БЕЛАРУСАЎ ЗА МЯЖОЙ І ІХ ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЯ АРЫЕНТАЦЫЯ

The article deals with the problems of national-cultural associations of Belarusians abroad (in Russia, Ukraine, Baltic states, West Europe, America, Canada), main trends of their activities, their socio-political orientation. It reveals some measures taken by our state to make the relations with these organisations closer and stronger. The article also points out some difficulties which our compatriots abroad have to face and reveals the causes of their migration (today outside the Belarus lives four million our compatriot).

Уводзіны. Нацыя беларусаў, якая мае багату і складаную гісторыю, уключае ў сябе не толькі грамадзян Рэспублікі Беларусь, але і шматлікія групы нашых суайчыннікаў, што пражываюць практычна на ўсіх кантынентах планеты. У пачатку XXI ст. у свеце пражывала каля 12 млн. беларусаў і 4 млн. з іх – за межамі гістарычнага радзімы [1].

Асноўная частка. У гісторыі беларускіх дыяспар можна вылучыць некалькі хваляў эміграцыі. Па-першае, пэўная колькасць нашых суайчыннікаў аказалася за межамі дзяржавы, не пакідаючы месца жыхарства. Прычынай таму з'явіўся працэс фарміравання межаў беларускай дзяржавы, у выніку якога некаторыя землі, даволі кампактна населеныя беларусамі, аказаліся ў складзе суседніх дзяржаў – гэта і Падляскі рэгіён Польшчы, і Віленскі край Літвы, і шэраг раёнаў Смаленскай вобласці РФ. Па-другое, многія беларусы пакінулі родны край у выніку напружаных гістарычных падзей канца XIX – пачатку XX стст., асеўшы ў далніх рэгіёнах Расіі (у тым ліку Сібіры), а таксама розных краінах Еўропы, Паўночнай і Паўднёвай Амерыкі. Потым, у савецкі перыяд гісторыі, беларусы паступова рассяляліся па розных рэгіёнах Савецкага Саюза, асвойваючы цаліну. Нарэшце, у 1990-я гг. месцамі прызначэння новай эмігранцкай хвалі сталі пераважна такія краіны, як Ізраіль, ЗША, Канада, Аўстралія.

У цяперашні час найбольшыя групы беларусаў за мяжой пражываюць у Расіі (каля 1 млн.), ЗША (каля 500 тыс.), Украіне (каля 400 тыс.), Польшчы (каля 400 тыс.), Казахстане і Кыргызстане (112 тыс.), Канадзе (100 тыс.), Латвіі (100 тыс.), Літве (55 тыс.), Эстоніі (каля 25 тыс.). Каля 140 тыс. яўрэяў, што маюць беларускія карані, пражываюць у Ізраілі [2].

Асноўнымі задачамі дзейнасці беларускіх арганізацый за мяжой з'яўляецца аказанне сацыяльна-прававой дапамогі і садзейнічанне ў наладжванні культурных і эканамічных сувязей з этнічнай радзімай, захаванне нацыянальных і духоўных традыцый і каштоўнасцей.

Разгалінаваная структура беларускай дыяспары створана ў Расіі і Украіне. Найбольш уплывовымі беларускімі аб'яднаннямі у гэтых краінах з'яўляюцца Федэральная нацыянальна-культур-

ная аўтаномія «Беларусы Расіі» і Усеўкраінскі саюз беларусаў. Аўтаномія «Беларусы Расіі» з'яўляецца формай нацыянальна-культурнага самавызначэння і уяўляе сабой грамадскае аб'яднанне грамадзян Расійскай Федэрацыі – беларусаў, якія адносяць сябе да дадзенай лучнасці на падставе іх добраахвотнай арганізацыі. Аўтаномія самастойна вырашае справы развіцця беларускай мовы, адукацыі, нацыянальнай культуры, намерваецца (згодна з яе Статутам) ствараць установы беларускай культуры, арганізоўваць калектывы самадзейнага і прафесійна-нальнага мастацтва. У апошнія гады актывізаваў сваю дзейнасць Маскоўскі клуб беларусаў, па ініцыятыве якога створана міжнародная арганізацыя Сусветны беларускі нацыянальны кангрэс «Сябры». Пасля Масквы пэўную актыўнасць беларускіх суполак можна назіраць у Санкт-Пецярбургу, Калінінградзе, Іркуцку і інш.

Прадстаўнікі беларускай дыяспары аказваюць непасрэдную фінансавую дапамогу ў многіх прэктах. Напрыклад, на сродкі М. Грыба ў 2005 г. быў створаны помнік Ф. Скарыне ў Калінінградзе, І. Панасюк і яго калегі з Навасібірска пабудаваў храм Ефрасінні Полацкай. Адна з галоўных праблем дыяспары – недахоп інфармацыі як з Беларусі, так і з рэгіянальных арганізацый і суполак. Для вырашэння гэтай праблемы ў Маскве пачалі выдаваць свой бюлетэнь «Белорусы России», а Федэральная нацыянальна-культурная аўтаномія наладзіла выпуск штотыднёвай газеты з аналагічнай назвай. Акрамя таго, выдаюцца газета Навасібірскай гарадской арганізацыі «Мая Радзіма», Літаратурна-этнаграфічны альманах беларусаў Дона «Мы – славяне».

Шмат цікавых і карысных спраў на рахунок Усеўкраінскага саюза беларусаў – канферэнцыя па пытаннях развіцця беларускай меншасці ва Украіне, выданне зборніка вершаў беларускага паэта з Крыма І. Літаша, адкрыццё класа-ліцэя па вывучэнні беларускай мовы ў школе № 12 г. Ірпень Кіеўскага раёна і інш. Адным з першых узнікла Крымскае беларускае культурна-асветнае таварыства, якое сёння налічвае ў сваім складзе 350 сябраў. Яны прадстаўляюць амаль 60 тыс. беларусаў – жыхароў Крыма [3]. У адпаведнасці са Статутам таварыства, асноўная яго мэта – развіццё рознабаковых сувязей паміж

беларускім і ўкраінскім народамі, прапаганда беларускай нацыянальнай культуры, мастацтва, народнай творчасці. Для вырашэння гэтай задачы штогод таварыства праводзіць у Ялце і Сімферопалі фестывалі беларускай культуры, перыядычна арганізуюцца мастацкія выставы («Сінявокая Беларусь», «Чарнобыльскі боль»). Наогул, трэба заўважыць, што адметнай рысай беларускіх суполак ва Украіне (акрамя прыгаданых, гэта гурт беларускай культуры «Зорка Венера» у г. Ізяслаў Хмяльніцкай вобл., Данецкая гарадская арганізацыя «Нёман», нацыянальна-культурнае таварыства беларусаў «Белая Русь» у Харкаве, нацыянальна-культурнае аб'яднанне «Беларусь» у Адэсе і інш.) з'яўляецца прыхільнасць да культурнай дзейнасці, самадзейнай мастацкай творчасці. Іншыя кірункі – вывучэнне роднай мовы, гісторыі, асветніцтва ўвогуле, эканамічныя сувязі – прыцягваюць значна менш увагі нашых суайчыннікаў у гэтай краіне.

Пры параўнальнай нешматлікасці беларускай дыяспары ў Літве, Латвіі, Эстоніі дзейнасць нашых суайчыннікаў у гэтых краінах адрозніваецца актыўным разнастайным, але пры гэтым і супярэчлівым характарам. Не заўсёды ўзважлівая нацыянальная палітыка кіраўніцтва гэтых краін з'яўляецца стымулам для самаарганізацыі найбольш актыўнай часткі беларускай супольнасці, якая імкнецца захаваць сваю самабытнасць. У Вільнюсе дзейнічае сярэдняя школа імя Ф. Скарыны з навучаннем на беларускай мове, настаўнікі якой павышаюць сваю кваліфікацыю ў Беларусі. Для вучняў арганізуюцца інфармацыйна-пазнаваўчыя паездкі у нашу рэспубліку, аздаўленне, выпускнікі школы паступаюць на бюджэтную форму навучання ў беларускія ВНУ. На факультэце славістыкі Вільнюскага педагагічнага ўніверсітэта створана кафедра беларускай літаратуры і этнакультуры, якая падтрымлівае адукацыйныя і навуковыя сувязі з Беларускім дзяржаўным педагагічным ўніверсітэтам імя М. Танка. Апошнім часам амаль ва ўсіх рэгіёнах Літвы дзейнічаюць каля 20 беларускіх суполак, якія згуртаваліся ў Аб'яднанне беларускіх грамадскіх арганізацый Літвы. Намаганнямі суполак па ўсёй краіне штогод ладзяцца беларускія культурныя святы (Каляды, Вялікдзень, Купалле), праводзіцца Ёселітоўскае свята беларускай песні. У большасці культурна-асветнай працай займаюцца беларускія суполкі Эстоніі – гэта Згуртаванне беларусаў Эстоніі «Бацькаўшчына», Беларуская культурная суполка «Фэст» (Талін), Беларуска-эстонскае культурна-асветнае таварыства «Спадчына», таварыства «Сябры» (Нарва) і інш. Нягледзячы на даволі складаную моўную сітуацыю ў Латвіі (у 2004 г. толькі 19% латышскіх беларусаў у якасці роднай мовы назвалі беларускаю), можна з упэўненасцю казаць аб існаванні інфраструктуры ўласнай беларускай

культуры. Стала працуюць пяць культурных таварыстваў: «Світанак» і «Прамень» у Рызе, «Уздым» у Даўгаўпілсе, «Мара» у Ліепае і «Спадчына» у Вентспілсе. З 1991 г. у Латвіі аднавілася навучанне на беларускай мове. Спачатку была заснавана Рыжская беларуская нядзельная школа, затым, у 1994 г., на яе базе была адчынена дзяржаўная Рыжская асноўная беларуская школа. Акрамя таго, існуе нацыянальная праграма Латвійскага радыё «Домская плошча» – менавіта для беларусаў. Таксама выдаецца газета беларусаў Латвіі – «Прамень» (дарэчы, беларуская дыяспара – адзіная ў краіне, якая мае ўласную газету).

У Кыргызстане, Узбекістане і Казахстане беларуская дыяспара сфарміравалася ў асноўным у пасляваенныя гады. Грамадскія арганізацыі колькасцю невялікія і складаюцца пераважна з людзей старэйшага пакалення. Найбольшым аўтарытэтам у Казахстане карыстаюцца Нацыянальны культурны цэнтр «Беларусь» (Алматы), грамадскае аб'яднанне «Культурны цэнтр “Беларусь”» (Астана). У Кыргызстане дзейнічае дзве арганізацыі беларусаў: Грамадскае аб'яднанне беларусаў у Кыргызскай Рэспубліцы «Світанак» і Беларускі культурны цэнтр «Крыніца». Найбольш уплывовым з'яўляецца «Світанак», які структурна ўваходзіць у склад Асамблеі народаў Кыргызстана – кансультацыйна-дапаможны орган па пытаннях міжнацыянальных адносін пры прэзідэнце Кыргызскай Рэспублікі. Зараз «Світанак» разам з прадстаўнікамі іншых нацыянальных аб'яднанняў удзельнічае ў круглых сталах, канферэнцыях, прысвечаных пытанням нацыянальнага будаўніцтва і рэалізацыі пытанняў сцвярджэння сваёй нацыянальнай самабытнасці. Нацыянальна-культурнае аб'яднанне беларусаў ва Узбекістане – Беларускі культурны цэнтр «Світанак» – ажыццяўляе сваю дзейнасць у рамках рэспубліканскага інтэрнацыянальнага культурна-асветніцкага цэнтра.

Развіцця арганізацыйных формы стварылі беларусы Польшчы. Найбольшай актыўнасцю і аўтарытэтам карыстаюцца Беларускае грамадска-культурнае таварыства і Беларускае аб'яднанне студэнтаў (усяго ж у Польшчы дзейнічае 19 арганізацый і устаноў беларускай меншасці) [4]. Сёння прававы статус беларусаў у Польшчы рэгулюе прыняты ў студзені 2005 г. Сеймам Польшчы «Закон аб нацыянальных і этнічных меншасцях і аб рэгіянальнай мове», згодна якому прадугледжваецца абавязак органаў дзяржаўнай улады выдзяляць адпаведныя сродкі для падтрымкі дзейнасці, скіраванай на ахову, утрыманне і развіццё культурнай тоеснасці меншасці. Трэба адзначыць, што галоўнае месца ў рабоце беларускіх арганізацый і устаноў у Польшчы займае культурна-мастацкая дзейнасць. Толькі БГКТ штогод праводзіць каля 80 розных культурна-масавых мерапрыемстваў

(агульнапольскія фестывалі беларускай песні, конкурсы беларускай паэзіі, фестывалі царкоўнай музыкі і інш.).

Адначасова трэба адзначыць, што сённяшні стан вывучэння беларускай мовы жадае быць лепшым. Беларуская мова выкладаецца толькі як прадмет для вывучэння ў некаторых базавых школах і ліцэях. У адрозненні ад палякаў, што жывуць у Беларусі, польскія беларусы не выстаўляюць патрабавання аб стварэнні беларускіх школ. Аднак у Варшаўскім універсітэце ўжо больш за трыццаць год працуе кафедра беларускай мовы і літаратуры, дзе спецыялізацыю праходзяць 10–20 студэнтаў (штогод выконваюцца дыпломныя працы не толькі па беларускай філалогіі, але і па гісторыі і па сучасным развіцці Рэспублікі Беларусь). У Беластоцкім універсітэце працуе кафедра беларускай філалогіі і кафедра беларускай культуры.

Калоніі беларусаў ёсць і у Цэнтральнай і Заходняй Еўропе – Вялікабрытаніі, Францыі, Германіі, Чэхіі, праўда, яны не вельмі шматлікія. Аднак тут сканцэнтравалася ў асноўным палітычная эміграцыя, інтэлігенцыя беларускага замежжа, якая выказвае пэўную актыўнасць у грамадска-палітычнай, культурнай і навуковай сферах. Сусветным цэнтрам інтэлігенцыі беларускай дыяспары з’яўляецца Лондан, дзе функцыянуе Асацыяцыя беларусаў Англіі, якая стварыла тут «Беларускі цэнтр» з буйной бібліятэкай.

Своеасаблівасцю адрозніваецца дзейнасць арганізацый беларусаў у Амерыцы перш за ўсё з-за палітычнай і арганізацыйнай разлучанасці розных хваляў эмігрантаў. Да ліку найбольш уплывовых беларускіх арганізацый у ЗША і Канадзе адносяцца: «Беларуска-Амерыканскае Задзіночанне», «Беларускі кангрэсавы камітэт», «Арганізацыя беларуска-амерыканскай моладзі», «Згуртаванне беларусаў Канады». Галоўнай іх мэтай стала дзейнасць па развіцці беларускіх нацыянальных і культурных традыцый, а таксама імкненне атрымаць падтрымку з боку шырокіх колаў амерыканскага грамадства і Урада ЗША ў прызнанні незалежнасці Беларусі. Пасля 1986 г. энэргія амерыканскіх беларусаў скіравана на арганізацыю дапамогі ахвярам Чарнобыля. Ство-

рана каля дзесяці камітэтаў дапамогі. Там, дзе беларусы пражываюць больш-менш кампактна, як, напрыклад, у штатах Нью-Йорк, Нью-Джэрсі, Пенсільванія, яны, як правіла, маюць свае асяродкі, сваю царкву або касцёл, крамы, кассы ўзаемадапамогі, культурныя цэнтры, пры якіх ёсць бібліятэкі, школы, музеі. Важнымі падзеямі у жыцці беларускай іміграцыі з’яўляюцца Сустрэчы беларусаў у Паўночнай Амерыцы, якія арганізуюцца кожныя два гады, пачынаючы з 1952 г.

Заклучэнне. Беларуская дзяржава аказвае падтрымку суайчыннікам, што пражываюць за мяжой. Гэта і дзейнасць пасольстваў Рэспублікі Беларусь, і стварэнне міжнароднага спадарожнікавага тэлеканала «Беларусь-ТВ», і работа галоўнай дырэкцыі замежнага вяшчання (радыёстанцыя «Беларусь»), і выданне беларускамоўнай газеты «Голас Радзімы» (распаўсюджваецца ў 52 краінах), і шмат іншае.

Прыярытэтнымі накірункамі дзяржаўнай палітыкі Рэспублікі Беларусь у адносінах да дыяспары з’яўляецца аб’яднанне ўсіх суайчыннікаў у свеце, уключэнне прадстаўнікоў дыяспары ў эканамічнае супрацоўніцтва, падтрымка і развіццё нацыянальнай культуры. У рэспубліцы распрацоўваецца спецыяльны закон аб суайчынніках, якія жывуць за мяжой. Ён на заканадаўчым узроўні дазволіць прапісаць механізмы абароны правоў беларусаў ва ўсіх кутках свету, забяспечыць іх трывалую сувязь са сваёй гістарычнай радзімай.

Літаратура

1. Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаснай літаратуры / пад рэд. В. П. Грыцкевіча. – Мінск: БелЭн, 2006. – С. 7.
2. Роля беларускай дыяспары ў захаванні і развіцці беларускай культуры / пад рэд. В. Л. Кіпель. – Мінск: Вышэйшая школа, 2004. – С. 4–5.
3. Сяргеева, Г. Беларуская дыяспара: погляд на мінулае і сучаснасць / Г. Сяргеева // Голас Радзімы. – 1997. – 27 лістапада.
4. Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый / пад рэд. Л. І. Пранчак. – Мінск, Вышэйшая школа, 2001. – С. 70.

Н. В. Зайцева, преподаватель БНТУ

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ КУЛЬТУРНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ТРУЖЕНИКОВ СЕЛА В 1966–1975 ГГ.

Life style, industrial activity of the farm-hands, the level of development of social needs depends on decision of industrial, economic and cultural problems of villages. The basic of social, cultural and other factor's is the highest level of farming intensive. That's why the weak farm-hands enterprises must choose the reliable tendency in social sphere. The article is devoted to the problems of improvement of the cultural conditions collective-farmers in 1966–1975. For studying the social and living conditions of Belarusian collective-farmers, the questions of development cultural service are general.

Введение. Развитие системы культурного обслуживания населения – важный аспект всей жизнедеятельности человека. Цель данной статьи – исследование и анализ системы культурного обслуживания тружеников села в 1966–1975 гг. Работа основывается на данных Национального архива Республики Беларусь и областных архивов, а также на материалах статистического сборника «Народное образование, наука и культура в Белорусской ССР».

Основная часть. Существовавшая в белорусской деревне к середине 60-х гг. XX в. сеть культпросветучреждений не удовлетворяла растущие культурные запросы населения. Число сельских жителей, обслуживаемых одним учреждением культуры, оставалось больше установленного Министерством культуры БССР, не вписывалось в научно обоснованные и подтвержденные практикой нормы (1000 чел. на 1 учреждение культуры). Так, в Витебской области в 1966 г. на одну сельскую библиотеку в среднем приходилось 2057 человек, на один сельский клуб – 1265 человек [1, л. 45]. В Оршанском районе одна сельская библиотека обслуживала в среднем 2927 человек, в Чашникском – 2728 человек [1, л. 115]. Зоны обслуживания были растянуты на 8–10 км, с большим количеством мелких населенных пунктов. Еще в конце 1950 – начале 1960-х гг. было остановлено развитие сети клубных учреждений, что привело к резкому сокращению ассигнований на капитальный ремонт клубных зданий, приобретение инвентаря и оборудования.

Население деревни, сельские библиотеки предъявляли справедливые претензии к работникам облкниготоргов, бибколлекторов, которые комплектовали для сельской местности не пользующуюся спросом у покупателей города второсортную книжную продукцию.

Следует отметить, что программы многих клубов были заполнены скучными, стандартными, однообразными мероприятиями на низком исполнительском уровне. Основная причина этой проблемы заключалась в том, что коллективам художественной самодеятельности, кружкам сельских домов культуры не всегда оказывалась необходимая методическая помощь со стороны городских, столич-

ных и областных профессиональных театров, ансамблей, хоров.

До 1965 г. в народно-хозяйственном плане вообще отсутствовали показатели развития организаций культуры. 5 ноября 1965 г. Совет Министров СССР принял Постановление «О некоторых вопросах улучшения деятельности учреждений культуры», в соответствии с которым впервые развитию сети клубов и библиотек был придан плановый характер. Показатели их развития, объемы капитальных вложений на строительство объектов культуры были включены в народно-хозяйственный план. Постановление предусматривало разработку и утверждение нормативов оснащения культурно-просветительных учреждений необходимым культинвентарем, музыкальными инструментами и техническими средствами, организацию системы повышения квалификации работников культуры (введено в действие в 1968 г.).

С целью реализации решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС создавались условия для расширения строительства культурно-просветительных учреждений силами колхозов и совхозов. Уже в 1966 г. за счет средств колхозов в БССР было построено 369 клубов и домов культуры, что на 148 единиц больше, чем в 1965 г. [2, л. 34]. Если за семилетку (1959–1965 гг.) на культурно-бытовое строительство в целом колхозы затратили всего 28,1 млрд. руб. [3, л. 19], то в восьмой пятилетке только на строительство клубов на 149,2 тыс. посадочных мест ими было израсходовано 30,8 млрд. руб. [2, л. 102].

Проблемы развития сети сельских культпросветучреждений непосредственным образом связаны с системой расселения. Исследования показывают, что расстояние более 3 км – в большинстве случаев рубеж, который удерживал сельского жителя от посещения клуба, особенно осенью и зимой. Если житель села, живущий относительно далеко от клуба, посещал праздничный вечер или танцы, то на регулярные занятия художественной самодеятельности он, как правило, не ходил. По данным социологов, приблизительно 3/4 участников художественной самодеятельности жили практически в районе клубов (расстояние не более 1 км).

В связи с этим при реорганизации сети клубных учреждений учитывались и такие важные условия, как развитие дорожной сети и транспортного сообщения между культурным центром колхозов и окружающими его населенными пунктами. В Белорусской ССР протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием возросла с 14,6 тыс. км в 1960 г. [4, л. 57] до 28,9 тыс. км к 1975 г. [5, л. 78].

Однако размещение клубных учреждений на территории республики не всегда и не везде отвечало сложившейся системе сельского расселения. Материалы единовременного обследования учреждений культуры показали, что ряд перспективных населенных пунктов страны, в том числе центры сельсоветов, центральные усадьбы хозяйств и т. д., не имели клубов. В республике из 4146 сельских населенных пунктов с количеством жителей 300 и более человек на 1974 г. 1108 (27%) не имели библиотек и 1262 (30%) – стационарных клубных учреждений [6, л. 36, 143].

К тому же на селе имели место серьезные недостатки в развитии материальной базы культуры. Успешно решать эту проблему своими силами колхозы не могли из-за дефицита материальных и строительных ресурсов. Полностью обеспечить строительство объектов культуры не могли и межколхозные строительные организации, которые возводили в основном животноводческие и другие хозяйственные постройки. В связи с этим принимаемые колхозами планы по строительству и вводу в действие объектов культуры нередко из года в год не выполнялись. В 1972 г. из 50 находившихся в процессе строительства клубов 31 объект возводился более трех лет. В большинстве случаев увеличение срока строительства и срыв ввода в эксплуатацию клубных помещений происходили по вине строительных организаций, из-за недостатка строительных материалов, отсутствия сантехнического и другого оборудования.

Ежегодно выделяемые на строительство объектов культуры капитальные вложения полностью не осваивались. Так, план подрядных работ по строительным объектам культуры за 1968 г. Минсельстроем БССР был выполнен только на 47,2%. На конец 1970 г. объем незавершенного строительства по Минсельстрою составил 76%. В этом же году и Белмежколхозстроем был не выполнен план ввода клубов (было введено в эксплуатацию только 61,2% к намеченному). Строительство за счет колхозов не всегда велось по современным проектам, с учетом перспективы культурного роста в конкретных населенных пунктах. В результате возводимые клубы не всегда соответствовали существующим государственным стандартам. Средства из культфондов часто использовались не по назначению (на премии, оплату командировочных расходов, подготовку кадров и т. п.). Так, на-

пример, колхоз «Ленинский путь» Верхнедвинского района Витебской обл. в 1968 г. из 5777 руб. культфонда использовал на нужды культпросветучреждений только 798 руб., а остальные – на подготовку механизаторов, оплату пионерских лагерей, взносы ДОСААФ [1, л. 34, 47].

К сожалению, положение мало изменилось и к концу рассматриваемого периода. Пятилетний план 1971–1975 гг. по строительству клубных учреждений на селе колхозами и совхозами республики на сентябрь 1975 г. был выполнен только на 55% [2, л. 86].

Одной из основных причин такого положения по-прежнему являлась слабая строительная база. Но потребности колхозов и совхозов в капитальном строительстве возрастали с опережением развития мощностей колхозных строительных организаций.

Однако отмеченные выше недостатки в строительстве культпросветучреждений на селе не умаляют и достигнутых успехов в этом направлении. По количеству учреждений культуры на 10 тыс. населения Белорусская ССР уже в 1970 г. вышла на первое место среди союзных республик [7, с. 44]. Только за 1967–1970 гг. в белорусской деревне было введено в действие клубов и домов культуры на 137,31 тыс. мест. За годы девятой пятилетки в сельской местности было построено клубов на 90 тыс. мест.

Расширение сети культурно-просветительных учреждений на селе, совершенствование ее структуры позволили создавать культурные комплексы не только в районных центрах, но и непосредственно на селе. Сельский культурный комплекс включал в себя сельские дома культуры, библиотеку для взрослых с отделением для детей, кинотеатр или иную стационарную киноустановку, сквер или парк при доме культуры, филиал музыкальной школы, передвижные отделения учреждений культуры для оперативного обслуживания трудящихся отдаленных производственных участков и мелких населенных пунктов. О повышении эффективности культурно-просветительной работы там, где действовали сельские культурные комплексы, свидетельствовал тот факт, что число посещений массовых мероприятий на одного жителя по таким сельсоветам было в два раза выше среднего.

Достаточно серьезной проблемой была большая текучесть кадров культпросветработников. Причиной этому явился низкий уровень оплаты труда, а также невысокий престиж этой профессии. При сравнительной оценке 59 профессий клубный работник у жителей села занимал лишь 22-е место. В значительной мере по этим причинам конкурс при поступлении в учебные заведения, готовившие клубных работников, был низким.

Нередки были случаи, когда специалисты культпросветработы не встречали заботливого отношения к себе.

Часто их не обеспечивали жильем, загружали различными поручениями, не имеющими никакого отношения к их прямым обязанностям. Деятельность клубного работника на селе осложнялась тем, что в селе оставалось мало молодежи, наиболее активной части населения. В период между переписями населения 1959 и 1970 гг. удельный вес лиц в возрасте от 16 до 34 лет в общей численности трудоспособных на селе уменьшился в республике с 59,3% в 1959 г. до 43,7% в 1970 г. Текучесть кадров культпросветработников вызывалась и трудностью самой профессии, требующей разнообразных знаний и способностей, активности и творчества.

Осложнялась ситуация и отсутствием четкого профиля, норм, критериев оценки количества и качества труда. Неопределенность профессионального профиля часто вызывала у клубных работников вначале неудовлетворенность профессией, а затем желание покинуть ее и обрести в жизни более спокойную работу. В результате большой текучести кадров культпросветработников государству наносился значительный ущерб, поскольку подготовка клубного работника обходилась в 3–4 раза дороже, чем, например, техника-строителя.

Таким образом, по уровню образования, общей культуры и специальной подготовки культпросветработники в большинстве своем уступали любому другому отряду сельской интеллигенции. А ведь они были призваны формировать и удовлетворять культурные запросы всех слоев населения.

Нельзя не указать и на то, что свой посильный вклад в закрепление кадров специалистов в сельских культурно-просветительных учреждениях вносили и колхозы. Так, например, колхоз «Советская Белоруссия» Каменецкого района Брестской области доплачивал директору музыкальной школы от 100 до 150 руб., а работникам клуба – по 30 руб. [8, л. 154, 155]. В колхозе «XVIII партсъезд» Быховского района Могилевской области благодаря повышению материальной заинтересованности остался работать на должности директора дома культуры специалист со средним музыкальным образованием. Он хорошо организовал работу, и во Всесоюзной переключке сельских клубов этот дом культуры занял первое место в области [9, л. 26].

Развитие сети учреждений культуры на селе нельзя рассматривать в отрыве от общего прогресса культуры деревни исследуемого периода. Библиотеки и клубы работали в новых условиях. Сократилось отставание села от города по обеспеченности радиоприемниками и телевизорами. С 1965 по 1975 гг. количество радиоприемников и радиол в расчете на 100 городских семей увеличилось в 1,3 раза, в расчете на 100 сельских семей – в 1,5 раза, количество телевизоров соответственно в 2,7 и 4,7 раза.

Заключение. Таким образом, благодаря укреплению экономики колхозов и совхозов, росту их доходов, введению гарантированной

денежной оплаты труда колхозников, расширению долгосрочного кредитования, осуществлению других мероприятий государства в области сельского хозяйства были созданы условия для значительного расширения строительства культурно-просветительных учреждений на селе. При этом наиболее высокими темпами развития сети учреждений культуры в белорусской деревне, капитального обновления сельских клубных учреждений отличалась восьмая пятилетка. Именно в этот период началось формирование современной системы культурно-просветительных учреждений на селе, основанной на централизации их средств и усилий.

Вместе с тем, по уровню культурно-бытовых условий жизни село по-прежнему существенно уступало городу. В значительной мере это было обусловлено неравномерностью развития сети учреждений культуры и искусства и недостаточно полной ее ориентацией на удовлетворение потребностей работников сельского хозяйства. Многие учреждения культуры в колхозах были размещены в старых зданиях некапитального характера, где не было помещений для кружковой работы и самостоятельного творчества. Кроме того, остаточный принцип выделения средств не позволил преодолеть хроническое отставание деревни от города.

Литература

1. Государственный архив Витебской обл. – Фонд 2852. – Оп. 2. – Д. 132. Статистические отчеты по культурно-массовой работе. – 147 л.
2. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 9. – Д. 2302. Первичные данные к статистическому сборнику «Экономика и культура Белорусской ССР». – 220 л.
3. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Т. 3. – Д. 6826. Отчет о выполнении плана капитального строительства в колхозах БССР за 1965 г. – 279 л.
4. НАРБ. – Фонд 873. – Оп. 4. – Д. 298. Отчеты о выполнении плана капитальных вложений за 1960 г. – 223 с.
5. НАРБ. – Фонд 873. – Оп. 4. – Д. 1732. Сводные отчеты министерства за 1975 г. – 203 с.
6. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 9. – Д. 2646. Сведения, справки и данные ЦСУ БССР и облстатуправлений о численности учащихся общеобразовательных школ, числе научных учреждений, численности театров, библиотек, клубов и др. вопросы. – 238 л.
7. Народное образование, наука и культура в Белорусской ССР. Статистический сборник / Центр. стат. упр. – Минск: Беларусь, 1981. – 251 с.
8. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Д. 1807. Сводные отчеты районных управлений Брестской обл. по основной деятельности и приложения к ним. – 286 л.
9. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Д. 1808. Сводные отчеты районных управлений Могилевской обл. по основной деятельности и приложения к ним. – 228 л.

Н. В. Зайцева, преподаватель БНТУ

**РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В КОЛХОЗАХ РЕСПУБЛИКИ (1966–1975 ГГ.)**

The article is devoted to the problem of improvement of living conditions collective – farmers in 1966–1975. The main achievements in economic – development, including its agricultural sector in that period, are made the necessary possibilities for modernization of the living-conditions of collective farmers. The higher level of the basic social and industrial foundations and houses, the flats with all modern convinces, the results of successfully work of a lot of farm-hands, that's why, there are a lot of young people choose the villages for there's permanent places for living. For studying the social and living conditions of Belarussian collective – farmers, the questions of development living conditions are general.

Введение. Образ жизни, производственная активность работников сельского хозяйства, эффективность данной отрасли зависят от уровня развития в сельской местности социальной инфраструктуры, комплексности решения производственно-экономических и культурно-бытовых проблем деревни. Цель данной статьи – исследование и анализ жилищного строительства в колхозах республики в 1966–1975 гг. Работа основывается на данных Национального архива Республики Беларусь, а также на материалах исследований, проводимых ранее.

Основная часть. Значительные достижения в развитии экономики, в том числе и ее аграрного сектора в изучаемый период, создавали необходимые предпосылки для совершенствования культурно-бытовых условий жизни тружеников села. При этом отметим, что существовавшие условия труда и быта не удовлетворяли сельских жителей, что негативно сказывалось на развитии производства, способствовало продолжению излишней миграции молодежи из села, усложняло проблему трудовых ресурсов.

В связи с задачами, которые были поставлены перед колхозами, строительство на селе переводилось на индустриальную основу, основные работы выполнялись передвижными механизированными колоннами и межколхозными строительными организациями (МСО). Для их руководства в 1965 г. было образовано Министерство сельского строительства БССР. В 1968 г. оно объединяло общестроительные и специализированные тресты, 79 передвижных механизированных колонн, 121 межколхозную организацию. В 1965 г. МСО республики выполнили собственными силами работ на 64 млн. руб. (включая жилищное строительство). Однако условия труда и быта не удовлетворяли тружеников села.

Строительные работы выполнялись преимущественно подрядным способом. МСО являлись основными подрядчиками колхозов. Располагая своей производственной базой, они способны были выполнять работы на высоком техническом уровне.

Если в 1965 г. для тружеников села было сдано в эксплуатацию больше 119 тыс. м², то за 1967–1970 гг. – 127,5 тыс. квартир общей пло-

щадью 6,8 млн. м² [1, с. 448]. В республике всего за девятую пятилетку было построено квартир общей площадью 7 млн. 568 тыс. м², что на 800 тыс. больше, чем в восьмой.

Однако в жилищном строительстве на селе имели место значительные недостатки. В проектах, составленных до 1969 г., предусматривались малые размеры подсобных помещений, неудачно размещались кухни, не было кладовых. Это объяснялось прежде всего тем, что в типовые проекты сельских домов автоматически переносились нормы и принципы проектирования городских квартир. База многих строительных организаций оставалась слабой, что мешало им выполнять большие объемы работ. В ряде хозяйств существовали свои строительные бригады, но из-за недостатка необходимых материалов они не были полностью загружены.

После длительного обсуждения были разработаны проекты жилых домов на 2, 4, 8, 5, 12 и более квартир с улучшенной планировкой. В домах обязательно предусматривались помещения для хранения овощей, картофеля и других продуктов [2, л. 12, 20].

Отличительной чертой сельского строительства стал переход от возведения отдельных объектов к комплексной застройке. Возводились комплексы производственно-бытовых учреждений, жилых домов, размещенных по генеральным планам. Одновременно велось строительство и культурно-бытовых объектов. Для выявления оптимальных архитектурно-планировочных приемов преобразования села в семи колхозах и совхозах республики было организовано комплексное экспериментально-показательное строительство. По генеральному плану многоквартирными домами был застроен поселок Мухавец Брестского района. Наряду с благоустроенными жилыми домами в нем были введены в эксплуатацию столовая, детский сад, средняя школа, дворец культуры, комбинат бытового обслуживания, баня с прачечной [3, с. 49]. Широко применялись индустриальные методы, велось производственное, жилищное и культурно-бытовое строительство в ряде других колхозов Брестской области.

Были построены и прошли испытание более 20 типов жилых домов с квартирами, рассчитан-

ными на семьи различного численного состава. Было выявлено, что в условиях БССР наиболее полно отвечали архитектурным, экономическим и санитарно-гигиеническим требованиям двухэтажные жилые дома с квартирами в двух уровнях, а также с поэтажным расположением квартир и раздельными входами. С учетом особенностей сельского образа жизни были внесены коррективы в проекты жилых домов: увеличена площадь кухни, предусмотрены санузлы, просторные прихожие, подсобные помещения. Номенклатуру жилья предполагалось расширить за счет роста доли полносборных домов из газосиликатных и керамзитобетонных панелей. Были обоснованы принципы функционального зонирования территории сельских поселений. Также были разработаны примерные нормы обеспеченности населения отдельными видами непроектируемых объектов.

Однако при строительстве не везде учитывались особенности сельского образа жизни. Надворные постройки при новых благоустроенных домах затрудняли ведение личного подсобного хозяйства: были малы размеры помещений для содержания скота, птицы, хранения кормов. В результате только 30% семей экспериментально-показательного поселка Снов колхоза им. М. И. Калинина Несвижского района содержали крупный рогатый скот и 87% откармливали свиней. Такое же положение сложилось в экспериментально-показательном поселке Вертелишки колхоза «Прогресс» Гродненского района.

Во многих случаях медленно шел процесс переселения людей из малонаселенных деревень на центральную усадьбу, что способствовало оттоку населения в города.

В колхозе «Прогресс» Гродненского района новое благоустроенное жилье предоставлялось преимущественно приезжим работникам. Только 2 семьи из соседних, подлежащих отселению, деревень получили жилье в поселке Вертелишки. При дефиците работников в 150 человек такое же количество людей ездило из деревень, находящихся на территории колхоза, на работу в Гродно [4, л. 43].

Одной из проблем совершенствования социальной инфраструктуры сельскохозяйственных предприятий была растущая дифференциация колхозов по уровню обеспеченности различными учреждениями непроектируемой сферы. Это касалось прежде всего колхозов, где жилищное строительство полностью, а культурно-бытовое строительство в значительной части осуществлялись за счет средств сельскохозяйственного предприятия. Передовые колхозы из года в год улучшали быт своих работников, возводили жилье, детские дошкольные учреждения, школы, клубы, библиотеки. Отстающие хозяйства на реализацию таких программ не имели достаточно средств. Неудовлетворительные бытовые условия приводили к обострению проблемы

трудовых ресурсов, что еще более ухудшало общее экономическое положение хозяйств.

В исследуемый период негативную роль сыграло деление сельских поселений на «перспективные» и «неперспективные» населенные пункты.

В указанные годы существенно менялся подход проектировщиков к определению перспективных и неперспективных поселений. В начале прослеживалась тенденция оставить побольше перспективных пунктов. Определенное влияние на этот процесс оказывало мнение руководителей совхозов и колхозов, настроение жителей.

Всего по республике по первоначальным проектам, получившим юридическое закрепление, было определено около 6 тыс. перспективных населенных пунктов. В действительности их было значительно больше, так как немало населенных пунктов, выделенных для перспективной застройки, объединяли две и более деревень [5, л. 25–28].

Преобразование сел осуществлялось с учетом множества факторов: специфики производства, специализации и концентрации сельского хозяйства и его организационных форм, состояния расселения, миграции, национальных и исторических особенностей, географических и климатических условий. Планировочные решения усложнялись еще и тем, что были недостаточно разработаны теоретические основы формирования сети перспективных сельских поселений, их размещение и оптимальные размеры, не была выработана научно обоснованная концепция критериев классификации поселений в зависимости от перспектив их развития.

Сельскому строителю и проектировщику необходимо было учитывать также межреспубликанское перемещение населения и намечающиеся здесь тенденции.

Перестройка сел предполагала проведение комплекса экономических, государственно-правовых и других мер, направленных на сосредоточение сельских жителей в перспективных населенных пунктах. Это был бы центр, концентрирующий в себе результаты преобразовательных усилий. Поэтому количественные и качественные изменения в территориальном размещении жителей села заслуживали пристального внимания. Число жителей – важнейший исходный показатель, основа для всевозможных проектных расчетов. Количество домов, больниц, школ, клубов, магазинов, стадионов, столовых определялось численностью населения. И само количество проектируемых сельских поселений также зависело от числа жителей, трудовая деятельность которых предполагалась быть связанной с сельскохозяйственным производством.

Характерной особенностью не только рассматриваемого периода, но и всех последующих, включая современный этап, явилась миграция сельских жителей в город. Численность сельских жителей неуклонно сокращалась. Поскольку объект приложения труда – земля – оставался

неизменным, индустриализация сельскохозяйственного производства влекла за собой постоянное сокращение населения деревни. Главная движущая сила миграционных перемещений выражалась в том, что городу постоянно требовалась рабочая сила, при этом сам город пока еще не мог удовлетворить эти потребности за счет собственных трудовых ресурсов и повышения производительности труда. Именно благодаря этому процессу в научный оборот вошло такое понятие, как «бездомные лимитчики» [6, с. 274].

В 1975 г. сельское население уже не составляло и половины граждан нашей республики. Правда, урбанизация не в одинаковой мере коснулась всех географических районов Беларуси.

В Брестской и Гродненской областях доля сельских жителей была значительно выше, чем в других местах республики. Наименьший процент сельского населения сохранился в Витебской области. Деревню покидала главным образом молодежь, т. е. наиболее трудоспособная, активная и перспективная часть населения. Это вызывало разные негативные последствия и прежде всего отрицательно сказывалось на производственной деятельности, социальной активности, на культурных процессах, всем сельском образе жизни. В небольших поселках доля престарелых была особенно велика. Иногда смертность по сельсовету превышала рождаемость. Миграция была более значительна в тех хозяйствах, которые остро нуждались в рабочих руках. То обстоятельство, что из села уходили творческие, молодые силы, усугубляло трудности по социально-экономическому переустройству деревни.

В колхозах, где велось комплексное экспериментальное строительство, также падала доля трудоспособного населения, что являлось закономерным следствием повышения производительности труда. В деревне и не планировалось увеличение рабочей силы. В десятой пятилетке весь прирост продукции в сельском хозяйстве предполагалось получить за счет повышения производительности труда.

С учетом этого были предприняты меры, направленные на расширение культурно-бытового и жилищного строительства, благоустройство населенных пунктов, улучшение условий труда. Решению данных задач способствовал рост непроизводственных фондов колхозов. Если их основные фонды к 1975 г. по сравнению с 1965 г. увеличились в 4,1 раза, то непроизводственные – в 8,6 раза. Фонды организаций здравоохранения, физкультуры и социального обеспечения возросли в 1975 г. в 13,7 раза по сравнению с их объемом в 1965 г., а жилищного хозяйства – 16 раз [7, л. 125].

Новые формы кооперации по жилищному строительству в городах, промышленных центрах были перенесены также и в сельские населенные пункты. В принятом в феврале 1967 г. постановлении ЦК КПБ и Совета Министров БССР «О мерах по дальнейшему улучшению жилищного и куль-

турно-бытового строительства на селе» всем облисполкомам и райисполкомам совместно с Министерством сельского хозяйства БССР предлагалось принять необходимые меры по организации жилищно-строительных кооперативов в сельской местности.

За 1966–1975 гг. значительно возросли фонды жилищного хозяйства в республике. На его долю приходилось 54% основных непроизводственных фондов жилищного хозяйства [8, л. 67]. Впрочем, они далеко не удовлетворяли потребности в жилье. Жилая площадь, принадлежащая колхозам, обеспечивала всего 4,4% трудоспособных членов колхозов. По статистическим данным, почти одна треть (32,5%) жителей, не имеющих денег на строительство собственного дома, составляли молодые люди в возрасте 16–29 лет, недавно начавшие трудовую деятельность. В такой ситуации жилье являлось главным условием закрепления кадров и привлечения рабочей силы в деревню.

Заключение. Таким образом, изменение уровня и качества жизни колхозного крестьянства находилось в непосредственной зависимости от возможностей решения жилищной проблемы. Однако доля средств, направляемых на жилищное строительство в колхозы (за счет всех источников), в общей сумме аналогичных затрат по республике не соответствовало удельному весу жителей этих деревень и была достаточно невелика.

Литература

1. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэдкал.: І. М. Ігнаценка (старшыня) [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1975. – Т. 5: Беларуская ССР у перыяд стварэння развітога сацыялістычнага грамадства і будаўніцтва камунізму (1945–1974 гг.) / А. А. Філімонаў [і інш.]. – 776 с.
2. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 81. – Д. 2361. Матэрыялы к протоколу № 14 ад 24 августа 1971 г. – 304 л.
3. Полуян, И. В. Технические кадры белорусской деревни и развитие сельского хозяйства республики / И. В. Полуян. – Минск: Наука и техника, 1978. – 224 с.
4. НАРБ. – Фонд 326. – Оп. 2. – Д. 433. Справки о строительстве комплексных экспериментально-показательных сел и деревень республики, повышении производительности труда, научной организации труда и об ускорении научно-технического прогресса. – 72 л.
5. НАРБ. – Фонд 326. – Оп. 2. – Д. 926. Документы о ходе экспериментально-показательного строительства на селе. – 31 л.
6. Трещенок, Я. И. История Беларуси: в 2-х ч. / Я. И. Трещенок. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. – Ч. 2. – 310 с.
7. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 14. – Д. 1002. Справка министерства от 30 января 1976 г. об итогах производственно-финансовой деятельности колхозов республики за 1975 г. – 324 л.
8. НАРБ. – Фонд 326. – Оп. 2. – Д. 960. Пояснительная записка к годовому отчету производственно-хозяйственной деятельности за 1975 г. – 115 л.

С. Л. Казлова, канд. гіст. навук, ІГ НАН Беларусі

УДЗЕЛ БЕЛАРУСАЎ У САВЕЦКА-ЯПОНСКАЙ ВАЙНЕ 1945 ГОДА: ДА 65-ГОДДЗЯ ПЕРАМОГІ

The article is concentrated on questions of participation of Belorussians and natives of Belarus in the Soviet-Japanese war of 1945. Byelorussians actively participated in military actions of Transbaikalian, 1st and 2nd Far East fronts, and also Pacific fleet which have been directed against militaristic Japan. Stages of diplomatic preparation of war, and also the reason on which Japan continued military resistance are considered. Plans of the Soviet command on carrying out of military operations are analyzed. The role of participation of Belorussians in the war is underlined, and fragments from their personal memoirs are presented.

Уводзіны. У верасні 2010 г. нас чакае юбілейная дата – 65 год з дня заканчэння Другой сусветнай вайны, якая непасрэдна звязана з разгромам мілітарызцкай Японіі. Уступленне Савецкага Саюза ў вайну супраць Японіі на баку саюзнікаў было цалкам заканамерным. У гэтым былі зацікаўлены саюзнікі, якія лічылі, што без дапамогі СССР яны змогуць прымусіць капітуляваць Японію не раней чым у 1947 г. [1, с. 388]. У пагадненні трох дзяржаў – Вялікабрытаніі, ЗША і СССР, якое было падпісана 11 лютага 1945 г., адзначалася, што праз два-тры месяцы пасля капітуляцыі Германіі і заканчэння вайны ў Еўропе Савецкі Саюз уступіць у вайну на баку саюзнікаў [2, с. 199–200].

Пасля паражэння і разгрому фашысцкай Германіі ўрад Японіі працягваў заклікаць да вайны да пераможнага канца. У супрацьлегласць сваім ранейшым устаноўкам ён зрабіў спробу пераканаць народ у тым, што вайна Германіі не мела ніякіх адносінаў да вайны на Далёкім Усходзе і што капітуляцыя гітлераўцаў не адбілася на становішчы Японіі [3, с. 534].

26 ліпеня 1945 г. была апублікавана Патсдамская дэкларацыя з подпісамі ЗША, Англіі і Кітая. Савецкі Саюз у той момант не мог падпісаць дэкларацыю, таму што не быў у стане вайны з Японіяй [1, с. 392]. Патсдамская дэкларацыя, якая насіла ультыматыўны характар, змяшчала ўмовы капітуляцыі, якія прадугледжвалі: ліквідацыю ў Японіі ўлады і ўплыву мілітарыстаў; акупацыю японскай тэрыторыі; абмежаванне суверэнітэту Японіі астравамі Хансю, Хакайда, Кюсю, Сікоку; пакаранне ваенных злачынцаў і г. д. [3, с. 539]. Савецкі ўрад далучыўся да Патсдамскай дэкларацыі і заявіў 8 жніўня, што з 9 жніўня будзе лічыць сябе ў стане вайны з Японіяй [4, с. 419].

На пачатак баявых дзеянняў на Далёкім Усходзе былі разгорнуты сілы трох франтоў: Забайкальскага, 1-га і 2-га Далёкаўсходніх. Яны і павінны былі ва ўзаемадзеянні з Ціхаакіянскім флотам і Амурскай рачной флатыліяй выконваць задачы, якія стаялі перад савецкімі ўзброенымі сіламі на Далёкім Усходзе. Было створана Галоўнае камандаванне савецкіх войск на Далёкім Усходзе. Галоўнакамандуючым быў прызнача-

ны маршал Савецкага Саюза А. М. Васілеўскі. Каардынацыя дзеянняў Ціхаакіянскага флоту і Амурскай ваеннай флатыліі з наземнымі войскамі ўскладалася на Галоўнакамандуючага ваенна-марскімі сіламі адмірала флоту М. Г. Кузняцова. Кіраўніцтва авіяцыяй павінен быў ажыццяўляць камандуючы Ваенна-паветранымі сіламі галоўны маршал авіяцыі А. А. Новікаў.

Войскі Забайкальскага фронту – камандуючы маршал Савецкага Саюза Р. Я. Маліноўскі – павінны былі галоўны ўдар нанесці ў накірунку на Чаньчунь і выйсці на рубяж Чжаланьтунь – Чаньчунь – Мукдэн – Чыфын.

Войскі 1-га Далёкаўсходняга фронту – камандуючы маршал Савецкага Саюза К. А. Мерацкоў, член Ваеннага савета генерал-палкоўнік Ц. Ф. Штыкаў – павінны былі нанесці галоўны ўдар з раёна Градэкава ў агульным накірунку на Мулін, Муданьцзян. У далейшым войскам трэба было выйсці на лінію Харбін – Чаньчунь – Ранан. 2-му Далёкаўсходняму фронту – камандуючы генерал арміі М. А. Пуркаеў – Стаўка загадала нанесці ўдар на Харбін ва ўзаемадзеянні з Амурскай рачной флатыліяй. Ціхаакіянскі флот – камандуючы адмірал І. С. Юмашаў – павінен быў парушаць марскія зносіны праціўніка ў Японскім моры, ускладніць базіраванне варожых караблёў на парты Паўночнай Карэі (Юкі, Расін, Сейсін), не дапусціць высадкі японскага дэсанта на савецкае ўзбярэжжа. Такім чынам, наступленне супраць Квантунскай арміі рыхтавалася як стратэгічная аперацыя трох франтоў і флоту [3, с. 550–553].

Асноўная частка. 9 жніўня 1945 г. пачалося наступленне Чырвонай Арміі. Рух савецкіх войск ажыццяўляўся высокімі тэмпамі. Асабліва хутка наступалі войскі Забайкальскага фронту. Ужо 12 жніўня злучэнні 6-й гвардзейскай арміі перайшлі Вялікі Хінган і пайшлі на ключавыя цэнтры Маньчжурый – Чаньчунь і Мукдэн. Насустрач Забайкальскаму фронту наступалі ўдарныя часткі 1-га Далёкаўсходняга фронту. У ходзе наступлення сухапутныя войскі цесна ўзаемадзейнічалі з караблямі Ціхаакіянскага флоту. З іх дапамогай паспяхова ажыццяўляўся шэраг дэсантных аперацый ў партах Паўночнай Карэі – Юкі, Расін, Сейсін і інш.

Супраціўленне Квантунскай арміі было зломленае. Многія яе часці папалі ў акружэнне і страцілі бяздольнасць. У гэтым крытычным становішчы японскі ўрад 14 жніўня прыняў рашэнне аб капітуляцыі на ўмовах Патсдамскай дэкларацыі і паведаміў аб гэтым урадам ЗША, СССР і Англіі. Аднак імператарская армія працягвала змагацца супраць злучэнняў Чырвонай Арміі. Генштаб вымушаны быў выступіць са спецыяльным тлумачэннем, у якім падкрэслівалася, што савецкія войскі будуць працягваць наступленне, пакуль японскія войскі не складуць зброю. Наступленне Чырвонай Арміі імкліва развівалася, і да 20 жніўня разгром Квантунскай арміі быў практычна завершаны. У сувязі з поспехам у Маньчжурый 2-гі Далёкаўсходні фронт перайшоў у наступленне на Сахаліне. Заключным этапам вайны супраць Японіі з’явілася Курыльская дэсантная аперацыя, праведзеная часткай сіл 1-га і 2-га Далёкаўсходняга франтоў і Ціхаакіянскага флоту. Яна пачалася ў ноч з 16 на 17 жніўня з высадкі савецкага марскога дэсанта на востраве Шумшу – самым паўночным у Курыльскай градзе. Тут японцы мелі моцную сістэму берагавой абароны. Бітва за Шумшу працягвалася некалькі дзён і была вельмі цяжкай. Урэшце японцы не вытрымалі націску і адступілі. Праз некаторы час гарнізон вострава Шумшу капітуляваў. Такім чынам, японцамі быў згублены ключавы вузел абароны Курыльскай грады, за якім адбылася капітуляцыя гарнізонаў астатніх астравоў [5, с. 250].

2 верасня 1945 г. ў Такійскай бухце на борце амерыканскага лінкора «Місуры» адбылася цырымонія падпісання Акта аб капітуляцыі. Згодна гэтаму дакументу Японія прымала ўмовы Патсдамскай дэкларацыі ад 26 ліпеня 1945 г. і заяўляла аб неадкладнай капітуляцыі ўсіх сваіх узброеных сіл [6, с. 480]. Другая сусветная вайна на гэтым скончылася.

Узел беларусаў і ўраджэнцаў Беларусі ў савецка-японскай вайне 1945 г. не быў прадметам асобнага разгляду айчынных гісторыкаў. Прычына, перш за ўсё, у недасягальнасці для беларускіх даследчыкаў архіўных матэрыялаў – яны знаходзяцца ў архівах Расійскай Федэрацыі. Пры працы над дадзенай тэмай выкарыстоўваліся матэрыялы апублікаваных крыніц, а таксама айчыннай перыёдыкі.

Намі было выяўлена, што ўсяго за баявыя подзвігі ў савецка-японскай вайне 1945 года 5 беларусам было прысвоена званне Герояў Савецкага Саюза – М. У. Барташову, Г. С. Здановічу, В. А. Кату, М. А. Ласкунову, Ц. А. Пачтарову [7, с. 65].

Перш за ўсё неабходна сказаць пра беларуса Барташова Макара Уласавіча. З 9 да 17 жніўня 1945 г. 12-я штурмавая марская авіядывізія пад камандаваннем палкоўніка М. У. Барташова наносіла масіраваныя ўдары па часцях японскай

Квантунскай арміі ў партах Юкі, Расін, Сейсін, на чыгуначных станцыях Фуней, Тумань. Ліквідавала 24 караблі і транспарты праціўніка водазмяшчэннем 47 тыс. т, 11 эшалонаў, 5 самалётаў, 4 масты, 7 артылерыйскіх батарэй, 8 складоў, 2 паравоза, 70 вагонаў, электрастанцыю, дэпо, каля 2,6 тыс. салдат і афіцэраў праціўніка. М. У. Барташоў асабіста патопіў японскі танкер [8, с. 43].

Таксама неабходна адзначыць беларуса, генерал-майора Здановіча Гаўрыіла Станіслававіча, які ў час ВОВ з 1941 г. быў начальнікам апэратыўнага аддзела корпуса, начальнікам штаба дывізіі, намеснікам камандзіра дывізіі. Камандзір стралковай дывізіі Г. С. Здановіч вызначыўся ў баях з японцамі ў жніўні 1945 г. 203-я стралковая дывізія пад яго камандаваннем удзельнічала ў наступальнай аперацыі ў Маньчжурый. У жніўні 1945 г. дывізія Здановіча ажыццявіла 1500-кіламетровы марш праз бязводныя стэпы. Робячы маршы па 50 і больш кіламетраў ў суткі па цяжка-праходнай мясцовасці, пераадолела горы Вялікага Хінгана, фарсіравала раку Ляхэ і выйшла ў раён горада Фусінь [8, с. 184].

Актыўным удзельнікам вайны з Японіяй 1945 г. з’яўляецца беларус Пачтароў Цімафей Аляксеевіч. 18 жніўня 1945 г. батальён марской пяхоты пад камандаваннем маёра Ц. А. Пачтарова паспяхова высадзіўся на адзін з Курыльскіх астравоў – востраў Шумшу. Батальён захапіў прыбярэжныя абарончыя збудаванні, штаб варожага батальёна, адбіў тры контратакі праціўніка, чым забяспечыў плацдарм для высадкі галоўных сіл дэсанта. Імем адважнага беларуса названы мыс на востраве Шумшу [8, с. 424].

Цікавая ваенная біяграфія і ў беларуса, актыўнага ўдзельніка вайны з Японіяй Ласкунова Мікалая Аляксеевіча. Намеснік начальніка апэратыўнага аддзела штаба арміі падпалкоўнік М. А. Ласкуноў вызначыўся 11 жніўня 1945 г. З важным баявым загадам Ваеннага Савета арміі ён вылецеў ў злучэнне, якое вяло бой з часцямі японскай Квантунскай арміі за горад Фуцзінь (Кітай). Ласкуноў добра разумеў усю важнасць сваёй місіі. Фуцзінь – адзін з гарадоў на пуці ў Харбін – японцы ператварылі ў моцную крэпасць. Яны разлічвалі спыніць тут нашы войскі і закрыць шлях караблям Амурскай флатыліі ў Харбін. Пры пасадцы самалёт быў падбіты. Цяжка паранены, М. А. Ласкуноў аддаў загад па назначэнні. У той самы дзень ён памёр ад ран. Пахаваны ў горадзе Фуцзінь [8, с. 311].

Праславіўся ў вайне з Японіяй і старэйшы лейтэнант беларус Кот Васіль Андрэевіч. Падчас дэсантнай аперацыі на Курыльскіх астравах ён першым высадзіўся на востраў Шумшу, замяніў параненага камандзіра і забяспечыў выкананне баявой задачы па авалоданні востравам.

Пазней ён стаў ганаровым грамадзянінам горада Паўночна-Курыльска Сахалінскай вобласці [8, с. 262].

Не можам не сказаць таксама пра непасрэднага распрацоўшчыка плана стратэгічнай аперацыі ў савецка-японскай вайне, беларуса, генерала арміі (1943 г.), начальніка Генштаба (1945 г.) Аляксея Інакенцьевіча Антонава. З жніўня 1941 г. ён займаў пасады начальніка штаба Паўднёвага, Паўночна-Каўказскага і Закаўказскага франтоў і Чарнаморскай групы войск. З снежня 1942 г. – першы намеснік начальніка Генштаба, з лютага 1945 г. – начальнік Генштаба. Быў удзельнікам Ялцінскай і Патсдамскай канферэнцый [9, с. 94].

Намі былі знойдзены звесткі пра гераічнага ўдзельніка вайны з мілітарызскай Японіяй, намесніка начальніка штаба 1-га Далёкаўсходняга фронту, беларуса, генерал-лейтэнанта Г. А. Шэлахава. Георгій Акімавіч Шэлахаў у гады Вялікай Айчыннай вайны быў начальнікам штаба артылерыі групы войск на Далёкім Усходзе, затым намеснікам начальніка штаба 1-га Далёкаўсходняга фронту. Па загадзе галоўнакамандуючага савецкімі войскамі на Далёкім Усходзе маршала А. М. Васілеўскага з мэтай хуткага захопу важнейшага стратэгічнага цэнтра Маньчжурыі г. Харбіна 18 жніўня 1945 г. генерал Г. А. Шэлахаў узначаліў паветраны дэсант (120 чалавек). Пасля высадкі савецкага дэсанта 45-тысячны гарнізон японскіх войск не аказаў узброенага супраціўлення. У той жа дзень, 18 жніўня, дэсантнікі генерала Г. А. Шэлахава сустрэлі на аэрадроме Харбіна начальніка штаба Квантунскай арміі генерал-лейтэнанта Х. Хата. Падчас перамоў з ім Г. А. Шэлахаў прапанаваў для ўзгаднення пытанняў, звязаных з капітуляцыяй усёй Квантунскай арміі, у суправаджэнні асоб, выбраных японскім камандаваннем, на савецкім самалёце адправіцца на камандны пункт камандуючага 1-м Далёкаўсходнім фронтам. Х. Хата прыняў гэтую прапанову. У выніку перагавораў 19 жніўня камандаванне Квантунскай арміі аддало загад аб спыненні баявых дзеянняў. Толькі пасля гэтага ў Маньчжурыі пачалася масавая капітуляцыя японскіх войск [10, с. 688].

Гераічная біяграфія і ў актыўнага ўдзельніка вайны з Японіяй беларуса Гарчанкі Аляксандра Рыгоравіча. У жніўні 1945 г. батальён марской

пяхоты, у якім служыў Гарчанка, вёў бой за вызваленне горада Сейсін ад японскіх захопнікаў. Рота аўтаматчыкаў авалодала важнай вышыняй. Японцы некалькі разоў контратакавалі. Не дасягнуўшы поспеху, вырашылі пайсці на хітрасць. Каля 200 чалавек пераапануліся ў сялянскую вопратку, зайшлі ў тыл да нашых байцоў і адкрылі агонь. Гарчанка забяспечваў аўтаматчыкаў баепрыпасамі, не раз сам браўся за зброю, выручаючы таварышаў у самых крытычных моманты. Варожая куля ў гэтым баі абарвала жыццё нашага адважнага земляка [11, с. 535].

Заклучэнне. Такім чынам, удзел беларусаў і ўраджэнцаў Беларусі ў савецка-японскай вайне 1945 г., як мы бачым, быў вельмі актыўны. Нашы воіны-беларусы гераічна і самаахварна змагаліся на Далёкім Усходзе за канчатковае спыненне самай крывавай за ўсю гісторыю чалавецтва вайны.

Літаратура

1. Деборин, Г. А. Вторая мировая война. Военно-политический очерк / Г. А. Деборин. – М.: Воениздат, 1958. – 150 с.
2. Тегеран-Ялта-Потсдам: сборник документов. – 2-е изд. – М., 1970. – 248 с.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. / М.: Воениздат, 1963. – Т. 5. Победоносное окончание войны с фашистской Германией. Поражение империалистической Японии (1945 г.). – 545 с.
4. Освободительная миссия советских вооруженных сил во второй мировой войне / под ред. маршала А. А. Гречко. – М.: Политиздат, 1974. – 378 с.
5. Война 1941–45 гг. Факты и документы / Е. Кульков, А. Ржешевский; под ред. профессора А. Ржешевского. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 356 с.
6. Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. – Мінск, 2002. – 532 с.
7. Навечно в сердце народном. – Мінск: Бел. сов. энциклопедия, 1984. – 380 с.
8. Большая советская энциклопедия. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 630 с.
9. Беларуская ССР. Кароткая энцыклапедыя. – Мінск, 1981. – Т. 5. Біяграфічны даведнік. – 480 с.
10. «Памяць»: Калінкавіцкі р-н: гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. – Мінск: Ураджай, 1998. – 624 с.

УДК 811.161'373.6

В. А. Кузьміч, заг. кафедры

ГРАМАДЗЯНСКА-ПАТРЫЯТЫЧНАЕ ВЫХАВАННЕ АСОБЫ ЯК АСНОВА ІДЭАЛАГІЧНАГА ЗМЕСТУ ВУЧЭБНА-ВЫХАВАЎЧАГА ПРАЦЭСУ

The article is concerned with value oriented educational work in high school. Emphasis rests on such elements of upbringing process as civicism and patriotism. Experience of Belarusian language department of BSTU in practical realization of value oriented approach is analyzed here. Particularly, such a factors of civic and patriotic activity, as pedagogical cooperation of all participants of educational process, its content and actual filling, lecturer's personality and his or her civic attitudes. Basic universal values are formulated here that underlie an ideological content of upbringing process.

Уводзіны. Прыярытэтным напрамкам ідэалагічнай і выхаваўчай працы ў 2008/2009 вучэбным годзе ў вышэйшых навучальных установах застаецца грамадзянска-патрыятычнае выхаванне, накіраванае на засваенне агульначалавечых гуманістычных каштоўнасцей, культурных і духоўных традыцый, фарміраванне гатоўнасці да выканання грамадзянскага абавязку, патрэбы ў працы дзеля грамадскага дабрабыту.

Паняцце *грамадзянскасці* ўключае ў сябе гатоўнасць і здольнасць асобы актыўна ўдзельнічаць у справах грамадства і дзяржавы, усвядомлена карыстацца правамі, свабодамі, выконваць ускладзеныя абавязкі і грамадскія функцыі. У першую чаргу гэта законапаслухмянасць, патрыятычная адданасць, абарона інтарэсаў Радзімы, арыентацыя на духоўна-маральныя каштоўнасці ва ўсіх сферах жыцця. Як адзначае міністр адукацыі Беларусі А. М. Радзькоў, «наша задача – абапіраючыся на лепшыя ўзоры гісторыі, прапагандуючы іх, паказаць перавагу беларускага ладу жыцця, яго прымальнасць і прывабнасць для моладзі».

Галоўным элементам грамадзянскасці з'яўляецца *патрыятызм* як духоўна-маральнае пачуццё, якое праяўляецца ў клопаце аб інтарэсах краіны, гонары за яе дасягненні, павазе да гістарычнага мінулага Радзімы і яе традыцый.

Асноўная частка. Калектыў кафедры беларускай мовы, які неаднаразова канкрэтнымі справамі пацвярджаў свой высокі прафесіяналізм, творчую актыўнасць, адданасць роднай краіне, шчырасць і ідэйную перакананасць, з высокай адказнасцю ставіцца да грамадзянска-патрыятычнага выхавання моладзі. Асабліва прадуктыўнасць працы кафедры дасягаецца дзякуючы педагагічнаму супрацоўніцтву ўсіх удзельнікаў выхаваўчага працэсу. У рэчышчы выканання дзяржаўных задач працуе творчае студэнцкае аб'яднанне «Пошук», прадстаўленае гурткамі «Памяць», «Спадчына», «Пазнай

свой край», «Мая Радзіма – Беларусь», «Патрыёт», «Крыніца», «Выток», літаратурным клубам «Ветліца», якія спрыяюць выяўленню таленавітай моладзі і стымулююць яе да навуковай і творчай актыўнасці. Толькі за 2008 навучальны год удзельнікамі аб'яднання пад кіраўніцтвам выкладчыкаў кафедры праведзены канферэнцыі па наступнай тэматыцы: «Халакост: памяць і перасцярога», «Гісторыя маёй сям'і – адна са старонак шматвяковай гісторыі краіны», «Той люд жыве, што свае песні мае», «Язык и культура», «Вайна вачыма маладых». На рэспубліканскія конкурсы студэнцкіх навуковых прац прадстаўлена 31 работа і 5 – на міжнародныя. Іх тэматыка прысвечана выхаванню грамадзянскасці і патрыятызму, напрыклад: «Гістарычныя постаці Піншчыны», «Памяць людская ўсё зберагла» і інш.

Сённяшняя Беларусь мае патрэбу ў грамадзяніне-патрыёце, які найперш усведамляе сваю адказнасць за лёс Радзімы, ганарыцца яе мінулым, шануе нацыянальныя традыцыі. Разам са штодзённай працай па выхаванні патрыятызму асабліваю значнасць набываюць такія лёсавызначальныя падзеі, якія не ў праве забываць ніхто з нас. У 2008–2010 гг. адзначаецца 65-гадзіна вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне. Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 25.02.2008 г. № 110 «Аб падрыхтоўцы і правядзенні святкавання 65-й гадавіны вызвалення Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне» быў створаны Рэспубліканскі арганізацыйны камітэт на чале з Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкам. Згодна з Указам, зацверджаны план падрыхтоўкі і правядзення святкавання, на аснове якога Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь распрацаваны план мерапрыемстваў і даве-

дзены да ўсіх адукацыйных структур. У гэтым рэчышчы кафедра беларускай мовы распрацавала ўласнае ідэалагічнае напаўненне да гэтай знамянальнай даты. Святкаванне 65-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і Перамога савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне – магутны стымул грамадзянска-патрыятычнай актыўнасці студэнцкай моладзі. Менавіта памяць пра цяжкія выпрабаванні Вялікай Айчыннай вайны, масавы гераізм савецкага народа на франтах і ў партызанскіх атрадах, яго самаахвярная праца ў тыле, масавае супраціўленне нацысцкаму рэжыму пакладзены за аснову творчага праекта «Вялікая Айчынная вайна вачыма маладых». Мэтай праекта з’яўляецца ўсведамленне моладдзю подзвігу савецкага народа ў змаганні супраць фашысцкай агрэсіі, асэнсаванне гістарычных этапаў умацавання беларускай незалежнасці і дзяржаўнасці. Ставілася задача выхавання грамадзян з высокай ідэалагічнай свядомасцю, здольных абараніць сваю Радзіму ад пагроз сучаснасці. Дзеючы праект адлюстроўвае падрыхтоўку кафедры беларускай мовы да святкавання 65-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне. Распрацаваны план мерапрыемстваў да 65-годдзя, які прадугледжвае выкарыстанне розных форм выхаваўчай працы: пошукавую і валанцёрскую дзейнасць, музейныя заняткі, экскурсіі і падарожжы па месцах баявой славы, падрыхтоўку юбілейнага выпуску літаратурнага альманаха, выступленні агітбрыгад, мастацкіх калектываў перад ветэранамі Вялікай Айчыннай вайны. Праводзіцца пастаянна дзеючы конкурс радаводаў і даследаванняў «Вялікая Айчынная вайна праз лёс маёй сям’і».

Наладжаныя студэнцкія канферэнцыі дазволілі выявіць пераможцаў, працы якіх былі накіраваны на Рэспубліканскі конкурс творчых прац навучэнцаў і студэнтаў па грамадазнаўчых навукх «Вялікая Айчынная вайна ва ўдзячнай памяці беларускага народа». Тэматычная разнастайнасць, глыбокае змястоўнае і фактаграфічнае напаўненне даследаванняў сведчаць аб глыбокай ідэалагічнай сталасці сучаснай моладзі, разуменні імі ролі савецкага народа ў вызваленні Еўропы («Вялікі подзвіг народа», «Маладзечаншчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны», «Вялікая Айчынная вайна вачыма маладых», «Вусная народная творчасць – натхняльнік перамогі» і інш.).

У кастрычніку бягучага года ў Мінску і іншых гарадах краіны праведзены дні памяці, прысвечаныя 65-годдзю знішчэння Мінскага гета. З мэтай засваення важнасці ўрокаў Халакосту выкладчыкамі кафедры наладжана пошукавая і краязнаўчая праца па даследаванні тэмы «Халакост. Гісторыя і сучаснасць. Урокі тале-

рантнасці». Падрыхтаваны праект «Халакост: памяць і перасцярога», у межах якога была праведзена канферэнцыя па згаданай тэме (з удзелам консула Дзяржавы Ізраіль у Беларусі Ігалья Койфмана), арганізавана выстава памяці ў Ізраільскім культурным цэнтры (прадстаўлена 30 творчых праектаў). На Рэспубліканскі конкурс накіравана 19 творчых прац. Па выніках удзелу ў конкурсе званне лаўрэата атрымалі студэнты факультэта выдавецкай справы і паліграфіі Машук Марыя, Ісаеў Дзмітрый, Шэмель Юлія; Спецыяльнага прыза ўдасцеоны Адамовіч Вольга, Махлай Ірына, Міхалёнак Анастасія; Дыпломам і ўзнагароджаны Аляксеева Алена, Баханко Таццяна, Брэль Таццяна, Дударэвіч Соф’я, Кавальчук Марына, Кутас Вераніка, Шушкевіч Дар’я. Шэраг студэнтаў атрымалі Пахвальныя лісты. Выхаваўчая праца ў дадзеным напрамку дапамагае лепш зразумець рэаліі нашага часу, развівае талерантныя адносіны да людзей розных нацыянальнасцей, садзейнічае выхаванню грамадзянска-патрыятычных пачуццяў, непрыманню насілля, генацыду.

Патрыятычнае выхаванне – гэта не толькі ўмацаванне гістарычнай памяці, але і сцвярдзенне стваральнай працы беларускага народа па развіцці нацыянальнай эканомікі, захаванні нацыянальнай культуры. 2009 год абвешчаны Прэзідэнтам краіны годам роднай зямлі, што надае новае гучанне дзяржаўным акцыям і праграмам «Жыву ў Беларусі і тым ганаруся» (стартвала 7 чэрвеня 2006 г. у горадзе Крычаве Магілёўскай вобласці), «Моладзь Беларусі», «Маладыя таленты Беларусі», выкананне якіх з’яўляецца прыярытэтным у галіне ідэалагічнага выхавання моладзі. Распрацоўка такіх праектаў, як «Беларусь – краіна тваёй будучыні», летапіс «Камсамол БДТУ ў асобах і справах», «БДТУ і яго роля ў сацыяльна-эканамічным жыцці краіны», правядзенне конкурсаў на лепшую творчую працу «Табой, Радзіма, ганаруся», радаводаў «Гісторыя майго роду ў лёсе Радзімы», распрацоўка лепшага экскурсійнага маршруту па малой радзіме студэнтаў, правядзенне тэматычных выстаў, прысвечаных Году роднай зямлі, Дню маці, экскурсій па роднай зямлі, тэматычных канферэнцый, выступленні агітбрыгад напаўняюць ідэалагічную працу высокім патрыятызмам і тэматычным багаццем.

Пэўныя змены па ўдасканаленні грамадзянска-патрыятычнага выхавання адбываюцца і ў вучэбным працэсе. Так, у адпаведнасці з бягучымі ідэалагічнымі патрэбамі няспынна актуалізуецца змястоўнае напаўненне вучэбных дапаможнікаў па гуманітарных дысцыплінах. Падрыхтаваны адпаведныя вучэбна-метадычныя комплексы.

Вялікая ўвага на кафедры надаецца ўдасканаленню асобы выкладчыка, які павінен быць прыкладам грамадзянскасці і патрыятызму для студэнтаў. Выкладчыкі кафедры няспынна працуюць над

павышэннем свайго прафесійнага майстэрства і паглыбленнем ідэалагічнай свядомасці. Так, напрыклад, дзякуючы руплівай працы кіраўніка літаратурнага клуба «Ветліца», ст. выкладчыка Н. Я. Савіцкай выдадзена 5 выпускаў літаратурнага альманаха «АВЕ». Рыхтуецца да друку юбілейнае выданне да 65-годдзя Перамогі. Асноўнай задачай літаратурнага клуба «Ветліца» з’яўляецца выкарыстанне творчага патэнцыялу студэнцтва ў ідэалагічнай і выхаваўчай працы універсітэта. Дзейнасць літаратурнага клуба арыентавана на выкананне канкрэтных задач па прапагандзе дзяржаўных моў, нацыянальнай культуры, заснаваных на спрадвечных нацыянальных традыцыях.

Па выніках Рэспубліканскага конкурсу-агляду ідэалагічнай і выхаваўчай працы вышэйшых навучальных устаноў у ліку пераможцаў адзначаны праект «Сям’і маёй пачатак», падрыхтаваны выкладчыкам Т. У. Жукоўскай. Дыплом II ступені Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь і Спецыяльны прыз часопіса «Роднае слова» – такая высокая адзнака працы выкладчыка, яе ўкладу ў агульную скарбонку перамог універсітэта па выхаванні студэнцкай моладзі. Як кіраўнікі навуковых прац са студэнтамі станоўча сцвердзілі сябе кандыдат філалагічных навук, дацэнт Т. М. Федарцова, ст. выкладчык Р. В. Місюк, ст. выкладчык Т. А. Казлякова. Іх студэнты неаднаразова атрымлівалі дыпламы Спецыяльнага фонду Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь I–III катэгорыі. Варта адзначыць найлепшыя вынікі куратарскай дзейнасці выкладчыкаў В. М. Гусевай, Т. У. Жукоўскай, Т. М. Федарцовай, Т. А. Казляковай.

Можна з упэўненасцю сцвярджаць, што для студэнтаў, якіх навучаюць выкладчыкі кафедры беларускай мовы, стала надзённай патрэбай жыць актыўным жыццём, удзельнічаць у разнастайных праектах, праводзіць даследаванні аб родным краі, малой радзіме, ушаноўваць памяць аб гераічным мінулым нашага народа. Безумоўна, прыкладам для студэнцкай моладзі павінна быць асоба выкладчыка, яго грамадзянская пазіцыя, высокі ўзровень ідэйнай перака-

нанасці, вернасць Бацькаўшчыне.

Заклучэнне. Выхаванне грамадзяніна Беларусі – дзяржаўная задача. Таму з мэтай стварэння неабходных умоў для фарміравання выхаваўчых сістэм, арыентаваных на развіццё сацыяльна-развітай і творчай асобы, Пастаяннай камісіяй Палаты прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь па адукацыі, культуры, навуцы і навукова-тэхнічным прагрэсе падрыхтаваны праект Мадэльнага закона «Аб выхаванні дзяцей і моладзі». Прыняцце такога закона выведзе грамадзянска-патрыятычнае выхаванне на новы, міждзяржаўны ўзровень, што, у сваю чаргу, запатрабуе ад педагогаў больш шырокага і прафесійнага разумення сваіх абавязкаў па выхаванні моладзі.

Такім чынам, грамадзянска-патрыятычнае выхаванне – гэта працэс, заснаваны на агульначалавечых каштоўнасцях. Да прыярытэтных каштоўнасцей беларусаў адносяць беларускую дзяржаўнасць, веданне ўласнай гісторыі і нацыянальных звычаяў, культуры і мовы. Паводле нямецкага мовазнаўцы і філосафа Вільгельма фон Гумбальта, «мова народа ёсць яго дух, і дух народа ёсць яго мова, і цяжка ўявіць сабе штосьці больш тоеснае». А яшчэ – агульначалавечыя ідэалы добра, праўды, справядлівасці. Усё гэта складае грамадзянскасць і патрыятызм, якія з’яўляюцца неабходнай умовай дабрабыту і стабільнага развіцця кожнага народа.

Літаратура

1. Концепция воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь // Настаўніцкая газета. – 2000. – 22 февраля.
2. Непрерывное воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь. Концепция, Программа на 2006–2010 годы. – Минск: НИО, 2007. – 64 с.
3. Буткевич, В. В. Гражданское воспитание детей и учащейся молодежи: пособие для руководителей учреждений образования, педагогов, классных руководителей и студентов / В. В. Буткевич. – Минск: НИО, 2007. – 280 с.

Р. В. Міксюк, ст. выкладчык

ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА І ЯЕ АСЭНСАВАННЕ СТУДЭНЦКАЙ МОЛАДЗІУ

This article deals with scientific and creative works made by BSTU students and dedicated to the Great Patriotic war. The meaning of historic memory in civil and patriotic upbringing of students is analysed here on the material of their works. A variety of themes represented in student's work gives evidence of high morality of students and their fidelity to the Fatherland.

Уводзіны. Ідэалагічная і выхаваўчая праца ў вышэйшых навучальных установах на сённяшні дзень з'яўляецца адным з прыярытэтных напрамкаў на шляху ўмацавання беларускай дзяржаўнасці. Найважнейшая мэта выхаваўчай дзейнасці – фарміраванне адданасці дзяржаўнай ідэалогіі, якая грунтуецца найперш на грамадзянска-патрыятычным і ідэйна-маральным выхаванні студэнцкай моладзі.

На аснове ідэй гуманізму, дабра і справядлівасці ў Беларускім дзяржаўным тэхналагічным універсітэце праводзіцца мэтанакіраваная праца па фарміраванні ў навучэнцаў каштоўнасных арыентацый. Студэнтам прапануваецца напісаць навуковыя і творчыя працы па пэўна вызначанай тэматыцы, раскрыццё зместу якой патрабуе ад студэнтаў разумення канкрэтнай з'явы, канкрэтных падзей. Моладзь павінна ведаць гісторыю і разумець праблемы сучаснага развіцця краіны і свету, усведамляць небяспеку ксенафобіі, шавінізму, неанацызму, антысемітызму.

Асноўная частка. Шмат навуковых і творчых студэнцкіх прац штогод накіроўваецца на міжнародныя, рэспубліканскія, прэзідэнцкія конкурсы, падаецца на выставы.

Спынімся на разглядзе студэнцкіх творчых прац, прысвечаных падзеям Вялікай Айчыннай вайны.

Мінае 65-ы год з Дня Перамогі нашага народа ў Вялікай Айчыннай вайне, аднак мы зноў і зноў вяртаемся да тых грозных і гераічных падзей 1941–1945 гг. Відавочна, што чым далей у гісторыю адыходзіць той ваенны час, тым больш праблемных пытанняў ўзнікае вакол іх. Моладзь цікавіцца прычынамі ўзнікнення другой сусветнай вайны, якія паўплывалі на адступленне Чырвонай Арміі ў 1941 г., роляй народаў СССР у Вялікай Айчыннай вайне, некаторымі аспектамі партызанскага руху, халакостам, калабаранствам і шматлікімі іншымі пытаннямі. Безумоўна, не апошняй з'яўляецца і праблема вытокаў перамогі, бо далёка не тайнымі сталі звесткі пра негатыўныя з'явы ў эканамічным і палітычным жыцці былога СССР. Часам нават здзіўляе, якой цаной была заваявана перамога.

Вядома, наша моладзь павінна чытаць мастацкую літаратуру, праграмную і непраграмную. Тэма вайны ў літаратуры застаецца заўсёды актуальнай. Письменнікі спрабуюць данесці

да чытача ўсю праўду, якой бы яна ні была. Са старонак твораў можна даведацца, што вайна – гэта не толькі радасць перамогі і горыч паражэння, а яшчэ і суровыя будні, напоўненыя крывёй, болем, насілле. Многія письменнікі самі прайшлі цяжкі салдацкі шлях, але кожны з іх па-свойму спрабуе зразумець, чаму чалавек здзяйсняе падзвіг, дзе яго маральныя вытокі. Аднак студэнты ў сваіх працах у большасці падкрэсліваюць, што дазнаюцца шмат новага пра жахі вайны «без прыўкрас» з запісаў або ўспамінаў сваіх родных – ветэранаў Вялікай Айчыннай вайны: «Кожны расказ дзядулі пра баі, палон, пабег, шпіталь змянілі мой погляд на вайну. Я ўбачыў яе сапраўдны твар», «Аповед дзядулі пра ваенныя дзеянні партызан так кранулі мяне, што я нават паставіў сябе на яго месца, умоўна выконваў даручэнні, вырашаў жыццёва важныя пытанні».

На думку псіхолагаў, гісторыя, а тым больш ваенная, успрымаецца сёння маладым пакаленнем менавіта праз лёсы людзей, праз пераадоленыя імі выпрабаванні і перажытыя пакуты. І мы маем шанец не толькі па мастацкіх творах і кінастужках раскажаць пра вайну і яе ўздзеянне на лёс мільёнаў людзей, на разуменне цаны Перамогі, мірнага жыцця, на асэнсаванне свайго асабістага «я» як грамадзяніна незалежнай Беларусі. Гэту магчымасць моладзі даюць сустрэчы з яшчэ жывымі сведкамі вайны.

Пры разглядзе студэнцкіх прац вызначаецца тое асноўнае, што найбольш уражае моладзь. Найперш, гэта канцлагеры і халакост. У студэнцкіх працах падкрэсліваецца, што ідэалагічнай асновай злачынстваў фашыстаў стала «расавая тэорыя», якая абвясціла ўладарства адной нацыі над другой, тэорыя расшырэння «жыццёвай прасторы» для немцаў і права на сусветнае панаванне трэцяга рэйха. Усю тэрыторыю Беларусі фашысты імкнуліся ператварыць ў месца масавага знішчэння людзей. Загадка распрацаваная гітлераўцамі праграма прадугледжвала стварэнне цэлай сістэмы канцэнтрацыйных лагераў, філіялаў і аддзяленняў. Толькі ў нашай рэспубліцы іх было 260. Самымі вялікімі былі Азарычы і Трасцянец.

У працы «Мы – тысячы ахвяр на трасцянецкім полі» студэнтка даследуе месцы, дзе знішчалі вязняў. У Трасцянецкім было іх некалькі: урочышча Благоўшчына – месца масавых растрэлаў;

сам лагер Трасцянец; урочышча Шашкоўка – месца масавага спальвання людзей. Відаць, што яе вельмі ўражаюць успаміны былых вязняў Трасцянца – жывых сведкаў падзей: «Тут, на трасцянецкім полі, дзе ні капні рыдлёўкай, абавязкова наткнешся на чалавечыя косці», «Мне было 15 гадоў. Памятаю, што зімой 1942 года ў Трасцянец пачалі прыбываць эшалоны. Людзей разгружалі асобна, рэчы таксама асобна. Рэчы адвозілі ў хлеў, а людзей у душагубках – у Благоўшчыну», «Яма, у якой спальвалі людзей, знаходзілася тут. Калі ісці з Малога Трасцянца, дык крыху правей ад дарогі да дзіцячага дома выйдзеш да яе. Пры гэтым трэба мінуць агароды, «угноенныя» попелам спаленых вязняў з Мінска, Варшавы, Гамбурга і іншых мясцін, прайсці каля лазні, дзе гестапаўцы не толькі адмывалі сябе ад крыві і смуроду, але і тварылі свае чорныя справы, пасадыцку забіваючы асуджаных імі на пагібель людзей, мінуць поле, паўсюдна ўскапанае пад зямлянкі і норы, у якіх у той час туліліся ахвяры. Сёння тут яшчэ трапляюцца астаткі рознага ржавага посуду, дарослага і дзіцячага абутку, прадметаў быту замучаных».

З першых дзён Вялікай Айчыннай вайны беларуская зямля ператварылася ў сапраўдную бойню мірнага насельніцтва і ваеннапалонных. Пацярпелі ўсе народы Беларусі – беларусы, яўрэі, рускія, палякі, татары і інш. Загінуў кожны трэці. Але ў працэнтных адносінах больш за ўсіх пацярпелі беларускія яўрэі. Да канца вайны ахвярамі халакосту сталі 715 тысяч яўрэяў. 500 месцаў знішчэння яўрэяў адзначана на Беларусі.

Да тэмы халакосту звярнуліся дзесяткі студэнтаў універсітэта. У працах «Мінскае гета», «Халакост і Барысаўшчына», «Глыбоцкае гета», «Ілье» і іншых усвядомлены гераічныя і трагічныя старонкі Вялікай Айчыннай вайны, раскрыты трагедыі яўрэйскага народа на тэрыторыі Беларусі, асуджаны фашызм як агідная і бесчалавечная з’ява.

Вось што піша студэнтка ў працы «Ваўкавыскае гета. Жыццё і смерць»: «Я толькі што скончыла працаваць над рэфератам, тэмай якой было вывучэнне арганізацыі, дзейнасці і ліквідацыі Ваўкавыскага гета. Я заўсёды ведала, што Вялікая Айчынная вайна забрала мільёны людзей. Я разумела, што гэта не проста лічбы, гэта лёсы людзей, якія таксама радаваліся і сумавалі, смяяліся і плакалі, стваралі сем’і, нараджалі дзяцей. Тут, у маім родным Ваўкавыску, адбываліся жудасныя падзеі. Тут катавалі і забівалі безабаронных людзей толькі за тое, што яны былі яўрэямі. Іх закопвалі ў зямлю яшчэ жывымі. Па ўспамінах сведкаў, яшчэ некалькі дзён шавялілася тая зямля... У 1939 г. ў Ваўкавыску пражывала 13 тысяч яўрэяў. Пасля вайны ў жывых засталася каля двух дзесяткаў чалавек».

З прац па Халакосце відаць, што маладое пакаленне мае ўласную думку пра тое, што адбылося ў жыцці яўрэйскага народа. Галоўнае, што яны спрычыніліся да людскога гора. Гэта разуменне патрэбна не толькі для асэнсавання сучасных падзей, не толькі для барацьбы з ідэалогіяй нацызму і неафашызму, экстрэмізму і тэрарызму. Злачынствы супраць чалавецтва нельга апраўдаць ніякім часам даўнасці.

Многія студэнты да тэмы Вялікай Айчыннай вайны звяртаюцца невыпадкова. Амаль у кожнай беларускай сям’і загінулі блізкія людзі, якія застаюцца прыкладам мужнасці і подзвігу. Памяць пра іх будзе захоўвацца ў сэрцах стагоддзямі.

Вось што піша студэнтка ў працы «Жывы»: «Прайшло шмат часу. Тыя жудасныя дні не вернуцца. Здаецца, даўно пара забыць... Але тыя, хто прайшоў праз агонь вайны, не могуць выкінуць з памяці ўсё тое, што незагойнай ранай таіцца ў душы, помніцца і па-ранейшаму баліць».

Не абышла вайна і маю сям’ю, маіх блізкіх. Бабуля і дзядуля, хоць і былі тады падлеткамі, у падрабязнасцях памятаюць гады вайны: і бамбёжкі, і злых фашыстаў, і матчыны слёзы. Таму я не магу застацца абыякавай да тых падзей, бо менавіта яны адабралі тых родзічаў, якіх я ніколі не бачыла і не ўбачу. Яны ўсе для мяне – героі. Героі, якія змаглі вытрымаць тое, што спаслаў ім лёс. Яны адважна змагаліся з ворагам і ратавалі нашу зямлю. І кожны з іх унёс свой маленькі кавалачак у агульную перамогу. Яны далі нам, маладым, шанс на далейшае жыццё, на будучыню. Я памятаю пра іх і паважаю. Дзякуй вам за перамогу!»

Подзвігу народа прысвечана шмат прац. Яркай сярод іх з’яўляецца праца «Подзвіг народа – подзвіг кожнага», у якой аўтар раскрывае ўсенародны подзвіг, мацуе гонар як за асобных людзей, так і за ўвесь народ. Адзначым некаторыя радкі з працы:

– Вялікі ўклад у перамогу над ворагам унесла навука. Дзякуючы вучоным, канструктарам наша тэхніка дасягнула высокага развіцця, што мела вялікае значэнне для хуткага ўзняцця эканомікі краіны, удасканалення ўзбраення для Чырвонай Арміі.

– Неабходна ўспомніць слаўных байцоў 17-га Брэсцкага, 87-га Ламжынскага... партызанскіх атрадаў, якія раніцай 22 чэрвеня 1941 года прынялі няроўны бой з вялікімі сіламі ворага.

– З жорсткімі баямі ў мароз і спёку, у дождж і слату «прайшла паўзямлі» ад Волгі да Эльбы наша пяхота.

– Нязгаснай славай пакрыты баявыя знамяны савецкага Ваенна-Марскога Флота.

– Вечная пашана і слава любімцам народа – лётчыкам.

– Бясстрашнымі былі подзвігі танкістаў.

– Паклонімся і выкажам падзяку артылерысту – «Богу вайны».

– Нашы разведчыкі пастаянна і надзейна снабжалі камандаванне даставернай інфармацыяй пра варажыя войскі.

– «Чорнарабочымі» вайны называлі сапёраў.

– Сувязісты злучалі падраздзяленні і часці ў адзіны зладжаны механізм.

– Ваенныя медыкі, медсёстры, санітары сваёй беззаветнай працай, ласкай вярнулі ў строй тысячы байцоў і камандзіраў.

– Ніколі не сатруцца ў народнай памяці слаўныя подзвігі беларускіх партызан і падпольшчыкаў.

Вядома, у тых, хто перажыў вайну, памяць пра яе ніколі не згасне. Важна захаваць яе ў нашчадкаў, важна выхаваць такое пачуццё павагі да тых, хто загінуў у імя іх жыцця. Важна, каб маладога чалавека хвалявала кожны раз, калі ў яго рукі трапіць франтавая фатаграфія, што наўвекі спыніла імгненне атакі ці кароткага зацішша паміж баямі, або кадры ваеннай кінахронікі, салдацкае пісьмо з перадавой, прызначанае тады толькі блізкім людзям, а сёння абпальвае суровай праўдай часу сэрцы ўсім.

Шмат увагі нададзена тэме мастацтва ў час Вялікай Айчыннай вайны. Уражвае падборка і аналіз плакатаў ваеннай пары, якія натхнілі байцоў і працоўных тылу, выклікаючы нянавіць да заваёўнікаў і ўмацоўваючы веру ў Перамогу. А знішчальная зброя сатыры Кукрыніксаў неадольна біла ворага, усяляючы ў салдат і афіцэраў нашай арміі, усіх савецкіх людзей пачуццё свяшчэннай нянавісці да фашызму, пачуццё ўпэўненасці ў сабе. Ужо на трэці дзень вайны з’явіўся на вуліцах гарадоў краіны плакат Кукрыніксаў «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!». Мастакі разумелі, што плакат павінен выйсці своечасова.

Гэтыя плакаты – не толькі гісторыя. Яны і сёння ў нашым духоўным арсенале, бо служаць выхаванню патрыятызму ў новых пакаленняў людзей. Яны расказваюць пра мужнасць і гераізм народа, які самааддана любіць Радзіму, а таксама служаць напамінкам тым, хто выношвае агрэсіўныя планы.

Студэнтаў таксама цікавіць высокі творчы ўздым, які адбыўся ў гады вайны ва ўсіх відах мастацтва. Стварэнне музычных, літаратурных твораў, твораў выяўленчага мастацтва ў гады цяжкіх выпрабаванняў, гастролі тэатральных калектываў у дзеючай арміі, навукова-папулярная і культурна-асветніцкая праца музеяў, біб-

ліятэк з’яўляюцца адной з цікавых старонак культурынага жыцця ў часы вайны. Вартымі ўвагі застаюцца шматлікія лірычныя і маршавыя песні, якія падымалі народ на барацьбу з ворагам. Артыстычныя брагады за гады вайны далі 450 тысяч канцэртаў для франтавікоў. Часам яны выступалі па 3–4 разы ў дзень – і часта пад агнём праціўніка.

Адзначым, што ў некаторых студэнцкіх працах даецца спроба самастойнага аналізу значэння вывучэння тэмы Вялікай Айчыннай вайны, патрыятычнага выхавання: «Сустрэкаючыся з людзьмі, сведкамі ваеннага ліхалецця, разумееш, якім вялікім выпрабаваннем для чалавецтва была вайна», «Зразумела, што ёсць шмат мастацкіх твораў і кінастужак, прысвечаных ваеннай тэматыцы, якія адлюстроўваюць жудасную карціну тых гадоў, паказваюць гераізм, мужнасць і самаахварнасць нашых землякоў у імя Перамогі. І для нас, сённяшняга пакалення, вельмі важна ведаць гісторыю нашага народа, бо пераемнасць пакаленняў, напэўна, самае галоўнае ў жыцці любога грамадства».

Заклучэнне. Пры аналізе студэнцкіх прац, прысвечаных падзеям Вялікай Айчыннай вайны, заўважана, што пры наяўнасці разнастайных стратэгічных пытанняў іх цікавіць асабістая роля ў вайне сваіх родных і блізкіх людзей, сваіх землякоў, а таксама жыццё ў гады вайны таго куточка зямлі, на якім яны нарадзіліся і выгадаліся. Гэта і ёсць самае важнае ў ідэалагічным і патрыятычным выхаванні, бо любоў да роднай зямлі, да сваёй краіны, да свайго народа пачынаецца з выхавання любові да сваёй малой зямлі, да сваіх родных людзей. Толькі тады моладзь спрычыніцца да гора іншых краін, іншых людзей, адчуе іх боль. Кожны малады чалавек ў нялёгкае час будзе абараняць менавіта сваю малую і, канечне ж, сваю вялікую Радзіму.

Важнай задачай у патрыятычным і інтэрнацыянальным выхаванні моладзі застаецца фарміраванне гістарычнага мыслення і ўсведамлення ролі Беларусі ў захаванні міру і спакою на зямлі, у фарміраванні дэмакратычных і гуманых поглядаў.

Такім чынам, пры вызначэнні зместу лекцыйных ці практычных заняткаў, пры напісанні навуковых даследаванняў па ваеннай тэматыцы выкладчыку трэба памятаць, што кожная тэма, акрамя знаёмства з гістарычнымі падзеямі, фактамі, павінна выходзіць у моладзі патрыятызм і інтэрнацыяналізм.

ПРАЕКТ ЯК АДНА З ІНАВАЦЫЙНЫХ ФОРМ АРГАНІЗАЦЫІ ВУЧЭБНА-ВЫХАВАЎЧАГА ПРАЦЭСУ

One of the generally recognized educational goals in domestic pedagogy is the development of rational and critical thinking. In organization of educational process its importance attributes to formation of intellectual skills and cognitive search. Project method helps to solve a range of tasks of personality-oriented pedagogy. In this article we illustrate one of the innovative forms of critical thinking development on practical examples – a project that reflects the implementation of personal creative students' abilities in the process of search and research activity.

Уводзіны. Сёння, калі інтэнсіўна расце ўдзельная вага творчай, даследчай, самастойнай працы студэнтаў, важным накірункам развіцця сістэмы адукацыі з'яўляецца распрацоўка новых канцэптуальных інавацый, якія адрозніваюцца арыгінальнасцю, свежай ідэяй, нешаблонным і больш эфектыўным спосабам рашэння той ці іншай педагагічнай задачы.

Праектаванне – гэта адзін з відаў інавацыйнай дзейнасці, які развівае актыўнасць як студэнтаў, так і педагогаў. Слова «праект» запазычана з лацінскай мовы, яно паходзіць ад слова «proektus», што абазначае літаральна «выкінуты наперад». У сучасным тлумачэнні праект – гэта намер, які ажыццявіцца ў будучым; гэта форма праяўлення творчасці, арыгінальнасці інтэлекту, новых ідэй.

Асноўная частка. Праект як адна з інавацыйных форм арганізацыі вучэбна-выхаваўчага працэсу прымяняецца апошнім часам вельмі часта ў педагагічнай практыцы. А. І. Кочатаў разглядае яго як пэўную сістэму поглядаў пры мадэляванні нейкага працэсу ці з'явы, пры фармуляванні той або іншай задумкі педагога або калектыву. Асноўнай мэтай праектнай дзейнасці з'яўляецца фарміраванне творчага мыслення студэнтаў, бо менавіта творчыя, актыўныя людзі, здольныя да самарэалізацыі, запатрабаваныя ва ўсіх сферах нашага жыцця. Праектны метада дапамагае ў вырашэнні шэрагу задач асобасна-арыентаванай педагагікі: развівае пазнавальны інтарэс студэнтаў, уменне самім канструяваць свае веды, арыентавацца ў інфармацыйнай прасторы, аналізаваць атрыманую інфармацыю, самім прапаноўваць гіпотэзы, прымаць рашэнні.

Метад праекта дазваляе будаваць навучанне і выхаванне на актыўнай аснове праз мэтанакіраваную дзейнасць студэнта, арыентуючыся на яго асабісты інтарэс і практычную запатрабаванасць атрыманых ведаў. Дадзены метада прадугледжвае наяўнасць значымай для студэнта, выкладчыка праблемы, пошук шляхоў рашэння, практычнае ўвасабленне атрыманых вынікаў у працэсе дзейнасці.

Праект можа выконвацца індывідуальна, але часцей і эфектыўней – у калектыве. Важным момантам з'яўляецца падвядзенне студэн-

таў да самастойнай фармулёўкі праблемы і гіпотэзы яе рашэння. Выкладчык можа падказаць крыніцы інфармацыі або даць напраўленне для самастойнага пошуку. У выніку сумесных намаганняў студэнты павінны разгледзець праблему і пастарацца яе рашыць з дапамогай ведаў з розных галін.

Практыка паказвае, што галоўныя цяжкасці выклікае фармулёўка праблемы. Праблема часта падмяняецца тэмай абмеркавання, а гэта не адно і тое ж, так як праблема заўсёды будзеца на супярэчнасці і патрабуе некалькіх варыянтаў рашэння.

Прапануем асноўныя *патрабаванні* да выкарыстання метаду праекта ў вучэбна-выхаваўчым працэсе: наяўнасць у творчым вучэбным ці выхаваўчым плане праблемы, якая патрабуе інтэграваных ведаў, мерапрыемстваў; практычная, тэрэтычная, пазнавальная значнасць атрыманых вынікаў; самастойная (індывідуальная, калектывная) дзейнасць студэнтаў, выкладчыкаў; структураванне зместавай часткі праекта, г. зн. падзел праекта на этапы і размеркаванне абавязкаў паміж выканаўцамі; выкарыстанне даследчых метадаў («мазгавы штурм», «круглы стол»), якія прадугледжваюць вызначэнне праблемы; прапанова гіпотэз рашэння пастаўленых задач; абмеркаванне варыянтаў афармлення канчатковых вынікаў (прэзентацыя, відэакліп, даклад і інш.).

Праекты могуць быць некалькіх відаў: даследчыя (напрыклад, этнаграфічныя, анамастычныя, гісторыка-культурныя, радаводны і інш.); творчыя (напрыклад, «Беларуска эстрадная песня ў ацэнцы сучаснікаў», «У. Мулявін – сын зямлі адзінай»); інфармацыйныя; прыкладныя.

У рэальнай практыцы часцей за ўсё сустракаюцца змешаныя тыпы праектаў, якія называюць творчымі праектамі.

Праз праектную дзейнасць можна дасягнуць наступных мэт: развіць мысленне і логіку выкладання сваіх думак; сфарміраваць навыкі пошукавай навукова-даследчай працы; выхаваць адказнасць за выкананне пастаўленай задачы пры складанні праекта; прывіць навыкі вядзення дыскусіі, уменне аргументавана, карэктна адстойваць свой пункт гледжання; атрымаць канкрэтныя творчыя вынікі; праявіць

ўласную крэатыўнасць; развіць навыкі публічнага выступлення; выхаваць адказнасць за вынік індывідуальнай і калектыўнай працы.

Пры падрыхтоўцы праекта неабходна выразна разумець сэнсавае значэнне яго частак. Прапануем кароткі слоўнік некаторых тэрмінаў.

Ідэя – асноўны сэнс творчага праекта, які вынікае з усёй сістэмы частак праекта. Творчы праект можа мець грамадскую, выхаваўча-пазнавальную каштоўнасць толькі ў тым выпадку, калі аўтар адкрывае для грамадства нешта новае, дае сваё разуменне, сваё бачанне і тлумачэнне пэўнай з’явы.

Тэма – кола грамадскіх з’яў і звязаных з імі пазнавальна-выхаваўчых пытанняў, якія аўтар кладзе ў аснову зместу праекта.

Мэта – тое, што імкнучца ажыццявіць.

Праблема – гэта вострае грамадскае пытанне, якое аўтар ставіць і, зыходзячы са свайго светапогляду, вырашае ў творчым праекце.

Кампазіцыя – уся будова творчага праекта, размяшчэнне і спалучэнне асобных яго частак.

Этап – стадыя працэсу складання праекта.

Дасканалала валодаючы методыкай складання праекта, ведамі і навыкамі, складальнік больш яскрава можа выразіць сваю аўтарскую пазіцыю. Але нягледзячы на тое, што складальнік праекта разумее змест паняццяў «тэма», «мэта», «праблема», «ідэя» і г. д., іх вызначэнне і фармулёўка ў канкрэтным кантэксце часта выклікае цяжкасці. Таму такая праца павінна рэгулярна весціся на працягу ўсяго вучэбна-выхаваўчага працэсу. Перад выкладчыкамі востра стаіць пытанне ўдасканалення методыкі працы над складаннем праекта.

Прапануем свой алгарытм падрыхтоўкі праекта «Сям’і маёй пачатак», які быў прадстаўлены студэнцкім аб’яднаннем «Пошук» на Рэспубліканскім аглядзе-конкурсе на лепшую арганізацыю ідэалагічнай і выхаваўчай працы ў вышэйшай навучальнай установе Рэспублікі Беларусь і ўзнагароджаны Міністэрствам адукацыі Дыпломам II ступені. Алгарытм рэалізуецца праз наступныя складальнікі:

Назва праекта: «Сям’і маёй пачатак».

Праблема: павышэнне ролі сям’і ў выхаванні моладзі; сацыяльныя і маральныя падыходы да павышэння ўзроўню правіл існавання сучаснай сям’і, яе роля ў пабудове грамадскай стабільнасці, у вырашэнні дэмаграфічнай праблемы.

Аб’ект даследавання: стан сямейных адносін у гістарычным і сучасным аспектах.

Прадмет даследавання: гістарычныя і музейныя дакументы-сведчанні традыцыйнай сямейнай абраднасці, запісы захавальнікаў сямейных традыцый.

Мэта праекта: гістарычна-культурны аналіз ролі сямейных каштоўнасцей у развіцці цывілізацыі наогул і беларускай гісторыі ў прыватнасці. Усведамленне і прыняцце студэнтамі

такіх якасцей і каштоўнасцей, як павага правоў і асабістай годнасці кожнага члена сям’і, раўнапраўе, давер, адданасць, узаемадапамога і падтрымка адзін аднаго.

Задачы праекта: складанне культурных сямейных адносін; фарміраванне ў моладзі ўстановак здаровага ладу жыцця; падтрымка сям’і і яе ўмацаванне; павышэнне ролі сям’і і яе прэстыжу ў грамадстве; умацаванне маральных асноў сям’і; павышэнне культуры шлюбна-сямейных адносін; папярэджанне і вырашэнне праблем сямейных узаемадачынненняў; выкарыстанне творчых даследаванняў студэнтаў у вучэбна-выхаваўчым працэсе; інфармаванасць студэнтаў па пытаннях, якія звязаны з фарміраваннем сям’і, унутрысямейнымі адносінамі.

Метады даследавання: пошук, аналіз, сістэматызацыя і абагульненне вывучанага матэрыялу шляхам анкетавання, інтэрв’юіравання, апытання, працы ў архівах.

Інавацыйныя формы і метады ўкаранення праекта: асобасна-арыентаваны падыход (выкарыстанне праекта пры выкладанні гуманітарных дысцыплін); рэферыраванне (падрыхтоўка тэматычных дакладаў); вучэбныя дэбаты (свабодны абмен думкамі пры падрыхтоўцы праекта); бінарная лекцыя (лекцыя праводзіцца асноўным лектарам і запрошанымі гасцямі па заяўленай тэме. Напрыклад, пры правядзенні куратарам лекцыі на тэму «Сямейная палітыка ў Рэспубліцы Беларусь» былі запрошаны мнагадзетная маці і псіхолаг Жаночага інстытута «Энвіла»; відэазаняткі (выкарыстанне загадзя падрыхтаваных студэнтамі відэаматэрыялаў); партфолію (збор пісьмовых матэрыялаў, неабходных для падрыхтоўкі праекта); прафесійна-арыентаваныя сустрэчы (тэматычныя сустрэчы з пісьменнікамі, напрыклад, «Жаночыя вобразы ў мастацкай літаратуры»); музейна-экскурсійныя заняткі па тэме «Роля жанчыны ў гісторыі Беларусі»; крытычнае мысленне (уменне дыскутаваць, выказваць уласныя думкі на падзеі жыцця, пошук альтэрнатывы); «мазгавы штурм» (выкарыстоўваецца пры падрыхтоўцы праекта); самастойная праца (пошук архіўных матэрыялаў, дакументаў, запісы сямейнікаў).

Атрыманьня вынікі: даследаваны і творча апрацаваны малавядомыя звесткі традыцыйнай сямейнай абраднасці беларусаў у некаторых рэгіёнах краіны; падрыхтаваны навукова-творчыя працы, радаводы; прадстаўлены выставачны матэрыял; студэнцкія навукова-творчыя працы прэзентаваны ў студэнцкіх вучэбных і куратарскіх групах; матэрыялы навукова-творчых прац выкарыстаны ў выступленнях валанцёрскіх груп; лепшыя навукова-творчыя даследаванні былі прадстаўлены на гарадскі, рэспубліканскі, міжнародны конкурсы. Лепшыя студэнцкія працы адзначаны дыпламамі і прэміямі.

Сфера выкарыстання: матэрыял праекта можа быць выкарыстаны для самастойнага вывучэння традыцый і абрадаў беларускай сям’і, а таксама пры правядзенні заняткаў па беларускай і рускай мовах, куратарскіх гадзінах, у выступленнях фальклорных гуртоў і валанцёрскіх груп, пры мадэляванні сучаснага вяселля.

Удзельнікамі праекта з’яўляюцца члены студэнцкага аб’яднання «Пошук», выкладчыкі.

Этапы выканання:

1. Вызначэнне праблем, мэт і задач праекта. Акцэнтуюцца ўвага на неабходнасці падрыхтоўкі праекта для прэзентацыі яго падчас правядзення акцый «Тыдзень маці», «Тыдзень добра». Падрыхтаваны праект будзе прадстаўлены на рэспубліканскіх і універсітэцкіх выставах, падчас правядзення конкурсаў і канферэнцый універсітэцкага, рэспубліканскага, міжнароднага ўзроўняў. Абмяркоўваюцца падыходы да творчага выканання праекта.

2. Збор матэрыялаў для навукова-творчага даследавання. Разгледжаны, прааналізаваны і сістэматызаваны прад’яўленыя студэнтамі матэрыялы, абмеркавана тэма праекта і форма яго рэалізацыі. Праведзена дыферэнцыяцыя навуковых і творчых тэм.

3. Прэзентацыя індыўідуальных студэнцкіх прац у вучэбна-выхаваўчым працэсе. Студэнты прэзентуюць свае праекты, вызначаюць іх мэты і задачы, ідэалагічную накіраванасць.

4. Адбор лепшых навуковых прац для прэзентацыі іх на студэнцкіх канферэнцыях. Удзел ва універсітэцкай канферэнцыі «Гісторыя маёй сям’і – адна са старонак шматвяковай гісторыі краіны», у XV Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі «От идеи – к инновации».

5. Прэзентацыя індыўідуальных праектаў на 7-м семінары студэнтаў ВНУ Рэспублікі Беларусь «Сям’я: шлях жыццясцвярдзальнай любові».

6. Прадстаўленне лепшых навуковых прац на рэспубліканскія і міжнародныя конкурсы. На Рэспубліканскі конкурс навуковых прац студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў былі вылучаны навуковыя працы: «Асаблівасці беларускага вяселля», «Асаблівасці традыцыйнай вясельнай абраднасці беларусаў на Гродзеншчыне», «Сямейная палітыка: гісторыя і сучаснасць», «Цяжарная жанчына ў традыцыйнай культуры беларусаў». На Міжнародны конкурс студэнцкіх навуковых прац Расійскай Федэрацыі была прадстаўлена навуковая праца «Особенности белорусской свадьбы».

7. Прэзентацыя тэматычных творчых прац пры правядзенні выстаў. Працы дэманстраваліся на універсітэцкіх выставах «Маці і Радзіма адзіныя», «Вечна жывы і квітней, Беларусь», «Да маці з любоўю», на рэспубліканскіх выставах «Выхаванне грамадзянскасці і патрыятызму ў дзяцей і навучэнскай моладзі», «Маральна-прававое і сямейнае выхаванне, прафілактыка проціпраўных паводзін дзяцей і навучэнскай моладзі».

8. Апрабаванне творчых даследаванняў ва ўстановах адукацыі іншых тыпаў (школы, гімназіі, дашкольныя ўстановы). Выступленні адбыліся ў СШ № 140, СШ № 79, СШ № 19, гімназіі № 23.

9. Удзел у акцыях гарадскіх і рэспубліканскіх узроўняў: «Тыдзень маці», «Тыдзень добра».

10. Правядзенне конкурсу радаводаў з запрашэннем сямейных дынастый.

11. Правядзенне літаратурных чытанняў, прысвечаных «Тыдню маці» (літаратурны клуб «Ветліца», вучэбныя групы).

12. Правядзенне конкурсу на лепшую дзіцячую казку (падрыхтаваны студэнтамі спецыяльнасці «Выдавецкая справа»).

У прадстаўленым праекце прыведзены прыклады, якія ілюструюць тэарэтычныя палажэнні, але кожны аўтар можа іх падаць самастойна, зыходзячы з асаблівасцей тэмы і мэты праекта. Дадзены метады дапамагае цэласна ўспрымаць праект як адну з інавацыйных форм арганізацыі вучэбна-выхаваўчага працэсу, што дазваляе пры складанні яго не забывацца ні на адзін з крытэрыяў, важных пры ацэнцы працы; дэманструе ўзаемасувязь і ўзаемаабумоленасць кампанентаў праекта.

Заклучэнне. Прааналізаваўшы праект як адзін з творчых інавацыйных метадаў педагагічнага працэсу, адзначым, што ён уключае ў сябе апісанне прапануемай тэхналогіі навучання і выхавання моладзі, якая прэзентуе асноўную ідэю і канструктыўны прынцып яе рэалізацыі. Стварэнне праекта падпарадкоўваецца пошуку інавацыйных падыходаў, тэарэтычнаму абгрунтаванню і рэалізацыі аптымальнай мадэлі вырашэння пастаўленых задач. Відавочна, што дадзеная форма арганізацыі вучэбна-выхаваўчага працэсу паказвае несумненную мэтазгоднасць яе выкарыстання, што садзейнічае развіццю творчай, тэарэтычна і практычна граматычна асобы, якая валодае ўменнем лагічна абгрунтаваць і давесці да паспяховага выніку задуманае.

ЛІТАРАТУРНЫ КЛУБ ЯК АДНА З ФОРМ ІДЭАЛАГІчнаГА Выхавання МОЛАДЗІ

The article considers the problems of ideological education of youth in the modern period of society development. The structure, aims, forms and functions of ideology are determined; the activity of literary circle of BSTU «Vetlitsa» in the light of ideology of our state is elucidated; the particular attention is paid to social and cultural activity since it is the universal way of non-violent personality development. Besides, the attention is drawn to student socialization.

Уводзіны. Выхаванне грамадзяніна ў нашай краіне на сучасным этапе яе развіцця звязана з ідэалогіяй, якая ўплывае на працэс фарміравання асобы.

Змены ў палітыцы, эканоміцы і сацыякультурным асяроддзі грамадства ў пачатку XXI ст. у Беларусі адлюстраваліся на каштоўнасных арыентацыях, нормах і правілах паводзін дзяцей і моладзі. У гэтых умовах пытанні ідэалагічнай працы сталі стрыжнёвай функцыяй працэсу выхавання, якая забяспечвае фарміраванне ідэйна-палітычных, маральных і грамадзянскапатрыятычных якасцей асобы.

Асноўная частка. Выхаванне не можа ажыццяўляцца без апоры на тыя ці іншыя ідэі, ідэалы, светапоглядныя ўстаноўкі, погляды, у змесце якіх сёння пераважае беларуская дзяржаўнасць, а ядром ідэалогіі з'яўляюцца ідэі росквіту і абароны Айчыны, маральнага, грамадзянска-патрыятычнага і валеалагічнага выхавання моладзі [1]. Айчыны досвед і даследаванні заходніх аналітыкаў паказалі, што ідэалогія з'яўляецца неад'емнай часткай сацыяльнай рэчаіснасці, палітычнага і духоўнага быцця сучаснага грамадства, спецыфічнай арыентацыйна-каштоўнаснай свядомасцю, якая выражае інтарэсы розных сацыяльных груп і грамадства ў цэлым [2].

Ідэалогія вызначае мэты палітыкі, фарміруе арыенціры палітычнай дзейнасці, абгрунтоўвае выбар сродкаў яе рэалізацыі, арганізуе намаганні зацікаўленых людзей у ажыццяўленні палітыкі, г. зн. ідэалогія выконвае такія сацыяльныя *функцыі*, як светапоглядна-арыентавальная, пазнавальная, аксіялагічная, нарматыўна-рэгулятыўная, матывацыйна-прагматычная, выхаваўчая, камунікатыўная, сацыяльнапераўтваральная.

Формамі ідэалогіі з'яўляюцца палітычная, эканамічная, прававая, маральная, мастацка-эстэтычная, экалагічная і інш. У *структуру* ідэалогіі ўключаюцца такія кампаненты, як веды, ідэі, погляды, каштоўнасці, нарматывы, перакананні, дзеянні, валявы кампанент, інтарэсы, мэты, ідэалы, воля да дзеяння.

Выражаныя ў лагічна, дакладна пабудаваным выглядзе, з рацыянальна строгімі вывадамі і тэарэтычнымі пабудовамі, ідэі маладаступныя шырокаму колу людзей [3].

Таму яшчэ вельмі важны і эмацыянальны, пачуццёвы, масава-псіхалагічны ўзровень функцыянавання і праяўлення ідэалогіі, які можа канкрэтызавацца ў дзейнасці клубаў па інтарэсах, правядзенні канкрэтных мерапрыемстваў, акцый і інш.

Вядома, што каштоўнасныя сістэмы фарміруюцца ў гістарычным развіцці грамадства. Яны генетычна не перадаюцца па спадчыне, а засвойваюцца ў працэсе сацыялізацыі чалавека. Адной з такіх форм сацыялізацыі з'яўляецца творчая дзейнасць студэнтаў ў літаратурным клубе «Ветліца», якая рэалізуецца праз напісанне ўласных твораў, выступленне з імі перад аўдыторыяй, удзел у конкурсах, вечарынах, сустрэчах з пісьменнікамі, ветэранамі вайны, праз працы, публікацыю твораў у друку і інш.

Літаратурны клуб «Ветліца» працуе ў БДТУ на базе кафедры беларускай мовы з 1997 г. Дзесяцігадовы вопыт дзейнасці клуба дазваляе зрабіць пэўныя падагульненні, дае магчымасць падзяліцца здабыткамі гэтай працы.

Літаратурны клуб арганізаваны з мэтай развіцця творчай актыўнасці студэнтаў, фарміравання высокамаральнай, усебакова развітай асобы, гатовай дзейнічаць у інтарэсах народа і дзяржавы.

Асноўнай задачай літаратурнага клуба з'яўляецца выкарыстанне творчага патэнцыялу студэнцтва ў ідэалагічнай і выхаваўчай працы кафедры і універсітэта.

Палажэнне аб літаратурным клубе «Ветліца» распрацавана на аснове палажэння аб навукова-даследчай працы студэнтаў вузаў і шэрага дакументаў аб арганізацыі ідэалагічнай і выхаваўчай працы.

Літаратурны клуб – гэта від творчай дзейнасці па інтарэсах, ў сваёй працы ён можа выкарыстоўваць і спалучаць шматлікія формы дзейнасці, напрыклад: выступленні перад вялікай і малой аўдыторыяй, удзел у літаратурных конкурсах, вечарынах, выпуск насценных літаратурных газет, літаратурных альманахаў, камп'ютэрных варыянтаў ўласных збораў твораў, сустрэчы з пісьменнікамі, літаратурнымі суполкамі, аб'яднаннямі і інш.

Творчасць – гэта паказчык індывідуальнага свету асобы. Вельмі важна для многіх, асабліва маладых людзей, пераадолець сябе і адкрыцца

перад усімі, паколькі, на думку вучоных, сярод беларусаў больш інтравертаў, г. зн. людзей, якія заглыблены ў свой унутраны свет і часта з'яўляюцца пасіўнымі ў адносінах да знешніх падзей. Вядома, што многія маладыя людзі, асабліва на першых курсах, з цяжкасцю адаптуюцца да новага асяроддзя, адчуваюць сябе няўпэўнена, адчужана. Выступленні перад аўдыторыяй (на пасяджэннях літаратурнага клуба, у куратарскіх групах, на сустрэчах з пісьменнікамі, літаратурных вечарынах) выходзяць у асобу ўпэўненасць у сабе, вучаць уменню пераадольваць страх, не баяцца аўдыторыі, смела, прыгожа і правільна выказваць свае думкі і г. д. Аўдыторыя, як правіла, слухае зацікаўлена, паколькі ў паэтычнай форме выказваюць свае думкі і пачуцці блізкія па ўзросце людзі, аднакурснікі, сябры, калегі. Успрымаючы і ацэньваючы асобу, аўдыторыя бачыць шмат цікавага, адчувае сугучнасць многім уласным тэмам і перажыванням, а ў нечым – непадобнасць, іншыя погляд і бачанне звычайнага, паўсядзённага. Гэта дазваляе глыбей пазнаць свет і самога сябе, упэўніцца, што побач з табой жывуць непадобныя, але цікавыя людзі. Песімістычна настроеныя бачаць, што яны не адзінокія ў сваім песімізме, што ў ім няма арыгінальнасці, што яго можна пераадолець.

Літаратура, паэзія – гэта высокія словы, вытанчаныя пачуцці, вобразы. Пошук патрэбнага слова, стварэнне вобраза развівае маўленчыя навыкі, вучыць даносіць думкі да аўдыторыі. Прэзентуючы свае лепшыя творы, аўтары развіваюць у аўдыторыі пачуццё прыгожага, гарманізуюць асобу.

Лепшыя творы членаў клуба друкуюцца ў літаратурна-мастацкім альманаху «АВЕ», назву якога можна разглядаць як абрэвіатуру – «Адраджэнне. Вера. Еднасць». За дзесяць гадоў дзейнасці клуба выдадзена 5 нумароў.

Мэта выдання – рознабакова паказаць наш час і нас у гэтым часе, аб'яднаных месцам працы і навучання – нашым універсітэтам. У творах аўтараў альманаха адлюстраваны іх думкі і пачуцці, жыццёвае крэда і мары.

Варта адзначыць, што сярод мноства канструктыўных ідэй, прапанаваных у постсавецкі час для кансалідацыі грамадства, ідэя патрыятызму займае адно з вядучых месцаў. Выхаванне патрыятызму на гераічных прыкладах з гісторыі Беларусі з'яўляецца адной з найважнейшых сфер духоўнага жыцця. Патрыятызм – адно з найбольш глыбокіх пачуццяў, выпрацаваных і замацаваных у народзе стагоддзямі. Ён выяўляецца ў палітычнай культуры, у спробе дачынення людзей да гістарычнага лёсу Бацькаўшчыны, у імкненні развіваць нацыянальную культуру і прымнажаць нацыянальныя традыцыі. Асноўныя рысы патрыятызму нашага сучасніка – адданасць інтарэсам свайго народа, ідэалам

суверэнітэту і дзяржаўнай незалежнасці, гадоўнасць унесці свой пасіўны ўклад у станаўленне і мацаванне маладой дзяржавы.

У свядомасці сучаснага грамадзяніна ствараецца вобраз Айчыны як цывілізаванай, суверэннай маладой дзяржавы са старажытнымі традыцыямі, якія, акумулюючы вопыт мінулага, з'яўляюцца культурнагенетычным кодам народа, захоўваючы «рысы вечнасці», існуючы насуперак пераменліваму часу.

Радуе тое, што моладзь свята шануе памяць аб гістарычным мінулым нашай краіны. Подзвіг народа ў Вялікай Айчыннай вайне і яго асэнсаванне – скразная тэма альманахаў.

У пяці альманахах змясцілі творы пра вайну 62 аўтары. Гэта ветэраны вайны, прафесары – Новікаў Г. І., Анціпаў В., Кулажанка У. А., якія пісалі або расказвалі моладзі аб непасрэдным удзеле ў ваенных падзеях, больш маладыя аўтары – дацэнт Жлобіч А. В., старшы навуковы супрацоўнік Капсараў А. Р., ветэран працы Гаўрош М. М., а таксама студэнты, якія ведаюць вайну па расказах сваіх бабуль, праз сустрэчы з ветэранамі, праз кнігі і кінафільмы. Усе яны пакінулі свае ўражання, думкі і пачуцці на старонках зборнікаў.

Зараз аб'яўлены Прэзідэнцкі конкурс на лепшую творчую працу, прысвечаную 65-годдзю вызвалення Беларусі, і шэсць членаў клуба падалі заяўку на ўдзел у конкурсе, дзесяць – на ўдзел у студэнцкай літаратурнай канферэнцыі, прысвечанай гэтай даце.

Працу літаратурнага клуба можна разглядаць праз прызму сацыяльна-культурнай дзейнасці – універсальнага спосабу ненасільнага развіцця асобы. Гэта творчы педагагічны падыход дазваляе праявіцца таленту, уплывае на фарміраванне светапогляду асобы. Светапогляд нельга навізаць, ён фарміруецца толькі ва ўмовах свабоднага развіцця асобы, якая ўспрымае навакольны свет – прыроду, сацыяльныя адносіны – як адзінае цэлае. Асоба – гэта чалавек, які влодае пэўным светпоглядам, здольны зрабіць асэнсаваны выбар. Асобай чалавек становіцца ў працэсе сацыялізацыі.

Сацыялізацыя – гэта працэс прысваення індывідам сацыяльнага вопыту, які азначае ўключанасць асобы ў сістэму грамадскіх адносін і сістэму роляў, правоў і абавязкаў грамадзяніна сваёй Айчыны [4].

Ва ўмовах ненасільнага выхавання сацыяльна-культурная дзейнасць становіцца адным з найбольш эфектыўных метадаў працы не толькі з моладдзю, але і з дарослымі. Можна сказаць, што клуб аб'ядноўвае вельмі розных па ўзросце асоб. Гэта, перш за ўсё, студэнты 1–5-х курсаў, выпускнікі, магістранты, аспіранты, выкладчыкі і супрацоўнікі, іх дзеці і ўнукі. Сацыялізацыя маладых асоб адбываецца не толькі праз дзейнасць моладзі ў розных відах мерапрыемстваў,

гутаркі, сустрэчы, але і праз перадачу сацыяльнага вопыту людзей старэйшага пакалення, якія ў сваю чаргу, сустракаючыся з таленавітай моладдзю, атрымліваюць шмат станоўчых эмоцый. Адбываецца павязь пакаленняў, і кожная асоба, аддаючы часцінку сваёй душы людзям, аўдыторыі, грамадству, у той жа час, знаходзіць шмат для сябе новага, станоўчага, карыснага.

Можна сказаць, што сацыяльна-культурная дзейнасць – гэта форма і змест ненасільнага ўваходжання чалавека перш за ўсё ў культуру свайго народа, спасціжэнне гэтай культуры, прысваенне і яе далейшае развіццё. Такая дзейнасць, у аснове якой ляжыць маральны фундамент, з’яўляецца механізмам захавання і развіцця багацейшай нацыянальнай культуры. Гэты працэс атрымаў назву інкультурацыі асобы. Канчатковы вынік інкультурацыі – інтэлігент. Інкультурацыя мае на мэце ўключнасць асобы ў актыўную культурнатворчую дзейнасць [5], якой і з’яўляецца праца ў літаратурным клубе.

Сучасныя ідэалагічныя прырытэты ўсё ў большай ступені павінны арыентавацца на агульначалавечыя каштоўнасці, ідэалы ненасілля, талерантнасці, узаемапавагі і ўзаемапрызнання, дзялення розных народаў і канфесій у імя забеспячэння цэласнасці сучаснага цывілізацыйнага развіцця чалавецтва і ідэалагічнай кансалідацыі грамадства.

Сацыякультурная дзейнасць уяўляе сабой адну з разнавіднасцей свабодна-нефармальнай дзейнасці, якая не вызначаецца (падобна працы, навучанню і г. д.) уплывам знешніх фактараў, а ажыццяўляецца як натуральная неабходнасць і волевыяўленне асобы.

Гэтая дзейнасць характарызуецца стварэннем пэўных каштоўнасцей (творчых праграм, святаў, канцэртаў, фестывяляў і г. д.). Дадзены працэс стварэння і яго вынік задавальняюць патрэбнасці ў творчасці, зносінах, змястоўным правядзенні вольнага часу ўсіх яго ўдзельнікаў. У такім узаемадзеянні фарміруюцца як пэўныя

асобасныя якасці, так і сацыяльна значымыя навыкі паводзін.

Заклучэнне. Падводзячы вынікі, можна адзначыць, што адукацыя сёння – гэта сацыяльны інстытут, грамадска-дзяржаўная сістэма, закліканая забяспечыць адукацыйныя запатрабаванні дзяржавы, грамадства і асобы. Менавіта ў гэтым сэнсе адукацыя і выхаванне носяць статус грамадзянскасці, выхаванне разглядаецца як вышэйшая ступень адукацыі, а далучэнне да дасягненняў нацыянальнай культуры – як магчымасць знаходжання агульных каштоўнасцей, згуртаванне розных сацыяльных груп.

Улічваючы рознабаковыя віды творчай дзейнасці, можна сказаць, што ў клубе адбываецца ператварэнне студэнта з яго арганічнымі схільнасцямі да свабоды, іншым разам з невыразнымі жаданнямі і самаацэнкамі ў асобу з упарадкаванай сістэмай грамадзянскіх, патрыятычных, маральных і эстэтычных поглядаў, здольную выкарыстоўваць грамадзянскія і маральныя пачуцці (пачуцці абавязку, патрыятызму, нацыянальнай годнасці і інш.), дзейнічаць у адпаведнасці са сваімі перакананнямі і каштоўнасцямі ўстаноўкамі.

Літаратура

1. Андрэеў, В. У. Прафесіяналізм педагога ў кантэксце ідэалогіі беларускай дзяржавы / В. У. Андрэеў, В. В. Макоска // Народная асвета. – 2005. – № 12. – С. 57–59.
2. Яскевич, Я. С. Становление идеологии белорусского государства и национальная идея: традиции и новации: учеб.-метод. пособие для высших учебных заведений / Я. С. Яскевич. – Минск: РИВШ, 2004. – С. 19.
3. Там жа. – С. 20.
4. Социальная педагогика. Проблема инкультурации личности / Под ред. В. Н. Наумчика. – Минск: Четыре четверти, 2007. – С. 208.
5. Педагогика ненасилия в социокультурной деятельности. – Минск: Четыре четверти, 2009. – С. 13.

МЕТАДЫЧНАЯ КАНЦЭПЦЫЯ АРГАНІЗАЦЫІ І ПРАВЯДЗЕННЯ КОНКУРСУ ЧЫТАЛЬНІКАЎ У СТУДЭНЦКАЙ АЎДЫТОРЫ

Methodological conception of organization and realization among the students a competition in recitation is aimed to broaden a range of intellectual activity, helps to enactive patriotic feelings to native word. A technology of realization of conception provides texts accumulation, understanding it in compliance with own ideas, referring moral norms to own principles. Educative orientation of eloquent recitation allows to direct person's consciousness beyond narrow interests. It permits to join by the means of national to the world cultural traditions, to feel oneself being in a field of modern age problems.

Уводзіны. Сама задума распрацаваць метадычную канцэпцыю па арганізацыі і правядзенні сярод студэнцкай моладзі чытальніцкіх конкурсаў узнікла даўно. Рэалізацыю намераў паскорылі тэа змены, што адбыліся два гады таму ў планаванні і выкладанні курса «Беларуская мова» на спецыяльных факультэтах тэхнічных навучальных устаноў. Скарачэнне колькасці гадзін практычных заняткаў да 34 на семестр, адсутнасць лекцыйнай формы навучання падштурхнула да пошукаў дзейных формаў актуалізацыі камунікатыўных навыкаў студэнтаў.

Вуснае чытанне як адзін з дыдактычных прыёмаў навучання і дэкламацыя (выразнае чытанне) як форма праверкі разумовых і творчых здольнасцей праходзяць праз усю гісторыю беларускай педагогічнай думкі. Так, А. Доўгін (1776–1835), беларускі філосаф-педагог, лічыў, што інтэлект і пачуцці чалавека фарміруюцца ў пастаянных практыкаваннях праз шматразовае паўтарэнне і тым самым запісваюцца ў душы і памяці, ствараючы аснову для перакананняў. Фарміраванне характару і душы чалавека, развіццё яго задаткаў, выяўленне таленту немагчыма без эстэтычнага ўздзеяння слова. Прырода чалавечага інтэлекту раскрываецца праз абуджэнне высокіх пачуццяў, штуршком да чаго служыць музыка, жывапіс, скульптура. Але найвышэйшай праявай мастацкай вобразнасці традыцыйна лічыцца паэзія, «яна распасцірае сваё панаванне на ўвесь свет, абуджае найлепшае ў чалавеку, выходзіць і ўзвышае яго сэрца і душу» [1]. Маючы на ўвазе гістарычную пераемнасць педагогічных традыцый БДТУ, дарэчы згадаць, напрыклад, што ў Горы-Горацкай земляробчай школе ад 40-х гадоў XIX ст. дзейнічалі гурткі па праблемах агранаміі і рускага, нямецкага і французскага чытання [2]. У XIX – першай палове XX стст. дэкламаванне вершаў перайшло ў народную традыцыю, калі «пад стрэхамі вясковых хат» загучалі творы на беларускай мове. Завучванне тэкстаў напаміць застаецца і ў сучасным педагогічным арсенале школы і вышэйшых навучальных устаноў.

Асноўная частка. Само паняцце *канцэпцыі* звязваецца з сістэмай поглядаў на сутнасць з'яў, з прынцыпамі рэалізацыі пэўнай дзейнас-

ці. Метадычная канцэпцыя арганізацыі і правядзення конкурсу чытальнікаў уяўляе сабой такі спосаб забеспячэння педагогічнага працэсу, які рэалізуецца паводле вызначаных прынцыпаў і дыдактычных прыёмаў, арыентаваных на прагназаваны вынік. Мэтаі падрыхтоўчай працы і правядзення конкурсу чытальнікаў з'яўляецца наладжанне сумеснай дзейнасці выкладчыка роднай мовы і студэнтаў па адборы тэкстаў для дэкламацыі. Тут мэтазгодна кіравацца *прынцыпам нацыянальна-культурнага цэнтрызму*. У навучанні і выхаванні ён спрыяе ўспрыняццю ўласнай нацыянальнай культуры як феномена, які ацэньваецца і ўсведамляецца ў разнастайным сучасным свеце па сваіх адметных крытэрыях, забяспечвае выхаванне асобы паводле найлепшых грамадзянскіх традыцый. Тут важна мець на ўвазе такія творы беларускага фальклору і класічнай літаратуры, якія валодаюць магутным духоўна-культурным патэнцыялам і выяўляюць высокія маральна-этычныя традыцыі беларускага народа.

Апрабацыя канцэптуальных падыходаў была распачата ў межах арганізацыі студэнцкіх канферэнцый па беларускай мове. З 2003 г. яны пачалі праводзіцца на ўсіх патоках факультэтаў ТТЛП, ХТІТ, ІЭФ. Ставілася мэта: праз падрыхтоўку дакладаў на беларускай мове пашыраць і развіваць кагнітыўную (пазнавальную) функцыю сучаснай беларускай літаратурнай мовы, а праз дэкламацыю (мастацкае чытанне) дэманстраваць высокую эстэтычную сутнасць беларускага слова, прывіваць моладзі добры густ, выпрацоўваць на ўзорных тэкстах крытэрыі ацэнкі мастацкіх твораў. Першая такая канферэнцыя да 85-годдзя заслужанага дзеяча навукі Беларусі, доктара філалагічных навук, прафесара Фёдара Міхайлавіча Янкоўскага прадугледжвала ў роўнай меры як асвятленне навучальных дасягненняў вучонага, так і мастацкае чытанне яго літаратурных абразкоў, эсэ, апавяданняў (па выніках канферэнцыі кожны ўдзельнік атрымаў том выбраных твораў Ф. Янкоўскага «З нялёгкіх дарог»). Мастацкая проза Ф. Янкоўскага, якая спалучыла ў сабе шырокі пазнавальны змест і глыбокае маральна-этычнае ўздзеянне, спрыяе абуджэнню цікаўнасці да

адметных лексічных пластоў беларускай мовы, садзейнічае развіццю патрыятычных настройў, умацоўвае пачуццё нацыянальнай годнасці: «*На світанні і на змярканні, золкаю ці ведранаю ноччу, хмурым ці сонечным днём – заўсёды і ўсюды жыццё мае не будзе дзеля кавалка хлеба; найгалоўнейшае, ад чаго не адступлюся, хоць і апынуся ці ў акопах, ці ў шпіталі, хоць буду халодны ці галодны, – мае роднае слова, родная натура вялікага краю, родная Беларусь. Вы – мая радасць і ўцеха, вы – мая скруха і боль, вы – мае шчасце, жыццё*»; «*Вынішчэнне здабыткаў народа (а яно, бязлітаснае, жорсткае вынішчэнне, прыходзіла за доўгую гісторыю Беларусі многа разоў і з розных бакоў), вялікія страты краю (ад спальвання гарадоў, мястэчкаў, вёсак, пасёлкаў да людаедскага забойства гітлераўцамі ляснічых і настаўнікаў, пчаляроў і пльтагонаў, бабулек і ўнукаў-немаўлятак) клікалі да дзеяння і да настойлівага роздуму, непазбыўных клопатаў розуму, душы і сэрца: невымерна цяжкі быў лёс роднай Беларусі, а яна стварыла неацэнную культуру, вартую замілавання і захаплення, высокага гонару і найвышэйшай ацэнкі*». Абагульняльным акордам да навуковых выступленняў на канферэнцыі з’явіўся верш Ніны Мацяш «Памяці Фёдара Міхайлавіча Янкоўскага»: «*Бываюць душы – светлата сама, // З нялёгкім конам – цемнату адпрэчваць. // Вас Беларусі выкачала Вечнасць, // Але ў гурмы пытаць пра Вас – дарма: // Не ведае, не прыгадае Вас, // Таго, хто так нягодна, далікатна, // Нястомна ў час, да ганьбы духастратны, // Вялічыў дух, каб ён ушчэнт не згас, // Каб высыявала, як зара, пара, // Калі на мову сэрца і служэння // Высока зашугае ўспалымненне // І бел-чырвона-белага кастра. // Калі, стваральнай мудрасцю жывы, // Згартуюць люд Асвета, Памяць, Вера. // ...І недзе там, у яснасыйных сферах, // За свой народ усцешыцеся Вы!*» (1991).

З наступных мерапрыемстваў найбольш насычанай чытальніцкім кампанентам была навукова-практычная канферэнцыя «Янка Купала – вялікі нацыянальны паэт» (да 125-годдзя народнага паэта Беларусі). Яна прадугледжвала спалучэнне тэматыкі студэнцкіх навуковых паведамленняў з дэкламацыйнай адпаведных мастацкіх твораў: даклад «Мова – душа самой душы народа» – верш Янкі Купалы «Роднае слова» (Касячук А. У. – ХТіТ, 4 к.); даклад «Янка Купала ў ацэнках беларускіх пісьменнікаў» – верш Уладзіміра Караткевіча «У тую ноч» (Рагляк К. А. – ХТіТ, 1 к.); даклад «Беларусь у творах Янкі Купалы» – верш Уладзіміра Караткевіча «На Беларусі Бог жыве» (Шпаковіч Н. А. – ХТіТ, 5 к.); даклад «Градышчы Янкі Купалы ў творчасці Уладзіміра Караткевіча» – верш Уладзіміра Караткевіча «Дзе мой Край?» (Войтаў П. А. – ХТіТ, 2 к.); даклад «3 гісторыі тэатра імя Янкі Купалы» – верш Янкі Купалы «А яна...» (Карасевіч І. В. – ХТіТ, 1 к.).

Веданне разнастайных тэкстаў на беларускай нацыянальна-дзяржаўнай мове, уменне іх дакладна перадаць (пераказаць) выступае дзейным сродкам маральна-этычнага выхавання асобы, выпрацоўвае навыкі лагічнага і дакладнага выказвання ўласных думак у арыентацыі на ўзоры літаратурнай мовы. Таму паводле распрацаванай канцэпцыі прадугледжваецца ўвядзенне ў структуру практычных заняткаў абавязковага кампанента для запамінання ці завучвання на памяць, які выступаў бы квінтэсенцыяй дыдактычнага напаўнення тэмы. На першым этапе студэнтам прапануецца прачытаць творы, засвоеныя ў школе (тэма заняткаў: лексіка беларускай мовы); на другім – завучыць мастацкі твор (на ўласны выбар ці з прапанаваных выкладчыкам) з мэтай засваення асноўных нормаў вымаўлення гукаў і спалучэнняў гукаў (тэма заняткаў: беларуская арфаэпія); на трэцім – правядзенне ў групе выніковага конкурсу чытальнікаў паводле адбору, які праводзіўся на папярэдніх двух этапах.

У аснове выкладчыцкага адбору матэрыялу ляжыць *прынцып мэтазгоднасці*, які ў адных выпадках забяспечваецца праз *супастаўленне*: да прыкладу, артыкул 17 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь (*Дзяржаўнымі мовамі ў Рэспубліцы Беларусь з’яўляюцца беларуская і руская мовы*) абавязкова дапаўняецца 1-м параграфам IV раздзела Статута ВКЛ 1588 года: («*А писар земский маеть по-руску литерами и словы рускими все листы, выписы и поэвы писати, а не иншим языком и словы*») і цытатай Льва Сапегі з прадмовы да Статута (*А если которому народу встыд прав своих не умети, поготовю нам, которые не обчым яким языком, але своим власным права списанье маем и каждогого часу, чого нам потреба ку отпору всякое кривды, ведати можем*); у іншых – праз *параўнанне*: выказванне Янкі Купалы пра беларускую мову («*Для мовы, гэтай выразіцелькі душы і думак чалавека, не патрэбна ні скіпетраў, ні каронаў, як не патрэбна для сонца якога-небудзь яшчэ пазалочанага абручча, рамак. Сонца само па сабе адна аздобнасць – і золата, і брыльянт. Таксама і мова якога-небудзь народа ёсць для яго і скіпетрам, і каронай, яго нічым не апаганенай аздобнасцяй*») (Янка Купала «Ці маем мы права выракацца роднай мовы») параўноўваецца з цытатай Аляксандра Ельскага: «*Родная мова ў дакладным значэнні ёсць самая любімая спадчына нацыі: праз яе найлягчэй пранікнуць у душу нацыі, закрунуць пачуцці, праясніць розум, падштурхнуць адпаведную думку, заклікаць да дзеяння, змагацца са страсямі, ствараць дабрачыннасці*» (Аляксандр Ельскі, беларускі этнограф, пісьменнік, эканаміст XIX ст.); а таксама праз *аналогію*: думка Ф. Скарыны «*Понеже от прирощения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по*

воздуху, ведають гнёзда своя; рыбы, плаваючыя по морю и в реках, чуюць выры своя. Тако ж и люди, игде зродилися и ускармлены суть по бозе к тому месту великую ласку имають») лагічна звязваецца з выказаннем У. Караткевіча: «Якая яна, мая зямля? Гэта залатыя палі збажыны з сінімі вочкамі васількоў, светлыя ад бяроз гаі, што аглухлі ад птушынага звону, і пушчы, надобныя на гатычныя храмы, пушчы, дзе горда нясуць свае кароны алені. Гэта бясконцыя жылы рэк, у якіх плешчуцца бабры і рыба на захадзе сонца, і гэта амаль адзінаццаць тысяч азёр, чыстых, як усмешка дзіцяці. ...Пра-нікніцеся любоўю да маёй роднай Беларусі, людзі. Велічная і гордая, яна таго вартая» (прадмова да кнігі «Памяць зямлі беларускай»). Светапоглядныя асновы народнай маралі, нормы сужыцца ў грамадстве, станоўчыя і адмоўныя якасці асобы, закладзеныя ў беларускіх прыказках, прымаўках, крылатых выслоўях, таксама абавязковы кампанент для запамінання і ўзнаўлення на занятках: *Ідзі з людзьмі – не згубішся; Не частуй ты мяне піўцом, вінцом – пачастуй мяне добрым слаўцом; Ядуць на свеце хлеб траякі: белы, чорны і ніякі; Божа! Гэткі свет тут моц стварыла твая!* (Янка Купала); *Совы і начніцы сонца не бачаць* (Янка Купала); *Што мацней ад грамады!* (Якуб Колас), *Ці ж мы, хлопцы, рук не маем, // Ці ж нам сілы Бог не даў, // Каб над нашым родным краем // Промень волі не блісчаў?!* (Якуб Колас); *Не, не развітаюся ніколі // З родным краем, дзе так светла нам. // Проста я люблю яго да болю // І з любоўю дзецям перадам* (Пімен Панчанка) і інш.

Тэхналогія рэалізацыі прапанаванай метадычнай канцэпцыі прадугледжвае назапашванне тэкстаў, асэнсаванне іх у адпаведнасці з уласнымі ўяўленнямі, суаднясенне сістэмы поглядаў розных аўтараў, супастаўленне засвоеных маральных нормаў з асабістымі прынцыпамі. *Дамінантай* выбіраецца сам працэс падрыхтоўкі, а не вынік, што прадугледжвае дзейсны падыход студэнтаў да арганізацыі самога конкурсу чытальнікаў. Асноўнымі *прынцыпамі*, пакладзенымі ў аснову метадычнай канцэпцыі, з'яўляюцца прынцып *адзінства навучання і выхавання, адзінства свядомасці і дзейнасці, прынцып раскрыцця здольнасцей, абумоўленасці навучальнага працэсу мэтамі маральнага выхавання, адпаведнасць адукацыйных прыёмаў логіцы маральнага развіцця індывідуума.*

Рэалізацыя названых прынцыпаў прадугледжвае такія метадычныя прыёмы: 1) мадэляванне падрыхтоўчай дзейнасці ў межах вучэбнага курса беларускай мовы, што складае аснову ўзаема сувязі паміж навучаннем і выхаваннем; 2) дзейнасць студэнтаў актуалізуе не толькі праяўленне мастацкага густу і чытальніцкіх здольнасцей, але і набыццё новых здольнасцей (прапануецца пакласці тэкст на музыку, паспрабаваць сябе ў вакальных ці калектыўных спевах, праявіць арганізацыйныя навыкі пры падрыхтоўцы тэатралізаванага калектыўнага чытання вялікіх тэкстаў: паэмаў Янкі Купалы «На Куццо», «Яна і я», раздзелаў з паэмаў Якуба Коласа «Сымон-музыка» і «Новая зямля», «Балады аб чатырох заложніках» Аркадзя Куляшова, верша Уладзіміра Караткевіча «Паўлюк Багрым» і інш.; 3) спалучэнне пэўных формаў навучальна-пазнавальнай дзейнасці з эстэтычнымі прыёмамі падачы тэмы стварае адметны настрой у аўдыторыі, напаўняе адукацыйны працэс патрэбнай і важнай студэнту інфармацыяй, замацоўвае маральныя рэфлексіі, скіраваныя на крытычную ацэнку духоўных каштоўнасцей, надае выхаваўчаму працэсу мэтанакіраваны, пастаянны характар, пазбаўлены дэкларатыўнасці і навязвання моладзі педагагічных тэмаў і стэрэатыпаў.

Заклучэнне. Найвышэйшай мэтай педагогікі было і застаецца імкненне гарманічна спалучыць у асобе маральны і інтэлектуальны пачатак, сумясціць якасці дабрачыннасці з прагматычна-рацыянальнай арыентацыяй у прафесійнай дзейнасці, зрабіць веды, доўг і сумленне асноўнымі крытэрыямі маральнасці ўчынкаў. Выхаваўчая накіраванасць выразнага чытання дазваляе вывесці свядомасць асобы па-за межы вузкасפעцыяльных прафесійных інтарэсаў, пашырыць успрыняцце свету да агульнакультуралагічных каштоўнасцей. Гэта дапамагае праз прызму нацыянальнага далучыцца да культурных традыцый свету, адчуць сябе ў коле творчых працэсаў сучаснасці, суаднесці сваю скіраванасць з узорамі архетыпаў у іншых галінах чалавечай дзейнасці.

Літаратура

1. Дорошевич, Э. Очерки этической мысли Белоруссии / Э. Дорошевич, В. Конон. – Минск: Искусство, 1972.
2. Храпков, С. А. Первый в России / С. А. Храпков. – М.: Колос, 1981.

Т. М. Федарцова, дацэнт

ЗАЛЕЖНАСЦЬ КОЛЕРУ Ў ПАЭТЫЧНЫХ ТВОРАХ АД ЧАСАВЫХ І АБ'ЕКТНЫХ АРХЕТЫПАЎ

We can't imagine our life without colour. Each of us consider it to be a powerful information field saturated with definite association and symbols. We perceive the whole range of colours from the very childhood, classify it in accordance with our light sensations and association. Diversity of colours in a poetic piece of work helps the reader better understand each artistic detail and the author's conception.

The creed of every poet is to find not only his own word but his own colour too, the colour being the sublight of the idea.

Belarusian poets most often resort to the use of colouronyms in landscape and intimate lyrical poetry.

Уводзіны. Наша жыццё немагчыма ўявіць без прысутнасці колеру. Бо для кожнага з нас гэта магутнае інфармацыйнае поле, насычанае пэўнымі асацыяцыямі і сімваламі. Усю колераваю гаму мы ўспрымаем ад самага нараджэння, класіфікуем яе ў адпаведнасці з нашай асацыятыўнасцю.

Нямецкі мастацтвазнаўца Г. Цойгнер адзначаў: «Колер можа дзякуючы асацыяцыям набыць пэўную эмацыйную афарбоўку або выклікаць тыя ці іншыя пачуцці ў залежнасці ад вопыту, набытага чалавекам пры ўспрыманні колеру і адпаведнага прадмета» [1, с. 103]. Такім чынам, разнастайныя якасці колеру адыгрываюць значную ролю ва ўспрыманні кантэксту, дапамагаюць лепш зразумець асобныя мастацкія дэталі і аўтарскую задумку кожнага паэтычнага твора.

Знайсці не толькі сваё слова, але і свой колер, як таемную падсветку слова, – творчае крэда кожнага паэта, кожнай адоранай асобы.

Асноўная частка. Аўтарская сістэма колерабачання дапамагае рэцыпіенту ўбачыць асаблівасці будовы вобразных асацыяцый. Каляронімамі, напрыклад, шчодро насычана творчасць нашых класікаў: М. Багдановіча, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Танка. Так, М. Багдановіч першы стаў пісаць «акварэльныя» трыялеты, у якіх асноўнае месца займаюць выразныя зрокавыя, пластычныя замалёўкі, апісальныя рэаліі, як у вершы «Вечар»:

На небе месяц ўстаў зялёны
І хутка стане снегавым.
Над лесам, дзе шапочуць клёны,
У небе месяц ўстаў зялёны...

Усё спіць. Не бачыць свет стамлёны,
Што, свецячы праз хмарак дым,
У небе месяц ўстаў зялёны
І хутка стане снегавым [2, с. 222].

Твор, дарэчы, датаваны 1910 годам, таму яго можна лічыць першай спробай Багдановіча ў дадзенай жанравай разнавіднасці. На жаль, на гэты ўзор верша ўвага даследчыкаў не звярталася, мабыць, з-за «раскутасці» трыялета шляхам замены прасторавага прыназоўніка «на»,

ужытага пры пастаноўцы тэмы, на больш канкрэтызаваны (суб'ектыўны) прыназоўнік «у» пры яе развіцці і завяршэнні. Але з дапамогай гэтага прыёму паэт як бы звужае прасторавую «разгорнутасць» нябёсаў, удакладняе месца дзеяння і дамагаецца пэўнага руху вобраза надыходзячых пераменаў у прыродзе. Таму, як нам думаецца, менавіта варыянтнасць прыназоўнікаў паказвае рух думкі паэта: і «вертыкальна» – ад зямлі да неба, і «гарызантальна» – у зямной і надземнай прасторы. Паэт шкадуе, што «стамлёны свет» можа праспаць найцікавейшую падзею – змену прыродных фармацыяў, якая адбываецца не сцішана-спакойна, а вірліва, жорстка, бо нават месяц змяніў сваю фарбу са звыклай, супакоена-радаснай, жоўтай на больш жорсткую, можа, нават агрэсіўную, зялёную. Але і гэта толькі прамежкавы колер будучай падзеі, і ў развіцці тэмы верша ён замяняецца нечаканым эпітэтам «снегавы». Змена прыроднай фармацыі (памежжа восені і зімы) асацыятыўна як бы падвоена вобразам памежжа вечара і ночы. На такім памежжы і адбываецца свяшчэннадзейнасць вялікіх зменаў у прыродзе.

Але памежжа само па сабе катэгорыя няўстойлівая, таму яго пэўнай характарыстыкі ў вершы няма, час, у які адбываюцца падзеі, толькі мяркуецца. Тым не менш, падтэкставасць трыялета дае магчымасць уявіць, як яно (памежжа) дадаткова ўносіць у асацыятыўнае ўспрыняцце прыроды, жыцця сваю колеравую гаму. Дзякуючы яе імпульсіўнай замене, мы назіраем, як сімвалічна-прадметны знак ночы – месяц – уплывае на разгорнутасць падзей. Безумоўна, гэты трыялет медытатыўны, бо логіку думкі творцы можна ўявіць як панарамны паказ бясконца зменлівага жыцця.

Параўнаем з Багдановічавым творам трыялет-акварэль Янкі Сіпакова. Менавіта асацыятыўнае мысленне родніць яго з шэдэўрам класіка нашай літаратуры. Разгледзім пейзажны трыялет сакральнага гучання сучаснага мастака прыгожага слова:

Вядзі мяне, зялёная радзіма,
Туды, дзе я пачаўся, як ручай,

Дзе мяне помняць мята, малачай, –
Вядзі мяне, зялёная радзіма.
Там сціхне боль, прыгупіцца адчай,
І там я ўспомню кожнай краскі імя...
Вядзі мяне, зялёная радзіма,
Туды, дзе я пачаўся, як ручай [3, с. 122].

Верш прасветлена-лірычны, элегічны, быццам «сагрэты» сонечным праменьчыкам лёгкай тугі па малой радзіме, і зялёны колер тут не халодны, як у Багдановіча (там ён перарастае яшчэ ў больш халодную «снегавую» гаму), а супакойліва-пяшчотны. Варта ўспомніць апазіцыю асноўных вобразаў-сімвалаў: месяца (у Багдановіча) і сонца (у Сіпакова), каб зразумець гэтыя колерава-асацыятыўныя аўтарскія рашэнні. Калі зялёны колер прынята лічыць сімвалам жыццёвага абнаўлення, то абодва аўтары дакладна вытрымліваюць гэтую ўстановаўку. Толькі Багдановіч паказвае сутнасць падзеі як непазбежны працэс абнаўлення прыроды, а Сіпакоў – як прагу абнаўлення ўласнай душы, вяртанне ад жыццёвага бязладдзя да гармоніі першароднасці. Колер у трыялетах-акварэлях у кожнага з паэтаў «працуе» на канкрэтную паэтычную праблему – аб’ектыўную ў Багдановіча і суб’ектыўную ў Сіпакова. Але ў вершы апошняга значна звужана часава-прасторавая разгорнутасць падзеі, якая адбываецца ў адным цяперашнім часе, а мінулы і будучы выступаюць толькі як асацыятыўнае меркаванне.

Калі працягваць развагу пра памежны стан прыродных з’яў і іх каляронімы, то адразу ўспамінаецца паэтычны досвед нашага сучасніка Міхася Башлакова. Гэта ён вылучыў складаную ў адпаведнасці з часавымі каардынатамі, але суладную са зменамі быцця пару, калі «ўжо не лета», але «яшчэ не восень»: ідзе дождж і свеціць сонца, жоўтая лістота падае на зялёную траву, а рознакаляровыя астры пяшчотна і цнатліва ўсміхаюцца, рашуча скінуўшы з сябе пакрывала халоднай ночы. Гэта тая пара, калі няма больш цяпла, але і марозы далёка. Паэт дае нечаканае найменне гэтага памежнага стану ў прыродзе – «зялёная восень». Але ж такое часовае памежжа існуе і ў душы паэта: прайшло дзяцінства, юнацтва, маладосць, але яшчэ далёка не старасць. Зялёны колер вяртае ў басаногае дзяцінства і шчаслівае юнацтва, мілы куточак – родную вёску Церуху, але там ужо ніхто не чакае паэта. Вось і непарыўны вобраз восені, які неадступна ідзе за каляронімам «зялёны». Але існуе і трэці аспект памежнага стану, уведзенага паэтам у абсяг зборніка. Гэта жыццё да Чарнобыля і пасля. Таму кніга вершаў носіць назву «Палын. Чарнобыль». Выйшла яна ў свет у 2005 годзе на трох мовах – беларускай, рускай і англійскай.

Эмацыйнае сэнсавое напаўненне беларускай паэзіі спрадвечу ішло праз перадачу каляровай гамы ад чорна-белай да самай яркай. Але часам колер выступае ў нечаканым кантэксте.

Максім-Кніжнік у свой час звярнуў увагу на тое, што з дапамогай колеру можна стварыць іранічную падсветку верша:

Мне доўгае растанне з Вамі
Чарней ад вашых чорных кос.
Чаму ж нядобры час прынёс
Мне доўгае растанне з Вамі?
Я пабляднеў ад горкіх слёз
І трыялет пачаў славамі:
Мне доўгае растанне з Вамі
Чарней ад вашых чорных кос [2, с. 255].

Вогнішча душэўных пакутаў, выкліканых ростанню з каханай, узмацняецца параўнаннем-паралелізмам: «расстанне» «чарней ад Вашых чорных кос». Звернем увагу на карыстанне паэта колерам. Дарэчы, пераходныя колеры (шэры, цьмяны, бледны, блакітны, зялёны і інш.), паводле канцэпцыі І. А. Чароты, як і памежныя сітуацыі, – адна з адзнак беларускай ментальнасці. Гэта канцэпцыя, у прыватнасці, абараняецца даследчыкам айчынай літаратуры ў яго шматлікіх навуковых артыкулах і доктарскай дысертацыі. На блізкай пазіцыі стаіць і доктар філалагічных навук А. І. Бельскі.

Як вядома, М. Багдановіч пад уплывам Поля Верлена і іншых імпрэсіяністаў у сваёй творчасці скарыстоўваў паўтон (месяц «бледны», ноч «цьмяная»), захапляўся светлаценнасцю. Але ў прыведзеным вышэй трыялеце ён падае каларытны чорны колер. Чаму так здарылася? Можна, таму, што менавіта праз гушчыню насычанасці фарбы паэт імкнецца перадаць свой душэўны стан, сатканы з непакою, адчаю, адзіноты, распачы? Аднак верш элегічны па настроі, у ім прасочваецца і лёгкая іронія аўтара над сабой («Я пабляднеў ад горкіх слёз // І трыялет пачаў славамі...»). Ды якраз не гэтыя радкі (5 і 6) матывуюць асноўны вынік-рэзюме дадзенага трыялета. Акцэнт на асноўнай думцы паэт робіць у радках-паўторах, якія ўяўляюць сабой тры афарыстычныя перыяды: першы – пастаноўка тэмы (не праз слова-вобраз, а асацыятыўна – праз колер). Паэт двума першымі радкамі як бы малое ўяўны вобраз Ростані, другім працягвае тэму (роздум над прычынай ростані, прасочванне яе адбітка ў часе). Менавіта Час выступае тут асноўнай (дамінантнай) дзеючай асобай. Трэці перыяд выніковы, з нечаканай высновай пра тое, што Ростань дае аўтару новую тэму для творчасці, якую ён імкнецца заключыць і ў новую для яго цвёрдую вершаваную форму – трыялет. Лагічна ўсе афарыстычныя часткі звязаны галоўнай тэмай – тэмай Ростані, таму медытатыўны па характары лірычны твор успрымаецца чытачом лёгка, стварае эфект уяўнай прастаты. Але пра падобную сітуацыю Ю. М. Лотман сцвярджаў, што мастацкая прастата больш складаная, чым мастацкая складанасць, бо яна ўзнікае як спрошчванне апошняга на яе фоне [4, с. 135].

Афарыстычнасць і падтэкставасць зместу дадзенай сталай вершаванай формы мы можам прасачыць і на прыкладзе наступнага трыялета:

Калісь глядзеў на сонца я,
Мне сонца асляпіла вочы.
Ды што мне цемень вечнай ночы,
Калісь глядзеў на сонца я.
Няхай усе з мяне рагочуць,
Адповедзь вось для іх мая:
Калісь глядзеў на сонца я,
Мне сонца асляпіла вочы [2, с. 140].

Васьмю радкамі і з дапамогай саяярнага архетыпа аўтар сумеў стварыць «мінітрактат» аб каштоўнасці мастацтва і ролі прыгожага ў ім, да якога ён боскай ласкай дакрануўся раз і назаўсёды. Творца пазнаў таямніцу прыгожага, таму яго не палохаюць ні зласлівы смех, ні кпіны («Няхай усе з мяне рагочуць»), ні нават фізічны зыход у небыццё («Ды што мне цемень вечнай ночы»), бо адчуў, што радасцю вялікага Хараства, Суладнасці, Гармоніі напоўнены ўвесь свет. І ён гэта не толькі адчуў, але і быў цвёрда перакананы ў сваёй праваце. Таму яго «паэтычнае сонца» па-добраму асляпляе вочы хараством і праз стагоддзе.

Цікава, што творца не выкарыстаў у дадзеным трыялеце ніводнага з канкрэтных колераў, акрамя памежных асацыятыўных найменняў «цемені ночы» і «асляпляльна-яркага сонца», але чытач адчувае глыбіню псіхалагічных зрухаў душы паэта. Ён за мастацтва слова, спавітае хараством, за эстэтызм у ім, а гэта не кожнаму дадзена зразумець. Але паэт поўны рашучасці ісці сваім шляхам.

Дарэчы, Максім-Кніжнік амаль не ўжывае саяярную лексіку ў сваёй творчасці, бо яго любімы касмічны аб'ект – месяц. Але каб абараніць высокае мастацтва, паэт рашуча ўводзіць вобраз сонца як сімвал вечнага творчага гарэння душы, цяпла чалавечых пачуццяў, крыніцы хараства і жыцця наогул.

Сапраўдная лірыка, на думку М. М. Бахціна, – «...гэта магчымасць бачыць і чуць сябе знутры эмацыянальнымі вачыма і ў эмацыянальным голасе другога» [5, с. 148]. Мастацтва для творцы – вельмі высокая катэгорыя ў іерархіі агульначалавечых і філасофскіх з'яваў і паняццяў. Аўтар трыялета, з гэтага выпадку, нават мяняе свой пастаянны сімвал-вобраз месяца на вобраз асляпляльна яркага сонца, што для яго распачнай у цэлым паэзіі не характэрна.

Дарэчы, саяярную сімволіку, а адпаведна каляронімы «яркі», «прамяністы», «сонечны», «іскрысты», «жоўты», «залаты», «чырвоны» і інш., актыўна ўжывалі ў сваёй творчасці Тамаш Зан, Янка Купала, Якуб Колас, Уладзімір Караткевіч і Максім Танк.

Напрыклад, Уладзімір Караткевіч у лірыцы прадуктыўна выкарыстоўваў багаты патэнцыял каляроніма «залаты». Мы можам сустрэць у яго

паэтычнай спадчыне аліўкава-залацістае святло поўні, бягла-залацістыя травы, залаціста асмужанае паветра і г. д.

У беларускай колеравай сістэме свету тыповым з'яўляецца выкарыстанне чырвонага колера пры характарыстыцы «вогненых» рэалій. Варта звярнуцца да творчасці філаматаў. Пошукі новых мастацкіх формаў прывялі рамантыкаў да сімвалізацыі. Бо ў свеце рамантыкі кожная з'ява лічылася пэўным знакам, якому належала адпаведнае значэнне або комплекс значэнняў. Напрыклад, акно ў творчасці Яна Баршчэўскага сімвалізуе памежжа паміж светам памерлых і светам жывых, паміж сапраўднасцю і віртуальнай рэальнасцю. Адам Міцкевіч падае вобраз бярозы як сімвал жаночай долі, колас як сімвал еднасці, а дарога ў яго творчасці сімвалізуе і часава-прасторавую повязь пакаленняў, і вечны рух. Цікава, што вобраз агню ў філаматаў выступае ў дзвюх супрацьлеглых іпастасях – як сімвал ачышчэння і сімвал знішчэння. Але дадзены архетып-сімвал у іх творчасці знайшоў сваё паэтычнае ўвасабленне ў цэлым шэрагу азначэнняў, і мы можам нават зрабіць пэўную градацыю слова «агонь»: агонь начлежны, агонь купальскі, агонь ахоўны, агонь ахвярны, агонь духоўны, агонь веры, агонь мяцежны, агонь бунтарскі, агонь рамантыкі, агонь грахоўны, агонь знішчальны. Змена стылістычнай функцыі лагічных азначэнняў выразна назіраецца пры ампліфікацыі (нагнятанні), калі цэлы шэраг азначэнняў уключаецца ў адну сістэму ацэнак-характарыстык, што ў значнай меры пашырае змест паяснёнага слова, у дадзеным выпадку назоўніка, паказвае яго семантычную разнастайнасць. Пацверджаннем таму можа з'яўляцца ідылія «Купала» Ануфрыя Петрашкевіча, упершыню прачытаная аўтарам на навуковым пасяджэнні Аддзела Таварыства філаматаў 26 снежня 1819 года. Ампліфікацыя архетыпа-сімвала «агонь» тут вядзецца ад агню дамашняга праз агонь купальскі, ахвярны, агонь весялосці, агонь кахання да агню ачышчальнага.

У другім вершы «Роздум каля руінаў Гедымінавага замка» Ануфрыя Петрашкевіч ужывае архетып-сімвал «агонь» як абарончы, знішчальны, але ў завяршэнні верша надае яму нечаканую змястоўную функцыю – сімвала веры ў будучыню.

Нядзіўна, што вобраз-сімвал агню так дасканала займаў увагу рамантыкаў: ён адухаўляўся беларусамі яшчэ са старажытнасці. Нашы продкі надзялялі агонь асабліва сямі свайго характару. А ў дзень Купалы прыносілі яму ахвяры. Так, дзяўчаты ў ідыліі «Купала» Ануфрыя Петрашкевіча то кідаюць у агонь пук зялёнага калосся, то льюць малако, каб Купала паспрыяў ураджаю ды дапамог зберагчы ад порчы іх каровак і каб ведзьмы не рабілі сваіх заломаў. Агонь тут выступае як сімвал ачышчэння:

Палахна ў агонь пук зялёны калосся
Кідае і песню Купалы заводзіць,
З ёй хлопцы й дзяўчаты спяваюць у
згодзе.

Што ж просіць дзяўчына ў Купалы за
свой дар?

Паспрыяй жа ты ратаю,

Пахадзі ягонай нівай.

Хай жа ён панастаўляе

У жніво шмат коп шчасліва [6, с. 241].

Сімвал-архетып «агонь» неаднаразова сустракаецца ў творчасці Адама Міцкевіча – у вершы «Сябрам», баладзе «Рыбка», санеце «Гара Кікінес» і іншых творах. І кожны раз гэты сімвал выконвае дакладна акрэсленую аўтарам функцыю. Ён актыўна скарыстоўваецца і ў сучаснай паэзіі. Аркадзь Куляшоў нават вынес найменне «агонь» у загаловак свайго верша. Але рамантычны сімвал – гэта не толькі вобраз ці знак ідэі, а сапраўднае жыццё самой ідэі.

Архетып «агонь» спалучаецца ў нашым уяўленні з жоўтым і чырвоным колерамі. Толькі яны маюць даволі разнастайныя характарыстыкі – ад станоўчых да адмоўных: чырвонае яйка і чырвонае зарыва пажару, жоўтыя агенчык і жоўты пясочак на магіле. Цікавай асаблівасцю гэтых каларонімаў з’яўляецца поўная амбівалентнасць іх значэнняў і сэнсаў.

У паэзіі Уладзіміра Караткевіча жоўты колер часта аднолькава выдатна «служыць» апазіцыйным архетыпам сонцу і месяцу, а чырвоны колер скарыстоўваецца ў самых нечаканых экспазіцыях: «чырвоны шар, што палае чырвоным агнём», «чырвоная груша» ад захаду сонца, «снягір – іскра чырвоная» малой радзімы і г. д.

Каляронім «жоўты» ў ранняй творчасці Янкі Купалы характэрны для стварэння вобраза восені і сімвала «адарванага лістка»:

Пусцее поле, моўкне птушка

Скідае жоўты лісьць бяроза [7, 114].

ці:

Сонна адна адзінокаю

Груша стаіць над мяжою, –

Лісце скідае **пажоўклае**,

Сыпе асенняй нудою [7, с.115].

Праўда, у Я. Купалы любімымі колерамі, акрамя жоўтага, усё ж былі чорны, белы і чырвоны. Вельмі часта паэт падае ў сваіх вершах бінарныя апазіцыі з дамінантай белага колеру: «сіні – белы», «цёмны – белы», «зялёны – белы», «чырвоны – белы». Нярэдка паэт выкарыстоўвае архетып «дарога», як сімвал вечнага руху, безумоўна мкне яна ў «бел-свет». Часам паэт надае каляроніму «белы» аптычную характарыстыку, калі хоча стварыць такі відарыс, у якім колер успрымаецца як бы на адлегласці, выступае ў якасці фону.

Белы колер у Анатоля Сербантовіча – сімвал чысціні, першапачатку жыцця, у Міхася Башлакова ён ужо асацыіруецца з журбой і

трывогай. У вершы «Няма такой зямлі» паэт дэкларуе: «У квецені сады. А для каго квіценне?» Бо чарнобыльская зона – «мёртвая зямля», ды ці зямля гэта без чалавека?

Максім Танк жа, захапіўшыся салярнай сімволікай, часам параўноўваў сонца і са срэбным грошам, і карычневата-жоўтым боханам свежа-выпечанага хлеба, і з новымі залаціста-жоўтымі чаўнамі на любімай Нарачы.

Сёння ў айчынным літаратуразнаўстве даволі пільная ўвага надаецца вывучэнню паэтычнай творчасці Язэпа Пушчы як аднаго з прадстаўнікоў імажынізму ў беларускай паэзіі.

У ранніх вершах прасочваецца Ясенінскі ўплыў на маладога беларускага мастака слова. Толькі беларускі паэт наследваў ад свайго куміра пэўныя знешнія элементы. Напрыклад, узяўшы такія актыўныя ў творчасці Ясеніна каляронімы як сіні і прыдуманы ім «аўсяны», ён паказаў сваё разуменне іх паэтычнага нападзення.

Напрыклад, у Пушчы сакавітыя вобразы раніцы знітаваны ў адзінае цэлае глыбіннымі ўнутранымі сувязямі, а ў Ясеніна яны прасякаюць памежжа вечара і ночы, калі ад луннага святла ўсё становіцца ірэальным. Відавочна, у Ясеніна пераважае сіні колер, які сімвалізуе адчужэнне, згасанне. У панарамным вобразе вечара і ночы яно і апраўдана. Бо менавіта луна надае прадметам пэўную ненатуральнасць. Пластыка каляровай гамы робіць вобразы загадкава-застылымі, задуменымі, чароўнымі, але нежывымі.

Беларускі мастак прыгожага слова тонка адчуваў настрой свайго куміра, перададзены праз колер, бо з Ясеніным яго яднала разуменне таго, што прырода – гэта вечная прыгажосць і вечная гармонія сусвету. Але пластыка вобразаў у яго была свая. Мо таму сіні колер больш стваральны, эмацыйна набліжаны да насычанага зялёнага. Таму азначае ён то прадвесне, а значыць, квітненне зямлі («Раніца // Ў полі рыкае // Ў зялёную сіль»), то памежжа ночы і раніцы, калі сонца, як заліхвацкі пастух, «на сіні выган выганяе» пасвіць дзень. Паэт прызнаецца, што яго песням лепш «Карагодзіць вясны сінякудры ўзвыш». А ў вершы-акварэлі «Надранне», ў якім асноўнае месца займаюць выразныя зрокавыя, пластычныя замалёўкі, памастацку паказаўшы змену прыроднай фармацыі (памежжа ночы і раніцы), калі яшчэ «Лес яловы // галаву палошча ў сіні», а кусты «ловяць хваляў срэбных пырскі», Пушча дазваляе сонцу рашуча расправіцца са свяшчэнна-надзейнасцю ночы, знішчыўшы сіні колер як нешта зусім непатрэбнае і нават небяспечнае:

Сонца ж змрокі

Б’е на раны

І змятае колер сіні

Памялом пунцовай рані [8, с. 50].

Верш прасветлена-лірычны, быццам «сагрэты» сонечным праменьчыкам. Але на нейкім

падсвядомым узроўні гэта працяг дыялогу з Ясенінскім унутраным паэтычным светам. Бо пранікнёна заглыбіўшыся ў яго і зразумеўшы ў нейкай меры таямніцу душы рускага паэта, Пушча вызначае для сябе і больш мажорную танальнасць, і больш вясёлыя колеры, ды і найчасцей ужывальным (мабыць, і любімым) з'яўляецца зялёны колер.

Каб зразумець гэтыя калярова-асацыятыўныя аўтарскія рашэнні, варта колькі слоў сказаць пра апазіцыю вобразаў-сімвалаў месяца (у Ясеніна) і сонца (у Пушчы). Сонца ў Пушчы надзелена іпастасцю нястомнага працаўніка, а месяц у Ясеніна выконвае ролю вечнага назіральніка.

Адсюль і рознасць ў асацыятыўнай вобразнасці. Бо стараж ночы, месяц, ахутвае сусвет тайнай, а сонейка не толькі разгадвае гэту тайну, але і кліча за сабой да светлага.

Калі ж вярнуцца да каляроніма «сіні», то можна з упэўненасцю сказаць, што ён даволі прадуктыўны ў беларускай ментальнасці, а значыць, часта выкарыстоўваецца беларускімі творцамі прыгожага слова. Напрыклад, Максім Танк толькі ў вершы «Кантата», змешчаным у зборніку «Журавінавы цвет», падае дадзены колер як «мора сініх васількоў», якімі расцвітае песня, а для яе «шлях сіні» сцеляюць гусі, «сінім туманом» засцілаюць ветры сцежкі, што вядуць да роднай хаты, а затым па гэтых сцежках паэт заклікае пайсці «ў далёкі сіні вырай» да сонца. Як бачым, сіні колер у беларускай паэзіі ніколі не з'яўляецца агрэсіўным, бо ён суседнічае з каляронімам зялёны ці саялярным архетыпам, што здымае магчымасць ператварыцца ў «свінцавае» або іншае адценне халодных таноў.

У ранніх творах Ясеніна і Пушчы часта сустракаецца эпітэт «аўсяны». Калі ўлічыць, што магія асацыятыўнага жывапісу вынікае з палітры колеру, зададзенага паэтавым успрыманням рэчаіснасці, і затым стварае свет паэтычна-жывапіснага малюнка, то дадзены эпітэт убірае ў сябе шматзначныя паняцці. Ён адначасова падкрэслівае і прыналежнасць абодвух пісьменнікаў да вёскі, і эстэтыку іх асацыятыўнага мыслення.

Толькі «аўсяны» – гэта і не жоўты колер, і не шэры, і не пепельны, і не сонечна-залаты. Ёсць жа ціцыянаўскі колер! А чаму не можа быць аўсянага, калі за ім замацоўваюцца пэўныя зрокава-пластычныя малюнкi? Таму і бачым мы ў Ясеніна непаўторнасць жаночага вобраза «со снопом волос... овсяных», адчуваем як «Осенний холод ласково и кротко // Крадется мглой к овсяному двору» [9, с. 66], супе-

ражываем настальгію па родным доме, калі паэт дэкларуе: «Опять я теплой грустью болен // От овсяного ветерка» [9, с. 71].

У Язэпа Пушчы «Сэрца руніць аўсяныя рытмы // У вечар дажынкавы буйны» [8, с. 33], «Не ўдалося ў гэта мне лета // Мэндаляў песень аўсяных нажаць» [8, с. 31]. Але найчасцей слова аўсяны ў беларускага паэта ператвараецца ў нязвыклую метафару, калі «Песню поўдзень аўсяніць» ці «І зарою аўсяніўся песень наліў». Якія ж асацыяцыі ўзнікаюць? Вядома, у кожнага свае. Але вобразы, створаныя абодвума паэтамі з удзелам колеру і светлаценню, не пакідаюць чытачоў абыякавымі.

Заклучэнне. У творах беларускіх пісьменнікаў разнастайныя каляронімы найчасцей выкарыстоўваюцца ў пейзажнай і інтымнай лірыцы. Пры гэтым, на думку Ю. Бабіча, прасочваецца трывалая асацыятыўная сувязь з пэўнымі парамі года, памежнымі станами прыроды і чалавечай душы. Таму колер залежыць ад часавых і аб'ектных архетыпаў, якія адыгрываюць значную ролю ў плане адэкватнага ўспрымання кантэксту паэтычнага твора.

Літаратура

1. Цойгнер, Г. Учение о цвете: популярный очерк / Г. Цойгнер. – М.: Стройиздат, 1971. – С. 103.
2. Багдановіч М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 1992. – С. 140–225.
3. Сіпакоў, Я. Выбраныя творы: у 2 т. / Я. Сіпакоў. – Мінск: Маст. літ., 1995. – Т. 1: Вершы. – 1995. – С. 122.
4. Лотман, Ю. Структура художественного текста / Ю. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – С. 135.
5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1979. – С. 148.
6. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1995–2003. – Т. 3: Вершы, пераклады 1911–1914. – 1997. – С. 114–115.
7. Філаматы і філарэты: зборнік / склад. К. Цвірка. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998. – С. 241.
8. Пушча, Я. Збор твораў: у 2 т. / Я. Пушча. – Мінск: Маст. літ., 1993. – Т. 1: Вершы, паэмы, артыкулы 1922–1930. – 1993. – С. 16–50.
9. Есенин, С. А. Собрание сочинений: в 2 т. / С. А. Есенин. – Минск: Маст. літ., 1992. – Т. 1: Стихотворения, поэмы. – 1992. – С. 31–263.

Е. И. Скоробогатая, преподаватель

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ АУДИРОВАНИЯ И ГОВОРЕНИЯ ПО НАУЧНОМУ СТИЛЮ РЕЧИ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

The article deals with types of speech activity: listening and speaking as necessary elements of teaching foreign students the Russian. Teaching the understanding the oral speech by hearing is considered as very important aspect of developing speech skills. Sample types of practical exercises are given in this article, which help to shape abilities and skills of listening and speaking in scientific register of speech.

Введение. В обучении русскому языку как иностранному важны все виды речевой деятельности – аудирование, говорение, чтение и письмо. Между этими видами речевых умений существует неразрывная связь: умения аудировать и говорить представляют устную форму речи, а умения читать и писать – ее письменную форму. Каждое из них состоит из навыков, свойственных только данному умению, а это определяет соответствующий пути их формирования и развития.

Несмотря на то, что обучение пониманию устной речи на слух считается очень важным аспектом при развитии речевых навыков, в методике долгое время не уделялось должного внимания развитию навыков аудирования [1].

Основная часть. Аудирование тесно связано с другими видами речевой деятельности, прежде всего с говорением. Говорению невозможно научиться без аудирования и наоборот, поскольку они представляют две стороны одного явления – устной коммуникации. Конечно, аудирование имеет много общего с говорением, но обучать аудированию невозможно через говорение. В процессе обучения языку аудирование считается самостоятельным и специфичным видом речевой деятельности, активным мыслительным средством, при помощи которого воспринимается, узнается и понимается ряд новых речевых сообщений.

Одним из важнейших механизмов аудирования является механизм внутреннего проговаривания. Воспринимая речь, слушающий с помощью речедвигательного анализатора преобразует звуковые и зрительные (если он наблюдает за говорящим) образы в артикуляционные. От того, насколько верной будет эта «внутренняя имитация», во многом зависит успешность аудирования. Правильное же «озвучание» слов про себя возможно лишь при наличии у слушающего четких произносительных навыков во внешней речи. Следовательно, на начальном этапе аудирование должно развиваться в тесной связи с говорением, что не только обеспечивает формирование произносительных навыков, но и способствует установлению прочных связей между артикуляционными и слуховыми ощущениями.

Механизм сегментации воспринимаемой речевой цепи помогает слушающему вычлени в речевом потоке отдельные грамматико-семантические группы, которые содержат ключ к их «дешифровке» (Скалкин В. Л.).

Механизм оперативной памяти состоит в том, что воспринятое на слух слово, словосочетание остаются субъективно звучащими в сознании слушающего еще некоторое время, необходимое для осмысления целого высказывания, законченного фрагмента и т. д. От уровня развития оперативной памяти зависит величина единицы восприятия. Расширение объема оперативной памяти рассматривается как одна из важнейших задач обучения аудированию [3].

Как известно, большая часть русской лексики – слова многозначные, а потому отдельно взятое слово несет весьма приблизительную информацию, которая конкретизируется лишь определенным контекстом и ситуацией. С помощью механизма идентификации понятий слушающий определяет, какой из лексико-семантических вариантов звучащего слова актуализирован в речи говорящего.

Важную роль в процессе аудирования играет механизм антиципации, или вероятностного прогнозирования, который дает возможность по началу слова, словосочетания, предложения, целого высказывания предугадать его конец.

На базе механизма долговременной памяти осуществляется сличение поступающих речевых сигналов с теми моделями, которые хранятся в нашем сознании. В зависимости от того, существует ли в нашей долговременной памяти те или иные образы речи, лингвистическая информация воспринимается как знакомая или незнакомая. Долговременная память формируется не специальными упражнениями, а всем предшествующим языковым опытом обучаемого.

Едва ли не самую ответственную роль в аудировании играет механизм осмысливания. Он производит компрессию фраз и отдельных фрагментов текста за счет опущения подробностей и, оставляя в памяти только смысловые отрезки, высвобождает ее для приема новой порции информации.

Аудирование как умение должно опираться на определенные навыки:

- 1) грамматические;
- 2) лексические;
- 3) навыки восприятия;
- 4) различия звуковой стороны речи.

В аудировании, в конечном счете, все зависит от того, как были связаны грамматические и лексические навыки с навыками третьей группы, т. е. формировались ли они в условиях восприятия и понимания речи на слух. Умение аудировать означает не только сумму указанных трех навыков, но и способность владения ими в целях понимания на слух каждый раз новых текстов в новых ситуациях [2].

В системе механизмов аудирования первым компонентом является восприятие речи. Это тесно связано с механизмами слуховой памяти и внутреннего проговаривания, с механизмами узнавания, антиципации, или вероятностного прогнозирования, и логического понимания. Одной из важнейших задач преподавателя является формирование этих механизмов.

Необходимо учитывать следующие трудности восприятия иноязычной речи на слух:

1) однократность предъявления информации, что практически лишает слушающего возможности анализировать отдельные слова и требует от него быстроты реакции при восприятии звучащего текста;

2) понимание речи людей с разными голосовыми характеристиками и произносительной манерой;

3) пассивные конструкции; слова, звучащие одинаково, но разные по значению и т. д.;

4) тексты, сложные по содержанию; сами факты, связи между действиями;

5) темп речи, задаваемый говорящим, что заставляет слушающего воспринимать речь в «навязанном» ему темповом режиме;

6) воспроизведение того или иного вида речи (монологическая или диалогическая речь);

7) трудности, связанные с восприятием предметного содержания звучащей речи, смыслом воспринимаемого текста.

Полное, точное и быстрое понимание звучащей речи возможно лишь при условии хорошо развитых механизмов аудирования и сформированности у студентов умений успешно преодолевать перечисленные трудности.

Преподаватель при формировании умений и навыков аудирования должен научить студентов:

- 1) понимать слово, словосочетание;
- 2) понимать фразу, построенную на изученном лексико-грамматическом материале;
- 3) понимать небольшое сообщение (аудиотекст), построенное на знаковом материале;
- 4) фиксировать в письменной форме воспринимаемые на слух слова, словосочетания, фразы;
- 5) писать под диктовку в заданном темпе;
- 6) развивать объем слуховой памяти;
- 7) понимать речь нормального темпа;

8) понимать общее содержание и смысл неизвестного текста;

9) понимать разнохарактерные тексты.

На занятиях по русскому языку как иностранному студенты подготовительного отделения знакомятся с некоторыми особенностями научного стиля речи естественного и технического профилей. Задача преподавателя – подготовить иностранных студентов к восприятию и пониманию текстов по химии, математике, физике, черчению и биологии, т. е. дать студентам необходимый минимум лексики: слов, словосочетаний и синтаксических конструкций по научному стилю речи, и начать формирование у слушателей умений аудирования и говорения в рамках определенных тем по химии, математике, физике, черчению и биологии [3].

Грамматический материал вводится постепенно по мере необходимости моделями предложений, а текстовый материал позволяет их активизировать.

Этим и определяются основные принципы построения системы упражнений для формирования умений и навыков аудирования и говорения.

Лексико-грамматические упражнения (задания) имеют определенную последовательность: работа над словом, работа над словосочетанием, работа над структурой предложения и структурой текста.

Учебные тексты для аудирования и говорения на основе научного стиля речи содержат:

1. Предтекстовые упражнения по аудированию, например:

а) упражнения (задания) на узнавание языковых единиц:

– слушайте и повторяйте слова и словосочетания;

– прочитайте выделенные слова, словосочетания, сложносокращенные слова вслух;

– определите значение выделенных слов, словосочетаний по словарю;

– укажите формы единственного и множественного числа имен существительных; определите значение существительного (предмет, процесс, свойство, отношение);

– трансформируйте один тип словосочетания в другой, например, глагольные в именные (и наоборот); употребите в предложении данное слово (словосочетание), выражение; запишите под диктовку следующие слова, выражение;

б) упражнения на воспроизведение извлеченной из текста информации;

– письменно ответьте на вопросы;

– прочитайте текст и выделите в нем основные смысловые части (ключевые слова каждого предложения);

– прочитайте предложения, разделите их на смысловые отрезки;

– запишите текст под диктовку;

– прочитайте вслух записанный текст.

Различные виды диктантов служат целям формирования и развития определенных навыков и умений на разных этапах обучения студентов данному виду деятельности. При проведении диктантов особое внимание обращается на выработку навыков сознательной записи воспринимаемой на слух информации [4].

2. Основная работа по формированию навыков аудирования и говорения проводится в системе послетекстовых упражнений (заданий), которые предлагаются после того, как преподаватель убедился, что содержание прочитанного текста понято полностью. Послетекстовые упражнения (задания) призваны формировать умения и навыки воспроизведения прочитанного, подвести слушателей к монологическому высказыванию. Эта цель достигается упражнениями типа:

– прочитайте текст и ответьте на вопросы; запишите свой ответ в тетради; прослушайте и повторите предложения, а затем по памяти запишите последний вариант предложения;

– составьте вопросы к тексту и подготовьте пересказ содержания по этим вопросам;

– сформулируйте 2–3 вопроса, ответы на которые передадут главную информацию;

– прочитайте и перескажите ту часть текста, где говорится о том, что ...;

– прослушайте текст еще раз и ответьте на вопрос;

– напишите выборочный диктант на материале данного текста;

– найдите в каждом предложении опорные слова текста и перескажите текст с опорой на них;

– подготовьте по прочитанному тексту развернутые ответы на вопросы и т. д.;

– посмотрите, как основные положения текста можно превратить в пункты плана;

– познакомьтесь со структурой текста (вступление, основная часть, заключение);

– подтвердите или опровергните следующие положения (начинайте ответ так: – Да, это верно, ...; – Нет, это неверно, ...);

– найдите в тексте дефиниции и прочитайте их;

– проверьте, как вы запомнили содержание текста – закончите предложения [5].

Заключение. Таким образом, выбор комплексной системы упражнений, обеспечивающей взаимосвязь аспектов языка и видов речевой деятельности (в нашем случае аудирования и говорения) дает возможность формирования навыков аудирования и говорения. И это еще раз свидетельствует о тесной взаимосвязи видов речевой деятельности и убеждает в целесообразности комплексного и сбалансированного развития всех речевых умений в учебном процессе.

Литература

1. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – М.: Русский язык, 1989.

2. Власова, Н. С. Пособие по научному стилю для подготовительных факультетов (естественнонаучный профиль) / Н. С. Власова, И. И. Рафаева, Е. М. Погосова. – М.: Русский язык, 1990.

3. Жидкова, Г. Ф. Пособие по развитию навыков научной речи для иностранных студентов-филологов. Чтение, говорение, письмо / Г. Ф. Жидкова, С. А. Хавронина. – М.: Русский язык, 1990.

4. Русский язык будущему инженеру: учебник по научному стилю речи для иностранных граждан (довузовский этап) / Е. В. Дубинская [и др.]. – М.: Флинта. Наука, 2003.

5. Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе / Сост.: Г. И. Дергачева, [и др.]. – М.: Русский язык, 1986.

Т. А. Козлякова, ст. преподаватель

РОЛЬ ЧТЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

The article dwells on reading as a type of speech. The psychological features of reading are noted. The factors complicating the process of teaching reading are analyzed.

The role of reading in the vocabulary forming is underlined. The forms of reading are described: reading aloud, reading to oneself, reading with and without translation, auditorium and home reading. The particular attention is paid to the formation of skills whole teaching reading: fluent reading skills, skills to determine main and subordinate clauses, content understanding skills, comprehension skills.

Введение. Как вид речевой деятельности чтение стало предметом изучения в 70-е гг. XX в., однако лабораторные исследования процессов его протекания относятся к 20–30-м гг. прошлого века.

Вопросы методики обучения чтению на иностранном языке привлекали внимание многих исследователей (Бергман И. М., Белоцерковская Н. Л., Гапочка И. И., Мегердичев Г. А., Клычникова З. И., Леонтьев А. А., Фоломкина С. К., Улановская Э. С. и др.).

В настоящее время существует довольно обширная литература, в которой освещаются самые различные стороны этой многогранной методической проблемы.

Основная часть. Чтение – рецептивный вид речевой деятельности по восприятию и переработке графически зафиксированного содержания текста в смысл в соответствии с коммуникативной установкой.

Рассмотрим некоторые особенности чтения. С психологической точки зрения, чтение представляет собой процесс, состоящий из техники чтения и понимания при чтении.

Техника чтения – это умение устанавливать прочные звуко-буквенные и буквенно-звуковые соответствия. Для того чтобы научиться читать, учащиеся должны овладеть фонетической структурой слова, навыками слитного произношения слов и синтагматического членения предложения, овладеть типами интонационных конструкций.

Известно, что обучать чтению легче, чем говорению или аудированию, так как читающий может выбирать наиболее оптимальный для себя темп, возвращаться неоднократно к прочтению трудных мест. При чтении мы опираемся на зрительное восприятие знака, а не на слуховое (как при аудировании), а в психологии установлено, что зрительная память гораздо надежнее сохраняет образы по сравнению со слуховой.

Вместе с тем имеются факторы, осложняющие процесс обучения чтению: это большой объем языкового материала, сложность синтаксических конструкций, необходимость самостоятельно интонировать (озвучивать) текст.

Так, слово в тексте может быть воспринято, если в долговременной памяти читающего хра-

нится его зрительный, звуковой и речедвигательный образ. Поэтому для прочного запоминания слова в обучении чтению необходимо применять принцип устного опережения, который определяет следующую последовательность – услышать, проговорить, прочитать, написать.

Такая презентация материала обеспечивает максимальное использование всех возможных анализаторов – слуховых, речедвигательных, зрительных. Особенно важно это на начальном этапе обучения языку.

Отметим, что лексическая единица может быть соотнесена со значением при наложении по крайней мере двух образов – зрительного и слухового. Совершенно иначе обстоит дело с пониманием предложений. Каждая фраза текста сама по себе уникальна, читающий чаще всего не произносил именно этого предложения. И понимание его становится возможным, если учащийся уже встречался или строил сам предложения с подобной структурой, несмотря на иное лексическое наполнение. Поэтому необходимо формировать в сознании учащихся фразовые стереотипы.

Между тем, важными психологическими компонентами процесса чтения являются смысловое и вербальное прогнозирование. Смысловое прогнозирование – умение предугадать описываемые в тексте события по названию текста, по первым его предложениям догадаться о дальнейшем разворачивании событий.

Смысловое прогнозирование формируется из ранее приобретенных знаний, поэтому специально обучать ему, видимо, не нужно.

Вербальное прогнозирование – это умение угадывать слово по начальным буквам, синтаксическое построение предложения – по первым словам.

Понимание при чтении соотносится с техникой чтения как цель и средство. Читающий не просто извлекает готовую информацию, он сравнивает значение читаемого с своим опытом, имеющейся информацией, знаниями.

В практике обучения давно замечено, что развитие одного из видов речевой деятельности положительно сказывается на становлении других видов. Особенно ощутимо влияние чтения на запоминание языкового материала.

В обучении иностранным языкам чаще всего используют следующие формы чтения: чтение вслух и про себя, беспереводное и переводное, подготовительное и неподготовительное, классное и домашнее.

Чтение вслух активно используют на начальном этапе обучения. Умение правильно озвучить текст при чтении вслух или во внутреннем проговаривании, как отмечалось, составляет технику чтения. Чтение вслух является главным средством формирования механизма внутреннего проговаривания, без которого чтение про себя оказывается невозможным.

Беспереводное и переводное чтение различают по степени участия родного языка и понимания прочитанного. Понять текст и перевести его – задачи разного уровня. Поэтому учащиеся должны находить адекватные формы в родном языке, а не переводить каждое слово.

Подготовленное чтение предполагает снятие языковых трудностей до чтения.

Неподготовленное чтение проводится на облегченных, адаптированных текстах.

Классное и домашнее чтения различаются по месту его проведения. По мере накопления опыта в чтении учащимися классное чтение должно уменьшаться, так как домашнее чтение позволяет сэкономить время на уроке. В классе необходимо лишь проводить контроль понимания прочитанного.

Соответственно коммуникативным потребностям выделяют следующие виды реального чтения: ознакомительное, поисковое, просмотровое, изучающее.

Цель просмотрового чтения – получить самое общее представление о содержании текста.

При поисковом чтении читающему необходимо обнаружить в тексте какую-либо информацию, о наличии которой ему стало известно из других источников.

При ознакомительном чтении текст читается целиком, но в быстром темпе.

Целью такого чтения является получение общего представления о содержании текста. Л. В. Щерба писал, что это умение особенно необходимо научным работникам, инженерам, студентам. По мнению многих исследователей, текст для ознакомительного чтения может содержать 70–75% второстепенной информации понимания текста.

Текст для изучающего чтения предполагает использование словаря, поэтому в нем могут содержаться новые слова, но их количество не должно превышать 10–12 слов на страницу, иначе понимание текста будет результатом не чтения, а его расшифровки. При изучающем чтении необходимо полное и точное понимание всех основных и второстепенных фактов, содержащихся в тексте.

В современной методике, как и много лет назад, актуальным остается вопрос, какие уме-

ния должны быть сформированы у учащихся при обучении чтению и какие приемы работы с текстом могут быть наиболее эффективными.

Безусловно, уровень сформированности умений должен достигать автоматизированного узнавания языковых факторов, только при таком условии возможно переключить внимание читающего с формы на содержание.

Итак, рассмотрим умения, связанные с техникой чтения.

Эти умения формируются уже во вводно-фонетическом курсе, когда происходит знакомство с графическим изображением букв. Упражнения, направленные на выработку этих умений, строятся на произнесении усложняющих элементов – буквы, буквосочетания, слова, синтагмы, предложения, микротекста. Мы знаем, что скорость чтения – это важный показатель так называемого зрелого чтения (у опытного чтеца скорость чтения про себя в три-четыре раза выше скорости вслух). Уже на начальном этапе можно добиться быстрочтения, если уменьшить долю громкого чтения.

Умения, связанные с пониманием языкового материала, как бы распадаются на ряд промежуточных умений:

1. Главная задача для понимания отдельных слов и фразеологизмов – это создать эталоны памяти учащихся. Поэтому в упражнениях лексические единицы должны быть представлены во всех возможных вариантах. Чем чаще повторяется слово, тем прочнее оно запоминается.

2. Понимание словосочетаний и предложений достигается за счет того, что в памяти учащихся имеются образы схем предложений или фразовых стереотипов. Необходимо довести до автоматизма механизм узнавания грамматических явлений, что позволит не анализировать при чтении всю схему предложений, а прогнозировать ее продолжение по начальным элементам.

Для правильного чтения синтагм и объединения их в предложения рекомендуются упражнения типа: «Из данных слов составьте предложения» и т. д.

3. Умение выделять в предложении главное и второстепенное является очень важным при чтении. Для этой цели рекомендуются упражнения по сокращению и расширению предложений, выделению ключевых слов и т. д.

Умения, связанные с пониманием содержания текста, формируются на установлении отношений между предложениями и между абзацами. Главная задача этих упражнений – помочь учащимся осознать текст как единое смысловое целое. Для решения этой задачи используются упражнения: «Разбейте текст на части», «Озаглавьте каждую часть», «Определите части текста в соответствии с планом», «Прочитайте предложения, несущие основную информацию» и т. д.

Рассматривая чтение как понимание, А. А. Леонтьев вводит понятие «образ содержания текста», являющийся не конечным результатом понимания, а самим процессом понимания.

Отметим, что в процессе чтения реципиент решает не только речемыслительные задачи, но и выполняет коммуникативную, когнитивную и познавательную функции.

Умения осмысливать информацию текста связаны не только с содержанием текста, но и с мотивацией учащегося. Для чего он читает? Мотивация, в целом, имеет огромное значение в процессе обучения.

Заключение. Итак, в методической литературе принята классификация упражнений по обучению чтению по отношению к процессу чтения текста. С этой точки зрения они делятся на предтекстовые, притекстовые и послетекстовые.

Таким образом, в процессе работы над текстами, при выполнении заданий с применением различных методических приемов происходит усвоение знаний, необходимых для осуществления деятельности чтения, говорения, аудирования, письменной речи.

В изданном учебно-методическом пособии для слушателей подготовительного отделения «Знакомьтесь: Беларусь» (авторы Козловская Г. В., Козлякова Т. А.) представлены тексты для изучающего чтения и разработаны предтекстовые, притекстовые и послетекстовые задания. Коммуникативная направленность заданий обусловлена активизацией мыслительной и учебной дея-

тельностью учащихся, диалогом с преподавателем, участием всей группы в обдумывании и решении поставленных вопросов. Тексты прошли апробацию в группах.

Литература

1. Глухов, Б. А. О терминах методики (постановка проблемы) / Б. А. Глухов // Русский язык для студентов-иностранцев: сб. метод. статей / под ред. В. И. Кедайтене. – М.: Русский язык, 1990.

2. Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе. – М.: Русский язык, 1983.

3. Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе. (Русский язык как иностранный) / МАПРЯАЛ. – М.: Русский язык, 1990.

4. Фоломкина, С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе / С. К. Фоломкина. – М.: Высшая школа, 1987. – 205 с.

5. Леонтьев, А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии / А. А. Леонтьев // Избранные труды по психологии. – М.: Воронеж, 2001.

6. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному обучению / Е. И. Пассов. – М., 1989.

7. Козловская, Г. В. «Знакомьтесь: Беларусь»: метод. пособие для иностранных слушателей подготовительного отделения / Г. В. Козловская, Т. А. Козлякова. – Минск, БГТУ, 2008.

СІСТЭМА МОЎНЫХ РОЗНАЧЫТАННЯЎ У СПІСАХ ПЕРШАГА БЕЛАРУСКАГА ЛЕТАПІСНАГА ЗВОДУ

«The Chronicler of Great Lithuanian Duchies» is being analyzed in the article to find out facts of linguistic variant readings. The text of the «Chronicler» verified by the records of the first annalistic code shows a variety of written and literary variant in all levels of language. Revealed variant readings clearly indicate an elaboration of standards of ancient Belarusian literary language.

Уводзіны. Пэўны час, пакуль агульныя падыходы да гісторыі старажытнай беларускай мовы схематычна накладваліся на падсістэмы асобных літаратурна-пісьмовых жанраў, развіццё моўнай сістэмы летапісаў разглядалася ў лінейным плане. Лічылася, што ў аснове сваёй яна спалучала паўднёваславянскі і агульнаўсходнеславянскі кампаненты, а затым паступова насычалася ўласнабеларускімі рысамі. Так сталася з Віленскім летапісам (ён з'яўляецца адным з ранніх спісаў «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх»), даволі падрабязна апісаным даследчыкамі на прадмет выяўлення ў ім уласнабеларускіх рысаў і традыцыйных элементаў папярэдняй пісьмовай эпохі паводле ўсіх узроўняў мовы. Фармалізаваны падыход да наяўных моўных фактаў гэтага спіса прывёў да замацавання даволі прыблізнага, практычна памылковага ўяўлення, што летапіс ілюструе прыклад тэксту, насычанага граматычнымі рысамі царкоўнаславянскай мовы і асаблівасцямі арфаграфіі перыяду другога паўднёваславянскага ўплыву. Падобныя ўяўленні трымаліся да таго часу, пакуль не была высветлена адметная прырода беларускага летапісання. Навуковы тэксталагічны і гістарыяграфічны аналіз захаваных да сёння летапісных спісаў засведчыў, што беларускія летапісы перыяду ВКЛ ствараліся як арыгінальныя творы на старажытнай беларускай літаратурна-пісьмовай мове, а затым ужо дапаўняліся пагадовымі запісамі-ўстаўкамі з летапісаў больш ранняга перыяду і іншымі матэрыяламі.

Асноўная частка. Раскрыць асноўныя працэсы функцыянавання старажытнага літаратурнага пісьма дазваляе метадыка аналізу летапіснага тэксту праз супастаўленне моўных розначытанняў у аднолькавых яго частках. Правядзенне параўнальнага аналізу нават нязначнага паводле аб'ёму тэксту з першай часткі Віленскага спісу з іншымі летапісамі, напрыклад, Супрасльскім (першы звод), Рачынскага (другі звод) і Быхаўца (трэці звод), адкрывае ў пэўнай ступені паказальны спектр розначытанняў: «У великого князя Кгедимина литовского 7 сынов было: старшии Монтивид, потом Нарамонт, потом Олгирд, потом Евнутии, потом Кестутии, потом Кориат, семьи Люборт. Монтивиду отец дал Карачев и Слонимь, а Нарамонту Пинеск, Олгирду, королеву отцу, Крево; да к тому князь витебскыи сынов не дръжал, принял ко

дочце в Витебеск, Евнутя осадил в Вилни на Великом княжени, а Кестутю дал Трокы, а Коръяту Новгородок, а Люборта принял волынскыи князь в всю землю Волынскую» (Віленскі); «Великого князя Кедмина литовьского было сынов 7: старешии Монвид, потом Наримонт, Олигоръд, *королев отець*, потом Евнутеи, потом Кестути, *отець великого князя Витовта*, потом Кориат, седмыи Люборт. Монтивиду даль отец Корачев да Слонимь, Наримонту Пинеск, Олгирду, *королеву оцу*, Крево; да к тому князь витебскыи сынов не держаль, принял его к *дотьце*, Витебськь в зяти. Евнутия осадиль во Вильни на великомь княжени, а Кестутию Троки, а Коръяту Новгородок, а Люборта принял *володимерьскыи* князь к *дотьце* во Володимер и в Луцеськь и во вьсю землю Волынскую» (Супрасльскі); «*Будучы великому князю Кгидимину пры старости своеи, и сплодил сем сынов... И будучы князь великии Кгидимин у великои старости своеи, пры своем жывоте розделил всих сынов своих, и пяти сынов своих посадил на вдѣлех* то ест старшого сына Монтивид на Корачове да на Слониме, а Нарымунта на Пинску, а Олгирда на Креве; а к тому князь витебскии сынов не мѣл, *только дочку*, и он *за Олгирда дал дочку свою* и прынял его у *землю Витебскую*. А Коръяту дал Новгородок, а Люборту дал Володимер и Луческ и землю Волынскую. А старшых двух сынов своих посадил на великих князствах: Евнутя на стольцы своем на Вилни и на Великом князстве Литовском, а Кестутя на Троцѣх и на всеи земли Жомойтскои. И розделивши их сам почестне *умер*» (Рачынскага); «У buduczy wielikomu kniazciu Gidyminu u wielikoy starosty swoiey u pry swojem zywote rozdelil wsich synow swoich. Y piaty synow swoich posadył na wdelech, to iest starszoho syna Montwida na Karaczewe da na Slonime, a Narymonta na Pinsku, a Olgierda na Krewie, a k tomu kniaz witebski synow ne mel, *tolko doczku*, y on dal za neho doczku swoju, y przynial jeho w zemlu Witebskuiiu; *Koryatowi dal Nowhorodok, Lubortu Wolodymir u Lyczesk u zemlu Wolynskiyiu*. A tych dwóch synow swoich posadył na wielikich kniastwach: Jewnutia na stolcy swoiem na Wilni y na Welikom kniastwe Litowskom, a Kestutia na Trocech y na wsey Zomoytskoy zemli; y rozdeliwszy ich, sam poczestne *umre*» (Быхаўца, с. 138, л. 132).

Надзвычай багаты лінгвістычны матэрыял утрымліваюць дзеяслоўныя розначытанні Віленскага летапісу і спісаў першага беларускага зводу – Супрасльскага, Акадэмічнага і Слуцкага. У першай частцы «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» дзеяслоўныя дублеты ў названых спісах выступаюць у якасці такой шырокай варыянтнасці, якая закранае практычна ўсе ўзроўні мовы. Лексіка-семантычныя варыянты тыпу *привели – привезли, наедеть – найдеть, поедеть – поидеть, поедеть – поиде, живу – дръжу, вдѣлал – учинил, не вдѣлал – не вчинил, явилось – учинилось, опступили – отступили, дали быхмо (правду) – вчинили быхом (правду) – задали быхом (правду), правду забыл – правду загубил, смерть пригодилася – конецъ стался, рекл – отвѣчалъ, не было – не вчинилось, (твердо) дръжати – (твърдо) стеречи, изгадають – загадають, пригадала – пригодила, почал ся радити – змовилися – совѣтъ сотвори – свет сотворилъ* і іншыя адлюстроўваюць як сэнсава значныя, так і аўтарскія інавацыі перапісчыкаў тэксту.

Аналіз розначытанняў дазволіў выявіць разнастайную, але пераважна спарадычную фанетыка-арфаграфічную варыянтнасць: маюць месца паказчыкі акання: *не стаяти – не стоять*, праяўленыя ў тым ліку і праз гіпернармалізацыю: *розбити – разбити*; адвольнасць ужывання ь ў Слуцкім і Акадэмічным спісах: *пригнал – пригналь; полюбился – полюбилься, учинил – учиниль, взял – узяль, всклати – услакъсти, забыв – забывь, сѣл – сѣль, остерегл – остерѣгель, не вчинил – не вчиниль, дадутся – дадутся*; захаванне ў асобных словах рэдукаванага ь ў Віленскім спісе і паказ галосных поўнага ўтварэння ў Супрасльскім, Акадэмічным і Слуцкім летапісах: *въгнал – возна, събра – собра, събралася – собралася, дръжати – держати*; чаргаванне г – ж: *стерега – стережа*, узаемазамена літар у – в: *уоставил – вставили*, а таксама л – в: *не рушив – не рушил – не рушилъ, почув – почувъ*; выяўлены асобныя паказчыкі зацвярдзення шыпячых: *не пошол – не пошель – не шоль, почув – почувъ*, назіраецца праяўленне асіміляцыйных працэсаў: *приеждивал – приѣзьчиваль, приеждати – приезьдिति – перееждати, не съшедшимся – нешошедшимся, пошлетъ – послетъ*; ёсць спробы адлюстравання падаўжэння: *кровопролитя – кровипролития – кровипролитья*. Шэраг розначытанняў можа быць патлумачаны аўтарскай матывацыяй перапісчыкаў ці іх апіскамі: *наидеть – надеть, оставили – остали, сѣдѣти – сидѣти, приженеть – прижинеть, надѣяся – надияся, воючи – воюци*.

Марфалагічныя формы дзеяслова, выступаючы найбольш устойлівымі нарматыўнымі паказчыкамі, даюць сваю палітру розначытанняў. Асобныя з іх закранаюць працэсы вар’іравання аорыста і іншых дзеяслоўных формаў: напрык-

лад, замену аорыста ў Віленскім спісе на формы будучага часу ў значэнні прошлага ў іншых: *посади – посадить, озябе – озябеть, поиде/поде – поидеть*; і наадварот – будучага часу на аорыст (*поидуть – поѣде, поедеть – поиде*), інфінітыва на аорыст (*высадити – высади*), будучага часу на кароткі дзеепрыметнік (*възмѣтъ – возма*). У іншых выпадках мае месца чаргаванне перфекта і аорыста (*рек/рекл – рече, отпустил – отпусти*), перфекта і плюсквамперфекта (*записалися – записались были*), перфекта і будучага часу (*вышил – выидеть вон*), а таксама інфінітываў на -ть і -ти (*посадить – посадити, не помыслить – не мыслити, не стаяти – не стоять, быти – быть, покладывать – покладывати, покладать – покладати, стеречи – стеречь, стати – стать*); узаемазамена дзеясловаў абвеснага і ўмоўнага ладу (а кровипролития *не вчинилось* – а кровипролитья *бы не учинилось, остати – оставити/остати бы, понял бы – дабы принялъ – дабы принялъ*); варыянтнасць дзеяслоўных формаў ліку (*дали – дал, любил – любили, уоставил – вставили, записалися – записались, не пошол – не шоль, постинали – постинал, мовить – мовять, приехал – поехали, записалися – записались, урадовалися – урадовалься, мыслять – мыслить, приступили – приступитъ*); несупадзенне самых разнастайных паказчыкаў часу нярэдка з утварэннем рознатрывальных пар пашыраецца на даволі значнае кола слоў: *пошлетъ – послал, стретить – стретиль, приступитъ – приступили, давал – даетъ, почал (жаловатися) – начнетъ (жаловатися), спустился – испустится, утек – утечетъ, вон идуть – вон поидуть, оставил – оставить, остави ли – оставили были, почал – начне, почал – начнетъ, спустился – спуститься*; чаргаванне зваротных і незваротных дзеясловаў (*змовилися – смовили*); варыянтнае афармленне зваротнасці (*записался – записаль ся – записались, ся крестил – крестися*); фанетычныя розначытанні дзеясловаў (*смовили – змовили, смолвивши – змолвивше*), фанетычнае чаргаванне суфіксаў л – в (*забыл – забыв/забывь, поехал – поехав, переступив – переступил*); слова- і формаўтваральная варыянтнасць (*смовили – змовили, смовивши – смолвивши, мовить – молвить, урадовалися – возрадовалися, почнетъ – учнетъ, уедетъ – воедетъ, приехати и отехати – зъехався и розехатися, придуть – поидуть, почал – начнетъ, емие – немие, испустится – спуститься*); адлюстраванне страты суфікса -л у дзеясловах з інфінітыўнай асноваю на зычны (*рек, остерег*) і паралельнае выкарыстанне ўстарэлай формы (*рекл, остерегл*); чаргаванне дзеясловаў прошлага часу ў форме перфекта з архаічнымі формамі кароткіх дзеепрыметнікаў мужчынскага/ніякага роду (*въгнал – возна, вѣдал – вѣда, събрав – събра/собра*; у тым ліку і з былых

дзеепрыметнікаў на *-л. стерега – стерегль*; варыянтнасць дзеепрыслоўяў, сярод якіх архаічныя (*бышиу – сущю, ида – иды, надеяся – надияся*), а таксама тыя, што захавалі канчаткі былых дзеепрыметнікаў мужчынскага/ніякага і жаночага роду (*смовивши – смолвивши – змолвивше; не оставя – не остави, услышавше – услышавши – услышавь, оковавши – оковав/оковавь, слышав/слышавь – слышавши*); чаргаванне дзеепрыметнікава-дзеепрыслоўных формаў з уласна дзеясловамі: *не починаа – не починають, не починали – не починавши – не починая, ускладши – всклати – ускластьсти*; сустрэтая прыметнікавая форма з канчаткам *-ым* у давальным самастойным Віленскага спісу «Брати своеи послушным быти великого князя Олгирда» (Віл., с. 87, л. 438) у Супрасльскім набыла форму дзеепрыметніка парнага ліку *послушну* быти, а ў Акадэмічным – прыметніка множнага ліку *послушными* быти.

У шэрагу спісаў дапаможны дзеяслоў *быти* ў форме аорыста 1-й асобы множнага ліку летапісцы падаюць як у традыцыйнай форме *быхом*, так і з канчаткам *-мо*: *быхмо – быхом, дали быхмо* (правду) – *вчинили быхом/задали быхом* (правду). Старажытныя беларускія помнікі фіксуюць чаргаванні канчаткаў *-мь, -мо, -мы* ў дзеясловах тэматычнага спражэння.

На ўзроўні словазлучэння можна назіраць нешматлікія замены дзеяслова на дзеепрыслоўе: *высочил и убѣжал* (Віл.) – *высочив, убежить* (Супр.) – *высочив, убежить* (Акад.); *приехати и отехати* (Віл.) – *зъехался и розехатися* (Акад.); складанага выказніка – на аднародныя аднакаранёвыя дзеясловы: *наговорил засѣсти* (Віл.) – *а наговориль а засели* (Акад.), варыянтнасць злучнікаў пры адпаведнай інтэрпрэтацыі сэнсавых сувязяў слоў у словазлучэнні: *аль пак также изгадають* (Віл.) – *ачь также загадають* (Акад.) – *ачеи изгадають* (Сл.), *спустится* (Віл.) – *да спуститься* (Сл.).

Дзеяслоўныя розначытанні першай часткі «Летапісца» выяўляюць адметнасць моўна-стылістычных прыёмаў беларускага летапісання ў арыентацыі на традыцыі ўласнабеларускага літаратурнага пісьма. Як ужо адзначалася, у асобных аспектах Віленскі летапісец быў вызначаны на захаванне архаічных рысаў мовы [1, с. 30]. У параўнанні з графіка-арфаграфічнымі паказ-

чыкамі марфалагічныя формы Віленскага спісу не пацвярджаюць наяўнасць тэндэнцыі на архаізацыю тэксту.

Заклучэнне. Каштоўнасць першай часткі «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» заключаецца ў тым, што гэты тэкст ствараўся адразу на старажытнай афіцыйна-літаратурнай беларускай мове. Аўтар гэтага першага арыгінальнага беларускага летапісу быў арыентаваны на мову, якая ў ВКЛ абслугоўвала шырокія патрэбы грамадства і мела вызначанае кола нарматыўных паказчыкаў. Таму аналіз лінгвістычнага матэрыялу беларускага летапісання неабходна праводзіць з улікам таго, што ў час напісання і актыўнага перапісвання «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» (канец XIV – пачатак XVI ст.) на беларускай літаратурна-пісьмовай мове ўжо існавала багатая ў жанравых адносінах свецкая літаратура: «Другая палова XVI ст. па сутнасці адкрывае новы этап у развіцці беларускай літаратурнай мовы ў сувязі са значнымі зменамі як у яе знешняй, так і ўнутранай, структурнай гісторыі. ...Гэты перыяд характарызуецца далейшым развіццём і ўдасканаленнем унутранай структуры беларускай літаратурнай мовы, нармалізацыяй яе арфаграфічнай сістэмы, граматычнага ладу і слоўнікавага саставу» [2, с. 226–227].

Беларускія летапісы дзякуючы сваёй структуры і паўтаральнасці аднародных частак у розных спісах даюць магчымасць для адсочвання якасных зменаў у старажытнай беларускай літаратурнай мове. Па наяўных моўных варыянтах у аднолькавых структурных частках «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» розных спісаў можна меркаваць пра выпрацоўку нормаў старажытнага пісьма. Вывучэнне ж мовы якога-небудзь асобна ўзятага летапісу без уліку агульных структура-функцыянальных фактараў беларускага летапісання не можа гарантаваць аб'ектыўнасць вывадаў.

Літаратура

1. Морозова, Н. Виленский список «Летописца великих князей литовских» – языковые особенности и состав / Н. Морозова // Slavistica Vilnensis, 1995. – Vilnius, 1997. – С. 26–45.
2. Жураўскі, А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы / А. І. Жураўскі. – Мінск: Навука і тэхніка. – 1967. – Т. 1. – 371 с.

НАЗОЎНЫ ТЭМЫ ЯК ЭКСПРЭСІЎНЫ СІНТАКСІЧНЫ СРОДАК У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ

This paper presents a study of structural peculiarities and functions of the constructions with the nominative case of theme in the contemporary Belarusian literary language. Meaning of the constructions with segmentation, the ways of expression of lexical correlates and stylistic potentialities of segmentation are described. The article demonstrates that the constructions with the nominative case of theme are used as means of paying attention of reader and of forming of subjective modality in the system of expressive syntax of the contemporary Belarusian language.

Уводзіны. Да актуальных праблем сучаснай лінгвістычнай навукі адносіцца даследаванне сродкаў экспрэсівізацыі маўлення, у тым ліку сінтаксічных сродкаў і прыёмаў, якія ўдзельнічаюць у перадачы эмоцый, ацэнак, надаюць паведамленню вобразнасць і выразнасць. Розныя аспекты гэтай праблемы сталі аб'ектам увагі вядомых вучоных беларускай і замежнай лінгвістыкі (Г. М. Акімавай, Ш. Балі, Э. М. Берагоўскай, В. У. Вінаградава, В. А. Маславай, Р. Я. Салганіка, А. П. Скавароднікава, Б. Ташавіча, А. І. Яфімава і інш.). Разам з тым многія пытанні застаюцца нявырашанымі: не дасяткова даследаваны спосабы і прыёмы стварэння экспрэсіўных сінтаксічных канструкцый, не раскрыты функцыі, якія могуць выконваць экспрэсіўныя сінтаксемы рознага тыпу ў тэксце. У сувязі з гэтым аналіз спосабаў выражэння і функцыянавання сродкаў экспрэсіўнага сінтаксісу ўяўляецца актуальным. Ён дае магчымасць раскрыць ролю і месца сінтаксічных сродкаў у сістэме сэнсава-эмацыянальнай арганізацыі тэксту, вылучыць і ўлічыць дадатковыя значэнні, якія могуць набываць сінтаксічныя адзінкі рознай структуры ў беларускай мове, назапашвае матэрыял пра стылістычныя рэсурсы мовы, дае каштоўныя звесткі для выяўлення спецыфікі нацыянальнай мовы на сінтаксічным узроўні.

Асноўная частка. У сучаснай беларускай літаратурнай мове ўсё большае пашырэнне набывае такая стылістычная фігура, здольная засяроджваць увагу адрасата на камунікатыўна значных элементах маўлення, як сегментацыя – «экспрэсіўна-эмацыянальнае вылучэнне, адчляненне ад асноўнай часткі сказа нарматыўнай сінтаксічнай канструкцыі, якая застаецца цесна звязанай са сказам па сэнсу» [1, с. 47]. Пры сегментацыі ў першую чаргу вылучаюць сінтаксічную адзінку, якая ў граматыцы вызначаецца як «назоўны тэмы» (ці «назоўны ўяўлення»). Назоўны тэмы – гэта назоўнік у назоўным склоне ці назоўнікавае словазлучэнне з галоўным кампанентам у пачатковай форме, што называюць «успомнены і намаляваны ва ўяўленні таго, хто гаворыць, прадмет, з'яву, факт, пра якія ў наступным сказе выказваецца пэўная думка, выражаецца пачуццё» [2, с. 122].

У канструкцыях з назоўным тэмы назоўнік вылучае на першы план прадмет, з'яву ці асобу чалавека, пра якія выказваецца пэўнае меркаванне. Самастойнасць назоўнага тэмы вельмі абмежаваная. Як адзначаецца ў лінгвістычным літаратуры, «інтанацыйна і сэнсава ён так цесна звязаны з папярэднім ці наступным выказваннем, што ўтварае разам з імі фразу, сэнс якой зразумелы толькі тады, калі яе прачытаць цалкам» [3, с. 32]. У сказе, які ідзе за назоўным тэмы, часцей за ўсё ёсць другаснае абзначэнне ўжо названага паняцця, т. зв. лексічны карэлят.

Найчасцей лексічны карэлят выражаецца асабовым займеннікам: *Мова. Яна сама, развіваючыся, пераступае праз тое, што не прыжылося ў ёй і што асталося толькі як адзнака нейкага гістарычнага перыяду, нейкага ўнутранага працэсу; Талент і праца. Яны з'яднаньня непарыўна, іх нельга растлумачыць, толькі разам яны могуць даць сапраўдны плён, бо адно без аднаго – бездапаможныя; Музыка крокаў. З ёю я клаўся спаць і ўставаў. Пад яе чытаў і пісаў замалёўкі ў газеты (Я. Сіпакоў); Дарогі! Колькі іх агульных для ўсіх людзей і асабістых у жыцці кожнага чалавека (А. Пальчэўскі); А дзеці... Колькі радасці, светлых незабыўных хвілін прыйшло разам з імі ў хату... (Б. Сачанка).*

Карэлят можа выражацца назоўнікам (у спалучэнні з указальным займеннікам ці з указальнай часціцай): *Род... Народ... Гэтыя словы вельмі многа азначаюць для краіны ўцэлым і для кожнага як грамадзяніна асобна («Звязда» 01.01.98); Цэп, сьвянька, серп... Тыя, што аж вар'яцеюць ад радасці і замілавання, калі чуюць жыхлівы піск свіней, якіх рэжуць на сала, папракалі мяне за пакланенне гэтым адвечным сялянскім памочнікам і ўлюбёнцам; Свая, родная мова. Гэта мова маіх маці і бацькі, якую я разумею ад першага пачутага мною слова, гэта мова маіх бабулі і дзядулі, якіх я ведаю, гэта мова маіх прадзедаў і прапрадзедаў, якіх я не ведаю, але заўсёды адчуваю за сабою; І. Сібарсач. Калі і як узнік у «Вожыку» гэты псеўданім, не памятаю (Я. Сіпакоў).*

У творах мастацкай літаратуры і ў публіцыстыцы канструкцыі з назоўным тэмы ўжываюцца перш за ўсё як сродак актуалізацыі

чытацкай увагі. Дзякуючы т. зв. *двайному абазначэнню тэмы* гэтыя экспрэсіўныя сродкі дазваляюць засяроджваць увагу рэцыпіента на тэме паведамлення, бо, як слушна заўважаў А. М. Пяшкоўскі, у сегментаваных канструкцыях думка падаецца па частках: «напачатку выстаўляецца напаказ ізаляваны прадмет, і слухачам вядома толькі тое, што пра гэты прадмет зараз будзе нешта сказана і што пакуль за гэтым прадметам трэба назіраць; у наступны момант выказваецца сама думка» [4, с. 405]. Звернемся да некаторых прыкладаў: *Агрэсіўнасць. Выходзіць, яна можа існаваць не толькі сама па сабе, а яшчэ як адна з магчымасцей атрымаць радасць, мець насалоду, быць шчаслівым, як адна з праяў геданізму; Аазіс. Якім толькі маё развярджанае ўяўленне не малявала яго – казачным, нечаканым, міражным, але ніколі, ніводнага разу вось такім – будзёным і звычайным* (Я. Сіпакоў). У прыведзеных прыкладах выдзеленыя пры дапамозе сегментацыі адрэзкі маўлення інтанацыйна адасобленыя ад наступных частак. Яны набываюць пэўную структурную самастойнасць і разам з гэтым вылучаюць тыя аб'екты паведамлення, якія ўяўляюцца пісьменніку найбольш значнымі. Праз сегментацыю аўтар актывізуе асацыяцыі чытача, яго алюзіі ці ўспаміны, апелюе да наглядна-вобразнага ўспрыняцця. Экспрэсія выказванняў ствараецца ў выніку дваінога абазначэння тэмы: у сказах, якія ідуць пасля назоўных уяўлення, ёсць займеннікі *яна, ён*, якія адсылаюць чытача да раней ужытых слоў *агрэсіўнасць, аазіс*. Пры трансфармацыі прыведзеных выказванняў у стылістычна нейтральныя, цэласныя канструкцыі іх аб'ектыўнае значэнне застаецца нязменным, аднак экспрэсіўнасць, якую надаюць канструкцыям сегменты, губляецца. Параўн.: *Выходзіць, агрэсіўнасць можа існаваць не толькі сама па сабе...; Якім толькі маё развярджанае ўяўленне не малявала аазіс...*

Дзякуючы своеасаблівай структуры, канструкцыі з назоўным тэмы могуць перадаваць суб'ектыўнае стаўленне аўтара да інфармацыі. Назоўны тэмы дае аўтару магчымасць у лакальнай форме адначасова паведаміць нешта пра пэўны прадмет, з'яву і выявіць уласную пазіцыю ў адносінах да яго, бо, як вядома, выдзяленне ўжо само па сабе ёсць ацэнка: *Спадчына. Якое простае слова, і які няпросты яго сэнс* (В. Вітка); *Сляды на пяску. Якія гэта дзівосныя ўзоры! І як прыемна іх разглядаць, чытаць!*; *Балбатуны. Як красуюцца яны ўсюды: і за трыбунамі, і ў застоллях, і проста там, дзе сабралася больш двух чалавек* (Я. Сіпакоў). Шляхам вынясення ў прэпазіцыю назоўнікаў *спадчына, балбатуны* і словазлучэння *сляды на пяску* аўтары не толькі вылучаюць тэму выказванняў, але і падкрэсліваюць уласную ацэнку.

У пазіцыі назоўнага тэмы можа ўжывацца інфінітыў ці інфінітыўнае словазлучэнне. Гэта пацвярджае думку, выказаную С. І. Карцэўскім, што «амаль да ўсіх функцый назоўніка ёсць аналагічны зварот з інфінітывам...» [5, с. 294]. Функцыянальная тоеснасць такіх утварэнняў назоўнаму тэмы не выклікае сумненняў: *Умець пісаць. Нярэдка вельмі многа надзей і спадзяванняў ускладаем мы на гэты – амаль апошні, амаль заключны перыяд складанай, псіхалагічна-непаўторнай пісьменніцкай творчасці; Умець слухаць чалавека... Які гэта патрэбны, неабходны пісьменніку талент!; Навучыць наічхадка чытаць, пісаць, гаварыць... Які гэта высакародны абавязак!* (Я. Сіпакоў). Вынясенне інфінітыўных словазлучэнняў у прэпазіцыю, як і ў канструкцыях з назоўным уяўлення, вылучае тэму асноўнага сказа, акцэнтуючы на ёй увагу чытача.

У сучаснай беларускай літаратурнай мове выразна вылучаюцца два тыпы назоўнага тэмы: прадметны і слоўны. Пры дапамозе першага аўтары прыцягваюць увагу чытача да таго, *што* абазначана словам:

– да з'яў, прадметаў, паняццяў: *Крыж жыцця. Колькіх зламаў ён, але колькім і памог выжыць; Мары. Славуты старажытны Мерв. Памятаю, як яшчэ ў Мінску мне хацелася пабываць тут, каб сваімі вачамі зірнуць на «слаўнейшы з гарадоў Харасана»; Мутацыя... Яна спараджае гігантызм у дрэў і жывёл* (Я. Сіпакоў); *Палессе... Велізарны, поўны таямніц край у самым цэнтры Еўропы* (Ю. Лабынцаў);

– да асобы чалавека: *Уладзімір Караткевіч. Выдатны апавядальнік. І душа, здаецца, любовой кампаніі. Слухаючы яго ўспаміны пра неверагодныя сустрэчы і здарэнні, думалася, што ён толькі тое і робіць, што трапляе ў нестандартныя, як кажуць зараз, сітуацыі...; Аляксандр Кузьміч Бабарэка. Пляменнік Адама Бабарэкі. Выдатнейшы рускі літаратуразнаўца, даследчык спадчыны Івана Аляксеевіча Буніна, які, здаецца, ведаў пра яго ўсё. Мне нашчасціла пазнаёміцца з гэтым цікавейшым чалавекам у Кактэбелі, у Доме творчасці пісьменнікаў, дзе нашы пакоі былі побач; Янка Купала. Народны пясняр. Прарок. Мудрэц. Волат. Ваяр, змаганец за Беларусь. Славуты настаўнік і паслухмяны, цяплыні вучань – ён вучыў свой родны беларускі народ і апантана вучыўся ў яго сам* (Я. Сіпакоў); *Колас... Купала... У гуках імён іх люлянку я чую, Якую матуля калісь над калыскай маёю спявала – Колас. Купала...* (У. Някляеў).

Другі тып назоўнага тэмы дазваляе засяродзіць чытацкую ўвагу на самім слове, а іменна, на яго гучанні, напісанні, лексічным значэнні: *«Хушмадзед»... Мне чуецца гэтае запрашэнне як адно слова; Абарона*

і забарона. Усёй розніцы між імі – адна літара. Але затое якая яна магутная і бязлітасная, гэтая літара!; «**Урачыха**». Так мы пішам. Жяхліва. Што яна хоча ўрачы? А чаму не «лекарка», «доктарка»? Музіць, таму, што ў слоўніку «урачыха» стаіць першае; «**Матуля**»... Як перакласці на рускую мову гэта цудоўнае слова? «**Маменька?**» Не. «**Матушка?**» Не тое. «**Мамаша?**» Што вы!; **Селянін. Калгаснік.** Неяк так здарылася, што гэтыя звычайныя і нармальныя словы зрабіліся быццам бы абразлівымі... (Я. Сіпакоў). Такія канструкцыі выяўляюць схільнасць аўтараў да каменціравання важных, на іх думку, слоў, выказаў.

Назоўны тэмы звычайна аддзяляецца ад наступнага сказа кропкай: **Імітацыя.** Яна ўсюды брыдка, але асабліва непрыстойная на эстрадзе; **Народная творчасць.** У ёй усё – філасофія і геаграфія, раман і апавесць, характары людзей і багацце сюжэтных ліній, едка сатыра і самая смелая фантастыка... (Я. Сіпакоў).

Аднак калі аўтару неабходна стварыць уражанне ўзрушанасці, перадаць свой роздум, звярнуць увагу на неабходнасць далейшага тлумачэння, удакладнення, ён ужывае шматкроп'е: **Маладыя паэты...** Успомнім, як абурася А. Твардоўскі, калі ў рэцэнзіі на «Краіну Муравію» Адаліс назвала яго маладым паэтам: «... мне не падабаецца калі гавораць “малады паэт”»; **Нітраты, нітрыты...** Адно шкоднае, а другое – еш колькі хочаш... А мне здаецца, што гэтая розніца знарок прыдуманая, каб яшчэ больш заблытаць разгубленага чалавека, які і так ужо не ведае, чым харчавацца...; **Вольныя, шырокія верлібры Максіма Танка...** Ці не з'яўляюцца яны своеасаблівай рэакцыяй на вельмі ж ужо масавае ўмельства гладзенька «састаўляць» строфы вершаў? (Я. Сіпакоў).

У беларускай літаратурнай мове таксама распаўсюджаны назоўны тэмы з пыталнай інтанацыяй: **А вочы?** Яна цяпер хацела прыпомніць, што яны гаварылі заўсёды, калі, нібы незнарок, спыняліся на ёй (І. Пташнікаў); **Ну, а масла?** Што пра масла скажаш? І не трэба, а не абмінеш. Калі гэтакім маслам рыфмы змажаш, нават верш няўдалы праглынеш (П. Панчанка).

Назоўны тэмы можа быць пазначаны клічнай інтанацыяй. У такім выпадку пісьменнік

падкрэслівае эмацыянальны характар паведамлення, дае аўтарскую ацэнку інфармацыі: **Справядлівасць!** Дзе і калі яна была беднаму, цёмнаму чалавеку! (І. Мележ); **А прырода!** Колькі вялікага задавальнення дае нам яна! (Я. Колас); **Надзеі! Мары!** Колькі часу аддае ім чалавек у сваім жыцці (П. Галавач).

Назоўны тэмы можа вылучацца ў самастойны абзац:

Кольскі паўвостраў...

Яшчэ са школьнай пары... ён мне здаваўся, уяўляўся, мроіўся шыкоўным хвастом мажнога паўночнага мядзведзя;

Крокі... Крокі... Крокі...

Раніцою, у яшчэ не расстрывожанай цішыні, яны гучалі асабліва выразна (Я. Сіпакоў).

Абзацаванне ў спалучэнні з недагаворанасцю (графічна абазначана шматкроп'ем) робіць паўзу паміж назоўным тэмы і наступным сказам больш працяглай, надаючы сегментаванай канструкцыі асаблівую выразнасць.

Заклучэнне. Такім чынам, у сістэме экспрэсіўных сінтаксічных сродкаў, характэрных для сучаснай беларускай літаратурнай мовы, адметнае месца займае сегментацыя. Праз выкарыстанне такіх сегментаваных канструкцый, як назоўны тэмы і інфінітыў тэмы, пісьменнікі актывізуюць чытацкую ўвагу і асацыяцыі, выяўляюць уласную пазіцыю, выклікаючы адпаведную рэакцыю чытача.

Літаратура

1. Шандроха, Н. Э. Экспрэсіўны сінтаксіс: вучэб.-метад. дапам. / Н. Э. Шандроха. – Гродна: Гродзен. дзярж. ун-т, 2002. – 61 с.
2. Яўневіч, М. С. Сінтаксіс сучаснай беларускай мовы: вучэб. дапам. / М. С. Яўневіч, П. У. Сцяцко. – 3-е выд., дапрац. – Мінск: Выш. шк., 1987. – 272 с.
3. Гаўрош, Н. В. Намінатыўныя сказы ў сучаснай беларускай мове / Н. В. Гаўрош. – Мінск: Выш. шк., 1975. – 96 с.
4. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
5. Карцевский, С. И. Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского / С. И. Карцевский // Из лингвистического наследия / С. И. Карцевский. – М., 2000. – С. 281–305.

АНТРАПОНІМЫ СТАРОБІНШЧЫНЫ

The surnames of Starobinschina, which is situated in the central part of the Republic of Belarus, were analyzed in the article. It gives a possibility to think that specific marks and sources for the forming of the surnames of this region, typical for the surnames of all Belarus. The surnames, like not one of the lexical layers, are closely connected with everyday life and activity of the human being. The connect various ages of the social and cultural development; involve the past and the present.

Уводзіны. Вывучэннем прозвішчаў займаецца асобны раздзел мовазнаўства – антрапаніміка (ад грэч. *a'anthropos* – чалавек і *o'nyma* – імя). Антрапонімы – уласнае імя, імя па бацьку, прозвішча, імя-мянушка, псеўданім. Антрапонімы з'яўляюцца састаўной часткай лексічнага складу мовы. У адрозненне ад катэгорыі агульных слоў, якія звычайна выконваюць намінацыйную функцыю, яны, апроч таго, адлюстроўваюць дачыненне чалавека да навакольнага асяроддзя і разнастайных заняткаў, сведчаць аб стане сацыяльнага і культурнага жыцця грамадства ў пэўны перыяд, даносяць характар узаемаадносін паміж людзьмі. І гэта натуральна, бо ні адзін з пластоў лексікі так цесна не звязаны з паўсядзённым жыццём і дзейнасцю чалавека, як уласныя імёны, імёны па бацьку і прозвішчы. Пастаянна бытуючы ў асяроддзі людзей і ў той жа час развіваючыся разам з грамадствам, антрапонімы ў пэўным сэнсе звязваюць розныя эпохі сацыяльнага і культурнага быцця народа, убіраюць у сябе ўстойлівае мінулае і ўзнікае новае.

Зразумела, што фарміраванне антрапаніміі і шляхі развіцця сістэмы іменавання ў розных народаў былі неаднолькавыя, хоць з'ява гэта па сваёй прыродзе і грамадскай сутнасці адносіцца да агульначалавечых. Вось чаму адны народы (палякі, балгары, чэхі) абыходзяцца двухступеннай сістэмай іменавання, пры якой за кожным чалавекам замацоўваецца толькі імя і прозвішча, у той час як беларусы, рускія, украінцы выпрацавалі трохступенную іменалагічную сістэму. У адпаведнасці з гэтым чалавек надзяляецца яшчэ і імем па бацьку.

З гэтым вынікае, што і ў моўных адносінах нацыянальныя і іменаслоўныя сістэмы ішлі сваімі шляхамі развіцця, выпрацоўваючы ўласныя сродкі і тыпы іменавання. А інакш і быць не магло. Каб уваходзіць у лексічны стан той ці іншай мовы, антрапонімы павінны адпавядаць унутраным законам гэтай мовы, валодаць уласцівымі ёй фанетыка-марфалагічнымі якасцямі, падпарадкоўвацца яе вымаўленча-акцэнталагічным нормам.

Асноўная частка. Пачатак вывучэння беларускай антрапаніміі адносіцца да XIX ст. Але ў спецыяльнай літаратуры дарэвалюцыйных часоў мы не знаходзілі ніводнага значнага даследавання, прысвечанага разгляду беларускай антрапаніміі.

Далей можна зазначыць, што апублікаваныя Я. Тарапоўскім тры невялікія артыкулы «Соображения о суффиксах, входящих в состав западно-русских фамилий и названий сел и деревень в Белоруссии» (1892), «Образование главнейших имен существительных и прилагательных» (1903), «Значение местоименных речений словообразований» (1912) носяць апісальна-папулярны характар і закранаюць толькі асобныя тыпы прозвішчаў, пераважна ў плане іх марфалагічнай забудовы.

Мала даследаванняў у галіне беларускай антрапаніміі апублікавана і ў XX ст., у савецкі перыяд. Калі браць іх у храналагічнай паслядоўнасці, то перш за ўсё неабходна назваць артыкулы М. Л. Грынбалта «Анамастыка як крыніца вывучэння гісторыі і этнаграфіі беларускага народа» (1958) і «К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов» (1959), у якіх анамастычны матэрыял вывучаўся не ў плане станаўлення і развіцця беларускай антрапаніміі, а з пункту погляду таго, наколькі ён можа служыць крыніцай пры распрацоўцы праблемы этнагенэзу беларусаў. У працы М. В. Бірылы «Беларускія антрапанімічныя назвы ў адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў» (1963) грунтоўна разглядаюцца лінгвістычныя праблемы беларускай антрапаніміі, выяўлены лексічныя асновы і самаўтваральныя фарманты, арэалы пашыранасці.

Самым значным даследаваннем у галіне анамастыкі трэба лічыць трохтомную манаграфію М. В. Бірылы «Беларуская антрапанімія» (т. 1 – 1966 г.; т. 2 – 1969 г.; т. 3 – 1982 г.).

Вядомы вучоны ўпершыню разгледзеў фарміраванне беларускіх прозвішчаў як на аснове ўласных асабовых імён, так і апеляцыйнай лексікі рознай прыналежнасці. Акрамя таго, аўтар рэканструяваў каля 10 тыс. антрапонімаў дапрозвішчанага перыяду, значная частка якіх не засведчана помнікамі пісьменнасці XV–XVI стст.

Больш падрабязна спынімся на даследаванні прозвішчаў. Што ўяўляе прозвішча і які раздзел мовазнаўства займаецца яго вывучэннем? Прозвішча – гэта родавая назва асобы, якую чалавек атрымлівае пры нараджэнні. Напрыклад, нарадзілася дзіця, імя яму не далі, але ў яго ўжо ёсць прозвішча. Яно паказвае, што дзіця належыць да пэўнай сям'і.

Само слова «прозвішча» (лацінскае «фамілія») абазначае «сям'я». Першыя прозвішчы, якія былі спадчыннымі (сын атрымліваў прозвішча бацькі), існавалі ўжо ў Старажытнам Рыме. У заходняй Еўропе прозвішчы ўвайшлі ва ўжытак у XV ст. У Расіі яны ўведзены законам у XVI ст. Іх уводзілі ў такой паслядоўнасці: спярша для князёў і баяр, потым для дваран і знатных купцоў, затым і для іншых груп.

Сялянам прозвішчы ў абавязковым парадку пачалі даваць толькі пасля адмены ў 1861 г. прыгоннага права. На Беларусі першыя прозвішчы зафіксаваны ў дакументах XVI–XVII стст.

Прозвішча – важная катэгорыя, афіцыйна замацаваная за пэўнай асобай. Яно не ўзнікае і не знікае па чым-небудзь жаданні, не змяняецца адпаведна з нашымі сімпатыямі ці антыпатыямі да носьбіта.

Больш за тое, прозвішча захоўвае сваю стылістычную нейтральнасць, хоць аснова яго можа быць ускладнена суфіксамі суб'ектыўнай ацэнкі. Прозвішчы перадаюцца ў спадчыну ад бацькоў да дзяцей, запісваюцца ў пашпартах, пасведчаннях аб нараджэнні, аб шлюбе і ў дыпламах.

Паходжанне прозвішчаў. Разнастайнасць прозвішчаў абумоўлена вялікай колькасцю разнародных элементаў, выкарыстаных у якасці іх асноў. Да іх належаць як спрадвечныя, так і запазычаныя словы. Паводле стану ў мове – гэта асабовыя імёны, імёны па бацьку, мянушкі, а таксама геаграфічныя назвы, назвы плямён і народаў, апелятыўная лексіка мовы. Сотнямі нябачных сувязей звязаны прозвішчы з жыццём грамадства, з яго культурай, якая складаецца з сукупнасці матэрыяльных і духоўных дасягненняў. Мова, літаратура, мастацтва, рэлігія, філасофія адносяцца да духоўнай культуры. Сам слоўніковы склад мовы жыва рэагуе на прагрэс, адпаведна ўсё новае знаходзіць адлюстраванне ў іх. Таму ўтворанае ў тую ці іншую эпоху імя суадносіцца з яе культурнымі і гістарычнымі традыцыямі, нясе інфармацыю і выступае непаўторным помнікам свайго часу. Багаце і стракатае асноў прозвішчаў нагадваюць энцыклапедыю мовы, штодзённага жыцця, умоў існавання, спосабаў і формаў задавальнення матэрыяльных і духоўных патрэбаў людзей. Сярод іх ёсць асновы, што адлюстроўваюць розныя бакі рэчаіснасці. Адсюль вынікае, што крыніцамі для ўтварэння прозвішчаў з'яўляюцца ў першую чаргу:

- 1) уласныя асабовыя імёны;
- 2) назвы месца пражывання ці паходжання;
- 3) назвы заняткаў, прафесій;
- 4) індывідуальныя рысы (псіхічныя, фізічныя і інш.) першага носьбіта;
- 5) назвы раслін і жывёл, з'яў прыроды.

Прозвішчы, утвораныя ад уласных імён. Іх вельмі многа. Калі мы хочам даведацца пра паходжанне такіх прозвішчаў, трэба звярнуцца да новага раздзела мовазнаўства – анамастыка.

Большасць імён звязана з царкоўным календаром, які дае іх рэлігійнае паходжанне.

Прыкладзём некалькі прыкладаў:

Абрам – вялікі бацька народаў; Адам – злеплены з гліны; Аляксандр – абаронца людзей; Богдан – дадзены Богам; Васіль – царскі; Віктар – пераможца; Гаўрыла – Божы воін, Божая абарона; Даніла – Божы суд; Еўдакім – добра праслаўлены; Елізар – Божая дапамога; Захар – помні пра Бога; Іван – дар Багоў; Ілья – сіла Бога; Міхаіл – боскі; Назар – прысвечаны Богу; Раман – рымскі, рымлянін; Сямён – пачуты; Серафім – вогненны, палымяны; Фёдар – дар Багоў; Цімох – богабаязлівы; Эмануэл – з намі Бог; Яўхім – благадушны; Якім – падтрымка зверху.

Зрэдку сустракаюцца прозвішчы, якія супадаюць з імёнамі (у іх можа мяняцца націск).

Пры аналізе картатэк прозвішчаў г. п. Старобін такіх выяўлена мала.

А вось прыклады некаторых прозвішчаў, утвораных ад асабовых імён:

Дзям'янчук (Дзям'ян), Лукічоў (Лука), Пракаповіч (Пракоп), Аляксеў (Аляксей), Сямёнаў (Сямён), Левановіч (Лявон) і інш.

Прозвішчы, утвораныя ад імён людзей, можна падзяліць на некалькі падгруп:

1) утвораныя ад ранейшых прыналежных прыметнікаў. Фармальна прыкмета такіх прозвішчаў – суфіксы -ін- (-ын-), -оў- (-аў-), -еў-; да самога прозвішча можна паставіць пытанне: чый? Прыкладзём прыклады: Філіпаў, Іваноў, Клімаў, Нікулін, Анікееў, Макараў, Міронаў, Сапронаў;

2) якія паказваюць маладзейшы ўзрост і залежнасць, ад чыйго імені ўтвораны. Суфіксы: -чык, -ык, -ук (-юк): Семянчук, Абрамчук, Тарасюк, Дзям'янчык, Раманюк, Масяйчук, Панасюк.

3) утвораныя ад уласнага імені пры дапамозе памяншальна-ласкальных суфіксаў: Васько, Валодзька, Майсечык, Марчык;

4) утвораныя ад імён па бацьку (у імені па бацьку націск звычайна падаў на корань, у прозвішчы перайшоў на суфікс). Суфіксамі сталі -овіч, -евіч (-эвіч), -іч: Багдановіч, Васілевіч, Данілевіч, Ермаковіч, Ляўковіч, Максімовіч, Пракаповіч, Хоміч, Тарасевіч;

5) прозвішчы ўкраінскага паходжання: Пятрэнка, Абраменка, Пракапенка, Саўчанка, Паўлючэнка.

Прозвішчы, утвораныя ад назваў жывёл, раслін, з'яў прыроды. Раслінны і жывельны свет стаў асновай для вельмі многіх сучасных прозвішчаў. Гэтай з'яве можна даць два тлумачэнні:

1. У якасці прозвішча магло замацавацца дахрысціянскае імя чалавека або назва яго роду ці таго бажаства, якому род пакланяўся да ўвядзення хрысціянства ў 988 годзе (падпольна, насуперак царкве і значна пазней).

2. Прозвішчам магло стаць слова, якое абазначае нейкую якасць чалавека, рысу яго характару паводзін. Чарнявага чалавека маглі назваць

Жуком, дужага – Мядзведзем, добрага спевака – Салавейкам, чалавека з вялікім носам – Дзятлам.

Прозвішчы гэтай групы можна падзяліць на тры падгрупы:

1) прозвішчы ад назвы без змен: Акула, Мароз, Бурак, Верабей, Кот, Козел, Сокал, Муха, Сарока, Салавей, Рамашка, Комар, Канаплянік, Чайка;

2) прозвішчы ад назваў, да якіх дабаўляўся суфікс: Беразоўскі, Быкаў, Баранчык, Вераб'ёў, Голубеў, Дубік, Зайцаў, Казлоў, Казлоўскі, Лазоўскі, Бараноўскі, Курак, Муравейка, Вераб'ёў, Барун, Месячык;

3) прозвішчы, прамая сувязь якіх з раслінна-жывёльным светам страчана, устанаўліваецца яна толькі шляхам даследавання, шляхам пошукаў у слоўніках ці іншых мовах: шыкун – парода шэрых дамашніх гусей; чэкан – пачатак кукурузы (татарскае).

Прозвішчы, у якіх адлюстраваны рысы характару, уласцівасці розуму, наводзіны, знешнасць чалавека. Гэта адна з самых вялікіх груп прозвішчаў. Некаторыя з іх – фармальныя прыметнікі: Гладкі, Красненькі. Але большасць – назоўнікі, утвораныя ад прыметнікаў (вельмі рэдка – ад назоўнікаў ці дзеясловаў): Бародка, Вялічка, Гарбач, Гарбацэвіч, Розум, Чарняк, Чарняўскі, Чарнышэвіч, Шчэрба, Баляўцаў, Вялько, Рудэнка, Даўговіч, Навіцкі, Новік, Кудраўцаў, Белавус, Рьжко, Цапко.

Другую падгрупу складаюць прозвішчы, сэнс якіх высвятляем даследаваннем. Цікава, што большая частка з іх зафіксавала адмоўныя якасці. Відаць, нашы продкі таксама не даравалі, не праходзілі абыякава, калі бачылі дрэннае ў чалавеку, замацоўвалі яго ў ацэнчнай асуджальнай мянушцы, якая потым ператваралася ў прозвішча. Такіх прозвішчаў многа. Вось прыклады найбольш выразных: Вабішэвіч – той, хто вабіць, прываблівае; Забаўка – забавляе; Гарленка – гарласты; Ліннік – той, хто ліняе, лысее; Марчык – марчыць, мучыць тугою; Сяўрук – пануры, хмуры, Хілько – хіліцца; Юркевіч, Юрчык – юрлівы, непаседлівы, жвавы; Шуневіч – магчыма, ад «шуня»: гарачка, ліхаманка, трасца; Скачко – скача; Трушынскі – трушчыць; Бібік – абібок.

Прозвішчы па характары мясцовасці. Невялікая група прозвішчаў звязана з мясцовасцю, рэльефам, паказвае, дзе жыў чалавек: Груда – на грудзе, высокім месцы; Гаеўскі – у гаі; Беразоўскі – у беразняку; Дубовік – у дубове; Сушко – на сухім месцы; Падліпаў – пад ліпай; Гурыновіч – на гары (польскае гура – гара); Загараднюк – за агародамі; Лясун – у лесе.

Некаторыя прозвішчы паказваюць, калі і як пасяліўся тут чалавек: Новік, Новікаў, Навіцкі – новы чалавек, які нядаўна тут, у гэтай мясцовасці пасяліўся; Прыбытак – чалавек, які прыбыў з іншай мясцовасці.

Часта прозвішча паказвае, адкуль чалавек паходзіць, з якой мясцовасці: Паляшук, Магілявец, Мурманец.

Прозвішчы па прафесіі, характары, занятку. Ад назвы прафесіі, працоўнай дзейнасці, роду заняткаў узнік шэраг прозвішчаў: Каваль, Кавальчук, Каваленя, Кавалёў, Ганчар, Кравец, Мельнікаў, Ткачук, Пекар, Чабан, Дойлід, Кузняцоў, Вінакураў, Кухаронак, Сукач (сучыць пражу).

Прозвішчы ад назвы нацыянальнасцей. Гэта ў першую чаргу прозвішчы ад назваў тых народаў, чые шляхі гістарычна былі звязаны, перакрыжоўваліся з лёсам беларусаў: Палякоў, Ляшук, Літвінчук, Жыдзецкі, Хахлоў.

Прозвішчы, якія ўказваюць на сацыяльнае становішча чалавека. Пераважная большасць такіх прозвішчаў не патрабуе тлумачэння: мы бачым, ад якога слова прозвішча ўзнікла і ведаем сэнс гэтага слова. Сюды адносяцца наступныя прозвішчы: Вайцэховіч (войт), Казакевіч (казак), Кароль (кароль), Жаўнерык (жаўнер), Царкевіч, Царык (цар), Ключановіч (ключнік), Старавайтаў (войт).

Прозвішчы неславянскага паходжання. Для чалавека характэрна цяга да новага. Людзі на адным месцы не сядзяць, часта пасяляюцца не толькі ў іншай вёсцы, горадзе свайго рэгіёна, але і ў вельмі аддаленых мястэчках: беларус – у Сібіры, татарын – у Прыбалтыцы і г. д. Вось так перамяшчаюцца і прозвішчы. Іх паходжанне можна высветліць толькі тады, калі ведаеш мову, з якой прыйшло прозвішча, граматычныя асаблівасці гэтай мовы. Яўна неславянскага паходжання наступныя прозвішчы Старобіншчыны: Буд-Гусаім, Гертэль, Кедаць, Кушнер, Мазлум, Гебертсбауэр, Гіршвельд.

Невысветленыя прозвішчы. Іншы раз здаецца, што паходжанне прозвішча ўстаноўчы лёгка, але гэта не так. Бывае, што мы пападаем у палон так званай народнай этымалогіі, найўнага і ненавуковага тлумачэння, неабгрунтаванага, не падмацаванага моўнымі доказамі. Возьмем, напрыклад, прозвішча нашай мясцовасці Курловіч. Здаецца, яно распадаецца на два словы: курэй лавіць. Значыць, Курловіч – той, хто ловіць курэй. На самой жа справе прозвішча Курловіч паходзіць ад слов «курула», што значыла «п'яніца, гультай».

Не высветлена паходжанне ў рэгіёне наступных прозвішчаў: Жлобіч, Шульга, Луцэвіч, Бурко, Бурта, Варава, Добыш, Жэгроў, Кедаць, Каско, Панада, Пігаль, Поцюс, Яшчанка і інш.

Спосабы ўтварэння. Па будове прозвішчы можна раздзяліць на наступныя групы:

Корань: Ганчар, Брыль, Мароз, Бань, Ліхтар, Сокал, Бібік, Русак, Біч, Ліс;

Корань + канчатак: Шчатко, Храмы, Груда, Прызба, Прыма, Рамашка, Сарока, Каляда, Муха, Чайка, Акула, Аладка;

Корань + суфікс (самы прадуктыўны спосаб утварэння прозвішчаў): Дубік, Пузевіч, Жданюк, Курыльчык, Царык, Гучык, Назараў, Тор-

чык, Дражын, Жураўлевіч, Адамчук, Якімовіч, Іваноў, Ласевіч, Зайцаў, Жарын;

Корань + суфікс + канчатак: Бародка, Бародуля, Лычкоўскі, Грудзько, Гарленка, Дастанка, Чарніцкі, Мыслейка;

Прыстаўка + корань + суфікс + канчатак: Абламейка, Прахоцкі.

Прозвішчы, утвораныя шляхам складання асноў ці зліцця слоў: Макаед, Байтус, Буд-Гусаім, Багамазаў, Маскадыня, Магілявец.

Заклучэнне. Прааналізаваўшы каля 900 прозвішчаў Старобіншчыны, якая размешчана ў цэнтральнай частцы Беларусі, можна зрабіць выснову, што найбольш тыповымі для гэтага рэгіёна з'яўляюцца прозвішчы, паходжанне якіх звязана:

1) з уласнымі асабовымі іменамі – 42%;

2) з індывідуальнымі рысамі чалавека – 31%;

3) з назвамі жывёл і птушак, з'яў прыроды – 27%.

Прычыны іх высокай частотнасці акрэслены ў адпаведных раздзелах.

Аналіз спецыфічных прымет прааналізаваных антронамаў выявіў, што найбольш пашыранымі спосабамі ўтварэння прозвішчаў гэтага рэгіёна з'яўляюцца наступныя:

I. Суфіксальнага ўтварэння:

1) -оў / -еў / -аў – 19%;

-ін (-ын) – 9%;

2) -скі / -еўскі (-оўскі) – 13%;

-аўскі / -інскі / -цкі – 12%;

3) -овіч / -евіч / -авіч – 26%;

4) -енка / -энка / -анка – 21%;

II. Лексіка-семантычнага ўтварэння:

1) уласнае асабовае імя – 40%;

2) назоўнік – 36%;

3) прыметнік – 24%;

Калі параўнаць вышэйпералічаныя адзнакі прозвішчаў рэгіёна з традыцыямі беларускай анамастыкі, то можна зрабіць вывад, што прадукцыйнасць гэтых тыпаў ў працэнтных суадносінах прыблізна такая ж: прозвішчы, прааналізаваныя ў рабоце, найбольш пашыраны на тэрыторыі ўсёй Беларусі, што звязана з размяшчэннем гэтай мясцовасці ў цэнтральнай частцы рэспублікі.

Літаратура

1. Богуш, С. З этымалогіі прозвішчаў / С. Богуш // Роднае слова. – 1995. – № 11. – С. 64–65.

2. Лемцюгова, В. Тапонімы на -ічы ў часе і прасторы / В. Лемцюгова // Роднае слова. – 1995. – № 12. – С. 54–58.

3. Лыч, Л. Тапанімія і этнас / Л. Лыч // Роднае слова. – 1992. – № 12.

ДА ПЫТАННЯ АБ БЕЛАРУСКІМ ТЭРМІНАЎТВАРЭННІ: ПРАДУКТЫЎНЫЯ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫЯ ТЫПЫ І СПАСАБЫ

This article deals with a structure of Belarusian morphology of a basic language units (motivated word, word formation rules, derivational pairs, derivational type etc.); productive word formation rules and types are analyzed here. Special attention is paid to the ways of abbreviating («convolution») of term-phrases.

Уводзіны. Сучасная беларуская тэрміналогія характарызуецца значнай разнароднасцю адносна паходжання лексічных і словаўтваральных сродкаў. Гэта тлумачыцца шэрагам фактараў:

1) з аднаго боку, пісьмовыя традыцыі беларускай мовы маюць глыбокія карані; з другога – існавалі значныя перапынкі ў функцыянаванні яе ў пісьмовай форме;

2) лексічная сістэма сучаснай беларускай мовы развіта і патэнцыяльна здольна перадаць усю сістэму навукова-тэхнічных паняццяў на сучасным узроўні развіцця навукі і тэхнікі;

3) разам з тым, ва ўмовах пераважнага выкарыстання рускай мовы ў сферы тэхнічных навук, у ВНУ тэхнічнага профілю, у навуковым друку, у прамысловай вытворчасці функцыянаванні беларускай навукова-тэхнічнай тэрміналогіі доўгі час было і застаецца абмежаваным.

Нягледзячы на разнастайнасць лексічных сродкаў беларускай тэрміналогіі, асноўнай крыніцай моўнага афармлення сучаснай беларускай тэрміналогіі з’яўляецца лексічная і словаўтваральная сістэма беларускай мовы. Практычная работа над слоўнікамі розных галін ведаў паказвае, што аб’ектыўна-моўных перашкод для распрацоўкі беларускай тэрміналогіі не існуе.

Асноўная частка. Словаўтваральная сістэма мовы ўяўляе сабой сукупнасць матываваных слоў, аб’яднаных у словаўтваральныя тыпы. Асноўная адзінка словаўтваральнай сістэмы – матываванае слова. Астатнія адзінкі функцыянуюць або ў складзе матываваных слоў (словаўтваральны сродак, матывуючая аснова), або вызначаюцца праз матываваныя словы (словаўтваральная пара, словаўтваральны тып, словаўтваральны ланцуг, парадыгма). Словаўтваральны тып – схема пабудовы матываваных слоў, якія належаць да адной часціны мовы і характарызуюцца агульнасцю: 1) часціны мовы матывуючага слова; 2) спосаба і сродка словаўтварэння; 3) словаўтваральнага значэння. Напрыклад: *моцнасць, трываласць, гнуткасць* і падобныя назоўнікі належаць да аднаго словаўтваральнага тыпу, бо яны матываваныя адной часцінай мовы – прыметнікам, утвораныя суфіксальным спосабам (**-асць**), суфікс гэты з’яўляецца паказчыкам словаўтваральнага значэння «адцягненая прыкмета». Назоўнікі ж *адлегласць, акружнасць* і інш. належаць да другога словаўтваральнага тыпу, нягледзячы на агуль-

насць суфікса, бо маюць словаўтваральнае значэнне прадмета (з’явы), а не прыкметы, і матываваныя іншымі часцінамі мовы.

Словаўтваральныя тыпы бываюць прадуктыўнымі і непрадуктыўнымі. Прадуктыўны тып у канкрэтны перыяд (канкрэтную эпоху) служыць узорам для стварэння новых слоў; такім чынам, рады слоў, якія адносяцца да прадуктыўнага тыпу, з’яўляюцца адкрытымі.

Спецыфіка словаўтварэння ў структуры мовы вызначаецца словаўтваральным значэннем і сродкам вырашэння гэтага значэння (суфіксам, прэфіксам і інш.).

У залежнасці ад таго, з дапамогай якога словаўтваральнага сродка выражана ў слове яго словаўтваральнае значэнне, спосабы словаўтварэння падзяляюцца на афіксальныя, безафіксальныя і змешаныя.

Да афіксальных спосабаў (словаўтваральнае значэнне матываванага слова выражаецца з дапамогай афікса або некалькіх афіксаў) адносяцца прэфіксальны, суфіксальны, постфіксальны, прэфіксальна-суфіксальны, прэфіксальна-постфіксальны, суфіксальна-постсуфіксальны, прэфіксальна-суфіксальна-постсуфіксальны. Апошнія тры спосабы словаўтварэння выкарыстоўваюцца толькі ў сферы дзеяслова; таму ў нашай працы разглядацца не будуць.

Да безафіксальных спосабаў (словаўтваральнае значэнне матываванага слова выражаецца з дапамогай не афіксаў, а іншых словаўтваральных сродкаў) адносяцца асноваскладанне, абрэвіяцыя, словаскладанне (зрашчэнне), канверсія (пераход слова з адной часціны мовы ў другую).

Да змешаных спосабаў (словаўтваральнае значэнне матываванага слова выражаецца адначасова з дапамогай афіксальных і безафіксальных сродкаў) адносяцца складанасуфіксальны, складанепрэфіксальны, складанепрэфіксальна-суфіксальны. У змешаных спосабах паказчыкам словаўтваральнага значэння матываванага складанага слова адначасова з’яўляецца адзіны націск, замацаваны парадак размяшчэння частак і афікс (суфікс, прэфікс, прэфікс + суфікс адпаведна).

Не ўсе названыя спосабы з’яўляюцца прадуктыўнымі ў сучасным беларускім тэрмінаўтварэнні.

Да найбольш прадуктыўных спосабаў адносяцца: суфіксацыя, прэфіксацыя + суфіксацыя, асноваскладанне, абрэвіяцыя.

Прааналізуем асноўныя спосабы і сродкі беларускага тэрмінаўтварэння. Найбольш шырокай прадуктыўнасцю вызначаецца суфіксальны спосаб.

Пры суфіксацыі паказчыкам словаўтваральнага значэння матываванага слова з'яўляецца суфікс.

Ад асноў незапазычаных дзеясловаў утвараюцца тэрміны з суфіксамі:

– **-нік (-льнік)**: *праваднік, акісляльнік, вымяральнік*; тэрміны маюць значэнне прылад або рэчываў;

– **-к-**: *апрацоўка, наладка, фармоўка*; тэрміны служаць для намінацыі працэсаў;

– **-ні- (-енн-, -анн-, -энн-)**: *выпарэнне, злучэнне, прыстасаванне, акісленне*; тэрміны маюць працэсуальнае значэнне і, радзей, прадметнае (могуць абазначаць рэчыва, вынік дзеяння і інш.).

Ад асноў запазычаных дзеясловаў утвараюцца тэрміны з суфіксамі:

– **-атар- (-ат-, -ант-)**: *аккумулятар, кандэнсат, кансервант*; тэрміны маюць прадметнае значэнне (абазначаюць рэчыва, прыладу, прыстасаванне і інш.);

– **-ацы- (-ізацы-, -яцы-)**: *актывізацыя, ізаляцыя, утылізацыя*; тэрміны маюць значэнне працэсу і выніку дзеяння.

Прэфіксальна-суфіксальны спосаб таксама прадуктыўны ў сучаснай навукова-тэхнічнай тэрміналогіі.

Паказчыкам словаўтваральнага значэння матываванага слова з'яўляюцца прэфікс і суфікс, якія адначасова далучаюцца да асновы матывуючага слова. Прэфіксальна-суфіксальнае ўтварэнне можа характарызавацца матэрыяльна выражаным прэфіксам і нулявым суфіксам.

Ад асноў запазычаных дзеясловаў тэрміны ўтвараюцца пры дапамозе наступных фармантаў:

– прэфіксаў **аб-, ад-, з- (с-), пра-, за-** і інш. і суфікса **-к-**: *абмотка, прамыўка*; тэрміны маюць працэсуальнае і, радзей, прадметнае значэнне;

– прэфіксаў **з-, раз- (рас-), пры-** і інш. і нулявога суфікса: *зрэз, разлік, прывад*.

Пры прэфіксацыі паказчыкам словаўтваральнага значэння матываванага слова выступае прэфікс. Для прэфіксацыі характэрна тое, што прэфікс далучаецца не да асновы слова, а да цэлага слова, не пераводзіць матываванае слова ў іншую часціну мовы, захоўвае ў матываваным слове ўсе марфалагічныя прыкметы матывуючага слова, істотна не змяняе лексічнае значэнне матываванага слова ў параўнанні з матывуючым, а толькі ўдакладняе яго.

Прэфіксальны спосаб менш прадуктыўны ў параўнанні з вышэйназванымі, можна вылучыць толькі ўтварэнне тэрмінаў пры дапамозе іншамойных прэфіксаў **анты-, дэ-, дэз-, рэ-**: *антыцела, дэпарафінізацыя, дэзінтэграцыя, рэкамбінацыя*. Прадуктыўным з'яўляецца і ўтва-

рэнне тэрмінаў з прэфіксам **звыш-**: *звышпрадукцыя*. Тэрміны, утвораныя шляхам прэфіксацыі, маюць працэсуальнае і прадметнае значэнне.

Улічваючы, што адной з прынцыпова важных прыкмет тэрміна з'яўляецца кароткасць, відавочна неабходнасць выяўлення ў тэрміналогіі магчымасцей стварэння аднаслоўных намінацый. На сучасным этапе большую частку тэрмінаў складаюць тэрміны-словазлучэнні, многія з якіх характарызуюцца шматслоўнасцю. Гэта істотны недахоп, які мае аб'ектыўную прычыну – неабходнасць дэталізацыі паняццяў.

Даследчыкі вызначаюць наступныя шляхі скарачэння («згортвання») тэрмінаў-словазлучэнняў:

– сэнсавая кандэнсацыя;

– выкарыстанне складаных слоў;

– выкарыстанне прыставачных і суфіксальных утварэнняў.

У сучаснай беларускай тэрміналогіі шырока выкарыстоўваюцца словазлучэнні з назоўнікамі *механізм, апарат, прыстасаванне* і інш. (*шыфравальны механізм, счывальнае прыстасаванне*), якія могуць паспяхова замяняцца аднаслоўнымі тэрмінамі (*шыфратар, счывальнік*). Разам з тым, гэты прыём можа прывесці да пэўнай страты матываванасці, дакладнасці тэрміна. Таму пры адсутнасці аднаслоўнай намінацыі ў нацыянальнай тэрміналогіі ў апошні час часта замацоўваецца іншамойны тэрмін: *друкавальнае прыстасаванне – прынтар* (варта зазначыць актыўнасць працэсу замацавання англамойных слоў у розных мовах свету). З другога боку, можна прапанаваць незапазычаны аднаслоўны варыянт *друкавальнік*. У рускай мове тэрмін *печатник* у значэнні «друкавальнае прыстасаванне» не замацаваўся, бо слова мае значэнне асобы (напрыклад, *первопечатник*), але ў беларускай мове гэтыя значэнні размежаваны: *друкар* (асоба) і *друкавальнік* (прыстасаванне).

Прадуктыўным спосабам згортвання тэрмінаў-словазлучэнняў з'яўляецца стварэнне складаных слоў. Тэрміны, утвораныя шляхам аснова- і словаскладання, займаюць значнае месца ў тэрмінасістэме сучаснай беларускай мовы.

Прадуктыўныя тэрмінаўтваральныя тыпы:

– аснова назоўніка + злучальны элемент складанага слова + назоўнік (у якасці злучальнага элемента складанага слова выступае інтэрфікс **-а- (-я-)**): *жалезабетон, серавадарод*;

– аснова прыметніка + злучальны кампанент складанага слова + назоўнік: *новаўтварэнне*;

– аснова лічэбніка + злучальны элемент складанага слова + лічэбнік: *двухвокіс*.

У першым з названых тыпаў кампаненты складанага слова злучаны спалучальнай сувязю і суадносяцца са спалучальнымі словазлучэннямі (*жалеза і бетон – жалезабетон*), у другім і трэцім – падпарадкавальнай сувязю і

суднасяцца з падпарадкавальнымі словазлучэннямі з азначальнымі адносінамі паміж кампанентамі (*новае ўтварэнне – новаўтварэнне*). Часта ў якасці першага кампанента выступаюць інтэрнацыянальныя тэрмінаэлементы (*гідра-, тэрма-, электра-, бія-, фота-* і інш.): *тэрмаізаляцыя, біямаса, фотарэактывацыя*.

Многія складаныя тэрміны ўтвараюцца пры дапамозе беларускіх і запазычаных асноў з дабаўленнем суфіксаў: *цеплаабменнік, кроплеаддзяляльнік*.

Важным сродкам у дасягненні кароткасці тэрміна трэба лічыць абрэвіяцыю. Гэты спосаб з'яўляецца даволі простым і эфектыўным і найбольш часта выкарыстоўваецца ў тэхнічнай сферы: *ПК (персанальны камп'ютэр), УФ-промі (ультрафіялетавае промі), РНК (рыбануклеінавая кіслата)*.

Абрэвіяцыя ўяўляе сабой складанне частак асноў або частак і поўных асноў. Па значэнні абрэвіятуры эквівалентныя словазлучэнням, шляхам скарачэння якіх яны ўтвораны.

Адрозніваюць наступныя асноўныя тыпы абрэвіятур:

1) літарныя (якія складаюцца з пачатковых літар кожнага слова словазлучэння);

2) гукавыя, або фанетычныя (якія складаюцца з пачатковых гукаў кожнага слова словазлучэння);

3) складовыя (якія складаюцца з пачатковых частак кожнага слова словазлучэння);

4) змешанага тыпу (якія сумяшчаюць элементы папярэдніх тыпаў);

5) абрэвіятуры, якія складаюцца з пачатковай часткі першага слова і цэлага другога слова.

Абрэвіяцыя дзейнічае толькі ў сферы назоўнікаў. Усе тыпы абрэвіятур шырока ўжываюцца ў тэрміналогіі.

Заклучэнне. Такім чынам, з аднаго боку, важнай праблемай сучаснай беларускай тэрміналогіі з'яўляецца неабходнасць скарачэння тэрмінаў-словазлучэнняў. З другога, нельга не прызнаваць тэндэнцыю пашырэння шматслоўных тэрміналагічных намінацый, якая назіраецца ў тэрмінасістэмах усіх моў свету і звязана з развіццём навукі, што прыводзіць да неабходнасці ўдакладніць і канкрэтызаваць паняцце. Аднак свядомая і сістэматызаваная праца ў азначаным напрамку праводзіцца ў многіх краінах і даволі паспяхова.

Літаратура

1. Тэорыя і практыка беларускай тэрміналогіі / Арашонкава Г. У. [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 1999.

2. Антанюк, Л. А. Беларуская навуковая тэрміналогія / Л. А. Антанюк, Г. У. Арашонкава. – Мінск: Навука і тэхніка, 1987.

3. Антанюк, Л. А. Сучасная беларуская тэрміналогія / Л. А. Антанюк, Г. У. Арашонкава. – Мінск, 1995.

4. Сцяцко, П. Культура мовы / П. Сцяцко. – Мінск: Тэхналогія, 2002.

5. Багдзевіч, А. Словаўтваральная структура аддзяяслоўных тэрмінаадзінак у сучаснай беларускай літаратурнай мове / А. Багдзевіч. – Гродна, 2000.

6. Карпов, А. К. Современный русский язык: Словообразование. Морфология / А. К. Карпов. – М.: Владос, 2002.

О. С. Антонова, преподаватель

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КОНТРОЛЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

The article focuses on some aspects of educational technology – the controlling of the developed foreign communicative capacity of the students of a non-linguistic university. It deals with the possibilities of its integration into the teaching process. This technology of controlling is determined as a package of steps, forms, methods, requirements, functions of detection and evaluation of student accomplishments according to the specified goals of formation and development of foreign communicative awareness. Particularly are considered some new methods of controlling which correspond to modern demands of methodological science: method of Benchmarking, the Deming-cycle and interactive Smart Boards. Great attention is paid to the functions of controlling and to the pedagogical conditions which are necessary for implementation of this technology and to the use of partial, informative and quantitative valuation of the developed foreign communicative capacity.

Введение. Воплощение в жизнь метафоры «образование без границ» для белорусской высшей школы более чем актуально. Участие студентов в международных образовательных и научных проектах, эффективное внедрение в образовательный процесс информационных технологий международного стандарта – все это реалии сегодняшнего дня. Очевидно, что интеграция Беларуси в международное научное и образовательное пространство и обеспечение выпускнику вуза права на академическую мобильность невозможно без перестройки системы языковой подготовки, особенно в неязыковом вузе, где иностранный язык традиционно не считается базовой дисциплиной, и как следствие – без перестройки системы контроля сформированности иноязычной коммуникативной компетентности (ИКК) студентов. Организация системы учета и контроля сформированности ИКК студентов является важнейшей составляющей учебного процесса, без него невозможно обеспечить эффективность обучения.

Основная часть. Изучение иностранных языков является неотъемлемой частью подготовки специалистов различного профиля, призванных в соответствии с требованиями Государственного стандарта достичь уровня владения иностранным языком, позволяющего им продолжать обучение и вести профессиональную деятельность в иноязычной среде. Изучение иностранного языка – это сложный процесс, а в связи с постоянно увеличивающейся информационной загруженностью студентов вузов изучение иностранного языка становится второстепенной задачей. Трудности обусловлены, во-первых, достаточно серьезными требованиями к изучению иностранного языка; во-вторых, недостаточной разработанностью такого индикатора знаний, который бы эффективно отображал различия в индивидуальных образовательных достижениях, в уровне сформированности ИКК, соответствующему норме (заданному в образовательном стандарте ожи-

даемому результату). Контроль как важнейшая составляющая учебного процесса постоянно требует обновления диагностического инструментария, нуждается в своей педагогической технологии.

Обобщая различные точки зрения в методической литературе, можно утверждать, что педагогическую технологию контроля целесообразно рассматривать как алгоритмизированный процесс взаимодействия преподавателя и обучающихся, гарантирующий достижение поставленной цели [1].

Педагогическая технология контроля есть совокупность этапов, форм, методов, видов, требований, функций определения и оценки достижений студентов в соответствии с заданной целью формирования и развития ИКК. В ней представлены:

- цель – формирование и развитие ИКК;
- этапы: репродуктивный, творческий, итоговый;
- традиционные формы контроля: устный опрос, диктант, самостоятельная работа, контрольная работа, тест, коллоквиум, зачет, экзамен;
- творческие формы контроля: мультимедийные презентации, творческие задания по иностранному языку;
- участие студентов в научно-практических конференциях на иностранном языке, семинарах, дискуссиях, ролевых играх, международных конкурсах, проектах;
- методы: устный, письменный, компьютерный, комбинированный, практический, метод бенчмаркинга;
- функции: контрольно-обучающая, оценочная, дифференцирующая, воспитательная, развивающая, управленческая, эмоционально-рефлексивная и функция отсроченного контроля, которые способствуют поэтапному формированию и развитию ИКК.

Педагогическая технология контроля сформированности ИКК студентов будет успешной

при условии применения личностно-деятельностного и личностноориентированного подходов. Данные подходы детерминируют разработку и реализацию технологии контроля как педагогическую, т. е. предопределяют использование всех методов, форм, оценок контроля как личностно значимые для студента и как личностно направленные для преподавателя. Поэтому необходимо создать соответствующие педагогические условия, которые предусматривают: осуществление дифференциации групп в соответствии с уровнем сформированности ИКК; использование дифференцированного подхода к обучению и контролю студентов с разным уровнем подготовленности; проведение систематического анализа данных контроля.

Педагогическая технология контроля сформированности ИКК студентов четко структурирована, она состоит из взаимосвязанных компонентов, образующих целостность (т. е. внутреннее единство, неразрывность, взаимную связь). Основные теоретические положения по контролю в профессиональной подготовке студентов позволили выделить общую мысль, заключающуюся в том, что контроль, являясь важнейшим компонентом учебного процесса, включает в себя проверку, оценку, измерение и управление. В зарубежной теории и практике контроль имеет несколько терминов: *evaluation, assessment и testing, controlling*. *Controlling* рассматривается как проверка, оценка, измерение, управление. *Evaluation* включает в себя проверку, оценку, измерение и при этом исключает управление учебным процессом, а *assessment и testing* обозначают только проверку и оценку.

По видам контроля различают стартовый, текущий, промежуточный, итоговый. Одним из новых методов контроля сформированности ИКК студентов может быть предложен метод бенчмаркинга. За последние годы бенчмаркинг стал одним из эффективных и признанных инструментов управления, в том числе управления учебным процессом. Ученые Е. А. Князев и Я. Ш. Евдокимова впервые рассмотрели проблемы бенчмаркинга в контексте образования и пришли к выводу, что потенциал бенчмаркинга, который предполагает выявление варианта использования лучшей продукции, лучшей услуги, в том числе и лучшего метода как метода обучающего контроля в среде высшей школы, велик. Термин «бенчмаркинг» (*benchmark*) не имеет однозначного перевода на русский язык, им обозначается один из инструментов совершенствования деятельности. Суть проста: ищи объект – носитель лучшей практики, достойный изучения, вникай в содержание, организацию и детали изучаемого процесса, понимай суть преимуществ и транслируй постигнутое в собственную практику [2].

Название метода происходит от английских слов «*bench*» (уровень, высота) и «*mark*» (отметка). Это словосочетание трактуется по-разному: «опорная отметка», «отметка высоты», «эталонное сравнение» и т. п. При этом эталон как условная планка не может оставаться постоянным, он должен соответствовать изменению внешних условий и возможностям учебного учреждения. Бенчмаркинг как метод непрерывного совершенствования и нахождения новых ориентиров, ресурсов обучения позволяет осуществлять поиски лучшей организации контроля сформированности ИКК студентов с учетом новых подходов, направлений, тенденций [3].

Исследование теоретических основ педагогической технологии контроля уровня ИКК студентов позволило расширить представление о функциях такого контроля за счет введения новых функций: дифференцирующей, эмоционально-рефлексивной, функции отсроченного контроля.

Дифференцирующая функция заключается в дифференцированном использовании методов, форм, видов контроля в зависимости от сформированности ИКК студентов.

Эмоционально-рефлексивная функция предполагает концентрировать внимание на «ситуации успеха», восприятию контроля как стимула к овладению определенным уровнем сформированности ИКК. Она предопределяет самоанализ и анализ сокурсниками результатов достигнутого для выявления причин успехов и затруднений.

Функция отсроченного контроля предполагает ориентировку на более отдаленное по времени выявление результатов достижения цели, что в свою очередь позволяет корректировать процесс обучения иностранному языку.

В педагогической технологии представлены содержательные и парциальные оценки. Содержательная оценка – это процессуальная единица, позволяющая соотнести ход и результат деятельности с поставленной целью [4], в то время как парциальная оценка (от лат. *partialis* – частичный, отдельный) есть отдельные оценочные вербальные суждения преподавателя, фиксирующие достижения студентов [5].

Подобная оценка не представляет собой квалификацию успешности студента в целом, она относится не к системе знаний и даже не к предмету в целом, а к известному частичному знанию или навыку. Оценивание является одним из существенных компонентов в деятельности преподавателя. Продуктом оценивания выступают как отметка в журнале, так и развернутая оценка ответа, поступка, других проявлений деятельности студента, предоставляемая преподавателем.

При рассмотрении педагогической технологии контроля сформированности ИКК студентов неязыкового вуза на основе принятых методологических подходов особое значение придается единству, взаимосвязи и взаимозависимости всех ее частей и их аппликаторности к практике языковой подготовки как условия формирования ИКК. При реализации педагогической технологии контроля сформированности ИКК студентов неязыкового вуза нами были рассмотрены некоторые аспекты ее интеграции в учебный процесс.

На начальном этапе обучения мы проводим констатирующий эксперимент, который заключается в диагностике начального уровня сформированности ИКК, а также направлен на выявление отношения студентов к значимости изучения иностранного языка и перспективам его использования в будущей профессиональной деятельности. В ходе констатирующего эксперимента студенты выполняют стартовый тест и проходят устное собеседование. Разработанный нами стартовый тест для проверки сформированности ИКК студентов I курса неязыкового вуза состоит из 3 частей: тестовые задания по грамматике, тестовые задания по лексике, тестовые задания по чтению – и позволяет выявить уровень языковой и речевой компетенций. При разработке стартового теста мы опирались на образовательный стандарт среднего (полного) общего образования по иностранному языку. На устном собеседовании студентам предлагаются темы по страноведению.

В ходе проведения формирующего эксперимента мы пытались создать и апробировать те педагогические условия, о которых говорилось выше:

- был разработан пакет диагностических материалов для контроля сформированности ИКК студентов неязыкового вуза на различных этапах обучения;

- были разработаны и внедрены в учебный процесс учебно-методические пособия по всем изучаемым языкам, в которых учтены основные положения педагогической технологии контроля сформированности ИКК студентов неязыкового вуза.

Данные пособия используются для выполнения творческих заданий. В них представлены тексты, активная лексика, а также комплекс лексических упражнений, направленных на расширение лексического запаса студентов. Задания, представленные в учебно-методическом пособии, предполагают индивидуальную, групповую и парную работу студентов и готовят их к неподготовленному монологическому высказыванию. В пособиях даны основы аннотирования и реферирования. В упражнениях показан алгоритм написания

краткого содержания и аннотации текста, в них включены клишированные выражения, позволяющие выразить свое отношение к содержанию текста. Мы предлагаем студентам алгоритм выполнения творческого задания по индивидуальному чтению. Студентам рекомендуется делать его в определенной последовательности. Выполнение творческого задания осуществляется по методу бенчмаркинга – циклу Деминга, суть которого заключается в следующем: вся работа состоит из четырех этапов. 1 этап – это планирование. На данном этапе происходит ознакомление студентов с темами, после чего студенты самостоятельно выбирают текст по заданной тематике. 2 этап – это действие. Студенты читают текст, составляют к нему план, вопросы, выполняют задания по тексту. 3 этап – это проверка понимания текста. Студенты готовят пересказ текста и пишут к нему аннотацию. 4 этап – это выполнение компьютерной презентации и само представление задания в группе.

Во время защиты творческого задания студенты не только выступают, предоставляя свой доклад в устной форме, но и используют наглядность, а именно: мультимедийные формы компьютерных презентаций. После выступления студенты группы задают вопросы докладчику, делятся своими впечатлениями по теме выступающего, тем самым они вовлекаются в процесс контроля, где и реализуется его эмоционально-рефлексивная функция, а также используется парциальная оценка при подведении итогов работы студентов. Это позволяет сделать вывод, что задание вызывает интерес и студенты активно работают тогда, когда они сами участвуют в его создании, когда цели выполняемых действий для них значимы и достижимы. Материал, усвоенный в процессе обсуждения, может быть перенесен в среду реальной коммуникации с представителями иноязычных стран.

Цикл при этом никогда не заканчивается: как только студент выполнил творческое задание и представил его в группе, работа начинается сначала по тому же циклу, что еще раз свидетельствует о необходимости непрерывного улучшения ИКК.

В связи с тем, что традиционные формы контроля не всегда позволяют выявить творческий потенциал студентов, наряду с ними мы используем форму компьютерных презентаций с применением таких современных технических средств, как интерактивные доски (Smart Boards) (с помощью ноутбука). Интерактивные презентационные доски позволяют свободно перемещаться по аудитории и при этом полностью управлять процессом презентации и работать с представляемым материалом как на обычной белой

доске. При создании своих презентаций студенты используют основные возможности программы PowerPoint из пакета Microsoft Office. Изучение студентами основных возможностей PowerPoint и приобретение начальных навыков работы с этой программой проходило на занятиях по информатике. Форма презентации позволяет студентам неязыковых специальностей реализовать свои знания на практике, не только продемонстрировать знания по иностранному языку, но и технически оформить уже имеющийся языковой материал.

Для контроля сформированности стратегической и дискурсивной компетентностей студентов мы используем следующие формы: участие студентов в научно-практических конференциях на иностранном языке, в ролевых играх, в международных конкурсах, проектах.

Для измерения уровня сформированности ИКК нами рассматривается балльно-рейтинговая система контроля и возможности использования количественной оценки знаний, умений и трудолюбия студента [6].

При этом основной идеей является описание всех «правил игры» еще до начала обучения. В правилах оценки описано каждое действие или бездействие, за которое студент получает положительные или отрицательные (штрафные) баллы. Оценивается все, начиная от «присутствия на занятии» и заканчивая любым «полезным» для обучения этому курсу действием. Нет «хорошей» или «плохой» оценки – любой положительный балл (+1, +2 и т. д.) попадает в копилку студенту. Это позволяет исключить такое распространенное явление, как «боязнь ответить неправильно». Даже не совсем правильный ответ оценивается. Это дает возможность раскрыться студенту. Исключает скованность. Кроме того – активизирует студента на посещение занятий, даже самые отстающие студенты начинают активно участвовать в процессе обучения. Опыт показывает, что студентам система интересна, а преподаватель, в свою очередь, может более объективно ставить оценки – и отличник, и хорошист, и троечник могут получить +1, +2 и т. д. (любой положительный балл полезен). Решающая оценка получается в конце семестра, по окончании обучения. И, наконец, чрезвычайно важно, чтобы оценочная деятельность педагога была адекватна, справедлива и объективна.

Широко известен ряд типичных субъективных тенденций или ошибок. К основным типичным субъективным ошибкам оценивания относятся ошибки:

великодушия – при вынесении преподавателем завышенных оценок;

ореола – связаны с предвзятостью преподавателя и проявляются в тенденции оценивать

«положительно» тех, к кому они лично относятся положительно и «отрицательно» тех, к кому они лично относятся отрицательно;

центральной тенденции – проявляются у преподавателя в стремлении избежать крайних оценок. Например, не ставить «3» и «9»;

контраста – знания, качества личности и поведения обучающего оцениваются выше или ниже в зависимости от того, выше или ниже выражены те же характеристики у самого преподавателя;

близости – преподавателю трудно ставить «3» после «9» (завышение оценок отличников);

логические ошибки – оценка за поведение вместо оценки за предмет.

Закключение. Управление качеством обучения иностранному языку состоит из трех основных аспектов.

Во-первых – определение результата обучения и соответствующих ему целей обучения. Отбор учебного материала, отвечающего целям обучения.

Во-вторых – планирование или корректировка на основании конкретизации целей программы обучения.

В третьих – обеспечение заданиями и спланированными целями в ходе процесса обучения на основе мониторинга.

Литература

1. Галустян, О. В. Контроль знаний студентов по иностранному языку в техническом вузе / О. В. Галустян // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – № 20 (49): Аспирантские тетради: науч. журнал. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 258–260.

2. Евдокимова, Я. Ш. Бенчмаркинг как методология совершенствования управления российскими вузами / Я. Ш. Евдокимова // Университетское управление. – 2005. – № 4 (37). – С. 27–38.

3. Князев, Е. А. Информационные ресурсы в стратегическом менеджменте / Е. А. Князев, Я. Ш. Евдокимова // Университетское управление. – 2003. – № 2 (25). – С. 7–17.

4. Ананьев, Б. Г. Психология педагогической оценки. Психологическая ситуация опроса на уроке / Б. Г. Ананьев // Хрестоматия по возрастной педагогической психологии. – М.: МГУ, 1980. – С. 80–110.

5. Фридман, Л. М. Психологический справочник учителя / Л. М. Фридман, И. Ю. Кулагина. – М.: Просвещение, 1991. – С. 54.

6. Галустян, О. В. Балльная система как оценочная функция контроля обученности иностранным языкам в неязыковом вузе / О. В. Галустян // Материалы Всероссийской конференции «Информация, инновации, инвестиции – 2004 г.». – Пенза, 2004 г. – С. 102–103.

О. В. Бобрицкая, преподаватель

РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

The article provides useful information regarding the rating system of evaluation of students' knowledge and skills. It represents an integrated evaluation of results of all kinds of students' activity for the semestrial period of training. The system is directed on deep mastering by students of a studied material and includes an assessment of students' works in a semester. The particular stress in the work is put on the understanding of the objectives of the rating system, that is 1) increase of student's motivation to studies; 2) stimulation of students to regular independent work; 3) decrease of random factors while passing credit tests and examinations in foreign languages. The potential of the rating system is great enough. It promotes the decreasing of the quantity of unmotivated misses of classes. This technique has allowed to reduce the number of the students who have not compiled with the curriculum at the end of a semester and to encourage students to self-study of subjects.

Введение. Рейтинг (от англ. *rating* – уровень, разряд) – это индивидуальный числовой показатель. Рейтинговая оценка системы знаний предполагает систему накопления условных единиц (баллов) знаний в течение всего аттестуемого периода. В зависимости от количества баллов, полученных за каждый выполненный вид учебной деятельности, студент по завершении курса получает достаточно адекватную совокупную оценку. Такой подход позволяет в комплексе оценить прилежание студента, его учебную активность и уровень усвоения материала. При рейтинговой системе все знания, умения и навыки, приобретаемые студентами в процессе изучения дисциплины, оцениваются в рейтинговых баллах.

Рейтинговая система оценки знаний позволяет снять недостатки традиционной системы контроля или, по крайней мере, нейтрализовать некоторые из них. Она предназначена для организации учебно-воспитательного процесса на базе новейших технологий обучения, активизирующих самостоятельное творческое мышление студентов и стимулирующих рост профессионального мастерства педагогического состава [1].

Применение данной системы в учебном процессе позволяет повысить эффективность самостоятельной работы студентов, обеспечить ее ритмичность в течение семестра, в отличие от традиционного обучения, где студент может быть пассивным в течение семестра и «просыпается» только при подготовке к экзамену или зачету, а также получить объективную оценку знаний студентов в процессе обучения, так как отражает динамику усвоения знаний по иностранному языку за семестр и является суммарным коэффициентом усвоенных знаний непосредственно на момент проверки знаний. Кроме того, рейтинговая система позволяет повысить эффективность работы преподавателей.

Основная часть. Несколько общих принципов, которые характерны для рейтинговой системы:

- блочно-модульное структурирование изучаемого материала;
- системность;
- гибкость и мобильность;
- оценки-баллы имеют накопительную силу;
- создаются условия сотрудничества студента и преподавателя;
- незнание не наказывается, а процесс познания стимулируется;
- студент сам волен выбирать стратегию своей деятельности.

С другой стороны, рейтинговая система требует жесткого планирования изучаемого материала, разнообразные виды контроля, систематического учета и подсчета баллов, обязательное рубежное итоговое тестирование (лучше компьютерное), сведение на «нет» субъективизма в оценивании. Она опирается на методику направляемого и контролируемого самообучения, создающего все условия для воспитания самодисциплины, добросовестности, ответственности студентов, их умения работать по плану, целеустремленно, с заранее ожидаемым результатом, где роль преподавателя состоит главным образом в умелой организации учебной деятельности обучаемых.

Сейчас каждый преподаватель, решивший применить рейтинговую систему, оказывается один на один с огромными трудностями. Кроме того, что необходимы значительные дополнительные временные затраты для разработки собственных критериев или использования передового опыта, необходимо регулярно учитывать и регистрировать достижения студентов.

Рейтинговая система полезна в том случае, если она разработана самим преподавателем и помогает ему организовывать систематическую, добросовестную, своевременную работу в семестре. На основании рейтинга проставляются ежемесячные аттестации.

Как показывает опыт, рейтинговая система имеет целый ряд преимуществ. Главными из них являются следующие:

- стимулируется познавательная активность студентов;
- формируется ответственное отношение и своевременность выполнения заданий;
- возникает мотивация к выполнению заданий более высокого уровня;
- появляется заинтересованность во внеаудиторной работе;
- снижается количество немотивированных пропусков аудиторных занятий;
- сводится до минимума субъективизм и непредсказуемость в оценке знаний студентов;
- устраняются экзаменационные стрессовые ситуации.

Преимущества рейтинговой системы хорошо осознаются и самими студентами. Абсолютное большинство студентов положительно относятся к рейтинговой системе оценки знаний.

Одно из обязательных условий рейтинговой системы – это ее открытость. Студенты должны знать, когда, какой суммой баллов будет оцениваться тот или иной вид их труда, какие критерии оценки использует преподаватель, когда и по каким темам будет проводиться тестирование. Максимальный рейтинговый балл доводится до студентов в начале семестра.

Преподаватель ведет учет реального рейтингового балла индивидуально и по окончании семестра выставляет итоговую оценку по совокупности проделанной студентом работы [1].

Рейтинговая система предполагает разделение процесса изучения каждой дисциплины на содержательные этапы, контроль всех основных видов учебной работы по окончании каждого этапа и широкую гласность результатов контроля.

Наиболее успешно рейтинговая система реализуется на основе модульного построения учебного материала. Модуль – это часть рабочей программы дисциплины, имеющая логическую завершенность и несущая определенную функциональную нагрузку. Модульный принцип организации учебного процесса позволяет выстроить четкую, всестороннюю и разноуровневую систему оценки знаний студентов, которая включает текущий контроль и промежуточную аттестацию.

При использовании рейтинговой системы оценки знаний студентов необходимо учитывать и индивидуальный подход к студенту путем варьирования типов заданий. При распределении баллов следует классифицировать задания на две группы: обязательные и дополнительные [2].

Варьирование типов заданий дает возможность студенту правильно рассчитать свои силы и возможности, наиболее полно раскрыть свои индивидуальные качества и объективно оценить свой уровень знаний по иностранному языку в группе.

Для студентов, пропустивших контрольное мероприятие по уважительной причине, подтвержденной документально, преподаватель устанавливает дополнительные сроки отчетности. При невыполнении на день экзамена или зачета контрольных работ, рефератов, предусмотренных учебным планом, студент не допускается к зачету или экзамену по соответствующей дисциплине, т. е. образуется задолженность. Баллы за сданные после последнего дня занятий задания не начисляются.

Предлагается выделять следующие виды учебной работы студентов, годные для процессуального оценивания (рейтинговой оценки) на уроках иностранного языка:

- победа в олимпиадах по иностранному языку;
- выполнение творческих работ (проектов, исследований);
- написание эссе;
- подготовка реферата;
- за быстрое и правильное выполнение самостоятельной работы на уроке;
- активная познавательная деятельность на уроке;
- участие в дискуссии, обсуждении проблемных ситуаций;
- участие в игровых ситуациях (деловых, ролевых играх и т. д.);
- выступление на уроке с докладом, сообщением и т. д.;
- выполнение домашнего задания;
- работа в малой группе;
- ведение конспекта урока [3].

Текущий контроль определяет степень усвоения студентами языкового материала в ходе изучения модуля. Формы текущего контроля могут быть следующие: устные и письменные ответы студентов, участие в дискуссиях, рефераты, доклады. Изучение каждого модуля дисциплины заканчивается контрольной точкой (рубежным контролем). Рубежный контроль устанавливает глубину и полноту знаний, умений и навыков студентов по окончании изучения одного модуля. Формы рубежного контроля: тестирование, контрольная работа, письменный перевод, коллоквиум [4].

Примерные нормы оценок знаний студентов таковы:

8–10 баллов – материал усвоен в полном объеме, без существенных ошибок, не требует дополнительных вопросов, умело и доказательно сделаны выводы; такая же оценка ставится за точный ответ на сложный или проблемный вопрос, за подробный, правильный и самостоятельный анализ текста;

5–7 баллов – материал усвоен в достаточном объеме, но в усвоении материала допущены незначительные пробелы и ошибки, отдельные неточности;

2–4 балла – в усвоении материала имеются существенные пробелы, просматривается неполнота знаний, отсутствует логика изложения материала, нарушаются нормы литературного языка;

0–1 балл – незнание большей части материала, содержание материала темы не раскрыто, студент отказывается отвечать.

Для перевода набранных в семестре баллов в экзаменационную (зачетную) оценку устанавливается следующая шкала: 91–100 баллов – «отлично», 76–90 баллов – «хорошо», 60–75 баллов – «удовлетворительно», 60–10 баллов – «зачтено».

За дополнительные, не предусмотренные программой виды деятельности студентов (научные доклады, участие в студенческой конференции, олимпиадах, выполнение индивидуальных заданий), предусматриваются премиальные баллы («бонусы»), которые добавляются к набранным в семестре баллам.

Эта система оставляет место и для преподавательского поощрения. Так, например, используется право дать студенту «бонусы» за отношение к учебе (отсутствие пропусков, активность на занятиях, за блестящее выполнение отдельных видов заданий). Не рекомендуется превышать сумму всех премиальных баллов более 10. Как правило, это 8–10 баллов [3].

Преподаватель может использовать «штрафы» в виде уменьшения набранных баллов за пропуск занятий, за нарушение сроков выполнения учебной работы, за систематический отказ отвечать на занятиях и т. д. В случае пропуска занятий по неуважительным причинам студент обязан отработать их путем выполнения индивидуальных заданий по соответствующим темам.

Возможности рейтинговой системы достаточно велики. В ее условиях существенно снизилось количество немотивированных пропусков занятий. Эта методика позволила резко уменьшить число студентов, не выполнивших учебный план на конец семестра. Главное, что рейтинговая система стимулирует студента на самостоятельное глубокое изучение предметов [4].

К рейтинговой системе как среди преподавателей, так и среди студентов сложилось неоднозначное отношение. Рейтинговая система, отражающая текущую успеваемость студента, имеет смысл, потому что, если есть возможность и стремление получить экзамен автоматически, студент более напряженно работает в

течение семестра, повышается его работоспособность и эффективность обучения.

Заключение. Рейтинговая система оценки знаний, умений и навыков студентов представляет собой интегральную оценку результатов всех видов деятельности студента за семестровый период обучения. Система направлена на глубокое усвоение студентами изучаемого материала и включает оценку работы студентов в семестре, а также ее учет при выставлении итоговой оценки на экзамене.

Таким образом, задачами рейтинговой системы являются следующие:

1) повышение мотивации студентов к освоению программы путем более высокой дифференциации оценки их учебной работы;

2) стимулирование студентов к регулярной самостоятельной работе;

3) снижение роли случайных факторов при сдаче экзаменов и/или зачетов.

Итак, рейтинговая система оценивания представляет собой особую форму организации учебного процесса в высшей школе, создает выгодные условия для учета индивидуальных особенностей студента, содействует систематическому усвоению знаний. Она представляет собой систему, основанную на деловом сотрудничестве между преподавателем и студентами. Следовательно, растет заинтересованность и успешность студента, что делает процесс обучения более эффективным [1].

Литература

1. Золотухин, Ю. П. Рейтинговая система: конструирование и практика применения / Ю. П. Золотухин, И. Б. Кряквина // Вышэйшая школа. – 2003. – № 6. – С. 13–16.

2. Гладковский, В. И. Рейтинговые технологии в управлении системами педагогического процесса в высшей школе // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 5. – С. 13–18.

3. Масло, И. М. Автоматизированная модульно-рейтинговая система контроля учебной деятельности / И. М. Масло, А. И. Гридюшко, Е. И. Сафанков // Вышэйшая школа. – 2004. – № 2. – С. 29–32.

4. Толпаев, В. А. Психолого-педагогические проблемы рейтинговой системы оценки знаний студентов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2001. – № 3. – С. 119–121.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

The article touches upon the problems of derivational synonymy in modern German. The author analyzes the existing approaches to define the derivational synonyms and their nature. The relevant characteristics of derivational synonyms are analyzed in the paper as well. Special attention is given to the characteristic of derivational, lexical-derivational and categorical synonyms. The synonymy of affixes is of a certain linguistic interest as well as the analysis of their semantic structure and the conditions under which the affixes can be considered to be synonymous, i.e. identical semantic characteristics, compatibility with the same derivation stem, identity of external distribution of the derivatives.

The object-matter of the given research are two derivational models: Ge- + verbal stem + -e and verbal stem + -ei/-elei/-erei. The subject-matter are the derivatives of the above models in the context of their semantic correlation and functional stylistics.

Введение. Для современного языкознания характерно исследование семантики языковых единиц разных уровней. Наряду с лексической и грамматической семантикой в языкознании последних лет интенсивно разрабатываются семантические вопросы словообразования, один из которых – словообразовательная синонимия. В настоящее время словообразовательная синонимия является малоисследованной проблемой, несмотря на целый ряд попыток разрешить круг вопросов, связанных с этой подсистемой языка. Работы лингвистов, посвященные словообразовательной синонимии, свидетельствуют, с одной стороны, о возрастающем интересе исследователей к этим вопросам, с другой стороны, о дискуссионности ряда положений. Спорными остаются, прежде всего, такие важнейшие понятия в области словообразовательной синонимии, как «синонимичные аффиксы», «словообразовательные синонимы» и др. В немецком языке этот вопрос не получил достаточного освещения. В связи с этим словообразовательная синонимия является на сегодняшний день актуальной проблемой германского языкознания, требующей более полного описания.

Основная часть. Выделение словообразовательных синонимов как самостоятельного вида синонимов произошло сравнительно недавно. До сих пор нет общепринятого определения словообразовательной синонимии и словообразовательного синонима. На этот счет существуют различные точки зрения. Одни исследователи относят к словообразовательным синонимам все производные слова, имеющие единое общекатегориальное значение. Основанием считается тот факт, что в их значении имеет место совпадение семантического стержня, который конституирует их словообразовательное значение [1]. Другие исследователи также говорят применительно к сфере словопроизводства о категориальной синонимии, но считают ее обусловленной семантикой разных аффиксов производных слов при несовпадении денотативных значений их производящих основ. Термин «словообразо-

вательные синонимы» используется также для обозначения лексических синонимов, имеющих одну и ту же производящую основу и синонимичные аффиксы [2].

Словообразовательные синонимы возникают в русле разнообразных словообразовательных процессов, и по своей структуре они также различны. Поэтому традиционное определение словообразовательных синонимов как синонимичных слов, имеющих общую производящую основу и синонимичные аффиксы, мы не можем считать адекватно отражающим данное понятие [3].

Иной подход к определению синонимов опирается на синтагматический план языка и целью рассмотрения становится выявление идентичности потенциальной сочетаемости (валентности) слова. При таком подходе синонимичными признаются единицы, взаимозаменяемые в контекстах. Но здесь встает вопрос о тождественных контекстах, которые были бы достаточными для признания языковых единиц синонимами. Кроме того, для истолкования тождества контекстов требуется обращение не к значениям, а к смыслу, мотивированному экстралингвистически.

Таким образом, релевантными признаками словообразовательных синонимов являются:

- наличие общей корневой морфемы;
- произвольный характер слов данного типа;
- синонимичность аффиксов [4].

Сказанное выше дает основание определить подобные синонимы как однокоренные словообразовательные синонимы. Представляется, что данный термин более полно передает содержание этого понятия. Первая часть термина «однокоренные» указывает на тождество морфем, вторая часть «словообразовательные» говорит о том, что синонимы данного типа возникают в результате взаимодействия средств и способов словообразования.

При изучении словообразовательных синонимов и синонимичных аффиксов приобретают важность следующие аспекты:

- 1) описание лексических синонимов, имеющих одну и ту же производящую основу и разный набор аффиксов;

2) описание лексических синонимов, имеющих разные производящие основы и один и тот же аффикс;

3) описание производных единиц с разными производящими основами и с разными аффиксами, объединяемыми общностью того или иного категориального значения аффикса.

Синонимы первого типа принято называть словообразовательными: при наличии общей производящей основы синонимичность двух или более производных обуславливается семантическим тождеством или близостью смысловых структур при разных аффиксах. Для синонимов второго типа предпочтительнее стал термин лексико-словообразовательные синонимы: их синонимия обусловлена денотативной общностью или близостью значения производящих основ. Третий тип подразумевает вышеупомянутую категориальную синонимия, обусловленную частичным совпадением смысловых структур разных аффиксов при несовпадении денотативных значений производящих основ [5].

Отдельным малоизученным аспектом словообразовательной синонимии является понятие синонимичности словообразовательных аффиксов. Под семантикой аффикса понимается обычно совокупность категориальных значений, составляющих его смысловую структуру. Применение семного анализа позволяет более строго описать план содержания аффикса и представить его в виде набора признаков (сем). Такая интерпретация значения аффикса исходит из понимания иерархии сем по степени их обобщенности применительно к уровню словообразования. Семантическая структура аффикса выявляется путем сопоставления смысловых структур разноаффиксальных дериватов и исходных слов, будучи затем приписана тому или иному аффиксу. Являясь своеобразной конструкцией, семантика аффиксальной морфемы отражает обобщенное значение той группы производных единиц, в словообразовательную структуру которых данный аффикс входит в качестве непосредственно составляющей деривата-слова. Таким образом, если представить семантику аффикса в виде некоторого множества признаков, то возможно установить его синонимичность с другим аффиксом, если у него обнаруживаются признаки, конституирующие семантическую структуру первого аффикса.

Вторым условием синонимичности аффиксов признается сочетаемость их с тождественной основой. В рамках внутренней синтагмы речь идет о тождестве внутренней дистрибуции.

Третьим условием служит тождество внешней дистрибуции тех производных единиц, в словообразовательную структуру которых входят данные аффиксы. Тождество внешней дистрибуции семантически интерпретируется как возможность взаимозамены дериватов в рамках

контекста. А показателями внешней дистрибуции могут быть различные характеристики синтаксического и лексического порядка.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что словообразовательные аффиксы являются синонимичными, если:

1) они обнаруживают тождественные лексико-грамматические признаки в производных образованиях, куда они входят в качестве непосредственно составляющих слова;

2) сочетаются с одной и той же производящей основой;

3) их производные образования имеют идентичную или совпадающую по некоторым параметрам внешнюю дистрибуцию;

4) производные единицы взаимозаменяемы в минимальных контекстах.

У производных слов встречаются два вида синонимических отношений: полные и частичные. Полные синонимические отношения наблюдаются у полных словообразовательных синонимов, у которых на базе одних и тех же значений мотивирующего формируются одинаковые значения. Частичные синонимические отношения присущи частичным словообразовательным синонимам, у которых формируются и одинаковые и разные значения на базе лексических значений производящего.

Учет семантической соотносительности производящего с его производными и сравнение значений производных помогают определить, насколько они синонимичны или что они совершенно не вступают в синонимические отношения.

Словообразовательные средства и словообразовательные отношения могут быть использованы в стилистических целях. При исследовании стилистических функций словообразования следует учитывать объективную сложность вопроса о том, принадлежат ли стилистические окраски слову как лексической единице или словообразовательному типу.

Мы рассматриваем словообразовательную синонимия на примере двух словообразовательных моделей Ge- + глагольная основа + -e/нуль-суффикс и глагольная основа + -ei/-erei/-elei, которые находятся в синонимичных отношениях. Их производные образования конкурируют друг с другом. Например, die Quatscherei – das Gequatsche (бессмысленная болтовня), die Warterei – das Gewarte (продолжительное ожидание). Образования обеих моделей содержат итеративное значение, т. е. обозначают повторяющееся действие.

По мнению Р. Курта, достаточно трудно провести четкое различие между образованиями, созданными по этим двум моделям. Несмотря на это, все же существуют небольшие отличия в конотативных значениях, которые присущи только одной из моделей [9].

Так, производные слова, образованные по модели Ge- + глагольная основа + -e/нуль-

суффикс, содержат в себе элемент пресыщения, в то время как образованиям на *-ei/-erei/-elei* свойственен оттенок неодобрения.

Кроме того, существуют определенные ограничения в возможности сочетания различных глаголов как с суффиксом *-ei/-erei/-elei*, так и с аффиксами *Ge-* + *-e*. На их синонимию налагаются ограничения некоторыми структурными условиями и различными семантическими категориями.

Отглагольные имена существительные рассматриваемых моделей традиционно причисляются в немецком языке к разряду стилистически маркированных языковых единиц. Среди германистов утвердилось мнение, что сама словообразовательная модель как действующий механизм производства слов обладает окраской, позволяющей закреплять за большинством ее производных пейоративные имена. В свое время М. Д. Степанова высказала мнение, согласно которому определенная стилистическая окраска имен связана как с характером производящих основ, так и с типом модели [6].

Сравнение обеих словообразовательных моделей показывает, что стилистические маркировки фиксируются у них не обязательно согласованно. Например:

die Bloedelei (neutr.) – *das Gebloedel* (ugs., abw.);
die Klingelei (neutr.) – *das Geklinge* (abw.);
die Stuermerlei (oft abw.) – *das Gestuerme* (neutr.) [7].

Одной из причин различий в стилистической маркированности считается неабсолютно генерализованный характер денотативных признаков единиц, а значит, и возможность вариаций в объеме их значения [8].

Производные в системе языка являются словообразовательными синонимами, но в контекстах также могут приобретать отличающийся смысл. Анализ контекстов показал, что это происходит, если они помещаются в такое лексическое окружение, при котором в качестве доминирующих проявляются эмотивно-оценочные признаки то явно положительной, то явно отрицательной направленности. Но это присуще обеим моделям, только интенсификация признаков, а также актуализация стилистической нейтральности уже происходит за пределами системы языка.

Заключение. Словообразовательная система современного немецкого языка нуждается в качественно новом подходе к ее описанию. Необходимо взглянуть на языковые явления с точки

зрения тех изменений, которые они претерпевают в ходе своего функционирования и которые обуславливают их современное состояние. Словообразовательная синонимия продолжает на сегодняшний день оставаться актуальной проблемой теории немецкого языка. Ряд ее теоретических положений и понятий являются дискуссионными. Учет же стилистического аспекта словообразования еще более усложняет проблему. При современном состоянии лингвистических знаний уже недостаточно сводить теоретическую проблематику синонимии к выработке общих дефиниций синонима, необходимо дифференцированное изучение классов синонимов, их формальной выраженности и соотносительных связей в системе языка, степени и условий взаимозаменяемости при их функционировании в речи.

Литература

1. Роженцова, Л. Н. Синонимия производных слов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 19 с.
2. Хожикулова, О. А. Словообразовательная суффиксальная синонимия имен с общим значением качества в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1995. – 20 с.
3. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
4. Ефимов, Р. В. Синонимия словообразовательных аффиксов / Р. В. Ефимов // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – 1975. – Вып. 91. – С. 15–19.
5. Норанович, А. И. Синонимичные отношения словообразовательных моделей немецких глаголов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1973. – 18 с.
6. Степанова, М. Д. Теория валентности и валентный анализ / М. Д. Степанова. – М., 1973.
7. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев [и др.]; под рук. М. Д. Степановой. – М.: Русский язык, 1979. – 536 с.
8. Морозова, М. А. Словообразовательная синонимия в сфере отглагольных имен действия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Елец, 1997. – 18 с.
9. Kurth, R. Ueber den Gebrauch der Bildungen auf *-ei*, *-erei*, *-elei* / R. Kurth // *Beitraege zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. – Bd. 75. Hefte 1–3. – 1953. – S. 442–450.

СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

This article is a significant contribution to the complete understanding of growing importance of the concept of regional geography and the importance of the expanding the interpretation of this concept. Important points have been stated on the basis of studying and the analysis of some researches. These moments are necessary for considering at drawing up of programs for students on different aspects of foreign language. The article also highlighted the components that should be included in the content of teaching foreign language culture.

Введение. Начало XXI в. с его мощной компьютеризацией, спутниковым телевидением и стремительным развитием электронных средств коммуникации постепенно стал превращать планету Земля в «коммуникативную и поликультурную коммунальную квартиру», в которой все страны и народы находятся в большой зависимости друг от друга, и без их способности сотрудничать друг с другом и находить совместные решения глобальных проблем перспективы развития человечества весьма проблематичны. Вот почему на пороге нового тысячелетия достаточно быстро возникли идеи об обучении межкультурному общению как одной из необходимых целей изучения.

Диалог культур подразумевает знание собственной культуры и культуры страны изучаемого языка. Знание страноведения, т. е. того, как географическое положение и климат страны определяют ее быт, экономику и традиционные связи, знание основных вех развития истории, выдающихся событий и людей, религиозных верований и обрядов облегчают задачу межкультурного общения, способствуют умению находить общее и разное в наших традициях и стилях жизни, дают возможность вести диалог на равных. Социокультурная компетенция является инструментом воспитания международно-ориентированной личности, осознающей взаимосвязь и целостность мира, необходимость межкультурного сотрудничества в решении глобальных проблем человечества.

Основная часть. Автор коммуникативного подхода в обучении академик Е. И. Пассов писал: «Существующим тенденциям прагматичного мышления свести цели обучения к формированию исключительно homoagens – человека деятельного (когда важна техника, а не человек и его ценности), либо homoloquens (человека говорящего) необходимо противопоставить нравственное образование и воспитание, целью которого может считаться только homomoralis – человек моральный, духовный» [1]. А цель, как закон, определяет и путь, и средства. Если содержанием образования становится культура, то инструментом формирования социокультурной компетенции становится культуроведение. Оно включает в себя страноведение, но гораздо шире и глубже. Разработчик культуроведческо-

го подхода в отечественной методике В. В. Сафонова следующим образом определила разницу между страноведением и культурологией: «Что такое страноведение сегодня? Это система знаний по истории, географии, экономике, культуре и социальным проблемам, которая базируется на энциклопедических знаниях. На чем строится культуроведение? Это интегрированный курс более 20 различных дисциплин, построенный на тематико-проблемной основе. Это философия, история, политология, социология, экономика, география, психолингвистика, биополитика, лингвострановедение, теория коммуникации, социоллингвистика, психология общения и т. д. В культуроведении нет готовых решений, догм, оно проблемно озабочено, апеллирует к интеллекту, поднимает обучение на качественно новый уровень, обучая сравнительно-контрастивному анализу» [2].

Ввод новых терминов – «лингвострановедение», «культурная антропология», «межкультурная коммуникация» – вместо термина «страноведение» показывает, с одной стороны, необходимость расширения толкования понятия «страноведение», с другой, говорит о возрастании значимости данного аспекта обучения.

В свете вышеизложенного многие методисты считают, что при составлении программ для студентов по разным аспектам необходимо учитывать следующие важные моменты. Наши программы должны:

- ликвидировать «культурную безграмотность»;
 - поощрять критическое мышление, т. е. развивать навыки анализа и сравнительно-сопоставительные навыки;
 - давать возможность понять культуру другой страны и выработать чувство терпимости к другому образу жизни, другой религии, обычаям;
 - способствовать разрушению культурных стереотипов;
 - помочь избежать недопонимания в языке;
 - стимулировать любознательность студентов к познанию других культур и лучшему пониманию своей собственной культуры.
- Ведущие методисты предполагают включать в содержание обучения иноязычной культуры следующие компоненты:
- узнавание культурных образов и символов;

- работу с культурной продукцией (сувенирами, путеводителями, картами, марками, фотографиями, комиксами и т. д.);
- изучение моделей повседневной жизни (под моделями понимается образ жизни и проблемы);
- изучение культуры поведения;
- изучение модели коммуникации;
- изучение национальных ценностей, обуславливающих нормы поведения;
- изучение культурного и исторического опыта страны.

Данная классификация довольно полно демонстрирует, что именно следует изучать на занятиях, однако здесь смешаны принципы, источники и компоненты обучения. Более последовательной и систематичной представляется классификация Г. Д. Томашина, построенная на двух подходах – обществоведческом и филологическом. Цель первого блока-компонента – дать определенные сведения о стране изучаемого языка, его государственном устройстве, экономике, политике, культуре, моральных и этических ценностях, традициях, обычаях, ритуалах и т. д. Цель второго блока-компонента – извлечь культуроведческую информацию из языковых единиц и обучить восприятию и употреблению языковых единиц [3].

Особую ценность представляет работа с текстами из современных книг, журналов и газет на иностранном языке. Изучение и сравнение тем, освещаемых в одно и то же время в нашей и зарубежной прессе, проблем, поднятых в них, может послужить как источником изучения национальных и моральных ценностей, моделей повседневной жизни, так и способом разрушения стереотипов и создания более целостного взгляда на мир как на единое культурное пространство. В результате такого подхода формирование социокультурной компетенции студентов будет происходить не просто по пути ЗУН (знания – умения – навыки), а по пути «знания – умения – качества человеческой личности».

Известны два основных способа преподнесения страноведческой информации обучающимся:

1. Тематический способ, при котором наиболее существенные сведения о географическом положении страны, государственном строе, культуре, экономике и других аспектах страны изучаемого языка систематизируются по соответствующим темам и сообщаются студентами. Преподнесение таких систематизированных страноведческих сведений обычно сочетается с обучением употреблению в речи средств их иноязычного выражения. Кроме того, при подготовке специалистов (экономистов, юристов, менеджеров, психологов т. д.) наиболее систематизированная и углубленная презентация страноведческой информации осуществляется в пределах знаний студентами

своей специальности для закрепления терминологической лексики.

2. Филологический способ, при котором страноведческая информация для обучающихся извлекается из самих иноязычных структур: слов, словосочетаний, предложений, фрагментов текста и целых текстов, причем используемые иноязычные произведения художественной литературы, публицистики и т. п. не обязательно посвящены страноведческой проблематике.

Оба способа тесно связаны между собой. Во всех случаях, когда содержание обучения составляет не только страноведческая информация, но и способ ее выражения на изучаемом языке (т. е. не только страноведчески значимые факты, но и их иноязычные наименования), возникает ряд собственных лингвистических проблем, решение которых в конечном счете направлено на оптимизацию преподавания иностранного языка. Незнание языковых и речевых элементов затрудняет общение на иностранном языке.

Лингвистические проблемы страноведческого аспекта в преподавании иностранного языка сложны, многогранны и нуждаются во всестороннем изучении. Языковую систему, в первую очередь, изучают лексикология и фразеология, исследующие обе основные единицы языка, способные нести страноведческую информацию – слово (лексему) и устойчивый словесный комплекс (УСК).

Иноязычное отражение и обозначение специфических реалий внеязыковой действительности страны изучаемого языка, как это, например, имеет место в немецких лексемах и УСК, характерных для ФРГ и Австрии: Bundestag (ФРГ), Bundesrat (ФРГ, Австрия), Bundeswehr (ФРГ), Bundespräsident (ФРГ, Австрия), die Arbeitsgemeinschaft der Evangelischen Jugend, der Bund der Deutschen Katholischen Jugend, der Ring Deutscher Pfadfinder (ФРГ) и т. д.

Существенным фактором коммуникации зачастую (но не всегда) являются также более узкие элементы в плане содержания слов и УСК. Слово может содержать много значений. Например, слово Strauss означает «птица», «букет цветов», «поединок, бой»; слово Schloss – «дворец, замок», «замок».

Вызывает затруднение у любого изучающего немецкий или другой язык перевод сравнений, поговорок и пословиц. Некоторые пословицы употребляют лишь в отдельных населенных пунктах или племенах и затем появляются чаще в диалектах. Некоторые пословицы вытекают, кроме того, из определенных профессиональных кругов: солдат, ремесленников, крестьян, студентов.

Духовное и нравственное образование также влияет на различие в употреблении пословиц. Есть пословицы, которые употребляются в высших слоях и в простонародье. Первые прибли-

жены к границе, где пословица заканчивается и начинается изречение. К ним можно отнести, например, такие как *Gewohnheit ist die andere Natur* (привычка вторая натура), *Liebe ist blind und macht blind* (любовь слепа), *Man lernt, so lange man lebt* (век живи, век учись). Аналогичная дифференциация языковых единиц по их коммуникативной значимости обнаруживается и во фразеологическом составе языка. Фразеологические единства имеют относительно устойчивую связь, которая позволяет заменить похожие по значению слова или расширить другими словами, их отдельные единичные части стоят в прозрачной взаимосвязи и заявляют о себе сами, но значение целого единства прямо не раскрывается. Например: *Öl ins Feuer giessen; Stroh im Kopf haben; wie ein Buch reden*. Отдельные слова не могут употребляться самостоятельно, сохраняя смысловую связь с исходным выражением (ср.: *Öl ins Feuer giessen* – подливать масла в огонь). Однако сам образ, положенный в основу выражения, совершенно понятен.

Парные слова всегда состоят из двух (в редких случаях из трех) слов одной и той же части речи, которые объединены связывающим словом. Формально единства иногда так тесно связаны, что вся группа слов произносится как одно слово (*die Habe + das Gut* → *das Hab und Gut* – имущество, состояние, достояние; *Mensch und Tier; Hund und Katze*).

Удвоенные фразеологизмы используются в речи для усиления или продолжительности (*wieder und wieder, Schritt für Schritt*). Некоторые фразеологические единицы отличаются схожестью значений: *lieb und teuer* – дорого(а); *Jubel und Trubel* – шумно и весело; *Feuer und Flamme* – огонь, пламень, воодушевление; пылать страстью.

Таким образом, господствующим способом сообщения страноведческой информации остается традиционный тематический путь.

Заключение. Итак, преподавание иностранных языков в вузах должно способствовать интеллектуальному развитию студентов и подчинено задаче формирования устойчивых навыков понимания литературы по специальности. Введение страноведческого материала с учетом будущей профессиональной деятельности – одно из проявлений межпредметных связей в процессе обучения иностранному языку. Материал

страноведческого характера охватывает не только сведения о географии, истории и экономике страны изучаемого языка. В процессе работы над темами или иным учебным материалом преподаватель, как правило, дает комментарии страноведческого или лингвострановедческого характера, что дает возможность соединить практику обучения иностранному языку с содержанием программ других дисциплин. Такие комментарии направлены на профессиональную ориентацию студентов и на приобретение более глубоких профессиональных знаний.

Представляется, что студенты должны владеть информацией по фактам истории и культуры других стран, знать их обычаи и традиции. В настоящее время существует большое количество учебников и учебных пособий, которые могут быть использованы при работе со студентами. Для проверки зрелости сформированных навыков можно предложить контрольные мероприятия в форме дискуссий, викторин, проблемных заданий, коллажей, реферата, сочинения, озвучивания учебных фильмов.

Как показала практика, культурологический тренинг студентов должен осуществляться с начальных этапов подготовки в вузе, так как даже на базовом уровне отсутствие лингвострановедческих знаний может привести к непониманию и, следовательно, к «разрыву» коммуникации.

Литература

1. Пассов, Е. И. Новая концепция иноязычного образования / Е. И. Пассов. – М., 2000.
2. Томахин, Г. Д. Лингвострановедение: что это такое? / Г. Д. Томахин // Иностранные языки в школе. – 1996. – № 6.
3. Выборова, Г. Е. Британия / Г. Е. Выборова, К. С. Махмурян, О. П. Мельчина. – М., 2001.
4. Синагатуллин, И. М. Страноведческий аспект на уроках иностранного языка / И. М. Синагатуллин, Т. М. Ханаева. – М., 1996.
5. Миньяр-Белоручев, Р. К. Лингвострановедение или «иноязычная культура»? / Р. К. Миньяр-Белоручев, О. Г. Беременко. – М., 1993.
6. Шпак, И. А. Автономный банк актуальной страноведческой информации / И. А. Шпак. – М., 1996.
7. Бионович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бионович, Н. Н. Гришин. – М., 1995.

Т. М. Кривошук, преподаватель, Е. В. Абрамович, старший преподаватель

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ

The present paper deals with basic directions for the development of communication skills and gives some recommendations for applying new information technologies. Special attention is paid to the conditions permitting to form students' foreign communicative competence. The application of new information technologies allows to get access to any information and to develop professional competence. Some perspectives have been shown in connection with personality development, considering a specific character of studying the discipline at different educational stages when high technical school graduates are able to use a foreign language for professional purposes. The paper may provide a useful tool in developing teacher's professionalism and focuses on competence as a person's ability to get professional skills.

Введение. В последнее время в связи с бурным развитием вычислительной техники и широким распространением в системе образования персональных компьютеров началось быстрое внедрение информационных технологий (НИТ) в обучение. Компьютеризация образования как важнейшее направление повышения эффективности обучения уменьшает разрыв между требованиями общества к выпускникам учебных заведений и реальным уровнем их подготовки. Компьютеризация обучения позволяет учитывать различия в темпе усвоения знаний и мотивации студентов, качественно изменить контроль над деятельностью, обеспечивая при этом гибкость управления учебным процессом. Повышению уровня мотивации студентов при использовании электронных средств обучения способствуют задания, активизирующие обсуждение профессионально ориентированных проблем, позволяющее выразить свое мнение с опорой на фоновые знания, а также задания, характеризующие общую компетенцию студента (эмпирические и академические знания), экзистенциальную компетенцию (личностные характеристики и взгляды), профессиональную (специальную) и уровень сформированности лингвистической и коммуникативной компетенций в структуре профессиональной компетентности будущего выпускника технического вуза. В сравнении с традиционной методикой резко меняются роль и функции самоконтроля: он становится одним из главных средств для положительной мотивации студентов, так как осуществляется эффективно, быстро и объективно. Широкое применение информационных технологий требует изменения содержания обучения. Все это дает возможность говорить о новой методике изучения предмета с применением НИТ.

Основная часть. Новые информационные технологии, являясь универсальными средствами модернизации обучения, могут широко использоваться в преподавании любых дисциплин. НИТ, неуклонно расширяющие сферу своего воздейст-

вия в современном обществе, предопределяют потребность в интенсификации подготовки специалистов в различных областях знаний [1].

Использование информационных технологий в обучении позволяет студентам иметь доступ к широкому спектру современной информации с целью развития профессиональных компетенций. Применение компьютерных средств, информационных источников сети Интернет способствует развитию высокого уровня информационной компетентности, современного взгляда на технические науки, формированию профессионального мышления на иностранном языке, повышению мотивации к изучению учебных предметов.

В то же время результатом сложившейся практики преподавания дисциплины «Иностранный язык» в технических вузах является тот факт, что в условиях эффективного применения новых информационных технологий отсутствуют вариативные программы обучения студентов по направлению профильных специальностей факультетов; не определены структура, содержание и условия развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности; не рассмотрен комплекс коммуникативных профессионально ориентированных задач с учетом специфики конкретного образовательного уровня в непрерывной многоуровневой структуре курса.

Следствием перечисленных проблем является ситуация, когда выпускники технического вуза, имеющие достаточно высокий уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, испытывают затруднения в процессе профессионального общения со специалистами других стран по причине недостаточно высокого уровня развития информационной компетентности, несформированности языка для профессиональных целей, поликультурного мировоззрения, информационной культуры [2].

Студенту – будущему выпускнику технического вуза особенно важно осознание не-

обходимости развития и совершенствования профессиональных компетенций также и в процессе изучения иностранного языка, потребности применения технических методов и средств в профессиональной деятельности, формирование мотивов достижения профессионального мастерства и самосовершенствования.

Понятие «компетентность» определяется как интеллектуально и личностно обусловленная способность человека к практической деятельности, а «компетенция» – как содержательный компонент данной способности в виде знаний, умений, навыков. По мнению И. А. Зимней, компетентность всегда является актуальным проявлением компетенции [3].

Понятие «иноязычная профессиональная коммуникативная компетентность» рассматривается нами как способность будущего выпускника технического вуза действовать в режиме вторичной языковой личности в профессионально направленной ситуации общения со специалистами других стран, готовность к осуществлению межкультурного профессионального взаимодействия в поликультурном пространстве в условиях международной мобильности и интеграции.

Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности в условиях применения новых информационных технологий позволит будущему специалисту, выпускнику технического вуза:

- осуществлять межкультурное профессионально ориентированное общение в качестве вторичной языковой личности, обладающей высоким уровнем сформированности информационной компетентности;

- взаимодействовать с носителями другой культуры с учетом современного взгляда на технические науки, научного мировоззрения, профессиональных особенностей, национальных ценностей, норм и представлений;

- создавать позитивный для коммуникантов настрой в профессионально ориентированном общении на иностранном языке;

- выбирать коммуникативно-целесообразные способы вербального и невербального поведения на основе знаний о науке и культуре других народов в рамках полилога культур;

- сохранять национальную самоидентификацию в условиях международной интеграции и мобильности.

Структурно-содержательная модель иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности состоит из совокупности следующих ключевых (базовых) компетенции: лингвистической, дискурсивной, стратегической, социокультурной, прагматической (социальной), лингвопрофессиональной, социально-информационной, социально-политической, персональной (личностной, индивидуальной).

Условиями, способствующими развитию иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов в контексте новых информационных технологий обучения являются:

- наличие аудиовидеокomпьютерных, интерактивных средств обучения;

- организация процесса обучения с применением новых информационных технологий, в том числе ресурсов сети Интернет;

- необходимый уровень сформированности информационной компетентности преподавателей;

- создание рабочих программ и календарных планов в структуре УМК дисциплины «Иностранный язык для профессиональных целей»;

- подбор различных форм, методов и приемов обучения в условиях применения электронных средств, учитывающих специфику конкретного образовательного уровня;

- наличие модульных электронных учебников, банков заданий с учетом специфики конкретного образовательного уровня в непрерывной многоуровневой структуре курса дисциплины;

- реализация самостоятельной проектной деятельности студентов;

- личностно ориентированное обучение, актуализирующее развитие профессионально значимых мотивационных, волевых, эмоциональных и когнитивных качеств языковой личности: толерантность, эмпатию, уважение к национальной культуре и традициям как условие обеспечения успешного международного общения, формирование новых понятий и способов действий;

- компетентностный подход, усиливающий мотивацию, повышающий уровень сформированности компетенций по дисциплине «Иностранный язык» и успешность межкультурной коммуникации;

- учет международных и отечественных стандартов качества профессионально ориентированного образования в условиях единого образовательного пространства;

- единство личностно-ориентированного, коммуникативно-направленного и профессионально-деятельностного подходов в системе языковой профессионально ориентированной подготовки студентов технического вуза;

- учет междисциплинарной интеграции технических и гуманитарных дисциплин;

- определение автономных, личностно-ориентированных траекторий обучения и развития студентов с учетом специфики изучения дисциплины на разных образовательных уровнях;

- поэтапное формирование и развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности в совокупности составляющих ее компонентов на основе базового уровня сформированности лингвистических и социокультурных компетенций студентов на I и II курсах;

– индивидуализация и дифференциация обучения [4].

Применение информационных технологий в обучении должно отвечать следующим принципам: соответствия цели использования информационных технологий учебным целям, комплексности и системности, коммуникативности и ситуативности, проблемности и познавательной направленности, адекватности, применения компьютерных средств как инструмента познания, повышения степени трудности, интегративной целостности всех форм учебной деятельности (аудиторной, внеаудиторной).

В качестве показателей, определяющих эффективность комплекса созданных педагогических условий по оптимизации процесса развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза в условиях использования новых электронных средств обучения, представляется целесообразным анализировать результаты, полученные на основе применения следующих диагностических методик: уровня мотивации студентов по отношению к будущей профессиональной деятельности, в том числе к изучению профессионально направленного курса иностранного языка, определение смыслов, интересов и предпочтений студентов, работы с информационными источниками; уровня информационной компетентности; уровня удовлетворенности методикой преподавания дисциплины «Иностранный язык для специальных целей»; динамики развития общей культуры личности, самооценки студента [5].

Динамика развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза осуществляется в следующей последовательности: от формирования лингвистической, коммуникативной и социокультурной компетенции к развитию иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции и далее к этапу становления и утверждения профессионализма вторичной языковой личности будущих выпускников. Материал, усвоенный в процессе обсуждения различных речевых ситуаций, может быть перенесен в среду реальной коммуникации с представителями иностранных государств.

В целях эффективного развития иноязычной профессиональной коммуникативной ком-

петентности студентов в условиях применения электронных средств обучения целесообразно разрабатывать электронные пособия, учебно-методические разработки для базового социокультурного уровня обучения дисциплине.

Материал может излагаться на занятиях с использованием компьютерных демонстраций, которые усиливают наглядность, а следовательно, и доступность излагаемого материала. Для достижения наибольшей эффективности занятий необходимо наличие аудитории, оснащенной специальным демонстрационным оборудованием.

Заключение. Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов – одно из главных направлений современного университетского образования. Исследование коммуникативной компетентности как педагогической проблемы предполагает поиск оптимальных путей решения данной проблемы и ставит перед системой образования принципиально новую педагогическую задачу – целенаправленно и эффективно готовить будущих специалистов не только к труду, но и полноценному общению в различных сферах жизнедеятельности. Будущий специалист должен владеть определенным набором знаний, уметь эффективно взаимодействовать с другими людьми и обладать определенными личностными характеристиками, которые позволят успешно решать профессиональные задачи.

Литература

1. Рогожкин, И. Б. Оружие мультимедиа / И. Б. Рогожкин // Мир ПК. – 1993. – № 7.
2. Ockenden, M. Situational Dialogues / M. Ockenden. – The English Centre. – Eastbourne, 2001.
3. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / И. А. Зимняя // Материалы к 1-му заседанию методологического семинара – М.: Московский университет, 2004.
4. Синева, О. В. Вариант модели структуры и содержания обучения студентов информационным технологиям / О. В. Синева, Л. С. Ткаченко // Профессиональное образование. – 2007. – № 7.
5. Полат, Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат. – М.: Академия, 2000.

А. В. Посох, доцент, Л. Б. Батина, старший преподаватель

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АКМЕОЛОГИИ

The paper dwells on some problems of a new interdisciplinary branch of knowledge on a system of human sciences. Acmeology is a science investigating regularities of self-realization of human creative abilities in the process of their activities on the way to the highest professional achievements, objective and subjective factors contributing to or preventing from doing it. Pedagogical acmeology deals with ways and methods of achieving professionalism and competence in the sphere of teaching and education. Pedagogical professionalism and competence are determined by teachers' attitude to and active participation in educational innovative activities developed in morally-reflective interactions based on openness to novelty and readiness for partnership and communication which are understood as personal manifestation of the creative style of activities combining anticonformism of intellect, definite individual orientation and practical abilities to introduce new ways of performing professional activities.

Введение. На современном этапе развития общества происходит стабилизация всех отраслей экономической и культурной жизни и, естественно, возрождается престижность высшего образования, которое становится необходимым условием профессионального выбора молодого человека. Главной целью высшего образования является обучение студентов знаниям, умениям и навыкам, связанным с его будущей профессией, развитие его интеллектуального потенциала. Именно на достижение этой цели направлен весь образовательный процесс, организатором которого выступает преподаватель.

Основная часть. Профессиональная деятельность преподавателя направлена не только на передачу необходимых теоретических знаний и формирование практических умений и навыков, но и на воспитание качеств личности студента. Именно эффективность всесторонней подготовки специалиста является показателем качества высшего образования [1].

В настоящее время возникает необходимость поиска новых путей организации и трансформации образовательного процесса, нахождения инновационных решений педагогических задач. Педагогическое бытие как предмет деятельности преподавателя университета в каждой конкретной ситуации обретает статус профессиональной задачи, так как сам процесс его труда – это решение непрерывного ряда не только специальных (предметных), но и собственно педагогических задач. И если решение специальных задач преподавателю известно, то профессиональная постановка и решение педагогических задач является творческим процессом, предполагающим серию исследовательских процедур с неочевидным и непредсказуемым результатом [2].

Анализ психолого-педагогической литературы позволяет выделить несколько подходов к пониманию сущности профессиональной компетентности: знаниевой, профессиографической и акмеологической.

Знаниевый подход основан на традиционном определении компетентного человека как «знающего, осведомленного». Т. е. исследовате-

ли, придерживающиеся данного подхода, прежде всего уделяют внимание тем знаниям, которыми должен владеть специалист.

Профессиографический подход заключается в том, что профессиональная компетентность может быть представлена в виде эталонной модели и определена в соответствии с государственным стандартом, обозначающим, какими знаниями, умениями и навыками должен владеть специалист данной профессии. Т. е. исследователи делают упор на составлении модели специалиста.

Акмеологический (от древнегреч. акме – вершина; цветущая сила; период в развитии взрослого человека, связанный с высоким уровнем развития способностей, профессионализма) подход рассматривает профессиональную компетентность как уровень профессионализма субъекта деятельности [3].

Педагогическая акмеология – это наука о путях достижения профессионализма и компетентности в труде педагога. Одно из центральных понятий педагогической акмеологии – это понятие профессионализма педагога, под которым следует понимать интегральную характеристику личности педагога: владение им видами профессиональной деятельности и наличие у него сочетания профессионально важных психологических качеств, обеспечивающих эффективное решение профессиональных педагогических задач по обучению и воспитанию. Профессионализм педагога должен соответствовать ряду критериев, среди которых: объективные (эффективность педагогической деятельности – обучающей, развивающей и воспитательной), субъективные (устойчивая педагогическая направленность), процессуальные (использование социально приемлемых и гуманистически направленных методов и технологий) и результативные (формирование качеств личности обучаемых, обеспечивающих их подготовленность к жизни) [4].

По мнению многих исследователей, одним из ведущих признаков профессионализма преподавателя все чаще называется его отношение к новшествам, активное участие в инновационных

общественных процессах и конкретно – в области педагогической деятельности.

Хотя инновации сопровождают общество с самого начала его возникновения, как педагогическая категория они относительно молоды. Существуют значительные различия в их определении, которые связаны с употреблением близких терминов. Новизна здесь понимается не как понятие о «рафинированной новизне», а как отражающее прибавление знания к уже известному, которое необходимо конкретизировать или дополнить. И лишь на уровне «преобразования» появляется новое в чистом виде. Новое возникает в результате действительно творческой деятельности человека [5].

Следует отметить, что в педагогическом процессе понятие «новое» не всегда полностью соответствует понятию «передовое», «прогрессивное», «современное». Особый интерес в этой связи представляет вопрос об общих и специфических для педагогической инноватики закономерностях. Один из общих законов, характеризующих инновационные процессы в системе образования – закон необратимой дестабилизации педагогической инновационной среды. Это означает, что любое новшество вносит необратимые изменения в образовательный процесс и неоднозначно воспринимается в обществе.

Закон стереотипизации педагогических инноваций означает, что любое введенное новшество вскоре приводит к рутинизации, т. е. становится обыденным.

Еще один важный закон – закон цикловой повторяемости, возвращаемости педагогических инноваций, их как бы повторного возрождения в новых условиях [5].

Именно поэтому педагогические инновации часто вызывают противодействие в обществе. Однако важно понять, что речь здесь идет не о возвращении старого. Дело в том, что передовое сохраняет много из традиционного. В педагогике это особенно наглядно: вера в человека, умение общаться и сотрудничать, диалог – эти не совсем новые положения получают новое звучание в новейших педагогических системах и концепциях. Педагогическая инновация – это смыслополагающий процесс, обеспечивающий развитие преподавателей и студентов на основе качественных изменений самого образовательного процесса вариативности содержания образования, методических модификаций и изменения способов взаимодействия всех его субъектов на основе рефлексии как механизма и условия развития инновационной деятельности. В этом смысле педагогические инновации – это постоянный творческий поиск, а если необходимо, отказ от разработанных методов и форм, от традиционных или «квазиинновационных» процессов.

Говоря о педагогических инновациях как о возможности приращения новообразований лич-

ности, мы обращаемся к идее развития и саморазвития как к одному из условий их реализации в инновационном образовательном процессе.

Инновационное образование по своей сути всегда развивающее, следовательно, в центре образовательного процесса сама личность обучающегося, который с помощью учебного материала как средства, условия развития учится самостоятельно добывать знания, ставить перед собой развивающие цели, планировать и осуществлять творческую деятельность и становится субъектом собственного развития. В этом смысле педагогический образовательный процесс становится не целенаправленным, а целеполагающим [6].

Инновационная деятельность развивается на основе ценностно-рефлексивного взаимодействия, в основе которого открытость к новому и готовность к партнерству и общению. Общение составляет основу педагогического процесса, оно представляет собой своеобразное пространство, где каждый проявляет свою индивидуальность. В процессе общения преподаватель не только раскрывает значение того или иного элемента содержания образования, но и помогает студенту обнаружить его смысл в контексте и в связи с другими элементами внеучебного опыта: знаниями, умениями, навыками, опытом творческой деятельности, опытом эмоционально-ценностных отношений. Иными словами, в образовании ставится цель осуществить переход от вузовской педагогики предметоцентризма, объяснения и монолога к педагогике сотрудничества, понимания, диалогического смысла.

Педагогический процесс наполняется текстами, не только представленными в проектах содержания образования, но и возникающими непосредственно во взаимодействии «преподаватель – студент». По своей сути образование можно охарактеризовать как встречу культур: культуры студента, в том числе его жизненного опыта, культуры преподавателя и его профессионального опыта и культуры «ставшей», т. е. зафиксированной в стандарте профессионального образования [2].

Совершенно очевидно, что классическая образовательная парадигма уже не в состоянии помочь человеку справиться с современными глобальными проблемами: новый виток цивилизации предполагает становление новых ценностно-смысловых ориентиров и, как следствие, такой системы образования, в которой синкретично соединятся природные, социальные и культурные аспекты образовательной деятельности. Таким образом, задачей образовательной системы становится формирование гуманистической основы личности, раскрытие созидательных человеческих способностей и качеств, а не только овладение готовой информацией, тем более, что в нынешних условиях ее

объем резко возрастает. Теперь специалисту важно уметь пополнить знания, ориентироваться в потоке учебной и научной литературы, а не превращаться в обладателя определенной суммы фактов. На месте гомогенного когнитивно-информационного педагогического пространства необходимо создать другое – гетерогенно-аккультурирующее, где центром является личность и ее творческий потенциал. Эту задачу, собственно, и призван решить процесс гуманизации образовательной деятельности.

Гуманизация образования предполагает активное внедрение в практику тех положений отечественной и зарубежной педагогики, которые акцентируют внимание на уважении личности, формировании критического мышления, самостоятельности, ответственности, личной зрелости, установлении гуманных отношений между педагогами и студентами.

Гуманистическая педагогика базируется на гипотезе, что как преподаватель, так и студент в учебном процессе движимы единым и неодолимым стремлением к постижению определенной области знания, которую первый передает, а второй постигает на учебных занятиях [2].

Проблемой учебного занятия становится совместное порождение знаний в деятельности преподавателя и студента. Такое занятие отличается коммуникативная дидактика, диалог, оно превращается в событие. Меняется и педагогическая установка преподавателя, умеющего слушать и говорить в диалоге, воспринимать позиции других, принимать их инаковость. И как следствие, критерием качества профессионального образования перестает быть только минимум усвоенных знаний, заложенных в стандарте образования. Главным фактором становится потребность в общении, которая является побудительным мотивом в организации педагогического взаимодействия, а также способом, который помогает достичь максимальной эффективности педагогического процесса. Потребность в общении со студентами из разряда личностно значимых переходит в разряд профессионально необходимых качеств [1].

При этом профессионализм преподавателя определяется и его отношением к новшествам в области педагогической деятельности. Готовность к нововведениям все чаще понимается как такое личное проявление творческого стиля деятельности, в котором своеобразно сочетаются антиконформизм интеллекта, определенная личностная направленность и практические умения реализовать новые способы и формы осуществления профессиональной деятельности.

Заключение. Инновационные процессы в образовании являются качественно новым этапом во взаимодействии науки и практики. Современный этап развития инновационных процессов стремится преодолеть противоречие между имевшей место стихийностью этих процессов и возможностью и необходимостью сознательного управления ими.

Хотя в середине XX в. в мировой практике и усилились тенденции к интеграции научного знания и появились такие науки, как информатика, системотехника, эргономика и подобные, которые способствовали решению многих серьезных проблем, связанных с инновационными процессами во всех сферах науки и практики, в области исследования системных качеств человека не существовало специального понятийного аппарата, который позволил бы объединить знания многих наук и создать основу для разработки теории достижения человеком высшей ступени профессионализма.

Эту задачу призвана решить акмеология как междисциплинарная область знаний в системе наук о человеке. В педагогической науке и практике эти вопросы успешно решает педагогическая акмеология, важнейшей задачей которой является разработка методологической парадигмы профессиональной компетенции учителя (педагога), методов и путей достижения им вершины профессионального мастерства.

Литература

1. Сапрыкина, Е. Н. Педагогическое взаимодействие «преподаватель – студент» в университетском образовании / Е. Н. Сапрыкина // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 1. – С. 84–87.
2. Фроловская, М. Преподаватель – студент: возможность понимания / М. Фроловская // Вестник высшей школы. – 2005. – № 10. – С. 29–33.
3. Бараник, Е. В. Формирование основ профессиональной компетентности как одна из основных задач языковой подготовки в вузе / Е. В. Бараник // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 3. – С. 45–47.
4. Кузьмина, Н. В. Предмет акмеологии / Н. В. Кузьмина. – СПб.: Политехника, 2002. – 189 с.
5. Княженко, Л. П. Инновационный стиль преподавателя. Условие его формирования / Л. П. Княженко // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 5. – С. 68–72.
6. Торгунская, Н. Л. Педагогическая сущность инноваций в вузе / Н. Л. Торгунская // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 4. – С. 49–50.

О. А. Рогова, преподаватель

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

The article dwells upon the functional category of evidentiality in the German language. By means of this category the speaker denotes the source of information, i.e. he expresses his subjective attitude to the utterance. There are lexical and grammaticalized means of expressing evidentiality in modern German. Among the grammaticalized means we consider various morphemes and constructions which are characterized by the erosion of forms, paradigmaticization, obligatorization, syntactic compression, adherence to other elements and/or fixed word order. The above constructions are represented by the German Konjunktiv (subjunctive mood), modal verbs (sollen, wollen) and the verb «scheinen». The group of lexical explicit means comprises verbs and constructions which describe perception and communication acts. Besides there is a great amount of modal particles in German which also have some perceptual and subjective meaning.

Введение. Функциональная категория эвиденциальности определяется как указание говорящего на источник сообщаемой им информации. Иными словами, говорящий может различными способами маркировать источники полученной им информации. Эвиденциальность как таковая не относится к модальным значениям, однако она взаимодействует с эпистемической модальностью, т. е. с выражением вероятности осуществления данного действия. Исследование категории засвидетельствованности (эвиденциальности) проводили многие лингвисты, из последних исследований интерес в контексте обсуждаемой нами проблемы представляет недавняя работа Н. А. Козинцевой. Приведем центральную мысль этой работы, которая состоит в том, что «...естественному языку свойственно сопровождать передачу некоторой объективной информации, выражением авторской позиции говорящего, его субъективного отношения к сообщению. Одним из семантических параметров высказывания, отражающих это отношение, является отсылка к источнику информации, передаваемой говорящим. Языки могут быть устроены так, что: 1) говорящий всегда имеет возможность строить свое высказывание, не указывая на источник своих знаний; 2) говорящий обязан в определенных ситуативных условиях выразить источник, на котором основаны его сведения. Таким источником могут быть: 1) собственные наблюдения говорящего (прямое свидетельство); 2) сведения из вторых рук, умозаключение (непрямое, или косвенное свидетельство)» [1].

Среди средств выражения эвиденциальности необходимо различать средства лексические и грамматикализованные. Грамматикализованными или частично грамматикализованными элементами могут считаться морфемы и конструкции, которым свойственны эрозия формы, парадигматизация, облигаторизация, синтаксическая конденсация, сращение с другими элементами и/или фиксация порядка слов.

Основная часть. Лексические средства. К группе лексических эксплицитных средств от-

носятся глаголы и конструкции, обозначающие акты восприятия и коммуникации. Относительно источника информации можно разграничить следующие основные семантические подтипы:

– слуховое восприятие, напр.: *Ich habe gehört, dass...* «Я слышал, что...» *Mir wurde gesagt, dass...* «Мне говорили, что...»

– зрительное восприятие, напр.: *Ich habe gesehen, dass...* «Я видел, что...»

– восприятие посредством чтения, напр.: *Ich habe gelesen, dass...* «Я читал, что ...»

– восприятие посредством умозаключения, напр.: *Ich komme zum Schluss, dass...* «Я делаю вывод, что...» и др.

В немецком языке с помощью таких глаголов можно выразить все возможные частные значения эвиденциальности. Статус эксплицитного лексического средства кроме перечисленных глаголов имеют также элементы других частей речи, которые входят в конструкции, выражающие эвиденциальные значения. В составе современного немецкого языка функционирует многочисленная группа модальных слов, маркирующая источник полученной информации [4]. Как показывают наблюдения за языковым материалом, модальные слова *augenscheinlich, bekanntlich, bestimmt, erwiesenermaßen, faktisch, freilich, gewiss, keinesfalls, keineswegs, natürlich, offenkundig, wahrhaftig, wirklich, tatsächlich, selbstredend, selbstverständlich, sichtlich, zweifellos, zweifelsfrei, zweifelsohne, unbedingt* связаны с чувственным восприятием окружающей действительности. Однако помимо указания на перцептивный характер полученной информации они маркируют полноту приобретаемых при этом знаний или, согласно традиционной модальной терминологии, эксплицитную категоричность достоверности сообщения.

Заметим, что модальные слова *augenscheinlich, offenkundig, sichtlich* свидетельствуют о состоявшемся явном перцептивном, как правило, визуальном контакте с описываемой ситуацией. Употребление модального слова *augenscheinlich* свидетельствует о том, что сообщаемая

пропозиция является для всех очевидной, на факт наблюдения, который указывает говорящий на основе восприятия ее внешних проявлений. Другое модальное слово *offenkundig* также свидетельствует об оценке ситуации говорящим лишь по ее внешним видимым проявлениям. Использование модального слова *sichtlich* означает, что говорящий считает сообщаемую пропозицию соответствующей действительности. На это указывает возможность ее визуального восприятия всеми, в том числе как самим говорящим, так и его речевым партнером.

Помимо этого модальные слова могут маркировать семантику субъективного эпистемического статуса высказываний, сформулированных в результате мыслительной деятельности человека: *anscheinend, höchstwahrscheinlich, bestimmt, offenbar, offensichtlich, sicher, gewiss, wahrscheinlich, vermutlich, wohl, möglicherweise, vielleicht, kaum, schwerlich*.

В пределах данной группы выделяются модальные слова, которые передают очень высокую степень уверенности субъекта оценки в вероятности события: *höchstwahrscheinlich, bestimmt, offenbar, offensichtlich, sicher, gewiss*. Несколько снижена степень выражаемой вероятности у модальных слов *anscheinend* и *wahrscheinlich*. Следующая группа представлена модальными словами *eventuell, möglicherweise, vermutlich, vielleicht, wohl*, употребление которых свидетельствует о дальнейшем снижении степени уверенности говорящего в вероятности события.

Показателями самой низкой степени уверенности говорящего при оценке вероятности сообщения выступают модальные слова *kaum, schwerlich, scheinbar*: *Dabei konnte er ohne die Lehne des Säulensockels kaum stehen* (B. Schlink).

Грамматикализованные средства. Маркировка цитатива может осуществляться морфологическим способом. В какой-то мере к средствам выражения рассматриваемой категории можно отнести немецкий конъюнктив, хотя он все же не достиг такого уровня, когда может служить самостоятельным языковым средством для маркирования чужого высказывания и выделяться в особое наклонение [7].

Следует принять во внимание, что в косвенной речи употребляются обе формы конъюктива: презентный конъюнктив и претеритальный конъюнктив, которые представляют собой синонимы в рамках парадигматики. С одной стороны, они относятся к конститuentам морфологического уровня, а с другой – имеют одинаковый набор сем, а именно: указание на чужое знание и косвенность репродукции, на которые наслаиваются различные семы, показывающие темпоральную перспективу высказывания.

Кроме этого конъюнктив I выступает в значении опатива. Это уже устаревшее значение

ограничено как стилистически, так и определенными синтаксическими контекстами; оно употребляется, например, в фразеологизмах, в рецептах приготовления блюд или в научных текстах [11].

Gott sei Dank! «Слава Бору!»

Man nehme fünf Eier und ein halbes Pfund Mehl, dann rühre man das Ganze gut durch. «Взять три яйца и 250 г. муки и все это тщательно перемешать».

In der Zeichnung sei die Ellipse eine Planetenbahn. «На рисунке эллипс представляет собой орбиту планеты».

Как все германские языки немецкий располагает более или менее закрытым классом модальных глаголов. Этот класс определяется морфологическо-синтаксическими, т. е. чисто формальными признаками [8].

Данный класс охватывает следующие элементы: *dürfen* «иметь право», *können* «мочь», *mögen* «любить», *möchte(n)* «хотел(-а, -о, -и) бы», *müssen* «надо», *sollen* «должен» и *wollen* «хотеть». Из этого ряда только *sollen* «должен» и *wollen* «хотеть» имеют эвиденциальные значения, в то время как все остальные модальные глаголы могут употребляться в соседнем функциональном поле эпистемической модальности.

Перейдем к анализу глаголов *sollen* и *wollen*. Основное значение глагола *sollen* состоит в передаче чужой воли. В русском языке точного эквивалента этому глаголу нет. В значении «передача чужой воли» глагол *sollen* обычно сочетается с инфинитивом I:

Peter soll kommen. «Кто-то хочет, чтобы Петер пришел».

Основу этого значения образует трехчленность ситуации, т. е. в ней принимают участие говорящий, «хотящий» и «долженствующий». Кроме того, все модальные глаголы в немецком языке сочетаются и с инфинитивом II (*gekommen sein*). В этом случае у большинства глаголов преобладают эпистемические значения, в то время как *sollen* и *wollen* принимают эвиденциальное значение [9].

В сочетании с инфинитивом II *sollen* выступает в роли цитатива, т. е. говорящий указывает на то, что сообщаемая им информация основывается на сообщении, полученном им от кого-либо другого лица.

Peter soll gekommen sein. «Говорят, что Петер пришел».

Эвиденциальное значение глагола *sollen* ограничивается указанием на сообщения третьих лиц, в то время как конъюнктив I может маркировать сообщение самого говорящего:

Ich sagte ihm, ich sei nicht zuständig. «Я ему говорил, что это не входит в мои функции».

Ich sagte ihm, ich solle nicht zuständig sein. «Я ему говорил, что это, как мне сказали, не входит в мои функции».

Как показывает второй пример, сочетание конъюнктива с эвиденциальным глаголом *sollen* возможно.

Вторым модальным глаголом, функционирующим по типу цитатива, является глагол *wollen* «хотеть». В отношении своих синтаксических особенностей он схож с глаголом *sollen*, т. е. он сочетается с инфинитивом I и II – в последнем случае преобладает эвиденциальное значение. Основное значение этой лексемы, как и у ее русского эквивалента, чисто модальное, заключающееся в выражении волеизъявления.

Peter will nach Braunschweig kommen. «Петер хочет приехать в Брауншвейг».

В других контекстах *wollen* выражает то, что говорящий получил сообщаемую им информацию от самого действующего лица, т. е. источником информации является никто иной, как само действующее лицо.

Peter will in Braunschweig gewesen sein. «Петер утверждает, что он был в Брауншвейге».

В то время как *sollen* нейтрально маркирует источник информации, в случае с *wollen* говорящий выражает довольно сильное сомнение в истинности того, что сообщило действующее лицо (дубитативное значение) [12].

Der Angeklagte will den Zeugen noch nie gesehen haben. «Подсудимый утверждает, что никогда не видел свидетеля».

Глагол *scheinen*, имеющий исходное значение «светить», как, например, в предложении *Die Sonne scheint ins Fenster* («Солнце светит в окно») подлежал определенной семантической генерализации и приобрел абстрактное значение инферентива, который, по Мельчуку, можно определить следующим образом: «Говорящий пришел к заключению относительно ситуации на основании воспринятых им фактов, связанных с фактом»:

Ihm scheint es besser zu gehen. «Ему, как будто, лучше». *Diese Tätigkeit scheint ihm zu gefallen.* «Эта деятельность, по-видимому, нравится ему». *Sie scheint ihn zu kennen.* «Она, кажется, знает его».

В отличие от эвиденциального элемента *wollen* глагол *scheinen* сочетается со всеми семантическими типами подлежащих, т. е. как с одушевленными, так и с неодушевленными. Поэтому можно сказать, что *scheinen* имеет высшую степень грамматикализации [2].

Заключение. Изложенное можно подытожить следующим образом. Немецкий язык относится к языкам, которые обладают как лексическими, так и грамматикализованными средствами выражения эвиденциальности. В немецком языке указание на источник сведений не является обязательной грамматической категорией,

т. е. оно в принципе факультативно. Норма литературного языка предписывает обязательную морфологическую маркировку цитатива, но в узусе и в разговорной речи она выражается либо лексическими средствами, либо ситуацией или контекстом. Рядом с такими эксплицитными средствами, как лексемы восприятия и сообщения, немецкий язык располагает тремя грамматикализованными маркерами цитатива: конъюнктив I определяет сообщение в общем смысле, *sollen* – сообщение третьих лиц и *wollen* – сообщение самого действующего лица. Кроме того, в немецком языке имеется грамматикализованный глагол *scheinen*, выражающий косвенное зрительное свидетельство или умозаключение, базирующееся на интерпретации явных фактов. Специализация эвиденциальной системы на один тип частных значений не является типологической спецификой немецкого языка.

Литература

1. Козинцева, Н. А. Категория эвиденциальности / Н. А. Козинцева. – М.: Вопросы языкознания, 1994.
2. Мельчук, И. А. Курс общей морфологии: в 2 т. / И. А. Мельчук. – М.: Зевс, 1998. – Т. 2.
3. Плуноян, В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плуноян. – М.: Высшая школа, 2003.
4. Шакирова, Р. Д. О соотношении категории эвиденциальности и эпистемического статуса высказывания / Р. Д. Шакирова // Вестник СамГУ. – 2005. – № 4 (38).
5. Bausch, K. Modalität und Konjunktivgebrauch in der gesprochenen Standardsprache. Sprachsystem, Sprachvariation und Sprachwandel im heutigen Deutsch / K. Bausch. – München, 1979.
6. Bybee, J. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world / J. Bybee, O. Dahl // Studies in Language I. – 1989. – № 13.
7. Haan, F. The Relation between Modality and Evidentiality / F. Haan // Linguistische Berichte Sonderheft. – 2001. – № 9.
8. Dietrich, R. Modalität im Deutschen. Zur Theorie der relativen Modalität / R. Dietrich – Opladen, 1992.
9. Helbig, G. Lexikon der deutschen Modalwörter / G. Helbig, A. Helbig. – Leipzig, 1993.
10. Kaufmann, G. Die indirekte Rede und mit ihr konkurrierende Formen der Redeerwähnung / G. Kaufmann. – München, 1976.
11. Wichter, S. Probleme des Modusbegriffs im Deutschen / S. Wichter. – Tübingen, 1978.
12. Willen, T. 1988 A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality / T. Willen // Studies in Language. – 1988. – № 12.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

This article is dedicated to the problems of choosing appropriate interaction, methods and technologies of teaching students of non-linguistic universities English for special purposes. We consider developing creative personality of modern students by means of this academic subject to be the most actual for making them professionals and prominent figures. Several results of students creative academic and scientific research work, such as scientific films «Fairs and Exhibitions», «Advertising», «The Art of Management», are described below.

Введение. Изменение социальных, политических, рыночных условий, модернизация производственного сектора, развитие новых отраслей промышленности, разработка и внедрение новых технологий и техники отражаются на квалификационных требованиях, предъявляемых выпускникам вузов.

В свете этого современная система высшего технического образования претерпевает ряд изменений: меняются образовательные стандарты; вводятся новые учебные дисциплины; осуществляется многоуровневая подготовка специалистов по новым специальностям и специализациям; учебная деятельность студентов профессионально и творчески направлена: репродуктивная деятельность → репродуктивно-творческая деятельность → рефлексивно-творческая деятельность → творческая деятельность; происходит интеграция дисциплины «Иностранный язык» с профилирующими предметами.

Основная часть. Белорусский государственный технологический университет (БГТУ) готовит специалистов по следующим химическим специальностям: химическая технология производства и переработки неорганических материалов, химическая технология производства полимерных соединений, химическая технология производства изделий из стекла и керамики, конструирование и производство изделий из композиционных материалов и пр.

Производственно-прикладное значение указанных специальностей, тесная связь теоретико-практического курса обучения с научно-исследовательской деятельностью обучаемых, технологическая оснащенность и заданность учебного процесса технического вуза задают уровень профессионально-ориентированной подготовки будущих специалистов не только по профилирующим, но и по социально-гуманитарным дисциплинам.

Так, в соответствии с Образовательным Стандартом Республики Беларусь по преподаванию цикла социально-гуманитарных дисциплин в высших технических учебных заведениях страны (РД РБ 02100.5.227-99) предъявляются следующие требования к знаниям и умениям выпускника по дисциплине «Иностранный язык»: знать основные фонетические, грамматические, лек-

сические правила, позволяющие использовать иностранный язык как средство профессионального общения; уметь анализировать оригинальные научные, социально-политические тексты; приобрести навыки ведения общения профессионального характера на иностранном языке, чтения и перевода литературы по специальности без словаря с целью извлечения информации, составления аннотаций и реферирования деловой документации [1].

Как видно из приводимых руководящих документов современного специалиста должны отличаться положительная мотивация деятельности, рефлексивная деятельность (анализ и обработка профессиональной документации и информации), ведение самостоятельной исследовательской и научной деятельности по специальности, творческая активность в профессиональной сфере.

Соответственно, профессионально-ориентированному, интегрированному с профилирующими дисциплинами обучению будущих специалистов иностранному языку в техническом вузе сегодня характерно:

1) активное привлечение студентов к ведению учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельности по специальности на изучаемом языке;

2) эффективное влияние на сознание будущих специалистов посредством развития профессиональной направленности студентов в процессе изучения иностранного языка на разных уровнях их коммуникативной компетентности;

3) формирование положительной мотивации ведения профессионально-ориентированной учебно-исследовательской деятельности в процессе изучения иностранного языка;

4) комплексное применение технологий проблемного и игрового обучения, активных методов профессионально-ориентированного обучения, способствующих проявлению творческого потенциала студентов и развитию у них творческой направленности;

5) подготовка студентов к ведению самостоятельной профессиональной деятельности в динамично меняющихся социально-экономических условиях в сотрудничестве с зарубежными коллегами [2].

Обеспечению эффективности учебного процесса по иностранному языку способствует развитие профессиональной направленности студентов. Данной проблеме посвящены труды ряда отечественных и зарубежных исследователей. Так, профессиональная направленность личности определяется П. Вайнцвайгом как проявление целевых ориентацией личности [3], В. А. Слостениным – как ее свойство, о котором можно судить по успешному овладению профессией и степени удовлетворения человека своим трудом [4]. Однако, на наш взгляд, высшим уровнем развития профессиональной направленности будущего специалиста является его целеполагание ведения самостоятельной исследовательской, профессиональной деятельности, потребность в профессиональном самосовершенствовании, творческой самореализации.

Мы разделяем позицию ученых, рассматривающих профессиональную направленность студентов в контексте творчества. Как отмечает И. П. Калошина, большую роль в процессе формирования будущего специалиста играет его стремление к профессиональной самореализации, важной составляющей которой является творческая направленность и активность личности [5]. П. К. Энгельмейер видит сущность профессионального творчества в сочетании умения действовать самостоятельно и адекватно, осмысливая свою деятельность в свете научно-теоретических знаний [6]. По мнению В. И. Андреева, осознание специалистом степени своего мастерства и идеальных моделей, являющихся синтезом науки и практики, преломленных через собственную индивидуальность, служит ориентиром для формирования самостоятельной профессиональной позиции творческого, новаторского характера [7].

Из вышеизложенного становится очевидной важность синтеза профессиональной и творческой направленностей личности при формировании сознания будущего специалиста в процессе обучения иностранному языку в техническом вузе.

Мы определяем профессионально-творческую направленность студента (ПТН) как совокупность ведущих мотивов профессиональной деятельности (потребность в творческом самовыражении, стремление к творческой самореализации в профессиональной деятельности, активной исследовательской творческой деятельности в профессии), побуждающих к достижению максимально высоких результатов в процессе ее осуществления, определяющих характер ее профессионального бытия, системы ценностей, способов самосовершенствования и принятия ответственных решений, которые обеспечивают творческую самореализацию в ней и удовлетворенность собой как ее субъектом. В структуре данного понятия нами выделе-

ны мотивация учебной деятельности, рефлексия, творческая самореализация. В качестве средства развития данной направленности в ходе изучения дисциплины «Иностранный язык» выступает процесс педагогического стимулирования сознания студентов к творческой самореализации. В предлагаемой нами модели формирования ПТН в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку осуществляется в три этапа – начальный, продвинутый и целевой, которые коррелируют с соответствующим уровнем ПТН:

1) ПТ-потенциальный (учебная деятельность репродуктивна, не носит творческий либо профессиональный характер, происходит формирование положительной мотивации ведения творческой и профессионально-ориентированной учебно-исследовательской деятельности, большое значение имеет фактор позитивной эмоциональной среды);

2) ПТ-продвинутый (учебная деятельность рефлексивна, носит творческий характер, большую роль играет фактор рефлексивно-творческой активности);

3) ПТ-направленный (учебная деятельность профессионально направлена, носит творческий характер, обучаемые проявляют навыки творческой и рефлексивной деятельности при решении профессионально-ориентированных задач) [8].

На этом уровне ПТН студентов отличают не только творческая активность, осознание важности учебно-творческой самостоятельной работы и наличие опыта ее ведения, стремление к творческому самовыражению, но и четкая потребность в проявлении своих умений самостоятельной научной, исследовательской деятельности, в разработке и осуществлении дополнительных профессионально-ориентированных проектов творческого характера, инициатива участия в которых исходит от обучаемых.

Примером такой разработки может служить учебный фильм «Реклама», подготовленный на втором году обучения студентами экспериментальной группы факультета ИЭФ на иностранном языке. Этапы его подготовки:

1) выбор темы, актуальность которой продиктована учебной программой как профилирующих дисциплин «Экономическая теория», «Статистика и бухгалтерский учет», так и дисциплиной «Иностранный язык»;

2) сбор, анализ, реферирование оригинальной литературы по экономической теории, маркетингу;

3) разработка концептуальной основы фильма с учетом актуальности выбранной темы, технических средств информации и обучения, проанализированной литературы, подборанного видеобанка;

4) техническая работа по изготовлению фильма (создание видео- и аудио-ряда на иностранном языке с применением специальных компьютерных программ);

5) презентация фильма;

6) оценка работы и ее результатов.

Творческий процесс самостоятельной учебной деятельности по профессионально-ориентированной теме потребовал от студентов владения иностранным языком, навыками рефлексии и творческой активности. Организация процесса самостоятельной работы студентов над данным творческим проектом и анализ его результатов показали, что студентам данной экспериментальной группы они присущи.

В процессе развития ПТН студентов по нашей модели мы сочетали параллельно уровни рефлексивной и учебно-исследовательской деятельности студентов. Результатом данной работы стало развитие у студентов потребности и способности самовыражению, целеполагания, самоактуализации в профессиональной сфере, которые мы определили как основу профессионально-творческой самореализации. Этому способствовали:

– сформированная положительная мотивация учебной, исследовательской, продуктивной и профессиональной деятельности (проявившаяся в раскрытом творческом потенциале студентов при ведении ими творческой активности);

– развитая творческая активность студентов (переходящая в творческую деятельность по специальности);

– развитие рефлексивной деятельности студентов в процессе обучения с комплексным применением описанных педагогических средств обучения и активного ведения самостоятельной работы на иностранном языке по специальности.

Заключение. Формирование ПТН студента в процессе изучения иностранного языка происходит через сотворчество с талантливой творческой личностью. Развитие ПТН мы видим в

контексте антропоцентрических технологий: совокупное применение проблемной технологии обучения (отбор актуальных задач для проектной работы на занятиях по иностранному языку; создание проблемных ситуаций, требующих активной рефлексивной, познавательной деятельности студентов по специальности) и технологии игровых имитаций (имитация профессиональной проблемной ситуации, решение которой требует синтеза профессиональной и творческой активности, проявления продуктивного мышления на изучаемом языке).

Литература

1. Образовательный Стандарт Республики Беларусь РД РБ 02100.5.227-99 для высших технических учебных заведений. Цикл социально-гуманитарных дисциплин. – Минск, 1999.

2. Основы педагогики: учеб. пособие / А. И. Жук [и др.]. – Минск: Аверсэв, 2003.

3. Вайнцвайг, П. Десять заповедей творческой личности / П. Вайнцвайг. – М.: Прогресс, 1990.

4. Слостенин, В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Слостенин. – М.: Магистр, 1997

5. Калошина, И. П. Структура и механизмы творческой деятельности: нормативный подход / И. П. Калошина. – М.: Изд-во ИГУ, 1983.

6. Энгельмейер, П. К. Теория творчества / П. К. Энгельмейер. – СПб.: Образование, 1910.

7. Андреев, В. И. Педагогика творческого саморазвития: инновационный курс: в 2 кн. / В. И. Андреев. – Казань: Изд-во КГУ, 1996. – Кн. 1.

8. Романова, А. М. Взаимодействие преподавателя и студентов при развитии профессионально-творческой личности обучаемых / А. М. Романова // Гуманизация и демократизация педагогического процесса в условиях университетского образования: материалы междунар. науч. семинара, Китев, 1–8 сент. 2008 г. / Софийский университет «Св. Кл. Охридски». – Китев, 2008.

М. Н. Семенчик, преподаватель

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКЕ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

The article dwells upon different approaches to the problem of foreign vocabulary learning; their advantages and disadvantages being analysed. The method of personality and group potentialities activation is focused on; its paradigms are expounded aiming at better interpretation of the question. Besides, the author gives advice on the proper organisation of the language learning aspect above taking into account psychological characteristics of the age group being described; some ways of foreign words memorization are stated as well.

Key words: lexical unit; foreign vocabulary; method of personality and group potentialities activation; learning; teaching methodology.

Введение. В ходе развития методики преподавания иностранных языков появляются новые подходы преподавания иноязычной лексики. Выделение методических принципов наиболее распространенных методов обучения иностранной лексике способствует осознанию сходных и отличительных их черт, их плюсов и минусов; дает возможность рекомендации некоторых из них к внедрению в учебный процесс, а также созданию необходимых для их реализации условий.

Основная часть. Известно, что в конце XIX в. произошел резкий перелом в преподавании лексических единиц. На смену грамматико-переводным и текстуально-переводным методам, которые были основаны на заучивании языковой системы, пришел прямой метод. Принцип ассоциирования иностранных слов с самими предметами представлялся перспективным. Но по причине отсутствия продуманной методической системы данный метод оказался неэкономным, медленно достигающим цели, т. е. практического владения языком.

Во второй половине XX в. крайне популярными стали аудиолингвальный и аудиовизуальный методы. Общие подходы обучения лексике можно охарактеризовать так: направленность на формирование практических навыков владения лексикой; превалирование устной речи над письменной; работа по лексическим моделям. Отличительными чертами аудиовизуального метода являются: принцип глобальности, который подразумевает восприятие лексического материала глобально на слух в виде образцов; принцип ситуативности, когда материал презентуется в виде диалогов, отражающих ситуации повседневной жизни, а лексический материал объединен вокруг отобранных ситуаций; принцип беспереводности, т. е. исключение родного языка учащихся из системы обучения лексике; принцип зрительно-слухового синтеза, который предусматривает широкое использование аудиовизуальных и технических средств обучения лексике. Несмотря на популярность данных методов, к 70-м гг. лингвисты, преподаватели иностранных языков и психологи выявили следующие их недостатки: чрезмерное увлечение чисто механическими лексическими упражнениями; недооценка роли родного языка и индивидуальных особенностей обучаемых. Однако приоритет устной речи, отбор базисных моделей и лексических образцов в обоих методах, принципы ситуативности и глобальности оказали положительное влияние на развитие интенсивного обучения иноязычной лексике.

Попытки усовершенствования данных методов привели к широкому распространению смешанных методов, где уделяется больше внимания обучению чтению лексики, речевым ситуациям, сознательности в усвоении лексического материала, использованию родного языка обучаемых. Но подходы смешанных методов носили компромиссный характер и не улучшали сложившуюся в 80-х гг. ситуацию.

В методике преподавания советской школы 70-х гг. развитие «деятельностного» подхода определялось теориями мыслительной, мнемической деятельности и речевого общения в работах советских психологов. Усиление внимания к изучению личности учащегося как субъекта деятельности, его развития в межличностном общении, в коллективе подкреплено теориями А. В. Петровского и др. Определяется тенденция перехода от информативных к активным формам обучения. Ведется поиск психолого-дидактических условий перехода от жестких способов организации учебного процесса к развивающим, активизирующим, проблемным. В 80-х гг. развиваются следующие методы: коммуникативный, метод активизации возможностей личности и коллектива, деятельностный, проективный и др. Общими основными параметрами для всех современных методов являются: новизна, обучение через общение, мотивированность, целенаправленность, информативность процесса общения, ситуативность, функциональность и пр.

Таким образом, общение выполняет функции обучения, познания, развития и воспитания. Благодаря этому создаются условия обучения, адекватные реальным, что обеспечивает успешное овладение умениями и их использование в условиях реального общения. Наиболее опти-

мальным образом все вышеназванные параметры реализуются в пяти следующих принципах обучения по методу активизации возможностей личности и коллектива.

1. Принцип личностно-ориентированного общения является ведущим в методе активизации. Он основан на влиянии общения, его характера, стиля на реализацию воспитательных и образовательных целей. В общении каждый является как воздействующим, так и подвергающимся воздействию. Особенно значимое место занимает здесь познание людьми друг друга, что является необходимым условием общения людей. Общение представляет собой стержневую характеристику коллективной деятельности и деятельности личности в коллективе. Оно неотделимо и от процесса познания, усвоения лексики. Личностно-ролевое общение на иностранном языке в условиях интенсивного обучения – это не фрагмент учебного процесса или методический этап порочного плана, а основа построения учебно-познавательного процесса, обучения лексике.

2. Принцип коллективного взаимодействия является не менее значимым в методе активизации, наиболее известном среди интенсивных методов. Именно этот принцип связывает цели обучения лексике и воспитания, характеризует средства, способы и условия учебного процесса. Для учебного процесса, в основу которого положен этот принцип, характерно то, что учащиеся активно общаются с другими, расширяют свои лексические знания, совершенствуют свои умения и навыки, между ними складывается оптимальное взаимодействие и формируются коллективные взаимоотношения, которые служат условием и средством повышения эффективности учения, успех каждого из обучаемых зависит во многом от остальных. Такая система отношений, складывающихся в учебном коллективе, раскрывающих и актуализирующих в личности лучшие стороны, весьма способствует обучению и совершенствованию личности. Это происходит благодаря возникающему положительному психологическому климату и в значительной мере влияет на конечный результат. Групповое обучение способствует возникновению у личности дополнительных социально-психологических стимулов к усвоению лексики. Кроме того, активизация общения между участниками учебного процесса способствует ускорению обмена информацией, передаче и усвоению лексических знаний, ускоренному формированию навыков и умений. Из всего вышесказанного можно заключить, что основным средством овладения лексикой становится общение с партнерами по группе.

3. Принцип ролевой организации учебно-воспитательного процесса тесно связан с двумя предыдущими. Роли в группе в большой степени способствуют управлению общением на уроке. Учебное общение в интенсивном обуче-

нии предполагает наличие постоянно активных субъектов общения (все учащиеся), которые не ограничиваются просто восприятием сообщения и реакцией на него, а стремятся выразить свое отношение к нему, т. е. «я – маска» всегда проявляет личностную характеристику. Ролевая игра – это одно из эффективных средств создания мотива к иноязычному общению учащихся, усвоению ими лексики.

4. Принцип концентрированности в организации учебного материала и учебного процесса является не только качественной, но и количественной характеристикой интенсивного метода. Концентрированность проявляется в различных аспектах: концентрированность учебных часов, концентрированность учебного материала. Все это вызывает высокую насыщенность и плотность общения, разнообразие форм работы, что побуждает преподавателей работать в постоянном поиске новых форм подачи лексического материала.

5. Принцип полифункциональности упражнений отражает специфику системы упражнений в обучении по методу активизации. Языковые навыки, которые сформировались в неречевых условиях, непрочны. Поэтому наиболее продуктивно работающим считают подход к обучению иностранному языку, который предполагает одновременное и параллельное овладение лексическим языковым материалом и речевой деятельностью. Полифункциональность упражнений позволяет реализовать этот подход. В обучении по методу активизации тренировка употребления лексических выражений личностного отношения осуществляется серией упражнений, где в меняющихся ситуациях реализуется одно и то же коммуникативное намерение. При этом для учащихся упражнение монофункционально, для преподавателя полифункционально.

Все пять рассмотренных принципов [1] интенсивного обучения иностранным языкам обеспечивают четкую взаимосвязь учебного предмета и учебной деятельности и тем самым способствуют эффективной реализации целей обучения лексике. При этом учебный процесс построен на основе двуплановости так, что обучаемые общаются, решая жизненные ситуации, а преподаватель тренирует становление грамматики, лексики, фонетики, навыков говорения, аудирования, чтения, письма. Практикой доказано, что для формирования прочного навыка недостаточно «провести» ту или иную лексическую тему через упражнения всех уровней. Только при регулярном возвращении данной темы вновь, как фона для целенаправленной отработки какой-либо лексики, можно быть уверенным в прочности и гибкости навыка употребления ранее усвоенной лексики. Так решается проблема повторения лексики на каждом занятии по методу активизации.

Кроме вышеперечисленных принципов, существует еще ряд условий, способствующих не только успеху в обучении лексике, но и овладению всеми аспектами языка. Эти условия можно отнести в категорию «общих»:

1. Не вызывает сомнений тот факт, что более быстро и качественно усвоение лексики идет у тех учащихся, которым она жизненно необходима, у которых существует мощный стимул для трудозатрат по ее овладению и четкое представление о ситуациях, где эти лексические единицы востребованы. Но некоторых учащихся необходимо просто подтолкнуть, показать им эти радужные перспективы. Согласно социальным исследованиям, наибольший вес для учащихся имеет профессионально-прагматическая мотивация. Для того чтобы труд учащегося был успешным, нужно наметить значимую для обучаемого цель, представить конечный результат труда: успешная сдача экзаменов на получение сертификата мирового стандарта; сдача экзамена по английскому языку; участие в конференциях с иностранными коллегами и деловых поездках за рубежом.

2. Задача преподавателя – обеспечить психологический комфорт каждому из участников группы, целенаправленно создать сплоченный коллектив. Чем интереснее их совместная деятельность, тем дружнее коллектив учащихся: пережитые совместно на занятиях какие-либо события (удачное, интересное решение совместной задачи, смешная ситуация), эффект косвенного целеполагания при ролевом взаимодействии освобождает учащихся от психологических «барьеров», «зажимов» и делает каждого авторитетным участником группы.

3. Произвольное внимание традиционно в обучении. Оно связано с сознательно поставленной целью, с волевым усилием. Мобилизация произвольного внимания приучает трудиться и исполнять свою обязанность ради удовольствия. На уроках английского языка, как и в любой сознательной деятельности, переплетаются все виды внимания. В одном случае учащемуся надо заставить себя быть внимательным, а в другом – предмет «сам» обеспечивает внимание. «Само» запоминается то, на что направлено произвольное внимание. Использование преподавателем произвольного внимания обучаемых делает урок занимательным. Особую же ценность представляет синтез произвольного (по происхождению и сознательной цели) и непроизвольного внимания (по характеру деятельности, по яркости и по тому, что оно не утомляет человека).

В дополнение к вышесказанному представляется необходимым выделить условия успеха «частного» характера, которые необходимо создавать при работе с учащимися соответствующей возрастной группы, в нашем случае – со студен-

тами. Поскольку для данного возраста характерны такие особенности, как самостоятельность и активность мыслительной деятельности, развитие теоретической мысли (склонность к обобщениям), то активизация лексических средств наиболее продуктивно проходит следующими способами: составление предложений, иллюстрирующих различие оттенков между синонимами; замена ошибочно употребленных слов на их омонимы в соответствии с контекстом; выделение семантической связи между значениями многозначного слова; проведение заданий на аудирование с предтекстовыми и послетекстовыми заданиями; организация преподавателям дискуссий, интервью, круглых столов, драмы. В силу того, что для взрослых характерно высоко развитое логическое мышление, то им интересны упражнения, задействующие такие умения, как полное или детальное изложение фактов, например: личное послание, оформление рекламной статьи, предложение или запрос в общественные организации.

На учебных занятиях и в процессе подготовки к ним можно использовать следующие приемы запоминания иностранных слов:

1. Традиционный. Нужно составить список слов, записать их столбиком слева, а с правой стороны – их основное значение, внимательно перечитать построчно список, стараясь запомнить слова, закрыть правую половину списка и вспоминать значение слов. И наоборот – левая половина закрывается, и в памяти восстанавливается образ и звучание английского слова. Повторять слова таким способом нужно многократно в течение нескольких дней с определенными интервалами времени.

2. Карточки. Лучше, если карточки будут с картинками, т. е. с изображением значения запоминаемого слова. С одной стороны пишется английское слово, его изображение и транскрипция, с другой – только перевод. Карточки следует «перебирать» с целью возобновления в памяти определенного слова.

3. Пассивное восприятие слов. Нужно записать на диск несколько десятков слов с переводом или текст, который необходимо запомнить, и слушать эту запись в любой удобный момент времени. Этот способ хорош тем, что его можно совмещать с обыденными делами. После многократного прослушивания слова как бы сами запоминаются. Психологи утверждают, что память у человека делится на два больших блока: кратковременную память и долговременную. Вся информация, которую человек воспринимает из окружающего мира, сначала попадает в память кратковременную и уж затем переходит на долгое хранение. Причем запоминается не вся информация, а лишь некоторая. Вот почему только что выученное иностранное слово мы уже через пару минут забываем,

вследствие чего абсолютно необходим такой этап, как повторение.

4. Ассоциативный. Необходимо сравнение, соотнесение запоминаемого с чем-либо известным, способствующее четкому осознанию характерных особенностей того, что запоминается: «a hairdresser» – парикмахерша, которая «hair» волосы «dress» одевает, «safe» – безопасный, как сейф и т. д. [2]

5. Визуализация. Запоминая английское слово, нужно соотнести его не с его русским переводом, а с его образом, с мысленной картинкой. Такой способ хорош для запоминания однозначно переводящихся слов с одним конкретным значением. Например, запоминая слово «curtains» (занавески), повторяем «curtains» и представляем себе их, причем будет лучше, если это будут занавески, эмоционально значимые для человека.

6. Бирки. Ко всем возможным предметам нужно прикрепить бумажки со словами, обозначающими их на изучаемом языке. Встречаясь часто глазами с этими предметами и соответственно с их значениями, можно быстро их запомнить. Естественно, что в студенческой аудитории такой метод трудно применить ввиду отсутствия большого количества необходимых предметов, а также некоторых технических проблем.

7. Запоминание в контексте. Запоминаемые слова нужно включить в фразу, главное, чтобы

грамматически она была составлена верно. Для студентов можно подбирать цитаты из художественных произведений, тексты песен.

8. Метод физического действия. Так удобно запоминать глаголы или тренировать временные формы: надо назвать определенное действие и совершить его, например: «Я зажигаю спичку» – «I am striking a match» [3].

Заключение. Таким образом, представляется возможным применение метода активизации возможностей личности и коллектива, учитывая необходимость создания сопутствующих условий частного и общего характера, благоприятствующих успешному ходу и результату процесса обучения иноязычной лексике.

Литература

1. Яшина, Е. Анализ подходов к обучению лексике на курсах иностранного языка [Электронный ресурс] / Е. Яшина. – Режим доступа: www.workitravel.ru/analiz_podkhodov. – Дата доступа 09.03.2009.

2. Забабонов, С. Запоминание иностранных слов / С. Забабонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.ic.tsu.ru/~zsv/inostrann.htm>. – Дата доступа 09.03.2009.

3. Зиганов, М. Техника запоминания иностранных слов / М. Зиганов, В. Козаренко, А. Сёмин. – М.: Образование, 2002. – С. 75.

ПРОБЛЕМА ВИДА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

The article focuses on the aspect of the verb in the French language. It discusses the aspect as a property of the language, as well as means of its expression. The verb is the core, which denotes an action and, simultaneously, shows its property from the point of view of time at and during which it occurs, with the lexical content of the verb, the lexical and grammatical manner of the action and the context playing a great role. The semantics of verb tenses is also of big importance. It is this ensemble that forms the aspect of the French verb. The means of expression of the verb's tenses and aspects were analyzed on the basis of extracts from Old French and Middle French texts. The comparative, distributive and semantic methods of the analysis were used.

Введение. Вопрос о существовании категории вида во французском языке начал изучаться в зарубежных изданиях в 20-е гг. XX в. Поводом послужило ознакомление с глагольной системой славянских языков, потребность более полной характеристики французского глагола, поскольку стало невозможно ограничиваться понятием наклонения, залога и времени. У некоторых лингвистов возникло убеждение, что французскому глаголу свойственно выражение категории вида. Однако среди лингвистов нет единодушия при решении этого вопроса. Основная причина – отсутствие общего и точного определения вида, различное его понимание не только в отношении французского, но и других романских языков [1].

Основная часть. В XIX в. и первых десятилетиях XX в., вследствие неразграничения лексического и грамматического планов выражений в понятие вида включались, кроме значений совершенности-несовершенности, результативности-нерезультативности, различные количественные характеристики глагольного действия: однократность, многократность, выражения предельности, длительности и т. д. Ш. Балли наряду с грамматическим противопоставлением *Imparfait*, *Passé composé* выделял итеративный (многократный) вид – *voltiger*, сингулятивный (однократный) – *frapper*, ингрессивный (вступительный) – *partir*, дуративный (выражающий длительность) – *travailler*.

Сейчас большинством лингвистов четко разграничивается понятие способа действия, который обычно является глагольным выражением экстралингвистической действительности и передается лексическими способами, и понятие вида, который выражается грамматическими способами и в большинстве случаев имеет парадигматический характер [2].

Смешение явлений лексического и грамматического характера обусловлено нечетким разграничением плана содержания и плана выражения при изучении категории вида. Для некоторых лингвистов признание существования видов в определенном языке зависело от того, сходны ли значения данных форм со значениями славянских видов. Исходя только из плана содержания – из семантического противопоставления совершен-

ности-несовершенности славянских глаголов – и не учитывая, что это противопоставление находит в славянских языках формальное выражение, старались найти подобное семантическое противопоставление в романских языках, не считаясь с тем, находит ли оно формальное выражение. В результате оказывалось, что в качестве видовых рассматривались одновременно различно некоторых префиксальных и беспрефиксальных форм (*battre-abattre*, *connaotre-reconnaotre*) и перифрастических форм (*être en train de...*, *se mettre a...*, *être sur le point de...*), и временных форм (*Imparfait*, *Passé simple*, *Passé composé*). Немецкие ученые предостерегают от игнорирования различий видов в германских и романских языках и видов в славянских языках. Й. Хольт пишет: «...все глагольные понятия, кроме лица, числа, залога, времени или наклонения, обычно называются видом». Видовыми являются противопоставление основ презенса и перфекта в древнегреческом, видовые противопоставления находят также в латинском, семитских, романских языках. Широкое распространение категории вида в разных языках сочетается с ее значительным разнообразием в формальном и функционально-семантическом отношении. А. Мейе считает, что обозначение одних и тех же реальных фактов в разных языках не означает их совпадения в значении (в славянском глагольное действие выражается с его объективным пределом или без, а в романском – действие вне его протекания и в самом протекании).

А. Мейе и Ж. Вандриес считают видовую категорию не присущей французскому глаголу. По их мнению, сложные формы, образованные из вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени, которые развивались не только в романских, но и в других индоевропейских языках и которые первоначально имели видовые значения и обозначали цель со временем, потеряли это значение, сохраняя только временное значение предшествования. Это мнение оказало решающее влияние на дальнейшее изучение вида во французском языке. По Ж. Галише, глагольные формы, выражающие вид, постепенно начали выражать прежде

всего время, а для выражения вида французский язык прибегает к внеглагольным средствам. Ж. Галише объясняет исчезновение категории вида и развитие категории времени во французском языке его тенденцией к абстракции, так как, по его мнению, вид – более конкретная категория, а грамматическое время – более абстрактная [3].

Ш. Балли говорит о грамматических способах выражения категории вида. Он различает три вида, передающиеся противопоставлением: *Passé simple*, *Imparfait*, *Passé composé*. Первое изолирует факт в прошлом и сжимает его, сводя продолжительность как бы к одной точке (*Napoléon mourut a Sainte-Hélène*), прошедшее несовершенное делает упор на продолжительность или повторение (*Paul travaillait sans cesse*), сложное прошедшее означает состояние, возникшее в результате прошлого действия (*J'ai réussi*). М. Стэп объясняет значение совершенности сложных форм присутствием прошедшего причастия (*participe passé*), которое обозначает, что действие, выраженное семантемой главного глагола, совершено. Автор соглашается с точкой зрения, согласно которой первое значение и первичная функция сложных форм – это выражение совершенности, выражение предшествования вытекает из этого значения, так как совершенность действия подразумевает, что действие осуществлялось в прошлом. Автор подчеркивает, что значение совершенности и предшествования не всегда выражены отдельно, употребление *Passé composé* не всегда соответствует тому или другому значению. Есть случаи, когда их различие нейтрализуется. Все сложные формы выражают одновременно значения предшествования и совершенности. При определении значения данной глагольной формы существенным является изучение контекстуальных условий, в которых употребляется эта форма – параллелизм глагола и наречия, содержание самого глагола, синтаксического окружения. Особенно большое значение придается семантическому и функциональному эффекту, вызванному взаимодействием значения способа действия, передаваемого внутренней формой глагола, и видового значения, выраженного грамматической формой глагола. Особый интерес представляют те случаи, когда эти значения противопоставляются. Например, т. н. перфективные глаголы (характерной чертой которых является обозначение окончания действия и у которых не определяется начальная фаза действия – *trouver*, *mourir*, *partir*) в *Présent* или *Imparfait* (дуративный вид), имперфективизируются, и их перфективное значение более или менее нейтрализуется: *Regardez! Il tombe. A minuit il mourait*. И, наоборот, значение имперфективного глагола (действие происходит, как только начинает-

ся – *lire*, *chanter*, в форме *Passé composé* или *Passé simple*) (согласно А. Клюму – недуративный вид) синтезируется, блокируется.

Некоторые лингвисты используют метод бинарных оппозиций. Согласно К. Тогебю, видовая система французского языка существует только в индикативе и подразумевает три четко отсекающиеся серии форм: 1) имперфективный вид (*Imparfait* и *Conditionnel*), окончания которого -ais, -ais, -ait, -ions, -iez, -aient; 2) перфективный вид (*Passé simple*, *Futur simple*), окончания которого в единственном числе для глаголов I спряжения -ai, -as, -a, а в остальных случаях различны; 3) нейтральный вид (*Présent*), у которого нет специально отличенных окончаний. Сходство окончаний К. Тогебю объясняет влиянием аналогии, которая, по его мнению, имеет тенденцию давать идентичные формы идентичным функциям. К. Тогебю предлагает функциональное понятие экстенсивности (*extension*). По его мнению, нужно противопоставить интенсивную морфему, область употребления которой узка, морфеме экстенсивной, которая может войти в большое число конструкций. К. Тогебю дает следующую таблицу видовой системы французского глагола:

Видовая система французского глагола

	Extensif	
Intensif	Intensif	Extensif
Perfectif	Imperfectif	Neutre

По К. Тогебю, имперфективный вид экстенсивен к перфективному, так как область его употребления шире и он может войти в перфективный контекст, а перфективный вид (*Passé simple*) несовместим с имперфективным контекстом. Для перфективного контекста типично временное ограничение, для имперфективного – обозначение повторимости.

Настоящее является нейтральным видом, способным иметь и значение перфективности, и значение имперфективности.

А. Бурже при описании глагольной системы французского языка основывается на сосюровской дифференциации синтаксических и ассоциативных отношений, значимости и значения (*valeur* и *signification*). Если язык – это система значимостей (*valeurs*) и значение (*signification*) зависит от значимости, то значимость как чисто потенциальное единство допускает в речи манифестацию различных значений, зависящих от отношений, в которых значимость находится с другими значимостями системы.

Passé simple и *Passé intérieur* занимают особое положение в глагольной системе французского языка. *Passé simple* своим употреблением располагается не на уровне остальных, простых форм, а на уровне сложных форм, а *Passé intérieur* – на уровне сверхсложных

форм. Эти формы принадлежат исключительно письменному языку. Поскольку, по мнению автора, речь идет здесь о пережитке старой системы, он исключает эти формы из своего анализа. Не рассматривает А. Бюрге и сверхсложные формы, бесспорно принадлежащие устной речи. Остальные четыре простые и четыре сложные формы автор распределяет по следующим сериям оппозиций:

1) формы без суффикса -s – формы с суффиксом -s;

2) формы без суффикса -г – формы с суффиксом -г;

3) простые формы – сложные формы

Формы без суффикса -s образуют класс неактуальный (*non inactuel*), который включает и класс неактуальный (*inactuel*), образованный формами, имеющими этот суффикс.

Суффикс -г имеет не только функцию обозначения временного отношения. Он может обозначать действие, относящееся и к прошедшему, и к настоящему, и к будущему: *Hier il a neigé, jour pris, je dois parler, je parle, j'ai parlé* (Racine, *Les plaideurs*): *J'ai fini dans cinq minutes*. То же можно сказать о других сложных временах. Данным примерам свойственно значение совершенности (*accompli*). Из основного значения легко вытекает значение предшествования. Это одна из семантических возможностей, вытекающих из значения совершенности (*accompli*).

По А. Бюрге, восемь времен индикатива входят в три серии включающих оппозиций, а каждое время имеет свою значимость:

Présent: *non inactuel, non conjecturé, non accompli*.

Imparfait: *inactuel, non conjecturé, non accompli*.

Futur: *conjecturé, non inactuel, non accompli*.

Conditionnel: *inactuel, conjecturé, non accompli*.

Parfait: *accompli, non inactuel, non conjecturé*.

Plus-que-parfait: *accompli, inactuel, non conjecturé*.

Futur parfait: *accompli, conjecturé, inactuel*.

Conditionnel parfait: *accompli, conjecturé, inactuel*.

Этими значимостями, согласно А. Бюрге, определяются все значения, которые могут иметь видовременные формы индикатива в зависимости от их позиции в речи [4].

Заключение. Итак, существуют различные способы подхода к решению проблемы вида в системе французского глагола.

При характеристике глагольной системы французского языка нельзя обойтись только категорией времени для объяснения различий между простыми и сложными формами или между *Passif simple* и *Imparfait*. Представляется удобным употребление термина «вид» (*aspect*) при характеристике французского глагола при учете следующих обстоятельств:

1) говоря о категории вида, имеющего морфологические средства выражения, нужно четко отличать вид от значения способа действия, выражающегося лексическими средствами;

2) категория вида присуща глагольным системам многих языков, однако видовые оппозиции разных языков не являются однохарактерными не только в плане выражения, но и в функционально-семантическом отношении.

Основываясь на общем определении вида как способа представления протекания действия и учитывая, что видовые оппозиции могут иметь различные значения, число которых четко не установлено [4], представляется возможность говорить о двух типах видовых оппозиций во французском языке: а) противопоставление простых и сложных форм (*je chante / j'ai chanté, je chantais / j'avais chanté*); б) противопоставление *Passé simple* и *Imparfait*.

В первом случае противопоставляются формы, выражающее действие в пределах его начала и конца (простые формы), формам, представляющим действие вне этих пределов (сложные формы).

Во втором случае противопоставляется глагольная форма, представляющая действие в глобальном виде, без выделения процесса его завершения (*Passé simple*), форме, представляющей действие, часть которого уже совершена, но другая часть все еще находится в перспективе совершения (*Imparfait*).

Литература

1. Реферовская, Е. А. Категория вида во французской глагольной системе / Е. А. Реферовская // Известия АН СССР. Отдел литературы и языка. – 1948. – Вып. 5. – С. 445–457.

2. Wortburg, V. Précis de syntaxe du français contemporain / V. Von Wortburg, P. Zumthor. – Berne, 1958. – С. 182.

3. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale / A. Meillet. – Paris, 1975. – С. 141–143, 183–190.

4. Buffin, J. M. Remarques sur les moyens d'expression de la durée et du temps en France / J. M. Buffin. – Paris, 1925.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ИНТЕЛЛЕКТА С ИНОЯЗЫЧНЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ

The article provides the analysis of the psychological literature on the interconnection of the intelligence and foreign language aptitude. The author discloses the concepts of intelligence and foreign language aptitude and presents different points of view on these issues. Success and individual identity in learning a foreign language depend upon the dominance of various components of the structure of special foreign language aptitude: psychological (personality, motivated, cognitive) and psychophysiological ones. Intelligence as one of the psychological structures of adapting to the environment determines the nature of abilities. Specific features of students with different progress in studies and with different level of foreign language skills are displayed in the development of intelligence. Students with better progress and a higher level of general intellectual development are characterised as the students with a higher level of general intellectual development.

Введение. Проблема измерения интеллекта и диагностики способностей к иностранному языку занимает особое место в психологической науке не только потому, что с нее началась психодиагностика, но и в связи со стремлением исследователей оценить возможности человеческого ума по познанию самого себя и окружающей действительности. Сегодня многие психологи обеспокоены тем, что предсказание успеваемости производится в основном с помощью IQ, интеллектуального коэффициента. Многие тесты просто рассчитаны на «разгадывание загадок», которые не всегда отражают глубину знаний тестируемого, а просто требуют особых навыков. С другой стороны, именно этим навыкам придается главное значение во многих профессиях, особенно в преподавательской деятельности.

Иноязычные способности тесно взаимосвязаны с умственными способностями индивида. Особенности процесса формирования этих способностей у студентов обуславливаются уровнем развития основных познавательных психических процессов.

Диагностика интеллекта играет важную роль в повышении качества образования, позволяет выявить отклонения в умственном развитии и, как следствие, правильно организовать педагогическую работу, специально направленную на развитие тех или иных способностей. Исследователи всегда стремились выяснить параметры интеллекта для оценки степени его развития. Например, пытались вывести закономерности между процессами, происходящими в нервной системе человека, и скоростью его реакций (Г. Айзенк, Ф. Гальтон и др.); между умственными способностями и размерами и весом головного мозга (Ф. Тидеман, М. Макдэниал и др.); между коэффициентом интеллекта родителей и детей (Дж. Ройс, М. Н. Егорова); между IQ и возрастом (А. Анастаси, Б. Г. Ананьев и др.).

По названным проблемам имеются исследования, подтверждающие данные зависимости в определении степени развития индивидуаль-

ного интеллекта, которые необходимо учитывать при нахождении дальнейших путей его развития [1].

Основная часть. Ряд ученых изначально соединяли интеллект и языковые способности, причем мнения разделялись лишь относительно ведущего компонента этой пары. Проблема интеллекта, интеллектуальных способностей, интеллектуального развития в психологии относится к числу старейших. Порой представляется, что она «вечная». Каждый, кто занимается ею, знает, что она относится к области, в которой очень трудно сказать что-либо новое, так много и давно ее подвергают исследованию. Согласно данным американских психологов, по проблеме интеллекта за последние 90 лет опубликовано свыше 900 тыс. работ. Вместе с тем, кажется, невозможно в этой области повторить лишь старое, известное, поскольку почти каждый имеет свою собственную точку зрения.

Проблема способностей к усвоению иностранных языков, тесно связанных с общими способностями и интеллектом, поиск эффективных путей развития искомых способностей в познавательной деятельности по-прежнему актуальны.

Во многом определение понятия «интеллект» зависит от того, какие задачи ставит перед собой исследователь. Учитывая последнее и принимая во внимание все точки зрения на данное явление, не претендуя на целостность определения, можно дать определение понятию «интеллект» с позиции его развития. Интеллект – способность пользоваться мыслительными операциями, адекватно воспринимать, понимать, воспроизводить и применять поступившую информацию.

Интеллект – интегральный продукт, результат умственной деятельности, формирующийся в процессе индивидуального развития личности и содержащий элементы нетривиального продуктивного мышления, многозначной логики, механизма формирования биологически и социально значимой информации.

Интеллект – это не просто статистический показатель академических достижений. Это их источник, обычно самый важный. Поэтому факт, что студенты не достигают результатов, спрогнозированных с помощью тестов IQ, может привести нас к выводу, что неуспевающие просто не работают в полную силу.

С давних пор люди мечтают научиться свободно разговаривать хотя бы на одном иностранном языке. Сейчас это особенно актуально, ведь без него, к примеру, очень трудно устроиться на интересную и высокооплачиваемую работу, да и в зарубежной поездке возникает немало проблем. Кто-то пытается научиться иностранному языку самостоятельно, кто-то посещает специальные курсы, однако достичь высот в этом нелегком деле удается далеко не всем. Дело в том, что многие люди изначально не имеют соответствующих задатков к усвоению иностранных языков, поэтому их усилия оказываются тщетными. К такому выводу пришли неврологи из Университетского колледжа Лондона, обнаружившие удивительную закономерность: у талантливых и успешных переводчиков мозг имеет несколько иную форму и структуру, нежели у остальных людей.

По мнению ученых, все зависит от количества так называемого белого вещества – чем его больше, тем лучше человек способен обрабатывать звучащую речь. Проведя компьютерную томографию головного мозга добровольцев, ученые обнаружили, что у более одаренных испытуемых в левом полушарии (а именно в зоне, ответственной за обработку речи) наблюдается большее количество белого вещества, нежели у остальных участников эксперимента. Кроме того, у наиболее способных из них четко просматривалась асимметрия в объеме теменных долей мозга – левая оказалась больше правой [2].

Теория способностей получила свою основательную методическую и теоретическую разработку в трудах таких выдающихся отечественных психологов, как Б. М. Теплов, С. Л. Рубинштейн, Н. С. Лейтес, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев и др. Согласно известному определению Б. М. Теплова, способности – это такие «индивидуально-психологические особенности», которые имеют отношение к успешности выполнения одной или нескольких деятельностей, причем они не сводятся к наличным навыкам, умениям или знаниям, но могут объяснить легкость и быстроту приобретения этих знаний и навыков» [3].

Б. М. Теплов считал, что ни способности, ни одаренность как своеобразное сочетание способностей не обеспечивают успеха, а создают только возможность его достижения. Кроме способностей необходимы и другие психологические средства – умения, навыки, мотивация и т. д. [4].

Категория «способности» относится к основным понятиям психологии и в настоящее время с ней в целом связывают индивидуальные различия между людьми в отношении достижения больших успехов при осуществлении какой-либо деятельности.

Специальная способность, которая обеспечивает овладение иностранным языком, называется иноязычной способностью. Одним из неоспоримых свидетельств наличия иноязычных способностей является тот факт, что люди различаются между собой по скорости, объему, прочности и полноте овладения новой речевой деятельностью, в частности, в процессе усвоения иностранного языка. Природа этого явления связана и с психологией, и с физиологией человека.

Если проанализировать способность человека к овладению иностранными языками на основе работ С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова и И. П. Павлова, можно сделать вывод, что развитие способностей к изучению иностранного языка должно привести к такому уровню владения им, при котором возможно общение на данном языке непосредственно, т. е. без участия родного языка. Кроме того, чтобы переводить с иностранного языка, необходимо не только знать этот язык, но и знать историю и культуру того народа, который пользуется этим языком. Многие ученые склонны считать, что способности к изучению иностранных языков в основном совпадают с общими умственными способностями. Такое утверждение, на наш взгляд, не имеет под собой научного обоснования. Вышеупомянутое утверждение относится к такому периоду, когда обучение иностранным языкам сводилось к чтению и переводу текстов, способности к которым соответственно и изучались. Понимание читаемого текста требует достаточно высокого уровня умственного развития и приближает изучение иностранного языка к другим предметам общеобразовательного цикла. В таком случае трудно было ожидать проявления специальных языковых способностей.

В дальнейшем, когда на первый план при обучении иностранному языку выдвинулось практическое владение иностранным языком, проблема существования специальных иноязычных способностей стала актуальной. Это произошло в связи с тем, что практика обучения иностранным языкам на всевозможных интенсивных курсах в США выявила значительные индивидуальные различия в обучаемости слушателей. Несмотря на то, что в ходе педагогического процесса обеспечивался достаточно высокий уровень как преподавания, так и мотивации, а обучаемые по своему речевому опыту были приблизительно равны.

Одним из перспективных путей совершенствования языковой подготовки является психологическое осмысление механизмов усвоения

иностранный язык учащимися разных возрастов, мотивации к его изучению, выявление роли общих и специальных способностей при изучении языков, их развития и совершенствования, способов формирования иноязычных речевых навыков и умений, психологическое обоснование новых эффективных технологий накопления лексического запаса.

Заключение. В педагогической психологии замечена связь уровня развития интеллекта с успеваемостью и способностями к иностранным языкам.

Для хорошей успеваемости по гуманитарным дисциплинам нужна высокая степень развития вербального интеллекта (чувство языка, речи). Если в своей профессиональной деятельности человеку в основном необходимо оперировать словами как символами, ему потребуется более высокий уровень вербального интеллекта. Уровень развития и эффективность функционирования именно данной структуры, а следовательно, связанной с ней системы операционных механизмов оказывают существенное влияние на продуктивность интеллектуальной деятельности студентов неязыкового вуза. Развитие отдельных составляющих структуры интеллекта обуславливает успешность изучения студентами учебных предметов языкового профиля.

Любое измерение интеллекта не может раскрыть все стороны и аспекты сложнейшей разумной деятельности человека. Современные тесты для измерения интеллекта достаточно широко и успешно используются психологами с целью установления имеющегося уровня развития познавательных функций у детей и взрослых, профессиональной ориентации и профессионального отбора, установления выраженности интеллектуального дефекта при некоторых психических заболеваниях.

Основываясь на работах Ч. Спирмена, Л. Терстоуна, Дж. Гилфорда, Р. Кэттелла, Ф. Вернона, можно вывести наиболее общее определение понятия «интеллекта». Это относительно самостоятельная, динамическая структура познавательных свойств личности, возникающая на основе наследственно закрепленных анатомо-физиологических особенностей нервной системы, во взаимосвязи с ними формирующаяся и проявляющаяся в деятельности, обусловленной культурно-историческими условиями, и преимущественно обеспечивающая адекватное взаимодействие с

окружающей действительностью, ее направленное преобразование [5].

Анализируя факторы интеллектуального развития, выделим генетические факторы и факторы окружающей среды. Если первые лишь закладывают базу, основу для развития интеллектуальных способностей, то вторые могут оказать на них решающее воздействие.

Интеллект исследовался традиционно в рамках двух направлений: тестологического и экспериментально-логического.

Итак, интеллектуальные способности представляют огромный интерес для различных дисциплин: педагогики, психологии, психодиагностике и др. Важность этих способностей неоспорима.

Развитие современной духовной культуры, национальной и мировой, происходит при активном участии перевода с одного языка на другой. Без этого невозможны не только взаимный обмен информацией, использование достижений науки, но и культурное сотрудничество – одно из важнейших средств, путей и условий для развития литературы, искусства, духовной культуры в целом.

Таким образом, с одной стороны, в настоящий момент расширяется число лиц, заинтересованных в изучении иностранных языков. С другой стороны, появляются новые учебные заведения по обучению иностранным языкам, где в силу ограниченности времени подготовки будущих специалистов особенно остро встает вопрос прогнозирования способностей обучающегося к овладению иностранными языками.

Литература

1. Холодная, М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / М. А. Холодная. – Томск; М., 1997. – 168 с.
2. Кинякина, О. Н. Суперинтеллект. Интенсив-тренинг для повышения IQ / О. Н. Кинякина. – М.: Эксмо, 2007. – 416 с.
3. Чудновский, В. Э. Актуальные проблемы психологии способностей / В. Э. Чудновский // Вопросы психологии. – 1986. – № 3. – С. 78–89
4. Психология и педагогика: учеб. пособие / Э. В. Островский [и др.]. – М.: Вузовский учебник, 2005. – 384 с.
5. Балакшина, Ж. А. Типы изменчивости интеллекта и личности в период их становления: дис. ... канд. психол. наук.: 10.02.03/ Ж. А. Балакшина. – СПб., 1995. – 306 с.

В. В. Царенкова, преподаватель, С. И. Шпановская, преподаватель

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

The article deals with the problem of development of students' cognitive strategies which is the key for the performance of personal development within educational model. The main advantage of the examined technology is the fact that it allows developing the capability of students for education in general, and ultimately it leads to self-organization, self-education, self-development. On the basis of this approach lies a complex of reflexive and estimating procedures contributing to conceptual self-determination of the student in his future professional and social activity. Studying the sphere of cognitive strategies of students, a range of working definitions of this concept is being used in the article, it offers the classification of strategies, methods of their studies, it determines the place of cognitive strategies in the structure of personal experience, offers the technology of goal-oriented development of cognitive strategies and describes ways and terms of it realization.

Введение. Несмотря на множество инноваций, которые внедряются в образовательный процесс, обучения по-прежнему остается ориентированным на простое развитие знаний, умений и навыков, а методы обучения – репродуктивными.

Это, в частности, связано с проекцией в дидактику взглядов Л. С. Выготского на развитие высших психических функций, формирование которых, согласно его культурно-исторической теории, происходит по принципу «внешнее во внутреннее» [1, 2].

Однако С. Л. Рубинштейн в своих работах уточняет теоретические позиции Л. С. Выготского, определяя развитие на основе принципа «внешнее через внутреннее» [3]. Он писал, что освоение человеком определенных знаний и способов действия имеет своей предпосылкой, своим внутренним условием известный уровень развития умственных способностей, в свою очередь оно ведет к созданию внутренних условий для усвоения знаний и способов действия более высокого порядка. Это означает, чтобы обучить чему-либо, необходимо прежде узнать и затем учесть то, как именно знания будут преломляться через внутренние особенности организации его личного опыта.

Основная часть. Важно отметить, что большинство сложностей в обучении возникает из-за того, что педагоги отдельно не обучают детей управлению своей учебной деятельностью.

В своей книге «Структура учения» И. И. Ильясов предлагает выделить два вида знаний: знания только о предметах и знания о предметах и действиях с ними в различных ситуациях и с различными целями [4]. Важно не только формировать предметные знания, умения и навыки, но и отдельно обучать собственно учебной деятельности, умению учиться, развивая познавательные способности, повышая обучаемость.

Практически это сложно осуществить без четкого определения структуры учебной деятельности и ее составляющих.

Согласно теоретическим идеям Л. Н. Леонтьева, любая деятельность содержит мотив, цель, действие и операции [5].

Однако с точки зрения управления учебной деятельностью недостаточно знать ее строение, но также важно понимать специфические взаимосвязи между всеми ее компонентами:

- мотивами и целями;
- целями и ключевыми действиями;
- действиями и получаемой обратной связью в процессе их выполнения;
- критериями реализации действий и получаемым результатом.

В разрабатываемой образовательной модели «Целенаправленное развитие познавательных стратегий студентов» вводится понятие познавательная стратегия. Данная образовательная модель относится к внутрисубъектной дидактике. Мы предлагаем сначала выявить внутренние особенности структуры познавательного опыта (стратегии), а затем на этой основе строить дальнейшее обучение [6].

Целенаправленное формирование данных стратегий в вузе может способствовать эффективному самостоятельному использованию познавательных стратегий, позволяющих индивиду посредством письменных иноязычных источников информации удовлетворять свои познавательные потребности в различных сферах научной и трудовой деятельности в процессе дальнейшего (само)образования и (само)развития.

Сегодня термин стратегия (образовательная стратегия, учебная стратегия, познавательная стратегия) прочно вошел в лексикон теоретиков и практиков образования без его четкого и разделяемого в психолого-педагогическом сообществе толкования.

Для более глубокого понимания, что собой представляет «познавательная стратегия», ее следует соотносить с другими уровнями познавательного опыта: способностями и познавательной деятельностью.

Эти два уровня как раз и связывают познавательные стратегии. В этом кроется причина и

объяснение. Способности базируются на стратегиях, а они, в свою очередь, являются операционально-управленческой частью деятельности. Способности являются метауровнем по отношению к уровню практических действий, представляя собой скорее результат их обобщения.

Конкретный набор и последовательность действий и операций определяют познавательную стратегию, а комплекс смежных стратегий, в свою очередь, – конкретную способность.

Под познавательными стратегиями, включающими стратегии визуального представления, группировки, трансформации, выделения главного, умозаключения и предположения, понимаются приемы преобразования и присвоения студентами исходной структуры учебного материала под действием мыслительных операций для достижения определенной познавательной цели.

Особенности стратегий чтения для учебно-познавательных целей определяются его спецификой как процесса поиска, извлечения, интерпретации и присвоения информации из иноязычного текста определенного профиля, подчиненного учебной задаче и познавательным потребностям студента, что предполагает достаточную сформированность познавательных стратегий визуального представления, группировки, трансформации, выделения главного, умозаключения, предположения (гипотезы).

Данный алгоритм включает три шага. Первый шаг определяет комбинацию мыслительных операций, лежащих в основе познавательных стратегий, применяемых в процессе чтения. Так, например, в основе познавательной стратегии «визуальное представление» лежат мыслительные операции анализа, синтеза, обобщения, сравнения и классификации; в основе познавательной стратегии «трансформация» – мыслительные операции анализа, синтеза, абстрагирования и обобщения; а «умозаключение» базируется на обобщении, синтезе, конкретизации, сравнении и абстрагировании. Второй шаг преобразования заключается в выявлении определенных мыслительных операций, которые активизирует студент в процессе чтения научно-учебных текстов на уровнях восприятия и понимания. Например, студент активизирует мыслительную операцию «абстрагирование», которая обозначает «отвлечение от несущественных признаков предметов и выделение в них основного». Третий шаг преобразования познавательных стратегий в наблюдаемые учебные действия подразумевает разработку обобщенных типов заданий для активизации каждой мыслительной операции в процессе чтения иноязычных научно-учебных текстов (см. таблицу).

Научно-учебный текст наиболее приемлем в качестве средства формирования познавательных стратегий за счет следующих характерных особенностей: 1) системности представленных

в нем определенных дисциплинарных знаний; 2) прагматической установки (передачи специальной информации с целью ее усвоения и хранения реципиентом); 3) научного стиля, требующего ясности, последовательности, точности изложения; 4) ярко выраженной структурной организацией единиц текста семантико-синтаксического и композиционного уровней; 5) многомерной связи текста с другими текстами по линиям содержания, структуры и формально-знакового выражения.

Мыслительная операция	Обобщенные типы заданий
Анализ	– <i>назовите</i> – <i>найдите соответствующие...</i> – <i>выберите</i> – <i>выделите</i> – <i>вычленили</i> – <i>определите</i>
Синтез	– <i>соедините</i> – <i>восстановите</i> – <i>изобразите графически/схематизируйте</i> – <i>сделайте вывод</i>
Сравнение	– <i>сравните</i> – <i>сопоставьте/соотнесите</i> – <i>различите</i>
Конкретизация	– <i>исследуйте</i> – <i>тщательно изучите...</i>
Обобщение	– <i>что общего между... ?</i> – <i>в чем сходство... ?</i> – <i>по какому признаку сочетаются... ?</i> – <i>перечислите сочетающиеся друг с другом...</i> – <i>дополните список</i> – <i>найдите соответствие</i>
Абстрагирование	– <i>в чем заключается основная мысль?</i> – <i>найдите главное...</i> – <i>под каким общим названием объединим... ?</i> – <i>обозначьте / подчеркните</i>
Классификация	– <i>к какому типу относится... ?</i> – <i>к чему относится... ?</i> – <i>охарактеризуйте</i>

Успешному формированию познавательных стратегий в процессе чтения иноязычных научно-учебных текстов способствует трехэтапный подход, включающий следующие этапы: 1) когнитивный, на котором происходит осознание познавательной стратегии; 2) ассоциативный, предполагающий ее формирование, т. е. соединение знания с действием; 3) автономный, в ходе которого данная стратегия автоматизируется до уровня навыка. Реализации предло-

женной методики способствуют разработанные задания, соотносимые с каждым из вышеназванных трех этапов, которые направлены на формирование познавательных стратегий в ходе работы с тщательно отобранными иноязычными научно-учебными текстами конкретной профильной направленности. Данные задания предполагают: 1) уяснение содержания знания о познавательной стратегии (в форме вводной проблемной беседы); 2) усвоение познавательной стратегии как процедурного умения (выполнение специально разработанных заданий на основе научно-учебных текстов профильной направленности); 3) контроль сформированности данной стратегии у студента [7].

В целом, в данной модели этапы организации занятия можно представить следующим образом:

- актуализация деятельности студентов, в которой проявляется познавательная стратегия;
- презентация полученных результатов деятельности;
- проверка правильности результатов;
- выявление познавательной стратегии по листу анализа или вопроснику (в парах или индивидуально);
- сравнение познавательных стратегий, коррекция и обмен их успешными элементами;
- групповая рефлексия развития познавательных стратегий;
- презентация выявленных познавательных стратегий в группе;
- обобщение познавательной стратегии и разработка рекомендаций;
- презентация выработанных рекомендаций;
- групповая рефлексия полученных результатов.

По итогам экспериментальной деятельности педагоги отмечают, что занятия, проведенные в ходе исследования, были очень полезны для студентов, так как значительно изменили стратегии учащихся. После реализации цикла уроков студентам был дан контрольный текст для пересказа. В итоге они смогли самостоятельно подготовиться к пересказу незнакомого английского текста, применяя уже изменившиеся стратегии, приобретенные в процессе данной деятельности. Качественно изменилась их учебная деятельность, так как во время пересказа студенты вносили свои изменения в текст: объединяли предложения, исключая несущественные, на их взгляд, детали, заменяли трудные слова и выражения другими, более привычными и легкими для них.

Заключение. В завершение всего вышесказанного необходимо отметить, что изучение

познавательных стратегий студентов полезно для всех участников образовательного процесса, так как студент быстро учится управлению своей учебной деятельностью, что приводит к повышению эффективности обучения. А преподаватель может целенаправленно управлять ходом обучения, более детально влиять на его результаты, реализовывать индивидуальную образовательную траекторию. Важно заметить, что выявление индивидуальных познавательных стратегий является одновременно условием и средством эффективного управления учебной деятельностью студентов.

В целом, выявление и развитие познавательных стратегий приводит к следующим результатам и эффектам:

- пониманию того, как думает и действует индивид в ходе учебной деятельности;
- учету в образовательном процессе его индивидуальных стратегий и особенностей организации личностного опыта;
- обеспечению эффективного управления его учебной деятельностью;
- передаче управления учением в «руки студента»;
- развитию многоуровневой рефлексии у обучаемого;
- повышению успешности обучения;
- развитию культуры самообразования;
- разработке принципов и методов построения внутрисубъектной дидактики;
- проектированию на основе универсальных стратегий образовательных макро- и микро-технологий;
- повышению психолого-педагогической культуры и мастерства преподавателя;
- перестройке содержания и технологий профессиональной подготовки преподавателя.

Литература

1. Выготский, В. Н. Педагогическая психология / В. Н. Выготский. – М.: АСТ, 2005.
2. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1973.
3. Гальперин, П. Я. Лекции по психологии / П. Я. Гальперин. – М.: Издательство МПСИ, 2002.
4. Ильясов, И. И. Структура процесса учения / И. И. Ильясов. – М.: Московский университет, 1986.
5. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Академия, 2004.
6. Плигин, А. А. Познавательные стратегии школьников / А. А. Плигин. – М., 2007.
7. Плигин, А. Л. Личностно-ориентированное обучение английскому языку / А. Л. Плигин. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005.

РЕФЕРАТЫ

УДК 502.1(100)

Полуян, И. В. **Экологическая ситуация в современном мире и экологическая политика** / И. В. Полуян // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 3–5.

Перед современным человеком стоит целый ряд глобальных проблем, справиться с которыми он пока не может. В результате ситуация в данной области с каждым годом становится все более сложной. Главной причиной такого положения представляется то, что человечество (и прежде всего его властные структуры) пока не осознают всей сложности и опасности такой ситуации. Экологическая угроза ныне столь велика, что с полным основанием может быть поставлена рядом с опасностью ядерной войны. Главная задача экологической политики – устранить эту угрозу.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 94 (476)«1920/30»:321.1

Жарина, Л. В. **Национальные отношения в БССР в 1920–30-е гг.** / Л. В. Жарина // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 6–8.

В статье показана значимость учета состояния национальных отношений в стране, особенно в такой многонациональной, как Беларусь. Исследуется государственная политика по разрешению национальных проблем начиная с Октября 1917 г. Освещается процесс совершенствования межнациональных отношений различными средствами. Нашли отражение как положительные, так и отрицательные тенденции в этом направлении, а также отмечена трансформация национальной политики в ходе строительства социализма и в результате изменения международных отношений.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 37.016:502-021.142.5

Борисевич, А. Р. **Экологическое образование и воспитание в современном понимании** / А. Р. Борисевич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 9–11.

В статье раскрываются подходы к реализации идей устойчивого развития в системе непрерывного экологического образования. Экологическое образование приобретает статус интегрирующего фактора образования в целом, в котором следует выделить: а) получение глубоких знаний об основах устойчивого развития общества и природы; б) формирование экологического сознания личности. Автором разработана система непрерывного экологического воспитания в вузе, в центре которой находится личность, обладающая независимостью в своих мнениях, поступках, строящая свои отношения с окружающей средой на основе понимания ее целостности. В статье также проанализированы идеи нового качества экологического образования за последние 20 лет, разработанные белорусскими учеными.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 378.017:17-057.875

Каленникова, Т. Г. **Формирование ценностных ориентаций у студентов технического вуза** / Т. Г. Каленникова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 12–14.

В статье раскрываются возможности курса «Основы педагогики и психологии» для формирования ценностных установок личности. Затрагиваются вопросы самовоспитания и самосовершенствования личности студента в условиях технического вуза. Приведены примеры формирования волевых качеств личности, патриотизма, целеустремленности, а также примеры изучения отдельных тем курса на семинарских занятиях с использованием богатейшего материала работ Д. С. Лихачева, Л. М. Толстого, А. С. Чехова, которые побуждают студента задуматься над собственными качествами личности. Показаны фрагменты методик формирования у студентов положительного отношения к жизненным ценностям.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 159.942.53:316.62

Александрович, А. П. **Основные виды и функции массовых настроений** / А. П. Александрович // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 15–17.

В статье отражается история возникновения и развития массовых настроений. В частности, дана классификация по степени массовости, уровню эмоциональности, наличию действенного компонента. По социологическим основаниям также рассматриваются социальные группы с их многообразными характеристиками и особенностями образа жизни. Социально-экономические основания типологии настроения – это характер экономических требований и степень их удовлетворенности у тех или иных социально-экономических слоев общества, испытывающих те или иные настроения. Рассмотрены психологические аспекты управления массовым настроением.

УДК.378.015.3:005.32-057.875

Александрович, П. И. **Формирование мотивации познавательной деятельности у студентов** / П. И. Александрович // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 18–20.

В статье отражена проблема формирования мотивационной сферы личности современного студента. Дается анализ подходов ученых и педагогов, которые занимались изучением мотивации познавательной деятельности. Показаны противоречия, в частности: а) между принятием теории личностного развития как одной из центральных в методологии педагогической психологии и отсутствием адекватной теории мотивационной сферы личности; б) между признанием влияния мотивационной сферы на становление личности и недостаточным вниманием теоретических и практических проблем в мотивационной сфере личности и конкретных сферах деятельности; в) между изменяющейся мотивационной сферой личности студента в современных условиях общественного развития и отсутствием теории, позволяющей понять истоки этих изменений. Рассмотрены пути формирования сознательности в обучении студентов. Уделено внимание уровням и признакам мотивации, нравственно-психологическому содержанию, а также динамическим свойствам мотивации. Показаны пути, методы и виды формирования интереса к учебной деятельности.

УДК 316.323

Водопьянов, П. А. **Глобальный эволюционизм как новая парадигма современной науки** // П. А. Водопьянов // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 21–23.

В статье прослежены истоки формирования диалектики как учения о развитии, дано обоснование идеи развития в естествознании, раскрыто содержание концепции глобального эволюционизма на основе достижений общей теории систем, синергетики, эволюционной космологии. Особое внимание уделено анализу концепции глобального эволюционизма как новой парадигмы современной науки, способной выполнить функции основы междисциплинарного синтеза.

УДК 165.191:167.7

Бурак, П. М. **Ноосферный конструктивизм в современном научном познании** // П. М. Бурак // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 24–27.

В статье разрабатывается недостаточно изученная проблема формирования различных уровней и направлений ноосферного конструктивизма. Под ноосферным конструктивизмом понимается метод творческого создания ноосферной реальности в абстрактно-теоретической форме и практической целерациональной деятельности, а также гносеологический вектор генерирования соответствующих систем знания, на основе познания закономерностей воспроизводства природных и социальных явлений и их коэволюционных связей. К типам (формам) ноосферного конструктивизма, выявленным в работе, отнесены: релятивный конструктивизм, экологический конструктивизм, ретроспективный конструктивизм, трансграничный конструктивизм, бинарный к конструктивизм, мегациклический конструктивизм, глобально-эволюционный конструктивизм.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 159.9

Сидоренко, И. Н. **Альтернативные модели модернизации** // И. Н. Сидоренко // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 28–30.

В данной статье анализируется как классическая теория модернизации, так и альтернативные модели модернизации. В статье отмечаются недостатки классической теории модернизации и раскрываются причины ее низкой эффективности для объяснения социальных трансформаций современного общества. В качестве наиболее адекватной и эффективной формы развития белорусского общества указывается локальная или национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации, а также отмечается необходимость консолидации восточнославянских народов.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 316.334.52

Никулина, Ю. В. **Теоретико-методологические подходы к исследованию города** // Ю. В. Никулина // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 31–33.

Статья посвящена анализу различных теоретико-методологических подходов к исследованию городов, в частности, особое внимание уделяется теоретико-методологическим разработкам Чикагской социологической школы. Осуществлен экскурс в историю развития теоретических интерпретаций и методологических подходов к изучению города. Показана неоднозначность трактовок и подвижность представлений о движущих силах развития городов в истории социальной философии и социологии. Проанализированы основные современные теории и научные школы, осуществляющие городские исследования.

Библиогр. – 6 назв

УДК 316.42+316.32

Шахов, Н. П. **Глобализация и основные методологические подходы анализа стратификации в Российской Федерации** // Н. П. Шахов // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 34–36.

Основная цель статьи – проанализировать основные методологические подходы анализа стратификации в Российской Федерации и дать общую оценку состоянию российского общества в контексте глобализации. Сравнивается социально-классовая структура российского общества накануне и после процесса рестройки. Делается вывод о том, что ориентация российского руководства на западные образцы, а также реалии глобализации порождают значительное социальное неравенство. Отмечается, что стратификационная система России по-прежнему находится на стадии формирования. Следствием данной ситуации является отсутствие в российской социологии единой методологической базы стратификационного анализа. Делается вывод о том, при выявлении расслоения общества должны учитываться как объективные, так и субъективные факторы.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 316+351:614.8

Карпиевич, В. А. **Методологические подходы к определению принципов государственного управления в чрезвычайных ситуациях** / В. А. Карпиевич // Труды БГТУ. Сер.V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 37–39.

В статье раскрываются основные подходы к формулированию принципов государственного управления в чрезвычайных ситуациях. Важной задачей органов государственного управления в области чрезвычайных ситуаций является подготовка населения к действиям при их возникновении. Поэтому деятельность органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям базируется на определенных принципах. К ним следует отнести следующие принципы: эффективности, превентивности, плановости, оперативности, принцип «ненулевого» риска, конкретности, комплексности, разделения труда, креативности и др. Комплексное и всестороннее использование всех принципов государственного управления является залогом успешной защиты населения и объектов от чрезвычайных ситуаций различного характера.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 346

Сергеева, Е. М. **Аспекты правового регулирования государственной молодежной политики в Республике Беларусь в обеспечении права на труд** / Е. М. Сергеева // Труды БГТУ. Сер.V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 40–42.

Молодежь является такой группой общества, которая вовлечена во все без исключения социальные процессы либо непосредственно, либо через свою семью. Духовные ценности молодежи, ее взгляды и нравственный облик оказывают все более заметное влияние на общество, на политические и общественные программы, на экономические процессы. Поэтому государственная молодежная политика является одним из важнейших направлений социально-экономического развития Республики Беларусь. Особое внимание государство уделяет подготовке молодых специалистов, созданию благоприятных условий для их успешной самостоятельной работы в организациях всех отраслей народного хозяйства. Молодые специалисты – наиболее динамичная часть общества.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 323.1(=161.1)

Сокольчик, В. Н. **Проблема национально-культурной самоидентификации в условиях глобализирующегося мира** / В. Н. Сокольчик // Труды БГТУ. Сер.V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 43–45.

Актуализация этнонациональных проблем в современном мире выступает как ответ на процессы глобализации, как проявление неоднородности цивилизаций. Чем сильнее «вызовы» глобализации, тем с большей настойчивостью народы стремятся сохранить свою культуру, язык, религию и традиции. Поэтому так остро сегодня стоят проблемы национально-культурной идентичности. В подобной ситуации необходима новая стратегия развития национальных культур, способная интегрировать в процесс глобализации общечеловеческое и этническое, обеспечить право народов на культурную и цивилизационную самобытность.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 130.2:2-42

Севостьянова, Н. Г. **Философская антропология: конфликт интерпретаций** / Н. Г. Севостьянова // Труды БГТУ. Сер.V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 46–48.

В статье рассматриваются базовые установки философской антропологии в компаративном анализе и в условиях глобализации в пользу концепций о духовной сущности человека. Обоснованию данного тезиса препятствуют три затруднения: микширование глобального и локального в духовной культуре, перформативный поворот в антропологии, нормы конфликта интерпретаций. В итоге показано, что понятие сущности человека не может быть выведено логически. Оно может быть дедуцировано из представлений о духе как качественно ином состоянии общественного и личного бытия, в котором сущность предшествует существованию. В этом случае естественные противоречия человека и концепции антропологии находят опору в духовных ценностях семьи, национального государства и его традиций.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 32.01+111.1+1(44)

Оришева, О. Ф. **Философия события А. Бадью** / О. Ф. Оришева // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 49–51.

Статья посвящена проблематике события в современной философии и, в частности, в философии Алена Бадью. Подчеркивается, что обращение к теме события симптоматично, так как иллюстрирует стремление философии XX в. к практической значимости, осмыслению «живого» экзистенциального и политического опыта. В статье описывается контекст формирования французской философии события (Ж. Рансьер, К. Лефор, А. Бадью), которая является ответом на проблематизацию события Великой Французской революции в работах историков «ревизионистского направления» (Ф. Фюре, Д. Рише, М. Озуф). В данной связи рассматриваются главные положения концепции А. Бадью и ее основные понятия, такие как «ситуация», «счет за единицу», «состояние ситуации», «событие», «субъект события» и др. Учитывая неопределенность онтологического статуса события, делается вывод о том, что его утверждение представляет собой не столько результат научного описания исторической ситуации, сколько результат политического по своей сути выбора в пользу события.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 101.1:316.422.44

Солодкая, Е. А. **Социальное управление как средство перехода к устойчивому развитию** / Е. А. Солодкая // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVI. – С. 52–54.

В статье анализируется социальное управление как средство реализации стратегии устойчивого развития. Определяются ключевые характеристики социального управления – целенаправленность и иерархичность. Целью изменения современных обществ в статье выступает устойчивое развитие. На основе анализа характеристик социального управления выделяются его модели. Рассматриваются основные отличия «органической» и «конструктивистской» модели социального управления. Показана эффективность «конструктивистского» управления при переходе к устойчивому развитию.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 1:281.9(476)

Кожич, Н. М. **Специфика миссионерской деятельности православной церкви в современных условиях** / Н. М. Кожич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 55–57.

В статье представлена эволюция православного миссионерства от христианизации Руси до настоящего времени. Отмечается специфика современного миссионерства. Его особенность заключается в том, что церковные деятели не ставят главной задачей обратить в православие всех людей. Церковными деятелями современной православной церкви акцентируется внимание на пропаганде традиционных ценностей с целью противостоять явлениям духовного кризиса и решить актуальные проблемы общественной жизни в Республике Беларусь.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 346

Максименко, Е. В. **Охрана объектов интеллектуальной собственности в законодательстве Республики Беларусь** / Е. В. Максименко // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 58–60.

В настоящей статье рассматриваются вопросы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь. Проводится анализ норм законодательства в части установления средств защиты таких прав, гарантий их соблюдения. Рассматриваются гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые средства защиты объектов интеллектуальной собственности, предусмотренные отдельными нормами законодательства Республики Беларусь. Данные положения анализируются с учетом установленных международными соглашениями международных стандартов.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 343.353

Бородко, Н. П. **Коррупция и ее общественная опасность** / Н. П. Бородко // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 61–63.

В статье на основе анализа антикоррупционных конвенций ООН, Совета Европы, ратифицированных Республикой Беларусь, национального законодательства рассматриваются понятие, структура и характер такого негативного социального явления, как коррупция. Акцентируется внимание на общественной опасности коррупционных преступлений. Дается авторский комментарий и критический анализ отдельных норм и положений об ответственности за коррупционные правонарушения.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 37.013:504

Самерсова, Н. В. **Эколого-гуманитарная образовательная парадигма как основа формирования экологической культуры личности** / Н. В. Самерсова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 64–66.

В статье раскрыто содержание эколого-гуманитарной образовательной парадигмы, показана ее роль и значение в формировании экологической культуры личности и новой системы экологических ценностей. Осуществлен анализ состояния экологического образования в системе общеобразовательных и социокультурных учреждений Республики Беларусь. Показана необходимость формирования новых мировоззренческих ориентаций во взаимоотношениях человека и природы в современных условиях.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 17.023.33:316.412

Лазаревич, Н. А. **Инновационный потенциал биоэтики в развитии современного общества** / Н. А. Лазаревич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 67–69.

В статье показано, что формирование современной биоэтики связано с наиболее актуальными проблемами социокультурного развития на рубеже XX–XXI вв., которое осуществляется в процессе конфликта между философско-этическим и научно-практическим знанием, связанным, как правило, с инновационными технологиями в области биологии. Подобные новации носят двойственный характер и являются не только технологией практической деятельности создания тех или иных общественных продуктов, но и социальной технологией, нацеленной на формирование новых этических ценностей.

В проблемном поле биоэтики можно выделить две группы этических проблем: 1) защита природы и окружающей среды (в частности, охрана животных и растений, производство генетически модифицированных организмов); 2) защита прав человека на жизнь и здоровье при его соприкосновении с медико-биологическими воздействиями или манипуляциями. Интерес общества привлекают такие проблемы биоэтической этики, как отношения между пациентом и врачом, права пациента, этические проблемы трансплантации органов, искусственного воспроизводства (экстракорпорального оплодотворения, суррогатного материнства, клонирования), этические проблемы поддержания жизни умирающего, эвтаназии.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 57:1

Подручный, М. В. **Философский анализ методологических оснований изучения биосоциальной эволюции человека** / М. В. Подручный // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 70–72.

В статье рассмотрено взаимодействие понятий и принципов биологического эволюционизма с общекультурными идеями биосферы, ноосферы, коэволюции, раскрыты мировоззренческие аспекты методологических трансформаций современного биологического эволюционизма, выявлен эвристический потенциал синергетического подхода к решению проблем глобального эволюционизма. Обоснован синтетический характер социобиологического знания, обозначены основные принципы традиционной социобиологии.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 346

Кулис, Л. А. **Защита интеллектуальной собственности** / Л. А. Кулис // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 73–75.

Любое субъективное право имеет ценность для его обладателя только в том случае, если оно может быть защищено от посягательств других лиц. Обладатели исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности могут использовать разнообразные правовые способы их защиты. Исключительные права на интеллектуальную собственность могут быть защищены средствами уголовного, административного и гражданского права. Выбор конкретной меры, с помощью которой осуществляется восстановление нарушенных или признание оспариваемых прав и воздействие на нарушителя, зависит от вида объекта интеллектуальной собственности, содержания права и пределов его осуществления.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 088

Криворотько, В. В. **Инновационные аспекты интеграционного мышления в условиях глобализации** / В. В. Криворотько // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 76–78.

В статье предпринят методологический, эпистемологический анализ некоторых инновационных аспектов интеграционного мышления в условиях глобализации. Основной задачей исследования является переосмысление места и роли нелинейных (вероятностных) характеристик развития в совершенствовании методологии интеграционного мышления. Обозначены основные принципы, категории и законы интеграционного мышления, выявлена эвристическая роль данного типа мышления в условиях трансформации науки.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 577.1:1

Карканица, О. А. **Нравственные аспекты биологической и социальной евгеники** / О. А. Карканица // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 79–82.

В данной статье автор анализирует феномен «вульгарного евгенизма», определяя исторические и социально-политические условия, при которых инициировались процессы имморализации выбора и применения

средств евгенического вмешательства. Автор приходит к выводу, что сущность угрозы возрождения вульгарного евгенизма связана с возможностью подмены понятий, которая уже имела место в контексте двух исторических форм евгеники, возникших на авторитарной основе: евгенически оправданная цель («хорошая наследственность») отождествлялась с чистотой расы (нации или класса), евгеника – с «расовой гигиеной», принудительная эвтаназия выступала эквивалентом геноцида.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 316

Зенькович, В. А. **О совершенствовании административной ответственности за невыполнение обязанностей по воспитанию детей** / В. А. Зенькович // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 83–85.

В статье анализируются положения и нормы действующего законодательства, предусматривающие административную ответственность родителей или лиц, их заменяющих, за невыполнение обязанностей по воспитанию детей. Проанализированы тенденции формирования национальной программы по защите прав детей. Дан сравнительный анализ национального международного законодательства в указанной сфере социальных отношений. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 318:1

Бусько, И. В. **Перспективы культурно-цивилизационной самоидентификации восточнославянских народов в условиях глобализации** / И. В. Бусько // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 86–88.

В статье рассматриваются возможные варианты культурно-цивилизационной самоидентификации восточнославянских народов в условиях глобализации, одним из которых является утрата цивилизационной самостоятельности, другим – стратегическое самоутверждение в виде особой цивилизации. Проанализированы факторы, обусловившие возможность становления восточнославянской цивилизации, духовная самостоятельность которой задана идеалами православной традиции.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 502. 131.1

Габинская, А. А. **Концепция устойчивого развития общества в контексте глобализации** / А. А. Габинская // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – XVII. – С. 89–91.

Современные реалии свидетельствуют о том, что вектор мировой динамики, несмотря на принятие большинством стран концепции устойчивого развития, продолжает сохранять ориентацию на глобализацию как парадигму мирового развития. Закономерным же итогом глобализации является закрепление существующей социально-экономической дифференциации стран и обеспечение возможности использования природных ресурсов в интересах ограниченного количества высокоразвитых государств, так называемых стран «золотого миллиарда».

Совершенно иная идея заложена в концепции устойчивого развития. Это в первую очередь экологические цели, достижение которых возможно на основе сохранения целостности экосистем, а также достижение разумной сбалансированности социально-экономического развития человечества и сохранение окружающей среды. В этом контексте глобализация и устойчивое развитие выступают как альтернативные концепции развития.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 101.1:316

Марук, А. Н. **Этноконфессиональный фактор в генезисе и развитии техногенной цивилизации** / А. Н. Марук // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 92–94.

В статье раскрывается мысль, что в основе современной техногенной цивилизации лежит уникальный социокультурный код, сущность которого составляет мировоззренческая установка на преобразование окружающего природного и социального мира в соответствии с целями и потребностями действующего субъекта. Содержание данной установки определяется такой аксиологической доминантой западной культуры как посюсторонне-ориентированный рационально-индивидуалистический активизм. Утверждается, что данная специфика мировоззренческой матрицы техногенной цивилизации сформировалась под влиянием синтеза уникальной модели этнической адаптации германо-романских народов к внешней природной и социальной среде с религиозными установками западно-христианских конфессий – католицизма и протестантизма. Аргументируется мысль, что вступление техногенной цивилизации в стадию потребительского гедонизма и связанного с ним системного кризиса обусловлено утратой религиозного измерения социального бытия и функционированием капитализма исключительно на основе механизма самодетерминации, ориентированного на максимальное извлечение прибыли.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 101.1:316

Трафимович, Д. А. **Исторический опыт и возможности его использования в процессе социального выбора** / Д. А. Трафимович // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 95–97.

Статья посвящена анализу проблемы влияния социальной памяти и социального опыта на формирование и реализацию определенных вариантов исторического развития. Решение проблемы конфликта культур в современном мире предполагает выбор оптимальных стратегий взаимодействия различных обществ на основе диалога и эффективного обмена опытом.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 130.2:008

Овчинникова, Н. Н. **Интеркультуралистское направление американских исследований и его структура** / Н. Н. Овчинникова // Труды БГТУ. Сер.V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 98–100.

В настоящее время межкультурная проблематика получила широкое распространение и доказала высокую актуальность в различных национальных социогуманитарных традициях, в том числе и в отечественной. В этой связи возникает необходимость критического осмысления межкультурной коммуникации как исследовательского направления и, прежде всего, его теоретическая реконструкция в исходной, а именно, американской традиции. При этом для адекватности результатов анализа особо значим учет культурной специфики исследовательской традиции, в которой данное направление сформировалось, и в то же время в рамках которой осуществляется его концептуализация. Поэтому нами используется аутентичная объекту рассмотрения методология, делающая возможным такой учет. В данной статье анализируются структура направления, его институционализация и прикладная значимость.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 008

Радюк, Ю. Н. **Роль культуры в системе коммуникации** / Ю. Н. Радюк // Труды БГТУ. Сер.V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 101–103.

В данной статье культура рассматривается как система социальных отношений и ценностей, сформировавшихся в ходе антропогенеза и являющихся фактором формирования социальных систем и личностей в них.

Коммуникация анализируется как социальное явление, состоящее из трех стадий (концепция Дж. Мида), выделяются ее функции. Определяются взаимоотношения культуры и коммуникации. Коммуникация является средством передачи норм и ценностей, и поэтому неотделима от самой культуры. Культура, в свою очередь, воспроизводима и поддерживается только в ходе коммуникации.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 141.81

Асабина, Т. Ю. **Утопия в исторической перспективе** / Т. Ю. Асабина // Труды БГТУ. Сер.V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 104–106.

Статья посвящена рассмотрению судьбы феномена утопии в современности. Анализируется проблема влияния утопической мысли на социально-политическую практику. Описываются пути элиминации (преодоления) утопии и политического мифотворчества из общественно-политической действительности. Утопия способна оказывать как негативное, так и позитивное воздействие на современную социально-политическую жизнь. Знание природы утопизма позволит избежать неправильных политических решений и социальных трагедий. Понимание действительной роли утопии в общественной практике позволит сформировать новую культуру принятия политических решений в рамках новых духовных ориентиров, направленных на формирование социальной ответственности.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 124.51:316.42

Бородич, А. А. **Место ценностей в структуре социального действия** / А. А. Бородич // Труды БГТУ. Сер.V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 107–109.

В статье раскрыта через систему родственных понятий сущность социального действия. Выделены основные его структурные элементы – субъект, объект, условия, цель, средство, операция, процедура – и описаны их свойства. Установлена связь социокультурных ценностей с ключевыми элементами в структуре социального действия. Определен механизм аксиологической детерминации человеческих действий. Выявлены и охарактеризованы основные функции ценностей в системе социальных действий.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 9(476)«1917/18»:355(470)

Семенчик, Н. Е. **Российская армия и жители Беларуси на изломе первой мировой войны** / М. Я. Семенчик // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 110–113.

В статье освещается положение в прифронтовой Беларуси с начала 1917 и до конца 1918 гг. Опровергаются досужие утверждения о якобы катастрофическом положении экономики Беларуси до Февральской революции, популярности большевиков у белорусского населения до Октябрьской революции и другой политизированный вымысел. Характеризуется морально-политическое состояние жителей. Рассматриваются настроения и поведение солдат в вопросах о целесообразности продолжения боевых операций после Февраль-

ской и Октябрьской революции. Показывается пагубность политики большевиков, вызвавшей гражданскую войну, довершившей развал российской армии и обрекшей белорусский народ на новые жертвы в 1918 г.

Библиогр. – 22 назв.

УДК 94(476).084«364»

Козляков, В. Е. **Стрекопытовщина** / В. Е. Козляков // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 114–117.

В статье раскрываются причины, ход и последствия мятежа солдат отдельных красноармейских частей, выступивших против советской власти в Гомеле в марте 1919 г. Руководил восставшими бывший офицер царской армии Н. Стрекопытов. Делается вывод, что трагические события в Гомеле в марте 1919 г. – явление типичное для гражданской войны в России. В ней проявились разные тенденции: ошибки и упущения новой власти, стихия определенных слоев не считаться ни с какой властью, провокационные интриги и открытые домогательства приверженцев старого строя, не оставлявших надежд вернуть утраченные привилегии, противоречия между партиями социалистической ориентации, оказавшимися в силу ряда обстоятельств по разные стороны баррикад. Но нельзя не признать очевидную закономерность: подавляющая часть трудового населения, даже при неоднозначном отношении к конкретным функционерам советской власти, в итоге эту власть поддержала, поскольку убеждалась, что за лозунгами «демократии и свободы» скрывались явные намерения помещичье-предпринимательской элиты вернуть привилегированное положение.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 947.6.045

Доморад, А. А. **Земельные отношения между шляхтой и государством в Великом княжестве Литовском в XIII–XVI вв.** / А. А. Доморад // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 118–121.

В статье рассматривается эволюция прав шляхты на земельные владения в Великом княжестве Литовском и их связь с военной повинностью. Прослеживаются нормы военной службы, их эволюция в государственном законодательстве и связь с видом собственности на землю. Важное место в статье уделяется практике перехода земельной собственности из пожизненной в частную (наследуемую). Подчеркивается, что стремление шляхты к полному распоряжению своими именными связано с движением по ее законодательному уравниванию с аристократией, а шаги государственной власти навстречу таким стремлениям – с необходимостью обеспечить обороноспособность страны.

Библиогр. – 16 назв.

УДК 94(476)«14/15»

Казаков, А. В. **Эмигранты из русских земель в Великом княжестве Литовском (середина XV – 30-е гг. XVI вв.): социальный состав** / А. У. Казаков // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 122–125.

Статья посвящена вопросу социальной дифференциации массы эмигрантов из числа знати русских земель, которые переселились в Великое княжество Литовское в период со середины XV до конца 30-х гг. XVI вв. Среди эмигрантов были представлены различные категории знати. Их масса делится на две количественно неравные группы: титулованная и нетитулованная знать. Первая группа состоит из великих, удельных и служилых князей. Вторая, более многочисленная, подразделяется (с некоторой долей условности) на боярскую аристократию и детей боярских.

Библиогр. – 21 назв.

УДК 930(476)«1850/19»-028.79

Крючек, П. С. **Либеральное направление в белорусской историографии во второй половине XIX – начале XX вв.** / П. С. Крючек // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 126–128.

В статье рассматривается процесс становления белорусской исторической науки во второй половине XIX – начале XX стст. В этот период в белорусской историографии выделяется три направления – официально-клерикальное, либеральное и национально-демократическое. В статье показано, что именно представители либерального направления впервые научно опровергли официально-клерикальную концепцию истории Беларуси и, тем самым, заложили фундамент для формирования национально-демократического направления в белорусской историографии.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 271.22(476)

Восович, С. М. **Библиотечная деятельность православных братств Беларуси в 1865–1914 гг.** / С. М. Восович // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 129–132.

Статья посвящена деятельности православных братств Беларуси по созданию и развитию библиотек в 1865–1914 гг. Ими было создано несколько типов просветительских учреждений: епархиальные, уездные, приходские, уличные и даже тюремные. Больше всего библиотек при поддержке братств появилось в восточ-

ной Беларуси. Рассматриваются региональные отличия в братской библиотечной деятельности. Делается вывод о том, что братства создавали библиотеки с целью укрепления позиций Русской православной церкви и русской культуры в Беларуси.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 94(476)«1850/19»:323.3-051

Острога, В. М. **Формирование учительства как социальной группы (вторая половина XIX – начало XX вв.)** / В. М. Острога // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 133–136.

В статье отмечается, что значительную часть интеллигенции Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. составляло учительство. Рассматривается возрастной, половой, социальный и национальный состав учительского корпуса начальных и средних учебных заведений, изучается тенденция его изменения. Делается вывод, что недостаточный уровень педагогического образования, молодой возраст, незначительный стаж работы – основные черты, которые характеризовали учительскую интеллигенцию того времени. На протяжении всего рассматриваемого периода чувствовался острый недостаток педагогических кадров для стремительно растущих нужд народного образования Беларуси.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 745/749(091)(476)«19»

Наркевич, Н. И. **Развитие декоративно-прикладного искусства Беларуси в начале XX в.** / Н. И. Наркевич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 137–139.

Статья освещает сложные, неоднозначные процессы, которые переживает декоративно-прикладное искусство Беларуси в начале XX в. Для Беларуси того периода был характерен недостаток утилитарно-художественных изделий промышленного производства, что вызвало возрождение традиционных промыслов и интерес к народным истокам декоративно-прикладного искусства. Важным этапом в его развитии этого вида искусства стала подготовка кадров профессиональных художников, а также попытка создания учебного заведения для подготовки специалистов в области декоративно-прикладного искусства.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 94(476)«1914/19»:323.329

Дедуля, П. В. **Первая мировая война и интеллигенция Беларуси** / П. В. Дедуля // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 140–142.

В статье раскрывается трагедия Беларуси в годы Первой мировой войны, унесшей жизни сотен тысяч людей, изгнавшей свыше 1 млн. жителей в беженство. Последствия империалистической войны были бы еще более трагическими, если бы не самоотверженная деятельность национальной интеллигенции, которая с растущим чувством патриотизма работала в беженских комитетах, детских приютах, оказывала помощь больным и раненым, создавала рабочие места для нуждающихся, открывала школы, где обучение велось на родном языке. Интеллектуальная элита, прогнозируя будущее Беларуси, информировала европейские народы о бедах своей родины, просила поддержки у них в строительстве собственного государства.

Библиогр. – 14 назв.

УДК 94(476)«1917»

Рыжанков, И. М. **Главный и губернские земельные комитеты на завершающем этапе подготовки аграрной реформы: по материалам Беларуси** / И. М. Рыжанков // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 143–146.

В статье освещается деятельность Главного и губернских земельных комитетов в направлении подготовки аграрной реформы во второй половине 1917 г. Рассматривается важность и неоднозначность решения аграрного вопроса, существование полярных по своему содержанию партийных аграрных программ России. На белорусском материале раскрываются особенности аграрной политики кабинетов министров Временного правительства. Показывается место аграрного вопроса на фоне событий Октябрьской революции. Статья выполнена с использованием архивных материалов, мемуарных работ и результатов авторских исследований.

Библиогр. – 22 назв.

УДК 947.6.«18/19»

Стебурако, В. Н. **Трансформация органов власти после Февральской революции 1917 г. в Беларуси** / В. Н. Стебурако // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 147–150.

Статья посвящена основным направлениям деятельности Временного правительства по ликвидации самодержавных государственных институтов власти (полиции, жандармерии, земских начальников, губернаторов). Рассматриваются главные проблемы на пути создания новых демократических структур – общественных комитетов, комиссариатов и органов охраны правопорядка в белорусских губерниях в первые месяцы Февральской революции 1917 г. Кроме того, уделяется внимание взаимоотношениям военных вла-

стей с новыми гражданскими институтами Временного правительства, их роль в жизни прифронтовых районов Беларуси весной 1917 г.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 947.6.«18/19»

Стебурако, В. Н. **Деятельность российских военных властей накануне и в первые месяцы Февральской революции 1917 г. в Беларуси** / В. Н. Стебурако // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 151–154.

В статье рассматриваются особенности и порядок управления прифронтовыми территориями Беларуси в период Первой мировой войны. Уделяется внимание ограничительным законам военного времени, основным проблемам взаимоотношений армии и тыла. Рассматривается деятельность российского военного командования накануне и во время Февральской революции и определяется роль и место военных властей в демократических преобразованиях, вызванных революционными событиями февраля 1917 г. Особое внимание уделяется роли армии в процессе становления нового демократического строя Временного правительства.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 008(091)(476)«1920/1930»

Якуш, Н. М. **Революционная и пролетарская культура Советской Беларуси в 1920–30-е гг.: идейная основа и творческие поиски** / Н. М. Якуш // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 155–158.

В статье рассматриваются проявления революционных идей в сфере искусства и литературы в период становления белорусской советской культуры. Отражена борьба между реалистическим искусством, носителями идей «производственного искусства» и приверженцами радикальных левых течений, которая выливалась в творческие поиски и экспериментальный модернизм.

Проведен анализ тех идей и принципов, которые заложили основы белорусского литературоведения, рассматривающего литературу как специфическую форму духовной жизни. Обозначены теоретические расхождения между представителями формальной школы, псевдореволюционных концепций, социологического метода и левовского нигилизма.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 321.013:314.151.3(091)«1920»(=161.3)

Райченко, А. А. **Подходы представителей белорусского зарубежья к вопросу о воплощении белорусской государственности в середине 20-х гг. XX в.** // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 159–162.

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с представлениями различных белорусских эмигрантских групп о проблемах дальнейшего развития белорусской государственности. Анализируется их политическая ориентация на те или иные государства с целью реализации своих интересов. Кроме этого, рассматриваются действия руководства СССР и БССР, направленные на ликвидацию организационных структур БНР за границей, их цели и тактика по данному вопросу, их программные установки и основные направления политической борьбы, а также реакция на эти действия представителей белорусской эмиграции.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 94(476)«1920/1924»:329.7

Денисов, А. В. **Добровольные общественные организации в Советской Беларуси как объект государственной политики в 1920–1924 гг.** // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 163–165.

В данной статье анализируется становление добровольных общественных организаций (в первую очередь организаций краеведческих, а также и других), основные направления государственной политики по отношению к ним в Советской Беларуси в 1920–1924 гг. Данная политика нашла свое воплощение в документах и постановлениях, регулирующих их общественную деятельность, порядок регистрации, порядок получения разрешения на проведение съездов и т. д., которая оказала существенное влияние на деятельность добровольных общественных организаций в БССР. Решающее значение политика имела в начале 1920-х гг. Постепенно порядок разрешения деятельности организаций менялся в сторону более тщательного контроля, что позволяло органам государственной власти не допускать деятельности неугодных им организаций и антисоветских настроений.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 378.4.016(476.1+476.5):94

Острога, В. А. **Изучение и преподавание всеобщей истории на кафедрах истории Молодечненского и Оршанского учительских институтов** / В. А. Острога // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVII. – С. 166–168.

В статье анализируется создание и развитие исторических кафедр Молодечненского и Оршанского учительских институтов в 1940–1950-х гг. Подчеркивается, что они были относительно значительными научными

ми центрами и имели перспективы для своего развития в регионах. Рассматриваются вопросы развития кадрового потенциала, проблемы совершенствования методики преподавания учебных дисциплин, тематика научно-исследовательской работы сотрудников. Автор анализирует специфику развития каждого института и причины их закрытия. Деятельность учительских институтов прочно вошла в историю Молодечно и Орши, на базе их открыты колледжи.

Библиогр. – 21 назв.

УДК 070(091):947.6

Коваль, О. В. **Общие черты развития белорусской и украинской диаспор в XX в.** / О. В. Коваль // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 169–172.

В статье анализируются общие черты истории белорусской и украинской эмиграции. Отмечается, что белорусские эмигранты стремились налаживать и поддерживать культурные, политические и экономические связи с украинской диаспорой. В данном исследовании рассматриваются особенности и характеристики каждой отдельной волны эмиграции, что позволяет более подробно изучить общие тенденции развития белорусской и украинской эмиграции. Основным историческим источником по изучению данной тематики являются мемуары белорусских и украинских эмигрантов, периодические издания диаспор, исследования по истории эмиграции современных украинских историков.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 329«1921/1939»(476)(091):930(438)(045)

Матусевич, О. А. **Национально-освободительное движение в Западной Беларуси в работах Александры Бергман** / О. А. Матусевич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 173–175.

В статье рассматривается научная деятельность А. Бергман, единственного польского историка периода ПНР, которая целенаправленно и систематически занималась изучением истории леворадикального крыла белорусского национально-освободительного движения. Автор анализирует эволюцию оценок белорусских политических партий в работах А. Бергман, которые определяют тенденции развития польской историографии по этой проблеме. Научное творчество А. Бергман опровергает распространенное мнение о политической тенденциозности партийных историков, поскольку ее публикации свидетельствуют о приоритете для автора национальной идеи над партийными интересами.

Библиогр. – 22 назв.

УДК 329.7:314.151.3(=161.3)

Коледа, И. В. **Национально-культурные объединения белорусов за рубежом и их общественно-политическая ориентация** / И. В. Коледа // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 176–178.

В статье рассматриваются проблемы существования национально-культурных объединений белорусов за рубежом (в России, Украине, странах Балтии, Западной Европы, Америке и Канаде), основные направления их деятельности, их общественно-политическая ориентация. Выявлены определенные меры, предпринимаемые нашим государством в последнее время, для установления более тесных связей с такими организациями. Кроме того, анализируются проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются наши соотечественники, проживая за рубежом, а также причины миграции белорусов (сегодня за пределами РБ проживает 4 млн. белорусов).

Библиогр. – 4 назв.

УДК 947.6-058.232.6«1966/1975»

Зайцева, Н. В. **Развитие системы культурного обслуживания тружеников села в 1966–1975 гг.** / Н. В. Зайцева // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 179–181.

Культурное обслуживание населения – важный аспект всей жизнедеятельности человека. Повышение уровня культурного обслуживания сельских тружеников во многом зависело от укрепления соответствующей материальной базы. Устроенность быта привлекала в такие хозяйства молодежь, доля которой в общем количестве работавших колхозников в этих хозяйствах была относительно высока. Цель данной статьи – исследование и анализ системы культурного обслуживания тружеников села в 1966–1975 гг. В статье использованы данные Национального архива Республики Беларусь и областных архивов, а также материалы статистического сборника «Народное образование, наука и культура в Белорусской ССР».

Библиогр. – 9 назв.

УДК 947.6-058.232.6«1966/1975»

Зайцева, Н. В. **Развитие жилищного строительства в колхозах республики (1966–1975 гг.)** / Н. В. Зайцева // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 182–184.

Образ жизни, производственная активность работников сельского хозяйства, эффективность данной отрасли зависят от уровня развития в сельской местности социальной инфраструктуры, комплексности решения производственно-экономических и культурно-бытовых проблем деревни. Высокий уровень обеспеченности основными производственными фондами и жильем, благоустройство квартир в соответствии с современ-

ными запросами работников – эти факторы, безусловно, объясняли производственные успехи ряда передовых колхозов. Цель данной статьи – исследование и анализ жилищного строительства в колхозах республики в 1966–1975 гг. Работа основывается на данных Национального архива Республики Беларусь, а также на материалах исследований, проводимых ранее.

Библиогр. – 8 назв.

УДК [947.6-15+338.43.02(476-15=38)(091)]«1941/1944»

Козлова, С. Л. **Участие белорусов в советско-японской войне 1945 года: к 65-летию Победы** / С. Л. Козлова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 185–187.

После поражения фашистской Германии правительство Японии продолжало призывать к войне до победного конца. В продолжение своим прежним установкам оно делало попытку переубедить народ в том, что война Германии не имела никаких отношений к войне на Дальнем Востоке и что капитуляция гитлеровцев не отразилась на положении Японии. В статье рассматривается участие белорусов и уроженцев Беларуси в советско-японской войне 1945 г., приводятся примеры их героической борьбы за окончательное прекращение самой кровавой за всю историю человечества войны.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 811.161'373.6

Кузьмич, О. А. **Гражданско-патриотическое воспитание личности как основа идеологического содержания учебно-воспитательного процесса** / О. А. Кузьмич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 188–190.

Данная статья посвящена вопросам ценностных ориентиров воспитательной работы в высшей школе. В частности, подробно рассматриваются такие составляющие воспитательного процесса, как гражданственность и патриотизм. Анализируется опыт кафедры белорусского языка по практической реализации ценностного подхода к воспитанию. В частности, рассматриваются такие факторы гражданско-патриотического воспитания, как педагогическое сотрудничество всех участников воспитательного процесса, содержательное наполнение воспитательной работы, личность самого преподавателя и его гражданская позиция. Формулируются приоритетные общечеловеческие ценности, лежащие в основе идеологического содержания воспитательного процесса.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 378.016-057.875:94«1914/45»

Миксюк, Р. В. **Великая Отечественная война и ее осмысление студенческой молодежью** / Р. В. Миксюк // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 191–193.

В данной статье анализируются научные и творческие работы студентов БГТУ, посвященные Великой Отечественной войне. На материале данных работ показывается роль исторической памяти в гражданско-патриотическом воспитании студенческой молодежи. Разнообразие тем, представленных в студенческих работах, свидетельствует о высокой нравственности обучающихся и их преданности Родине.

УДК 37.091.31:001.895

Жуковская, Т. В. **Проект как одна из инновационных форм организации учебно-воспитательного процесса** / Т. В. Жуковская // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 194–196.

Развитие рационального, критического мышления является одной из общепризнанных в отечественной педагогике образовательных целей. В организации учебно-воспитательного процесса его важность связывается с формированием мыслительных, интеллектуальных умений и навыков, познавательного поиска. Проектный метод помогает решить ряд задач личностно-ориентированной педагогики. В статье проиллюстрирована на практических примерах одна из инновационных форм развития критического мышления – проект, который отражает реализацию личных творческих способностей студентов в процессе поисковой и научно-исследовательской деятельности.

УДК 378.017.4:82

Савицкая, Н. Е. **Литературный клуб как одна из форм идеологического воспитания молодежи** / Н. Е. Савицкая // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 197–199.

В статье рассматриваются вопросы идеологического воспитания студенческой молодежи на современном этапе развития общества. Определяются цели, функции и структура идеологии, освещается деятельность литературного клуба БГТУ «Ветлица» в свете идеологии белорусского государства; уделяется внимание социально-культурной деятельности, которая является универсальным способом ненасильственного развития личности, а также обращается внимание на социализацию студентов.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 808.545-057.875

Мороз, В. К. **Методическая концепция организации и проведения конкурса чтецов в студенческой аудитории** / В. К. Мороз // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 200–202.

Методическая концепция организации и проведения среди студенческой молодежи конкурсов чтцов направлена на расширение диапазона интеллектуальной деятельности, служит активизации патриотических чувств по отношению к родному слову. Технология реализации предложенной концепции предусматривает накопление текстов, осмысление их в соответствии с собственными представлениями, соотнесения усвоенных моральных норм с собственными принципами. Воспитательная направленность выразительного чтения позволяет направить сознание личности за рамки узкоспециальных профессиональных интересов, расширить восприятие мира до общечеловеческих ценностей. Это позволяет через призму национального присоединиться к культурным традициям мира, почувствовать себя в кругу проблем современности.

Библ. – 2 назв.

УДК 82-1:159.937

Федорцова, Т. Н. **Зависимость цвета в поэтических произведениях от временных и объективных архетипов** / Т. Н. Федорцова // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 203–207.

Нашу жизнь невозможно представить без присутствия цвета. Ведь для каждого из нас это еще и мощное информационное поле, насыщенное определенными ассоциациями и символами. Всю цветовую гамму мы воспринимаем с самого рождения, классифицируем ее в соответствии с нашим светоощущением и ассоциативностью. Разнообразие цвета в поэтическом произведении помогает читателю лучше понять художественную деталь и авторский замысел.

Найти не только свое слово, но и свой цвет, как подсветку смысла сказанного, – кредо каждого поэта.

В произведениях белорусских поэтов разнообразные колоронимы чаще используются в пейзажной и интимной лирике.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 81'233'276.6-054.6-057.875

Скоробогатая, Е. И. **Формирование умений и навыков, необходимых для аудирования и говорения по научному стилю речи у иностранных студентов** / Е. И. Скоробогатая // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 208–210.

В статье рассматриваются виды речевой деятельности: аудирование и говорение как необходимые компоненты обучения иностранных студентов русскому языку. Обучение пониманию устной речи на слух считается очень важным аспектом при развитии речевых навыков. Приведены виды упражнений, способствующие формированию умений и навыков аудирования и говорения по научному стилю речи.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 81.232-054.6-057.8

Козлякова, Т. А. **Роль чтения в обучении иностранных учащихся на начальном этапе** / Т. А. Козлякова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 211–213.

В статье рассматривается чтение как вид речевой деятельности. Отмечаются психологические особенности чтения. Анализируются факторы, осложняющие процесс обучения чтению. Подчеркивается роль чтения в формировании словарного запаса. Описываются формы чтения: чтение вслух и про себя, беспереводное и переводное, классное и домашнее. Особое внимание уделено формированию умений при обучении чтению: умений, связанных с техникой чтения; умения выделить в предложении главное и второстепенное; умений, связанных с пониманием содержания текста; умения осмыслить информацию текста.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 811.161.3-122

Мороз, В. К. **Система языковых разночтений в списках первого белорусского летописного свода** / В. К. Мороз // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 214–216.

Рассматривается «Летописец великих князей литовских» на предмет обнаружения фактов лингвистических разночтений. Текст «Летописца», выверенный по спискам первого летописного свода, демонстрирует разнообразие письменно-литературных вариантов по всем уровням языка. Выявленные разночтения выступают в качестве объективного показателя выработки норм древнего белорусского литературного языка.

Библ. – 2 назв.

УДК 811.161.3'06'367-26

Русак, О. В. **Именительный темы как экспрессивное средство в современном белорусском литературном языке** / О. В. Русак // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 217–219.

В статье рассматриваются структура и функции конструкций с именительным темы в современном белорусском литературном языке. Анализируется семантика этих сегментированных конструкций, способы выражения лексических коррелятов, а также стилистический потенциал сегментации в выражении смысловых и эмоциональных оттенков. Отмечается, что в системе средств экспрессивного синтаксиса современного бело-

русского языка конструкции с именительным темы являются важным средством активизации внимания и ассоциаций читателя, способом актуализации авторской позиции.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 81'373'23(476)

Швед, Г. Ф. **Антропонимы Старобинщины** / Г. Ф. Швед // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 220–223.

В статье проанализированы фамилии на Старобинщине, которая находится в центральной части Беларуси. Это дает основание полагать, что специфические признаки и источники для образования фамилий этого региона характерны для фамилий всей Беларуси. Фамилии, как ни один из пластов лексики, тесно связаны с повседневной жизнью и деятельностью человека. Они соединяют эпохи социального и культурного развития, вбирают в себя прошлое и новое.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 82-1:159.937

Гусева, О. Н. **К вопросу о белорусском терминообразовании: продуктивные словообразовательные типы и способы** / О. Н. Гусева // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 224–226.

В статье рассматривается структура словообразовательной системы белорусского языка, основные единицы системы (мотивированное слово, словообразовательное средство, словообразовательный тип и др.); анализируются продуктивные словообразовательные типы и способы. Отдельно рассматриваются пути сокращения («свёртывания») терминов-словосочетаний.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 378.147.091.33:81'243

Антонова, О. С. **Педагогическая технология контроля сформированности иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза** / О. С. Антонова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 227–230.

В статье дано представление об основных аспектах педагогической технологии контроля сформированности иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза и рассмотрены возможности ее интеграции в учебный процесс. Данная технология контроля определяется как совокупность этапов, форм, методов, видов, требований, функций определения и оценки достижений студентов в соответствии с заданной целью формирования и развития ИКК. Подробно описаны некоторые новые способы контроля, соответствующие современным требованиям методической науки: метод бенчмаркинга и цикл Деминга, интерактивные доски (Smart Board). Особое внимание уделено функциям контроля ИКК, педагогическим условиям, необходимым для успешной реализации данной технологии. Приведены некоторые возможности использования парциальной, содержательной и количественной оценки ИКК студентов.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 81'243:378.146:62

Бобрицкая, О. В. **Рейтинговая система оценки знаний студентов по иностранному языку в неязыковом вузе** / О. В. Бобрицкая // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 231–233.

В статье рассматриваются преимущества, а также возможности рейтинговой системы оценки знаний студентов. Наиболее успешно рейтинговая система реализуется на основе модульного построения учебного материала. Применение рейтинговой системы оценки знаний стимулирует познавательную активность студентов, содействует систематическому усвоению знаний, регулярной самостоятельной работе, возникновению заинтересованности во внеаудиторной деятельности. Наиболее важными преимуществами рейтинговой системы являются снижение количество немотивированных пропусков аудиторных занятий, сведение до минимума субъективизма и непредсказуемости в оценке знаний студентов, устранение экзаменационной стрессовой ситуации. Система направлена на глубокое усвоение студентами изучаемого материала и включает оценку работы студентов в семестре, а также ее учет при выставлении итоговой оценки на экзамене.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 811.112.2'37

Коженец, Т. С. **Словообразовательная синонимия в современном немецком языке** / Т. С. Коженец // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 234–236.

Статья рассматривает вопросы словообразовательной синонимии в современном немецком языке. Автор проводит анализ существующих подходов к определению словообразовательных синонимов и раскрытию их сущности и затем формулирует релевантные признаки словообразовательных синонимов. Отдельное внимание уделяется характеристике словообразовательных, лексико-словообразовательных и категориальных синонимов.

Интерес представляет также понятие синонимичности аффиксов, анализ их семантической структуры и условия признания аффиксов синонимичными.

Объектом исследования являются две словообразовательные модели: Ge- + глагольная основа + -e/нуль-суффикс и глагольная основа + -ei/-elei/-ereei, которые находятся в синонимичных отношениях. Предметом исследования являются производные слова моделей в аспекте их семантической корреляции и стилистики их функционирования.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 81'243:37.016:908

Козловская, Н. А. **Страноведческий аспект в обучении иностранному языку** / Н. А. Козловская // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 237–239.

В данной статье автор констатирует тот факт, что известны два основных способа преподнесения страноведческой информации обучающимся: тематический и филологический. Во всех случаях, когда содержание обучения составляет не только страноведческая информация, но и способ ее выражения на изучаемом языке, возникает ряд собственных лингвистических проблем, решение которых, в конечном итоге, направлено на оптимизацию преподавания иностранного языка. В статье подчеркивается, что изучение и сравнение тем, освещаемых в одно и то же время в нашей и зарубежной прессе, проблем, поднятых в них, может послужить источником изучения национальных и моральных ценностей, моделей повседневной жизни, а также будет способствовать разрушению стереотипов и созданию более целостного взгляда на мир как на единое культурное пространство.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 81'243'276.6:378.091-027.45-057.87

Кривопуск, Т. М. **Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов в условиях применения новых информационных технологий обучения** / Т. М. Кривопуск, Е. В. Абрамович // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 240–242.

Статья посвящена вопросам применения современных информационных технологий при осуществлении профессионально ориентированного обучения иностранным языкам в техническом вузе. Особое внимание уделяется изучению условий, способствующих повышению уровня информационной компетентности студентов, формированию у них профессионального мышления на иностранном языке. Определяются проблемы в области применения новых информационных технологий в преподавании данной дисциплины и рассматриваются пути их возможного решения. Предлагаются диагностические методики для анализирования динамики развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов. Даются рекомендации по применению НИТ в учебном процессе. Характеризуются преимущества применения новых информационных технологий по сравнению с традиционными методами обучения в целях дальнейшего совершенствования методики преподавания иностранного языка в техническом вузе.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 37:001.895

Посох, А. В. **Некоторые проблемы педагогической акмеологии** / А. В. Посох, Л. Б. Батина // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 243–245.

Статья рассматривает некоторые проблемы новой междисциплинарной области знаний о системе наук о человеке. Акмеология – это наука, исследующая закономерности самореализации креативных способностей человека в процессе его стремления к высочайшей степени профессионализма; объективные и субъективные факторы, способствующие или мешающие человеку в его достижениях. Педагогическая акмеология изучает пути и методы достижения профессионализма и компетентности в сфере образования. Педагогический профессионализм определяется отношением и активным участием учителей в педагогических новшествах. Инновационная педагогическая деятельность развивается на основе ценностно-рефлексивного взаимодействия. В его основе лежит открытость к новому и готовность к партнерству и общению, которые понимаются как личное проявление творческого стиля работы, умения реализовать новые способы и формы профессиональной деятельности.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 811.112.2'36

Рогова, О. А. **Функциональная категория эвиденциальности в немецком языке** / О. А. Рогова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 246–248.

Статья рассматривает функциональную категорию эвиденциальности в современном немецком языке, посредством которой говорящий маркирует источник полученной им информации. В немецком языке существуют лексические и грамматикализованные средства выражения данной категории. Грамматикализованными элементами могут считаться морфемы и конструкции, которым свойственны эрозия формы, парадигматизация, облигаторизация, синтаксическая конденсация, сращение с другими элементами и/или фиксация порядка слов. К вышеперечисленным конструкциям можно отнести немецкий конъюнктив, модальные глаголы (sollen, wollen) и глагол scheinen. К группе лексических эксплицитных средств относятся глаголы и конструкции, обозначающие акты восприятия и коммуникации. Кроме того, в немецком языке существует ряд так называемых эвиденциальных частиц, обладающих перцептивным и субъективным значением.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 378.1.801.318

Романова, А. М. **Формирование профессионально-творческой направленности студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку** / А. М. Романова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 249–251.

В данной статье рассматриваются процессуальные особенности формирования профессионально-творческой направленности студентов технических вузов средствами дисциплин социально-гуманитарных цикла на основе комплексного применения личностно-ориентированных технологий. В качестве средства развития данной направленности в ходе изучения дисциплины «Иностранный язык» выступает процесс педагогического стимулирования сознания студентов к творческой самореализации. Дается описание предлагаемой модели формирования ПТН в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 37.015.32

Семенчик, М. Н. **К вопросу об обучении иноязычной лексике (психологический аспект)** / М. Н. Семенчик // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 252–255.

В статье анализируются различные подходы к обучению иноязычной лексике. Выделение их преимуществ и недостатков дает возможность выбрать оптимальный вариант либо комбинацию вариантов. Особое внимание автор уделяет методу активизации возможностей личности и коллектива, подробно останавливаясь на принципах и условиях, необходимых для результативной деятельности в вышеуказанной сфере.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 811.133.1'366.587

Сенькова, Т. А. **Проблема вида во французском языке** / Т. А. Сенькова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 256–258.

В данной статье рассматривается проблема вида во французском языке. Обсуждается само существование вида как категории, а также способы его выражения. Именно глагол является основным ядром, которое, обозначая действие, одновременно предполагает и характеристику этого действия с точки зрения его протекания и распределения во времени. Большая роль в этом отводится лексическому наполнению глагола, лексико-грамматической категории способа действия, окружению в контексте. Значительное влияние оказывает и семантика глагольных времен. Анализ способов выражения видовременной категории глагола произведен на примерах, выбранных из старо- и среднефранцузских текстов. Основными методами анализа являются сравнительно-исторический, дистрибутивный, семантический.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 81'243:159.92

Симонова, Т. А. **К вопросу о взаимосвязи интеллекта с иноязычными способностями** / Т. А. Симонова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 259–261.

В статье дается анализ психологической литературы по проблеме соотношения интеллекта и лингвистических способностей. Рассматриваются понятия «интеллект» и «иноязычные способности», различные точки зрения на проблему. Успешность и индивидуальное своеобразие в овладении иностранным языком зависят от доминирования различных компонентов в структуре специальных (иноязычных) способностей: психологических (личностных, мотивационных, когнитивных) и психофизиологических задатков.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 811.111:37.016-043.86

Царенкова, В. В. **Целенаправленное развитие познавательных стратегий на занятиях английского языка** / В. В. Царенкова, С. И. Шпановская // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2009. – Вып. XVII. – С. 262–264.

В статье рассматривается проблема развития познавательных стратегий студентов, которая является ключевой для осуществления личностного развития в рамках образовательной модели. Главным достоинством рассматриваемой технологии является то, что она позволяет развивать способность студентов к обучению в целом, приводит их в конечном итоге к самоорганизации, самообучению, саморазвитию. Исследуя область познавательных стратегий студентов, в статье автор вводит ряд рабочих определений данного понятия, предлагает классификацию стратегий, определяет место познавательных стратегий в структуре личностного опыта, рассматривает основы моделирования образовательной технологии, предлагает технологию целенаправленного развития познавательных стратегий, пути и условия ее реализации.

Библиогр. – 7 назв.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ	3
Полуян И. В. Экологическая ситуация в современном мире и экологическая политика	3
Жарина Л. В. Национальные отношения в БССР в 1920–30-е гг.	6
Борисевич А. Р. Экологическое образование и воспитание в современном понимании	9
Каленикова Т. Г. Формирование ценностных ориентаций у студентов технического вуза	12
Александрович А. П. Основные виды и функции массовых настроений	15
Александрович П. И. Формирование мотивации познавательной деятельности у студентов	18
ФИЛОСОФИЯ	21
Водопьянов П. А. Глобальный эволюционизм как новая парадигма современной науки	21
Бурак П. М. Ноосферный конструктивизм в современном научном познании	28
Сидоренко И. Н. Альтернативные модели модернизации	31
Никулина Ю. В. Теоретико-методологические подходы к исследованию города	34
Шахов Н. П. Глобализация и основные методологические подходы анализа стратификации в Российской Федерации	34
Карпиевич В. А. Методологические подходы к определению принципов государственного управления в чрезвычайных ситуациях	37
Сергеева Е. М. Аспекты правового регулирования государственной молодежной политики в Республике Беларусь в обеспечении права на труд	40
Сокольчик В. Н. Проблема национально-культурной самоидентификации в условиях глобализирующегося мира	43
Севостьянова Н. Г. Философская антропология: конфликт интерпретаций	46
Оришева О. Ф. Философия события А. Бадью	49
Солодка Е. А. Социальное управление как средство перехода к устойчивому развитию	52
Кожич Н. М. Специфика миссионерской деятельности православной церкви в современных условиях	55
Максименко Е. В. Охрана объектов интеллектуальной собственности в законодательстве Республики Беларусь	58
Бородко Н. П. Коррупция и ее общественная опасность	61
Самерсова Н. В. Эколого-гуманитарная образовательная парадигма как основа формирования экологической культуры личности	64
Лазаревич Н. А. Инновационный потенциал биоэтики в развитии современного общества	67
Подручный М. В. Философский анализ методологических оснований изучения биосоциальной эволюции человека	70
Кулис Л. А. Защита интеллектуальной собственности	73
Криворотько В. В. Инновационные аспекты интеграционного мышления в условиях глобализации	76
Карканица О. А. Нравственные аспекты биологической и социальной евгеники	79
Зенькович В. А. О совершенствовании административной ответственности за невыполнение обязанностей по воспитанию детей	83
Бусько И. В. Перспективы культурно-цивилизационной самоидентификации восточнославянских народов в условиях глобализации	86
Габинская А. А. Концепция устойчивого развития общества в контексте глобализации	89
Марук А. Н. Этноконфессиональный фактор в генезисе и развитии техногенной цивилизации	92
Графимович Д. А. Исторический опыт и возможности его использования в процессе социального выбора	95
Овчинникова Н. Н. Интеркультуралистское направление американских исследований и его структура	98
Радюк Ю. Н. Роль культуры в системе коммуникации	101

Асабина Т. Ю. Утопия в исторической перспективе	107
Бородич А. А. Место ценностей в структуре социального действия	
ИСТОРИЯ	110
Сяменчык М. Я. Расійская армія і жыхары Беларусі на злome першай сусветнай вайны	110
Козляков В. Е. Стрекопытовщина	114
Дамарад А. А. Зямельныя адносіны паміж шляхтай і дзяржавай у Вялікім княстве Літоўскім у XIII–XVI стст.	118
Казакoў А. У. Эмігранты з рускіх зямель у Вялікім княстве Літоўскім (сярэдзіна XV – 30-я гг. XVI стст.): сацыяльны склад	122
Кручак П. С. Ліберальны накірунак у беларускай гістарыяграфіі ў другой палове XIX – пачатку XX стст.	126
Восович С. М. Библиотечная деятельность православных братств Беларуси в 1865–1914 гг.	129
Астрога В. М. Фарміраванне настаўніцтва як сацыяльнай групы (другая палова XIX – пачатак XX стст.)	133
Наркевіч Н. І. Развіццё дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва Беларусі ў пачатку XX ст.	137
Дзядзюля П. В. Першая сусветная вайна і інтэлігенцыя Беларусі	140
Рыжанкоў І. М. Галоўны і губернскае зямельныя камітэты на завяршальным этапе падрыхтоўкі аргарнай рэформы: па матэрыялах Беларусі	143
Сцебурака У. М. Трансфармацыя органаў улады пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. на Беларусі	147
Сцебурака У. М. Дзейнасць расійскіх ваенных уладаў напярэдадні і ў першыя месяцы Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. на Беларусі	151
Якуш Н. М. Рэвалюцыйная і пралетарская культура Савецкай Беларусі ў 1920–30-я гг.: ідэйная аснова і творчыя пошукі	155
Райчонак А. А. Падыходы прадстаўнікоў беларускага замежжа да пытання аб увасабленні беларускай дзяржаўнасці ў сярэдзіне 20-х гг. XX ст.	159
Дзянісаў А. У. Добраахвотныя грамадскія арганізацыі ў Савецкай Беларусі як аб’ект дзяржаўнай палітыкі ў 1920–1924 гг.	163
Астрога В. А. Вывучэнне і выкладанне ўсеагульнай гісторыі на кафедрах гісторыі Маладзечанскага і Аршанскага настаўніцкіх інстытутаў	166
Коваль В. У. Агульныя рысы развіцця гісторыі беларускай і ўкраінскай дыяспар у XX ст.	169
Матусевіч О. А. Национально-освободительное движение в Западной Беларуси в работах Александры Бергман	173
Каляда І. У. Нацыянальна-культурныя аб’яднанні беларусаў за мяжой і іх грамадска-палітычная арыентацыя	176
Зайцева Н. В. Развитие системы культурного обслуживания тружеников села в 1966–1975 гг.	179
Зайцева Н. В. Развитие жилищного строительства в колхозах республики (1966–1975 гг.)	182
Казлова С. Л. Удзел беларусаў у савецка-японскай вайне 1945 года: да 65-годдзя перамогі	185
ФИЛОЛОГИЯ	188
Кузьміч В. А. Грамадзянска-патрыятычнае выхаванне асобы як аснова ідэалагічнага зместу вучэбна-выхаваўчага працэсу	188
Міксюк Р. В. Вялікая Айчынная вайна і яе асэнсаванне студэнцкай моладдзю	191
Жукоўская Т. У. Праект як адна з інавацыйных форм арганізацыі вучэбна-выхаваўчага працэсу	194
Савіцкая Н. Я. Літаратурны клуб як адна з форм ідэалагічнага выхавання моладзі	197
Мароз В. К. Метадычная канцэпцыя арганізацыі і правядзення конкурсу чытальнікаў у студэнцкай аўдыторыі	200
Федарцова Т. М. Залежнасць колеру ў паэтычных творах ад часавых і аб’ектных архетыпаў	203
Скоробогатая Е. И. Формирование умений и навыков, необходимых для аудирования и говорения по научному стилю речи у иностранных студентов	208
Козлякова Т. А. Роль чтeния в обучении иностранных учащихся на начальном этапе	211

Мароз В. К. Сістэма моўных розначытанняў у спісах першага беларускага летапіснага зводу	214
Русак В. У. Назоўны тэмы як экспрэсіўны сінтаксічны сродак у сучаснай беларускай літаратурнай мове	217
Швед Г. Ф. Антрапонімы Старобіншчыны	220
Гусева В. М. Да пытання аб беларускім тэрмінаўтварэнні: прадуктыўныя словаўтваральныя тыпы і спосабы	224
Антонова О. С. Педагогическая технология контроля сформированности иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза	227
Бобрицкая О. В. Рейтинговая система оценки знаний студентов по иностранному языку в неязыковом вузе	231
Коженец Т. С. Словообразовательная синонимия в современном немецком языке	234
Козловская Н. А. Страноведческий аспект в обучении иностранному языку	237
Кривопуск Т. М., Абрамович Е. В. Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов в условиях применения новых информационных технологий обучения	240
Посох А. В., Батина Л. Б. Некоторые проблемы педагогической акмеологии	243
Рогова О. А. Функциональная категория эвиденциальности в немецком языке	246
Романова А. М. Формирование профессионально-творческой направленности студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку	249
Семенчик М. Н. К вопросу об обучении иноязычной лексике (психологический аспект) ...	252
Сенькова Т. А. Проблема вида во французском языке	256
Симонова Т. А. К вопросу о взаимосвязи интеллекта с иноязычными способностями	259
Царенкова В. В., Шпановская С. И. Целенаправленное развитие познавательных стратегий на занятиях английского языка	262
РЕФЕРАТЫ	265

Научное издание

Труды Белорусского государственного
технологического университета

Серия V

ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Выпуск XVII

Редактор *О. П. Соломевич*
Компьютерная верстка *Д. С. Семизен, О. В. Трусевич*

Подписано в печать 01.09.2009. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 33,0. Уч.-изд. л. 36,6.
Тираж 90 экз. Заказ .

Учреждение образования
«Белорусский государственный технологический университет».
220006. Минск, Свердлова, 13а.
Свидетельство № 1995 от 27.02.2003.
ЛИ № 02330/0549423 от 08.04.2009.

Отпечатано в лаборатории полиграфии учреждения образования
«Белорусский государственный технологический университет».
220006. Минск, Свердлова, 13.
ЛП № 02330/0150477 от 16.01.2009.